

ПАУЛЬ
КАРЕЛЬ
ГЮНТЕР
БЕДДЕКЕР

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

КНИГА III

СТАЛИНГРАД

Крах операции «Блау»

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Вермахт за колючей проволокой

ВОЙНА ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ

ПАУЛЬ КАРЕЛЬ • ГЮНТЕР БЕДДЕКЕР

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

КНИГА III

СТАЛИНГРАД

Крах операции "Блау"

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Вермахт за колючей проволокой

МОСКВА
2008

СТАЛИНГРАД
КРАХ ОПЕРАЦИИ «БЛАУ»

НЕМЕЦКИЕ
ВОЕННОПЛЕННЫЕ
ВЕРМАХТ ЗА КОЛЮЧЕЙ
ПРОВОЛОКОЙ

УДК 355/359
ББК 63.3(0)62
К 22

PAUL KARELL
GÜNTER BÖDDEKER

Stalingrad. Sieg und Untergang der 6. Armee
Die Gefangenen

Перевод с немецкого С. Гукова, С. Липатова

Карель П., Беддекер Г.

К 22 Восточный фронт. Книга III. Сталинград. Крах операции «Блау». Военнопленные. Вермахт за колючей проволокой / Пауль Карель, Гюнтер Беддекер; [пер. С. Гукова, С. Липатова]. — М.: Эксмо, 2008. — 592 с.: ил. — (Вторая мировая война глазами немцев).

УДК 355/359
ББК 63.3(0)62

© 2003 by F. A. Herbig Verlagsbuchhandlung
GmbH. München
© 2003 by F. A. Herbig Verlagsbuchhandlung
GmbH. Munich
© Перевод. С. Гуков, 2005
© Перевод. С. Липатов, 2004
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ISBN 978-5-699-25472-9

ПАУЛЬ КАРЕЛЬ

СТАЛИНГРАД
КРАХ ОПЕРАЦИИ «БЛАУ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно писать историю проигранной войны, вошедшей в анналы истории как преступная и захватническая. Это касается прежде всего Сталинградской битвы, длившейся 180 дней и закончившейся поражением и гибелью целой немецкой армии. Свыше 100 000 солдат и офицеров попало в плен, и лишь 6000 из них вернулось на родину.

Вновь и вновь встает вопрос, что означает эта битва, этот поворотный пункт в войне с позиций сегодняшнего дня и какие уроки следует извлечь из этого события? Только одно это обстоятельство явилось бы достаточным основанием для изучения этой битвы, для рассмотрения ее как исторического факта: как сложились предпосылки для него, как все это было на самом деле, каков был ход событий.

Кроме того, в течение последних 50 лет произошла своего рода переоценка ценностей и стала доступной новая информация вследствие изучения доселе неизвестных источников, в том числе и советских.

Мемуары советских военачальников и публикации русских историков проливают свет, например, на то, каким отчаянным, критическим, как на острие ножа, было положение советской стороны в ходе немецкого летнего наступления 1942 года, в том числе в Сталинграде, какие решающие уроки советское Верховное командование извлекло из германской стратегии блицкрига (молниеносной войны), как и какими средствами твердые, как сталь, молодые русские генералы справлялись с кризисными ситуациями оперативного масштаба и как русский солдат держался в совершенно невероятных условиях, неся гигантские потери. Как стало возможным то, что сталинская Красная Армия, ее солдаты и офицеры так самоотверженно и беззаветно сражались. Как стало возможным то, что соединения Вермахта и его солдаты и офицеры даже на третьем году войны сражались столь мужественно перед лицом смерти, были верны воинскому долгу и шли на смерть.

Если после войны сыновья павших еще со жгучим интересом и изумлением спрашивали о том, каковы были события, в которых участвовали их отцы, то для внуков Сталинградская битва уже ассоциируется с понятием «разбойничья война» Гитлера с ужасающим количеством жертв. Но эти ассоциации в такой же степени лишены деталей и подробностей, в какой степени лишена была для автора во времена его юности деталей и подробностей битва под Ватерлоо, приведшая Наполеона к краху.

Но не должно ли военное событие, имя которому — Сталинград и которое стало судьбоносным явлением для немецкой и мировой истории, вновь стать объектом исследования для того, чтобы всем нам обрести, наконец, способность выносить правильные суждения? Ведь история этой битвы является составной частью летописи нашего народа. И ее невозможно подменить инквизицией, как сформулировал Вальтер Герлиц, патриарх летописи Второй мировой войны. Делать проигранную битву и жестокость этой войны примером, которым осуждают самоотверженность и доблесть солдат, было бы нечестным и противоречило бы истории.

Поэтому Сталинград следует признать не только следствием утопической стратегии Гитлера, но также и осознать, что совершили части и соединения Вермахта в совершенно безвыходных ситуациях 50 лет тому назад. Осознать все то, что смогли выдержать, выстрадать, вынести те 19-летние, 20-летние, 30-летние и 40-летние солдаты, унтер-офицеры и офицеры, наши отцы и деды. Все это для многих наших современников представляется сегодня непонятным, тем не менее оно заслуживает уважения. Заслуживает уважения, а не отношения к этому как к преступлению. Солдатская доблесть и выучка, проявившиеся в ходе реализации операции «Блау» на маршах, в боях и сражениях в раскаленной степи на 30-градусной жаре, в снежных сугробах, на 30-градусной стуже, на перевалах Кавказа, на старых высокогорных дорогах Азии в ходе штурмов субтропических долин, в ходе форсирования стремительных горных рек, в ближнем бою, под градом пуль и снарядов, в лабиринтах разбитых домов и крепостных сооружений, — все это стало возможным благодаря привитым высшим ценностям, таким, как воинский долг, дисциплина, мужество, боеготовность, чувство локтя и солдатской дружбы. Могут ли все эти качества реализоваться сегодня, в наш век? То, что эти высшие солдатские доблести и качества, а именно чувство воинского долга и воинская дисциплина, стали причиной гибели 6-й армии в Сталинграде и ключевой проблемой, не заключалось в них самих, а коренилось в диктаторской структуре национал-социалистического государства и в принципах руководства Вермахтом.

Все это является достаточным основанием для того, чтобы отдать должное судьбоносной битве, ее ошибкам и жестокости, чтобы понять, как говорил Клаузевиц, «как все это произошло и снова может повториться».

Сталинградская прелюдия

План «Блау»: Кавказ и нефть

Генерал-полковник Гальдер отправляется в «Волчье логово» — Директива фюрера № 41 — План «Блау» — Открытие фронта в Крыму — Неудачный Дюнкерк русских — Одноклиновые танковые «клещи» Клейста — Дорога смерти — 239 000 пленных

Автомобиль генерал-полковника Гальдера выехал из леса Мауэрвальд в Восточной Пруссии, где располагалась хорошо замаскированная штаб-квартира Главного командования сухопутных войск, на шоссе, ведущем в Растенбург. Сильный весенний ветер, словно буря, бушевал в кронах вековых буков. Сила этого ветра вздымала и вспенивала волны озера Мауэрзее так, что облака нависали низко над землей. И кажется, что они испарываются высоким каменным крестом, венчающим солдатские кладбища в Летцене.

Вторая половина дня 28 марта 1942 года. Генерал-полковник Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных войск, следовал к Гитлеру в его ставку «Волчье логово», замаскированную в лесах под Растенбургом. Его адъютант держал на коленях папку с документами. В этот час это была самая ценная папка в мире. В ней находился план военных действий германского Генерального штаба на 1942 год: наступательные операции с целью окончательного разгрома Красной Армии на Южном фронте — план «Блау», директива фюрера № 41.

Гальдер еще раз мысленно взвешивал свои предложения. В течение нескольких недель он переработал идеи, мысли и пожелания, которые Гитлер как главнокомандующий сухопутными войсками и Верховный главнокомандующий Вермахта высказывал в течение последнего времени в ходе ежедневных обсуждений положения на

фронтах, вылившихся в настоящий проект. Ядром этого плана военной кампании на 1942 год должно было стать крупное наступление на южном участке фронта в направлении на Кавказ. Цель наступления — уничтожение главных сил русских между реками Донец и Дон, овладение перевалами Кавказа и, наконец, захват гигантских каспийских нефтеносных районов.

Начальник Генштаба был не в восторге от предлагаемого плана. Его переполняли сомнения по поводу того, что крупное немецкое наступление вообще возможно после больших потерь, понесенных в ходе зимней кампании 1942 года. Германское Главное командование и Генеральный штаб сухопутных войск в конце марта все еще ощущали тяжесть кризисной ситуации.

На Волхове еще не была полностью разгромлена армия генерала Власова. Войска под командованием графа Брокдорф-Аленфельда все еще находились в Демянском котле. Еще не была освобождена из котла под Холмом боевая группа Шерера. В районе Дорогобуж — Ельня, что всего в 40 км восточнее Смоленска, все еще доминировало кризисное настроение. Здесь действовали советские войска силами одной армии, одного гвардейского кавалерийского корпуса и одного воздушно-десантного корпуса.

Но это были далеко не все тревоги и заботы, удручавшие начальника Генерального штаба сухопутных войск в конце марта 1942 года. В Крыму, на подступах к Севастополю, застрял Манштейн со своей 11-й армией, а в январе русским даже удалось отвоевать Керченский полуостров. Но хуже всего обстояли дела под Харьковом. С середины января здесь шли ожесточенные бои. Советское Верховное командование старалось изо всех сил взять в клещи Харьков. Южная часть клещей, а именно 57-я советская армия, взломала немецкий фронт на реке Донец по обе стороны Изюма на участке фронта шириной 80 км. Советские дивизии уже создали здесь плацдарм глубиной в 100 км. Передовые части наступающих советских войск угрожали Днепропетровску, центру снабжения группы армий «Юг».

Станут ли вклинившиеся советские войска инструментом прорыва с непредсказуемыми последствиями — это зависело от того, смогут ли быть удержаны оба «краеугольных камня» севернее и южнее места вклинения — Балаклея и Славянск. Здесь вот уже несколько недель батальоны двух немецких пехотных дивизий вели поистине легендарные оборонительные бои. От исхода этих боев зависело дальнейшее развитие ситуации на всем южном участке фрон-

та. Берлинская 257-я пехотная дивизия удерживала Славянск, венская 44-я пехотная дивизия — Балаклею.

В кровопролитных боях берлинские полки обороняли южный фас Изюмской дуги. Боевая группа под командованием полковника Драббе сражалась смело и маневренно за нищие деревни, колхозы и хутора так, что даже самые сдержанные по тону военные сводки не могли скрыть своего удивления по поводу успехов немецких войск. Деревня Черкасская стала кровавым символом этих боев. За 11 дней боевая группа Драббе потеряла здесь половину от своего тысячного состава. 600 бойцов удерживали фронт круговой обороны протяженностью в 14 км. Советы потеряли здесь 1100 солдат убитыми. В конце концов им все-таки удалось взять эту деревню, но она стоила им боевой мощи пяти полков.

Прежде чем генерал-полковник в полдень 28 марта отправился из своей ставки в «Волчье логово», он приказал представить ему боевые донесения из штаба пехотной дивизии о боях, ведущихся на протяжении вот уже 70 дней. Эта дивизия должна была быть упомянута в сводках Вермахта, так как немецкие полки разгромили три советские стрелковые и одну кавалерийскую дивизию. Разумеется, и собственные потери свидетельствовали об ожесточенности боев: 652 убитых, 1663 раненых, 1689 обмороженных, 296 пропавших без вести — всего 4300 человек личного состава. Это составило половину общих потерь, которую дивизия под Славянском понесла за 10 месяцев войны на Восточном фронте.

В северном секторе Изюмского прорыва, в районе Балаклеи, вела бои венская 44-я пехотная дивизия. Она удерживала фронт протяженностью 100 км. И на всем этом участке наступал целый советский корпус, усиленный танковыми подразделениями и дивизионами реактивных установок.

Душой обороны были и здесь боевые группы и их командиры. То, что выдержала боевая группа под командованием полковника Бойе, командира 134-го пехотного полка, сражавшегося в лучших немецких традициях, на решающих участках прибрежных высот Балаклеи, овеваемых ледяными ветрами, может быть причислено к легендарным событиям войны на Восточном фронте.

Борьба шла за деревни и отдельные хутора, то есть практически за ночлег, так как при 40-градусном морозе дом с протопленной печкой, где можно было немного поспать, был вопросом жизни и смерти. Немцы цеплялись за деревни, русские же пытались выбросить их оттуда, поскольку они также хотели выйти из своих снежных

укрытий, где сосредотачивались для проведения атак, и найти место под крышей, в теплом углу, чтобы, не боясь замерзнуть, подремать с часок.

Итак, для солдата война велась ради элементарных, жизненно важных вещей. Как немцы, так и русские сражались из последних сил. Обе стороны хотели овладеть Балаклеей и деревнями к северу от нее ради теплых домов, а также по стратегическим соображениям. Если бы важная в стратегическом отношении Балаклея и высоты, с которых можно было контролировать дороги, ведущие на Запад, были потеряны, то Тимошенко в этом случае получил бы возможность превратить вклинение под Изюмом в стратегически крупный прорыв в направлении на Харьков.

Но Балаклея пока держалась. К северу от нее опорный пункт № 5 попал под такие массированные атаки противника, что вряд ли мог быть удержан. Батальон оборонялся до последнего солдата, отражая атаки советских танковых частей. Здесь пал в бою также лейтенант фон Хаммерштейн, племянник бывшего командующего сухопутными войсками Экворда фон Хаммерштейна.

Подобные Хаммерштейну молодые, беззаветно преданные своему делу офицеры были стержнем в ожесточенных оборонительных боях. Вместе с прошедшими все огни и воды бесстрашными унтер-офицерами и ефрейторами они составляли малые боевые группы, которые почти всегда добивались невероятных результатов.

Насколько ожесточенными были бои на участке фронта под Балаклеей, свидетельствует, в частности, тот факт, что сам полковник Бойе и его штаб неоднократно вынуждены были драться в ближнем бою с пистолетами и ручными гранатами в руках.

Это были действительно ужасные бои. Характерным для них было то, что почти всегда их исход зависел от каждого отдельного бойца. Впрочем, также и успешно проведенные немецкие оборонительные сражения зимой и весной 1942 года, по существу, зависели от действий каждого отдельного солдата. В то время, по крайней мере, немецкие солдаты превосходили по опыту и боевому духу русских. Только этим можно объяснить удивительные успехи, которых немецкие солдаты добивались, полагаясь исключительно на самих себя, на всех участках фронта от Шлиссельбурга до Севастополя над численно превосходившим и лучше вооруженным противником.

Тяжелые бои в районе Харькова признаются всеми выдающимся образцом мужества, бесстрашия и тактического искусства. В марте здесь сражалась берлинская 3-я танковая дивизия в качестве сво-

его рода «пожарной команды», спасая положение на угрожаемых участках фронта. Фельдфебель Эрвин Дрегер удерживал с пятнадцатью солдатами участок фронта шириной в 2 км. Разумеется, это стало возможным только благодаря особой тактике, которую выработал Дрегер, а также стальным нервам его солдат, которые все были опытными, закаленными бойцами Восточного фронта. Дрегер вооружил каждого из своих бойцов трофейным пулеметом, и еще три пулемета у него оставалось в резерве — на всякий случай.

Образовав дугу, солдаты Дрегера расположились на местности глубоко эшелонированным порядком фронтом к лесу, из которого русские непрерывно проводили свои атаки. Именно здесь советские передовые подразделения намеревались предпринять прорыв. Его предстояло реализовать 17 марта. Около 10 часов 30 минут русские силами батальона начали наступление. Дрегер со своими людьми занял позицию в центре, то есть в самой глубокой точке своей оборонительной линии. Русские подходили все ближе и ближе; но с немецкой стороны не прозвучало ни одного выстрела. Дрегер приказал своим солдатам строго-настрого: «Ждать, пока я не открою огонь!» Передовые подразделения противника подошли уже на 50 метров, когда Дрегер выпустил из своего пулемета первую очередь. Поскольку удар противника был нацелен точно в середину оборонительной линии, его удалось отразить охватом. Под эффективным огнем с обоих флангов русское наступление захлебнулось через 20 минут.

Русские предпринимали свои атаки пять раз в течение 14 часов. Пять раз терпели их батальоны поражение, откатываясь под массированным пулеметным огнем группы Дрегера. 16 решительных бойцов давали отпор противнику, численно превосходившему их более чем в 100 раз.

Однако через три дня война «взяла» и Дрегера. Он со своим взводом в конце концов был выдвинут из удерживаемой им деревни. Но при ледяном холоде его людям был необходим на ночь дом, каморка или подвал, по крайней мере на пару часов, чтобы спастись от мороза и ледяного ветра. Дрегер хотел захватить колхоз внезапным броском, но был сражен автоматной очередью. Его люди оттащили его назад в тыл и укрыли за стогом соломы. Дрегер стучал заколоченными ладонями, чтобы согреться. При этом он продолжал прислушиваться к тишине морозной ночи. Обычно не привыкший говорить громкие слова, на этот раз он тихо сказал своим боевым друзьям: «Слышите, смерть стучит уже своей косою!» Затем он умер.

Историю о фельдфебеле Дрегер генерал-полковник Гальдер не знал. Но содержание боевых донесений, поступавших из-под Балаклеи 28 марта, он точно сохранил в своей памяти. 13 февраля он отправил их Йодлю для включения их в сводки Вермахта. 14 февраля венцы были упомянуты в сводках впервые. С тех пор уже прошло 6 недель. Советское наступление в целом было сорвано благодаря поразительным успехам войск, достигнутым в узловых точках Изюмской дуги. Но даже если оставаться оптимистичными и исходить из того, что вскоре и этот очаг войны, так же как и другие, мог бы быть устранен полностью, все же оставался правомерным вопрос: не лучше ли было бы ввиду больших потерь на всем Восточном фронте сделать паузу также в боевых действиях группы армии «Юг» с тем, чтобы русские начали наступление первыми, а наши войска измотали бы их в обороне и обескровили бы тем самым их резервы.

Это был вопрос, который генерал-полковник Гальдер задавал вновь и вновь себе и своим офицерам в ходе планирования боевых операций на 1942 год.

Но начальник оперативного отдела штаба, генерал-майор Хойзингер, указал на то, что вследствие такой тактики возможна потеря инициативы и огромного количества времени. Время все же работало на русских и на западных союзников, которые собирались мобилизовать свои гигантские резервы в том числе и для помощи русским. Если это вообще было бы возможно, то, по мнению Хойзингера, следовало бы как можно скорее попытаться поставить Красную Армию на колени.

Гальдер согласился с этим аргументом. Но в этом случае, по его мнению, следовало бы начать новое наступление на Москву, сердце Советского Союза.

Но именно против этого варианта Гитлер сопротивлялся изо всех сил. Должно быть, он все еще помнил ужас, который испытал под Москвой. Он хотел предпринять на этот раз нечто другое. После неудачного опыта прошлого года на Центральном фронте он хотел теперь найти решение на юге — отнять у Сталина кавказскую нефть и нанести удар по Ирану. Африканский корпус Роммеля также был вовлечен в реализацию этого плана. «Лис пустыни», который как раз в это время готовил свое наступление из Киренаики на позиции британцев под Газалой, а также против Тобрука, главного пункта британской обороны в Северной Африке, должен был пробиться к Персидскому заливу по территории Египта и через Аравийскую пустыню. В этом случае Иран был бы нейтрализован в качестве второй

большой американской базы подвоза и снабжения для Красной Армии. Первой по значимости был Мурманск — место встречи русских и англичан. И тогда не только русские, но и более богатые арабские нефтяные месторождения оказались бы в руках немцев: Марс был провозглашен богом военной экономики.

Автомобиль Гальдера остановился перед шлагбаумом у ворот № 1, запретной зоны № 1 у «Волчьего логова», собственной резиденции фюрера. Охрана отдала честь. Шлагбаум поднялся. Узкая гудронированная дорога вела к лесной крепости Гитлера. Низкие бетонные бараки с маскировочной окраской и засаженными на плоских крышах растениями хорошо укрыты среди высоких буков. Даже с борта самолета их невозможно заметить. Повсюду по округности местность герметически изолирована. Она защищена заграждениями из колючей проволоки и минными полями. Дороги блокированы постами. Небольшая тупиковая железнодорожная линия законсервирована и используется только для нужд Геринга, командный пункт которого находился южнее Растенбурга, недалеко от озера Шпирдингзее, в Йоханисбергском лесу.

Генерал-полковник Йодль однажды сказал, что «Волчье логово» представляет собой смесь концентрационного лагеря и монастыря. Во всяком случае, это был спартанского типа походный лагерь, претерпевший в условиях военного времени лишь одно изменение, а именно: Гитлер превратил ночь в день, работая до двух, трех и даже четырех часов утра, и отсыпался затем очень долго. Его ближайшее окружение волей-неволей вынуждено было приспособливаться к этому ритму жизни. Гальдер проехал мимо узла связи шефа пресс-службы рейха. Справа от него находился узел телефонной и радиосвязи, неподалеку от него — штаб-квартиры Йодля и Кейтеля. Слева от дороги разместились Борман и служба безопасности. Наконец, на опушке леса показался барак фюрера, который дополнительно был огражден высокой проволочной изгородью. Вместе с Блонди, овчаркой Гитлера, эта проволочная сетка являлась последним препятствием перед спартанским обиталищем Гитлера в Растенбургском лесу.

Гитлер собрал на совещание 28 марта только узкий круг командования Вермахта: кроме Кейтеля, Йодля и Гальдера были приглашены также полдюжины высоких чинов, представлявших все три вида вооруженных сил. Они стояли или сидели на деревянных табуретах вокруг дубового стола с картами. Гитлер находился в середине длинной стороны стола, а прямо напротив него, на узкой стороне стола — начальник Генерального штаба.

Слово было предоставлено Гальдеру, и он начал излагать свой план под кодовым наименованием «Блау». Первоначально этот план должен был называться «Зигфрид», но Гитлер не хотел более использовать имена героев германского эпоса в качестве названий для своих военных операций, поскольку это обязывало его ко многому, а название «Барбаросса» выглядело теперь уже не таким удачным.

Гитлер постоянно перебивал Гальдера, задавая ему вопросы о деталях. Таким образом, обсуждение доходит до мельчайших подробностей, но через три часа Гитлер одобрил этот план, заключавшийся в следующем.

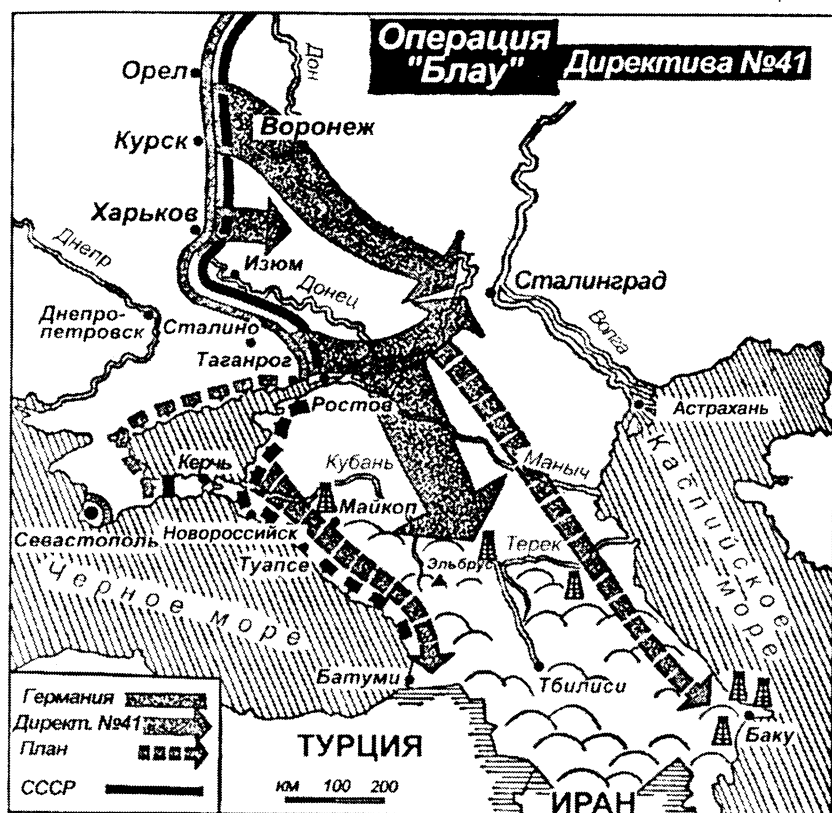
Первый этап: две армейские группировки образуют мощные «клещи». Войска северной части «клещей» наносят удар из района Курск — Харьков вдоль Дона в его среднем течении в направлении на юго-восток, в то время как войска южной части «клещей» из района Таганрога форсированным маршем выдвигаются прямо на восток. Обе армейские группировки соединяются западнее Сталинграда, смыкают «клещи» вокруг советских главных сил между Донцом и Доном и уничтожают их.

Второй этап: рывок на Кавказ, высокогорную местность протяженностью 1100 км, расположенную между Черным и Каспийским морями, и овладение кавказскими нефтеносными районами.

Город Сталинград на Волге не представлял собой согласно плану «Блау» оперативной цели. Вопрос о том, овладеть ли Сталинградом или «подвергнуть его воздействию нашего тяжелого оружия» с тем, чтобы он утратил свое значение как центр военной промышленности и транспортный узел, был оставлен открытым.

В полдень Гальдер снова выехал из «Волчьего логова» и направился в Мауэрвальдский лес. Начальник Генерального штаба устал, он был разбит, полон сомнений и огорчен возражениями Гитлера. Однако он верил в то, что ему удалось склонить Гитлера в пользу реализации своего плана, такого плана, который позволит сохранить силы немецких войск и постепенно достичь поставленных на южном фронте целей, имея четко обозначенные узловы задачи. Если этот план удастся, то тогда Сталин потеряет весь Кавказ, включая Астрахань и устье реки Волги, то есть перешеек и водный путь в Иран. Цель плана «Барбаросса» на юге советско-германского фронта будет в этом случае достигнута.

Теперь оставалось только облечь все это в форму четких приказов в адрес командующих группировками Вермахта.

Посредством операции «Блау», летнего наступления 1942 г., Гитлер надеялся добиться решительного перелома на южном участке Восточного фронта. Предполагалось окружить советские войска западнее Сталинграда, взяв их в гигантские «клещи», после чего начать продвижение к кавказским нефтяным месторождениям.

Спустя семь дней, 4 апреля 1942 года, генерал-полковник Йодль положил на стол проект приказа. Штаб Вермахта решил эту задачу в соответствии с традициями Генерального штаба: коротко излагалось положение на фронтах, цели наступления формулировались как боевые задачи и, таким образом, реализация гигантских операций передавалась под ответственность командующему группой армий «Юг» фельдмаршалу фон Боку. Такова была зарекомендовавшая себя в течение 130 лет традиция Генштаба от Шарнгорста до Шлиффена и Людендорфа.

Но уже в этом пункте версия Верховного командования Вермахта относительно операции «Блау» терпела неудачу. Из-за неудач зим-

ней кампании Гитлер потерял веру в своих генералов. Командующие армиями и командиры корпусов показали, что отчасти они исполняли его приказы, преодолевая внутреннее сопротивление. Теперь Гитлер принял на себя главное командование сухопутными войсками. Он не соглашался на то, чтобы его полномочия командующего были сужены вследствие гибко сформулированных задач кампаний.

После того как Гитлер прочитал проект приказа, он отказался его одобрить. План давал командующему группой армий «Юг» слишком большую свободу действий. Он, Гитлер, даже и слышать не хотел о гибких формулировках приказов.

Гитлер требовал детальной формулировки. Он хотел видеть диспозицию и ее выполнение точно сформулированными. Когда Йодль попытался что-то негромко возразить, Гитлер забрал у него документы со словами: «Я сам займусь этим». На следующий день результат его трудов лежал на столе в виде 10 машинописных страниц: директива фюрера № 41 от 5 апреля 1942 года. Наряду с планом «Барбаросса», директивой № 21, это был самый судьбоносный документ Второй мировой войны, представлявший собой комбинацию из оперативного приказа, основополагающих решений, правил реализации и предписания относительно секретности.

Поскольку в этой директиве речь шла не только о плане гигантской военной кампании, а прежде всего о графике выхода к Сталинграду, то есть по сути о документе, в котором речь идет о решающем переломе в войне, автор считает здесь уместным процитировать наиболее важные ее фрагменты.

Уже в преамбуле излагается рискованный тезис: «Зимняя кампания в России подходит к своему концу. Противник понес тяжелейшие потери в живой силе и технике». Это было верно. Но вывод: «В своем стремлении использовать мнимые успехи начального периода противник полностью израсходовал в эту зиму массу своих резервов, предназначенных для более поздних по времени операций» — был неверен. Как раз в тот момент, когда основные контуры большого наступления были зафиксированы на бумаге, Сталин в своей гигантской империи собирался чудом сотворить из ничего новые армии и целый ряд других самостоятельных крупных соединений — всего порядка 80 дивизий.

На основании этой ошибочной оценки приказ гласил: «Как только позволят погодные условия и состояние местности, необходимо будет использовать исключительное превосходство германско-

го командования и германских войск с тем, чтобы снова вернуть себе инициативу в действиях и навязать противнику свою волю.

Цель заключается в том, чтобы окончательно уничтожить еще остающуюся у Советов волю к сопротивлению и лишить их, насколько это возможно, важнейших экономических источников для ведения войны».

В отношении реализации планов формулировка гласила: «Соблюдая основные характеристики Восточной военной кампании, необходимо прежде всего объединить все наличные силы для проведения основной операции на южном участке фронта, имея целью уничтожить противника перед рекой Дон и затем овладеть нефтеносными районами на Кавказе и самой Кавказской горной системой».

По поводу оперативного руководства кампанией директива продолжала: «Первой задачей сухопутных войск и Люфтваффе после завершения периода весенней распутицы будет являться создание предпосылок для проведения главной операции.

Это требует зачистки и укрепления позиций войск по всему Восточному фронту, также в тыловых районах сухопутных войск.

Следующими задачами являются зачистка в Крыму Керченского полуострова и овладение Севастополем».

Основную проблему этого масштабного наступления представляла растянутость фланга на Дону. Чтобы исключить исходившую из этого обстоятельства опасность, Гитлер принял роковое решение, которое спровоцировало катастрофу под Сталинградом. Он приказал, в частности, следующее: «Для обеспечения все более удлиняющегося в ходе этой операции Донского фронта привлекаются в первую очередь войска союзников... Их боевое применение следует организовать таким образом, чтобы на крайнем северном участке фронта оперировали венгерские войска, далее за ними — итальянские войска и на крайнем юго-востоке — румынские войска».

Это решение основывалось на политических резонах, так как и глава румынского государства, маршал Антонеску, и итальянский дуче Муссолини, исходя из соображений национального престижа, требовали самостоятельного боевого применения своих воинских частей и соединений.

Реализация крупномасштабного плана начиналась с операции «Охота на дроф» в Крыму. Советский военный историк полковник П.А. Жилин пишет в своей книге «Важнейшие операции Великой Отечественной войны» о ситуации в Крыму весной 1942 года сле-

Три советские армии в составе семнадцати стрелковых дивизий, двух кавалерийских дивизий, трех стрелковых и четырех танковых бригад заблокировали узкую полосу земли шириной 18 км — Парпачский перешеек, обеспечивавший выход из Крыма на Керченский полуостров. Керчь, в свою очередь, была трамплином для прыжка в восточную часть Черноморского побережья, а оттуда — в предполье Кавказа.

Каждый километр этого решающего участка территории обороняли примерно 10 тысяч советских солдат: на каждый метр — по 10 бойцов.

Красноармейцы располагались за тянувшимся по этому участку противотанковым рвом шириной 10 метров и глубиной 5 метров, за которым была протянута колючая проволока и заложены тысячи мин. Различные виды заграждений, например мощные противотанковые «ежи» из сваренных вместе кусков железнодорожных рельсов, а также большое количество пулеметных гнезд, опорных пунктов и артиллерийских позиций располагались за ними. А по обоим концам этого 18-километрового фронта была водная преграда, не дававшая ни малейшего шанса для обходного маневра.

«И что, мы должны здесь прорваться, господин генерал-полковник?» — спросил водитель Манштейна, фельдфебель Фриц Нагель своего командующего, посмотрев в стереотрубу с наблюдательного пункта 114-го артиллерийского полка, откуда хорошо просматривались позиции советских войск.

«Вот тут именно и придется, Нагель», — кивнул Манштейн. Он сдвинул пилотку на затылок и еще раз подошел к стереотрубе, через которую он только что дал посмотреть своему водителю.

Фриц Нагель снискал к себе хорошее отношение во всех штабах. Уроженец города Карлсруэ, он возил Манштейна с 1938 года. Он сидел за рулем во всех фронтовых поездках Манштейна, был воплощением спокойствия и много раз с успехом выходил из опасных ситуаций. Не раз он был ранен. С Манштейном, однако, тоже ничего плохого не случалось: Нагель был для него своего рода талисманом.

Манштейн поехал на выдвинутый вперед наблюдательный пункт 114-го артиллерийского полка, располагавшегося в северной части фронта на Парпачском перешейке, чтобы еще раз взглянуть на позиции советских войск.

«Что еще новенького?» — спросил он командира 46-й пехотной дивизии. «Ничего особенного, господин генерал-полковник», — ответил генерал-майор Хакшиус.

«Тогда ни пуха ни пера на послезавтрашний день! — кивнул Манштейн. — Поехали домой, Нагель!»

Послезавтра было 8 мая, день «Охоты на дроф» — так звучало кодовое наименование операции по прорыву на Керчь.

Если имеешь дело с противником, втрое превосходящим тебя по силам, да к тому же занимающим хитроумную систему позиций, то его можно опрокинуть только мужеством и хитростью. И именно на одной такой хитрости основывался план Манштейна.

Конфигурация советского фронта в этом месте была странной: в южной его части — свечкой прямо на север, в северной части он имел вид «пузыря», раздутого в направлении на запад. Этот фронт возник после того, как советские войска зимой опрокинули 18-ю румынскую дивизию, а немецкие батальоны лишь с большим трудом могли блокировать вклинение противника.

Какие возможности предоставляла эта ситуация? В первую очередь удар во фланг этого «пузыря». Но именно потому, что такой вариант казался самым естественным и русские учитывали это и по этой причине сосредоточили на этом участке две армии и почти все свои резервы, Манштейн не поддался на этот очевидный вариант наступательной операции. Выдающийся стратег Второй мировой войны снова поступил нестандартно.

Генерал-полковник сделал, однако, все, чтобы заставить вражескую разведку поверить в то, что он начнет наступление на севере. Были оборудованы ложные артиллерийские позиции, инсценированы передвижения войск на северном и среднем участках фронта, для службы радиоперехвата противника были переданы специальные радиogramмы и проводились ложные разведки боем.

Между тем наступление готовилось совсем в другом месте, на южном участке. 30-й армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта Фреттер-Пико должен был силами трех пехотных дивизий прорвать фронт на юге. Затем 22-я танковая дивизия и моторизованная бригада должны были стремительно войти в эту брешь, проникнуть глубоко в тыл советских войск, чтобы затем развернуться на север для охватывающего удара и снова прорываться в направлении на восток.

Смелый план: силами пяти пехотных и одной танковой дивизии сражаться против трех армий. Пикирующие бомбардировщики 8-го авиакорпуса под командованием генерал-полковника барона фон Рихтгофена и части 9-й зенитно-артиллерийской дивизии были выделены для поддержки пехоты. Тяжелая артиллерия РК (резерва

Главного командования) была также подтянута для массированного огневого налета на Севастополь.

Для удара по основному укреплению, противотанковому рву, Манштейн придумал нечто очень хитрое.

В ночь с 7 на 8 мая на берегу моря восточнее Феодосии царит странное оживление. Десантные штурмовые лодки и катера спускаются на воду. В них погружаются саперы и пехотинцы баварской 132-й пехотной дивизии. Но они не заводят двигатели. Лодка за лодкой бесшумно отходят от берега, движимые вперед лишь веслами. Вскоре ночь поглощает эту таинственную флотилию: четыре десантно-штурмовые роты покачиваются на поверхности Черного моря. Около 2 часов ночи лодки смещаются вдоль берега в восточном направлении.

3 часа 15 минут. Как оглушительный удар грома обрушивается огонь немецкой артиллерии. Громят тяжелые минометы. Мины с воем разрывают воздух. Непрерывно работают зенитки. Огонь, чад, утренний туман клубятся над южным участком Парпача. С ревом подходят пикировщики. Отвесно пикируют на позиции русских. Их бомбы разрывают в клочья блиндажи, бункеры и проволочные заграждения.

3 часа 25 минут. Повсюду одновременно взмывают в небо две белые сигнальные ракеты: сигнал к атаке пехоты. Впереди саперы. У них самая тяжелая работа: разминирование и разрезание проволочных заграждений, и все это — под огнем противника.

Русские открывают заградительный огонь. Советские пулеметчики у амбразур блиндажей нажимают на спуск. Им не нужно даже целиться. Ведется фланкирующий огонь, это значит, что очереди разных пулеметов пересекаются. Только дави на спуск.

Советская корабельная артиллерия неистовствует. Слышны хлопки минометных выстрелов. Они смещаются вперед, в том направлении, откуда должны наступать немцы. Должны же они наступать через узкий перешеек или нет?

В тот момент, когда немецкая артиллерия открывает огонь, запускаются моторы штурмовых лодок. Никто со стороны русских теперь не может их уже услышать в таком грохоте.

На большой скорости, как стрелы, лодки подлетают к побережью. Как раз в том месте, где советский противотанковый ров выходит к морю, широкий, как амбарные ворота, заполненный водой.

Десантно-штурмовые лодки просто заплывают в ров. Солдаты прыгивают на сушу и сразу же открывают огонь из своих пулеметов

от бедра. Советские бойцы, стоящие в стрелковых ячейках и на стене рва, падают в ров, не успев понять, что же произошло.

Но в этот момент выпускает огненную струю русский огнемет. Первая волна наступающих прижимается к земле и остается лежать.

Истребитель «Мессершмитт» подлетает со стороны моря на бреющем полете. Он проходит вдоль рва, открывает огонь из своего бортового оружия и вынуждает советских солдат вернуться в укрытия.

Солдаты немецкой десантной штурмовой группы вскакивают и врываются в ров. Первые русские сдаются в плен. Полная паника и смятение.

Между тем слева, по обе стороны дороги Феодосия — Керчь, сизезский 49-й егерский полк прорывается сквозь минные поля. Капитан Грече командует авангардами первого батальона на южной стороне. Он преодолевает град пуль и мчится по узким проходам в минных полях. Дивизии приданы штурмовые орудия. Старший лейтенант Буфф следует вместе с этими тремя железными крепостями и обеспечивает солдатам Грече огневое прикрытие.

Уже в 4 часа 30 минут егеря добрались до противотанкового рва. Тяжело дыша, капитан лежит на краю рва. Унтер-офицер Шайдт стреляет из своего пулемета направо и налево. Подходят саперы со штурмовой лестницей. Грече первым соскальзывает по ней в ров.

Во втором батальоне его командир, майор Кутцнер, тяжело раненный, остается лежать на Татарском валу под перекрестным огнем. Советское командование оборудовало там позиции противотанковой артиллерии на целый полк. Лейтенант Фюрншус со своими штурмовыми орудиями приходит на помощь. Его длинноствольные 75-мм пушки сметают противотанковые позиции русских.

Старший лейтенант Райснер передвигается прыжками во главе своей 7-й роты. Он избегает попадания под сильный артиллерийский огонь противника и бросается на землю. Затем вскакивает снова. И вот, наконец, ров, края которого разрушены в результате обстрела. Райснер скатывается вниз.

Выпущенная откуда-то сбоку автоматная очередь сбивает оберлейтенанта с ног. Раненный, он машет рукой своим егерям в направлении советских стрелковых ячеек.

Пехотинцы на левом фланге участка прорыва продираются сквозь минные поля и проволочные заграждения. Хорошо замаскированные и не пострадавшие от артиллерийского обстрела пулеметные гнезда ведут перекрестный и фланкирующий заградительный огонь.

Ударом поперек фронта нейтрализуются советские пулеметные гнезда, и уже ближе к вечеру и здесь удается продвинуться к противотанковому рву.

Лейтенант Райманн и его 9-я рота прокатываются вдоль рва с правого фланга до озера Парпач в ожесточенном ближнем бою, выводя из строя все позиции и блиндажи противника, подрывают стены рва для обеспечения прохода своих танков: главная полоса советской обороны взята нами по всей ширине фронта наступления.

Моторизованная бригада в составе румынских и немецких подразделений во второй половине первого дня наступления находилась прямо на берегу моря, в том самом месте, где рано утром штурмовые лодки овладели противотанковым рвом. Она прошла по построенным на скорую руку переправам и нанесла удар в тыл советского фронта.

Между тем передовые части 22-й танковой дивизии ожидали приказа на выступление. Лишь в первой половине дня 9 мая плацдармы за противотанковым рвом удалось расширить настолько, что они могли быстро подтянуться.

Танковые роты и бронетранспортеры перестроились в боевые порядки, ворвались на вторую и третью линии советской обороны, сломали их сопротивление, затем достигли поворота на Арма-Эли и ворвались там в самый центр расположения советских танковых бригад.

Как на учениях, в то же самое мгновение подкатили шесть огромных штурмовых орудий. Прежде чем советские войска могли подготовиться к этой «встрече», они были разгромлены немецкими танками и штурмовыми орудиями.

Как было запланировано ранее, 22-я танковая дивизия повернула теперь на север, позади фронта против двух советских армий, которые своими сдерживающими атаками тормозили боевые действия франконско-судетской 46-й пехотной дивизии и румынских бригад. Все шло в соответствии с планом Манштейна. Но затем все изменилось в одно мгновение. Поздним вечером 9 мая пошел очень сильный весенний дождь. Все подъездные пути и дороги за несколько часов он превратил в бездонное болото. Транспортное сообщение, осуществлявшееся с помощью автоцистерн и грузовиков, вскоре было полностью парализовано. Только тягачи на гусеничном ходу могли еще как-то пробиваться. Теперь воля Манштейна вынуждена была бороться с капризами природы.

Боевые машины с трудом пробивались вперед вплоть до глубокой ночи. Они заняли круговую оборону. В таком состоянии они находились, глубоко вклинившись во фланг и тыл 51-й советской армии. Это было на следующее утро, 10 мая, на рассвете.

Отвлекающее наступление русских, проведенное крупными танковыми силами, было отбито. Задул ветер и высушил почву. Дивизия выступила на север. 11 мая она находилась у Ак-Моная, на берегу моря, выйдя тем самым в тыл 47-й советской армии. Десять красных дивизий оказались в мешке. Остатки бежали на восток.

Тем временем полковник фон Гроддек и его бригада смелым и быстрым рывком на восток воспрепятствовали попыткам русских создать какое-либо подобие фронта в тылу. Там, где советские полки пытались «зацепиться», фон Гроддек наносил свои удары и гнал их дальше.

Когда бригада продвинулась на 50 км в тыл русских и совершенно неожиданно появилась на Татарском валу глубоко в тылу ставки командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова, советское командование полностью потеряло самообладание и контроль над ситуацией. По улицам беспорядочно отступали огромные колонны частей и соединений в направлении на Керчь, к восточному побережью полуострова. Оттуда они надеялись выбраться через узкий морской пролив на материк и таким образом спастись.

Командование советскими резервами отчаянно пыталось остановить продвижение немецких передовых частей, чтобы как можно больше соединений, скопившихся на побережье полуострова Керчь, могло быть эвакуировано при помощи моторных лодок и катеров. Точно так же, как это удалось англичанам почти в тот же день два года назад в Дюнкерке.

Но Манштейн не собирался приуменьшать масштабы своей победы, позволив русским осуществить их советский Дюнкерк. Он бросил свои танковые и моторизованные соединения и два полка пехоты на преследование отступавшего противника. 16 мая Керчь была взята. Советскому Верховному командованию Дюнкерк не удался. Сталин не смог спасти свои армии. Штурмовые орудия быстро закончили с импровизированными морскими перевозками.

170 000 пленных: три советские армии в течение восьми дней были разбиты шестью немецкими дивизиями.

17 мая на рассвете Манштейн вместе с генерал-полковником бароном фон Рихтгофеном стоял на невысокой сопке под Керчью. Перед ними расстилалось море, Керченский пролив, и дальше, при-

мерно в 20 километрах, в сияющих лучах солнца был виден берег Таманского полуострова, предполья Азии, ворот Кавказа. Манштейн своей победой одним рывком распахнул заднюю дверь, которая вела в нефтяной рай Сталина.

В тот же самый час, когда Манштейн смотрел на эту цель, в 600 км к северу, в районе Харькова, дивизии армейской группы фон Клейста готовились к своему наступлению, с тем чтобы завоевать на Донце ключевые позиции для большой летней кампании в рамках операции «Блау». Генерал-полковник фон Клейст начал масштабное наступление, которое не имело себе равных по отваге и оперативному замыслу.

Горизонт на востоке окрасился в красный цвет. Безоблачное небо. Тишина. Слышно только дыхание людей. И тиканье больших часов на руке лейтенанта Тойбера, опирающегося рукой на бруствер окопа, — капли времени, падающие в море вечности.

И вот началось. Громовые раскаты разрывают тишину. В то время как новички на поле боя воспринимают это как действующий на нервы треск и грохот, старые фронтовики различают в этом хаосе звуков глухие залпы гаубиц, резкие выстрелы пушек, завывание пехотных орудий.

Там, в лесу, где расположены позиции советских войск, вздымаются клубы дыма. Фонтаны грязи взлетают в воздух, обломки деревьев, кружась, летают в воздухе. Все это — свидетельства массовой артподготовки, проводимой перед всяким наступлением.

Здесь на штурмовых позициях берлинской «медвежьей» дивизии обстановка такая же, как и на позициях полков 101-й легкой дивизии, у гренадеров 16-й танковой дивизии и у егерей 1-й горнострелковой дивизии — в соединениях ударного эшелона 3-го танкового корпуса Макензена. Повсюду на пространстве между Славянском и Лозовой, южнее Харькова, утром 17 мая 1942 года стоят в полной готовности к наступлению войска группы фон Клейста, слушая «музыку» артподготовки.

Теперь огневой вал заметно и быстро перемещается на север, удаляясь от позиций готовых к штурму немецких солдат. В тот же момент наши штурмовики стремительно проносятся над позициями войск.

«Вперед!» — кричит командир роты лейтенант Тойбер. Подобно ему в этот час около пятисот лейтенантов и обер-лейтенантов дают команду «Вперед!».

Вопрос, который в последние дни и часы мучил каждого офицера и солдата, а именно: «Удастся ли поразить в самое сердце русское наступление, которое вот уже на протяжении пяти дней разворачивается в направлении на запад?», уже отпал.

Что, собственно, происходило в этот день 17 мая 1942 года? Какие цели преследовало наступление группы фон Клейста? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к прошедшим событиям.

Чтобы создать исходные предпосылки для нанесения главного удара в рамках большого летнего наступления 1942 года из района Харькова в направлении Кавказ — Сталинград, фюрер в своей директиве № 41 приказал устранить выступ советского фронта по обе стороны реки Изюм, постоянно угрожавшей Харькову в результате проведения операции по типу «клещей». Командующий группой армий «Юг», фельдмаршал фон Бок, разработал для проведения этой операции довольно простой план: 6-я армия должна была наступать с севера, а армейская группа фон Клейста во взаимодействии с частями 1-й танковой и 17-й армий — с юга. Они должны были «отрезать» выступ фронта, до отказа забитый войсками Тимошенко, и разбить в образовавшемся котле попавшие туда советские армии. Этот план носил кодовое название «Фридрикус».

Однако не только у фельдмаршала фон Бока, но также и у русских был свой план: маршал Тимошенко хотел повторить, и на этот раз успешно, свое январское наступление и готовил новое наступление с еще более мощными силами, которое должно было решить исход войны. Силами пяти армий и целой армадой танковых частей он хотел двумя ударными клиньями прорвать немецкий фронт в этом выступе, завоеванном с таким трудом. Затем крупный город Харьков, административный и промышленный центр Украины, должен был быть отвоен у немцев в ходе охватывающей операции. В этом случае немцы потеряли бы свой гигантский центр снабжения Южного фронта, в котором были сосредоточены огромные запасы.

Одновременно с этим Тимошенко хотел отвоевать у немцев также Днепропетровск и город Запорожье в 100 километрах от него, огромная плотина которого представляла собой своего рода «чудо света» 40-х годов.

Реализация этого плана была бы для немецкой группы армий «Юг» еще более зловещей, чем потеря Харькова, так как через Запорожье вели шоссейные и железные дороги к нижнему течению Днепра, широкому, как море, через который далее на юг, вплоть до Черного моря не было никаких надежных переправ. Вся система подвоза

и снабжения для армий южного крыла фронта, которая дислоцировалась восточнее Днестра в бассейне Донца и в Крыму, работала именно за счет этих двух узловых пунктов. Потеря их вызвала бы настоящую катастрофу.

Итак, все помыслы генштабистов обеих сторон весной 1942 года вращались вокруг большой излучины фронта под Изюмом, которая и для Бока, и для Тимошенко являлась судьбоносной основой будущих решающих сражений. Вопрос заключался лишь в том, кто первым нанесет удар, кто выиграет гонку со временем — Тимошенко или Бок?

Согласно немецкому плану 18 мая должно было стать днем наступления. Но Тимошенко опередил. 12 мая он начал наступление неожиданно мощными силами против 6-й армии, имевшее целью взять ее в «клещи». Северную часть «клещей» составляла 28-я армия со своими шестнадцатью стрелковыми и кавалерийскими дивизиями, тремя танковыми и двумя моторизованными бригадами. Это была превосходящая боевая сила по сравнению с двумя немецкими корпусами, имевшими в своем составе всего шесть дивизий. Еще более мощные силы находились в южной части «клещей» Тимошенко: здесь находились две советские армии, которые имели в своем составе 26 пехотных и 18 кавалерийских дивизий, а также 14 танковых бригад против войск 8-го егерского корпуса и румынского 6-го корпуса. Полдюжины немецких и румынских дивизий, не имевшие вначале ни единого танка, оказались перед лицом превосходящих сил, располагавших к тому же массой танков. Не имелось никакой возможности остановить удар русских войск на основных направлениях. Немецкие линии были прорваны, хотя в тылу прорвавшегося противника еще держались многочисленные немецкие опорные пункты, точно так же как это было в зимней битве.

Генерал Паулюс бросил все наличные силы своей 6-й армии против прорвавшихся русских войск. За 20 километров до Харькова ему удалось буквально в последний момент остановить фланговые удары Тимошенко в северной части «клещей», но южный клин, обладавший гигантской силой, он оставить не мог. Назревала катастрофа. Русские войска прорвались далеко на запад; их кавалерийские соединения 16 мая приблизились к городу Полтаве, к ставке фельдмаршала фон Бока. Положение стало драматичным. Боку предстояло трудное решение. Через два дня должно было начаться немецкое наступление. Но ситуация в корне изменилась из-за начавшегося русского наступления. 6-я армия «забуксовала» и должна была вести

ожесточенные оборонительные бои. Поэтому она отпала как атакующая сила на севере. Таким образом, операция по взятию в «клещи» оказалась несостоятельной.

Неужели следовало теперь отказаться от всего плана? Или следовало провести операцию «клещи» только наполовину. Начальник штаба фон Бока, генерал фон Зоденштерн, настойчиво уговаривал колеблющегося фельдмаршала выбрать второй вариант. Он представлялся довольно рискованным по отношению к сильному противнику. Но в пользу этого смелого плана говорил тот факт, что Тимошенко с каждым километром опасно удлинял свой фланг, углубляясь на запад. Это был шанс фон Бока. И фельдмаршал его наконец использовал. Он решился на следующее: чтобы не дать русским возможность прикрыть их длинный фланг, он назначил наступление на день раньше, чем было запланировано. Армейская группа фон Клейста утром 17 мая начала наступление.

Силы фон Клейста составляли восемь пехотных дивизий, две танковые дивизии и одну мотопехотную дивизию. Румынские дивизии прикрывали левый фланг наступления.

3 часа 15 минут. Лейтенант Тойбер во главе своей роты выскакивает из окопа и атакует позиции русских на опушке леса. Над их головами завывают моторы пикировщиков. Они устремляются вниз и сбрасывают бомбы на разведанные опорные пункты, бункеры и огневые позиции русских.

20-мм самоходное зенитное орудие выходит вперед между взводами Тойбера и подменяет своими действиями отсутствующие танки. Снаряды ее прямой наводкой бьют по узлам сопротивления советских войск. Наши пехотинцы высоко ценят эти орудия и их бесстрашные расчеты, которые всегда идут в наступление в первых рядах.

Первые тщательно оборудованные позиции русских уничтожаются градом бомб и снарядов. Несмотря на это, советские войска, уцелевшие под нашим артиллерийским огнем, продолжают оказывать сопротивление. Один из штурмовых батальонов сражается до последнего человека. 450 убитых русских свидетельствуют об ожесточенности боя.

Лишь шаг за шагом полк продвигался через густой подлесок, по минным полям и лесным завалам. Лейтенант Тойбер и его рота оказываются перед позициями на территории колхоза «Маяк», где расположены особенно жестко защищаемые позиции русских невдалеке

от главной линии обороны. Рота Тойбера теперь не может продвигаться вперед ни на шаг.

«Запросите поддержку артогнем!» — приказывает Тойбер артиллерийскому офицеру связи. Он передает приказ дальше по своей переносной рации: «Огонь по квадрату 14!» Спустя несколько минут, как по волшебству, на этот квадрат обрушивается море огня. Но и русская артиллерия ведет заградительный огонь, прикрывая территорию колхоза.

Тойбер и его солдаты устремляются вперед. Вот они у русской траншеи. Советские бойцы еще сидят в ней, тесно прижавшись к стенке. Атакующие немецкие солдаты запрыгивают в нее и также прижимаются к стене, спасаясь от разрывов гранат. Они лежат плечом к плечу с русскими. Никто ни с кем не сражается в эти секунды. Каждый вжимается в землю. Каждый — всего лишь человек, который желает спастись от завывающих и убивающих раскаленных кусков железа. Ощущение такое, что вражда между ними мгновенно исчезла перед лицом гигантской первобытной силы, наносящей свои удары как по русским, так и по немцам.

И только лишь через полчаса, когда артиллерийский огонь внезапно затихает, солдаты Тойбера вскакивают и повсюду в траншее слышится: «Руки вверх! Руки вверх!» И русские опускают свои автоматы и винтовки и поднимают руки.

Взводы Тойбера продвигаются дальше и наталкиваются на десять дымящихся русских полевых кухонь, в которых как раз готовится пшенная каша и чай. Русские ошарашены внезапным появлением немецких солдат. «Давай, Иван, наливай!» — кричат они. Советские повара сначала испуганы, но затем они наливают «германцам» полные черпаки пшенной каши в миски и наливают в полевые фляги ароматный, отливающий зеленым цветом чай.

Завтрак заканчивается очень мрачно. Советский биплан внезапно появляется в небе, снижается и накрывает огнем место «отдыха». Солдаты из роты Тойбера открывают огонь по низко летящей старой «швейной машинке». Многочисленные пули попадают в двигатель и разрывают в клочья плоскости. Машина начинает крениться, затем переходит на снижение и садится примерно в 200 метрах от места «отдыха».

Первый взвод устремляется к самолету. Но пилот начинает вести огонь из бортового пулемета. Когда патроны заканчиваются, он и его спутник, оба в кожаных куртках, выбираются из кабины. «Руки

вверх!» — кричат немцы. Но никто из русских не сдается. Они достают пистолеты.

«В укрытие!» — кричит командир взвода. Однако это оказывается излишним. Оба летчика не хотят более обороняться, а только хотят избежать плена: сначала стреляется сопровождающий офицер, а затем и летчик. Когда солдаты Тойбера, качая головой, достают мертвых, они видят, что сопровождающий офицер — женщина в звании младшего лейтенанта.

Вечером 17 мая полки достигли Донца по всей полосе наступления. 18 мая они овладевают селом Богородичное, крайним северным пунктом наступления. На одной из переправ на Донце один из мостовых паромов, забитый до отказа 30 лошадьми, пытается выбраться из круговерти горящих лодок. Но вскоре паромщик, увидев немцев, отказывается от этой авантюры. Вниз по реке плывут горящие лодки, похожие на огненные острова.

Сосед слева, 101-я легкая дивизия к вечеру 18 мая с боями пробивалась к Донцу. На 30-градусной тропической жаре батальоны должны были пробиться сквозь гигантский лесной массив, затем пройти вдоль хорошо замаскированных лесных позиций советских войск и далее преодолеть широкие минные поля. Саперы обезвреживают в первый же день 1750 мин всех систем.

Впервые после летнего наступления прошлого года появились собаки-минеры — овчарки и доберманы, у которых на спине были мины на боевом взводе. Проводники собак, находящиеся на хорошо замаскированных позициях, командами посылают животных против продвигающихся вперед немецких частей. На них начинается ужасная по зрелищу охота. Но целые стаи идут вперед снова и снова и, верные тому, чему их учили, пытаются попасть под боевые машины. Если им это удастся и торчащий штифт мины обламывается, происходит подрыв мощного заряда. И собака, и все, что находится в радиусе многих метров вокруг, разносится в клочья.

За счет овладения линией Донца дивизиям удастся обеспечить фланговую защиту с востока и тем самым осуществить глубокий прорыв броневыми ударными силами, имеющий целью образование котла: 16-я танковая дивизия, находящаяся на острие удара, прорывает позиции русских войск силами трех боевых групп — Вицлебена, Крумпена и Зикениуса. Враг опрокинут. Его сильные контратаки отбиты. Дивизия далее в быстром темпе продвигается к предместьям Изюма. Генерал фон Макензен и его 3-й танковый корпус имеют задачу осуществить главные боевые действия в рамках операции «Фри-

дерикус». Части дрезденской 14-й танковой дивизии, наступающей в середине, с соседями справа и слева — венской 100-й легкой дивизией и баварской 1-й горнострелковой дивизией — разбивают ошеломленных русских у Сухого Торца. Создается плацдарм. Затем войска поворачивают на север. Танки окутываются клубящимися облаками пыли. Мелкий, как мука, чернозем превращает солдат в трубочистов.

Во взаимодействии с танковыми ротами из Айзенаха под командованием Зикениуса осуществляется форсирование реки Берекки. Удары советских танков успешно отражаются. 22 мая наши войска находятся у северной излучины Донца.

Это были решающие события, так как там, на другом берегу, стояли передовые части 6-й армии — дивизия «Хох-унд-Дойчмайстер». Войска соединились, и Изюмский выступ оказался подрезан, благодаря чему армии Тимошенко, прорвавшиеся далеко на запад, попали в окружение. Котел захлопнулся.

Маршал Тимошенко осознал эту опасность слишком поздно. Он никак не рассчитывал, что его наступление вызовет такой ответ. Теперь ему ничего не оставалось, как прервать столь обнадеживающе начатый марш на запад, развернуть свои дивизии и силами фронта, повернутыми на восток, попытаться вырваться из котла. Выдержит ли это тонкая стенка немецкого котла? Для генерал-полковника фон Клейста становилось важным сделать свои войска, удерживающие русские войска, настолько мощными, чтобы они смогли отразить попытки советских войск вырваться из него.

Генерал фон Макензен с присущим ему оперативным искусством сгруппировал все подчиненные ему пехотные и моторизованные дивизии веером вокруг оси — 14-й танковой дивизии. 16-я танковая дивизия получила приказ после поворота на запад наступать в направлении на север — к Андреевке на Донце. Четыре другие дивизии развернулись на запад и образовали фронт окружения против отходящих армий Тимошенко.

В середине, как паук в паутине, сидела 1-я горнострелковая дивизия.

Эта дальновидная диспозиция внесла перелом в ход сражения, поскольку командующие армиями Тимошенко гнали свои дивизии на прорыв немецкого фронта окружения с дикой решимостью. Они сосредоточили свои силы и любой ценой пытались пробить немецкое окружение, чтобы достичь спасительной линии Донца, удаленной от них всего лишь на 40 км.

Утром в Духов день окруженным армиям удалось пробить фронт окружения и нанести удар в направлении на Лозовенку. Становилось ясным: русские хотели быстро выйти к Изюму. И в этот момент решающим образом сказалась предусмотрительность Макензена. Советские войска натолкнулись на позиции 1-й горнострелковой дивизии, которые, образно говоря, представляли собой настоящий засов. То, что произошло затем, относится к самым кровавым событиям войны в России.

Описывая эти события, мы следуем воспоминаниям тогдашнего командира 1-й горнострелковой дивизии генерал-майора Ланца. В свете тысяч осветительных ракет колонны русских войск устремились в атаку на немецкие линии. Резкие команды командиров и комиссаров подстегивали батальоны.

С винтовками наперевес красноармейцы устремяются вперед. Их хриплое «Ура!» ужасным эхом отдается в ночи. Первые волны наступающих падают под огнем. В этот момент колонны землисто-коричневого цвета разворачиваются на север.

Но и там они наталкиваются на заградительные позиции горных егерей. Откатываются назад и, невзирая на потери, вламываются в немецкий фронт. Они крушат все и всех, что попадает им на пути, пробиваются еще на несколько сот метров вперед, и затем фланкирующий огонь немецких пулеметов уничтожает их. Все, кто остался в живых, ползком, спотыкаясь отходят назад и укрываются в балках реки Береки.

На следующий вечер сцена повторяется. На этот раз множество танков следует вместе с боевыми порядками наступающих красноармейцев, образуя гигантскую массу. Некоторая часть наступающих находится под заметным воздействием алкоголя. Откуда же еще взять беднягам мужества, чтобы с криком «Ура!» идти на верную гибель.

На третий день наступательный порыв русских, наконец, сломлен. Оба командующих 6-й и 57-й советскими армиями, генерал-лейтенант Городнянский и генерал-лейтенант Подлас, а также офицеры их штабов лежат мертвыми на поле боя. Большая битва завершена, Тимошенко разбит. Он потерял весь состав 22 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий. Четырнадцать танковых и моторизованных бригад были полностью уничтожены. 239 тысяч красноармейцев сдались обессиленными в плен. 1250 танков и 2026 орудий были выведены из строя или захвачены в качестве трофеев. Таким был конец битвы южнее Харькова, в которой советское командование хотело

окружить немцев, но их войска сами попали в плен. Это была неординарная победа немцев, которая в течение нескольких дней чудом была сотворена из поражения.

Но победоносные немецкие дивизии не подозревали, что этот успех, достигнутый благодаря оперативному искусству и храбрости войск, явится преддверием к их мрачной судьбе: их путь теперь лежал в Сталинград.

Еще никто не видел и тени этого города. Керчь и Харьков занимали умы военных и строки сводок Вермахта. И действительно, это были поразительные факты: две битвы на окружение были выиграны в течение трех недель. Шесть советских армий были разбиты, 409 тысяч советских солдат попали в плен, 3159 орудий и 1508 танков уничтожены или взяты в качестве трофеев. Немецкие армии на востоке снова доказали свое превосходство. Военное счастье вновь сопутствовало знаменам Гитлера. Ужасная зима и призрак поражения в ней были забыты.

И в то время как в котле южнее Харькова еще звучали выстрелы и группы полуголодных красноармейцев выползали из своих щелей, был запущен механизм новой битвы — за Севастополь, последний советский опорный пункт на юго-западе Крыма, мощнейшую крепость в мире. Операция носила кодовое название «Лов осетров».

Севастополь — операция «Лов осетров»

Могила на ялтинском кладбище — Супермортиры «Карл» и «Дора» — Батарея «Максим Горький» взорвана — «Нас осталось всего двадцать два... Прощайте!» — Бои за Розовый холм — Комсомольцы и комиссары

«Мы готовы отшвартоваться, господин генерал-полковник!» — итальянский лейтенант отдал честь. Манштейн прикоснулся пальцами к козырьку, кивнул и, улыбнувшись, сказал своим сопровождающим: «Итак, господа, давайте поднимемся на борт нашего крейсера!»

«Крейсером» был итальянский торпедный катер, единственное военное судно, которое имелось в распоряжении Манштейна. Его раздобыл капитан Йоахим фон Ведель, комендант Ялтинского порта. 3 июня 1942 года Манштейн хотел провести рекогносцировку вдоль южного побережья Крыма, чтобы самому убедиться в том, хо-

рошо ли просматривается дорога вдоль побережья со стороны моря, так как по этой дороге осуществлялись подвоз и снабжение 30-го армейского корпуса генерала Фреттер-Пико, располагавшегося южнее Севастополя. Нарушение этого подвоза и снабжения силами советского ВМФ могло сорвать штурм Севастополя.

Под яркими лучами солнца катер стремительно скользил вдоль Черноморского побережья. Сады Ялты с растущими в них высокими деревьями обрамляли белые виллы и дворцы. Катер шел в западном направлении до самых Балаклавских высот. Старый форт на голй вершине скалы возвышался своими обеими боевыми башнями на фоне голубого неба.

Голубым светом сияла бухта, глубоко врезавшаяся у подножия скалы в берег. Здесь во время Крымской войны в 1854—1855 годах сражались французы, англичане, турки и пьемонтцы в составе высадившегося в Евпатории экспедиционного корпуса, чтобы образумить царя Николая. Почти целый год, а точнее, 347 дней продолжалась тогда осада Севастополя и сражение за него, лишь после этого русские сдались. Человеческие потери, включая гражданское население, были для того времени очень высоки. Они составляли от 100 000 до 500 000 человек.

Генерал-полковник Манштейн хорошо знал эти факты. Он прочитал все, что было опубликовано о Крымской войне. И он знал, что Советы модернизировали старые форты и построили помимо того современные оборонительные сооружения: гигантские казематы, бетонированные позиции для орудий с бронеколпаками и целым лабиринтом подземных складов для снабжения войск. Не было ни малейшего сомнения в том, что Сталин намеревался так же жестко и упорно оборонять эту морскую крепость в 1942 году, как это делал царь Николай I в 1854—1855 годах. Ведь Севастополь со своими удобными гаванями был главным опорным пунктом, оплотом русского военного флота на Черном море. Если бы он пал, то флоту не оставалось бы ничего другого, как отойти в дальний конец восточного побережья.

Манштейн и капитан фон Ведель увлеклись своей беседой, когда на катере раздались треск, свист осколков, вспышки и крики.

«Самолеты!» — крикнул порученец Манштейна, обер-лейтенант Шпехт. Слишком поздно итальянцы подскочили к зенитному пулемету. Два советских истребителя со стороны Севастополя под прикрытием солнца внезапно подошли и обрушились на катер сверху, обстреливая его из своего бортового оружия.

Обшивка палубы разлетелась осколками. Вспыхнул огонь. Капитан фон Ведель, сидевший рядом с Манштейном, упал замертво. Итальянский боцман был также убит.

Фрица Нагеля, верного спутника Манштейна во всех сражениях, начиная с первых военных дней, взрывом отбросило и ударило о вентиляционную шахту на корме. Он был тяжело ранен в верхнюю часть бедра; перебита артерия. Кровь сильными толчками пульсировала из раны. Командир итальянского торпедного катера сорвал с тела рубашку, чтобы перетянуть артерию.

Обер-лейтенант Шпехт также разделся, прыгнул в воду и поплыл к берегу. Совершенно голый, он остановил удивленного водителя грузовика, с которым на большой скорости помчался в Ялту. Там он раздобыл моторную лодку, мигом вернулся к горящему катеру и отбуксировал его в ялтинский порт.

Манштейн лично доставил Фрица Нагеля в госпиталь. Но было слишком поздно. Спасти обер-фельдфебеля было уже невозможно.

Спустя два дня, когда вокруг Севастополя эскадрильи 8-го авиационного корпуса готовились начать первый акт большого сражения и запускали двигатели, Манштейн стоял на ялтинском кладбище у могилы своего водителя. То, что генерал-полковник сказал у гроба обер-фельдфебеля, заслуживает быть занесенным в хронику той ужасной войны: «На протяжении многих лет совместной службы и борьбы мы стали друзьями. Узы дружбы не сможет разорвать даже предательская пуля, угодившая в тебя. Моя благодарность и верность, вечная память о тебе последуют за тобой. Прощай и покойся с миром, лучший мой товарищ!»

Залп почетного караула раскатился над вершинами деревьев. С запада доносились громовые раскаты: эскадрильи Рихтгофена взлетали и брали курс на Севастополь. Большое 27-дневное сражение за овладение сильнейшей крепостью мира началось.

С вершины скалы, возвышавшейся у деревни, открывалась великолепная панорама всего Севастополя. Саперы оборудовали наблюдательный пункт прямо в скале. Он был в относительной безопасности от артиллерийского огня противника и воздушных налетов. Оттуда, через стереотрубу, можно было наблюдать город и его укрепления на всем их протяжении.

На этом наблюдательном пункте Манштейн вместе со своим начальником штаба полковником Буссе и адъютантом Шпехтом по прозвищу Пепо сидел часами и наблюдал результаты первых ударов авиации и артиллерии. Было 3 июня 1942 года.

Здесь, где некогда древние греки оборудовали свое первое торговое поселение, а готы во время великого переселения народов строили свои скальные крепости, где позднее генуэзцы и татары сражались за гавани и плодородные долины и, наконец, во время Крымской войны XIX века пролилась кровь англичан, французов и русских, теперь на этом месте сидел немецкий полководец, тесно прижавшись к скале, и вновь руководил битвой за порты и бухты этого райского уголка черноморского полуострова — Крыма.

«Черт знает какой силы был этот огневой налет!» — удивлялся Шпехт. Буссе согласно кивнул. Но он заметил скептически: «И все же мы не можем быть достаточно уверенными в том, что для атак нашей пехоты мы проделали достаточно проходов в оборонительном поясе вокруг крепости».

Манштейн стоял у стереотрубы и смотрел вниз на Бельбекскую долину, с высившейся на ней горой, прозванной солдатами Масляная гора. Пикировщики эскадрилья за эскадрильей стремительно пролетали над их головами, затем заходили на Севастополь, сбрасывали бомбовый груз, вели огонь из бортового оружия и снова отворачивали. Штурмовики стремительно пронеслись над плато. Истребители, как молнии, рассекали небо. Бомбардировщики также шли своим курсом.

Уже несколько часов спустя после начала бомбардировки 11-я армия завоевала господство в воздухе. Слабые ВВС советской Приморской армии были разбиты. Они вступили в сражение, имея в своем составе всего лишь 53 боевые машины.

8-й авиакорпус совершал ежедневно 1000, 1500, 2000 боевых вылетов. Специалисты называли этот вид воздушного сражения «атаки волнами». И в то время, когда с неба на Севастополь обрушился град бомб, несших смерть, немецкая артиллерия вела огонь из всех калибров по вражеским позициям. Артиллеристы выискивали прежде всего укрытые в скалах артиллерийские позиции противника, сравнивали с землей траншеи и проволочные заграждения, наносили удар за ударом по бронеколпакам, защищенным бетонными укреплениями артиллерийских позиций, — днем и ночью на протяжении пяти суток.

Этот прием придумал Манштейн в качестве решающей увертюры к наступлению. Не так, как делалось обычно, — массированная артподготовка и авианалет в течение одного-двух часов и затем само наступление. Нет, Манштейн знал, что мощные укрепления Севастополя с сотнями бетонированных и бронированных сооружений,

широким поясом бункеров и блиндажей, мощными бронированными артиллерийскими позициями, тремя укрепленными полосами с общей протяженностью траншей в 350 км и пробитыми в крутых скалах позициями реактивных минометов невозможно было вывести из строя обычной артподготовкой.

Поэтому план Манштейна состоял в том, чтобы вести на протяжении пяти дней мощный уничтожающий огонь артиллерии, минометов, зенитных и штурмовых орудий. Всего 1300 стволов вели огонь по разведанным укреплениям и полевым позициям советских войск. Кроме того, свой груз на цели сбрасывали бомбардировочные эскадры 8-го авиакорпуса.

Это была дьявольская увертюра. Никогда во время Второй мировой войны ни до Севастополя, ни после немецкие войска не применяли столь мощные силы артиллерии.

В Северной Африке в конце октября 1942 года Монтгомери начал историческое наступление английских войск под Эль-Аламейном против позиций Роммеля, имея 1000 стволов артиллерии. Манштейн применил под Севастополем на 300 стволов больше.

Особая роль в ударах артиллерии отводилась применению реактивных минометов. Впервые это чудовищное оружие было массированно применено на решающих участках наступления. Перед фронтом крепости были стянуты два минометных полка и два минометных дивизиона, подчинявшиеся специальному штабу под командованием полковника Ниманна: всего 21 батарея с 576 стволами, в том числе батареи полка тяжелых метательных установок калибра 280 мм и 320 мм (кумулятивные и зажигательные снаряды, особенно эффективные против укреплений).

В ходе огневых налетов каждую секунду реактивными установками этого полка выпускалось 324 снаряда. Они обрушивались на определенные участки вражеских полевых укреплений. Их убийственная мощь была столь же велика, как и морально-психологическое воздействие. Эффект от боевого применения одной батареи в составе шести орудий, выпускавших разом 36 ракет, начиненных фосфором, с раздирающим нервы воем обрушивавшихся на вражеские позиции, был потрясающим.

Взрывная сила одной такой ракеты хотя была не столь велика, как у обычного артиллерийского снаряда, но ударная волна при взрыве на узком пространстве приводила к разрыву кровеносных сосудов. Солдаты, занимавшие позиции не в непосредственной близости от места разрыва, оказывались деморализованными вследствие оглу-

шительного грохота и парализующего взрыва. Эти факторы приводили солдат к панике. Аналогичное воздействие на русских оказывали также атаки наших пикирующих бомбардировщиков. Впрочем, немецкие войска на массированное применение русскими реактивных минометов, так называемых «сталинских органов», реагировали также панически.

Среди обычных образцов артиллерии, которая вела огонь по крепости Севастополь, имелось три особо выдающихся гиганта, вошедших в анналы военной истории: мортира «Гамма», мортира «Карл», называвшаяся также «Тор», и гигантское орудие на железнодорожной платформе «Дора», — все три представляли собой кульминацию развития обычных артиллерийских систем. Они были сконструированы специально для борьбы против крепостей. Перед войной наряду с крепостями в Бельгии и французской линией Мажино имелись такие крепости, как Брест-Литовск, Ломжа, Кронштадт и Севастополь. Ленинград уже не являлся крепостью в буквальном смысле этого слова, равно как и старые французские городские укрепления вдоль Атлантического побережья.

Мортира «Гамма» была вторым рождением «Толстой Берты» времен Первой мировой войны. Ее снаряды калибра 420 мм весили каждый 923 кг и могли поражать цели на расстоянии до 14,25 км. Длина ствола составляла 6,72 м. Артиллерийская прислуга для обслуживания этого необычного гиганта насчитывала 235 человек.

Но «Гамма» была карликом по сравнению с «Карлом» калибром 615 мм, самым тяжелым орудием Второй мировой войны, специально применявшимся сухопутными войсками против мощнейших железобетонных укреплений. Бетонобойные снаряды весом 2200 кг каждый способны были пробивать мощнейшие бетонные перекрытия. Они выстреливались из чудовища, мало походившего на обычную мортиру. Казавшийся коротким, но тем не менее имевший в длину 5 м ствол и вся конструкция этого орудия в целом походили скорее на здание фабрики с необычной дымовой трубой. Однако и «Карл» не был законченным феноменом в области артиллерии. Еще более мощный монстр занимал позицию в Бахчисарае, во «Дворце садов», старой резиденции татарских ханов. Он назывался «Дора». Солдаты прозвали его также «Тяжелым Густавом». Это было самое мощное орудие последней войны калибром 800 мм. Для транспортировки частей, узлов и деталей монстра требовалось 60 железнодорожных вагонов. Из своего ствола длиной 32,5 м он мог выпускать снаряды весом 4800 кг, то есть почти 5 т, на расстояние 47 км. Еще

более мощные бронебойные снаряды (7000 кг) «Дора» могла выпустить по целям, удаленным на расстоянии 38 км. Сам снаряд и отдельный заряд пороха к нему имели длину 7,8 м, что соответствовало высоте двухэтажного дома.

Скорострельность «Доры» составляла 3 выстрела в час. Гигантское орудие стояло на двух железнодорожных колесах. Две зенитные батареи постоянно находились на боевом дежурстве. Для ведения огня, охраны и технического обслуживания требовался персонал численностью 4120 человек. В это число входили один генерал-майор, один полковник и 1500 артиллеристов. Эти немногие цифры свидетельствуют о том, каким гигантом стала старая добрая традиционная пушка. И в этом смысле коэффициент ее полезного действия был весьма сомнительным. Тем не менее одним выстрелом из «Доры» удалось уничтожить склад боеприпасов под Севастополем, в бухте Северной, располагавшийся на глубине 30 метров под землей.

Манштейн вот уже третий час находился в своем гнезде среди скал. Он внимательно следил за разрывами снарядов и сравнивал их с точными данными, которые ему предоставили командующие артиллерией его армии генерал-лейтенант Цукерторт и генерал-лейтенант Мартинек. Обладая гениальным искусством полководца, Манштейн был все-таки специалистом, уделявшим большое внимание деталям. Вероятно, именно в этом и состоял секрет его военных успехов.

Зенитное орудие является просто незаменимым против таких укреплений. 18-й зенитный полк прославил себя в артиллерийских дуэлях под Севастополем. Настильный огонь из этих 88-миллиметровых орудий был наиболее эффективным против укреплений, возвышавшихся над землей. Применявшееся как и минометы, на самых передовых линиях огня, это чудо-оружие Второй мировой войны прямой наводкой уничтожало точечные цели — бункеры и закрытые позиции артиллерийской позиции. Только эти батареи 18-го зенитно-артиллерийского полка в сражении за Севастополь выпустили 181 787 снарядов.

С наблюдательного пункта Манштейна можно было распознать три глубокоэшелонированные оборонительные системы, защищавшие центр крепости: первая, имевшая от 2 до 3 км по фронту, была оборудована четырьмя рядами эшелонированных траншей, имевших проволочные заграждения, между ними — дзоты и доты. Разрывы мин у траншей и между ними в случаях попадания наших снарядов свидетельствовали о том, что русскими были оборудованы плотные

противотанковые минные заграждения. Необходимо было учитывать, что многие из этих минных заграждений предназначались для защиты от штурмовых атак нашей пехоты.

Второй пояс обороны имел по фронту около полутора километров, к нему относились в его северной части, между Бельбекской долиной и бухтой Северная, целый ряд укреплений самого тяжелого класса, которым немецкие артиллерийские наблюдатели дали хорошо запоминающиеся меткие имена: «Сталин», «Молотов», «Волга», «Сибирь», «ГПУ» и, прежде всего, «Максим Горький-1», который был оснащен 305-мм орудиями в бронированных башнях. Его собрат, «Максим Горький-2», находился южнее Севастополя и был таким же мощным.

Восточный фас крепости органично вписывался в рельеф местности. Это была труднопроходимая местность, имевшая скальные долины, вершины гор были также хорошо укреплены в инженерном отношении. Все это в совокупности представляло собой идеальное пространство для ведения обороны. «Орлиная высота», «Сахарная голова», «Северный нос» и «Розовый холм» стали для наших бойцов в Севастополе незабываемыми именами.

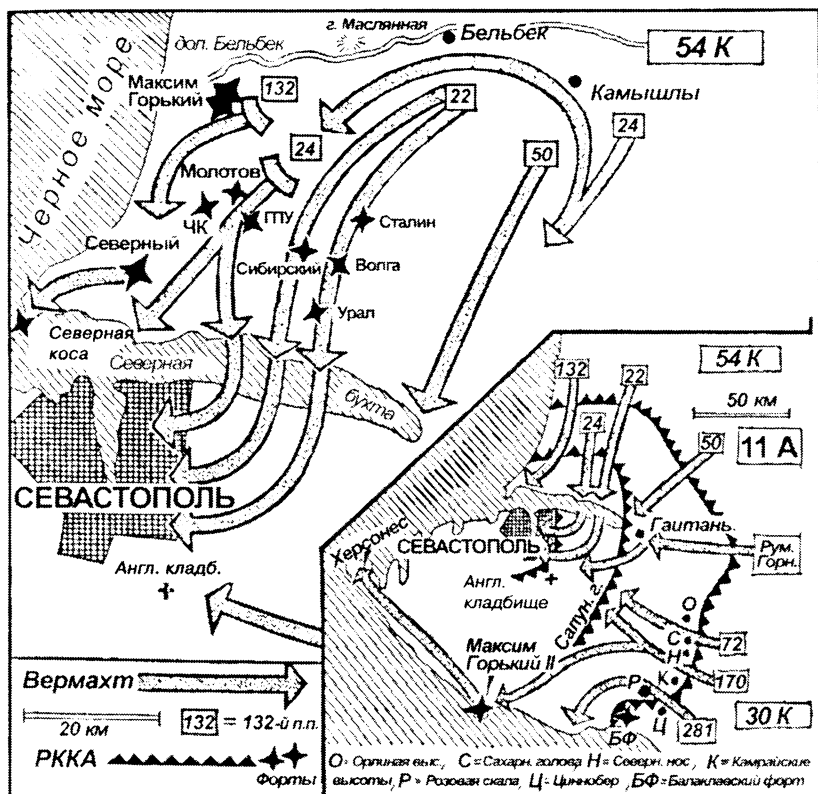
Третий оборонительный пояс проходил по периметру города. Он был настоящим лабиринтом из траншей, пулеметных гнезд, минометных и артиллерийских позиций.

Согласно советским данным Севастополь оборонялся семью стрелковыми дивизиями, одной спешенной кавалерийской дивизией, двумя стрелковыми бригадами, тремя бригадами морской пехоты, еще двумя полками морской пехоты, а также различными танковыми батальонами и отдельными частями, насчитывавшими всего 101 238 человек. Десять артиллерийских полков и два минометных дивизиона, один полк противотанковой артиллерии, а также 45 подразделений сверхмощной артиллерии из состава береговой обороны общей численностью 600 орудий и 2000 минометов осуществляли артиллерийское прикрытие.

Это была поистине огнедышащая гора, которую Манштейн хотел взять силами своих семи немецких и двух румынских дивизий.

Ночь с 6 на 7 июня была жаркой и душной. На рассвете с моря подул легкий бриз. Но он не принес морского свежего воздуха, а только пыль и дым, тянувшиеся от предместий Севастополя, от горящих складов боеприпасов в южной части города.

Когда забрезжил рассвет, с новой силой начался обстрел нашей артиллерии. Затем в атаку рванулась пехота. В 3.50 под мощным ар-

Взятие Севастополя. После пяти дней «уничтожающей огневой подготовки» силами артиллерии и Люфтваффе 7 июня 1942 г. 11-я армия развернула наступление на самую мощную в мире крепость. Последний фронт пал 3 июля 1942 г.

тиллерийским прикрытием ударные подразделения пехоты и саперов начали атаку по всей линии фронта против передовых позиций противника (против передовой линии фронта противника).

Острые атаки находилось на северном фасе. Там наступал 54-й корпус, имевший в своем составе четыре пехотные дивизии и один усиленный 213-й пехотный полк. С запада и юга наступал 30-й корпус.

Наверху, у Бельбекской долины и в бухте Камышлы, саперы проделывали проходы в минных полях с тем, чтобы штурмовые орудия как можно быстрее могли быть использованы для поддержки пехоты.

Пехотинцы между тем овладевали первыми полевыми позициями противника. Артиллерия уничтожила две траншеи и один дзот, но

оставшиеся в живых русские отчаянно оборонялись. Русских пришлось выкуривать из их хорошо замаскированных щелей в земле, применяя ручные гранаты и фугасные свечи.

На долю 22-й нижнесаксонской пехотной дивизии выпала тяжелая задача взять форт «Сталин». Прошлой зимой штурмовые роты 16-го пехотного полка уже однажды карабкались по внешним стенам этого форта, но вынуждены были затем отойти в Бельбекскую долину.

Теперь предстояла задача снова проделать этот кровавый путь. Первая попытка 9 июня провалилась. 13 июня пехотинцы 16-го пехотного полка снова атаковали форт. «Сталин» представлял собой груды развалин, из которых все еще велся огонь. В Андреевском крыле комендант собрал только комсомольцев и членов партии. В боевом донесении говорилось: «Это был, наверное, самый упорный противник, с которым нам когда-нибудь приходилось иметь дело».

Вот только лишь один пример из многих. В бункере, получившем прямое попадание, находилось 30 убитых, 10 оставшихся в живых, несмотря на это, продолжали обороняться, используя тела павших как прикрытие.

Против них были применены огнеметы. Затем были брошены гранаты. Многих солдат рвало при виде последствий этого. Но только во второй половине дня четверо обессилевших русских смогли выйти из развалин. Они сдались после того, как их политрук застрелился. Оба наступавших батальона 16-й нижнесаксонской пехотной дивизии были сильно потрепаны в ходе этих ожесточенных боев. Многие офицеры вышли из строя. Один лейтенант из командирского резерва принял на себя командование остатками стрелковых рот обоих батальонов.

Кровавые бои на второй линии обороны бушевали до 17 июня. Стояла ужасная жара. Невыносимый трупный запах тянулся над полем сражения, покрытым бесчисленными телами, на которых жужжало скопище мух. Соседи справа, баварцы, а также солдаты из нижнесаксонской дивизии понесли настолько тяжелые потери, что на время были отведены с фронта.

Да, у наших войск ситуация выглядела далеко не в розовом цвете. Потери все возрастали, ощущавшаяся нехватка боеприпасов вынуждала иногда прерывать боевые действия. Уже раздавались голоса командиров, призывавших к приостановке наступления до под-

хода свежих сил. Но Манштейн знал, что он не может рассчитывать на подкрепления.

17 июня был дан приказ на новое наступление по всему северному участку фронта. Обескровленные полки вступили еще раз в бой с твердым намерением на этот раз овладеть ситуацией.

В Бельбекской долине в 4 км к западу от Маслянной горы осуществлялись приготовления для ведения огня из двух мортир калибром 355 мм. Они получили приказ разбить бронеколпаки извергающего огонь форта «Максим Горький-1». Огонь тяжелых 305-мм орудий советского форта держал под контролем Бельбекскую долину и путь к побережью.

Подготовка обоих гигантов для ведения огня представляла собой тяжелую работу. После 4-часовых усилий соответствующих подразделений командир батареи обер-лейтенант фон Хадим получил, наконец, возможность отдать приказ на открытие огня.

Чудовища с неимоверным грохотом изрыгнули огонь. После третьего залпа вахмистр Майер, выдвинутый на передовую в качестве артиллерийского наблюдателя, доложил о том, что попадание бетонобойных снарядов в бронеколпак не дало никакого эффекта.

«Специальными рехлингскими гранатами!» — командует фон Хадим. Снаряды длиной 3,6 м и весом в 1000 кг каждый подаются с помощью кранов. «Рехлинги» проявили себя с лучшей стороны во Французском походе против укреплений в Люттихе. Взрыв их происходит не при соприкосновении с целью, а лишь тогда, когда они проникают внутрь ее.

Унтер-офицер Фридель Ферстер и его 14 боевых товарищей у первого орудия разом заткнули уши, когда обер-лейтенант поднял руку: «Огонь!»

Двадцать минут спустя раздается еще одна команда обоим орудиям: «Огонь!»

Вскоре после этого вахмистр Майер докладывает по радио: «Бронеколпак сбит!»

«Голова» «Максима Горького» свернута набок. Стволы 305-мм корабельных орудий уткнулись в небо. Батарея умолкла.

Пробил час полковника Хитцфельда, покорителя Татарского вала под Керчью. Во главе батальонов своего пехотного полка он штурмует форт и овладевает подходами к нему и его бронированным башням.

Форт «Максим Горький» больше не в состоянии вести огонь. Но его гарнизон, засевший внутри мощного железобетонного сооруже-

ния длиной 300 м и шириной 40 м, не сдается. Даже более того, они предпринимают небольшими группами стремительные вылазки через тайные ходы и коммуникации.

24-й саперный батальон получает приказ покончить с этой неразберихой. На предложение о сдаче крепости советский гарнизон отвечает автоматным огнем. Предпринимается первая попытка подрыва с применением огромного количества динамита, дымовых шашек и боевого вещества для огнеметов. После того как газы и дым развеялись, гарнизон вновь открыл огонь из всех щелей и амбразур.

Предпринятая нашими саперами вторая попытка, наконец, достигает цели: гигантский бункер подорван, его чрево вспорото. Взорам саперов открывается целый подземный город, уходящий вниз на три этажа, — форт «Максим Горький-1», обошедшийся в миллионные суммы. Здесь имелась автономная электростанция, система водоснабжения, госпиталь, столовая, машинные отделения, подъемник для боеприпасов, арсеналы и боевые галереи. Каждое помещение и каждый коридор оборудованы двойными стальными дверями. Каждую приходится взрывать отдельно. Саперы стоят, тесно прижавшись к стенам. Когда заряд рвет сталь, внутрь прямо в дым летят гранаты. Солдаты выжидают, когда вытянет газы. Затем — вперед! В проходах и коридорах лежат трупы советских солдат. В своих противогазах они похожи на привидения. Когда они были еще живы, вонь и дым заставили их надеть эти противогазы.

Из следующего коридора навстречу нашим солдатам вылетают автоматные очереди. Летят ручные гранаты. Раздаются хлопки пистолетных выстрелов. Затем захлопывается стальная дверь. Кровавый спектакль повторяется вновь. Так продолжается часами, пока бой не приближается к нервному центру крепости — командному бункеру.

В Севастополе, где совсем рядом с портом находится командный пункт вице-адмирала Октябрьского, также следят за борьбой форта. Офицер-связист, младший лейтенант Кузнецов, сидит у своего аппарата связи. Каждые полчаса он получает сообщение из «Максима Горького». Приказ адмирала командирам и комиссарам гласил: «Сражаться до последнего человека!»

Поступает сигнал. Кузнецов слушает и записывает донесение: «Нас осталось 46 человек. Немцы ломятся в двери и требуют, чтобы мы сдались в плен. Дважды мы открывали люк и вели огонь через него. Теперь это стало невозможным. Через 30 минут поступает

последняя радиограмма: «Нас осталось всего двадцать два. Мы готовимся взорвать себя. Связь прекращаем. Прощайте!»

Так оно и случилось. Командный пункт форта был взорван его защитниками. Бои за форт закончились. От всего гарнизона в тысячу человек в плен попало всего 40 — все раненые. Это число говорит обо всем. Пока 17 июня шли бои за форт «Максим Горький-1», саксонские батальоны брали форты «ГПУ», «Молотов» и «Чека».

Соседи слева, солдаты бременской 22-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора Вольфа, пробивали себе путь рядом с саксонцами на юг к форту «Сибирь» при поддержке батареи штурмовых орудий. 16-й пехотный полк преодолел сопротивление фортов «Волга» и «Урал» и овладел ими. 19 июня бременцы первыми вышли к бухте «Северная», последнему препятствию на пути в южную часть города.

50-я мекленбургская пехотная дивизия и 4-я румынская горнострелковая дивизия получили самый тяжелый приказ. Им предстояло преодолеть скальную, поросшую кустарником местность с северо-востока в направлении высоты Гайтаны. Они сделали это и вышли к восточному сектору бухты «Северная».

На западном фасе согласно диспозиции 30-й корпус под командованием Фреттер-Пико выступил 11 июня. Дивизии шли вперед по обе стороны дороги, ведущие от побережья к городу. Они должны были взять Сапун-гору и господствующие высоты, являвшиеся ключом к городу. Бои велись здесь за вершины сопок и балки. Это были схватки местного значения за овладение хорошо замаскированными опорными пунктами и укрепленными огневыми точками в скалах: «Северным носом», «Оркестровой горой» и Камарскими пещерами...

Полки егерей с боями преодолевали крутые прибрежные скалы. Порт Балаклава был взят нашими войсками с ходу еще осенью 1941 года. Но и в 1942 году для егерей нашлась здесь работа, ее хватало для храбрых бойцов ударных групп и их командиров. Навсегда запомнились имена лейтенанта Кослара, обер-фельдфебеля Кединга и фельдфебеля Хиндемита. Особенно кровопролитные бои на этом участке фронта выпали на объекты атаки: высоты «Головастик», «Киноварь I, II, III», «Розовая гора» и пресловутый «Виноградник».

Усиленная 170-я пехотная дивизия овладела важными высотами в районе Сапун-горы. За 8,5 часа 240-й саперный батальон, ведомый лейтенантом Милиусом, пробился к ее гребню. Там он создал плацдарм, с которого открывалась панорама города и порта Севастополь.

Высота «Орлиная» была взята 18 июня 72-м разведбатальоном, которым командовал майор Бааке.

42-й пехотный полк получил довольно-таки зловещий приказ: штурмовать старое английское кладбище, где были похоронены павшие в Крымской войне. На кладбище русские оборудовали сильно укрепленный артиллерийский опорный пункт: ужасную мрачную крепость.

20 июня пал форт «Ленин». Когда же после тяжелых боев были захвачены форт «Северный» и пресловутая батарея в Константиновском на Северной косе, удушающее кольцо сомкнулось вокруг Севастополя. Манштейн овладел всеми укреплениями по периметру города. Тем не менее советское командование перебросило в ночь на 26 июня еще одну стрелковую бригаду, использовав все возможные и доступные плавсредства. Она подошла как раз к финалу.

Операцию «Лов осетров» завершали своими действиями 22-я и 24-я пехотные дивизии. 27 июня незадолго до полуночи роты пересекают бухту, используя надувные лодки и другие специальные плавсредства. Противник слишком поздно разгадывает маневр, и первые ударные группы сминают его.

Батальоны продвигаются дальше до окраины города. На рассвете подходят пикировщики. Они пробивают путь пехоте. Взят последний противотанковый ров. Советская оборона сломлена. Коегде в одиночку сражаются до последнего вздоха отдельные комиссары, командиры, солдаты-комсомольцы.

На крутом берегу бухты «Северная» сидят тысячи женщин, детей и солдат. Они сидят в штольне, вход в которую забаррикадирован. Комиссар отказывается впустить наших солдат. Саперы готовят заряд. В этот момент комиссар подрывает штольню и всех, кто там находится, включая и себя. Со всеми вместе гибнут и 12 немецких саперов.

3 июля все было кончено. Севастополь, мощнейшая крепость мира, пал. Были разгромлены две советские армии. В плен попали 90 тысяч красноармейцев. На изрытом снарядами и бомбами поле битвы остались тысячи трупов, 467 орудий, 758 минометов, 155 зениток и противотанковых пушек. Таковы были потери противника.

Командующие укрепрайоном и крепостью адмирал Октябрьский и генерал-майор Петров не остались там, на поле боя. 30 июня они были эвакуированы из крепости на торпедном катере¹.

¹ Адмирал Ф.С. Октябрьский был вывезен из Севастополя на самолете, а генерал-майор И. Е. Петров — на подводной лодке. — *Здесь и далее прим. ред.*

Теперь 11-я армия Манштейна высвободилась для действий в соответствии с целями крупномасштабного плана — уже начавшегося наступления на Сталинград и Кавказ.

План наступления в руках русских

*Испорченный праздник — Майор Райхель исчез — Злополучный полет —
Две таинственные могилы — Русские узнают о плане наступления —
Наступление все же начинается*

Дача комиссара была обставлена с хорошим вкусом — это была неожиданность. Она располагалась в небольшом саду на одной из окраин Харькова в двухэтажном здании. Подвальное помещение также было достаточно просторным. Неплохо жилось в ней товарищу комиссару, имевшему ответственные полномочия: он руководил тяжелой промышленностью всей Харьковской области. Но это в прошлом. Теперь же особняк занимали генерал танковых войск Штумме и штаб его 40-го танкового корпуса.

Штумме был отличным офицером и к тому же знатоком жизни и любителем пожить в свое удовольствие. Небольшого роста и сгусток энергии. Всегда с моноклем в глазу, еще со времен своей кавалерийской юности. Его лицо было слегка красноватым из-за высокого кровяного давления, и все это сразу выдавало причину его прозвища среди офицеров его штаба (правда, втайне от него самого) — «шаровая молния». Тем не менее Штумме знал о нем, но не подавал виду и не реагировал, когда ему случалось услышать свой «титул».

Штумме по сути своей был не генштабистом академического полка, а практиком, отлично чувствовавшим необходимость и момент требуемых оперативно-тактических шагов. Он входил в элиту германских полководцев-танкистов, являясь как умным планировщиком, так и цепким военным-прагматиком. Настоящий фронтовик, любимец солдатской массы, о которой он проявлял неизменную, неустанную заботу. В офицерской среде он также пользовался уважением, вызывая удивление своей энергией и пронизательностью высокочлассного военного профессионала.

Его слабостью — приятной слабостью — был хороший стол. «Война — и к тому же еще с плохой кормежкой? Ну нет, господи!» — частенько можно было услышать от него. Доброе застолье он всегда

разделял со своими гостями, доверяясь стараниям коменданта своей штаб-квартиры.

19 июня 1942 года было одним из таких дней. Приглашены были три командира дивизий его корпуса и командующий артиллерией: генерал-майоры фон Бойнебург-Ленгсфельд, Брайт, Фремерей и Ангело Мюллер. Начштаба корпуса, подполковник Франц, начальник оперативного отдела штаба подполковник Гессе и лейтенант Зайтц, а также адъютант командира корпуса подполковник Гарри Момм, известный во всем спортивном мире в соревнованиях по конкуру, также удостоились этой чести.

«Еще пару дней мы имеем возможность поспать, господа, — такими словами приветствовал Штумме своих гостей. — Надеюсь, на этот раз нам удастся поставить Сталина на колени». «Может быть», — проворчал генерал Брайт, уроженец Пфальца, выделявшийся своим крепким телосложением.

За два дня до этой встречи три командира дивизии устно были извещены Штумме о задаче, поставленной корпусу в рамках первой фазы операции «Блау». Подчеркнем — устно, поскольку даже командир корпуса до самого начала наступления не должен был знать ни приказов корпусу, ни самого плана. Так было установлено Гитлером, требовавшим высшей степени секретности для этого случая. «Не позволено ли нам будет узнать хотя бы о некоторых ориентировочных моментах в письменном виде?» — спросил один из командиров. И хотя даже такой вариант являлся нарушением, Штумме все же пошел на это. «Невозможно вести танковый корпус в бой, находясь в неведении», — сказал он своему начштаба и затем продиктовал один документ объемом в половину машинописной страницы, начинавшийся словами: «Только для господ командиров дивизий! И только относительно первой фазы операции «Блау». Сверхсекретный листок подполковник Гессе приказал доставить в штабы дивизий через особо надежных офицеров связи.

Подобный стиль был обычным делом во многих танковых корпусах. Иначе как мог бы командир дивизии подвижного моторизованного соединения в случае внезапного успешного прорыва использовать свой шанс, не зная, куда ему выдвигаться далее — на север, на юг или на запад? Корпус Штумме, например, согласно директивному плану, имел в первой фазе наступления задачу во взаимодействии с 6-й армией нанести удар через Оскол и затем развернуться на север для создания котла. После быстрого форсирования водной преграды важное значение приобретали знание командира-

ми этого крупномасштабного замысла и их незамедлительные последующие действия. Метод Штумме коротко и в письменном виде информировать командиров дивизий своего корпуса всегда удавался. За счет его он никогда не упускал своего шанса, и у него не случилось ничего непредвиденного. Во всяком случае, до этого дня 19 июня.

Штумме с удовольствием воспринял застольный сюрприз того вечера: в какой-то момент подали спинку оленя, подстреленного подполковником Францем на «рекогносцировке» специально по этому поводу. В качестве закуски была подана также икра и ко всему этому — крымское шампанское. Таковы были плоды усилий одного энергичного офицера службы снабжения на харьковских складах. Гости не заставили себя долго упрашивать.

Сладкое шампанское настраивает на веселый лад. Об этом свидетельствуют как застолья царственных особ, так и праздники советских людей. Веселье не обошло и стол Штумме 19 июня 1942 года. Все офицеры, пережившие ужасы минувшей зимы, снова уверенно воспринимали сложившуюся ситуацию. Прежде всего, сам командир корпуса излучал энергию и оптимизм. В послеобеденное время он переговорил со штабом армии. И там царило хорошее настроение. Войска генерала Макензена пробили для 6-й армии брешь выше Харькова (по карте), в районе Волчанска, восточнее Донца, и заняли для нее по ту сторону реки у Бурлука отличные исходные позиции для крупной наступательной операции.

В смелой операции на окружение Макензену удалось силами своих четырех танковых и четырех пехотных дивизий разгромить значительно более многочисленные советские соединения, занимавшие хорошо укрепленные полевые позиции на господствующих высотах у реки Донец. Корпус овладел этой полосой полевых укреплений. В плен было взято 23 000 человек. Это давало возможность 6-й армии теперь, накануне крупного наступления, не совершать форсирования Донца под огнем противника, представлявшего значительный риск.

Подполковник Франц, вооружившись вилкой и ножом, десертной ложечкой и рюмкой для водки, наглядно продемонстрировал действие войск Макензена, приведших к большому успеху с крайне малыми для них потерями. Эта операция вновь свидетельствовала о том, что немецкие войска на Восточном фронте после зимней катастрофы обрели свою прежнюю ударную мощь.

Часы показывали без пяти десять. Но огненной надписи на стене, как во время валтасарова пира, не появилось. Ничего не взорвало

дружеского радостного застолья. Лишь только писарь оперативного отдела штаба Одинга, подойдя к подполковнику Гессе, наклонился над ним и прошептал ему что-то. Тот встал из-за стола и обратился к Штумме: «Господин генерал, меня срочно просят к телефону». Штумме засмеялся: «Только, пожалуйста, без всяких неожиданностей». Гессе: «Не думаю, господин генерал. Это адъютант из 23-й танковой дивизии».

Когда оба вышли и спустились по лестнице в помещение, где находились оперативные карты, фельдфебель Одинга произнес: «Кажется, в 23-й дела неважные, господин подполковник». — «Вот как?» — «Да, кажется, майор Райхель, начальник оперативного отдела штаба 23-й дивизии, куда-то пропал сегодня, во второй половине дня». — «Что?»

Последние ступеньки Гессе преодолел одним махом и произнес в трубку: «Ну, что там?» Затем пауза. И снова его голос: «Нет, у нас его нет». Гессе посмотрел на свои часы: «В четырнадцать ноль-ноль он вылетел, вы говорите? А сейчас уже двадцать два. Вы соображаете? Что у него было при себе? — Гессе слушал напряженно. — Что, все карты? И машинописный лист? Черт возьми, офицер разведки поднимается в воздух, имея все это на руках?» Гессе разом сник. Он бросил трубку телефона на рычаг и влетел назад в гостиную. Разом настроение всех переменялось. По внешнему виду Гессе всем стало ясно, что что-то случилось. Подполковник Гессе коротко доложил, поочередно обращаясь то к Штумме, то к Бойнебург-Ленгсфельду, что начальник оперативного отдела штаба майор Генштаба Райхель, отличный, надежный офицер, в 14.00 вылетел на связном «Шторхе» вместе с обер-лейтенантом Дехантом в качестве пилота в распоряжение штаба 17-го армейского корпуса с целью произвести оттуда еще раз рекогносцировку маршрутов выдвижения дивизии, обозначенных в упомянутом машинописном листе на имя командира дивизии. Райхель, вероятно, миновал КП и проследовал далее к передовой линии фронта. Он до сих пор еще не вернулся, и его самолет не садился в расположении дивизии. При нем были карты с нанесенной боевой обстановкой, расположением дивизий корпуса и с указанными целями наступления согласно первой фазе операции «Блау».

Как будто какая-то сила подняла Штумме со стула. Бойнебург-Ленгсфельд попытался успокоить его: «Наверное, сел где-нибудь в тылах наших дивизий. Я думаю, самого худшего не случилось». Он гнал от себя мысль, которую можно было прочесть на лицах у всех: «Захвачен русскими. С директивой и с информацией на картах отно-

сительно «операции Блау». Вот тут-то Штумме сразу и превратился в шаровую молнию. Со всеми дивизиями на этом участке фронта связались по телефону. Всем командирам дивизий и полков было приказано запросить передовые посты артиллерийских наблюдателей и командиров рот, не наблюдалось ли чего-нибудь в смысле происшествия.

Штаб корпуса походил теперь на растревоженный пчелиный рой. Звенели и зуммерили телефоны; не прошло и четверти часа, как из штаба 336-й пехотной дивизии доложили: передовой артиллерийский наблюдатель в горячем послеобеденном мареве, где-то между 15.00 и 16.00 часами, заметил самолет модели «Физелер Шторх», круживший в очень низкой облачности, и затем, когда как раз над всем участком фронта опустилась сильная летняя гроза, сел вблизи расположения русских войск. Штумме приказал выслать усиленную штурмовую группу.

Подполковник Гессе передал уточненные приказы на разведывательно-поисковые мероприятия. В первую очередь касательно обоих исчезнувших. Если Райхель и его пилот не будут найдены, то следует искать портфель и карты. Если следы противника будут обнаружены — проверить местность на наличие следов пожара или боевого столкновения, которые могут указывать на то, что документы уничтожены.

Командование 336-й пехотной дивизии на рассвете 20 июня выслало усиленную роту на довольно труднообозримый участок местности. Вторая рота обеспечивала фланговое прикрытие и отвлекающий огонь из личного оружия. В небольшой лошине был обнаружен самолет. Он был пуст: ни портфеля, ни карт. Оборудование кабины пилота было изъято по обычаю русских, когда им доставались немецкие машины. Следов поджога не было. Ничто не говорило в пользу того, что карты и документы были уничтожены. Никаких следов крови. Никаких следов борьбы. Бак самолета был пробит. Бензина в нем не было.

«Обыскать местность!» — приказал капитан. Солдаты разбились на группы и приступили к поиску. Вдруг один из унтер-офицеров крикнул: «Вот здесь!» Жестом он показал на два холмика земли в 30 метрах от самолета: две могилы. Для командира роты все стало ясно. Охранение было снято. Дана команда: «Отходим!»

Когда генералу Штумме доложили о двух могилах, он покачал головой. «С каких это пор Иваны стали такими шепетильными. Наши мертвых хоронят. И еще рядом с самолетом». — «Я сам теряюсь

в догадках», — сказал подполковник Франц. «Надо бы узнать поточнее, вдруг это опять русские штучки», — принял решение Штумме.

Штаб 336-й дивизии получил повторный приказ, на этот раз с дополнением: могилы вскрыть и проверить, лежат ли в них именно Райхель и обер-лейтенант Дехант.

И снова солдаты 685-го полка отправились на место. Вместе с ними отправился ординарец майора Райхеля — идентифицировать пропавшего. Могилы были вскрыты. Ординарец, по его словам, в одном из мертвых опознал своего майора, несмотря на то что тело было в нижнем белье и вид его был далеким от идеального. Деталей униформы во второй могиле также обнаружено не было.

Какое именно донесение было отправлено «наверх» штабом 40-го танкового корпуса, куда стекалась вся информация о поисках и расследовании, а также все соответствующие отчеты, до сих пор не удается точно установить. Некоторые из штабных офицеров не могут вспомнить факта обнаружения тел. Офицер связи из 40-го танкового корпуса, находившийся ко времени описываемых событий в качестве представителя штаба Штумме на передовой, на удалении в несколько километров от места обнаружения самолета и могил, и сразу же подключенный к поискам, считает, что майор Райхель бесследно исчез. Напротив, подполковник Франц считает, что тела были однозначно идентифицированы. Но, несмотря на совершенно четкие данные, исходившие от штабных офицеров 336-й дивизии, можно продолжать сомневаться в том плане, не пришла ли русским в голову идея разыграть спектакль, чтобы ввести немцев в заблуждение? Во всяком случае, фрау Райхель получила от полковника Фельтера, начальника оперативного отдела штаба 6-й армии, письменное извещение о том, что ее муж «был похоронен на солдатском кладбище в Харькове со всеми воинскими почестями». Она получила также фотографии захоронения, однако обручальное кольцо, которое ее муж всегда имел при себе, ей выслано не было. Над всем этим делом доныне — завеса сомнений.

В конце июня 1942 года для германского командования было крайне важным достоверно знать, погиб ли Райхель или был захвачен живым в плен. Если он был убит, то русские могли знать только то, что было указано на картах и значилось в тексте на злополучном листке: информация о первой фазе операции «Блау». Если же майор попал к ним в руки живым, то возникала опасность, что спецам из ГПУ удалось выжать из него то, что он знал сверх того. А Райхель, в общих чертах, конечно, знал все о большом замысле. Замысле в от-

ношении Сталинграда и Кавказа. И в страшном сне не приснится то, что советские секретные службы узнали бы, если бы им удалось «разговорить» живого Райхеля. Имелось достаточно оснований опасаться именно этого.

Ни от кого не являлось тайной то обстоятельство, что русские войска на передовой имели строгий приказ: всякого захваченного в плен офицера с малиновыми кантами на галифе, что отличало офицеров Генштаба, беречь как зеницу ока и немедленно доставлять в вышестоящий штаб по команде. Даже погибших офицеров Генштаба им надлежало выносить с поля боя, чтобы тем самым создавать у нас ситуацию неуверенности и неясности об их судьбе и об информации, которой они располагали. Специальными мероприятиями их подразделений пропаганды на фронте эта атмосфера еще и подогревалась.

Почему вдруг русские всем этим неожиданно пренебрегли? И если так, то что означал факт захоронения?

Логически было бы правильным объяснить эту загадку следующим образом: Райхель и его пилот были захвачены советским разведдозором и затем убиты. Когда командир подразделения доставил своему начальнику карты и портфель, тот сразу понял, что речь идет о немецком штабном офицере высокого ранга. Во избежание неприятностей и волокиты для себя в случае проверки или дознания относительно тел он отправил своих солдат обратно и приказал им похоронить убитых офицеров.

Естественно, генерал Штумме доложил о деле Райхеля немедленно в штаб армии. Подполковник Франц уже в ночь на 20 июня, около 1 часа ночи, позвонил начштаба 6-й армии, тогда полковнику, позже — генерал-лейтенанту Артуру Шмидту, и доложил о случившемся. Генералу танковых войск Паулюсу ничего не оставалось, кроме как в соответствии с долгом и с тяжелым сердцем в свою очередь через командование группы армии известить ставку фюрера в Растенбурге.

На его счастье, Гитлер в тот момент находился в Берхтесгадене и дело «тепленьким» до него не дошло. Генерал-фельдмаршал Кейтель предпринял меры в порядке первичного расследования. Он был склонен настроить Гитлера на принятие строжайших мер в отношении виновных в случившемся офицеров. Он, конечно, догадывался, какой могла быть реакция Гитлера. В соответствии с личным приказом Гитлера было очевидно, что оперативные планы должны были «спускаться» из вышестоящих штабов только в устной форме.

В своей директиве № 41 Гитлер сам еще и еще раз давал строжайшие указания в отношении мер секретности в связи с решающим значением операции «Блау». В любом из других подобных случаев он, опасаясь последствий шпионажа, указывал на принцип: «Никто не должен знать сверх того, что безусловно необходимо конкретному лицу для выполнения конкретно поставленной ему задачи».

Генерал Штумме, его начштаба, подполковник Франц, командир 23-й танковой дивизии генерал фон Бойнебург-Ленгсфельд были за трое суток до начала наступления сняты со своих должностей; Штумме и Франц предстали перед особым присутствием имперского военного суда. На нем председательствовал рейхсмаршал Геринг. Обвинение содержало два пункта: преждевременное издание приказа и слишком подробные его формулировки.

В ходе двенадцатичасового заседания Штумме и Францу удалось объективно доказать, что о «слишком преждевременном приказе» речи быть не могло. Только для выдвижения танкового корпуса к плацдарму Волчанск по единственному мосту через Донец потребовалось пять коротких июньских ночей. Оставался упрек в «слишком подробных формулировках». Он стал ключевым пунктом обвинения, поскольку штаб корпуса указал штабам своих дивизий на то, что после форсирования Оскола, при развороте в направлении на север войска могли бы войти в соприкосновение с выдвигавшимися здесь венгерскими соединениями, имевшими полевую форму, схожую по цвету с обмундированием русских войск. Это указание было важным, так как существовала опасность того, что личный состав немецких танковых частей мог по ошибке принять венгров за русских. Однако судом это извиняющее обстоятельство не было принято. Оба обвиняемых были приговорены к наказанию: соответственно 5 лет и 2 года содержания в крепости под стражей. После заседания суда Геринг тем не менее подал руку обоим осужденным со словами: «В вашем деле вы вели себя открыто, смело и безо всяких уверток и уловок. Я лично доложу об этом фюреру».

По всей видимости, Геринг сдержал свое слово. Фельдмаршал фон Бок, со своей стороны, также в личном разговоре с Гитлером в его ставке заступился за обоих опытных офицеров. Чье именно слово сыграло решающую роль, сейчас уже невозможно установить. Но по прошествии четырех недель Штумме и Франц получили письменные уведомления одинакового содержания о том, что фюрер отменяет приговор суда, принимая во внимание их заслуги и выдающуюся храбрость. Штумме был откомандирован в качестве заместителя

Роммеля в Африканский корпус, Франц последовал за ним, вступив в должность начальника штаба этого корпуса. 24 октября генерал Штумме погиб в битве при Эль-Аламейне. Там он и был похоронен.

После отзыва Штумме в командование 40-м корпусом вступил генерал танковых войск барон Гейр Лео фон Швеппенбург. Ему досталось нелегкое бремя.

Нужно исходить из того, что Верховному командованию русских не позднее 21 июня стал известен замысел и задачи 1-й фазы, а также развертывание немецких войск в этом крупном немецком наступлении. Кремль, таким образом, знал о том, что немцы, имея в своем распоряжении мощнейшие силы и средства, намереваются, нанося из района Курска прямой удар в направлении с запада на восток и осуществляя охватывающий удар из района Харькова, овладеть Воронежем — этим краеугольным камнем, с тем чтобы уничтожить советские войска перед Воронежем в котле между Осколом и Доном. Из того, что было нанесено на карты и сказано в документах, бывших у несчастного Райхеля, русские не были в состоянии распознать замысла, заключавшегося также и в том, что группа армий под командованием Вейхса в завершающей фазе затем имела задачу от Дона нанести удар в направлении на юг либо на юго-восток и что Сталинград и Кавказ были крупными оперативными целями, даже если бы Райхель и попал живым в русский плен и вынужденно дал бы показания, а в могиле рядом с самолетом находился кто-то другой.

Вопрос, который таким образом вставал перед ставкой фюрера, звучал так: следует ли менять либо отменять оперативный план и сроки его реализации?

Как фельдмаршал фон Бок, так и генерал Паулюс высказались против всего этого. Подступали сроки начала наступления, Советы, таким образом, ничего не были в состоянии предпринять. К этому следует добавить также и то, что 22 июня генерал Макензен начал свою вторую «новаторскую операцию» и с частями 1-й танковой армии завоевал для 6-й армии в районе Купянска исходные позиции в ходе небольшого по масштабам, но успешного окружения русских войск, давшего результаты в виде 24 тысяч пленных и выигрыша территории на протяжении от Донца до нижнего течения Оскола.

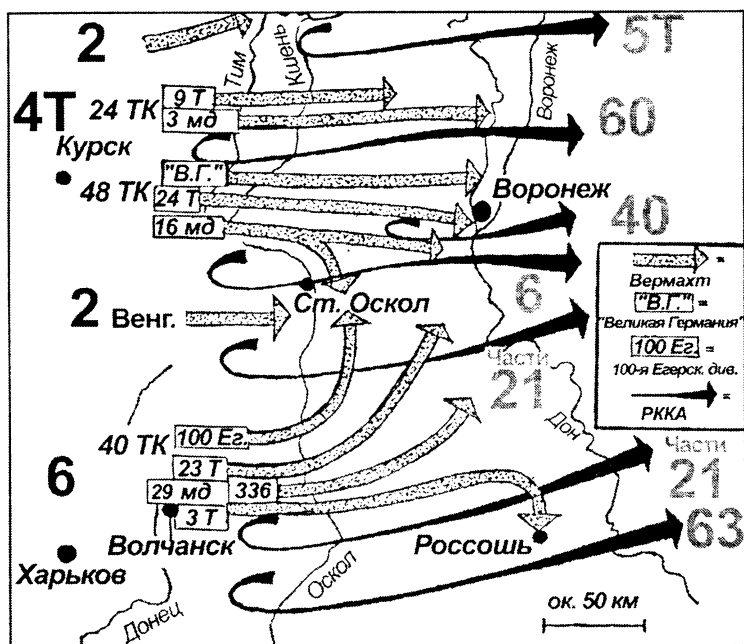
Прорыв для старта в неизведанное, заключавшееся в операции «Блау», был достигнут. Теперь уже невозможно было как-то по-иному перенастроить систему взаимосвязанных шестерен в механизме крупномасштабного плана, не поломав всего. Запущенная однажды машина должна была функционировать. Поэтому Гитлер

определил: действовать в соответствии с первоначальным замыслом. День «Д» для группы армий под командованием Вейхса на северном фланге — 28 июня, для 6-й армии с 40-м танковым корпусом в ее составе — 30 июня. Кости были брошены. Игра началась.

68 германских дивизий и порядка 30 дивизий союзников — итальянцев, румын, венгров, словаков, а также валлонские, финские, хорватские и другие добровольческие части и подразделения из многих стран Европы начали боевые действия: решающее наступление в рамках операции «Блау». То, что произошло впоследствии, возможно, было связано с трагическим «делом Райхеля» и являет собой час рождения немецкой трагедии в русском походе. Мы видим начальное звено в цепи стратегических ошибок, ведущих неизбежно к сталинградской катастрофе.

Тому, кто желает понять этот поворот событий, постигший немецкие войска на Восточном фронте, придется взять на себя труд проследить тяжелые для восприятия, но драматичные стратегические «ходы» в операции «Блау». Основной составляющей первой фазы ее было взятие Воронежа, так как этот город, раскинувшийся по берегам двух рек, являлся важным военно-промышленным и экономическим центром. Он был также ключом к Дону с его многочисленными переправами, а также к реке Воронеж. Город представлял собой, кроме того, узел транспортных коммуникаций Центральной России — шоссейная и железная дороги, водный путь, идущие в направлении с севера на юг — от Москвы к Черному и Каспийскому морям. В германском плане «Блау» Воронежу отводилась роль точки для поворота на юг, а также опорного пункта для флангового прикрытия.

28 июня группа армий под командованием Вейхса изготовилась для удара в направлении на Воронеж. 4-й танковой армии Гота отводилась роль ударного клина. В центре его, в свою очередь, в качестве несущей конструкции располагался 48-й танковый корпус под командованием генерала танковых войск Кемпфа. 24-й танковой дивизии (прежде 1-й восточнопрусской и единственной кавалерийской дивизии Вермахта, реорганизованной зимой 1941/42 года и переформированной в танковую) была поставлена задача — взять Воронеж. Дивизия, которой командовал генерал-майор Риттер фон Хауэншильд, нанесла удар со всей силой, на которую была способна. Огневая поддержка с воздуха, обеспечиваемая 8-м авиакорпусом, сокрушила советские рубежи обороны. Войска вышли к реке Тим, мост они взяли штурмом, едва успевая погасить подожженный русскими бикфордов

Первые шаги операции «Блау» (28 июня — 4 июля 1942 г.). Предполагалось взять Воронеж и создать в районе Старого Оскола первый котел. Но впервые советские армии не приняли боя и быстро отступили через Дон.

шнур. Командир дивизии в своем бронетранспортере впереди усиленного танкового полка стремительно проследовал по мосту.

Артиллерия и колонны живой силы советских стрелковых дивизий были разгромлены. Еще один мост невредимым оказался в наших руках. Темп был стремителен. Впереди находился командир дивизии вместе со своими офицерами, не обращая внимания на открытые фланги, следуя правилу Гудериана: «Танки — вперед! Их воинское счастье в открытых флангах».

При необходимости заправки-дозаправки производилась перегруппировка, и заново сформированные боевые группы быстро устремлялись дальше вперед. Вечером первого дня наступления мотоциклисты и танки атаковали деревню Евфросиновка.

«Что здесь такое?» — думал про себя ротмистр Эйхгорн, видя перед собой частокол, целый лес табличек и указателей у въезда в деревню, а также штабных лошадей, грузовики, радиостанции, смонтированные на автомобилях. Не иначе, какой-нибудь высокий штаб русских.

Мотоциклистам едва не попался большой «улов»: дислоцировавшийся здесь штаб 40-й армии русских в последний момент был спешно эвакуирован. Захватить его позднее также не удалось, но зато целая армия осталась без командования.

И вот так в эти раскаленные летние дни 1942 года 24-я танковая дивизия еще раз повторила те классические танковые удары первых недель войны и тем показала, на что способна свежая, полнокровная, хорошо оснащенная танковая дивизия, действуя против русских войск. Ее уверенные в победе части и соединения могла остановить, пожалуй, лишь стена воды с небес. Они организовали круговую оборону, поджидая подхода пехоты, затем передовые подразделения развивали наступление.

К 30 июня половина пути к Воронежу лежала уже позади. Немецкие войска очутились перед хорошо укрепленными и сильно разветвленными советскими оборонительными линиями, которые удерживались четырьмя стрелковыми бригадами. За ними свободно могли быть дислоцированы не менее двух танковых бригад. Положение было серьезным.

Советы пытались силами трех танковых корпусов окружить прорвавшиеся немецкие части и защитить Воронеж. Генерал-лейтенант Федоренко, начальник танковых войск и представитель наркома обороны, лично руководил операцией. Очевидно, что русским было понятно значение и опасность удара немцев на Воронеж. Но военное счастье не улыбнулось Федоренко. Его масштабно задуманный танковый удар по передовым частям 4-й танковой армии не удался. Более совершенная немецкая тактика, более глубокая разведка, чем у русских, и гибкое руководство войсками обеспечили победу над более мощными танковыми силами противника, на вооружении у которого была мощная бронетехника — танки Т-34 и КВ.

30 июня, в день, когда началось первое крупное танковое сражение, в 150 км южнее Воронежа 6-я армия изготовилась для нанесения удара в направлении на северо-восток — на Воронеж. Это были большие «клещи», предназначенные для того, чтобы выдернуть у Сталина первый «зуб».

40-й танковый корпус стремительно выдвинулся из района Волчанска. Это был мощный кулак, в составе которого находились закаленные в боях части и соединения. Задача, поставленная войскам бароном фон Гейром, была следующая: после выхода на рубеж реки Оскол повернуть на север и, взаимодействуя с 48-м танковым корпу-

сом Кемпфа, захлопнуть советские войска в котле в районе Старого Оскола.

Но тут произошло что-то странное. Штабы и войсковая разведка установили, что противник энергично сражался на сильно укрепленных оборонительных линиях своими арьергардами, основная же масса его войск организовано отходила на восток. Впервые русские не принимали навязываемых им крупных сражений. Они избегали опасности попадания в котлы.

Что означало сие? Знали ли русские наверняка замысел немецкой стороны? Или же они извлекли уроки из тяжелых поражений последнего года и не обороняли теперь второстепенные в стратегическом отношении районы и участки с тем, чтобы избежать опасности быть окруженными? Не ошиблось ли командование 6-й армии, нацелив удар своих войск слишком далеко к северу, упустив возможность окружения войск противника?

Как бы там ни было, во всяком случае решающий приказ Гитлера по плану «Блау» выполнен не был, а именно: «При обнаружившейся ныне нечувствительности русских в отношении действий на окружение оперативного масштаба необходимо, — и этому следует придавать решающее значение, — осуществлять отдельные прорывы, сразу же придавая им форму окружений. Прорывы осуществлять с задачей немедленного окружения войск противника в районах прорыва. Необходимо избегать того, чтобы вследствие запоздалых разворотов наших охватывающих соединений противник получал возможность избежать уничтожения. Также любой ценой необходимо обеспечивать в каждом отдельном случае уничтожение атакованных сил противника уже за счет самого характера боевого применения наших сил и средств и способов руководства ими, независимо от крупномасштабных оперативных задач».

Новая тактика русских

Злополучный Воронеж — Гитлер вновь меняет план — Военный совет в Кремле — Сражение смещается к Южному Дону — Бои за Ростов — Уличные бои с частями НКВД — Мост в Батайске

Когда командиру 40-го танкового корпуса было доложено о фактах отхода советских войск, он сразу же понял, что это угрожающий фактор для всей первой фазы операции. Основываясь на этих донесени-

ях, он запросил разрешения на незамедлительное развитие наступления в направлении на восток, к Дону. Но штаб 6-й армии настоял на своем плане окружения и отдал приказ: «Повернуть на север и соединиться с войсками 4-й армии». Приказ есть приказ. Он был выполнен. Котел захлопнулся, но оказался пуст. Русские отошли вместе с тяжелой боевой техникой и вооружением. Гора родила мышь.

Теперь и в ставке фюрера стало понятным, что дела идут не по плану. Русские спешно отходят к Дону. Будут ли они форсировать его, в то время как 4-я танковая армия выдвигается с боями к Воронежу? В этом случае первая фаза операции «Блау» оказывается ударом мимо цели. Опасность этого велика. Больше времени терять нельзя.

Перед лицом такой ситуации 3 июля Гитлер пришел к совершенно правильному выводу о том, что прежнее следование плану вначале брать Воронеж может навредить всей операции «Блау». Поэтому в ходе своего молниеносного визита в ставку фельдмаршала фон Бока он заявил ему: «Бок, я более не настаиваю на овладении городом, я не считаю это необходимым и разрешаю вам немедленно нанести удар в направлении на юг». Это был решающий момент. На чашу весов был брошен успех всего сражения. В чью сторону он склонится?

Гейр облегченно вздохнул, узнав поздно ночью 3 июля от штаба 6-й армии, что ему следует наносить удар прямо на восток, в направлении Дона с тем, чтобы заблокировать там отход русских войск. Но уже в среду 4 июля он получил новый приказ идти не на восток, а на север, на Воронеж, чтобы держать открытым южный фланг 4-й танковой армии. Что же случилось? Что произошло у Воронежа? Что стояло за этими колебаниями в ту и другую стороны?

Странно было вот что: все правильные решения в начале войны Гитлер принимал в удивительно робкой манере, совсем ему не свойственной. В случае с Воронежем он поступил не так.

Он не приказал фельдмаршалу фон Боку: «Пусть ваши войска оставят город слева от их маршрута и незамедлительно продолжают выполнять замысел относительно Сталинграда». Мы уже знаем, что сказал Гитлер по этому поводу. Ответственность за то, будет ли выполнен маневр войск без взятия этого важного пункта, этого транспортного узла, ложилась на главнокомандующего. Этим самым фельдмаршал ставил себя перед альтернативой: «Брать или не брать город?» Трезвомыслящий Бок рассуждал про себя: «Не лучше ли сначала взять Воронеж, и взять быстро, если такая возможность есть? Попытаться, во всяком случае?» Бок медлил. Он колебался.

И тут пришло донесение, что 24-я танковая дивизия с 26-м усиленным стрелковым полком в своем составе создала плацдарм на одной из донских переправ. Батальоны полка шли по ней, смешавшись с отходящими русскими колоннами. Поздним вечером разведывательные подразделения стояли в 3 км от Воронежа.

Сосед слева, моторизованная дивизия «Великая Германия», обеспечивавшая фланговую защиту 24-й танковой дивизии на севере, сама выдвинулась быстро вперед и 4 июля, также вечером, около 18.00 часов, стояла у Дона. Далее к Дону вышла 16-я мотопехотная дивизия, а именно ее усиленный мотоциклетный батальон.

Советы не взорвали мост через Дон у Семилук, через который путь лежал прямо на Воронеж. Они сами хотели его использовать для перехода через Дон своих армий. Нанося сильные контрудары, введя в дело танки Т-34, они пытались удерживать немецкие войска на дистанции от моста и оборонять широкий плацдарм на западном берегу.

Около 20.00 4 июля обер-лейтенант Блюменталь с ротой солдат из состава «Великой Германии» взял мост через Дон, важный для выхода к Воронежу, и создал плацдарм на восточном берегу. Советы хотели спешно взорвать мост, но не успели подготовить электровзрыватели и использовали обычные шнуры, соединенные с заложенным под фермами моста динамитом. Шнуры быстро выгорали, приближался взрыв.

В этот момент унтер-офицер Гемпель прыгнул в воду, прошел по шею в воде вдоль под мостом и оборвал горящие бикфордовы шнуры. Им оставалось гореть всего 20 см. Если бы это произошло, рванули бы 60 кг динамита. В это время русские колонны с запада все еще шли по мосту. На восточном берегу они были встречены ротой Блюменталья. Мост был в наших руках. Удастся ли теперь взять Воронеж с ходу? Оседлав штурмовые орудия, подразделения пехотного полка из состава дивизии «Великая Германия» провели в направлении Воронежа массированную скоротечную разведку боем. Им удалось пробиться к вокзалу. Однако их пришлось позднее отвести вследствие жестоких контрударов мощных сил оборонявшихся. Тем не менее мы уже были в городе. Это побудило фон Бока не следовать предложению Гитлера оставить Воронеж в покое, а атаковать город. Он хотел использовать благоприятные факторы конкретного момента и с ходу взять его. Он надеялся, что ему в нужный момент из района Воронежа удастся зайти своими подвижными войсками в тыл армиям Тимошенко и лишить их возможности отхода через Дон: это

было еще одной принципиальной ошибкой, которая шаг за шагом приближала трагедию Сталинграда.

Когда раскаленный страшной 40-градусной жарой день 5 июля сменился ночью, оба мотопехотных полка из состава дивизии «Великая Германия», а также танки и мотоциклисты стояли у Воронежа, заняв к востоку от Дона обширные плацдармы, чтобы прикрыть подходящие в направлении на север пехотные дивизии. Но здесь обнаружили последствия ошибочной оценки противника со стороны командования группы армий — город полностью, до отказа был наводнен русскими войсками. Предприняв невероятные усилия, они очень оперативно укрепили Воронеж.

Когда об этом узнал Гитлер, он, наконец, отреагировал энергично. Теперь он строго запретил развивать наступление на город. «На юг, на юг», — призывал он. Но 6 июля части 24-й танковой дивизии и дивизии «Великая Германия» находились в городе. Кажется, русские уклонялись от боевого соприкосновения. И тут Гитлер также поддался соблазну момента и снова разрешил взятие Воронежа. Но одновременно он приказал, чтобы по крайней мере один танковый корпус продолжал наступать в направлении на юг, выходя без промедления к нижнему течению Дона. 4-й танковой армии ставилась задача как можно быстрее высвободить другие танковые части для поддержки этого танкового корпуса.

Эти меры означали утрату необходимой остроты и некоторую размытость в начале второй фазы операции «Блау». Несмотря на то что бои за Воронеж вначале велись с применением танковых войск, которые, вообще-то, не особенно пригодны для такого образа действий, у Бока раз за разом «изымались» наиболее боеспособные дивизии, которые впоследствии застряли южнее Воронежа, прежде всего по причине нехватки горючего. Таким образом, группа армий «Юг» в боях за Воронеж не была более достаточно сильной для решительных действий, а также для удара в направлении на юг, и для оперативного блокирования Дона сил одного корпуса даже с приданными другими мобильными частями было слишком мало.

17 июля после тяжелых боев была взята западная часть Воронежа. Но батальонам не удалось форсировать реку Воронеж, пересекающую город с севера на юг. Русские непрерывно наносили контрудары, бросая массы танков и пехоты в бой. Тимошенко стянул под Воронеж основную массу войск 40-й армии в составе девяти стрелковых дивизий, четырех стрелковых, семи танковых и двух противотанковых артиллерийских бригад. Такое сосредоточение войск

усиливает подозрение на то, что Тимошенко сумел заглянуть в оперативные карты Гитлера и сделать свои правильные «ходы»: сковывание основных германских сил на левом фланге перед Воронежем с целью выигрыша во времени для отхода основной массы своей группы армии от Оскола и от Донца и форсирования Дона. Куда? К Сталинграду.

Германское радио уже 7 июля передало сообщение о взятии Воронежа. Но 13 июля бои продолжались в квартале университетского комплекса и в пригородных лесах к северу. В последующие дни также не удалось овладеть восточной частью города мостом в северной его части и заблокировать проходившую с севера на юг железную дорогу на восточном берегу реки, имевшую решающее значение для подвоза и снабжения русских войск. Крупная артерия, снабжавшая город на протяжении от Москвы к югу, оставалась в руках русских.

Вместо того чтобы, как планировалось, после скорого падения Воронежа бросить немецкие подвижные соединения для удара в направлении на юг вдоль Дона, чтобы встать на пути отходящих из гигантского пространства между Доном и Донцом дивизий Тимошенко, закаленные в боях танковые и моторизованные дивизии вцепились в проклятый город. Маршал Тимошенко лично осуществлял руководство боевыми действиями. Город требовали удерживать как можно дольше для ослабления интенсивности и темпов ударов немецких войск в направлении на юго-восток. Каждый такой день означал выигрыш для Тимошенко.

В вечерние часы 6 июля южнее Воронежа, примерно в 80 км от Россоши, стояли передовые части 40-го танкового корпуса. Но горючего оставалось мало. Однако майор Вельман принял решение силами двух рот бронемашин и одной батареи из состава 75-го арtpолка продвигаться дальше, осуществляя замысел на нанесение удара, оснащенный командирами подразделений подвоза и снабжения. Они шли по степи ясной звездной ночью. Впереди — рота Буша, за ней — рота Бремера. Командир вспоминает: «Если мы хотели заполучить неповрежденными мосты через Калитву, то нам следовало на рассвете выйти к Россоши, избегая при этом всякого соприкосновения с противником из-за нехватки горючего и боеприпасов. И вот так мы беззвучно следовали, скрупулезно выдерживая темп марша, вдоль шедших также маршем русских и артиллерийских частей».

Около трех часов ночи уже показались бедные жилые постройки Россоши. Батальонный переводчик Краковка выловил первого попавшегося ошалевшего русского и выдернул из него сведения. «Това-

риш», дрожа, поведал, что кроме двух обозначенных на карте мостов имеется еще третий мост через Калитву, так называемый Танковый мост, построенный совсем недавно. Ротные Бремер и Буш вместе с командиром батальона прикинули свой план боевых действий.

На рассвете колонны Вельмана пронзили насквозь еще спавшую и ничего не подозревавшую Россошь. На спортивном стадионе стояли связные самолеты. Там и сям — одиночные танки. Перед большим трехэтажным зданием дежурили часовые, не подозревавшие ничего опасного в надвигавшихся клубах пыли.

Сразу же за 1-й ротой шел бронетранспортер майора Вельмана. Рота следовала по мосту. Вельман поравнялся с советским постом на северной стороне моста. Часовой в этот момент понял опасность и сорвал с плеча винтовку. Радист Теннинг буквально слетел с машины, ударил русского автоматом в живот и выхватил у него из рук винтовку. Затем этого первого важного пленного потащили к командиру. Русский сообщил, что в Россоши находится очень важный штаб и что не менее 8 танков охраняют город.

И вот уже прозвучали на том берегу первые выстрелы. Начались пятидневные ожесточенные бои с застигнутым врасплох, но все же сильным гарнизоном города. Стрельба велась со всех направлений. Танки Т-34, а также цепи советской пехоты вступили в бой. Но солдаты Вельмана удерживали мосты. Их спасением была подошедшая вместе с ними батарея полевых гаубиц, опытные расчеты которых заняли боевые позиции таким образом, что могли держать под огнем широкое шоссе у реки. В Россоши, как выражались солдаты, «свиристествовали дикие кабаны». Но боевой порыв и более крепкие нервы немцев взяли верх. Большинство советских танков было подбито в ближнем бою. Фельдфебелю Науману выпал особый улов: он захватил картографическое отделение штаба Тимошенко с 22 офицерами высокого ранга, большинство из которых были полковниками. Сам Тимошенко еще ночью находился в Россоши. Наверное, ему удалось уйти в последнюю минуту.

Несмотря на всю отвагу и удачу, план Вельмана мог бы закончиться, скорее всего, печально, не выйди 3-я танковая дивизия своими главными силами к Россоши. Советское сопротивление было сломлено. Берлинская дивизия генерал-майора Брайта снова достигла решающего пункта на своем пути вдоль Дона. Но тот факт, что бои за Воронеж «потрясли» весь план, сказались повсюду достаточно серьезным образом. Поскольку в районе южнее Россоши, вокруг Миллерова, предполагалось наличие крупных сил противника,

их следовало прежде уничтожить в ходе прямого наступления. Это опять означало отход от плана и самого духа и принципа скоротечной операции, нацеленной на Сталинград. В этой довольно неясной и запутанной с точки зрения правил и принципов руководства войсками ситуации началась третья фаза операции «Блау», которая, согласно наметкам директивы № 41, должна была решающим образом повлиять на большое летнее наступление 1942 года: наступление в южном секторе силами 1-й танковой армии и 17-й армии, намеченное на 9 июля. Цель: соединиться в районе Сталинграда, заметим, именно в районе, а не в самом городе, с тем, чтобы окружить дислоцировавшиеся между Доном и Донцом русские войска.

Но так же, как и на севере, на юге войска Тимошенко сражались лишь на определенных «узловых» участках, в то время как он выполнял свое скорое решение, отводя основную массу своих армий на восток и на юг.

Наступление в южном секторе не имело своим результатом ничего иного, кроме того, что оно инициировало фронтальный отход русских перед немецкими войсками в большую излучину Дона. Но там не было создано никакого немецкого фронта, который мог бы преградить путь ускользящим от боевого соприкосновения русским частям и соединениям.

Когда Гитлер узнал о том, что операция на окружение на среднем Дону уже больше невозможна вследствие быстрого отхода русских и случившейся у Воронежа задержки, он желал, по крайней мере, на среднем Дону ошеломить предполагавшиеся там силы противника внезапным ударом и запереть их в котле. Для достижения этой цели он отменил основной пункт своего плана, самую его суть: всеми силами быстро продвигаться к Сталинграду и отрезать территорию в нижнем течении Волги, заблокировать ее. Это произошло 13 июля.

Гитлер был готов осуществить эту операцию, в этой ситуации он должен был бы сделать это. Так как если противник не дает себя окружить и отходит, то нужно его преследовать по пятам, наседать на него. Нужно не давать ему времени осуществить меры по обороне и таким образом достигать цели. А целью было блокировать действия противника в районе Сталинграда. Эта цель была достижима. У Гитлера в распоряжении были две танковые армии, важные донские переправы были взяты нашими войсками. В течение самого короткого времени он мог бы быть в Сталинграде. Но Гитлер стал пленником собственных заблуждений. Он полагал, что боевая мощь и возможности Советов на исходе. В советском отступлении он не усматривал

ничего другого, кроме бегства, распада, утраты боевого духа, настроя на борьбу, в то время как оно было на самом деле планомерным отходом.

Панические проявления, имевшие место на многих участках, коренились в «низах» советского командования. В оперативном отношении Тимошенко контролировал отход и владел ситуацией. Он быстро его начал. Целью его было спасти главные силы советских армий для организации решительного сопротивления далеко в глубине страны. Этой опасности Гитлер не видел. Он считал, что со Сталинградом может быть покончено «одной левой» и одновременно имелась возможность начать широкомасштабное окружение советских войск на Нижнем Дону с центром в Ростове. Поэтому он своим приказом прервал марш 4-й танковой армии вдоль Дона в направлении на Сталинград, остановил ее перед большой излучиной Дона и повернул ее прямо на юг, кардинально изменив смысл и содержание третьей фазы большого плана. Точно так же, как ранней осенью 1941 года он остановил продвижение войск к Москве и бросил танки Гудериана на юг на окружение Киева, так и теперь он хотел неожиданно разгромить русских под Ростовом в ходе импровизированной операции. Она должна была стать самой большой операцией на окружение во всей войне.

6-я армия в одиночестве продолжала между тем свой путь к Сталинграду без своих «пробивных таранов», танковых частей 40-го танкового корпуса, которые вместе с остальными силами были передислоцированы для операции у Ростова.

В день этого рокового решения генерал-фельдмаршал фон Бок должен был уйти в отставку. Он был против намерений Гитлера проводить вышеописанные операции, поскольку они содержали противоречия, хотел остаться командующим группой армий и выполнять изначально отведенные ей основополагающие задачи. Однако ставка приказала разделить группу армий «Юг». 7 июля фельдмаршал фон Бок записал в своем дневнике: «Поступил приказ на принятие фельдмаршалом Листом командования 11-й, 17-й и 1-й танковой армиями. Тем самым сражение расчленяется на две части».

Здесь уместно сослаться на графа Мольтке, легендарного основателя и начальника прусского Генерального штаба, который справедливо учил, что ни один план военной кампании не мог «перешагнуть» события первого сражения, поскольку уже первое сражение зачастую создает непредсказуемую ситуацию.

И это случилось на Южном фронте вследствие уклонения Тимошенко от боевого соприкосновения с нашими войсками. Таким образом, в плане «Блау» произошли изменения. Но Гитлер забыл и другое правило Мольтке, гласившее, что такие изменения не должны повлечь за собой отход от основной стратегической идеи оперативного плана. Именно так оно и получилось.

Правильная идея плана «Блау» заключалась в сосредоточении сил в каждом случае ради конкретной цели, делая уничтожение войск противника основной целью, как итога в цепи рационально выверенных во времени шагов — овладение отдельными пунктами. Но Гитлер не только изменил «расписание» своего большого летнего наступления. Он изменил все построение Южного фронта и его цели.

Группа армий «А» под командованием фельдмаршала Листа, которой временно должна была быть придана еще 4-я танковая армия, в верхних штабных и армейских эшелонах получила название «Кавказский фронт». Группа армий «Б» (в составе 2-й и 6-й немецких армий, а также 2-й венгерской армии) после отставки Бока перешла под командование генерал-полковника фон Вейхса, и за ней осталось выполнение изначальной задачи — овладение Сталинградом.

Эта расстановка сил делает очевидным то обстоятельство, что Гитлер верил в возможность достижения обеих крупных оперативных целей в летней кампании 1942 года, изначально предполагавшихся к реализации одна за другой, все же одновременно и даже при условии разделения своих сил. Он также роковым образом оказался пленником ошибки. Ошибка заключалась в том, что «Иван» якобы был «уже готов».

Но «Иван» доказал обратное. Обсуждаемая фаза всей войны, как теперь уже известно, имела свою параллель, сходную с призраком: в тот самый день, когда Гитлер отдал известный нам роковой приказ о повороте сил на юг, расплыл свои силы и сместил фон Бока, в Кремле проходило заседание военного совета под председательством Сталина. Присутствовали: Молотов, маршал Ворошилов, начальник Генерального штаба Шапошников, а также по одному офицеру связи от США, Великобритании и Китая. Генералитет разъяснил Сталину, что советские вооруженные силы не могут себе более позволить и пережить повторных военных событий типа Вязьмы или Киева, что, таким образом, более недопустим принцип «держаться любой ценой». И Сталин сделал выводы. Он одобрил решение, принятое Генштабом, которое было оглашено Шапошниковым на заседании

13 июля: отход советских войск до рубежа Волги и Кавказа. Там — организация обороны с тем, чтобы немецкие вооруженные силы наступающую зиму провели бы в непригодных для расквартирования условиях. Эвакуация всех важных промышленных объектов на Урал и в Сибирь.

Уже в середине июля немецкий Генштаб получил агентурное донесение об этом заседании. Но Гитлер счел это уткой, дезинформацией.

Те, кто между тем еще сомневался в том, что Тимошенко отвел из оперативного района между Донцом и Доном свои войска со всем военным имуществом, смогли убедиться, что это так: у Миллера 40-й танковый корпус, в качестве сегмента «клешей» на крайнем юге, после поворота на юг из района Россоси силами всех своих трех дивизий нанес удар первым эшелоном прямо в центр отходящих русских войск.

По железной дороге и по шоссе южнее Миллерова массы советских войск, колыхаясь, перемещались на юго-восток. Дивизий немецкого корпуса было недостаточно для задержки этих колонн противника. Они также не смогли пробиться сквозь них вследствие сопротивления, оказанного у Миллерова, преследовавшего цель создать заслон южнее, на Нижнем Дону.

Битва катилась на юг, где Гитлер искал противника. После упорных боев 40-й танковый корпус Гейра 20 июля вышел к нижнему Дону и создал плацдармы у Константиновки и Николаевской. 1-я танковая армия пробилась на юг, форсировала Донец и теперь во взаимодействии с 17-й армией, выступавшей из района Сталина на Ростов, наносила удар в направлении на Ростов, уже защищаемый особенно упорно советскими войсками в качестве большого плацдарма.

К западу от Ростова 17-я армия 19 июля прорвалась сквозь позиции противника и силами 57-го танкового корпуса двинулась влево, а силами 5-го корпуса — вправо к Дону в его течении между Ростовом и Батайском. Генерал Кирхнер, и здесь снова поддерживаемый своим надежным полковником Генштаба Венком, изготовился силами своего 57-го танкового корпуса к смелому броску на Ростов с тем, чтобы внезапно овладеть этим важным городом в устье Дона, захватив невредимым большой мост через Дон между Ростовом и Батайском. В состав его корпуса входила словацкая подвижная дивизия.

С севера, в авангарде 1-й танковой армии, на Ростов выдвигался 3-й танковый корпус генерала фон Макензена. Как и в ноябре 1941 года, войска фон Макензена вновь сражались за этот город.

Дни и ночи шли ожесточенные бои за сильно укрепленное северное предместье города, превращенного в крепость усилиями инженерных подразделений.

Сам Ростов уже с начала года являлся крепостью и кроме мощных передовых укреплений имел три пояса круговой обороны, оборудованных минными полями, противотанковыми рвами и заграждениями. Однако штурмовым группам 57-го танкового корпуса, к изумлению обороняющихся, удалось прорвать укрепления на окраинах, войти в северную часть города и овладеть аэропортом, преодолев многочисленные очаги сопротивления и противотанковые препятствия. Мотоциклетный батальон ворвался в донскую столицу, не слезая со своих машин. В то время как штурмовые авангарды войск, сражаясь, продвигались вперед, на боковых улицах там и тут вспыхивали очаги сопротивления у сильно укрепленных зданий и особенно на площадях, с флангов.

В начале уличных боев танки остановились. Затем удалось снова возобновить наступление. Но прежде чем стрелки на мотоциклах достигли моста через Дон на Батайск, один пролет моста взрывом был обрушен в воду. Саперы к следующему дню, не покладая рук, обеспечили проход по мосту солдат и малотоннажной техники. К вечеру часть города к северу от моста была взята. Город горел во многих местах.

Ранним утром 24 июля в городе снова вспыхнули бои. В то время как довольно быстро удалось подавить сопротивление противника в квартале, где находится почтамт, элитные подразделения держали оборону в здании НКВД. Лишь к середине дня при поддержке танков сопротивление противника было сломлено и здание взято. В это время другие подразделения зачищали центр Ростова и выдавливали цепко обороняющегося противника на восток и на запад.

В центре Ростова продолжались упорные, жестокие уличные бои. Они прекратились только через несколько дней. Что здесь происходило? Об этом говорится в боевом донесении генерала Альфреда Рейнхардта, командовавшего в июле 1942 года 421-м пехотным полком 125-й пехотной дивизии в звании полковника. Донесение рисует кровавые уличные бои, бои за каждый дом в забаррикадированном крупном городе. Это беспримерные бои, подобных им по размаху и ожесточению ранее, вероятно, не было. Это были бои, которые ожидали немецкие войска в случае их выхода на улицы Москвы или Ленинграда.

23 июля, вечер: заканчивается пекло этого дня. Батальоны 421-го швабского пехотного полка стоят в Ростове, в его северной части. Танковые роты и пехота из состава двух танковых дивизий, пройдя вдоль обеих частей города, пробились к Дону. Они сражаются уже и в самом центре, но не везде им удается продвинуться дальше через мощно укрепленный центр города, вероятно, им недостает выучки для боевых действий в режиме уличных боев. Но здесь надо преодолевать сопротивление, если иметь в виду необходимость прорыва на юг, по большому мосту через Дон, на Кавказ.

Войска НКВД и их саперные подразделения забаррикадировали Ростов. Это своего рода элита, щит большевистского режима, сталинские СС, становой хребет государственной полиции и секретных служб, великолепно обученная, знакомая со всеми военными хитростями, с твердой волей и железной дисциплиной. Это элита и прежде всего мастера уличных боев. Ведь собственно их изначальная задача — защита режима от возможных революционных выступлений в городах.

Но с трудом можно вообразить себе, что устроили в Ростове эти специалисты по уличным боям: дорожное покрытие улиц снято, булыжники использованы для возведения баррикад метровой толщины. Боковые улицы заблокированы глубокими бункерами из кирпича. Повсюду минные поля и «ежи», очень затрудняющие броски пехоты. Двери домов замурованы, окна заложены мешками с песком, оборудованы как позиции стрелков. На балконах — пулеметные гнезда. На крышах домов — хорошо замаскированные позиции снайперов. В подвалах — тысячи бутылок с зажигательной смесью. Против танков — довольно эффективное средство: бензин, фосфор в смеси с самовозгорающимися в воздухе веществами. Там, где якобы в спешке забыли замуровать дверь, определенно сидит мина, взрывающаяся от нажатия на дверь, либо — тонкая проволока низко под потолком, соединенная с кучей взрывчатки.

Это — арена для танковых боев, и она оставляет мало шансов в рукопашной схватке. Хотя танки пробили первую, главную брешь, центр Ростова — поле сражения ударных штурмовых подразделений. Здесь предстоит в изматывающих боях метр за метром, дом за домом, улицу за улицей, бункер за бункером преодолевать сопротивление противника, устраняя на ходу его коварные сюрпризы.

Солдаты Рейнхардта, все из Швабии, приступают к этому делу. Полковник борется с противником его же оружием: точностью и хитростью. 1-й батальон майора Ортлиба и 3-й — под командовани-

ем капитана Винцена — разбиваются на три ударно-штурмовые роты каждый. В каждой — по тяжелому пулемету, по одному противотанковому орудью, по одному пехотному орудью, а для уличных боев — по одной легкой полевой гаубице.

Выступать — в направлении с севера на юг. План города разбит на сектора. Каждая рота имеет задачу продвигаться только по отведенной ей улице с севера на юг и только до известной разграничительной линии, проведенной через весь план города с запада на восток: линии А, В, С, D.

Затем — зачистка всего квартала и соединение с ротами-соседями. На этих линиях приходится стоять и ждать до тех пор, пока соседи не выйдут на ту же высоту и штаб полка не отдаст приказ на продолжение атаки. Таким образом, все шесть рот ведут бои всегда на одной высоте.

Та рота, которая быстрее продвинется вперед, не может быть атакована противником с фланга. За счет этого ход боев в безбрежном лабиринте домов и улиц всегда и надежно контролировался командованием. После того как роты 1-го и 3-го батальонов освобождают свой квартал, Рейнхардт тотчас же приказывает шести ударным клиньям еще раз выдвинуться. Они должны «собрать урожай» и обыскать дома поблочно, с крыш до подвалов. Все гражданские лица, в том числе дети и женщины, выводились из зоны боевых действий к определенным сборным пунктам. Те, кто не в состоянии бросить гранату или вести огонь из автомата, остается в домах в тылу штурмовых ударных групп. Роты, ведущие бой впереди, должны держать тыл свободным.

План срабатывает. Наверное, благодаря ему Ростов был взят так быстро: в ходе 50-часовых упорных и жестоких боев.

Генерал Рейнхардт докладывает в своем донесении: «Бои за центр города Ростова были беспощадными. Защитники его в плен не сдавались, дрались до последнего, вели огонь будучи ранеными или, если оставались в нашем тылу, в том числе из укрытий, пока не убьют. Наших раненых мы укладывали в бронетранспортерах и охраняли; если мы не успевали этого сделать, то находили их заколотыми или забитыми насмерть».

Самые тяжелые бои — на Таганрогской улице, ведущей прямо к въезду на мост через Дон. Здесь атаки неоднократно захлебываются, так как невозможно нейтрализовать хорошо замаскированных пулеметчиков НКВД.

«Бюзинг!» — кричит Рейнхардт. Обер-лейтенант, командир 13-й роты ползком пробирается к полковнику. Рейнхардт показыва-

ет на балкон третьего этажа: «Вон там, Бюзинг, балкон с оранжевым ящиком. Только что там взметнулась пыль. Там Иван залег. Сними его!» Бюзинг отпрыгивает назад к своему оружию. «Огонь!» — и после второго выстрела балкон падает вниз.

В старом городе и в квартале, где расположен речной порт, дела становятся хуже некуда. До этого места в улицах еще можно было как-то сориентироваться, но здесь они смыкаются с лабиринтом извилистых переулков. Там не поставишь оружия да и с пулеметом не очень-то развернешься.

Ближний бой! Подползаешь вплотную к окнам подвальных помещений, дверь, угол дома — вот они. Чувствуешь дыхание вражеского солдата. Слышишь, как он передергивает затвор своего карабина, слышишь с бьющимся сердцем, как он перешептывается с соседом. Автомат сжимаешь крепче. Поднимаешь чуть выше. Очередь. И снова — в укрытие. Деревянные дома горят. Едкий дым мешает вести бой, несмотря на благоприятное направление ветра, относящее дым к Дону. Когда, наконец, достигнута линия D, становится темно. Лишь какая-то пара сотен метров отделяет роты пехотинцев от боевых групп танковых частей на северном берегу Дона по обе стороны моста и дороги на Батайск. Опускается ночь, солдаты лежат меж деревянных сараев, складов, куч мусора. Пулеметный огонь вспарывает своим лаем тишину ночи. Трассирующие пули на доли секунды освещают снова и снова немыслимый «пейзаж», ярко как днем.

25 июля ни свет ни заря штурмовые роты 125-й пехотной дивизии снова идут в атаку. Но вдруг дело у них идет легко. Последние подразделения противника, располагавшиеся на берегу реки, ночью отошли за Дон. В 5.30 все штурмовые роты полка выходят к Дону. Тем самым Ростов оказывается в наших руках.

Но Ростов приобретает свое значение как ворота на Кавказ только тогда, когда в наших руках оказывается путь к ним: и мост через Дон, и заключительные шесть километров по плотине, проходящей по заболоченной местности, смыкающейся с мостом на Батайск. За Батайском — равнина, свободный простор для рывка на юг, к Кавказу. Этот путь к воротам окончательно открывают «бранденбуржцы», эти овечьи тайной необычайно отважные отряды отчаянных добровольцев¹. Удастся самое важное: заполучить мосты перед Батайском, прежде всего трехкилометровый виадук на южном берегу

¹ Имеются в виду солдаты полка особого назначения «Бранденбург», предназначенного для осуществления разведывательно-диверсионных операций.

Дона, состоявший из множества маленьких мостов и по которому единственная дорога вела на юг.

В 2.30 обер-лейтенант Граберт с передовой группой проникает на мост. Как тени, они скользят вперед. Короткими интервалами вслед за ними следуют оба других взвода. И тут русские что-то замечают. Они бьют из пулеметов и минометов. Огневой вал немцев следует за этим также из всех стволов. Теперь все зависит от того, удастся ли Граберту пройти. Ему это удастся, он опрокидывает сильное охранение моста и создает небольшой плацдарм. Он удерживает его в течение 24 часов, отразив все контратаки противника.

Роты и их командиры поистине жертвуют собой за мост. Обер-лейтенант Граберт и лейтенант Хиллер, из «бранденбуржцев», гибнут. Гибнут унтер-офицеры и солдаты под ураганным огнем советских войск. В последнюю минуту поспевают солдаты штурмовых подразделений. Затем — первые подкрепления по насыпи и по мосту. Под последним пролетом лежит Зигфрид Граберт. В 200 метрах от него, в луже, — лейтенант Хиллер. Рядом с ним, с зажатым в руке перевязочным пакетом, — санитар, сраженный пулей в голову. А по мостам 27 июля идут танки и пехотные роты 57-го танкового корпуса. Они идут на юг, к Кавказу.

Высокогорный фронт

Бункер под Винницей — Директива фюрера № 45 — На штурмовых лодках в Азию — На подступах к Кавказу — Гонка по кубанским степям — В стране черкесов

В июле 1942 года ставка фюрера находилась в глубине русской территории, под Винницей на Украине. Рабочие штабы Главного командования сухопутных войск вместе с начальником Генерального штаба занимали отведенные им помещения на окраине Винницы. Для Гитлера и его штаба организация Тодта построила под высокими соснами обширного лесного массива хорошо замаскированные бункера. 16 июля там поселился Гитлер. Это были дни, раскаленные жарой. Тени источавших хвойный аромат деревьев не давали прохлады. По ночам воздух был также сильно прогрет; было душно и тяжело. Местный климат Гитлер не переносил и большей частью находился в плохом расположении духа, был агрессивен, ко всякому испытывал крайнее недоверие. Генералы, офицеры, посредники от полити-

ки, вхолившие в окружение Гитлера. — все они в один голос свидетельствуют о том, что время пребывания на Украине было наполнено атмосферой напряжения и конфликтов. Ставка фюрера в Виннице имела кодовое наименование «Вервольф»¹. И Гитлер прятался в своем бункере словно оборотень.

23 июля генерал-полковник Гальдер был вызван в ставку для доклада о положении на фронтах. Гитлер сильно страдал от жары, а донесения с фронтов только усиливали его дурное настроение. Победы шли чередой, русские бежали, но ожидаемое большое сражение с целью уничтожения их между Доном и Донцом, равно как и у Миллерова и Старого Оскола, странным образом не состоялось. Кажется, аналогично складывалась ситуация и под Ростовом. В чем была причина? Что произошло?

«Русские планомерно избегают боевых столкновений и соприкосновений, мой фюрер», — объяснял Гальдер. «Вздор, — перебил его Гитлер, — они спасаются бегством, они выдохлись в результате ударов, которые мы им нанесли за последние месяцы». Гальдер сохранял холодное спокойствие, показал на карту, лежавшую на большом столе, и возразил: «Нам не удалось охватить основную массу войск Тимошенко, застать их врасплох, мой фюрер. Наши операции на окружение окружили пустоту. Основную массу своей группы армий вместе с тяжелым вооружением, правда, только с частью его, Тимошенко отвел на восток, за Дон, в район Сталинграда, другие свои войска — на юг, на Кавказ. Какие еще там у них есть резервы, нам неизвестно».

«Ах, опять вы с резервами! Говорю вам, мы не смогли застать врасплох бегущие войска Тимошенко в Старом Осколе и в Миллерове несколько позже, потому что Бок слишком долго был занят Воронежем. Мы далее не смогли охватить отходившие в панике русские войска Южной группы севернее Ростова, так как мы слишком поздно повернули наши подвижные соединения, а 17-я армия слишком рано начала осуществлять фронтальный натиск в направлении на восток. Теперь же необходимо разобраться с путаницей в сосредоточении наших подвижных войск в районе Ростова и использовать 17-ю армию, а также 1-ю и 4-ю танковые армии для быстрого охвата русских войск к югу от Ростова, в предполье Кавказа и блокирования их в котле. Одновременно с этим 6-я армия должна нанести смертельный удар остаточным русским силам, отошедшим к Волге, в район Сталинграда. Ни на одном из этих фронтов мы теперь не имеем

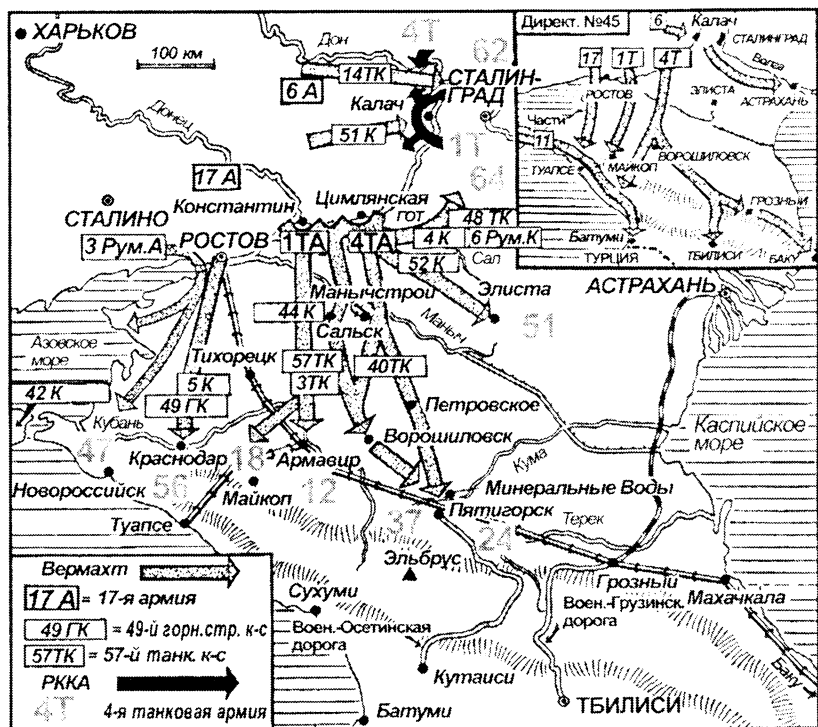
¹ Вервольф — оборотень (нем.).

права дать обессилевшему противнику еще раз оправиться. Основная операция — наступление группы армий «А» на Кавказ».

Напрасно начальник Генерального штаба сухопутных войск пытался 23 июля 1942 года в бункере украинской ставки фюрера «Вервольф» доказать ошибочность тезисов Гитлера. Он призывал отказаться от распыления сил, илти на Кавказ только после взятия Сталинграда, чтобы тем самым обеспечить в достаточной степени фланги и тыл немецких войск на Дону, а также между Волгой и Доном.

Соображения начальника Генерального штаба Гитлер отменил. Вот некоторые факты, свидетельствующие о том, как сильно им владела мысль о том, что Красная Армия уже окончательно разбита, как уверенно он чувствовал себя: он приказал передислоцировать под Ленинград основную массу войск 11-й армии фельдмаршала Манштейна в составе пяти дивизий, стоявших в готовности в Крыму для начала операции на Кавказе с тем, чтобы, наконец, взять эту крепость. Но и это еще не все: Гитлер снял с Восточного фронта отлично оснащенную мотопехотную дивизию СС «Лейбштандарт» и передислоцировал ее во Францию для отдыха и реорганизации в танковую дивизию. Другое элитное соединение на Восточном фронте, мотопехотную дивизию «Великая Германия», он также позднее вывел из боевых операций. Он приказал снять ее с фронта после овладения дамбой на Маньче и передислоцировать во Францию в распоряжение Верховного командования Вермахта.

При принятии этих решений Гитлер ссылаясь прежде всего на информацию о намерениях англичан, и, конечно же, это была искуснейшая дезинформация. А именно: на западе якобы ожидается вторжение. Это была ошибка, и зловещая, поскольку силы, снятые без всякого проку с Южного фронта, — всего 7 дивизий — смогли бы с большой вероятностью предотвратить катастрофу в Сталинграде. Крайне огорченным возвратился Гальдер 23 июля с этого совещания в свою ставку на окраине Винницы. В своем дневнике он записал: «Все еще имеющая место недооценка возможностей противника постепенно обретает гротескные формы и становится опасной». Однако Гитлер оставался в дальнейшем приверженным своей ошибочной оценке положения противника и свои мысли изложил в руководящей директиве фюрера № 45, под кодовым названием «Брауншвейг». Текст ее он продиктовал еще 23 июля, в день своего спора с Гальдером. 25-го директива была передана в войска. В преамбуле Гитлер предполагал, вопреки опыту боев последних трех недель, что только

Обстановка на Южном фронте в период между 25 июля и началом августа 1942 г. На схеме сверху помечены позиции, на которые немецким войскам предстояло выйти в соответствии с директивой № 45.

лишь слабым силам Тимошенко удалось избежать охвата немецкими войсками и выйти к южному берегу Дона.

Дальнейшие оперативные цели он сформулировал теперь, в противоречии с содержанием директивы № 41, плана «Блау», согласно которому вначале надлежало выйти к Сталинграду, лишь затем было предусмотрено наступление в район Кавказа с целью захвата русского нефтедобывающего региона. Вот они:

1. Ближайшая задача группы армий «А» состоит в том, чтобы теперь окружить и уничтожить отходящие на юг и юго-восток от Ростова за Дон войска противника.

С этой целью следует ввести в сражения мощные подвижные части и соединения с плацдармов, создание которых заранее осуществить в районе Константиновка — Цимлянская; в общем и целом — на юго-восточном направлении, например на Тихорецк; пехотные,

егерские и горнострелковые дивизии — в районе Ростова, имея здесь в виду форсирование Дона. Наряду с этим продолжать выполнение задачи по блокированию железной дороги Тихорецк — Сталинград силами выдвинутых вперед частей и соединений...

2. После уничтожения сил противника к югу от Дона важнейшей задачей группы армий «А» должно стать овладение всем восточным побережьем Черного моря с тем, чтобы нейтрализовать деятельность черноморских портов и Черноморский флот противника...

Другая группировка наших сил, в которую следует свести все остальные дивизии егерей и горнострелковые дивизии, получает задачу форсирования реки Кубань и овладения господствующими высотами у Майкопа и Армавира...

3. Одновременно необходимо овладение районом Грозного силами группировки из подвижных соединений и частей, создаваемой специально для этой цели, и заблокировать, по возможности, на перевалах Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги частично выделяемыми для этого силами. В завершение этого броском вдоль Каспийского моря необходимо овладеть районом Баку... Командование группы армий может рассчитывать позднее на подход итальянского корпуса альпийских стрелков, придаваемого в целях поддержки.

Эти операции группы армий «А» получают кодовое наименование «Эдельвейс».

4. Группе армий «Б» ставится задача наряду с созданием оборонительных рубежей на Дону разбить в ходе решительного удара на Сталинград сосредоточенные там силы противника, овладеть городом и заблокировать перешеек между Доном и Волгой.

В завершение этих операций надлежит использовать подвижные соединения в боях вдоль линии Волги с задачей выдвижения к Астрахани и одновременно блокировать там основной рукав Волги. Эти операции группы армий «Б» получают кодовое наименование «Фишрайер» («Щапля»).

Далее следовали директивы ВВС и военно-морскому флоту, в которых, между прочим, было сформулировано:

«Вследствие решающей важности нефтяной промышленности Кавказского региона для дальнейшего ведения войны надлежит осуществлять воздушные налеты на тамошние нефтяные скважины и нефтеперерабатывающие предприятия, а также на перевалочные порты на Черном море только в тех случаях, когда это безусловно необходимо для операций сухопутных войск.

Однако для того, чтобы лишить противника возможности вывоза нефти с Кавказа, необходимо как можно скорее заблаговре-

менно перерезать еще пригодные для этих целей железнодорожные маршруты и линии, а также морские коммуникации на Каспии».

«Кроме этого, Главному командованию ВМФ надлежит подготовить боевое применение легких военно-морских сил на Каспийском море для нарушения морских коммуникаций противника (транспортировка нефти и связь по морю с англосаксами в Иране)».

Итак, были поставлены гигантские по своим масштабам боевые задачи по овладению пространствами в трех различных направлениях: все восточное побережье Черного моря, нефтеносный район Баку и овладение Сталинградом. И все это — силами дивизий и корпусов, прошедших через многие недели кровопролитных боев, сопровождавшихся большими потерями. Это могло бы случиться лишь в том случае, если противник был бы окончательно истощен и измотан, если бы действительно «ослабленным силам противника удалось выйти к южному Дону», как Гитлер изложил в преамбуле директивы № 45.

Фельдмаршал Лист, баварец, родом из Оберкирха, прошедший школу старого баварского Генерального штаба, заслуженно награжденный за участие в Польской и Французской кампаниях и теперь командовавший группой армий «А», был умным, хладнокровным и расчетливым военачальником. Не идеалист-мечтатель, но человек, обладающий солидным опытом оперативного планирования и руководства, чуждый всяким играм ва-банк.

Когда 25 июля спецкурьером ему в Сталино была доставлена директива № 45 («Брауншвейг»), он покачал головой.

Позднее, в плену, он как-то сказал автору этой книги: «Только лишь убеждение в том, что высшее германское руководство и командование имело чрезвычайного характера надежную информацию относительно положения дел у противника, я, как и мой начштаба генерал Грейфенберг, в глубине души согласился с тем, что этот план представляется понятным».

Со времен Клаузевица признаком стратегической и оперативной мудрости считается формулирование и обеспечение приоритета или приоритетов в боевых операциях. Именно здесь, однако, это не было соблюдено. Так, например, за 6-й армией, вышедшей к Сталинграду и к волжской равнине, следовали приданные ей соединения и части блестяще обученного и экипированного усиленного итальянского корпуса альпийских стрелков. Группа армий «А» под командованием Листа, напротив того, впервые в войне на Восточном фронте имела перед собой задачи, связанные с ведением войны в условиях высокогорья, а именно — овладение Кавказом. В ее со-

ставе были только четыре горнострелковые дивизии — две немецкие и две румынские. Дивизии егерей из состава армейской группы Руоффа не были обучены ведению боев в условиях высокогорья. Также они не имели надлежащего вооружения и надлежащей экипировки. Четыре немецкие горнострелковые дивизии, личный состав которых представлял собой отборных, закаленных в боях, дерзких бойцов, набранных из альпийских местностей Германии, были «распылены» буквально по всему земному шару. Слишком поздно вспомнят о них в ставке фюрера, именно тогда, когда горнострелковые батальоны под командованием генерала Конрада, видя буквально невооруженным глазом свои конечные цели, к которым они приблизились за несколько недель боев, «зависнут» на хребтах Кавказа.

Из всего того, что директива № 45 принципиально предписывала фельдмаршалу Листу к исполнению своими наличными силами, он сделал вполне сносный план: армейской группе Руоффа, усиленной 17-й армией, надлежало нанести фронтальный удар из района Ростова в направлении на юг, на Краснодар. Подвижные войска 1-й танковой армии, за которыми на левом фланге следовала 4-я танковая армия Гота, получили приказ, прорываясь вперед к востоку от этого места, а именно с донских плацдармов, пробиться к Майкопу, образуя внешнюю часть «клещей».

Таким образом, предполагавшиеся южнее Ростова силы противника должны были быть окружены и уничтожены за счет взаимодействия между медленно продвигавшимися вперед пехотными дивизиями Руоффа и подвижными войсками Клейста. 4-й танковой армии генерал-полковника Гота на восточном фланге в этой операции отводилась задача обеспечения флангового прикрытия. Ее первой целью было взятие Ворошиловска¹. Согласно этому плану наступление на юг должно было продолжаться. И началась операция, которая развивалась чрезвычайно драматично и имела решающее значение для судеб всего Восточного фронта.

Русское командование проявило и в дальнейшем решимость не допускать более окружения своих частей и соединений. Советский Генштаб и военачальники строго придерживались новой или, вернее, старой стратегии, которая привела к поражению Наполеона — заманить неприятеля в необъятные просторы страны, заставить его расплыть свои силы с тем, чтобы затем бросить свои войска в наступление широким фронтом.

¹ Ныне Ставрополь.

Южнее Дона для немецких войск складывалась совершенно новая оперативно-тактическая обстановка: необходимо было преодолеть 500 км по степи и затем овладеть одним из самых мощных в мире горным массивом, лежавшим между Черным и Каспийским морями перед ударными группами немецких войск.

Степные районы к северу от Кавказа давали противнику возможность организовать длительное сдерживающее сопротивление. Бесчисленные малые и крупные реки, впадавшие с Кавказского водораздела как в Каспийское, так и в Черное море, были теми преградами, на которых противник мог успешно держать оборону малыми силами.

Так же, как и в пустыне, в степи места нахождения источников питьевой воды определяют наступающей стороне маршруты продвижения ее войск. Мир этот был чужим, и в нем надо было вести боевые действия. И тот, кто, наконец, ступал ногой на другой берег Маныча, реки 700-километровой длины, оставлял за собой Европу и входил в Азию. Река эта разделяет два континента.

Первыми немецкими соединениями, перешагнувшими границу между двумя континентами, были вестфальская 16-я моторизованная и берлинско-бранденбургская 3-я танковая дивизии. Будучи самым передовым соединением, 3-я танковая дивизия по замыслу наступления наносила удар по уклоняющимся от соприкосновения русским войскам от Дона через Сальск на Пролетарскую, расположенную на одном из притоков Маныча, реке Карычеплак. Эта река состояла из цепочки искусственных озер, имевших во многих местах километровую ширину, а также из мощных плотин, обеспечивавших работу электростанций Манычстроя. За ними, хорошо окопавшись, сидели русские арьергарды, для которых Маныч представлял собой идеальную оборонительную линию, большое препятствие на подступах к Кавказу.

«Как мы с этим справимся?» — озабоченно спрашивал генерал Брайт у своего начштаба, майора Помтова, и у командира 3-го мотострелкового полка, подполковника Циммермана.

«Там, где река сужается, там полно Иванов», — отвечал Помтов и показал донесения воздушной разведки.

«Там сидят войска НКВД, так показывают пленные», — добавил Циммерман.

«И они окопались хорошо, это видно из результатов аэрофото съемки», — кивнул Брайт.

«Хорошо бы попробовать одурачить Иванов и форсировать в самом широком месте, недалеко от стены плотины, там, где река име-

ет 2—3 км в ширину. Здесь русские меньше всего нас ожидают», — предложил Помтов.

Хорошую идею одобрили. Так и сделали. На счастье, танковый саперный батальон вез с собой 21 десантно-штурмовую лодку. Их доставили к месту. Ужасная летняя жара высушила их так, что при проверке две из них камнем пошли на дно. Оставшиеся 19 были не полностью герметичны, но они годились, если хорошо вычерпывать воду.

Лейтенант Мевис с отделением бесстрашных «бранденбуржцев» разведал два подходящих перехода, довольно точно приходившихся на самое широкое место реки. Оба они находились выше городка Манычстрой, лежавшего прямо напротив подхода на той стороне к стене водохранилища и прикрывавшего эту важную плотину, которая была заминирована и до сего времени оставалась непроходимой лишь в нескольких местах. Эту плотину надо было взять неожиданным ударом и лишить наверняка стоявшие там в боевой готовности минно-взрывные подразделения шансов полностью уничтожить ее.

Для этой акции была сформирована боевая группа. 2-й батальон 3-го мотострелкового полка атаковал слева, 1-й батальон — справа. Была также сформирована усиленная штурмовая рота. Оберлейтенант Танк, испытанный командир 6-й роты, вел боевую группу. Задача была поставлена такая: под покровом темноты создать плацдарм на том берегу водохранилища; после того как переправится вся боевая группа, прорвать позиции противника, блокирующие подходы, и штурмовать Манычстрой.

Для обеспечения эффективной огневой артиллерийской поддержки со стороны северо-восточного берега в порядках боевой группы находился артиллерийский наблюдатель, задачей которого была корректировка огня.

Смелая атака через Маныч принесла успех. 3-я танковая дивизия имитировала наступление в главном пункте северо-западного направления и одновременно силами батальона нанесла удар через реку. Этому предшествовал артналет дивизионной артиллерии, проведенный между 12.00 и 1.00. Солдаты Танка лежали на берегу. Саперы спустили лодки на воду. Они слышали над своими головами вой снарядов, слышали их разрывы. На той стороне, на берегу показался дым пожаров.

«Вперед!» Прыжок в лодку, и — на тот берег. Началось.

Консервными банками непрерывно вычерпывали воду. Стук моторов заглушался звуками орудийных выстрелов. Со стороны русских — ни единого выстрела. Реку форсировали без потерь. Кили

19 лодок скользнули по гальке на том берегу. Танк первым выпрыгнул на берег. Он очутился в Азии.

«Белую ракету!» Выстрел из ракетницы. Немецкая артиллерия молниеносно перенесла огонь далее вперед. Саперы сразу же развернули лодки, чтобы захватить следующую волну бойцов.

Гренадеры Танка спрыгнули на отлогий берег. Русские в первой линии окопов были ошеломлены и бежали. Пока они подняли по тревоге солдат во второй линии окопов, пулеметчики Танка уже скопили посты и охрану противника. Но вот уже русские справа и слева от места высадки пришли в себя. Когда штурмовые лодки вторично подходили к месту высадки, они были встречены пулеметным огнем. Две лодки затонули. 17 остальных доставили 120 бойцов и боеприпасы, а также штаб 2-го батальона. Но переправа на этом не закончилась. Удалось также расширить плацдарм на южном берегу Маныча. Командование на плацдарме принял обер-лейтенант Танк, самый старослужащий командир роты во 2-м батальоне. Русские перекрыли весь берег фланкирующим огнем. Русская артиллерия загрохотала огнем из всех калибров. Наступавший рассвет сделал невозможным никакую транспортировку.

Обер-лейтенант и его люди все еще лежали на отлогом берегу в отвоеванных у русских окопах и наскоро оборудованных щелях. Русские обрабатывали их пулеметно-минометным огнем и дважды предпринимали контратаки, не достигавшие позиций солдат Танка за несколько метров.

Однако назревал худший вариант — боеприпасы заканчивались. Пулеметчик на левом фланге имел всего лишь две пулеметные ленты. У других было не лучше. Уже был израсходован весь боезапас к минометам.

«Где же авиация?» — спрашивали солдаты Танка и вглядывались в облачное морозящее небо. И их словно бы услышали командиры боевых эскадрилий. Стремительно приблизились штурмовики, как только примерно в 6 часов начало вставать солнце, прогоняя туман над взлетно-посадочными дорожками. Они подавили артиллерийские позиции и пулеметные гнезда русских. Под защитой шквала бомб и пулеметных очередей из бортового оружия удалось, наконец, переправить через реку третью волну наступавших. Обер-лейтенант Танк использовал этот момент. Прыжками он перебегал от одного командира взвода к другому и оповещал каждого. Затем повзводно началась атака на Манычстрой.

Советские подразделения были совершенно обескуражены. Они не ожидали атаки на сильно укрепленный поселок с тыла и с флан-

га. Все их внимание было обращено вперед, на плотину. Позиции русских были быстро захвачены с тыла солдатами Танка. Когда, наконец, советский комендант укрепрайона перестроил свою оборону, развернувшись тылом к плотине, уже первые наши танки и бронемашинны устремились по узкой дороге стены плотины.

Манычстрой пал. Он был взят, этот последний большой «замок», запиравший путь на юг к Кавказу и его нефти.

Уже утром 2 августа боевая группа под командованием Либенштейна с боями пробилась к Ику-Туктому. 40-й и 3-й танковые корпуса сражались теперь в Азии. Смелый переход через Маныч и распахнутые двери на Кавказ были дополнены еще одной такой же смелой и успешной операцией баден-вюртембергской 23-й танковой дивизии. Она обезвредила хитро задуманную и сильную засаду русских, серьезно угрожавшую немецким флангам, и эту угрозу нельзя было просчитать заранее.

Тимошенко поставил в засаду на переправе у Мартыновки целый мотомехкорпус, хорошо замаскированный, имевший в своем составе множество танков. Генерал-майор Мак своим усиленным 23-м мотоциклетным батальоном нанес удар в направлении на Мартыновку, о которой немецкая авиаразведка доносила, что там «дислоцируются слабые силы».

Русский корпус подвергся атаке во время боевого развертывания. Опасность сразу была разгадана Маком. Он сковал действия противника фронтальными атаками, затем в результате смелого маневра ранним утром 28 июля последовал охват и удар в тыл русским.

В быстро менявшейся обстановке танковых дуэлей Т-34 подбивались иногда на расстоянии 20—30 метров. Противотанковая оборона русских также была сокрушена.

Танковое сражение у Мартыновки стало снова такой операцией (чего уже давно как-то не хватало), в ходе которой благодаря превосходящему по качеству руководству боевыми действиями и тактике танковых войск (танки «один на один») удалось остановить наступление крупного советского соединения и разгромить его. Было подбито 77 машин противника, а большое число орудий захвачено в качестве трофеев.

В тот самый час, когда пехота и танки на Маныче на 40-градусной жаре начали преследование уклонявшихся от боевого соприкосновения русских войск, отходивших в калмыцкую степь, обгоняя огромные стада, разглядываемые двугорбыми и одnogорбыми верблюдами. Гитлер сидел в душном бункере своей украинской ставки в Виннице, склонившись над большой картой. Докладывал генерал

Йодль. Но обсуждались не успехи на Маныче, уже известные Верховному командованию Вермахта, а серьезная ситуация, в которой очутилась 6-я армия в излучине Дона на своем пути к Сталинграду. Генерал Паулюс силами северной и южной боевых групп уже вышел к Дону, однако плацдарм у Калача, дававший проход к узкому перешийку между Доном и Волгой, не только оборонялся Советами, но и был превращен в исходный рубеж для контрнаступления.

Командующий Сталинградским фронтом генерал-лейтенант Гордов расположил перед 6-й армией четыре советские армии, а также две танковые армии, находившиеся в стадии формирования.

4-я советская танковая армия намеревалась взять в «клещи» 14-й танковый корпус Паулюса. Серьезная угроза вырисовывалась и для 51-го армейского корпуса генерала фон Зейдлиц-Курибаха на южном фланге. Мощь всей 6-й армии была скована нехваткой боеприпасов и отсутствием горючего. Вследствие того что Гитлер одновременно форсировал наступление на Кавказ и на Сталинград, необходимостью стало и «располовинивание» снабжения. И так как на юге предстояло преодоление обширных территорий, генерал-квартирмейстер сделал Кавказский фронт приоритетным в отношении снабжения.

Множество моторизованных тяжело нагруженных колонн, определенных к выходу в районы, занимаемые 6-й армией, были перенацелены на юг.

31 июля Гитлеру пришлось, наконец, осознать, что его оптимизм в отношении якобы наступившей роковой слабости русских был неоправданным. Он уже не мог более дистанцироваться от осознания того, что мощь 6-й армии, поколебавшаяся по причине весомых нехваток снабжения, не была достаточной для взятия Сталинграда, где следовало осилить мощное сопротивление советских войск.

Поэтому в тот же день он внес новые изменения в свой план: 4-я танковая армия без 40-го танкового корпуса была снята с Кавказского фронта и введена в состав войск группы «Б» и выведена на северо-восток в район южнее Дона с задачей прорвать советский фронт с флангов у Калача, закрывавший Сталинград.

Это была хорошая, но запоздалая идея. Введение в бой 4-й танковой армии ничего не меняло в уже однажды совершенном распылении сил. Изъятие Гитлером войск из группы армий «А» ослабляло ее наступательную мощь для решения задач на Кавказе, в то время как придаваемые группе армий «Б» силы были слишком малы, и это была запоздалая мера для того, чтобы еще можно было без потерь времени овладеть Сталинградом. Теперь две равносиль-

ные группы армий устремлялись по разным направлениям под прямым углом, к двум далеко удаленным друг от друга целям. Кричащая проблема, проблема подвоза и снабжения, становилась полностью неразрешимой, поскольку общая операция не имела более главной цели.

Высшее германское командование втянулось шаг за шагом в безвыходную ситуацию, оно позволило себе стать зависимым от намерений противника.

Место и время сражения в районе Сталинграда определяли уже русские. Директивой фюрера от 31 июля Кавказскому фронту был отдан приказ на начало второй фазы операции «Эдельвейс»: овладение Черноморским побережьем. Группа армий «А» имела задачу выдвигать свои подвижные войска, объединенные под командованием 1-й танковой армии на направление Армавир — Майкоп. Другим частям группы армий была поставлена задача пробиваться к Батуми через Новороссийск — Туапсе, вдоль побережья. Немецкие и румынские горнострелковые дивизии ориентировались на охватывающий маневр в отношении Туапсе и Сухуми, преодолев на левом фланге высокогорные перевалы Кавказа.

Вначале все события происходили по плану с точностью, от которой просто захватывало дух. В день издания новой директивы фюрера 3-й и 57-й танковые корпуса совершили стремительный рывок в направлении на Кавказ. В тот же вечер генерал Макензен овладел Сальском. Вечером 9 августа 13-я танковая дивизия взяла Майкоп — центр нефтедобычи и переработки. 50 исправных самолетов — таковы были наши трофеи. Однако, к сожалению, все нефтяные скважины и их оборудование оказались выведенными из строя. Наиболее важное оборудование оказалось демонтированным.

Хорошо шли дела у 49-го горнострелкового корпуса и у 5-го армейского корпуса, который овладел переправой через Дон к востоку от Ростова. До 13 августа дивизиям удалось взять Краснодар и переправу через реку Кубань. Так же успешно проходило тем временем быстрое продвижение вперед 57-го танкового корпуса. После быстрого марша по кубанской степи в направлении на юг боевые танковые и пехотные группы стояли у северного берега реки Кубань. Войска форсировали ее и создали плацдарм. Таким образом, для армейской группы Руоффа был открыт путь к южному берегу Кубани.

Затем войска повернули на Туапсе. Добровольцы из Скандинавии и стран Балтии, входившие в состав дивизии «Викинг», продвинулись к нефтяному району Майкопа.

В первые августовские дни 1942 года подвижные войска группы армий «А» стремительно шли вперед по всему фронту, преодолевая просторы кубанских и калмыцких степей, чтобы остановить медленно ускользающие от них русские дивизии и воспрепятствовать их отрыву и отходу в горы, где они смогут укрепиться и будут способны вести долговременную оборону.

Вспоминает радист Отто Теннинг, сидевший во время описываемых событий в командирской машине 3-й танковой дивизии: «Я следовал вместе с фельдфебелем Гольдбергом в составе разведывательного подразделения. Когда мы медленно приблизились к одной маленькой деревне, командир заметил что-то подозрительное и передал по радиации: «На восточной окраине танки противника». Как же велико было наше изумление, когда мы позднее поняли, что это не танки, а верблюды. Вот смеху-то было! И одногорбые, и двугорбые уже не были больше диковинкой. Их использовали как замечательных тягловых животных».

Передовые части 3-й танковой дивизии 3 августа вышли к городу Ворошиловску совершенно неожиданно для русских и после короткого боя около 16.00 заняли его. Продвижение наших войск продолжалось. Среди них находились «бранденбуржцы», всегда готовые к выполнению специальных задач. Вместе с 3-й танковой дивизией следовали также румынские горные егеря. Местное население — жившие здесь с давних пор кавказцы — радостно приветствовали немцев как освободителей. Невозможно пройти мимо того факта, что они целыми семьями и селениями и против воли высшего немецкого командования заявляли добровольно о своем желании сражаться против Красной Армии. Эти свободолюбивые люди считали, что наступил великий час их национальной независимости. Гнев Сталина, обрушившийся на них позднее, был ужасен: все эти народы были сосланы в Сибирь из своих чудных родных мест¹.

Чем быстрее совершалось продвижение войск в направлении на Кавказ, тем отчетливее становилось понятным: русские войска избегают боев, ускользая с минимальными потерями в живой силе, технике и имуществе. Все больше территорий доставалось немцам, но им не удавалось нанести противнику тяжелого поражения или разбить его. Пара опрокинутых дуколок или убитых лошадей — вот все, что они видели во время маршей.

¹ Из числа северокавказских народов насильственной депортации в 1944 г. подверглись балкарцы, карачаевцы, чеченцы и ингуши.

Для того чтобы прикрывать все удлиняющийся восточный фланг, 52-й армейский корпус развернулся широким фронтом на восток и продвигался к Каспийскому морю. Элисту, единственный крупный город в калмыцкой степи, войска взяли 12 августа.

Между тем танковые дивизии следовали на юг. Раскаленная калмыцкая степь дышала зноем. Термометр показывает 55 °С. На ярко-голубом небе далеко-далеко солдаты заметили белый купол облаков. Он не двигался, оставаясь на том же месте и на следующий день, и еще через день. Это были не облака, а Эльбрус, взметнувшийся в небеса на 5633 метра. Ледники этого крупнейшего горного массива на Центральном Кавказе сверкали на солнце вечными снегами.

«Сколько километров сегодня пройдено?» — спросил командир 421-го пехотного полка полковник Рейнхардт у своего адъютанта. Обер-лейтенант Болль посмотрел на карту с нанесенными на ней маршрутами движения: «60 километров, господин полковник».

60 километров. 60 тысяч метров преодолела маршем пехота в этот день. В ужасную жару, по кубанской степи, лишенной каких бы то ни было деревьев. Марширующие колонны были окутаны плотными коричнево-серыми клубами пыли. Видны были только головы людей. Чем дальше войска продвигались на юг, тем слабее становилась связь между полками. Только по шлейфам пыли можно было понять, что справа и слева от тебя другие колонны тоже следуют на юг. Сидя в тени своего автомобиля с радиостанцией, Рейнхардт внимательно всматривался в карту. «В дрожь бросает, когда понимаешь, какие тут у них расстояния», — проговорил адъютант. Рейнхардт кивнул и провел пальцем по карте к калмыцкой степи: «Танкам Клейста там не лучше, чем нам».

Это действительно было так. 40-й танковый корпус, приданный со 2 августа 1-й танковой армии, силами 3-й танковой дивизии 10 августа овладел Пятигорском, а силами 23-й танковой дивизии — Минеральными Водами и вышел к подножию Кавказа. Перед войсками лежала последняя водная преграда — Терек. Смогут ли они преодолеть ее, чтобы затем овладеть перевалами на Осетинской и Грузинской военных дорогах?

Полковник Рейнхардт постучал пальцем по кружочку с надписью «Краснодар»: «Вот наша цель». Затем он указал на Майкоп: «А туда нужно выйти Клейсту, и тогда мы посмотрим, что там у нас попадет в котел, который захлопнут наша 17-я армия и 1-я танковая армия Клейста».

Адъютант кинул: «Хороший план, господин полковник, но у меня такое ощущение, что Иваны уже не окажут нам любезности и

не станут ждать, пока мы затянем веревку на мешке». Рейнхардт возвращает карту Боллю. «Там видно будет, — ворчит он. — Нет ли у вас еще глотка воды?» — «Ни капли больше, господин полковник». — «У меня вот уже с час, как язык прилип к нёбу, словно мухоловка». Они сели в машину: «Давайте дальше, нам сегодня нужно сделать еще 10 километров».

В первые августовские дни такие же сцены можно было наблюдать повсюду в пехотных подразделениях, у егерей и у горных стрелков армейской группы Руоффа. На некоторое время война приобрела на Южном фронте характер боевых действий в пустыне. Лишь редко делались остановки для принятия пищи. Преследование советских войск по кубанской степи стало гонкой от одного источника воды до другого. В больших автоцистернах везли на всякий случай питьевую воду для солдат, но необходимого для лошадей количества везти с собой не было возможности. Это заставляло нижестоящих командиров ежедневно захватывать все новые источники воды.

Русские войска, ведя сдерживающие бои, уклонялись на правом фланге группы армий «А» от крупномасштабных столкновений с немцами, что они уже успешно отрететировали ранее на среднем Дону. В немногих небольших населенных пунктах, на берегах многочисленных рек советские войска закреплялись, вначале цепко держали оборону, однако затем «снимались» настолько быстро, что наши не успевали никого взять в плен. Тем самым они следовали новой директиве маршала Тимошенко: замедлять продвижение противника в решающий момент, однако ускользать во избежание охвата и окружения. Это было новой гибкой стратегией русских. Советский Генштаб отошел от старой сталинской манеры ведения боевых действий, заключавшейся в отстаивании «каждой пяди земли», что в случае окружения приводило снова и снова к гигантским потерям.

Командиры нижестоящих степеней очень быстро освоили тактику «сдерживающего боя». Этот вид боя в 1936 году был исключен из плана боевой подготовки немецких войск.

Искусно используя участки многих рек, располагавшихся поперек к направлению наступления немецких войск, русские войска постоянно задерживали их продвижение вперед, отводя одновременно свои пехотные соединения.

В этих условиях немецким дивизиям не удалось выполнить основной приказ директивы № 45: «Окружить и уничтожить отходящие за Дон силы противника в районе к югу и юго-востоку от Ростова». Снова план Гитлера не удался.

Совершались марши, осуществлялось преследование и перевозки. Все дальше и дальше, от одной реки к другой: форсирован Кагальник, перейдена Ея. Но до самой Кубани восемь рек еще вставали преградой на пути маршевых колонн.

У Тихорецка нефтепровод Баку — Ростов пересекал как железнодорожную линию, так и шоссе. Этот транспортный узел русские обороняли упорно, применяя сильную артиллерию, противотанковые средства, три бронепоезда. Дивизионам 88-мм зенитных орудий пришлось поработать по наземным целям. Однако нашим передовым подразделениям все же удалось соединиться. Тихорецк пал. Русские войска отошли. Но паники у них больше не наблюдалось.

Из глубины плантаций подсолнечника, достигавшего человеческого роста, русские неожиданно совершали огневые налеты. При попытке настичь их они ускользали. По ночам они совершали нападения на одиночные транспортные средства, невозможно стало высылать связных-мотоциклистов.

И вот так 5-й корпус к 10 августа 1942 года вышел в район Краснодара. За 16 дней пехота преодолела маршем, с боями трехсоткилометровый путь от Ростова до столицы казачьей Кубани. На этом пути им попадались выжженные солнцем районы Кубанского края, но также и великолепные, райские плодородные долины рек. Здесь простирались бесконечные поля подсолнечника, пшеницы, проса, конопли, табака. Гигантские стада скота перемещались по бескрайней степи. Сады казачьих станиц представляли собой настоящие оазисы. Абрикосы, яблоки, груши, арбузы, дыни, помидоры, винные сорта винограда — нескончаемое великолепие флоры. Яиц было словно песка на морском побережье, бесчисленные стада свиней. Вот было раздолье для наших поваров и казначеев!

Краснодар — краевой центр, расположенный на северном берегу реки Кубань, — насчитывал в то время около 200 тысяч человек населения и являлся крупным нефтеперерабатывающим центром. Генерал Ветцель развернул свой 5-й корпус в боевые порядки для концентрированного наступления на город. Солдаты корпуса были уроженцами Франконии, Гессена и Вюртемберга. Замысел русских состоял в удержании центра города и моста через Кубань в течение как можно более долгого времени, чтобы дать возможность живой силе и технике переправиться на тот берег с минимальными потерями. То, что не удавалось переправить, поджигалось; гигантские нефтесклады, резервуары — тоже.

11 августа, ближе к полудню, вюртембержцы подошлись к мосту на расстояние броска для атаки — 50 метров. Плотно, одна к другой,

русские колонны следовали по мосту. 2-я рота получает приказ атаковать. Капитан Зетцлер вскакивает, сжимая пистолет в руке. Он успевает сделать лишь три шага — и падает, сраженный пулей в голову. Рота продолжает атаку. Еще 20 метров отделяет атакующий авангард от въезда на мост. В этот момент советский офицер — командир охраны моста, не упускавший из вида действия атакующих, — поджигает бикфордов шнур. С грохотом мост взлетает на воздух, вместе с русскими колоннами. Сработали заряды, заложенные в 12 точках конструкции моста. В копоти и дыму видны люди и лошади, колеса, машины, оружие, кувыркающиеся в воздухе. Повозки проламывают ограждения и сваливаются в реку, где тонут. Взрыв моста означал для немцев потерю двух суток. Только ночью с 13 на 14 августа 125-я пехотная дивизия на плотах и десантно-штурмовых лодках смогла форсировать реку.

Майор Ортлиб, сохраняя полное спокойствие, на глазах у русских сумел в течение дня разведать переправы: он выполнял свою работу переодевшись в женскую крестьянскую одежду, с тяпкой через плечо и корзиной на руке. Прыжок на другой берег Кубани и возведение понтонного моста удались при поддержке сосредоточенного огня полевых орудий и батареи 37-мм зенитных пушек. 5-й корпус вошел маршем в «Страну черкесов». Мусульманское население на своих домах вывесило зеленые флаги с турецким полумесяцем. Оно приветствовало немцев как освободителей от атеистического ига коммунистической власти.

Между Новороссийском и перевалом Клухор

«Талатта, талатта! (Море, море!)» — На высокогорных перевалах Кавказа — Бои за старые военные дороги — Экспедиция на вершину Эльбруса — До Черноморского побережья еще 20 километров — Недостает последнего батальона

С форсированием Кубани последняя речная преграда для войск армейской группы под командованием Руоффа была преодолена. Дивизии теперь могли перейти к реализации своей собственной оперативной цели: овладению портами Новороссийск, Туапсе, Сочи, Сухуми и Батуми.

Эта цель была крайне важна. Не только потому, что с достижением ее советский Черноморский флот терял свои последние базы

и могла реализоваться возможность снабжения Кавказского фронта морем, но и потому, что со взятием немцами последних участков побережья Черного моря Турция с большой вероятностью перешла бы в немецкий военный лагерь. Для ведения войны союзниками это имело бы далекоидущие последствия. Англо-русские позиции в Северном Иране были бы обрушены, и вместе с ними были бы перерезаны южные маршруты поставок американского вооружения и военных материалов для Сталина из района Персидского залива в акваторию Каспийского моря и далее вверх по Волге.

Также реальным стал бы план направления Африканского корпуса Роммеля через Египет в Месопотамию. Солдаты германо-итальянской танковой армии «Африка» в те дни позднего лета 1942 года после успешного преследования противника стояли под Эль-Аламейном, перед воротами Каира. Инженеры саперных частей уже подсчитывали, сколько потребуется понтонов для моста через Нил, а на вопрос «Куда вы теперь?» солдаты весело отвечали: «К Ибн-Сауду».

Не менее популярным было это фантастическое планирование целей и в армейской группе Руоффа. Когда в частях 49-го горнострелкового корпуса стало известно, что их цель — Кавказ, у них родились свои краткие лозунги на этот счет. Алекс Бухнер в своей книге «Горные егеря на всех фронтах» приводит ответ одного солдата на вопрос своего боевого товарища о смысле и целях степного марша: «На Кавказе повернуться, англичанам дать под зад и сказать «Привет, Роммель!» — вот так!»

В конце августа 1942 года дивизии 5-го корпуса начали наступление на Новороссийск, первую крупную военно-морскую базу в восточной части Черноморского побережья. Новороссийск, насчитывавший тогда 95 тысяч человек жителей, был важным портом и промышленным центром, там находились большие холодильные комплексы, верфи, комбинаты по переработке рыбы и цементные заводы.

С боями пехота преодолела отроги Кавказа и вышла на холмистые подступы к городу. Внезапно перед ней открылось море: Черное море! Когда полковник Фибе, командир 419-го пехотного полка, с сопки увидел панораму побережья, он спонтанно передал по радио древнюю греческую фразу: «Талатта, талатта! (Море, море!)» За 2400 лет до этого, как пишет историк Ксенофонт, греческие авангарды своими возгласами приветствовали спасительное море, когда после полного лишения отхода по безводным пустыням и горам Малой Азии они достигли побережья у Трапезунда, точно напротив Ново-

российска. Однако потребовалось выдержать еще много жестоких и кровопролитных боев, прежде чем полки овладели Новороссийском.

6 сентября 1942 года 1-й батальон 186-го пехотного полка под командованием обер-лейтенанта Циглера начал штурм порта. 10 сентября город и пригороды были взяты. Первая оперативная цель армейской группы Руоффа была достигнута. Следующей целью был Туапсе. Это был ключевой пункт на узкой плоскости побережья. Однако этот город стал судьбоносным для группы армий Листа.

В состав 17-й армии наряду с армейским корпусом, корпусом егерей и танковым корпусом входил еще один горнострелковый корпус в составе двух горнострелковых дивизий — 1-й и 4-й, а также одной румынской горнострелковой дивизии. Эта комбинация из пехоты, егерей и горных стрелков имела особый смысл. В то время как пехотные дивизии брали Новороссийск с фронта, преодолевая лесистые отроги северо-западного Кавказа, специалисты по горам средней высоты из состава 97-й и 101-й егерских дивизий пробивались через поросшие лесом горы Кавказа к порту Туапсе. Горные стрелки имели задачу пробиться через расположенные на высоте 3000—4000 м высокогорные перевалы к Черноморскому побережью, так сказать, через задние ворота. Их целью был Сухуми, город на субтропическом побережье, утопавший в пальмах, столица Советской Абхазии. Оттуда до Батуми и турецкой границы оставалось около 160 км.

Следуя за выдвинувшимися вперед моторизованными боевыми группами, горные егеря генерала Конрада 13 августа вышли из степи и изготовились для штурма высокогорных перевалов Кавказа: на правом фланге — 4-я горнострелковая дивизия с целью овладения перевалами в нефтеносном районе Большой Лабы; на левом фланге — 1-я горнострелковая дивизия с задачей штурмовать высокогорные перевалы и выйти к ледникам Эльбруса — истоку Кубани. Важнейшим перевалом был Клухорский, расположенный на высоте 2815 м над уровнем моря — начальный пункт старой Сухумской военной дороги. Быстрым маневром майор Хиршфельд со своей частью из состава 1-й горнострелковой дивизии вышел к забаррикадированному входу на перевал, охраняемому крупными силами русских. Во фронтальной атаке эта позиция была неприступна. Однако фон Хиршфельд продемонстрировал, чего можно достичь при помощи немецкой тактики ведения войны в горах. Применяя хитроумные демонстрации перед фронтом, он обошел перевал по отвесным скалам гор — и советская позиция была взята. За счет этого самая вы-

сокая точка Сухумской военной дороги вечером 17 августа перешла в наши руки.

Затем солдаты фон Хиршфельда стремительно вышли в долину реки Клыч, овладели одноименным населенным пунктом и оказались посреди густых лесов Черноморского побережья. Отсюда достаточно еще одного рывка — и вот он, берег моря. Но неожиданный прорыв на равнину не удался. Для этого не хватило сил. Русские зло и отчаянно оборонялись, защищая выход. Всего в 40 км перед взором фон Хиршфельда находился Сухуми, большая цель немецких войск. Продвинувшись далеко вперед с горсткой солдат, Хиршфельд оказался в опасном положении. Слева от него никого не было, так как танковая армия Клейста находилась еще в степи, к северу от Эльбруса.

В этой ситуации генерал Конрад решил на рискованную операцию, чтобы прикрыть левый фланг корпуса. Капитану Гроту, командиру роты горных стрелков, обученных боевым действиям в условиях высокогорья — из бывших проводников и альпинистов, — была поставлена задача подняться на перевалы через Эльбрус на высоту 4000 м и блокировать Баксанское ущелье, из которого русские угрожали немецкому флангу.

Перед нами разворачивается панорама одного из самых захватывающих и непредсказуемых сражений войны. Склоны горного массива Эльбрус уходят вниз на 1000 метров, тлея темно-красным светом. Белые поля ледника Асау далеко отсвечивают на солнце. Отвесные ледяные стены, скалы в расщелинах, таящие опасность обвалов и камнепадов. На кровопролитные бои в горах за старый царский охотничий замок «Кругозор», расположенный на высоте 3000 м, — кстати, на той же высоте, что и гора Цугшпитце в Германии, — тяжело и величественно взирает через глубокие разрезы Баксанского ущелья Ушба, одна из красивейших гор в мире. Ее высота — 4697 м над уровнем моря. Выше ее — только Казбек далеко на востоке, на старой Военно-Грузинской дороге, и сдвоенная вершина Эльбруса.

Все понимали, что солдаты 1-й горнострелковой дивизии, в полосу наступления которой находился Эльбрус, движимые честолюбием, устремятся к этому гиганту, чтобы покорить его. Это мероприятие никакого военного значения не имело. Но мир, естественно, обратил бы на него внимание, если бы узнал, что немецкие войска на высочайшей вершине Кавказа водрузили флаг вооруженных сил рейха.

И генерал Конрад дал согласие на восхождение, однако выдвинул условие: штурм вершины проводят совместно солдаты из состава 1-й и 4-й горнострелковых дивизий. Отчего бы и 4-й не участвовать в этом деле? Экспедицию возглавил капитан Грот. Солдатами

4-й горнострелковой дивизии, участниками восхождения, командовал капитан Геммерлер. Экспедицию в самом начале постигла курьезная неожиданность. Обер-лейтенант Шнайдер вместе с солдатами своего отделения связистов вышел из базового лагеря заранее, так как они несли аппаратуру связи и были нагружены больше других.

Далеко впереди перед собой по ту сторону большого ледника они увидели совершенно фантастическое здание — «Дом интуриста», построенный Советами на более чем четырехкилометровой высоте: мощное овальной формы бетонное массивное строение, без всяких выступов, полностью облицованное листовым алюминием. Внешне оно походило на гигантскую гондолу дирижабля фирмы «Цеппелин».

Шнайдер и его подразделение выдвинулись вперед по еще не подтаявшему на дневном солнце снегу. Внезапно через бинокль он заметил русского солдата, стоявшего перед домом. «Осторожно!» — крикнул он своим людям и отдал им команду свернуть и обойти отель. В скалах над домом он занял позицию и изготовился к бою. В это время в полном одиночестве к месту приблизился капитан Грот. Прежде чем его кто-либо успел предупредить, он был схвачен. Команда русских состояла всего лишь из трех офицеров и восьми солдат. Они поднялись в горы в то же самое утро.

Грот сразу же оценил ситуацию и сумел сохранить хладнокровие. Одному из русских офицеров, говорившему по-немецки, Грот сумел доказать бесперспективность положения русской охраны. Он указал на приближающихся военных альпинистов и на подразделение связистов, занявших позицию в горах. Таким образом, он добился, что русские отошли по своей воле. Четверо красноармейцев предпочли, однако, ожидать вместе с Гротом главных сил немцев и согласились выполнять роль носильщиков.

Следующий день, 18 августа, был объявлен днем отдыха. Горные егеря должны были постепенно адаптироваться к высоте. Покорение вершины должно было начаться 19 августа, но оно сорвалось из-за внезапно налетевшей снежной бури. И 20 августа суровая непогода с градом задержала их в этом отеле на Эльбрусе. Лишь 21 августа обещало быть прекрасным днем с ярким утренним солнцем.

В 3.00 восхождение началось: капитан Грот и его шестнадцать солдат и капитан Геммерлер со своей пятеркой приступили к выполнению непосредственной задачи. В 6.00 погода испортилась. С Черного моря подул ветер. Туман и снежная буря встали на защиту вершины Эльбруса-великана. В крошечной хижине два офицера со своими солдатами пережидали непогоду. Повернуть назад? Ну

нет. Не таковы горные егеря! И так, вперед и вверх! Марш в условиях сильно разреженного воздуха и сильной стужи становится авантюрной гонкой. Глаза забиты снегом. Буря завывает над заледеневшим горным склоном. Видимость — не более 10 метров.

В 11.00 ледяная стена была преодолена. Капитан Геммерлер стоял на самой высокой точке, достигнутой отрядом. Впереди вновь начинался легкий склон. Старший фельдфебель Кюммерле воткнул древко флага вооруженных сил рейха глубоко в снег. Затем были установлены древки со штандартами 1-й и 4-й горнострелковых дивизий с изображением эдельвейса и горечавки. Все обмениваются рукопожатиями, и подразделение быстро карабкается по восточной стене, где буря несколько тише. И мир с удивлением внимают известию о том, что над высочайшей вершиной Кавказа реет немецкий флаг.

Восхождение на вершину Эльбруса, совершенное немецкими горными егерями в ужасную погоду на совершенно незнакомую им гору с ходу, явилось чрезвычайным достижением в истории альпинизма. Его не умаляет и тот факт, что несколько дней спустя специальный корреспондент при корпусе, доктор Рюммлер, в условиях хорошей погоды установил, что, вероятно, егеря были не на тригонометрической точке, а на 38 метров ниже, потому что 21 августа ошиблись из-за бури и тумана.

Вернемся, однако, к боям на высокогорных перевалах. В то время как горные егеря с великим трудом преодолевали Клухорский перевал и старую заброшенную Военно-Сухумскую дорогу, 4-я австро-баварская горнострелковая дивизия генерал-майора Эгльзеера на правом фланге шла через высокогорные перевалы главного хребта.

Силами двух батальонов 91-го полка горных егерей под командованием полковника фон Штеттнера были взяты перевалы Санчар и Алустраху на высоте 2600 и 3000 м. Тем самым они преодолели гребень горной системы. Затем — вниз, к перевалам предгорий, в субтропические леса на сухумских холмах.

Майор Шульце со своим батальоном горных егерей штурмовал Бгаларский перевал и вышел к поросшим лесом склонам, круто спадавшим к плоскому побережью. До цели оставалось всего 20 километров.

Егеря преодолели 200 км гористой местности и высокогорья. Они вели бои минимальными силами на высотах свыше 3000 м, одолевали противника во множестве самых различных ситуаций, штурмом брали опасные ледники, головокружительные скальные высоты, заледенелые, овеваемые бурями склоны гор и позиции про-

тивника в скалах, до той поры считавшиеся неприступными. Теперь они стояли вплотную к цели.

В полушаге от побережья боевая группа фон Штеттнера на своей ключевой позиции имела 2 орудия; на каждое — по 25 выстрелов. «Вышлите боеприпасы, — радирует он. — Разве нет самолетов? Разве не придут к нам альпийские стрелки со своими мулами?»

Нет, самолетов не было. А альпийские стрелки маршем шли к Дону, на Сталинград.

Полковник Штеттнер, командир доблестного 91-го полка горных егерей, стоял в долине Бзыби в 20 км от Сухуми, а майор фон Хиршфельд — в долине Клыч, в 40 км от побережья.

97-я горнострелковая дивизия под командованием генерал-майора Руоффа продвинулась с боями к Туапсе на расстояние 50 км от города. Вместе с ней сражались валлоны из добровольческой бригады «Валлония» под командованием подполковника Люсьена Липпера.

421-й пехотный полк, выполняя задачу на острие атаки, пробился к Туапсе на расстояние в 30 км от города по прямой. Так обстояли дела в конце августа 1942 года. Немецкие вооруженные силы добились невероятных успехов и находились вблизи цели, обозначенной Гитлером в плане «Блау». Они сражались в субтропических долинах по ту сторону перевалов Кавказа, они видели своими глазами Черноморское побережье и Каспийское море, захватили первые нефтеразработки советского нефтяного царства, они вели бои на 44-й и 43-й параллелях — самые южные точки, которых когда-либо достигали немецкие сухопутные войска на Восточном фронте. Они уже держались за ручку двери, открывавшей вход в Астрахань, самой южной конечной цели на линии Астрахань — Архангельск, намеченной планом «Барбаросса», и стояли у Сталинграда на крутом волжском берегу. Вместе с ними на полях сражения между Черным и Балтийским морями воевали не только европейские союзники Германии и добровольческие соединения, но также казаки, туркмены, калмыки сражались против сталинской Красной Армии и Советского Союза.

Удастся ли им последний прыжок в несколько километров до Туапсе? И расстояние от Майкопа до Батуми на турецкой границе? И 120 км до Астрахани в дельте Волги у Каспийского моря, цели войны и конечного ее пункта в соответствии с планом «Барбаросса»? Удастся ли, как удавалось все в эти последние недели?

В войсках царило оптимистическое настроение. Однако штабисты выглядели озабоченными. Ударные части и соединения группы

армий «А» были ослаблены тяжелыми многодневными боями, линии подвоза и снабжения были растянуты далеко за пределы возможного и исключали возможность импровизации. Силы Люфтваффе были расколоты из-за их одновременного применения в районе Дона и на Кавказе. Советские ВВС вдруг стали господствовать в воздухе. Советская артиллерия также имела превосходство. У немцев не хватало двух десятков истребителей, 5—6 батальонов и двух сотен голов вьючных животных. Теперь, когда предстояло принять важное решение, их не было в наличии.

Так обстояло дело и на других фронтах: везде ощущались нехватки. Везде, где война достигла апогея и почти достигнутыми были все решающие цели: под Эль-Аламейном за сотню километров от Нила Роммель взывал о присылке двух десятков самолетов для противодействия британской воздушной армаде и сотни танков с несколькими тысячами тонн горючего.

В балках к западу от Сталинграда ударные роты 6-й армии умоляли о выделении им нескольких штурмовых орудий, двух-трех свежих полков пехоты с несколькими противотанковыми орудиями, штурмовыми саперными подразделениями и танками. Стоявшие на ленинградских окраинах и перед воротами Мурманска войска повсюду просили о «последнем батальоне», который во все времена склоняет чашу весов к победе в сражениях. Но никому из них Гитлер не был в состоянии дать этот последний батальон. Война приобрела гигантские масштабы. А одеяло у Вермахта оказалось коротким. Везде потребности военной обстановки превышали возможности войск.

Дальняя разведка к Астрахани

150 километров в бронемашине по вражеской территории — Неизвестный нефтепровод — Лейтенант Шлип звонит начальнику станции Астрахань — Казаки ротмистра Загородного

В составе войск восточного крыла группы армий «А», 1-й танковой армии, 16-я моторизованная пехотная дивизия прикрывала растянутый левый фланг целой цепочкой сильно укрепленных опорных пунктов.

13 сентября 1942 года, калмыцкая степь восточнее Элисты. «Эй, Георгий, давай собирайся, выезжаем через час!» — «Слушаюсь, господин обер-лейтенант», — рывкает казак Георгий в ответ и мгновенно исчезает.

Георгий родом из Краснодара. Там он учился в педагогическом институте, изучал немецкий язык. В прошлом году, будучи связистом Красной Армии, попал прямо в руки нашим мотоциклистам. С тех пор служил во 2-й роте вначале помощником повара, а потом добровольно, по своему заявлению, в качестве переводчика.

По многим причинам у него имелся большой зуб на сталинский большевистский строй, и в роте не было ни одного человека, кто бы ему не доверял. В особо критических ситуациях Георгий уже подменял пулеметчика в бою.

Обер-лейтенант Готлиб только что вернулся с совещания у командира мотоциклетного батальона. Там обсуждались последние детали, связанные с отправкой на задание разведывательного подразделения к Каспийскому морю через калмыцкую степь. Командир 16-й дивизии, сменивший под Элистой 52-й корпус, хотел выяснить, что происходит в пустынной местности на фланге Кавказского фронта. Между районом южнее Сталинграда и рекой Терек зияла 300-километровая дыра. К Тереку в районе Моздока 30 августа вышел один мотопехотный полк 3-й танковой дивизии. Слово гигантская воронка представлялась эта неизведанная территория между Волгой и Тереком. Ее сердцевиной было побережье Каспийского моря. Оттуда можно было ожидать всяких неожиданностей. Поэтому это пространство следовало взять под контроль.

Оборона этой огромной по площади ничейной территории была поручена практически одной-единственной дивизии, главные силы которой со штабом дислоцировались в районе Элисты, в калмыцкой степи. Задачи контроля территории и разведки вплоть до Каспийского моря и до дельты Волги должны были выполнять прежде всего подразделения дальней войсковой разведки, предпринимавшие смелые экспедиционные вылазки, поскольку на подкрепления можно было рассчитывать лишь с конца сентября. 16-я мотопехотная дивизия в то время приобрела название «гончая дивизия».

Кроме нескольких специалистов, без которых обойтись было нельзя, для выполнения подобных задач привлекались только добровольцы. В середине сентября началась одна такая крупная «экспедиция» вдоль дороги Элиста — Астрахань. Было выделено четыре разведподразделения. В их задачи входило:

1. Разведать, имеются ли у противника какие-либо силы и где конкретно в районе между Тереком и Волгой, предпринимаются ли им попытки переправы через Волгу; дислокацию опорных пунктов, имеет ли место передвижение войск по дороге вдоль Волги от Астрахани до Сталинграда.

2. Выяснить состояние проселочных дорог, возможности проезда транспорта вообще, состояние прибрежной территории, характеристики почвы западного берега Волги и техническое состояние доколе неизвестной железнодорожной линии Кизляр — Астрахань.

13 сентября, в воскресенье, «экспедиция» стартовала. Выступили в 4.30. Степь встретила группу солдат резким ветром. Прежде чем взошло солнце, все ощущали заметный холод. Разведподразделения, которым предстоит проделать 150 км глубоко в неизвестную, необжитую территорию, имели соответствующее вооружение и оснащение. Каждое подразделение включало по 2 восьмиколесные разведывательные бронемшины, вооруженные 20-мм зенитными орудиями, по одному взводу стрелков-мотоциклистов (24 солдата), по 2 или 3 противотанковых орудия калибра 50-мм, самоходных или смонтированных на бронетранспортерах, и саперное подразделение с соответствующим снаряжением, по 5 грузовиков (по 2 — с горючим и запасом воды, 1 — с продовольствием), а также ремонтное подразделение на «Кюбельвагене»¹ и санитарный автомобиль с врачом, радистом и переводчиком.

Разведподразделение Шредера в самом начале постигла неудача. Вскоре после выступления, пройдя мимо населенного пункта Утта, оно внезапно вошло в боевое соприкосновение с патрулем противника. Лейтенант Шредер был убит, переводчик Мареш и фельдфебель Вайсмейер ранены. Подразделение вернулось назад и на следующий день отправилось снова под командованием лейтенанта Эйлера.

Между тем обер-лейтенант Готлиб, лейтенант Шлип и лейтенант Хильнер со своими группами продвинулись уже севернее, южнее и непосредственно вдоль большого шоссе Элиста — Астрахань. Обер-лейтенант Готлиб сначала шел по шоссе вперед, затем свернул на северо-восток в степь в направлении на Садовскую; 14 сентября он приблизился к Астрахани на расстояние в 40 км. 15 сентября всего лишь 25 км отделяли его от Волги. С песчаных дюн вид открывался далеко, вплоть до реки. Песок и солончаки сделали местность почти непроходимой. Но разведподразделение это не остановило. Карты местности, выданные Готлибу, оказались не очень хороши. Казак Георгий у каждого колодца вынужден был расспрашивать кочевников-калмыков, дружески расположенных к немцам, снова и снова о том, как и где проехать. Разговоры были очень долгие и обстоятельные.

¹ «Кюбельваген» — легковой автомобиль-внедорожник, производившийся фирмой «Фольксваген».

«Большая железная дорога?» — «Да, есть, поезда 2 раза в день между Кизляром и Астраханью». — «А советские?» — «Да, они на лошадях здесь разъезжают, верхом. Вчера большой отряд ночевал, у колодца, на восток отсюда это место, час пути. Они из Садовки, там их, должно быть, много». — «Ага», — кивает Георгий и дает кочевнику несколько сигарет.

Внезапно смех прервался криком. С севера приближались двое всадников: «советские». Калмыки исчезли. Оба броневедомола отъехали за дюну, и русским их не было видно. «Давай сюда!» — закричал обер-лейтенант Готлиб Георгию, но казак не ответил. Он засунул свою пилотку под широкий плащ, сел у колодца и закурил.

Оба русских осторожно приближались: офицер и его ординарец. Георгий им что-то прокричал. Офицер спешил и направился к нему. Обер-лейтенант Готлиб и его солдаты наблюдали, как оба о чем-то, смеясь, разговаривали. «Вот собака!» — проговорил радист. Но затем они увидели, как Георгий мгновенно выхватил пистолет. «Руки вверх!» — кажется, сказал он, ухмыляясь. Советский офицер поднял руки. Он был ошеломлен настолько, что и своему ординарцу приказал сдаваться. Таким образом, Готлиб и его подразделение вернулись в Халахуту с двумя ценными «языками». Лейтенант Эйлер в это время выполнял одно специальное задание: разведать точно, как оборудована оборона в Садовской и есть ли там переправа через Волгу. По воздуху напрямую от Утты до Садовской примерно 150 км. Эйлер свернул с большака прямо на север. Пройдя 10 км, лейтенант ощутил вдруг, как у него замерло сердце. К его подразделению быстро приближалось гигантское облако пыли. «Рассредоточить машины!» — скомандовал он и поднял бинокль к глазам. Облако стремительно приближалось. И лейтенант вдруг громко засмеялся. Это были не русские, а антилопы, гигантское стадо антилоп-сайгаков, обитающих в южнорусских степях. Почуввав людей, они изменили направление своего бега и галопом повернули на восток. Их копыта подняли облака пыли и взбили подсохшую на жгучем солнце степную траву. В этих облаках мог бы скрыться целый танковый полк.

До Астрахани оставалось еще 35 км. Отряд Эйлера оказался, по видимому, тем подразделением сухопутных войск, которое в ходе реализации плана «Барбаросса» продвинулось на восток далее всех других и тем самым ближе всех было к конечной цели всей войны — Астрахани.

Лейтенант Эйлер вел теперь разведку в северо-восточном направлении. Обнаружив, что населенные пункты Юста и Хазык сильно укреплены и имеют значительные гарнизоны, он обошел их и по-

Брешь между Кавказским фронтом и Сталинградом достигала в ширину 300 километров. Разведывательные патрули 16-й моторизованной пехоты дивизии вышли на самые подступы к Астрахани.

вернул к главной цели — Садовской. 16 сентября Эйлер и два его разведывательных бронеавтомобиля оказались на расстоянии 5 км от Садовской и 7 км от Нижней Волги.

То, что было установлено разведподразделением, оказалось чрезвычайно важным: русские оборудовали вокруг Садовской противотанковый ров, а также глубокоэшелонированную линию блиндажей. Это указывало на наличие подготовленных и оборудованных позиций плацдарма, которые должны были подстраховать, вероятно, планировавшийся переход советских войск через Волгу в ее нижнем течении.

Когда русские часовые заметили немецкие бронемашину, на их позициях возникла суматоха, напоминавшая панику: до того момента беспечные, они мгновенно рассыпались по блиндажам и щелям и открыли шквальный огонь из противотанковых ружей и тяжелых пулеметов. Двое русских, которые в суматохе попытались улизнуть со своих позиций, были перехвачены людьми Эйлера. Оба красноар-

мейца, насмерть перепуганные, сдались в плен; кроме того, старший офицер из 36-го пулеметного батальона и его связной. Вот это была добыча! Теперь прочь отсюда все!

Лейтенант Юрген Шлип, командир мобильной разведроты, также отправился со своими солдатами на выполнение задания 13 сентября. Его маршрут пролегал к югу от большака. Главная его задача была — разведать наличие на самом деле пригодной к эксплуатации железнодорожной линии Кизляр — Астрахань, о чем говорили пленные на допросах, но которая не была нанесена на карту. Было очень важно узнать что-либо об этом маршруте перевозки нефти; его можно было использовать для перевозки войск. Шлип обнаружил эту железнодорожную линию. Вот как он рассказывает об этом: «В предрассветные часы второго нашего дня мы увидели перед собой еще издалека, как соленые озера сверкают на солнце. Мотоциклы с трудом шли по песку вперед, и наше ремонтное подразделение по пути проводило небольшой ремонт».

Когда Шлип наконец увидел через бинокль железнодорожные рельсы, он приказал основным силам роты отойти назад и отправился с двумя бронемашинами и подразделением саперов к будке обходчика, она же — станция Сенсели.

Далее Шлип рассказывает: «Издалека мы увидели на насыпи человек 50—60 гражданских, которые выполняли какие-то работы. Дорога была однопутной, и с двух сторон ее был отсыпан песчаный вал. При нашем появлении охрана как-то рассосалась, и гражданские отреагировали на это с ликованием. Люди эти были украинцы, старики, женщины и дети, насильно эвакуированные и в течение нескольких месяцев работавшие здесь. Многие из украинцев могли объясниться по-немецки, нас приветствовали как освободителей».

В то время пока солдаты разговаривали с украинцами, с южной стороны насыпи внезапно показался шлейф дыма. «Поезд!» — закричали рабочие. Шлип приказал водителям своих машин отойти за песчаный холм и занять там позицию. И вот уже они увидели приближение состава бесконечно длинной вереницы цистерн. Впереди, пыхтя, состав тянули два локомотива. Две 20-мм пушки дали короткую очередь — и локомотивы разлетелись на куски. Из котлов струями устремился наружу пар, раскаленное содержимое топок летело в воздухе, крутясь. Поезд встал. Пожар охватывал цистерну за цистерной. Они выгорали.

«Черт возьми, замечательный бензин», — сокрушались артиллеристы. В тот момент, когда саперы хотели взорвать будку, в ней зазвонил телефон. Они испуганно вздрогнули. «Черт, кто там еще?!» —

воскликнул унтер-офицер Энг, из ремонтников. Но затем он быстро снял трубку и крикнул Шлипу: «Господин лейтенант, вас зовут!»

Шлип все понял и помчался вместе с переводчиком к будке.

«Станция Сенсели, начальник», — сказал переводчик в трубку и ухмыльнулся. «Да, да, «товарищ!» — поправился он.

На другом конце провода была товарная станция Астрахань. Южный пункт линии А—А (Астрахань — Архангельск) — цель всей войны. Передовые части Вермахта связались с ним по телефону. Чиновник, начальник станции в Астрахани, спрашивал, прошел ли эшелон с нефтью из Баку. Встречный поезд уже стоит на разъезде у Басы.

Встречный поезд! Переводчик попытался уговорить товарища в Астрахани, чтобы тот дал команду на его отправление. Но это вызвало у товарища в Астрахани подозрение. Он задал пару вопросов-ловушек. Переводчик не смог толком ответить, и это оправдало его недоверие. Он начал страшно ругаться. И тут переводчик оставил игру и сказал: «Подожди, папаша, скоро мы будем в Астрахани». В ответ товарищ из Астрахани прокричал самое страшное русское ругательство и бросил трубку, и поэтому не мог слышать, как две минуты спустя сколоченное из досок здание станции Сенсели было разнесено в щепки двумя компактными зарядами взрывчатки.

Подразделение дальней наземной разведки Шлипа вернулось без потерь 17 сентября в Утту. Еще в тот же день его командир доложил в штабе дивизии, а также случайно оказавшемуся на КП командующему группой армий «Б», генерал-полковнику фон Вейхсу о результатах рейда. Все вздохнули с облегчением, пока еще из степей и с нижней Волги, то есть с Кавказского фланга, угроза не исходила. Это было главное. Ведь группа армий «А» с конца августа предпринимала попытки «запустить» еще раз застопорившееся наступление в районе Кавказа, а именно на левом своем фланге. Танковая армия фон Клейста всей своей мощью должна была пробить ворота в Баку, чтобы взять советские нефтяные поля, достигнув тем самым одной из решающих целей германского летнего наступления. Последним препятствием перед этой целью была река Терек, перед которой остановились танковые авангарды армии Клейста. Клейст попытал своего счастья, и, казалось, военное счастье действительно давало Вермахту шанс еще раз одержать победу.

Клейст искусным поперечным маневром вывел 3-ю танковую дивизию из упорно обороняемого Баксанского ущелья и повел ее на восток вдоль Терека. 25 августа дивизия овладела городом Моздок. Вслед за этим другая боевая группа у станицы Ищерской неожиданно для противника форсировала реку, в частности, решающий пры-

жок здесь сделало подразделение гамбургского 394-го мотопехотного полка.

30 августа 1942 года: минутная стрелка приближается к 3.00. Штурмовые лодки, саперы и панцергренадеры изготовились. Они ждут огневого удара артиллерии, имеющей задачу обеспечить им огневое прикрытие броска через реку.

Терек в месте форсирования — около 250 м в ширину, с очень сильным течением, бурлящими водоворотами — коварная горная река. Рядом с лодками вздымаются от мин противника белые столбы воды. Между ними маневрируют штурмовые лодки. Носы их — довольно высоко над водой. На корме каждой из них, низко пригнувшись, сидят панцергренадеры. Вот так лодки проскальзывают сквозь эту грозную музыку.

Одновременно с началом атаки, еще на этом берегу, погибают командир 1-го батальона капитан барон фон Хейден-Ринш и его начальник штаба лейтенант Циглер. Смертельно раненный, падает лейтенант Вурм. Обер-лейтенант доктор Дюрхольц, командир 2-й роты, получает ранение в ходе форсирования и падает за борт в реку. С этого момента его считают пропавшим без вести.

Под огневым прикрытием своей артиллерии стрелки пробиваются шаг за шагом вперед. Условия для плацдарма созданы. Только условия. Так как позднее выясняется, что противник превосходит их в силах и их у него больше, чем предполагалось вначале. Хорошо замаскировавшись и окопавшись, он цепко держит оборону на окраине селения Мундар-Юрт. Войска русских сидят на полевых позициях и в противотанковом рве. Оттуда они имеют возможность накрывать огнем находящихся на открытой местности наших бойцов.

Во второй половине дня молодой командир полка майор Гюнтер вместе со своим штабом переправляется на тот берег Терека, чтобы сориентироваться на месте. Таким образом, определяется передний край, и войска эшелонируются так, чтобы можно было успешно защищать малыми силами отвоеванный плацдарм.

Пять дней находились в боях солдаты 394-го мотопехотного полка на том берегу Терека. Они сражались южнее 44-й параллели. Только передовые части 1-й горнострелковой дивизии в Клычской долине вели бои еще южнее. Они вплотную стояли у 43-й параллели, а именно у 43° 20', самой южной точки, достигнутой войсками Вермахта в ходе реализации плана «Барбаросса» на советской земле.

В неблагоприятных условиях местности, без тяжелого вооружения солдаты Папе сражались с более сильным, ожесточенным противником. Полк сковал действия трех советских дивизий. Поэтому русским

пришлось снимать войска с другого участка. Плацдарм этот, таким образом, создавал предпосылки для наступательных действий подтянутого сюда 52-го армейского корпуса. Ему удалось 1 и 2 сентября под Моздоком также форсировать Терек и создать плацдарм. 111-я пехотная дивизия форсировала стремительную, мощную горную реку пятиметровой ширины. Передовые подразделения вел в бой капитан Люме. Он первым создал небольшой плацдарм и держался до тех пор, пока саперы не переправили тяжелое вооружение. Однако и под Моздоком сил для продолжения не хватило. Русские были слишком сильны, а свои силы — измотаны в боях и слишком слабы. Последний шанс — овладение Бакинским нефтяным районом — не мог быть использован.

Как и на западных отрогах Кавказа по направлению к Черному морю, так и здесь, на Тереке, битва застопорилась. Фронт замер. Прямо перед конечной целью войны наступательная мощь и порыв плана «Барбаросса» выдохлись. Терек стал последним рубежом немецких завоеваний.

На оборонительных позициях у Терека вместе с немецкой пехотой сражалась одна необычная боевая часть — казаки. Но для войны на Восточном фронте в истории, приведшей казачий эскадрон под командованием ротмистра Загородного на сторону немцев, не было ничего необычного.

Когда 40-й танковый корпус под командованием генерала барона фон Гейра летом в районе Миллерова взял в плен 18 тысяч русских, проблемой № 1 было: что с ними делать? Кто их отправит в тыл? Резко уменьшившиеся по численности немецкие дивизии были не в состоянии выделить для этих целей часть личного состава. И вот появился капитан Кандуш и подал идею отделить кубанских и донских казаков, расположенных к немцам, от остальной массы пленных и дать им лошадей, бродивших там и тогда во множестве, и использовать их как конвойное подразделение для сопровождения пленных красноармейцев. Казаки, отнюдь не симпатизировавшие большевистским идеям, загорелись этой идеей. В мгновение ока капитан Загородный сформировал эскадрон и отправился в путь с 18 тысячами пленных русских. Ни один человек в штабе корпуса не думал о том, что ему когда-либо суждено будет встретиться с Загородным и его казаками. Но в первые недели сентября в штабном блиндаже танкового корпуса в Русском в один прекрасный день вдруг распахнулась дверь. Вошел казачий офицер в живописном мундире и на ломаном немецком доложил: «Ротмистр Загородный со своим эскадроном прибыл». Кандуш был совершенно ошеломлен. Спустя годы после войны Кандуш рассказывал мне об этом, повторяя: «Вот и снова они к нам попали!» Что было

делать с казаками? Кандуш позвонил начальнику штаба. Началось то, что у русских называется «долгой волюнкой». Наконец приняли решение. Казаки Загородного составляют отдельный казачий эскадрон 1/82, направляются на обучение и затем — на фронт. Так оно и получилось. На позициях в районе Ищерской ротмистр обеспечил железную дисциплину и порядок. Не было ни одного случая дезертирства. Надежной опорой ротмистра был командир 1-го взвода, старший лейтенант Кобан, широкоплечий казак, верный своему эскадрону до последнего дня, как и Загородный. Когда Кобан болел, его жена обеспечила построение. Внешне привлекательная, лихая казачка, она с первого дня всегда была в строю взвода своего мужа. Как и всякий казак, она выезжала в составе патрульных разъездов. Она и погибла вместе с эскадроном — за тысячи километров от своей родины, за освобождение которой казаки, как они полагали, сражались в 1942 году.

Капитан Кандуш сообщает: «В конце мая 1944 года, когда 40-й танковый корпус отступал через границу Румынии на запад, был получен приказ о передислокации эскадрона во Францию. Начштаба корпуса майор доктор Патов попрощался с казаками. Ротмистр Загородный наконец-то получил долгожданный Железный крест 1-го класса. Он заслужил его. Затем казаки еще раз построились — вероятно, в последний раз — для прохождения марша галопом. Впечатление было незабываемым».

Спустя шесть недель под Сен-Ло во Франции эскадрон во время боев при отражении высадки союзных войск англо-американцев попал под мощный налет истребителей-бомбардировщиков и был полностью уничтожен. Спасти удалось лишь нескольким. Погибли все офицеры и жена обер-лейтенанта Кобана. Солдаты 40-го танкового корпуса, однако, не могли забыть своих боевых друзей, прошедших вместе с ними многие сражения.

Терек

Конфликт Гитлера с генералом Йодлем — Начальник Генерального штаба и фельдмаршал Лист должны уйти — Одержимость нефтью — Панцергренадеры на Военно-Осетинской дороге — Кавказский фронт замер

7 сентября 1942 года зной позднего лета окутал украинские леса. В душных бункерах ставки фюрера «Вервольф» термометр поднимался до отметок 30—40 °С. В такие дни Гитлер особенно страдал. Это еще более усугубляло постоянную его раздражительность, свя-

занную с положением на участке фронта между Кубанью и Терekom. Все донесения с «нефтяного фронта» свидетельствовали о том, что войска теряли последние свои силы. Группа армий «А» замерла на Кавказе и на Тереке. Долины, ведущие к Черноморскому побережью и прежде всего к Туапсе, были блокированы советскими войсками, а Терек оказался сильно укрепленной естественной преградой, последней перед старыми военными дорогами к Тифлису, Кутаиси и Баку.

От дивизий поступали сообщения о том, что «дальше никак». «Никак, никак, — раздражался Гитлер, — только это и слышу». Ему не хотелось верить, что на Тереке и на фронте в городах по причине нехватки сил нет продвижения вперед. Он искал вину за случившееся в главкомах направлениями и в том, что цели их операций были неверными. Поэтому в первой половине дня 7 сентября Гитлер отправил начальника штаба оперативного руководства Вермахта, генерала артиллерии Йодля в Сталино, к фельдмаршалу Листу, чтобы все-таки узнать правду, почему именно на пути к Туапсе дела более не продвигались. Йодль должен был придать приказам Гитлера большую выразительность. Поздним вечером Йодль вернулся. Его доклад стал причиной тяжелейшего кризиса в командовании Вермахта с самого начала войны, нашедшего свое выражение во встрече в «Вервольфе». Йодль защищал фельдмаршала Листа и разделял его точку зрения: силы, выделенные для достижения поставленных целей, недостаточны. Как и Лист, он требовал энергичной перегруппировки сил на фронте. Гитлер отклонил эти идеи и высказал Йодлю свои подозрения в том, что он идет на поводу у Листа. Генерал, также чрезмерно раздраженный особенностями местного климата и напряженным рабочим днем, вспылал и громко процитировал собственные приказы фюрера и его директивы последних недель, строго соблюдавшиеся Листом и приведшие к тем трудностям, которые постигли группу армий «А».

Упрек Йодля вывел Гитлера из себя. Его самый доверенный генерал не только восставал против, но и недвусмысленно сомневался в его, Гитлера, полководческом искусстве, обвинял его в кризисе на Кавказе, в назревавшем поражении на Южном фронте.

«Вы лжете, — кричал Гитлер, — я никогда, никогда не отдавал подобных приказов». Затем он оставил Йодля стоять и бросился из избы в тьму украинского леса. Часами позже он вернулся: бледный, сникший. Насколько Гитлер был уязвлен, свидетельствует тот факт, что он с тех пор не садился за стол вместе со своими генералами. С того дня он в одиночестве до самой смерти завтракал, обедал и

ужинал в спартанской обстановке своих ставок, одна только овчарка Блонди сидела возле его стула. Но это была не единственная его реакция на упреки Йодля. Дело дошло до большего: начальник Генерального штаба генерал-полковник Гальдер и фельдмаршал Лист были сняты со своих должностей. Гитлер отдал даже приказ о замене преданных ему генералов Кейтеля и Йодля, имея в виду назначить вместо них фельдмаршала Кессельринга и генерала Паулюса — план, который, к сожалению, не стал реальностью, так как в случае замены, может быть, удалось бы избежать, по крайней мере, катастрофы под Сталинградом, если бы такие опытные боевые генералы стали бы во главе Верховного командования Вермахта.

Но Гитлер так и не расстался со своими многолетними военными помощниками Кейтелем и Йодлем. Он лишь приказал, чтобы в дальнейшем каждое его слово и каждая мысль, высказанная его генералами, стенографировались на совещаниях по военным вопросам. В остальном он оставил без изменений свой приказ продолжать наступление на Кавказском фронте. Он ни за что не хотел отказываться от достижения главной цели наступления на этом фронте. Нефть Кавказа, Грозного, Тбилиси и Баку, а также перевалочные порты Черного моря должны стать немецкими. Осень 1942 года должна была принести, по крайней мере, достижение целей всей Восточной кампании.

Здесь со всей очевидностью проявляется то, каким все более косным и упрямым становился Гитлер в вопросах, связанных с ведением войны. Эта черта его натуры стала роковой для фронта.

На экономическом фронте в восприятии Гитлера именно нефть была доминирующим фактором индустриального века. Он был заворожен значением нефти. Он прочитал все, что когда-либо было опубликовано о нефти. Ему была известна история разработки арабских и американских нефтеносных районов, он был знаком с добычей нефти и с соответствующей техникой. Любой, кто заговаривал о нефти, привлекал его интерес. Типичен в этом контексте прочно укрепившийся эпизод и его постоянные пересказы о том, как Гитлер отозвался об одном дельном чиновнике из отдела, занимавшегося вопросами торговой политики при Министерстве иностранных дел: «Его я не выношу, но он кое-что смыслит в нефти». Политика Гитлера на Балканах выстраивалась преимущественно с позиций, связанных с румынской нефтью. Он вставил в свою директиву по плану «Барбаросса» пассаж об отдельной операции по захвату Крыма только потому, что он был озабочен, и вполне справедливо, воз-

можностью угрозы нефтяным полям в Плоешти со стороны советских ВВС, которые могли совершать налеты из Крыма.

Нефть в его сознании затмила самое революционное открытие XX века в области науки: атом и науку об атоме. В его голове не осталось места для того, чтобы осознать военное значение впервые открытого в Германии и технически реализованного немецкими физиками деления атомного ядра.

Магия нефти с самого начала предопределила поход на Восток, и летом 42-го та же магия соблазнила Гитлера на принятие решений, которые в итоге решили судьбу летней кампании 1942 года и вообще весь ход войны. Один лишь взгляд на «нефтяной фронт» в 1942 году дает этому тезису достаточную аргументацию.

Группа армий «А» застряла на севере и западе Кавказа. Но Гитлер не хотел воспринимать факторы предела возможности военных сил. Он хотел по старым кавказским военным дорогам выйти к Тифлису и к Баку. Он снова приказал реализовать наступательные операции через Терек. Приказ есть, был и будет приказом. В упорных, вязких боях, продолжавшихся неделями, 1-я танковая армия пыталась постепенно расширить плацдарм на Тереке, и это действительно удалось 20 сентября, а именно: форсирование Терека к юго-западу от Моздока. Генерал Макензен силами всего своего 3-го танкового корпуса начал наступление на Орджоникидзе, лежащий на пути к Тифлису. Моторизованная дивизия СС «Викинг» пробилась к Военно-Грузинской дороге. Боевая группа мотопехотного полка СС «Нордланд» с батальоном финских добровольцев в своем составе вышла к полю боя из лесных массивов Кавказа и смогла занять северную часть нефтеносного и нефтедобывающего района Грозного и заблокировать на двух участках Военно-Грузинскую дорогу. Господствующую высоту с тяжелыми потерями штурмовал батальон финских добровольцев, и он смог захватить и удерживать ее, несмотря на потери и контратаки противника. Достанет ли сил для последнего рывка, чтобы преодолеть последнюю сотню километров?

Прошло четыре недели, прежде чем 3-й танковый корпус сумел собрать все необходимые резервы в живой силе, горючем и запасных узлах и деталях для боевой техники, чтобы начать новое, последнее, как все надеялись, наступление.

25 и 26 октября корпус вышел со своего плацдарма для прорыва в направлении на юго-восток. Батальоны сражались отчаянно. Была разгромлена боевая группа противника в составе 4 дивизий и взято в плен 7000 человек. Румынские горные егеря заблокировали здесь

горные ущелья, выходящие к югу. Две танковые дивизии пробились на юго-восток, взяли 1 ноября Алагир и участок Военно-Осетинской дороги по обеим сторонам этого города. 13-я танковая дивизия под командованием генерал-майора Геерса вышла 5 ноября к Орджоникидзе, приблизившись к городу на расстояние 5 километров.

Но на этом последние силы были израсходованы. Советские контрудары с севера отрезали дивизии от их тылового обеспечения. 1-я танковая армия была не в состоянии оказать помощь, и ее штаб отдал приказ на прорыв, несмотря на сопротивление ставки. Он удался.

Непогода в середине ноября нанесла последний удар всем попыткам возобновить операцию. На правом фланге, у 17-й армии горные егеря уже отошли с заснеженных перевалов высокогорного Кавказа, так как подвоз и снабжение прекратились. Пехотные полки и полки егерей зарылись в землю. Наступление на черноморские порты, на нефтяные поля, на Баку, Тифлис и Батуми провалилось, несмотря на ощутимую близость целей. Весь фронт замер. Почему?

Потому что новая советская тактика ухода, уклонения от боевого соприкосновения обрекла на неудачу смело задуманные операции на окружение между Доном и Донцом. Потому что советским военачальникам высшего звена в последний момент удалось снова организовать боевые действия войск, отошедших с Нижнего Дона на Кавказ. И прежде всего потому, что советским армиям, восполняя их потери, через Каспийское море шли американские поставки из Ирана. Потрепанные в сражениях немецкие войска были слишком слабы, чтобы сломить это последнее сопротивление.

Не хватало последнего батальона.

Сталинград

Между Доном и Волгой

Калач — судьбоносный мост через Дон — Танковое сражение в песчаном море степей — Танковый прорыв генерала Хубе к Волге — «Справа — башни Сталинграда» — Женщины у тяжелых зениток — Первый бой у ворот города Сталина

Тот, кто взял на себя труд анализа и описания ожесточенной битвы за Сталинград, наталкивается в своих изысканиях прежде всего на тот бесспорный объективный факт, что взятие Сталинграда не являлось целью в планах масштабного летнего наступления. План «Блау» предусматривал попытку достичь Сталинграда и подвергнуть его атакам с применением тяжелого вооружения таким образом, чтобы этот город утратил свое значение как транспортный узел и как важный центр военной промышленности. Это была задача дальнобойной артиллерии и ни в коей мере не целой армии, в состав которой входили танковые дивизии и которая втянулась бы в бои на истощение в гигантском лабиринте городских улиц, заводских цехов, бункеров и блиндажей.

Цели плана «Блау» могли быть наверняка достигнуты за счет применения бомбардировочной авиации и артиллерии, поскольку стратегического значения Сталинград не имел. Боевые действия 6-й армии согласно замыслу военных планов имели своей задачей создание флангового прикрытия Кавказского фронта, боевые действия на котором, в свою очередь, преследовали военно-экономические цели. Решение вышеназванных боевых задач 6-й армии в конечном итоге вылилось в кульминационный пункт всей войны, роковым образом повлиявший на ее исход. Это обстоятельство наряду с другими следует отнести к мрачным страницам сталинградской трагедии. Ста-

новится понятным, в какой значительной мере исход всякой войны зависит от случайностей и ошибок, особенно когда это прослеживается ретроспективно.

Когда в сентябре 1942 года «забуксовала» основная военная операция летней кампании — битва на Кавказе и на Тереке, в ставку фюрера стали поступать обнадеживающие известия. Там, где фланг и тыл битвы за нефть должны были быть прикрыты овладением излучины Дона и изгибом Волги у Сталинграда, после целого ряда недель боевых действий и достаточного количества кризисных ситуаций вдруг дело сдвинулось. 13 сентября из штаба 6-й армии пришло донесение о том, что германская 71-я пехотная дивизия протаранила глубокоэшелонированные полевые укрепления русских у Сталинграда и штурмовала высоты недалеко от центра города.

14 сентября 1942 года, после кровопролитных уличных боев, повлекших большие потери, части нижнесаксонской 71-й пехотной дивизии пробились к Волге, овладев вокзалом в северной части города. Штурмовые группы генерала Хартмана продвигались довольно узким клином, но город пройти им удалось. Над центром Сталинграда развевался военный флаг рейха. Это был ободряющий успех: он позволял надеяться на то, что перед началом зимы удастся победоносно завершить Волго-Донскую операцию и затем продолжить наступление на Кавказ, имея этот хорошо прикрытый фланг.

Какие события привели к этому обнадеживавшему успеху 14 сентября 1941 года? Для ответа на этот вопрос необходимо оглянуться назад и обратиться к летней операции, развернувшейся между реками Дон и Донец, когда во второй половине июля 6-я армия в одиночестве шла вдоль Дона на восток в направлении Сталинграда, в то время как главным силам группы армии «Юг» было приказано резко повернуть на Ростов с целью захлопнуть там в котле русские войска.

В авангарде 6-й армии походными колоннами шли танки 14-го танкового корпуса генерала фон Виттерсгейма. Это был единственный танковый корпус, переданный в подчинение командования 6-й армии. В его состав входили: 16-я танковая дивизия, а также 3-я и 60-я моторизованные дивизии. Перед «бронированным кулаком» русские отходили через Дон в направлении на север, а также, и прежде всего, на восток, к Сталинграду.

Этот отход, несомненно, осуществлялся по приказу советского командования и был задуман им как оперативный, однако в реальности в целом ряде случаев советские дивизии попросту бежали,

поскольку приказы на отход поступили внезапно и их формулировки были неясными. Сам отход страдал плохой организацией. В этой новой тактике советские войска и командование еще не имели достаточно опыта. Следствием этого явилось то обстоятельство, что командиры среднего и младшего звена утратили контроль над вверенными им частями и подразделениями. На многих участках боевых действий имела место паника. Это обстоятельство очень важно для понимания того, почему немецкая сторона истолковала этот отход как крах.

Несомненно, во многих местах были налицо признаки паники и кризиса, однако высшее советское командование не было поколеблено этими обстоятельствами. У него был четкий план. Сталинград, город у излучины Волги, носивший имя Сталина, бывший Царицын, должен был стать согласно воле Генштаба Красной Армии последним оплотом обороны, ее последним рубежом. Сталин уступил своим генералам в их просьбах отойти назад от Дона и Донца. «Но на Волге с отступлением должно быть покончено», — категорически требовал он. «Приказываю сформировать Сталинградский фронт. 62-й армии оборонять город до последнего человека», — сказал Сталин в разговоре с маршалом Тимошенко 12 июля 1942 года. Сталин хотел в этом стратегически выгодном пункте добиться поворота в войне, как это уже случилось однажды в 1920 году в ходе боевых действий красных войск против белоказачьего генерала Деникина¹. Надо было только лишь выиграть время, время для подготовки резервов, время для строительства и оборудования оборонительных рубежей на подступах к городу с севера — в междуречье Волги и Дона, а также на удобных для встречи противника высотах, цепочкой уходивших в калмыцкие степи к югу от Сталинграда. Но дадут ли немецкие войска время Красной Армии для того, чтобы мобилизовать и перегруппировать силы в районе Сталинграда?

62-й армией тогда еще командовал генерал-майор Колпакчи. Офицеры его штаба с автоматами в руках находились на донских переправах в районе Калача, чтобы хоть как-то навести порядок в отходивших потоком советских войсках, но немецких частей видно не было. «Более никакого соприкосновения с противником», — доносили командиры арьергардов русских войск. Колпакчи покачал головой. В штаб фронта от него ушло донесение: «Немцы вперед не

¹ Речь идет об обороне Царицына от белоказачьей армии генерала П.Н. Краснова в июле 1918-го — феврале 1919 г.

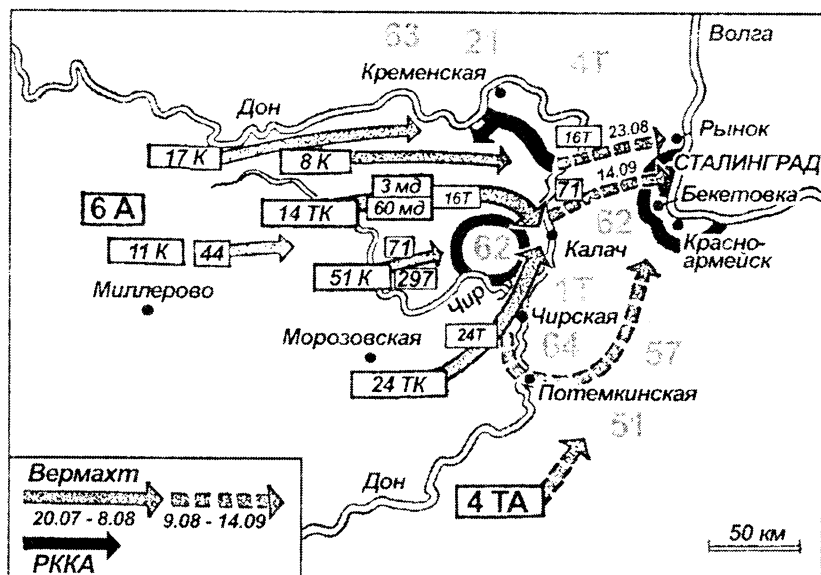
продвигаются». «Что бы это значило? — спросил маршал Тимошенко у своего начальника штаба. — Германцы изменили свои планы?» От отлично функционировавшей советской шпионской сети никаких таких сообщений о подобных изменениях в стратегических наступательных операциях немецких войск не поступало: ни от Рихарда Зорге из германского посольства в Токио, ни от обер-лейтенанта Шульце-Бойзена из Министерства авиации в Берлине. От главных агентов Александра Радо из Швейцарии и Жильбера из Парижа — также ничего. У одного агента имелась-таки определенная информация. Донесения агента из Швейцарии Реслера, снабжавшего их пометой «Источник — Вертер», показали, что источники информации все-таки работали. И работали хорошо. Однако относительно какого-то совершенно нового плана немецкого командования в связи со Сталинградской операцией никаких «зацепок» не имелось.

То, что «Вертер» Реслера ничего не прояснил, было связано с тем фактом, что его источником не было германское Верховное командование. Он получал информацию от англичан, которая основывалась на расшифрованных директивах ставки фюрера, направлявшихся в штабы групп армии. Для прикрытия своего источника также от внимания русской разведки англичане выдумали легенду о «человеке из Верховного командования Вермахта».

Каких-либо указаний из ставки фюрера относительно действий 6-й армии не поступало. Причиной внушавшей опасения остановки в районе Миллерова передовых частей 14-го танкового корпуса из войск Паулюса были банальные перебои с доставкой горючего, а отнюдь не какой-то оперативный план.

Русские тотчас же использовали выигрыш во времени. «Поскольку со стороны немцев нет никакого натиска, мы можем организовать нашу оборону западнее Дона» — такое решение принял Тимошенко после некоторого размышления. Генерал-майор Колпакчи сосредоточил войска 62-й армии в большой излучине Дона, образовав тем самым плацдарм вокруг Калача. Вследствие этого важнейшая переправа через Дон в 70 км к западу от Сталинграда была блокирована. Петля Дона, вся оборудованная в инженерном отношении, нависала, подобно балкону, над западным направлением, прикрывая фланги с севера и с юга.

Когда 6-я армия, наконец, снова находилась в готовности совершить марш, генерал Паулюс заметил, что ему сначала следует решить задачу «открытия замка» у Калача с тем, чтобы получить воз-

Сталинградская битва началась с боев за Калач и Дон. Немцы окружили советские войска к западу от Дона и очистили себе путь к участку суши между Доном и Волгой.

возможность продолжения нанесения удара через Дон в направлении на Сталинград.

Генерал Паулюс спланировал наступление на плацдарм в районе Калача как сражение, предусматривающее классический фланговый охват. Он приказал одному танковому корпусу наступать на левом фланге, в то время как другой, переданный в подчинение Готу, должен был повернуть широкой дугой в направлении на север, с тем чтобы они соединились у Калача. 8-й пехотный корпус прикрывал глубокий фланг армии на севере, в то время как корпус Зейдлица имел своей задачей фронтальное наступление между двумя танковыми корпусами на Калач. Основную ношу тяжелых боев этого сражения в большой излучине Дона несли обе танковые дивизии. Моторизованным дивизиям была поставлена задача прикрывать фланги.

Восточнопрусская 24-я танковая дивизия должна была овладеть Чиром и, двигаясь вдоль течения Дона в направлении на север, повернуть на Калач. Ей противостояли крупные силы советской 64-й армии, которой тогда еще командовал генерал-лейтенант Чуйков. Первая атака не увенчалась успехом из-за минных полей, за которыми находились позиции русских. Но 25 июля около 3.30 утра

танки 24-й дивизии снова устремились вперед. Они опрокинули противника, выбили его из отлично оборудованных позиций и овладели господствующими высотами. Во второй половине дня с небес буквально обрушилась стена воды — сильнейший дождь, и наступление было затруднено сильно размытым размягченным грунтом. Погодные условия, упорная и отчаянная оборона двух советских дивизий делают невозможным стремительный выход к Дону. Но 26 июля все-таки такая возможность появилась. Панцергренадеры пробили долгожданную брешь в обороне русских в районе речки Соленая. На бронетранспортерах они устремились далее на восток. Прорыв удался!

Танки поспешили к переправе через Чир в районе станицы Нижнечирская. Мост оказался в наших руках. В ходе ночных уличных боев в этом населенном пункте танковые подразделения овладели им, и приблизительно к середине ночи брод и мост через Чир к востоку от станицы были захвачены нашими войсками. В то время как панцергренадеры были заняты созданием плацдарма, танки и бронетранспортеры рвались с него к Дону через занятый противником лес. В предрассветной мгле они достигли могучей реки, оказавшейся судьбоносной для операции «Барбаросса». На счастье, попытки противника взорвать мост оказались неудачными. Взрывом вырвало небольшой кусок настила, но это место быстро восстановили. Однако немцы пока еще не решались нанести удар через реку по небольшому участку территории между Доном и Волгой. Необходимо было нейтрализовать крупные русские силы к западу от реки. Восточнее Дона между тем русские также сосредоточили две армии, против которых слабые передовые танковые части 6-й армии вряд ли могли предпринять эффективные действия.

6 августа начался последний этап боев за Калач. Ударная танковая группа под командованием полковника Рибеля выдвинулась с плацдарма на Чире и нанесла удар в северном направлении на Калач. До цели оставалось еще 35 км. Русские оборонялись, зная, что им грозит. Если бы немцы прошли здесь, то все, кто находился к западу от реки, оказались бы отрезанными и тем самым замок на воротах Сталинграда был бы взломан. Но «бронированный кулак» 24-й дивизии пробился сквозь советские оборонительные линии и минные поля, отражая многочисленные контрудары и поддерживая пехотные части дивизии, также преодолевшие оборонительные линии советских войск.

Затем дивизия, перестроившись в колонны, шедшие близко друг от друга, стремительно преодолела степные просторы и к насту-

плению темноты заняла господствующую высоту 184, совсем рядом с Калачом, в тылу противника. В левом секторе «клешей» операция также проходила по плану. 16-я вестфальская дивизия генерал-лейтенанта Хубе 23 июля наступала четырьмя боевыми колоннами с Верхнего Чира. Одна из дивизий 62-й советской армии на высотах у Рошки оказала ей первое ожесточенное сопротивление. Батальон Муэ — бронетранспортеры с пехотой на броне — быстро выдвинулся к укрепленным позициям противника. Пехотинцы спрыгнули на землю и с гранатами и пистолетами в руках выбили русских из их укрытия. Во второй половине дня брешь расширилась еще больше. На следующий день 24 июля боевая группа Вицлебена достигла участка реки Лиска к северо-западу от Калача. Оставалось еще 20 км. Танковый батальон под командованием графа Штрахвица, усиленный артиллерией, пулеметчиками на мотоциклах и гренадерами на броне, вместе с боевой группой полковника Латмана на большой скорости устремился на восток и к рассвету уже был перед своим последним препятствием севернее Калача.

Советские войска были опрокинуты. Граф Штрахвиц повернул свою группу на юг и взломал всю советскую оборону. Оставалось еще 19 км. Обе немецкие боевые группы сражались теперь уже в тылу советских сил, оборонявших плацдарм. Вокруг дивизий генерала Колпакчи намечался котел.

Русские распознали грозившую им опасность и обрушились всеми своими силами на левый клин «клешей». Завязался бой, который русские вели решительно и с применением неожиданно мощных бронетанковых сил. По обеим сторонам фронта друг другу противостояли подвижные части и подразделения. Они маневрировали, пытаясь загнать противника в окружение. О фронте в этом случае, собственно говоря, речи быть уже не могло. Словно эскадры эсминцев и крейсеров на море, группы танков сражались друг против друга в безбрежных песках, с боем добиваясь более выгодных позиций для ведения огня, зажимая противника в ловушки, цепляясь на несколько часов, иногда — дней за населенные пункты, затем покидали их, разворачиваясь и устремляясь за противником. В то время как танки сталкивались друг с другом в горячке боя на покрытом буйной растительностью степном пространстве, стаи самолетов сходились в упорных воздушных боях в безбрежном и безоблачном небе над Доном, доставали укрывшегося в балках противника, бомбили подходящие колонны автомашин с боеприпасами и горючим, превращая последние в море огня.

8 августа передовые части 16-й и 24-й танковых дивизий соединились под Калачом. Котел наконец-то надежно захлопнут. Два танковых корпуса и один армейский корпус замкнули железное кольцо. В котле находились теперь девять стрелковых дивизий, две моторизованные и семь танковых бригад, входивших в состав советских 1-й танковой и 62-й армий. 1000 танков и бронемашин, 750 орудий стали нашими трофеями. Часть из них оказалась непригодной к боевому применению.

Таким образом, окружение снова удалось — впервые с начала лета, со времени Харьковской битвы. Этот котел должен был стать последним в ходе операции «Барбаросса». Он захлопнулся в 60 км от Волги. Заслуживает особого внимания тот факт, что командование и войска 6-й армии еще раз доказали свое превосходство над численно намного более сильным противником в ходе высококомобильных боевых операций. Со всей ясностью еще раз стало очевидным, что советским войскам была навязана необходимость вести маневренные действия против сил, имевших лишь необходимый материально-технический компонент, и сила сопротивления русских была недостаточной против наступательного порыва немецких частей и соединений. Действия немецких войск по зачистке района Калача, овладению мостами, созданию плацдармов через Дон для прорыва к Сталинграду продолжались еще почти две недели.

Но все мужество, проявленное русскими в их отчаянной ситуации, не принесло им никакой пользы. 16 августа большой мост в Калаче был захвачен в результате молниеносных действий подразделений 16-го саперного батальона под командованием лейтенанта Кляйниоганна. Теперь один удар следовал за другим. 21 августа пехотные части корпуса Зейдлица перешли Дон в двух местах севернее Калача там, где река резко сужается примерно до ширины в 100 м. Замысел Паулюса оставался неизменным: пробить коридор от Дона к Волге, заблокировать Сталинград с севера и затем, наступая с юга, взять город.

Генерал Хубе, по первичной своей воинской специальности пехотный командир, ставший между тем блестящим танковым военачальником, торчал вот уже какое-то время вместе с полковником Зикениусом, командиром 2-го танкового полка, в хуторе Вертячем, в саду у деревенской хаты. Разложив карту на небольшой копне сена, Хубе правой рукой проводил по ней. Левый рукав мундира был пуст, конец его заправлен в карман кителя. Руку Хубе потерял в Первую мировую. Командир 16-й танковой дивизии был единственным в Вермахте одноруким генералом танковых войск. «Мы здесь имеем

самое узкое место на перешейке между Доном и Волгой, не шире 60 км, — говорил он. — Склон высоты 136, отведенный нам приказом по армии в качестве направления наступления, представляет собой идеальный маршрут для наших танков. Он не пересечен речками и балками. Это дает нам шанс одним рывком пробить коридор сквозь боевые порядки противника прямо к Волге».

Зикениус кивнул: «Русские будут защищать этот перешеек всеми силами и средствами, господин генерал. Они давно уже настроились на это дело. Цепь татарских курганов-захоронений, которая тянется наискось от Дона к Волге, — это старый оборонительный рубеж против вторжения с севера, защищающий устье Волги».

Проводя пальцем по карте там, где был отмечен один из татарских курганов, Хубе ответил: «Русские будут его использовать как противотанковое заграждение после вероятного предварительного оборудования его в инженерном отношении. Но такие мы уже брали. Все должно свершиться быстро, молниеносно, как у нас получалось прежде». В этот момент подлетел связной мотоциклист и вручил пакеты с последними приказами из штаба корпуса на прорыв к Волге. Прочитав, Хубе встал и произнес: «Зикениус, мы начинаем завтра в 4.30». «Завтра» — означало 23 августа 1942 года.

16-й танковой дивизии была поставлена задача одним броском строго на восток пробиться к Волге, прямо к северному предместью Сталинграда. Фланги этого бесшабашно смелого танкового удара должны были прикрыть слева — бранденбургская 3-я моторизованная дивизия, справа — данцигская 60-я моторизованная дивизия. Это была рискованная операция совершенно в духе танковых прорывов первого года войны. Итак, завтра: Сталинград, Волга. Хубе знал: все это — последние цели наступления, крайние точки на востоке, которых надлежит достичь. Именно там завершится наступательная война, там — конечный пункт плана «Барбаросса», там — победа.

— До завтра, Зикениус.

— До завтра, господин генерал.

На протяжении целой ночи 16-я танковая дивизия, образовав гигантскую колонну, шла маршем по плацдарму через Дон в районе станицы Лучинской. Русские бомбардировщики непрерывно атаковали с воздуха важный мост. Горящие машины, словно факелы, указывали цели их экипажам. Но русским не везло. Мост уцелел. К полуночи соединения и части находились близко к переднему краю на открытой местности, не оборудованной укрытиями. Пехотинцы занимались оборудованием щелей и окопов, которые они прозвали

«щели Хубе», располагая над ними для защиты бронемашин, бронетранспортеры и танки. Всю ночь плацдарм обстреливался русской артиллерией и работавшими «по площадям» советскими реактивными установками. Плацдарм имел лишь два километра по фронту и пять — в глубину.

Утром 23 августа 1942 года танковые авангарды проследовали через понтонный мост у хутора Вертячий. На той стороне части и подразделения выстроились клином, острием вперед. Впереди шла боевая группа Зикениуса, за ней — боевые группы под командованием Крумпена и Аренсторфа. Танки, бронетранспортеры и тягачи бронетанковых частей трех дивизий двигались на восток, не обращая внимания на войска противника, находившиеся слева и справа от цепочки высот, в балках и по руслу рек и речушек. Над ними слышен гул моторов, пикировщиков и штурмовиков из состава 8-го авиакорпуса, идущих на Сталинград. Возвращаясь оттуда, боевые машины резко снижались почти до башен танков, и их пилоты беззаботно включают бортовые сирены. На цепочке татарских курганов-захоронений Советы безо всякого успеха пытались задержать нашу массированную танковую атаку. Напрасно. Оборона русских войск была взломана, танки пересекли пресловутый Татарский вал. Советы, очевидно, были ошарашены этим мощным натиском и, как это всегда у них было в таких ситуациях, бездумно пытались предпринять контрмеры, которые трудно назвать оперативными и эффективными.

Участки прорыва были узкими, зачастую не более 150—200 м по фронту. Генерал Хубе отдавал приказы из командирской машины в составе роты связи на передовой линии; он был в курсе всего происходящего в каждую минуту. Вот оно — искусство танковой войны. После полудня ближе к вечеру командир головного танка кричал в ларингофоны командирам других боевых машин: «Справа очертания Сталинграда!» Все командиры танков, стоя в открытых башенных люках, наблюдали вытянутый на 40 км вдоль берега старый Царицын, ныне современный промышленный город: многоэтажные дома и за ними, южнее, в районе старого города — церкви с луковками куполов, устремленных в небо.

Танковые траки методично перемалывали степную траву. За боевыми машинами тянулись шлейфы густой пыли. Головные машины группы Штрахвица подходят к северным предместьям Спартаковки, Рынка и Латошинки. Вдруг, как по команде, по нашим войскам был нанесен огневой удар с окраин ближних к городу деревень. Русские крупнокалиберные зенитки открыли огонь, начав оборонительное

сражение за Сталинград. Орудие за орудием, всего 37 единиц, сокрушила группа Штрахвица. Прямые попадания одно за другим разносили в клочья огневые позиции русских зениток.

Странно, но подразделения Штрахвица не понесли каких-либо ощутимых потерь. Скоро эта загадка прояснилась. Когда танкисты достигли развороченных огнем боевых позиций, они с ужасом и удивлением увидели, что расчеты крупнокалиберных зениток состояли из женщин, вероятно, работниц артиллерийского завода «Баррикады». Их мобилизовали в войска ПВО, но, по-видимому, в спешке не успели в достаточной степени обучить стрельбе по наземным целям.

К вечеру 23 августа первый немецкий танк, минуя предместье Рынок, выехал на высокий западный берег Волги, возвышавшийся на 500 м над рекой двухкилометровой ширины. Внизу темнела водная гладь. Цепочка пароходов и буксиров тянулась вверх и вниз по течению. С другого берега виднелись мерцающие огоньки азиатской степи: привет из мрачной бесконечности. Ближе к ночи дивизия потихоньку подтянулась к могучей реке. Это была северная граница города. Здесь был оборудован командный пункт штаба дивизии: зуммерила аппаратура связи, суелись ординарцы и вестовые. Всю ночь кипела работа: оборудовались огневые позиции, закладывались минные поля, ремонтировались танки и другая боевая техника, производились заправка горючим и выдача боеприпасов для предстоящих боев по овладению индустриальными пригородами северного сектора Сталинграда. Еще никто из личного состава 16-й танковой дивизии, гордой своими боевыми успехами и уверенной в победе, и не подозревал, что эти предместья с их заводами никогда не будут взяты полностью и что здесь, где раздастся первый выстрел, прозвучит и последний.

Бои на подступах

Т-34 — с завода в бой — Контрудар советской 35-й дивизии — Корпус Зейдлица выдвигается вперед — Смелый маневр Гота — Оборонительные позиции Сталинграда прорваны

24 августа, в 4.40 утра, боевая группа Крумпена, в состав которой входили танковые и некоторые артиллерийские подразделения, саперные и минометные части, после поддержки их с воздуха штурмовой авиацией вплотную выдвинулись к Спартаковке — самому север-

ному промышленному пригороду Сталинграда. Но они не встретили там ни ошеломленного, ни безвольного противника. Наоборот: они были встречены огненным смерчем. Предместье оказалось сильно укрепленным, каждый дом в отдельности — тоже. Холм, возвышавшийся над предместьем, прозванный солдатами «Большой гриб», был наштапован дотами, блиндажами, пулеметными гнездами, позициями минометных расчетов. Стрелковые батальоны, рабочая милиция (набранная из рабочих сталинградских заводов), а также части 62-й советской армии занимали свои позиции. Защитники Сталинграда сражались за каждый метр территории. Железный приказ, приковавший их к своим позициям, гласил: «Больше ни шагу назад!»

Оба командира, неумолимо требовавшие и реализовавшие этот приказ, были генерал-полковник А.И. Еременко и его политкомиссар, член военного совета фронта Н.С. Хрущев. Офицеры 16-й танковой дивизии впервые слышали эти имена в те дни от пленных советских солдат.

Вначале взять Спартаковку наличными силами оказалось невозможным. Советские позиции были непреодолимы. Насколько решительной была оборона Советами своих позиций, показывает тот факт, что они на северном фланге, где вели бои войска Хубе, атаковали их круговую оборону, чтобы «разгрузить» Спартаковку, ослабив тем самым наши атаки на нее. Боевые группы Дернемана и Арентсторфа с трудом удерживали все усиливавшиеся атаки русских. Новенькие с иголки Т-34, некоторые без оптики и защитной окраски, непрерывно атаковали. Они выезжали прямо из цехов завода имени Дзержинского и сразу же шли в бой; на броне их часто были только лишь вооруженные рабочие завода. Отдельные танки прорывались к КП 64-го мотопехотного полка, и их приходилось выводить из строя в ближнем бою. Только на Волге, севернее Сталинграда, саперным частям, артиллерийским подразделениям и противотанковым расчетам, входившим в состав боевой группы под командованием Штрелке, удалось быстро взять причал, предназначенный для большого железнодорожного паромы, прервав тем самым линию снабжения из Казахстана через Сталинград и далее на Москву.

Солдаты Штрелке зарылись в виноградниках на берегах Волги. Их орудия спрятались в ветвях гигантских каштанов и в орешнике, заняв позиции для отражения попыток высадки с другого берега, а также для блокирования транспортного сообщения по Волге.

Несмотря на успех, положение 16-й дивизии было весьма критическим. Советы прочно удерживали подступы к северной части

города, и их одновременный натиск на позиции круговой обороны нашей дивизии силами свежих частей, прибывавших из района Воронежа, был также достаточно серьезным. Становилось важным обеспечить нашим войскам коридор через перешеек. 16-я танковая дивизия с нетерпением и надеждой ожидала подхода 3-й моторизованной дивизии. Ее передовые части и подразделения «колесо в колесо» вместе с 16-й танковой 23 августа покинули донские плацдармы и начали выдвигаться на восток. В полдень их пути разделились. В то время как 16-я продолжала свой марш в направлении северной части Сталинграда, полки генерал-майора Шлемера, «веером», образуя «ножницы», шли в направлении на цепочку татарских курганов-захоронений с задачей занять там позиции для подстраховки.

Генерал следовал в составе одной из передовых частей. В оптику своего бинокля на разъезде «564 км», западнее Кузьмичей он увидел стоящие на путях эшелоны и спешную выгрузку. Прозвучала команда: «В атаку!» С места сорвались мотоциклы с пулеметчиками и боевые машины 103-го танкового батальона. Расчеты войсковой ПВО из состава 312-го зенитного дивизиона дали в направлении их движения несколько выстрелов. Русские колонны мгновенно исчезли.

В товарных вагонах были обнаружены очень полезные вещи из Америки. Их доставили через Атлантический и Индийский океан, далее через Персидский залив к Каспийскому морю и затем — вверх по Волге к Сталинграду. Их путь лежал по железной дороге к линии фронта, к разъезду «564 км». И вот они достаются теперь войскам Шлемера: новенькие фордовские грузовики, гусеничные тягачи, джипы, ремонтное оборудование, мины, а также другое саперное имущество.

В то время как части Шлемера вместе с 16-й танковой дивизией с боями продвигались вперед, замыкая ее боевые порядки, возникла новая угрожающая ситуация: усиленная танками советская стрелковая дивизия форсированным маршем вышла к перешейку с севера и атаковала его. Ей надлежало, как было сказано в боевых документах, захваченных вместе со связным, отрезать наших от плацдармов на Дону и держать перешеек открытым для подходивших сил.

Советская дивизия, шедшая позади нашей 3-й моторизованной дивизии, вошла в соприкосновение с арьергардами обеих передовых дивизий танкового корпуса Виттерсгейма, одновременно протиснувшись между плацдармом примыкавшего слева 80-го германского армейского корпуса и немецкими силами на Татарском валу. Тем

самым она своими выдвинутыми вперед частями воспрепятствовала прохождению через Дон по коридору германской пехоты.

Вследствие этого были отрезаны тыловые коммуникации обеих находившихся в полном одиночестве германских передовых дивизий. Обе они были вынуждены занять круговую оборону протяженностью 29 км по фронту, которая простиралась от Волги к Татарскому валу, с тем чтобы отразить быстрые атаки советских частей, угрожавшие со всех сторон. Снабжение наших войск должно было осуществляться теперь прежде всего по воздуху с сопровождением боевой авиации либо как-то «просачиваться» через советские линии также в сопровождении бронесил. Эта безрадостная кризисная ситуация продолжалась до 30 августа, затем, наконец, пехотные части 51-го корпуса генерала Зейдлица в составе двух дивизий сумели продвинуться вперед на правом фланге. За счет этого в конце августа перешеек между Доном и Волгой был закрыт в его северной части. Были созданы предпосылки для фронтального наступления на Сталинград, а охватывающий удар танковой армии Гота удалось обезопасить от неожиданностей с северного фланга. Генерал фон Зейдлиц-Курибах уже в начале 1942 года получил в качестве очередной награды Дубовые листья к Рыцарскому кресту. Тогда этому испытанному командиру 12-й мекленбургской пехотной дивизии в составе корпусной группы «Зейдлиц» с боями удалось пробить коридор к Демянскому котлу и вызволить из него 6 дивизий графа Брокдорф-Аленфельдта, которым грозила смертельная опасность. Также в битве за Сталинград Гитлер возлагал свои большие надежды на личную храбрость и тактическое мастерство этого выходца из известной прусской офицерской династии родом из Гамберг-Эппендорфа.

В конце августа две дивизии Зейдлица на центральном участке фронта 6-й армии изготовились к фронтальному наступлению через перешеек на центральную часть Сталинграда. Первой их целью был сталинградский аэропорт Гумрак.

Пехоте пришлось туго. 62-я армия русских оборудовала глубокоэшелонированную и мощную оборону также в глубокой, врезавшейся в местность долине реки Россошка. Она была частью внутреннего пояса обороны Сталинграда, созданного на удалении от 30 до 50 км от центра города для отражения наступательных действий 6-й немецкой армии в предполье. До 2 сентября Зейдлиц оставался в неподвижности перед этим препятствием. Но затем, 3 сентября, внезапно появилась возможность свободы действий. Войска Советов начали отход. Зейдлиц устремился вперед, протаранил последние позиции

русских перед городом, и уже 7 сентября его войска стояли восточнее Гумрака в 8 км от окраин Сталинграда.

Что же случилось? Итак, Советы отошли. Что побудило русских уклониться от боевых действий, оставив свой внутренний и последний оборонительный рубеж перед Сталинградом, открыв практически вход в город? Были ли сломлены боевая мощь и моральных дух их войск? Утратило ли командование контроль над своими войсками? Это были волнующие вопросы.

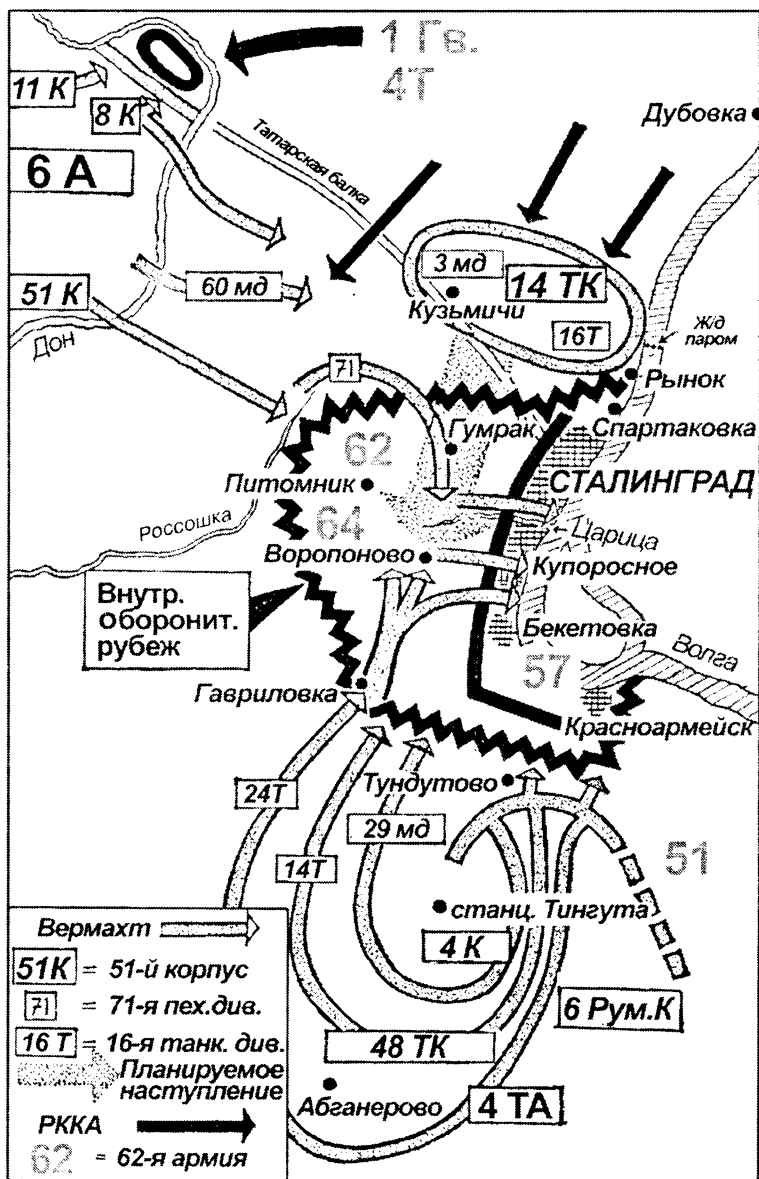
Маршал Чуйков, в то время еще генерал-лейтенант и заместитель командующего 64-й армией, в своих мемуарах приоткрыл завесу над этой тайной внезапного коллапса русской обороны на мощном укрепленном поясе на речке Россошка.

Все было связано с действиями и решениями обоих наиболее выдающихся тогда военачальников противоборствовавших сторон в ходе постоянно перемещавшихся в пространстве сражений за Сталинград: на стороне германских сил — Гота, на стороне русских — Еременко.

Еременко, бесстрашный, склонный к обдуманному риску, да к тому же еще одаренный стратегическим мышлением генерал Сталинградского фронта, в своих публикациях отразил интересные детали великой битвы. Чуйков также в своих мемуарах многое дополнил и при этом многому впервые дал правильное, на наш взгляд, объяснение. Генерал-полковник Гот, командующий 4-й танковой армией, пожалуй, лучший из пруссаков, который, так же как и Гудериан и Роммель, перед Первой мировой войной служил в рядах гослярских егерей, предоставил мне, автору, свои личные документы и материалы, находившиеся в его распоряжении и касавшиеся разработки и реализации его наступления, приведшего к обвалу советского фронта.

4-я танковая армия Гота в конце июля получила приказ повернуть со своего наступательного марша на Кавказ и с юга выйти через калмыцкие степи в направлении волжского изгиба южнее Сталинграда с задачей с ходу нанести удар, который позволил бы облегчить положение 6-й армии Паулюса, которая тогда в излучине Дона испытывала сильный натиск войск противника.

Немецкое командование и на этот раз снова отважилось только на полумеры, поскольку Гот мог действовать лишь в половину своих сил: один из его танковых корпусов, 40-й, должен был оставаться на Кавказском фронте. Поэтому Гот располагал лишь танковым корпусом Кемпфа с одной танковой и одной моторизованной дивизиями,

30 августа 4-я танковая армия прорвала внутренний пояс обороны Сталинграда. Части Паулюса в то же самое время должны были наступать с севера. Но 14-й танковый корпус оказался связан боями с атакующим противником. Когда дивизии Гота соединились с 71-й пехотной дивизией, они опоздали на два дня: русские в последний момент откатились к окраине города.

а также корпусом Шведлера, в состав которого входили три пехотные дивизии. Позднее в подчинение Готу была передана также 24-я танковая дивизия. 6-й румынский корпус под командованием генерал-лейтенанта Драгалины, имевший в своем составе четыре пехотные дивизии, был подчинен Готу для обеспечения флангов.

В наступлении Гота советское командование сразу же распознало главную опасность, грозившую Сталинграду: танки Гота уже стояли по ту сторону Дона, в то время как продвижение 6-й армии Паулюса еще задерживалось советской обороной к западу от реки. Если бы Готу удалось овладеть изгибом Волги, где находились господствующие высоты Красноармейска и Бекетовки, наступая из калмыцких степей, то судьба Сталинграда была бы решена, и Волга, как важная артерия, по которой осуществлялись американские поставки из района Персидского залива, была бы «закупорена». 19 августа войска Гота вышли к самой южной линии обороны 64-й армии и с ходу прорвали ее у Абагнерова. Танковый корпус Кемпфа с двумя дивизиями (24-й и 14-й танковой при поддержке 29-й моторизованной дивизии) стремительно продолжал развивать успех; на левом фланге его подстраховывали пехотинцы Шведлера. Спустя 24 часа танки и мотопехота Гота атаковали уже высоту у Тундутова, южного краеугольного камня внутреннего пояса сталинградских укреплений. Генерал Еременко бросил все свои наличные силы на оборону этого решающего участка. Танковые части 1-й советской танковой армии, полки 64-й армии, милицейские части и рабочее ополчение обороняли глубокоэшелонированную, оборудованную проволочными заграждениями, укрепленную дзотами цепь холмов. До Красноармейска у изгиба Волги оставалось еще 15 км. Роты 24-й танковой дивизии непрерывно атаковали. Но на этот раз военное счастье им изменило. Полковник Рибель, командир 24-го танкового полка, давнишний адъютант Гудериана, был убит. Во время атаки на железнодорожную линию, ведущую в Красноармейск, пал и полковник фон Ленгерке, командир 21-го мотопехотного полка. Командиры батальонов, рот, старые опытные младшие командиры также гибли под ураганным огнем Советов. И Гот приказал остановиться. Расчетливый холодный стратег, он не хотел играть ва-банк. Он понимал, что на этом участке сил для наступления недостаточно.

На своем командном пункте в селе Плотовитое Гот сидел, склонившись над картой. Его начальник штаба, полковник Генерального штаба Фангор наносил на карту последние сведения об обстановке и расположении войск. Гот еще 2 часа тому назад побывал на команд-

ном пункте генерала Кемпфа, затем вместе с ним выехал к генералу Риттеру фон Хауэншильду и заслушал доклад о боевой обстановке перед расположением 24-й танковой дивизии. Он также заглянул к генерал-майору Гейму, штаб которого располагался на станции Тингута. В балке, типичной для южнорусской местности, Гейм разъяснил тяжелую ситуацию, сложившуюся перед фронтом 14-й танковой дивизии. И у него продвижение войск вперед не получалось.

«Нам надо как-то иначе подойти к этому делу, Фангор, — вслух размышлял Гот. — Нам выпустят всю кровь перед этими проклятыми высотами, здесь не место для атак танковых частей. Надо перегруппировать войска, наступление перенести на гораздо более отдаленный участок. Смотрите сюда...» И генерал-полковник изложил свой план. Фангор старательно работал с картой, сравнивая разведдонесения и замеряя расстояния. «Это пойдет, пожалуй», — повторял он изредка при этом. Но план Гота был ему не совсем по душе, потому что, по его мнению, требовалось слишком много времени на перегруппировку войск. И потом — горючее. Его и так не хватало, а сколько придется сжечь при перегруппировке? И, наконец, те же аргументы, которые выдвигал против перегруппировки и генерал Кемпф. Впрочем, так или иначе, эти проклятые высоты у Бекетовки и Красноармейска приходилось брать, поскольку они контролировали целиком южную часть города и подходы к ней. Но в конце концов Фангор и Кемпф все-таки согласились с доводами своего начальника. Гот связался со штабом группы армии, он полчаса разговаривал с Вейхсом. Вейхс согласился и в ответ обещал прибыть, чтобы обсудить проблемы оперативного уровня, особенно снабжение горючим. Затем началось: офицеры связи, адъютанты один за другим стремительно убывали с приказами в руках. Непрерывно звонили телефоны. Штабные офицеры и другие сотрудники штабов были охвачены спешкой: перегруппировка!

Незаметно для разведки противника Гот в течение нескольких ночных маршей снял свои танковые и моторизованные соединения с этого участка фронта и заменил их частями 94-й саксонской пехотной дивизии. Осуществив смелую рокировку, как в морском сражении, он в течение двух ночей провел подвижные войска мимо расположения 40-го корпуса, сгруппировал их в 50 км позади линии фронта в районе Абагнерова и выстроил их в боевой атакующий клин. Всю эту армаду он совершенно неожиданно для противника 29 августа бросил в наступление на север, во фланг 64-й советской армии. Вместо того чтобы сражаться против сильно укрепленных,

нашпигованных танками и артиллерийскими позициями высот Бекетовки и Красноармейска, атакуя их фронтально в изгибе Волги, он решил обойти позиции строго севернее Сталинграда, затем повернуть войска, охватывающими ударами выйти к высотам на юге Сталинграда и далее одновременно овладеть позициями войск на левом фланге 64-й армии.

Эта операция началась на удивление удачно. Во взаимодействии со штурмующими пехотинцами из состава частей и соединений 4-го армейского корпуса подвижные войска 30 августа прорвали внутренний укрепленный пояс обороны Сталинграда у Гавриловки, смяли советские артиллерийские позиции, и вот уже 24-я дивизия генерала Хауэншильда выходит к железнодорожной линии Сталинград — Карповка, осуществив глубокий неожиданный прорыв на 20 км.

Это изменило всю картину. Выпал очень значительный шанс. Не в отношении овладения войсками высотами Бекетовки и Красноармейска. Нет. Внезапной, осязаемой близкой реальностью стало окружение двух советских армий, действовавших западнее Сталинграда, — 62-й и 64-й, — теперь, когда 6-я армия Паулюса имела возможность ударить своими мобильными войсками в южном направлении навстречу Готу, чтобы захлопнуть ловушку. Смелая операция Гота создала предпосылки для уничтожения обеих русских армий, прикрывавших Сталинград.

Командование группы армий тотчас заметило этот шанс. В приказе, переданном по радио генералу Паулюсу в полдень 30 августа, говорилось: «После овладения сегодня в 10 часов утра войсками 4-й танковой армии плацдармом у Гавриловки приказываю 6-й армии, несмотря на крайне тяжелую обстановку, связанную с ее оборонительными действиями, сосредоточить все наиболее мощные наличные силы и наступать в общем направлении на юг с задачей во взаимодействии уничтожить войска противника, дислоцированные западнее Сталинграда. Это потребует, несмотря на риск, оголения соседних участков фронта». Когда 31 августа в штабе группы армии стало известным к тому же еще и о факте глубокого вклинения 24-й танковой дивизии западней Воропонова, Вейхс отдал еще один приказ Паулюсу, более детальный и в то же время содержащий скрытый призыв. Пункт первый гласил: «Вследствие успеха, достигнутого 24-й танковой армией 31.08, создается возможность в ходе наступления нанести сокрушительное поражение войскам противника, стоящим южнее и западнее железнодорожной линии Сталинград — Воропоново — Гумрак. Задача — скорейшее восстановление

соприкосновения между двумя нашими армиями с тем, чтобы затем осуществить прорыв в центр города».

4-я танковая армия реагировала молниеносно. Генерал Кемпф повел еще 1 сентября 14-ю танковую и 29-ю моторизованную дивизии в наступление на Питомник, оголив участки, до тех пор удерживавшиеся 24-й танковой дивизией. Но 6-я армия все еще не подходила. Генерал Паулюс считал свои руки связанными для удара подвижными войсками в направлении на юг, поскольку все еще продолжались мощные атаки советских войск против его северного фаса. Он считал для себя невозможным успешно удерживать «засов» на севере даже при поддержке противотанковых частей, немногочисленных танковых подразделений и штурмовых орудий, а также штурмовой авиацией 8-го авиакорпуса и одновременно выделить мобильные войска для удара в направлении на юг, а именно 5 танковых батальонов из состава 14-го танкового корпуса. Он опасался, что это может привести к краху на северном фесе.

Возможно, он был прав. Может быть, иное решение стало бы игрой ва-банк. Во всяком случае, был упущен большой шанс. 24 часа спустя, утром 2 сентября, разведка боем, проведенная подразделениями 24-й танковой дивизии, выяснила, что противника перед фронтом более нет. Русские оставили свои оборонительные позиции на юге, так же как и в этот же день на западном участке, перед войсками корпуса Зейдлица. Что же побудило русских к таким ошеломляющим действиям? Генерал Чуйков, заместитель командующего 64-й армией, распознал на фронте угрожающую ситуацию, возникшую вследствие удара войск Гота. Он с тревогой известил об этом генерал-полковника Еременко. Тот также понял опасность и, сверх того, отреагировал мгновенно, совсем не так, как ранее медлительно реагировали советские командные инстанции в подобных ситуациях. Еременко принял тяжелое, опасное, но единственно верное решение — оставить хорошо укрепленный внутренний пояс обороны города. Он пожертвовал всеми укреплениями, всеми трудами, всеми ухищрениями саперов для того, чтобы спасти свои дивизии от угрожавшего им окружения в котле, снявшись, отвел обе свои армии на новую импровизированную линию обороны вплотную к окраинам Сталинграда.

Этот пример показывает, с какой последовательностью советское командование было привержено новой тактике, исходившей от ставки ВГК с раннего лета: ни при каких обстоятельствах не допускать более окружения своих крупных войсковых соединений. Ради этого русские считались с опасностью возможной потери города.

Когда, наконец, генерал Паулюс 2 сентября во второй половине дня все-таки решился подвижными силами 14-го танкового корпуса повести наступление в направлении на юг и когда, наконец, пехотинцы корпуса Зейдлица 3 сентября смогли соединиться с передовыми танковыми подразделениями войск Гота, котел, так долго ожидавшийся штабом группы войск, 30 августа был захлопнут. Но противник сумел ускользнуть. Потеряно при этом было 48 часов! Командование группой армий отдало теперь приказ войскам Гота и Паулюса использовать создавшееся положение и занять город.

Прорыв в город

Генерал Лопатин хочет сдать Сталинград — Генерал Чуйков дает клятву Хрущеву — Полки 71-й пехотной дивизии штурмуют центр Сталинграда — Части 24-й танковой дивизии на железнодорожном вокзале — Последняя бригада Чуйкова — Десять решающих часов — Гвардейцы Родимцева

Река Царица пересекает Сталинград посередине, разделяя город на северную и южную части. Она сохранила свое название с тех времен, когда город Царицын был переименован в Сталинград, и сохраняет его поныне, когда сам город зовется уже Волгоградом. В 1942 году река была разграничительной линией между армиями Гота и Паулюса, своеобразным швом, разделявшим или, если угодно, соединявшим их. Вдоль этой линии внутренние фланги войск обеих армий имели приказ в быстром темпе пройти город и выйти к Волге. Много, казалось, говорило за то, что противник будет вести боевые действия лишь своими арьергардными частями, а сам город сдаст.

В мемуарах маршала Чуйкова можно прочесть о том, насколько катастрофическим было положение обеих советских армий после потери ими укрепленного предполья. Даже опытные военачальники армейского звена невысоко оценивали шансы Сталинграда. Генерал Лопатин, командующий 62-й армией, считал, что город более удерживать невозможно. Он решил сдать Сталинград. Когда он хотел осуществить это решение, его начштаба генерал Крыленко не одобрил такой ход и с тревогой известил об этом Хрущева и Еременко. Это повлекло за собой отстранение Лопатина от должности.

Почему Лопатин пришел тогда к этому своему решению, становится понятным, когда в мемуарах читаем строки, в которых речь

идет о том, как выглядела местность перед Сталинградом: «Горько было отдавать эти последние километры и метры перед Сталинградом и видеть, что противник превосходил нас как в силах, так и в инициативе, в воинском мастерстве».

Маршал, будучи свидетелем разыгрывавшихся в то время сцен, описывает, как механизаторы совхозов, где располагались штабы 64-й армии, искали спасения от немцев: «Дороги к Волге и к Сталинграду были битком забиты беженцами. Семьи колхозников и рабочих совхозов шли со всем своим скарбом, со всеми домашними животными. Все стремились попасть на волжские переправы, гоня скот перед собой, таща вещи за спиной. Сталинград горел. Панику распространяли слухи о том, что немцы уже вошли в город».

Все так и было. Но Сталин не желал сдавать 445-тысячный город без боя. Он послал одного из своих самых верных соратников и пламенных большевиков в качестве источника и вдохновителя боевого духа для мобилизации войск и гражданского населения на последнее решающее сражение. Это был Н.С. Хрущев, который провозгласил делом чести каждого коммуниста жертвенную гибель за город, носящий имя Сталина.

Трехтомное документальное исследование генерал-лейтенанта Платанова, посвященное событиям Второй мировой войны, приводит некоторые статистические данные в этой связи:

50 000 добровольцев из числа гражданских лиц влились в народное ополчение;

75 000 жителей прошли первичную военную подготовку, получили оружие и были приданы частям 62-й армии;

3000 девушек были подготовлены в качестве медперсонала и связистов для сражающихся войск;

7000 членов ВЛКСМ в возрасте от 14 до 16 лет с оружием в руках стали в ряды защитников города.

Солдатом стал каждый. Рабочие отправлялись на фронт с оружием, которое сами же изготавливали в цехах заводов. Пушки, выпущенные военным заводом «Баррикады», сразу же шли на артиллерийские позиции. Рабочие становились их боевыми расчетами.

12 сентября Хрущев и Еременко вызвали к себе генерала Чуйкова, командующего 62-й армией, которой первое время после отстранения Лопатина командовал начальник ее штаба Крыленко, и поручили ему руководство обороной крепости на Волге. Выбор был блестящим. Он был, пожалуй, лучшим из всех вариантов. Чуйков был тверд, честолюбив, обладал стратегическим талантом, личной

храбростью и невероятной целеустремленностью. Катастроф Красной Армии в 1941 году ему и вверенным ему войскам не довелось пережить: в то время Чуйков служил на Дальнем Востоке¹ и поэтому не был морально подавлен неудачами, как это было со многими его тогдашними коллегами и товарищами.

12 сентября ровно в 10.00 Чуйков доложил о своем прибытии Хрущеву и Еременко, находившимся в штабе Сталинградского фронта в Ямах, небольшой деревне на левом берегу Волги. Интересно, что разговор с Чуйковым вел Хрущев, а не его вышестоящий начальник, командующий фронтом Еременко.

После того как Чуйков доложил обстановку, Хрущев сказал: «Бывший командующий 62-й армией генерал Лопатин считает, что его армия не удержит Сталинграда. Но сейчас больше нельзя вести речь об отступлении. Пути назад нет. Поэтому Лопатина и сняли с должности. По согласованию с Верховным главнокомандующим военный совет фронта предлагает вам, товарищ Чуйков, принять командование 62-й армией. Как вы понимаете вашу задачу?»

«Вопрос этот был для меня неожиданным, — пишет Чуйков. — Но времени на обдумывание ответа у меня не было. И я ответил так: «Сдача Сталинграда очень серьезно подорвала бы дух нашего народа. Я клянусь, что не уйду из города. Мы Сталинград удержим или все там умрем». Хрущев и Еременко посмотрели на меня и сказали, что свою задачу я понимаю правильно».

Через 10 часов корпус Зейдлица начал наступление на центр Сталинграда. Армейский КП Чуйкова, находившийся на высоте 102, был разбомблен, и генерал со всем своим штабом, поваром и официантками вынужден был перебраться в блиндаж в Царицынской балке, вплотную к Волге. На следующий день, 14 сентября, солдаты 71-й пехотной дивизии генерала Хартмана уже были в городе. Ошеломляющим противника ударом они прорвались к центру города и даже пробили узкий коридор к берегу Волги. В тот же час танцергренадеры 24-й танковой дивизии штурмом овладевали старой частью города южнее Царицынской балки, взяли Центральный железнодорожный вокзал, и 16 сентября батальон фон Гейдена вышел к Волге. Между Бекетовкой и Сталинградом в предместье Купоросное с 10 сентября располагались части 14-й танковой и 29-й моторизованной дивизий, блокируя подходы к городу и к реке с юга. Только в северной части города Чуйкову удалось прочно закрепиться. Сво-

¹ До марта 1942 г. В.И. Чуйков был военным атташе в Китае.

им подчиненным командирам он говорил: «Надо выиграть время для подхода резервов, время, чтобы немцы выдохлись».

«Время — кровь» — так хладнокровно перефразировал он известное американское изречение «Время — деньги». «Время — кровь» — вот как обстояло теперь дело в отношении Сталинграда.

Повар Чуйкова, Глинка, вздохнул облегченно, увидев свое новое рабочее место на новом КП. Над ним была 10-метровая толща земли. «Тася, голубка моя, — пропел он официантке генерала. — Здесь к нам в борщ не попадут уже никакие осколки. Такую толщину снаряды не пробьют». — «Ну да, — отвечала Тася, — генерал говорил, что бомба весом в 1000 кг пробьет». — «1000 килограммов, разве такие часто бывают?» — спросил в ответ повар. Тася утешила его: «Генерал сказал, что такой случай бывает один из нескольких тысяч». Гул фронта доносился как будто бы очень издалека. Его поглощал большой свод помещения, обшитого досками. Поверх досок было выложено декоративное покрытие. В блиндаже имелось около десяти комнат для штабных служащих. В центре располагалось помещение для генерала и его начштаба. Один из выходов этого царицынского бункера, который еще летом предназначался для штаба фронта, вел в Царицынскую балку, а другой — на улицу Пушкина.

На деревянной обшивке рабочего помещения Чуйкова висел план Сталинграда: 3 метра в высоту и 2 метра в ширину — карта Генштаба. Сплошного фронта уже не было. Масштаб не измерялся в километрах. Он измерялся метрами: отдельные здания, кварталы, перекрестки. Начштаба генерал Крылов наносил на карту последние донесения о положении войск: немецкие части — синим цветом, свои оборонительные позиции — красным. Все ближе и ближе синие стрелы подступали к КП. «Немецкие батальоны атакуют Мамаев курган и центральный железнодорожный вокзал при поддержке танков. Одна танковая дивизия ведет бой перед южным вокзалом», — обобщил ситуацию Крылов. Это были батальоны 71-й и 295-й пехотных дивизий и танковые полки 22-й и 24-й танковых дивизий, действовавшие в указанных пунктах.

Чуйков посмотрел на план города. Взгляд его был неподвижен. «Что с нашими контрударами? Людей невозможно поднять в атаку. С рассветом над городом непрерывно висит авиация противника. Они атакуют все, что движется на земле».

Связной принес от командира 42-й стрелковой бригады, полковника Батракова, листок с набросанным на нем расположением боевых позиций войск. Крылов взял карандаш, обвел им вокруг КП

на карте: «Фронт находится в 800 метрах от нас, товарищ командующий», — докладывает он подчеркнуто служебным тоном.

Всего 800 метров. Было 12.00 14 сентября. Чуйков понял, что имел в виду Крылов. В качестве резерва оставалась еще одна танковая бригада в составе 19 танков Т-34. Вводить ли ее в бой?

«Какова ситуация на левом фланге в южной части города?» — спросил Чуйков. Крылов провел линию синей стрелы 29-й немецкой моторизованной дивизии, обозначающую направление немецкого наступления далее вперед за Купоросное. Пригород пал. Тюрингская дивизия генерала Фремерея продвигалась в направлении элеватора. Лесопилка и консервный завод находились уже на уровне немецких линий. Советская линия обороны проходила только от южного причала парома до высокого здания элеватора.

Чуйков взял телефонную трубку и связался со штабом фронта. Он доложил Еременко о положении войск. Тот сказал в ответ: «Всеми силами удерживайте главный речной порт и его причалы. Под ваше командование выделяем 13-ю гвардейскую дивизию, личный состав — 10 000 человек, отборное соединение. В течение 24 часов необходимо удерживать плацдарм, а также попытаться отстоять причалы паромной переправы в южной части».

У Чуйкова на лбу выступил пот. Воздух становился плотным, было трудно дышать. «Давай, Крылов, наскреби все, что можешь, штабных офицеров поставь командирами боевых групп. Держать переправу для перехода гвардейцев Родимцева». Последняя бригада и ее 19 танков пошли в бой по приказу Чуйкова, один батальон остался для прикрытия КП на участке центральный вокзал — главный речной порт, а другой выдвинулся к линии элеватор — южный причал.

В 14.00 появился генерал Родимцев, Герой Советского Союза, легендарный командир, весь в грязи, в крови: немецкие истребители-бомбардировщики устроили за ним настоящую охоту. Он доложил, что его дивизия стоит на противоположном берегу и должна ночью переправиться через Волгу. Наморщив лоб, он стал разглядывать синие и красные стрелы на плане города.

В 16.00 Чуйков связался по телефону с Еременко. До наступления темноты оставалось еще 5 часов. В своих мемуарах он пишет о том, что волновало его в эти часы: «Смогут ли наши разрозненные и сильно потрепанные части продержаться еще 10—12 часов на среднем участке? Вот что заботит меня более всего. Если солдаты и офицеры не справятся с этой задачей, кажущейся выше человеческих

сил, то 13-я дивизия не сможет переправиться, а станет лишь свидетельницей еще одной горькой трагедии».

Незадолго до наступления темноты появился майор Хопка, командовавший последним резервом, сражавшимся в районе речного порта. Он доложил: «Единственный уцелевший Т-34 еще ведет огонь, но не может маневрировать. От бригады осталось 100 человек».

Чуйков посмотрел на него: «Соберите ваших людей у танка, удерживайте подход к порту. Не удержите — расстреляю».

Хопка погиб. Половина оставшихся с ним — тоже. Но уцелевшие держались.

Наконец наступила ночь. Все офицеры штаба были на территории речного порта. Как только части и подразделения гвардейской дивизии Родимцева переправились, их сразу же бросили на прикрытие важнейших узлов обороны, поставив задачу остановить натиск штурмовых групп 71-й немецкой дивизии, а также сковать 295-ю пехотную дивизию у Мамаева кургана — господствующей высоты 102. Это были решающие часы: гвардейцы Родимцева сумели помешать нашим войскам овладеть центром Сталинграда с ходу. Их жертвенный подвиг спас Сталинград.

Через 24 часа 13-я гвардейская дивизия была разбита ударами пикирующих бомбардировщиков, артиллерийско-минометным и пулеметным огнем.

В южной части города также сражалась еще одна гвардейская дивизия — 35-я, под командованием полковника Дубянского. Ее резервные батальоны были переправлены на пароме с левого берега через южный причал и брошены в бой против передовых частей 29-й немецкой моторизованной дивизии с целью удержания позиций вдоль линии между элеватором и паромной переправой.

Однако ударами пикировщиков батальоны были разгромлены. Их остатки погибли в «клещах», устроенных 94-й пехотной и 29-й моторизованной дивизиями.

В здании элеватора, гигантском бетонном сооружении, мощном, как крепостной форт, башни которого были полны зерна, еще велись интенсивные бои за каждый этаж. Здесь сражались штурмовые группы и саперные подразделения 71-й пехотной дивизии против остатков 35-й гвардейской дивизии, охваченные клубами дыма от горевшей пшеницы.

Утром 16 сентября ситуация у Чуйкова резко ухудшилась: 24-я танковая дивизия овладела южным железнодорожным вокза-

лом, повернула затем на запад и сокрушила оборону русских на городской черте и на Казарменной высоте. На центральном вокзале и на Мамаевом кургане продолжались кровопролитные бои. Чуйков позвонил члену военного совета фронта Н.С. Хрущеву: «Еще несколько дней таких боев, и немец армию просто разотрет. У нас опять нет резервов. Мне непременно нужны 2—3 свежие дивизии».

Хрущев обратился к Сталину. Тот распорядился выделить два полностью экипированных элитных соединения из своего личного резерва: бригаду морской пехоты Северного флота — испытанных и твердых бойцов, а также одну танковую бригаду. Последняя заняла боевые позиции вокруг центра города с тем, чтобы контролировать маршруты и пути снабжения войск фронта. Морские пехотинцы были брошены в южную часть города. Эти два соединения 17 сентября спасли русский фронт от коллапса.

В тот же день командование 6-й армией взяло под свой контроль боевые действия всех немецких войск, сражавшихся на Сталинградском фронте. Отныне все они подчинялись только его приказам. Так, 48-й танковый корпус 4-й танковой армии Гота перешел под командование Паулюса. Гитлер настойчиво торопил: «Заканчивайте, Сталинград должен наконец пасть».

Почему этого не случилось и почему требование Гитлера так и не было выполнено, несмотря на то что немецкие танкисты и панцергренадеры, саперы, противотанковые подразделения и зенитчики упорно и отчаянно дрались за каждый дом, объясняет одно обстоятельство: благодаря отчаянной настойчивости Хрущева в отношении получения резервных частей и соединений Красной Армии в период с 15 сентября по 3 октября Чуйкову было выделено всего 6 дивизий, свежих и относительно хорошо вооруженных, среди них 2 гвардейские. Все эти силы были брошены в центр Сталинграда, в руины домов, заводских зданий и цехов в северной части города, превращенных в крепости в северной части Сталинграда.

В начальной фазе немецкое наступление на Сталинград велось силами семи дивизий. Это были соединения, ослабленные в сражениях между Доном и Волгой, длившихся подчас целыми неделями. Никогда раньше в боях за какой-либо город с немецкой стороны не участвовало свыше 10 дивизий. Откровенно говоря, и 62-я сибирская армия русских, изначально очень сильная, уже не была таковой в первой фазе сражения. Кровопролитные бои и отступления подточили ее силы и боевой дух. На бумаге в начале сентября в ее составе числилось 5 дивизий, 4 танковые и 4 стрелковые бригады, всего

примерно 9 дивизий. Звучит внушительно, но 38-я механизированная бригада, например, насчитывала всего лишь 600 человек личного состава, 244-я стрелковая дивизия — 1500. Иными словами, меньше полка.

Неудивительна поэтому точка зрения генерала Лопатина, считавшего, что с такой армией нельзя было успешно оборонять Сталинград, предложившего сдать город и отойти за Волгу. Но решимость командования и войск может многое, да и переменчивое военное счастье, охотно выступая на стороне грамотного полководца, решало судьбу не одного сражения.

1 октября у Чуйкова было 11 дивизий и 9 бригад, то есть примерно 15,5 дивизии, без учета сил рабочего ополчения и милицеских частей, которые в их состав не входили. У немцев, однако, было превосходство в воздухе — 8-й авиационный корпус генерала Фибига в среднем ежедневно совершал 1000 боевых вылетов. Чуйков в свое время подчеркивал опустошительный эффект от применения немецких пикирующих бомбардировщиков и истребителей-бомбардировщиков против защитников города. Они уничтожали боевые позиции войск, предназначенные для организации контрударов, разрушали заградительные рубежи и линии связи, уничтожали командные пункты и штабы. Позднее, тем не менее, стал ясен один факт: заводские цеха, превращенные пикировщиками и артиллерией в непроходимые горы руин, давали защитникам больше преимуществ, чем их имела нападавшая сторона после авиационных и артиллерийских налетов. У пехоты не хватало сил сломить последние узлы сопротивления. Не хватало не только пехотинцев, но стало также не хватать ручных гранат и боеприпасов к минометам.

Хотя 6-я армия после установившегося некоторого затишья на Донском фронте смогла получить 305-ю пехотную дивизию и заменить ею одну из сильно потрепанных дивизий 51-го армейского корпуса, генерал Паулюс так и не получил ни одного свежего соединения. Кроме 5 саперных батальонов, прибывших воздушным путем, он получил замену своим обескровленным полкам из состава своих же армейских частей. Немецкое Верховное командование осенью 1942 года на всем Восточном фронте не имело больше резервов. В районах боевых действий и зонах ответственности всех групп армий от Ленинграда до Кавказа возникли серьезные кризисные ситуации.

На севере фельдмаршал Манштейн своими дивизиями, сражавшимися ранее в Крыму, должен был выступить против советских

войск, глубоко вклинившихся в немецкий фронт. После жестоких оборонительных сражений на Волхове, продолжавшихся до 2 октября, группа армии «Север» была вынуждена отвоевывать себе пространство для развертывания в ходе первой битвы на Ладоге.

В районе Сычевка — Ржев генерал-полковник Модель с большим трудом и лишь полностью мобилизовав все свои силы мог отражать попытки прорыва трех русских армий.

В центре и на южном крыле группы армий «Центр» фельдмаршал Клюге нуждался буквально в каждом лишнем солдате, чтобы предотвратить прорыв русских к Смоленску.

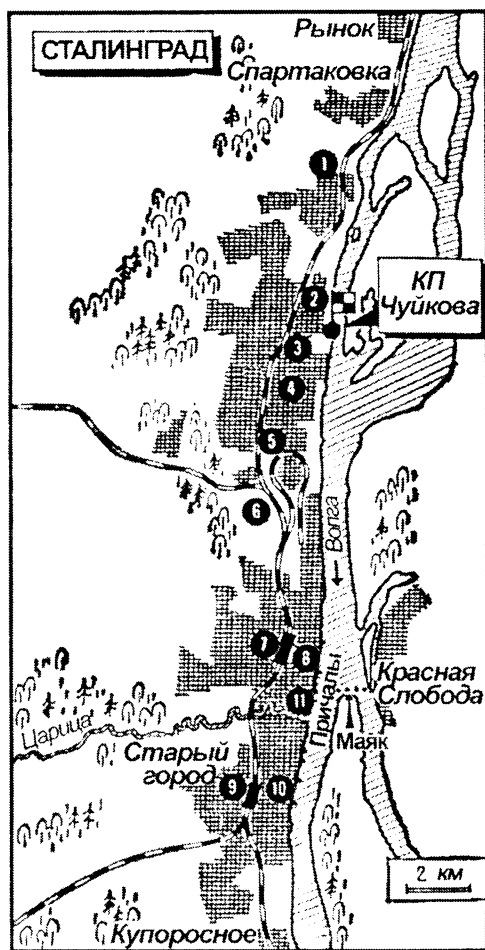
На перевалах Кавказа и на Тереке стояли войска группы армий «А», отчаянно пытаясь выиграть время у наступавшей зимы.

Во Франции, Бельгии и Голландии, напротив, дислоцировалось достаточно много дивизий. Здесь Гитлер, недооценивший русских, сделал еще одну ошибку. Она была связана с переоценкой возможностей союзников. Уже тогда, осенью 1942 года, он опасался вторжения войск антигитлеровской коалиции. Американские спецслужбы, аналогичные британские и советские органы подхлестывали эти опасения, искусно поставляя дезинформацию об открытии второго фронта. Таким образом, призраку вторжения удалось сковать в бездействии 29 дивизий, среди них, например, такие, как блестяще оснащенная дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», 6-я и 7-я танковые дивизии. Четвертая часть этих сил могла обеспечить поворот событий на Сталинградском и Кавказском фронтах.

Последний рубеж на крутом берегу Волги

Чуйков ускользает из царицынской штольни — Южная часть города в руках немцев — Крутой берег — Элеватор — Хлебозавод — «Теннисная ракетка» — Девять десятых города захвачено немцами

В ночь с 17 на 18 сентября Чуйков вынужден был покинуть свой защищенный от бомб блиндаж у Царицы. Это скорее походило на бегство, так как солдаты нижнесаксонской 71-й пехотной дивизии, тактическим знаком которой был лист клевера, к полудню неожиданно оказались на въезде на улицу Пушкина. Штабные офицеры были вынуждены взяться за автоматы. Штольни быстро заполнялись ране-

1 — тракторный завод; 2 — завод «Баррикады»; 3 — хлебозавод; 4 — металлургический завод «Красный Октябрь»; 5 — химкомбинат «Лазурь» с подъездными путями в виде «теннисной ракетки»; 6 — Мамаев курган; 7 — Главный железнодорожный вокзал; 8 — Красная площадь с универмагом; 9 — Южный железнодорожный вокзал; 10 — элеватор; 11 — блиндаж Чуйкова в устье Царицы.

ными и прочим военным людом. Мотоциклисты, связные, офицеры под всякими предлогами нелегально просачивались сквозь посты в надежный бункер, чтобы «решить срочные дела». Поскольку система подземных ходов не имела вентиляции, помещения вскоре заполнились дымом. Жара становилась все нестерпимее. Речь могла идти только об одном: «Скорее на выход!»

Охрана штаба прикрывала отход через второй выход к Царицынской балке. Но там уже повсюду патрулировали штурмовые группы из состава 191-го пехотного полка майора Фредебольдта. Под покровом ночи Чуйков, имея при себе самые важные бумаги и карту с нанесенной на ней обстановкой, вместе с Крыловым пробрался к берегу Волги и в лодке переправился на другой берег.

Оттуда он на бронекатере вернулся к паромной пристани в северной части города выше по течению реки и занял командный пункт позади завода «Баррикады», располагавшийся на крутом берегу. Несколько землянок, оборудованных после взрывных работ на 200-метровом высоком берегу Волги, находились в мертвой зоне, недоступной для немецкой артиллерии. Они были связаны между собой искусно замаскированными ходами сообщений. Кухня Глинки была размещена в шахте для промышленных стоков завода «Баррикады». Официантка Тася должна была проявлять поистине чудеса акробатического искусства, пробираясь с кухонной утварью в руках по металлическим лестницам на свет божий и затем — обратно вниз по переходному мостику к командующему.

Надо признать, что штаб теперь снабжался в меньших масштабах, чем прежде. Различные высокопоставленные офицеры, среди них — два заместителя Чуйкова, в том числе командующий артиллерией и инженерными войсками и командующий бронетанковыми и мотомеханизированными войсками, куда-то пропали во время передислокации командного пункта и остались на левом берегу Волги. «По ним мы не тосковали, — пишет Чуйков, — без них воздух был чище».

Эта перемена декораций, вынужденно предпринятая командующим Сталинградским фронтом, была символична не только в моральном отношении: центр тяжести сражения переместился на север, центр города и его южную часть удерживать больше не было возможности.

22 сентября в южной части города начался последний акт. Штурмовые подразделения 29-й моторизованной дивизии вместе с гренадерами 94-й пехотной и 14-й танковой дивизий штурмовали черное от дыма здание элеватора. Когда саперы ликвидировали минные заграждения на подходах, они увидели нескольких шатающихся от изнеможения морских пехотинцев-пулеметчиков из пулеметного взвода сержанта Андрея Хозяинова — последних выживших в этом бою, судьбой которых стал плен.

Немецкими войсками был также взят последний южный причал переправы через Волгу. Пехотинцы саксонской 94-й пехотной дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Пфейфер, взяли под свой контроль территорию вдоль берега Волги, на южной окраине города. Эмблемой этой дивизии были скрещенные мейсенские мечи.

В центре Сталинграда советская оборона также была сокрушена. Лишь несколько очагов сопротивления оставались в развалинах здания Центрального железнодорожного вокзала и у причала большого парома в Центральном речном порту. 27 сентября после обычной итоговой оценки боев в городе можно было говорить о взятии Сталинграда. 71-я пехотная дивизия, например, достигла Волги по всему фронту своего наступления: 211-й пехотный полк — южнее Мининской балки, 191-й пехотный полк — между ней и Царицынской балкой, 194-й пехотный полк — к северу от них.

Бои теперь шли только в районе северных рабочих поселков и за промышленные предприятия города. Вот их имена, вошедшие не только в анналы военной истории: артиллерийский завод «Баррикады», металлургический завод «Красный Октябрь», тракторный завод имени Дзержинского, химический завод «Лазурь» вместе с пресловутой «теннисной ракеткой» — так прозвали конфигурацию подъездных железнодорожных путей на этом предприятии из-за внешней схожести форм. Это были «форты» индустриального Сталинграда.

По своей решимости, концентрации огневой мощи, количеству задействованной живой силы на ничтожном по площади пространстве бои в северной части Сталинграда могут быть сравнены с битвами Первой мировой войны, с их большой насыщенностью боевой техникой и военными материалами, и особенно с битвой под Верденом, где в 1916 году погибло свыше полумиллиона немецких и французских солдат.

Сражения в северной части города по своему характеру представляли собой нескончаемые ближние бои. Русские, которым всегда больше удавались оборонительные боевые действия, достаточно умело использовали свое искусство маскировки и фактор рельефа местности. Кроме того, их выучка в ведении уличных боев превосходила выучку и опыт немецких солдат.

В ходе своего анализа Сталинградской битвы Манфред Кериг констатирует: «Не в последнюю очередь у нас недоставало умения вести боевые действия в городе и его кварталах. На счет, прежде всего, этого недостатка следует отнести наши высокие потери».

К этому следует добавить, что Чуйков, несомненно, под влиянием Хрущева фактору необходимости сопротивления придавал крайне эмоциональные формы, выразившиеся в коротких формулировках-лозунгах, вдалбливавшихся личному составу каждой роты, отправлявшейся в Сталинград. Их было три:

«Каждый солдат — крепость!»

«За Волгой для нас земли нет!»

«Победить или умереть!»

Это была тотальная война. Это было воплощение тезиса: «Время — кровь». Рольф Грамс, бывший майор Вермахта и командир 64-го мотоциклетного батальона, в настоящее время — военный историк, исследующий боевой путь 14-й дивизии, цитирует один из журналов боевых действий, в котором говорится: «Это были изнурительные, ужасные бои, как под землей, так и на ее поверхности. В развалинах, подвалах, переплетении подземных коммуникаций крупного города и его промышленных предприятиях. Человек против человека. Танки карабкались на горы мусора и железного лома, ползли, визжа траками гусениц, сквозь хаос разрушенных цехов и в упор вели огонь, пробираясь далее по заваленным улицам и узким фабричным дворам. Все это можно было бы еще как-то выносить. Но были еще глубокие овраги в песчанике, целыми лабиринтами круто сбегавшие к Волге, в которых Советы снова и снова накапливали свои силы, бросая их в бой. В девственных лесах восточного, более низкого волжского берега противник был не виден — ни его артиллерия, ни его пехота, но он незримо присутствовал, ведя огонь, ночь за ночью сотнями лодок и катеров доставляя в руины города подкрепление через могучую реку».

Это подвизившееся снабжение, эта постоянно приходившая через реку замена выбывшим, измотанным силам защитников, эта вновь и вновь поступавшая по волжской артерии свежая кровь — все это было проблемой в сражении за Сталинград. Тайна коренилась именно в этих оврагах волжского берега. На этом крутом берегу, недостижимом для огня немецкой артиллерии, располагались штабы, госпитали, склады боеприпасов. Здесь были идеальные сборные пункты для переправлявшихся войск и военных материалов. Здесь были запасные позиции на случай прорыва в результате возможных контрударов. Сюда выходили обширные каналы сточных сооружений промышленных предприятий и городской канализации, теперь пересохшие и пустые, превратившиеся в ходы, которые вели в тыл немецким войскам. Советские штурмовые группы ползком преодо-

левали их, выбирались наверх, устанавливали пулеметы и открывали огонь в спину выдвигавшихся немецких подразделений, вели огонь по разносчикам пищи и колоннам подвоза. Затем диверсанты быстро спускались вниз, задвигали крышки люков и — назад.

Штурмовые немецкие группы, выдвигавшиеся для подавления этих укрытий, ничего не могли сделать. Да, эти крутые берега стояли в тактическом отношении не меньше, чем глубокоэшелонированный, хорошо защищенный от бомбовых ударов укрепрайон. Иногда от волжского берега боевые порядки немецких полков и их позиций отделяла лишь пара сотен метров. Поэтому генерал Дерр с полным основанием констатирует в своем научном труде, посвященном Сталинградской битве, следующее: «Решающий перелом таился на этих последних сотнях метров перед Волгой, как в отношении действий нападавшей стороны, так и в отношении оборонявшихся».

Концентрированным наступлением генерал Паулюс в конце сентября поочередно пытался атаковать последние бастионы обороны Сталинграда. Однако сил для массированного охватывающего наступления на весь промышленный комплекс не хватало.

Восточнопрусская 24-я дивизия, наступая с юга через территорию аэродрома, штурмовала поселки «Красный Октябрь» и «Баррикады». Танковый полк и части 389-й пехотной дивизии во взаимодействии овладели поселком тракторного завода имени Дзержинского и 18 октября пробились на территорию кирпичного завода. Части 24-й дивизии за счет этих успехов вышли к крутому берегу Волги. Здесь задача также была выполнена. Затем дивизия снова повернула на юг, туда, где шли бои за химический завод «Лазурь» и «Теннисную ракетку». Но лучше не задаваться вопросом, какой ценой все это было достигнуто: каждый мотопехотный полк имел в своем составе людей, из которых практически можно было сформировать лишь батальон, остатки танкового полка по численности соответствовали роте. Экипажи вышедших из строя боевых машин были введены впоследствии в бой в составе стрелковых рот.

Тракторный завод имени Дзержинского, мощное, одно из крупнейших в Советском Союзе предприятие по выпуску танков, днем 14 октября штурмовала 389-я дивизия генерала Еннеке во взаимодействии с полками саксонской 14-й танковой дивизии. Танки и панцергренадеры медленно продвигались по развалинам цехов на гигантской территории завода к берегу Волги. Развернувшись на юг, они проникли с боем на территорию завода «Баррикады» и вышли затем вплотную к крутому берегу реки, поблизости от штаба Чуйко-

ва. В развалины гигантских цехов тракторного завода, где то и дело вспыхивало сопротивление, вошли части и подразделение баден-вюртембергской 305-й пехотной дивизии с Бодензее, которая была переброшена сюда 15 октября с Донского фронта. Ее солдаты — вюртембержцы — сражались с ротами 308-й советской стрелковой дивизии, которой командовал полковник Гуртьев. Это обстоятельство показывает, насколько верной оказалась мысль, записанная генералом Чуйковым у него в дневнике: «Карту из комплекта Генштаба пришлось заменить планом расположения зданий в городском квартале, абрисом лабиринта развалин завода либо отдельного цеха».

24 октября цель 14-й танковой дивизии была достигнута: удалось взять одно из зданий хлебопекарни на южном углу завода «Баррикады». Наступление проводилось силами 64-го мотоциклетного батальона. Атака второго здания 25 октября захлебнулась под огнем обороняющихся русских. Унтер-офицер Эссер прятался за подбитой бронемашинной. Через дорогу на углу здания лежал его убитый командир роты. В десяти шагах позади от него — командир взвода, тоже убитый. Рядом с ним тихо стонал командир отделения, — у него было ранение в голову, и он находился в полубессознательном состоянии.

И тут Эссера охватила ярость. Он вскочил и закричал: «За мной!» Взвод устремился за ним. До здания было 60 метров — по плоскому, без укрытий, двору. Но они преодолели это расстояние. Пригибаясь, им удалось вплотную подобраться под стену, пробить в ней фугасным зарядом брешь и вползти внутрь. У окон торчали русские и лупили по двору. Они не успели понять, в чем дело, когда за их спинами застрекотали автоматы.

Теперь следующий этаж. Осторожно по каменной лестнице солдаты поднялись вверх. К каждому проему двери встало по человеку — «Руки вверх!». В испуге русские подняли руки. Вот так Эссер и 12 человек под его командой взяли здание, захватили 80 пленных, а также одно противотанковое орудие и 16 станковых пулеметов. Сотня убитых русских осталась во втором здании хлебопекарни.

Между тем у зданий комплекса заводоуправления вели бой уцелевшие солдаты 103-го стрелкового полка под командованием капитана Домашка. Все командиры рот погибли. Штаб бригады выслал им лейтенанта Штемпеля — хоть кто-то из офицеров мог стать теперь командиром роты. Какой-то фельдфебель ввел его в курс дела. Затем Штемпель возглавил атаку мотоциклетного подразделения, наступавшего между железнодорожными путями и разбомбленны-

ми стенами. Путь ему расчищали пикировщики. Продвигаясь бросок за броском вслед за огненным валом, они наконец овладели руинами комплекса заводоуправления и вплотную подошли к крутому берегу.

Но от них осталось в живых порядка двух десятков. Из балок крутого берега вываливались все новые и новые массы советской пехоты. перевязанные раненые под командованием штабных офицеров, какие-то вспомогательные команды, даже матросы с паромов. Они погибали, но вместо них появлялись все новые и новые.

Штемпель отправил связного в тыл к своим: «Без подкреплений не продержаться!» Довольно быстро прибыли 70 человек во главе с обер-лейтенантом, которых прислало командование на этом участке. Они с ходу вступили в бой. Через два дня эти семьдесят почти все были убиты, некоторые ранены. Штемпель и его люди из 103-го пехотного полка были вынуждены отойти.

Тем не менее в эти дни 4/5 территории Сталинграда находились под контролем немецких войск. Когда 26 октября танкисты 16-й вестфальской танковой дивизии и пехотинцы 94-й пехотной дивизии, на которую здесь пришлось основная тяжесть наступления, овладели предместьем Спартакровка, где кипели жаркие бои, разбив две советские стрелковые бригады — 124-ю и 149-ю, в их руках уже было 9/10 городской территории.

Перед чуйковским КП в крутом берегу Волги 45-я советская стрелковая дивизия удерживала всего лишь небольшую прибрежную полосу шириной, может быть, не более 200 метров. К югу от этого места на металлургическом заводе «Красный Октябрь» в руках русских находились развалины его восточного сектора, сортировочная станция, сталелитейный цех и трубопрокатный стан. Здесь сражались части 39-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Гуртьева. Они дрались за каждый выступ стены. Каждый такой выступ, каждую кучу лома и мусора немецкие солдаты должны были брать ценой большой крови. Контакт со своими войсками на севере — 14-й танковой дивизией поддерживали роты 100-й егерской дивизии, брошенной в конце сентября с фронта у излучины Дона в Сталинград, — еще один пример того, как протяженный Донской фронт все более и более обнажался в ходе переброски немецких дивизий, которые заменялись румынскими и итальянскими войсками, чтобы, наконец, взять проклятый Сталинград. Советы удерживали к югу от металлургического завода «Красный Октябрь» только лишь химическое предприятие «Лазурь» и «Теннисную ракетку», а также крошеч-

ный плацдарм в районе паромной переправы Центрального речного порта. В начале ноября в руках защитников города под командованием Чуйкова на все про все было: пара фабричных корпусов и пара километров территории на крутом берегу.

Злой рок на Дону

Опасные симптомы на фланге 6-й армии — Несчастливый месяц ноябрь — Еще один штурм волжского берега — Румынский фронт сломен — Сражение в тылу 6-й армии — Еще один прорыв южнее Сталинграда — 29-я мотодивизия наносит удар — Русские захватывают Калач — Паулюс летит в котел

Сталинград лежит на той же самой географической широте, что и Вена, Париж или канадский Ванкувер. В начале ноября погода на этих широтах еще относительно мягкая, поэтому генерал Штреккер, командир 11-го армейского корпуса, действовавшего в большой излучине Дона, выехал одетый в легкую шинель на КП 44-й австрийской пехотной дивизии «Хох-унд-Дойчмайстер». На полях можно было видеть солдат, собиравших картофель, кормовую свеклу, кукурузные стебли и сено — запасы на зиму. 11-й корпус генерала Штреккера имел задачу прикрывать левый фланг Сталинграда в большой излучине Дона. Но петля Дона имеет длину 100 км, которые не могли оборонять три дивизии. Волей-неволей генерал вынужден был занять позиции по хорде дуги, что позволило ему сократить фронт на 50 км, но при этом оставить не закрытым от советских войск участок Дона в районе станицы Кременской.

Генерал-лейтенант Батов, командующий 65-й советской армией, тотчас использовал шанс, форсировал Дон и располагался теперь на южном берегу, на относительно глубоком плацдарме. Ежедневно полки Батова атаковали позиции дивизий Штреккера, чтобы обрушить донской фланг немецких войск. Но дивизии Штреккера занимали хорошие позиции. Полковник Бойе, например, приветствовавший командующего на КП 134-го пехотного полка, оборудовал на донских высотах настолько хитроумную систему позиций, что позволил себе со спокойной небрежностью доложить: «Ни один Иван здесь не пройдет, господин генерал».

Штреккер потребовал точнейшего обобщающего доклада, прежде всего относительно того, что наблюдатели с дивизионного НП

замечали в маленьком леске к юго-западу от станицы Сиротинской начиная с конца октября. С поросшей лесом высоты далеко и широко открывался вид на Дон. В стереотрубу можно было разглядеть позиции германского 8-го корпуса вплоть до Волги. Прежде всего, отчетливо можно было обозреть тылы противника. Они выглядели как рельефная карта. То, что открывалось взору, было весьма красноречивым, говорило о многом: русские непрерывно подвозили днем и ночью войска к Дону перед фронтом Штреккера, но прежде всего туда, где находился его сосед слева — 3-я румынская армия.

Штаб корпуса с озабоченностью регистрировал каждый вечер соответствующие донесения, поступавшие от экипажей самолетов-разведчиков из 4-го воздушного флота. И каждое утро Штреккер передавал их далее, в станицу Голубинскую в штаб генерала Паулюса. Паулюс отправлял их с конца октября далее — в штаб группы армий «А», а тот, в свою очередь, — в ставку фюрера: «Русские концентрируются на глубоком левом фланге 6-й армии».

На этом фланге на Дону рядом с корпусом Штреккера на фронте шириной приблизительно 150 км занимала позиции 3-я румынская армия. К ней примыкали 8-я итальянская и 2-я венгерская армии.

«Почему только румыны занимают такую широкую полосу фронта, господин генерал?» — спрашивали командующего офицеры его штаба. Они ничего не имели против румын. Это были храбрые солдаты, в то же время каждый знал, что их вооружение было очень плохим, еще хуже, чем у итальянцев. Это было устаревшее оружие времен Первой мировой войны, не хватало мощного противотанкового вооружения, служба снабжения также работала плохо. Каждый на фронте знал это.

Однако глава румынского государства маршал Антонеску, точно так же, как и глава Италии Муссолини, требовал, чтобы их войска, выделенные для ведения боевых операций на Восточном фронте, подчинялись только собственному армейскому командованию. Гитлер был не против желания своих генералов в боевой обстановке использовать небольшие войсковые соединения союзников попеременно с немецкими частями. Но это не могло быть реализовано вследствие фактора чувства национальной гордости, особенно у румын. Они выставили самый крупный контингент войск по сравнению с другими союзниками Германии, и маршал Антонеску желал иметь у своих военных авторитет и влияние в целях укрепления своей политической позиции в качестве главы государства.

После многомесячной неопределенности, прошедшей в попытках разрешить эту коллизию, Гитлер сдался: фланговое прикрытие основных немецких сил под Сталинградом было доверено союзным армиям, боевые качества которых были недостаточными. Не у каждого румынского солдата была шинель или даже одеяло. В румынских сухопутных войсках не было подготовленного корпуса унтер-офицеров, что должно было быть само собой разумеющимся для такой военной кампании. Офицерский состав также был неоднороден в смысле понимания своего долга по отношению к обеспеченности войск. К этому следует добавить неповоротливую систему добывания сведений на поле боя, их обработки и передачи, совершенно хаотичное снабжение и непонятную логику принятия решений командирами различных степеней: например, командир 1-й румынской танковой дивизии по своему военному образованию и по профилю командования не был танкистом, а возглавлял в свое время главное полицейское управление Бухареста.

Гитлер догадывался об опасности, грозившей растянутому флангу 6-й армии, и видел ее. Уже в августе и затем позднее, в сентябре, на заседаниях, посвященных положению на фронте, он вновь и вновь обращал на это внимание. Он с большим интересом штудировал старую карту 1920 года, которую ему дал генерал Гальдер. По ней Сталин тогда в совершенно схожей оперативной ситуации, переправившись через Нижний Дон между Сталинградом и Ростовом, нанес удар и уничтожил войска генерала Деникина¹.

Но разведывательный отдел иностранных армий Востока, которым командовал генерал Гелен, продолжал высылать Гитлеру успокаивающие донесения, смысл которых заключался в том, что все признаки будто бы указывают на намерение русских осуществить наступление против группы армий «Центр», а не на Дону.

Маршал Жуков в своих мемуарах ставит себе в заслугу, что он посредством отвлекающих операций перед фронтом группы армий «Центр» ввел в заблуждение немецкую разведку. «Советское Верховное командование хотело создать впечатление, что именно здесь и нигде в другом месте готовится большое зимнее наступление».

Ощущение Гитлером опасности на Дону и его высказывания в этом плане остались актуальными. 4 ноября он приказал даже перебросить из Франции на Восточный фронт 6-ю танковую дивизию.

¹ События Гражданской войны в России 1918—1920 гг. и роль в них Сталина преподносятся автором довольно утрированно.

Однако вместе с тем он согласился и на замену немецких корпусов на 3-ю румынскую армию после того, как 6-я армия доказала свою боеспособность. Паулюс был заинтересован в этом, поскольку вследствие этого он мог получить две немецкие дивизии для использования их в Сталинграде: 100-ю егерскую дивизию и 305-ю пехотную.

Что же до требований румын относительно противотанковых орудий и противотанковых средств вообще, то Гитлер проявил в этом вопросе понимание. Но единственное крупное соединение, которое можно было направить в полосу 3-й румынской армии, не считая отдельных частей ПВО, танковых и стрелковых батальонов и батарей полевой артиллерии, был 48-й танковый корпус генерал-лейтенанта Гейма в составе одной румынской и одной немецкой танковых дивизий, а также частей 14-й танковой дивизии. Штаб корпуса был временно передислоцирован из расположения 4-й танковой армии в район южнее Серафимовича.

В обычных условиях германский танковый корпус представлял собой внушительную боевую силу, а для пехотной армии — сильное прикрытие с тыла. Он смог бы подстраховать фронт 3-й румынской армии в случае опасности. Но корпус Гейма не был настоящим корпусом. Ядром его была 22-я танковая дивизия. Она была частично перевооружена: чешские танки были заменены на немецкие; в ее составе было только 32 немецких танка Т-III и Т-IV. Ее 140-й мотопехотный полк штаб дивизии уже несколькими месяцами ранее передал в подчинение 2-й армии, под Воронеж. Этим полком командовал полковник Михалик. Там, под Воронежем, из «бригады Михалика» была сформирована 27-я танковая дивизия. Моторизованный саперный батальон дивизии уже в течение нескольких недель был задействован в уличных боях в Сталинграде.

10 ноября общее командование и командование 22-й дивизии получили приказ на передислокацию в полосу 3-й румынской армии. Последние части и подразделения дивизии 16 ноября совершали марш в направлении на юг, к большой излуине Дона. Надо было преодолеть на морозе и по наледи 250 км. Но ни мороз, ни снег не являлись главной проблемой. Этот танковый корпус словно черт полтал: одна горькая неожиданность сменялась другой.

Поскольку 22-я дивизия вследствие своей задержки на «спокойном фронте» не получала почти никакого горючего для учений и выездов ремонтных летучек, ее 204-й танковый полк был сильно рассредоточен позади фронта итальянских войск на Дону и утратил свою мобильность. Танки стояли хорошо замаскированные и

защищенные от холода соломой в своих земляных боксах. Танкисты безуспешно запрашивали горючее, чтобы хотя бы в период затишья немного маневрировать, опробуя двигатели. Но этого так и не получилось. Так, полковник фон Оппельн-Брониковский нашел 204-й танковый полк совсем незадолго до передислокации. Когда танки стали выводить из боксов для выполнения спешного марша, половина из них не завелась вовсе или завелась частично, 34 машины вышли из строя на марше: моторы заглохли и башни не поворачивались. Короче говоря, электрооборудование танков вышло из строя. Что же произошло? Ответ был ошеломляющим по своей нелепости: мыши, гнездившиеся в соломе в боксах, шарили по танкам и прогрызли резиновую оболочку кабелей. Таким образом, электрические соединения были повреждены. Вышли из строя: система зажигания двигателей, электропроводка аккумуляторов, оптика в башнях, а также танковые орудия. Несколько танков загорелись вследствие короткого замыкания. И поскольку беда редко приходит одна, случилось еще кое-что: резкое похолодание во время марша. Для передвижения в условиях такой зимы, какая была тогда, у танкистов не оказалось специальных шипов для гусениц — они где-то затерялись в лабиринтах интендантских служб на долгом пути к Дону.

И вот поэтому танки на заледеневших дорогах мотались от одной стороны к другой, и темп марша был очень низким. 204-я ремонтная рота не могла следовать вместе с танками по причине нехватки горючего, поэтому полк не был в состоянии производить на марше сколько-нибудь значительные ремонтные работы.

22-я дивизия, следовательно, вместо 104 танков, как было указано в документе о ее боевом составе для штаба группы армий, пришла в район сосредоточения 48-го танкового корпуса, имея в составе только лишь 31 боевую машину. 11 танков подошли позднее. 42 танка — вот и все, чем располагала дивизия по состоянию на 19 ноября. Этого хватило, чтобы сформировать из этих машин, бронетранспортеров и мотоциклетных подразделений, а также самоходной артиллерийской батареи «танковую боевую группу Оппельна».

Второе соединение, входившее в состав корпуса, — 1-я румынская танковая дивизия насчитывала по состоянию на 19 ноября 108 танков. Но 98 из них были Т-38 чешского производства — хорошие машины, но уступавшие любому русскому танку в толщине брони и огневой мощи. Вот и все, что могло быть придано в середине ноября 3-й румынской армии в качестве звеньев усиления на ее

растянутом в ширину фронте. Фактически это не было усилением. А русские уже изготовились перед фронтом армии.

Ноябрь 1942 года был месяцем катастроф: 4 ноября Африканский корпус Роммеля потерпел у Эль-Аламейна тяжелое поражение от войск Монтомгери и вынужден был отступить из Египта в Триполи. Четыре дня спустя в тылу отходившей армии на западном побережье Африки и в Алжире высадились экспедиционные войска вторжения под командованием Эйзенхауэра, которые начали наступление на Тунис.

Как волны землетрясения, эти африканские события докатились до всех немецких фронтов: Гитлер был вынужден подстраховывать в военном отношении до сих пор не занятую войсками Южную Францию. Для этого были выделены блестяще оснащенные и экипированные высококомобильные соединения, которые в противном случае отправились бы на Восточный фронт: 7-я танковая дивизия и дивизии войск СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова», чья огневая мощь, натиск не позволили бы Чуйкову и его войскам продержаться на берегу Волги даже в течение 48 часов.

9 ноября Гитлер возвратился в Берхтесгаден после речи 8 ноября в мюнхенской пивной «Левенбройкеллер» перед своими старыми товарищами по путчу в 1923 году, в которой прозвучали и такие слова: «Я хотел дойти до Волги, и до конкретного места, к определенному городу. Случайно этот город носит имя самого Сталина. Не подумайте, что я вышел к этому городу только потому, что он носит это имя. Он мог бы называться иначе. Это произошло потому, что там находится один важный пункт. Овладев им, мы перережем транспортную артерию с производительностью 30 млн тонн грузов, среди них — почти 9 млн тонн нефти. Там стекались потоки пшеницы с Украины, Кубани и далее отправлялись на север, там был гигантский перевалочный пункт. Его я хотел взять, и знаете, мы — скромные люди, — мы овладели им. Остались незанятыми совсем небольшие площади. Другие могут сказать: «Почему же вы не ускорите темп сражений?» Ответ: «Поскольку я не хочу второго Вердена, я хочу сделать это небольшими штурмовыми подразделениями. Время при этом никакой роли не играет. Теперь ни одно судно не пойдет вверх по Волге. И это решит дело».

10 и 11 ноября Йодль положил на стол Гитлеру последние донесения, среди них было одно: донесение оперативно-тактической радиоразведки о радиопереговорах между высокими советскими командными инстанциями. Из него вытекало, что русское Верхов-

ное командование стянуло весьма значительное количество наземных войск и авиационных соединений к Донскому фронту и в степи Калмыкии. Итог: не только северо-западнее Сталинграда, на среднем Дону, перед фронтом 3-й румынской армии русские производят свои сосредоточения, но также и южнее города, вокруг которого кипят жаркие бои, где два корпуса 4-й румынской армии обеспечивают фланг 4-й танковой армии Гота. На скорое русское наступление указывали также неоднократно перехватывавшиеся донесения о сосредоточениях советских войск.

Гитлер с мрачным видом прочел донесение и склонился над картой. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять замысел противника: сосредоточение советских войск на обоих флангах Сталинградского фронта позволяло сделать заключение о плане охватывающей наступательной операции против 6-й армии.

Хотя Гитлер все еще был склонен к недооценке советских резервов, он, однако, увидел опасность, таившуюся в растянутых коммуникациях румын. «Если бы там стояли именно германские соединения, то у меня не было бы бессонных ночей, — подумал он. — Ну что же! 6-я армия должна довершить свое дело и скорее овладеть тем, что еще оставалось в Сталинграде у противника!»

Скорее, скорее! Он хотел покончить с не дававшим никакого оперативного преимущества фактором скованности столь большого числа дивизий в Сталинграде с тем, чтобы получить снова свободу действий на оперативно-тактическом уровне. «Трудности боев за Сталинград мне известны, — радировал фюрер 16 ноября в штаб Паулюса. — Трудности русских сейчас, когда на Волге ледостав, еще больше. Если мы сумеем использовать данный момент, мы сохраним много нашей крови. Поэтому я ожидаю, что командование армией со всей решительностью, еще раз, как это было раньше, равно как и войска, сделают все, чтобы, по крайней мере, на участках металлургического завода и у оружейного завода пробиться к Волге и взять эти части города».

Насколько прав был Гитлер, указывая на трудности у русских из-за ледостава на Волге, показывают записи генерала Чуйкова тех дней. Со ссылкой на донесение о положении 62-й советской армии и трудностях с ее снабжением Чуйков сделал записи следующего содержания в журнале боевых действий:

«14 ноября. Частям не хватает боеприпасов и продовольствия. Ледостав прервал связь с левым берегом.

27 ноября. Подвоз боеприпасов и вывоз раненых были вынуждены прервать».

Командование фронтом приказало доставлять боеприпасы и продовольствие через Волгу по воздуху, самолетами типа «По-2». Но самолеты не смогли сделать многого, так как они должны были сбрасывать свой груз над полоской местности шириной лишь в 100 м. Незначительного отклонения было достаточно, чтобы груз падал либо в Волгу, либо на немецкие позиции.

Паулюс приказал зачитать войскам радиообращение Гитлера, содержавшее призыв скорее покончить со Сталинградом. 17 ноября его выслушали командиры всех немецких частей и подразделений, воевавших в Сталинграде. 18 ноября в бой вслед за этим выступили штурмовые группы сталинградских дивизий. В последний, как надеялись они. Это были измотанные боями саперы 50-го, 162-го, 294-го и 336-го саперных батальонов. Гренадеры 305-й пехотной дивизии рванулись из своих укрытий, держа в руках личное оружие, за поясом — полно гранат. Задыхаясь, они тащили пулеметы и минометы по усеянной воронками территории и по заваленным руинами фабричным цехам. Пригнувшись за самоходной зениткой, за танком или за штурмовым орудием, они атаковали под вой пикировщиков и дробь вражеских пулеметов. Промокшие насквозь от измороси, порывов сырого ветра со снегом, грязные, оборванные. Но они атаковали повсюду: на паромной переправе, на хлебозаводе, на рельсах «Теннисной ракетки». В первый день они «захватили» 30, 50, 100 м. Дело медленно, но двигалось. Еще 24 часа, может быть, еще двое суток, и все было бы кончено. Тогда они освободились бы от этого проклятого города. Тогда можно было бы создать резервы и защитить фланги от нависшей над ними угрозы.

Но на следующее утро, 19 ноября, когда штурмовые группы уже снова пробивались к Волге через нагромождение развалин шаг за шагом, под вспышками выстрелов, преодолевая баррикады из старых орудийных стволов, построенные русскими, забрасывая подрывными зарядами шахты сточных вод, русские войска начали свое наступление против 3-й румынской армии в 150 км к северо-западу, на Дону.

Генерал-полковник Рихтгофен, командующий 4-м воздушным флотом, пишет в своем дневнике: «Снова русские мастерски использовали фактор плохой погоды. Дождь, туман, снежная завеса воспрепятствовали какому бы то ни было применению авиации на Дону». В составе двух танковых корпусов, одного кавкорпуса и шести стрелковых дивизий 5-я советская танковая армия вышла из района Серафимови-

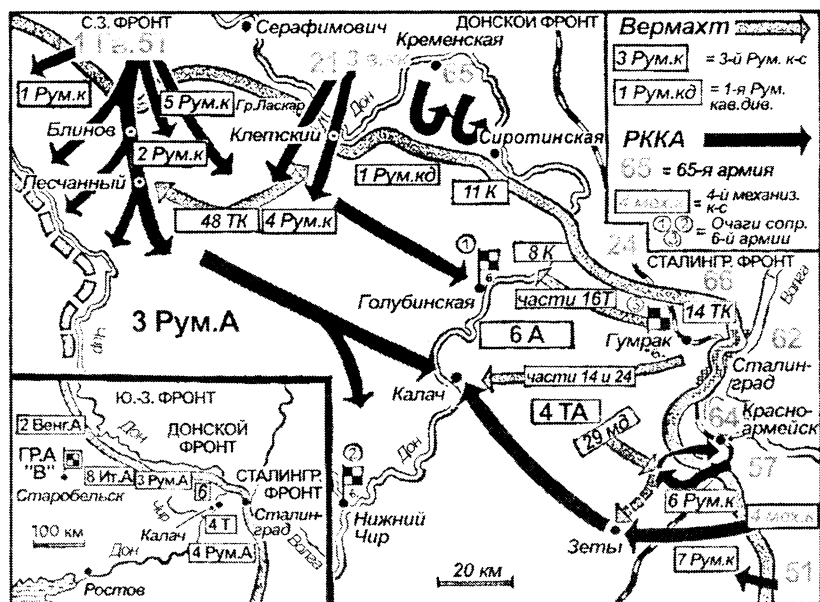
ча точно в тот район, где должен был дислоцироваться мощный и полнокровный немецкий танковый корпус, но где фактически стояла его тень, а именно корпус Гейма. Слева от 5-й советской танковой армии одновременно наносила удар 21-я советская армия в составе одного танкового корпуса, одного гвардейского кавкорпуса и шести стрелковых дивизий — из района станицы Клетская, в направлении на юг.

На слух число советских корпусов воспринимается весьма внушительно. Но по своей боевой мощи одна советская армия была равна в общем одному полнокровному и боеспособному немецкому корпусу, один советский корпус равнялся одной немецкой дивизии, а советская дивизия — одной немецкой бригаде. Генерал Гот совершенно справедливо полагает: «Мы переоценили русских во фронтовых сражениях, но по части резервов — однозначно недооценили».

Наступлению русских предшествовала 80-минутная артподготовка. Затем в плотном тумане стали накатываться первые волны атакующих. Румынские батальоны сражались храбро. Прежде всего 1-я кавалерийская дивизия и полки 6-й пехотной дивизии, входившие в группу генерала Михаила Ласкара. Они стойко удерживали позиции. Но вскоре румыны увидели перед собой нечто такое, перед чем они не могли устоять. Они стали жертвами «танкобоязни», как этот фактор обозначил Гудериан, когда войска, не обученные отражению танковых атак, внезапно оказываются один на один с танками, прорывающимися и с фронта, и с тыла. Крики: «Танки противника с тыла!», паника. Фронт поколеблен. К несчастью, румынская артиллерия также была практически нейтрализована: из-за тумана она не могла вести прицельного огня.

Уже к середине дня 19 ноября стали вырисовываться признаки катастрофы. Целые дивизии румынского фронта, прежде всего 13-я, 14-я и 19-я пехотные дивизии, бросали свои позиции и в панике отступали. Нередко офицеры бежали впереди отступающих. Советы преследовали их в западном направлении — на Чир, а также на юго-западном и юго-восточном направлениях. Становилось ясным, что их намерением был удар в тыл 6-й армии.

Теперь настало время действовать 48-му танковому корпусу. Но у соединения генерала Гейма с самого начала не заладилось. Штаб группы армий приказал корпусу начать контрнаступление в направлении на северо-запад, на Клетскую, против пехотных частей и соединений 21-й советской армии, которая имела в своем составе 100 танков. Однако едва только корпус выступил, пришел другой приказ: повернуть и наступать в противоположном направлении —

19 ноября, когда 6-я армия развешивала очередное наступление на последние советские позиции, четыре советские армии и один танковый корпус прорвали фронт на участках румынских войск на северном и южном флангах 6-й армии и начали продвигаться к Калачу. На карте внизу показаны позиции группы армий «В» до советского прорыва.

на северо-запад, чтобы нейтрализовать намного более опасный и вовремя распознанный прорыв подвижных соединений 5-й танковой армии в районе Блинов — Песчаный. Итак, поворот на сто восемьдесят градусов! Для усиления корпусу были переподчинены три дивизии из 2-го румынского корпуса, разрозненные и разбитые, утрачившие в значительной степени свою боеспособность.

Вечером 19 ноября передовые советские танковые части вклинились на глубину до 50 км за счет бреши, образовавшейся у Блинова. Немецкий корпус, прежде всего бронегруппа 22-й танковой дивизии, которой командовал полковник фон Оппельн-Брониковский, совершила образцовый по исполнению разворот на 180° и устремилась навстречу танкам противника в районе Песчаного.

Но вот теперь со всей очевидностью стали выявляться трудности: вынужденный марш по заснеженным балкам, без специального оснащения для гусениц, препятствующего скольжению, привел к дополнительным потерям. Храбрая дивизия вышла к полю боя в рай-

он Песчаного с 20 танками навстречу превосходящим силам противника, и фортуна уже отвернулась от нее. На счастье, на месте вовремя оказался дивизион противотанковых орудий, который вступил в кровавый бой с танками советского авангарда.

26 танков Т-34 горели, неподвижные, перед импровизированной линией немецкой обороны. Но русские наступали: две армии и свыше 500 танков Т-34. Справа и слева — никого, только бегущие румыны. 22-й танковой дивизии, располагавшей в действительности кроме бронегруппы Оппельна противотанковым дивизионом, одним мотопехотным батальоном и несколькими артиллерийскими батареями, угрожало окружение. Дивизия была вынуждена отступить.

1-я румынская танковая дивизия под командованием генерала Раду, храбро сражавшаяся восточнее, таким образом утратила соприкосновение с 22-й танковой дивизией. Корпус оказался расчлененным и утратил, таким образом, свою ударную мощь. Штаб группы армий распознал опасность и срочно отправил по радио приказ 1-й румынской танковой дивизии развернуться на юго-запад и соединиться снова с группой Оппельна. Но корпус Гейма преследовали неудачи, и все выглядело так, словно здесь не обошлось без козней дьявола: радиостанция в 1-й румынской танковой дивизии вышла из строя, русские уже прошли место ее расположения, и приказ не был получен.

Вместо выдвижения в направлении на юго-запад дивизия продолжала вести бои фронтом на север. Русские же как ни в чем не бывало шли на юго-восток.

Цель Советов теперь была ясна: Калач. На этом пути у них не было больше препятствий. Основная масса 3-й румынской армии была рассеяна, она оставила позиции, в ее рядах началась паника. Поэтому за четыре дня армия потеряла 75 000 человек личного состава, 34 000 лошадей и все тяжелое вооружение пяти дивизий.

Советское наступление было спланировано в духе операций Вермахта 1941 года на окружение и уничтожение противника в котлах. Это был хорошо продуманный план. В то время как обоюдоострые «ножницы» на севере рассекли и без того уже раздерганную и битую 3-ю румынскую армию, «ножницы» на юге силами корпусов Сталинградского фронта начали свою «работу» в районе Бекетовка — Красноармейск и одновременно южнее, в двух других решающих пунктах, силами 300 танков.

И здесь Советы подыскали себе для наступления два участка румынской обороны. Это были полосы 6-го и 7-го румынских корпусов. Двумя полнокровными мехкорпусами, одним кавалерийским

корпусом и шестью стрелковыми дивизиями 57-я и 51-я советские армии из состава фронта под командованием Еременко начали наступление. Между двумя армиями притаился и ждал своего часа 4-й мехкорпус, насчитывавший 100 танков. Его задача заключалась в том, чтобы в случае удачного прорыва стремительно выйти к Калачу широким охватом с двух сторон.

Основная масса войск советской 57-й армии, имея в своем составе танки и батальоны мотопехоты, атаковала западнее Красноармейска 20-ю румынскую дивизию и сразу же разгромила ее.

Возникла опасная ситуация. Это был кратчайший удар прямо в тыл 6-й армии. В этот момент стало очевидным, на что была способна испытанная в боях, хорошо оснащенная немецкая дивизия, а также и то, что русские армии, подготовленные и оснащенные для ведения наступательных действий, ни в коем случае не являли собой превосходящей силы. Старая добрая, надежная тюрингско-гессенская 29-я моторизованная дивизия в дни катастрофы дислоцировалась в 50 км юго-восточнее Сталинграда, в качестве резерва группы армий. Она еще в сентябре была снята со Сталинградского фронта, пополнена до восстановления прежней боевой мощи, и ставкой фюрера ей была определена задача нанесения удара в направлении Астрахани.

В начале ноября ввиду трудностей на Кавказском фронте через штаб танковой армии Гота был получен приказ быть в готовности к маршу на Кавказ. Таким образом, 29-я дивизия должна была участвовать в весеннем наступлении. Вот как оптимистично германское Верховное командование смотрело еще в начале ноября на ситуацию вокруг Сталинграда. Примерно 1000 человек личного состава дивизии специальным поездом были отправлены в отпуск на родину.

19 ноября полностью боеготовая дивизия, теперь под командованием генерал-майора Лейзера, была поистине даром небес. Поскольку генерал-полковник Гот не мог связаться по телефону со штабом группы армий, он принял решение действовать самостоятельно и 20 ноября в 10.30 бросил дивизию Лейзера с полевых учений прямо против частей 57-й советской армии, прорвавшихся южнее Сталинграда.

29-я дивизия сорвалась с исходных позиций подобно урагану. 129-й танковый батальон шел вперед в составе 55 машин типа Т-III и Т-IV, образуя широкий клин. На флангах находились истребители танков. За ними — мотопехота на бронетранспортерах, затем — артиллерия.

Несмотря на туман, они шли вперед. Туда, откуда доносился грохот сражения. Командиры машин стояли в башнях с открытыми люками. Туман рассеивался. В этот момент командиров танков словно что-то подбросило вверх. Перед ними на дистанции не более чем 400 м появилась советская танковая армада 13-го мехкорпуса. Люки в башнях захлопнулись. Прозвучали привычные команды: «Орудие на 12 часов! Бронбойным. Расстояние четыреста. По группе танков противника — огонь!» Засверкали вспышки выстрелов. Раздался звук выстрелов 75-мм орудий. Попадания. Танки противника загорелись. Русские были обескуражены. Они, кажется, отвыкли от таких сюрпризов. Их машины пересекались курсами, петляли, пятились назад, застревали, попадали под губительный огонь.

И вот — новая картинка. В небольшом отдалении на отрезке железнодорожного полотна стояли эшелоны один за другим, из вагонов которых высыпала целыми массами русская пехота. Русских доставляли на передовую по железной дороге.

Артиллеристы 29-й обнаружили эту стоящую цель и выпустили по ней весь боекомплект. Прорыв 57-й советской армии ликвидирован. Но едва только удалось более или менее успешно заткнуть эту брешь, поступило срочное и очень тревожное донесение о том, что в 30 км южнее на участке 6-го румынского корпуса 51-я советская армия прорвалась в двух местах — в центре и на южном фланге и 4-й механизированный корпус наносит удар в направлении на Сеты.

Наступил решающий час сражения. 29-я мотопехотная дивизия была настроена по-боевому. И этот прорыв русских можно было блокировать, продолжая вести маневренную оборону, временами нанося удары в направлении на юго-запад, во фланг советскому мехкорпусу, который имел в своем составе 90 танков. Генерал-полковник Гот не упускал из виду этот второй многообещающий удар во фланг генерал-майора Вольского, как вариант.

Но тут 21 ноября из штаба группы армий поступил приказ: прекратить наступление и занять оборонительные позиции для прикрытия южного фланга 6-й армии. Дивизия была выведена из состава 4-й танковой армии Гота и вместе с 6-м корпусом генерала Еннеке придана 6-й армии. Об этом генерал Паулюс узнал только рано утром 22 ноября.

Вот таким образом выдающееся по своим качествам боевое соединение, словно обычная пехотная дивизия, было отведено на оборонительные позиции с задачами, нацеленными на оборону, туда, где в принципе совершенно нечего было оборонять.

Как бы ни было, понятным и отвечающим всем общепринятым канонам оперативного искусства является то обстоятельство, что фланг армии, которому угрожают прорывы противника, следует подстраховать — все же ставке группы армий следовало бы разгадать намерение русских выйти южной частью своих «клещей» прежде всего не к Сталинграду, а с широким «замахом» — на Калач, чтобы, сомкнув на Дону северную часть «клещей» с южной, захлопнуть большой «капкан» с 6-й армией в нем.

Не без справедливости группу армий Вейхса упрекали в осуществлении стратегии «малых решений» по принципу «рубашка ближе к телу, чем мундир». Конечно, задним числом легко выдвигать такие упреки, и, наверно, в ставке группы армий на тот момент не было обращено должного внимания на последствия наступательных действий русских. Но события последних часов должны были ясно дать понять грамотной организованной разведке, что случилось: генерал-майор Вольский со своим 4-м мехкорпусом дошел за это время до Сеты. Еще до наступления темноты русские остановились. И продолжали стоять. Почему? Ответ интересен.

Ошеломляющее наступление 29-й моторизованной дивизии и ее действия на поле боя лишили командира 4-го мехкорпуса генерала Вольского самообладания, когда он был извещен по радио о катастрофе, постигшей 51-ю советскую армию. Он опасался быть захваченным врасплох на своем растянутом неприкрытом фланге — именно того, что намеревался сделать Гот. Он остановился, несмотря на свирепые приказы командующего армией. Лишь 22-го числа, в день, когда немецкие войска не предприняли ни одной попытки наступления, он, повинувшись повторному энергичному приказу Еременко, продолжил движение, затем повернул на юго-запад и через 24 часа вышел к Калачу на Дону.

Гитлер распознал опасность, угрожавшую не только 6-й армии, но также и всему Южному фронту, т.е. группе армий, насчитывавшей 1 млн человек. Он искал спасителя. 20 ноября он назначил командующего 11-й армией, покорителя Севастополя, мощнейшей в мире крепости, фельдмаршала фон Манштейна командующим новой группой армий «Дон».

Манштейну было поручено собрать все силы, сражавшиеся к югу и западу от Сталинграда для отражения нависшей опасности. В подчинение ему передавались 4-я танковая, 6-я и 3-я румынская армии. Это был хороший выбор и правильное решение, принятое в час опасности. Манштейн обладал опытом оперативно-тактического взаимодействия с румынскими соединениями. Кроме того, он имел

в Вермахте репутацию наиболее способного военачальника. Его задачей было остановить советское наступление и восстановить положение на фронте.

Одновременно 20 ноября Гитлер вызвал к себе в Берхтесгаден начальника штаба Люфтваффе Ешоннека для обсуждения задач военно-воздушных сил. Нет никаких документальных подтверждений этой встречи, но ясно одно: Ешоннек сказал Гитлеру, что при определенных условиях самолеты Люфтваффе смогут снабжать 6-ю армию в течение короткого времени по воздуху. «При определенных условиях» понималось как наличие близких к линии фронта аэродромов, а также и сносные погодные условия. Последнее было особенно важным, поскольку погода в районе Сталинграда была неустойчивой.

Гитлер охотно воспринял слова о возможности снабжения по воздуху как твердое «да», однако в тот день, 20 ноября, в Берхтесгадене им не было принято окончательное решение в отношении того, останется ли 6-я армия на своих позициях, и в отношении использования авиации в целях снабжения.

21 ноября Паулюс передал по радио свое обращение в штаб группы армий, содержавшее просьбу разрешить ему из-за мощных атак на его фланги отвести армию от Волги в направлении на юго-запад к Дону и к Чире. Вейхс и штаб группы армий переправил эту просьбу в ставку фюрера, сопроводив ее своим одобрением, составленным в настойчивых выражениях. Гитлер отреагировал в тот же день, точнее, во второй его половине:

«Радиограмма № 1352 — срочно — штаб 6-й армии — приказ фюрера — несмотря на опасность окружения, линию железной дороги держать открытой как можно дольше. Относительно снабжения по воздуху приказ последует».

Подтекст приказа означал предвидение худшего варианта развития событий.

В тот же день, 21 ноября, Паулюс приказал передислоцировать свой штаб из станицы Голубинской на Дону в Гумрак, вплотную к Сталинградскому фронту. Сам он и его начальник штаба Артур Шмидт со своими подчиненными отделами вылетели в станицу Нижне-Чирская, поскольку там, в месте впадения Чира в Дон, был расширен заранее оборудованный армейский КП, который имел кабельную телефонную связь с группой армий, с Главным командованием Вермахта и со ставкой фюрера. Нижне-Чирская была предусмотрена в качестве места размещения зимнего КП 6-й армии — на время после взятия Сталинграда.

Паулюс и его начальник штаба хотели воспользоваться высокоэффективными средствами связи для получения подробной и обстоятельной информации, прежде чем отправиться в Гумрак.

Ни тогда, ни сегодня не было и нет и тени подозрения в том, что Паулюс, будучи отделен от своего штаба, хотел остаться вовне намечавшегося котла. Но Гитлер, по-видимому, не так понял мотивы и намерения командующего 6-й армией. Едва только Паулюс прибыл в Нижне-Чирскую, как Гитлер в резкой форме приказал генералу отправляться в котел.

Генерал-полковник Гот рано утром 22 ноября по приказу ставки группы армий выехал в Нижне-Чирскую для обсуждения положения вместе с Паулюсом. Он застал Паулюса нервным и взвинченным менторским приказом Гитлера. Лицо этого выдающегося военного интеллектуала имело мучительное выражение, отражавшее удручающее, неясное положение армии. Генерал Шмидт, начальник штаба, был, напротив, само спокойствие. Он непрерывно связывался по телефону с командирами разных рангов на фронте, чтобы получить информацию, разгадать замысел противника, обсудить меры предотвращения опасных угроз: тип официального, холодного, безупречного генштабиста, который потом доказал твердость своего характера в течение двенадцатилетнего пребывания в советском плену.

То, что Шмидт наносил на свою малоформатную складную карту, лежавшую перед ним рядом с телефонным аппаратом, вряд ли можно было назвать ободряющим. Совсем наоборот. В тылу 6-й армии западнее Дона дела были плохи. Не лучшим образом складывалась обстановка и на ее юго-западном фланге.

Шестая армия в котле

«Мой фюрер, прошу свободы действий» — Геринг и снабжение по воздуху — Главное командование сухопутных войск высылает своего представителя в окруженные войска — Генерал фон Зейдлиц настаивает на невыполнении приказа — Манштейн приходит на помощь — Венк спасает ситуацию на Чире

Плотные облака низко нависали над землей, поземка мела по степи, препятствуя действиям воздушной и наземной разведки. Кроме того, она лишала пикировщики и штурмовики возможности совершать боевые вылеты. И на этот раз погода была союзником Стали-

на. Отчаянными налетами Люфтваффе, действуя, в лучшем случае, лишь отдельными звеньями, атаковали прорвавшиеся передовые части и подразделения противника. Группы, сколоченные наспех из частей снабжения 6-й армии, тыловых служб, рот железнодорожных войск, зенитной артиллерии и наземного персонала Люфтваффе, с трудом создавали на Чире первые заслоны, чтобы, по крайней мере, не допустить расширения прорыва русских в пустоту в направлении Ростова на юго-запад.

Особенно удручающим было донесение о том, что передовой аэродром в Калаче уже захвачен и самолеты ближней разведки из состава 8-го авиакорпуса уничтожены. Юго-западнее Калача 44-я пехотная дивизия еще занимала свои надежные позиции у Дона. Хотя она и была отрезана от путей подвоза и снабжения, но все-таки западнее реки ее командование и личный состав сумели образовать важный опорный пункт. Это вселяло надежду. К сожалению, не надолго.

Уже вечером 19 ноября генерал Паулюс по приказу штаба группы армий распорядился приостановить все наступательные действия в Сталинграде. Команда была дана за несколько сот метров до цели. Из частей трех танковых дивизий — 14-й, 16-й и 24-й — были сформированы боевые группы, которые сняли с фронта и бросили к Дону навстречу противнику, шедшему с юго-запада.

Но эти слабые силы не смогли предпринять ничего кардинально влияющего на обстановку по причине стремительно менявшейся ситуации. 22 ноября в 14 часов Паулюс и Шмидт на самолете пересекли боевые порядки противника в направлении на Гумрак, в котел. Новый КП располагался в 2 км к западу от небольшой железнодорожной станции.

Вечером 22-го, с наступлением темноты, северный советский ударный клин достиг донских высот. 26-й советский танковый корпус под командованием полковника Филиппова уже в ранние утренние часы с ходу овладел мостом через Дон у Калача. Южная ударная группа также стояла перед городом. Калач был взят 23 ноября. Тем самым ловушка для 6-й армии захлопнулась. В окружении оказались: 20 немецких и 2 румынские дивизии общей численностью 200 000 человек, 20 300 русских, воевавших на стороне немецких войск, и 40—50 тысяч лошадей. Что было делать?

Этот вопрос уже неоднократно ставился в обширных публикациях, посвященных Сталинграду. Ответы на него носили теоретический характер и были противоречивы. Если сражение уже проиграно, то каждому курсанту известно, как оно могло бы быть выиграно,

поскольку у победы отцов много, но поражение — всегда сирота. С военно-исторической точки зрения интересными являются неверные решения, ошибки и их причины. Поражения случаются вследствие ошибок и неверных решений. Ошибки и неправильные решения, ставшие причиной окружения 6-й армии, начались далеко не в конце сентября. Их нельзя ставить в вину Паулюсу, они еще с позднего лета коренились в директивах высших командных инстанций германских вооруженных сил.

В период между 19 и 22 ноября, во всяком случае, представился шанс исправить эти ошибки и заблуждения. Верховному командованию 19 ноября следовало разглядеть угрожающую опасность и отдачей приказа на отход от Волги и оставление Сталинграда оперативно исправить ситуацию. Сама 6-я армия этого сделать не могла. Генерал Паулюс ни в коем случае не обладал возможностью оценить ситуацию в той мере, которая позволила бы ему самостоятельно принять такое далекоидущее в своих последствиях решение, опасное для всего фронта, а именно: снять 6-ю армию с ее позиций и начать поспешный отвод войск. При этом ведь речь шла бы не только о его 6-й армии, в составе которой было 230 000 солдат и офицеров, но и обо всей группе армий «А» на Кавказе с личным составом порядка 1 000 000 солдат и офицеров. Правило трезвого взгляда на вещи требует констатации того факта, что 19-го, 20-го, а также 22 ноября злой рок еще ни в коем случае не являлся стратегической неизбежностью. Это доказывает правильная оценка фактов.

В высшем штабном училище I военного округа, в Кенигсберге (Пруссия) преподавателем тактики у Артура Шмидта и Вольфганга Пикерта был некто Освальд, впоследствии генерал. Слушатели прозвали его Южный Крест. Его причудой на занятиях было: выдать тактическую задачу и затем сказать: «Господа, через десять минут — ваше решение и краткое его обоснование!» Все, кто слушал лекции Освальда, запомнили это навсегда. Когда генерал Пикерт, командир 9-й дивизии ПВО, утром 22 ноября приветствовал в Нижне-Чирской своего старого друга Артура Шмидта, тот выпалил ему старое задание Освальда: «Пикерт, ваше решение и его обоснование». Пикерт ответил коротко: «Скорее отсюда, и больше ничего». Шмидт кивнул: «И мы того же хотим, но...» И затем начштаба Паулюса изложил позицию армейского командования: «Для спешных мер повода нет. Нет еще неизбежности, диктуемой факторами оперативного порядка, которая навязывала бы принятие самостоятельных решений без учета стратегической ситуации. Самым важным является прикрытие

тылов армии. Поспешный отход с прочных позиций в Сталинграде мог бы иметь непредсказуемые последствия».

Насколько верным был такой ход мыслей, должно было подтвердиться уже через несколько дней.

Когда Шмидт и Пикерт дискутировали в станице Нижне-Чирской, действительно актуальными были только две задачи: обеспечить угрожаемый тыл 6-й армии, т.е. создать фронт протяженностью на запад и восток и затем подготовить прорыв в направлении на юго-запад. Прежде всего для этого требовалось горючее, задача доставки которого выпадала на долю Люфтваффе. Горючее для танков. Горючее для тягачей. Эта мысль находилась в полном соответствии с концепцией штаба группы армий под командованием Вейхса, которая еще 21 ноября отдала приказ на удержание Сталинграда и фронта на Волге «при любых обстоятельствах», и готовиться к прорыву из окружения. Пикерт выразил сомнение в том, что Люфтваффе будут в состоянии в течение хотя бы короткого времени осуществлять снабжение армии, и снова призвал быстро организовать прорыв из котла. Шмидт указал на то, что невозможно оставить при этом стоящие на западном берегу Дона части 14-го и 11-го корпусов, а также 10 000 раненых: «Это было бы наполеоновским шагом».

Тот факт, что и Паулюс, и Шмидт были привержены мысли об осуществлении выхода из котла после соответствующей подготовки, доказывают события последующих часов. Во второй половине дня 22 ноября через штаб группы армий Вейхса в адрес Паулюса пришла радиограмма от Главного командования сухопутных войск: «Держаться и ожидать дальнейших приказаний». Это, несомненно, являлось надежной преградой для преждевременных мер и действий в порядке выхода из окружения. Между тем генерал составил для себя точную картину положения на своем юго-западном фланге, где советские войска действовали с применением танковых сил порядка 100 машин, и ответил в 19 часов радиограммой в штаб группы армий «Б», в которой между прочим стояло: «Южный фронт к востоку от Дона еще открыт. Дон замерз и может быть форсирован. Горючее скоро закончится. С боеприпасами напряженно. Продовольствия хватит на 6 дней. Штаб армии намерен удерживать оставшийся район Сталинграда вплоть до обоих берегов Дона и предпринял для этого все меры. Предпосылкой является успех в закрытии бреши на Южном фронте и достаточные объемы непрерывного материально-технического продовольственного снабжения по воздуху. Прошу свободы действий на случай неудачной круговой обороны на юге. Ситуация в этом случае

вынудит сдать Сталинград и Северный фронт, с тем чтобы всеми силами нанести удар по противнику на Южном фронте между Доном и Волгой и здесь соединиться с 4-й румынской армией...»

Вот четко и ясно стало теперь, чего желал Паулюс во второй половине дня 22 ноября. Кажется, хорошо были продуманы все варианты. Да, он хотел организовать круговую оборону, но он требовал и свободы действий, т.е. свободу действий в смысле быстрого отрыва от противника, если этого потребует ситуация.

Вслед за этим поступила личная радиограмма от Гитлера. Он отказался предоставить свободу действий и приказал армии удерживать прежние позиции: «6-я армия должна знать, — говорится в радиограмме, — что я сделаю все для того, чтобы помочь вам и деблокировать армию. Мои приказы последуют своевременно».

Это означало отказ в прорыве из котла открытым текстом. Паулюс отреагировал немедленно. 23 ноября в 14.45 он отправил радиограмму в штаб группы армий: «Считаю в настоящее время пока еще возможным прорыв с боями в направлении на юго-запад от Дона с привлечением сил 11-го и 14-го армейских корпусов, которые должны будут перейти Дон, хотя это и повлечет за собой потери материальной части».

Вейхс поддержал это требование текстом телетайпного сообщения и подчеркнул: «Обеспечение достаточного объема снабжения по воздуху невозможно».

Вечером 22 ноября Гитлер ехал из Берхтесгадена по направлению к своей ставке «Волчье логово» в Восточной Пруссии. На всем 18-часовом пути по железной дороге до Лейпцига он приказывал делать остановки каждые два часа и по телефону на вокзалах связывать его с Цейтцлером для получения от него информации о положении на фронте. Его непрерывно информировали о драматически развивавшейся ситуации в 6-й армии.

Генерал Ешоннек сопровождал Гитлера и постоянно обсуждал с ним вопрос о снабжении по воздуху. Он также разговаривал по телефону с Герингом, и рейхсмаршал уже во второй половине этого дня приказал организовать подготовку воздушного моста и снабжение Сталинграда. Ешоннек информировал Гитлера о том, что Геринг потребовал от своих генералов обеспечить ежедневную доставку 500 тонн грузов.

В ходе телефонных разговоров Гитлера с Цейтцлером он настойчиво внушал ему мысль о необходимости подождать с принципиальными решениями до своего прибытия в «Волчье логово» и ни в коем

случае не давать 6-й армии разрешение на свободу действий или на отвод, как этого требовал Паулюс в своей радиограмме от 22 ноября. Цейтцлер дал такое слово. Вероятнее всего, еще в поезде Гитлер принял решение в отношении 6-й армии: «Ей оставаться на месте и обеспечить ее снабжением по воздуху».

Паулюс этого еще не знал и принимал настойчивые меры к подготовке прорыва из окружения.

В 23.45 после тщательного обдумывания и совещаний с генералами своей армии он направил радиограмму лично Гитлеру, в которой настойчиво просил о разрешении на прорыв из котла. Паулюс радировал: «Мой фюрер, с момента поступления Вашей радиограммы 22.11 ситуация стала меняться стремительно. Закрыть котел на юго-западе и западе не удалось. В ближайшее время здесь намечаются прорывы противника. Боеприпасы и горючее на исходе. Многие артиллерийские и противотанковые батареи израсходовали весь боезапас. Армия в кратчайшее время может оказаться перед фактом своего уничтожения, если не будет обеспечен уничтожающий разгром противника, наступающего с юга и запада, посредством мобилизации всех сил в кулак. Для этого необходим немедленный отвод всех дивизий из Сталинграда и снятие боеспособных и мощных сил с Северного фронта. Необходимым следствием из этого должен стать прорыв в направлении на юго-запад, поскольку удерживать Восточный и Северный фронты более не представляется возможным при подобном ослаблении армии. В этом случае потери большого объема материальной части станут фактом, но возможным станет и сохранение большого числа боеспособной и закаленной живой силы и хотя бы некоторого объема материальной части. Я оставляю за собой полную ответственность за это непростое, трудное решение, сообщая при этом, что господа генералы Гейтц, фон Зейдлиц, Штреккер, Хубе и Еннеке разделяют мою точку зрения на ситуацию. На основании изложенного положения дел еще раз прошу свободы действий». Паулюс добавил: «Все командиры корпусов также разделяют мое мнение».

Когда Гитлер 23 ноября вечером прибыл в «Волчье логово», Цейтцлер доложил ему требования Паулюса. После продолжительной поездки Гитлер чувствовал себя усталым и разбитым. Он не отверг доклад Цейтцлера, а создал у него впечатление, что об этом будет разговор завтра. Цейтцлер расценил это как позитивный признак и еще ночью известил штаб группы армий, что надеется на разрешение Гитлера начать прорыв из окружения.

Это обстоятельство вызвало сильную эйфорию в 6-й армии. Паулюс выделил бронетанковые силы для прорыва. Но 24 ноября в 8.30 утра с пометкой «приказ фюрера», что означало высшую и наиболее категоричную степень распоряжения, Гитлер совершенно однозначно потребовал образовать фронт по периметру котла и снять все армейские части, дислоцированные западнее Дона, с последующим переводом их через реку на этот фронт.

Заключительное предложение радиограммы гласило: «Нынешний Волжский фронт и нынешний Северный фронт удержать при любых обстоятельствах. Войска будут обеспечиваться по воздуху».

Вот оно, зловещее «снабжение по воздуху». Цейтцлер и Главное командование сухопутных войск все еще надеялись отговорить Гитлера от этого решения. Ведь все-таки имелись суждения авторитетных генералов, которые выражали сомнения в том, что снабжение по воздуху зимой будет функционировать. Командующий 4-м воздушным флотом генерал фон Рихтгофен, опытный военачальник, командир 8-го авиакорпуса, командиры авиационных частей и соединений, генерал-полковник Вейхс и, естественно, Цейтцлер — все возражали относительно возможности использования авиации для эффективной переброски по воздуху ежедневно не менее 350 тонн боеприпасов и продовольствия для нужд целой армии в течение длительного времени через обширные территории, контролируемые противником. В драматическом столкновении между Цейтцлером и Герингом в присутствии Гитлера вечером 24 ноября проблема достигла своей кульминационной точки. Цейтцлер высказал Герингу свои сомнения относительно реализуемости снабжения воздушным путем. Он утверждал, что и на короткое время это нереально. При этом сослался на мнение командующего 4-м воздушным флотом генерал-полковника фон Рихтгофена, указывавшего неоднократно в их телефонных переговорах на неосуществимость достаточного по своим объемам снабжения воздушным путем, и потребовал мер по прорыву котла и деблокированию армии. Это был тяжелый аргумент — удар по точке зрения Геринга, главкома ВВС, и тот раздраженно объявил, что Люфтваффе вполне в состоянии доставлять ежедневно в среднем 500 тонн.

Когда покрасневший Цейтцлер громко и гневно крикнул ему: «Этого Люфтваффе не сможет сделать, господин рейхсмаршал!» — оскорбленный Геринг проворчал в ответ: «Нет, господин начальник Генерального штаба, Люфтваффе сделает это!» Повернувшись к Гитлеру, Геринг четко проговорил: «Вылеты будут выполняться в любую

погоду, мой фюрер. Все будет использовано для этого, даже гражданские «Юнкерсы». Демянский котел и некоторые другие примеры доказали, что это возможно».

Присутствовавшие офицеры, по свидетельству майора Энгеля, адъютанта главнокомандующего Вермахта, пришли в ужас от такого оптимизма. Гитлер, однако, был восхищен словами рейхсмаршала именно о том, что все удастся теперь, как удавалось прежде. Он утверждал, что Герингу не свойственно малодушие и неверие, как некоторым офицерам из сухопутных войск. Гитлер объявил затем Цейтцлеру тоном приказа, что он по-прежнему настаивает на своем утреннем решении.

Заверения Геринга были для Гитлера подтверждением его стратегических намерений. Спор в гневных интонациях, имевший своей подоплекой компетентность командования Люфтваффе и сухопутных войск и склонившийся на сторону рейхсмаршала с его честолюбием, определил окончательное решение Гитлера, которое, вообще говоря, должно было бы быть принято только после совершенно трезвого и хладнокровного взвешивания всех «за» и «против».

Только не отход! Гитлер, что называется, в умоляющем тоне указывал своим генералам на опыт зимней кампании 1941 года под Москвой, где он своими «стоп-приказами» предотвратил разгром группы армий «Центр». Но то, что было правильным под Москвой зимой 1941 года, не обязательно должно стать правильным зимой 1942-го на Волге. Упрямое стояние, неподвижное стояние не является стратегическим патентованным средством на все случаи. И, кроме того, стояние в Сталинграде, удержание города с риском для всей армии также более не являлось стратегической необходимостью.

Собственной боевой задачей 6-й армии было прикрытие флангов и тыла операций на Кавказе. Так было черным по белому прописано в плане «Блау». И эту задачу можно было выполнить, например, заняв позиции на Дону, не овладевая Сталинградом.

Снова и снова сегодня, когда известна катастрофа и ее масштабы, задним числом повторяется тезис о том, что Паулюсу следовало пренебречь приказом Гитлера от 24 ноября и отдать под собственную ответственность приказ на прорыв из окружения для спасения 6-й армии.

Однако, имея объектом рассмотрения такую масштабную катастрофу, следует предпринять детальный анализ.

24 ноября главный квартирмейстер 6-й армии приказал сократить продовольственный паек наполовину, поскольку снабжение по

воздуху предусматривало приоритет таких грузов, как боеприпасы и горюче-смазочные материалы. Ежедневный рацион хлеба, таким образом, был уменьшен с 750 г до 300 г.

В тот день, 24 ноября, генерал Паулюс отдал приказ прекратить все приготовления на случай прорыва из котла в порядке свободы действий. В одной из публикаций Военно-исторического научного управления говорится следующее: «Что побудило Паулюса и Шмидта к этому, документально проследить не представляется возможным. Можно достоверно предположить, однако, что они доверяли заверениям высшего руководства и поэтому хотели дождаться объявленной деблокады и результатов снабжения по воздушному мосту, подкрепленному применением 100 машин типа Ю-52. Их позиция представляется логичной потому, что они не считали возможным самостоятельный прорыв армии из окружения без санкции и предварительных переговоров, почему подготовленный и вполне реальный прорыв во взаимодействии с группой армий «Б» и Люфтваффе был исключен. Для какого-то рационально объяснимого акта неповиновения вследствие этого не было никаких оснований».

Генерал Артур Шмидт собственной рукой добавил к этой констатации, содержащейся в имеющемся у меня экземпляре: «Верно. Но с 24.11 — также и понимание того, что в те дни прорыв кольца был более невозможен».

Почему невозможен?

Паулюс и его ближайшие сотрудники и коллеги в конце ноября в Гумраке не имели возможности оценить то, какие побудительные мотивы стратегического порядка легли в основу решения высшего руководства высшего командования. И разве не были в последнюю зиму в котле под Демянском 100 000 человек личного состава, в течение 2,5 месяца снабжавшиеся по воздуху, в конце концов вызволены из блокады. Разве не в Ржевском котле 9-я армия Моделя сумела выстоять и выполнить приказ? А в Холме? А в Сухиничах?

Все это был опыт войск, сыгравший роль в принятии Гитлером своего решения.

В командном бункере окруженной 6-й армии с 25 ноября находился один свидетель, наблюдения которого были совершенно недостаточно учтены в публикациях, посвященных Сталинграду. Этим свидетелем был Келестин фон Цитцевиц, майор Генерального штаба Главного командования сухопутных войск, который 23 ноября по приказу начальника Генштаба генерала Цейтцлера был вместе с группой связи откомандирован в Сталинград с приказом ежеднев-

но высылать донесения в адрес Главного командования сухопутных войск о положении 6-й армии. 23 ноября в 8.30 утра Цитцевиц был вызван к Цейтшлеру и получил от него этот приказ. Постановка боевого задания начальником Генштаба дает возможность сделать интересную ссылку на оценку положения самим Главным командованием сухопутных войск. Келестин фон Цитцевиц так обрисовывает его:

«Генерал Цейтшлер вместе со мной подошел к разложенной на столе карте: «6-я армия с сегодняшнего утра окружена. Еще сегодня вам надлежит вместе с отделением связистов, выделенным из состава полка связи, обеспечивающего связь между командными инстанциями, самолетом прибыть в Сталинград. Важно, чтобы вы лично и непосредственно оттуда, и как можно более оперативно и в возможно более полном объеме информировали нас. На вас не возлагаются какие-либо властные полномочия. Мы уверены, что генералу Паулюсу все удастся наилучшим образом. Вопросы?» — «Нет». — «Передайте генералу, что будет сделано все для восстановления связи». — «Спасибо». С этим я был отпущен».

Майор фон Цитцевиц вылетел в котел 24 ноября через Харьков и Морозовское, сопровождаемый группой в составе одного унтер-офицера и шести солдат. Какие настроения он там застал?

Автору Цитцевиц сообщил: «Естественно, первым вопросом генерала Паулюса был вопрос о том, как мыслит себе Главное командование сухопутных войск деблокирование 6-й армии? На это я не мог дать ему никакого ответа. Он сказал, что его главная забота — проблема снабжения. Еще никогда не приходилось снабжать целую армию по воздуху. Он сообщил в адрес штаба группы армий и Главного командования сухопутных войск о ежедневных потребностях армии для начала в 300 тоннах и на более позднее время — 500 тоннах для поддержания жизненных сил и боеспособности личного состава армии. Это было ему обещано. Командующий стоял на позиции, вполне для меня понятной. Армия может держаться здесь, если она будет обеспечена всеми видами снабжения, прежде всего горюче-смазочными материалами, боеприпасами и продовольствием, и если в обозримое время извне будут предприняты меры по ее деблокированию. Теперь делом высшего руководства и командования стало на уровне специалистов Генштаба обеспечить такое снабжение, а также деблокирование и затем отдать соответствующие приказы».

Сам Паулюс считал, что отвод 6-й армии в рамках общего сложившегося положения был бы полезен. Он все время подчеркивал, что 6-я армия с большей пользой могла бы быть использована на про-

рванном фронте между Воронежем и Ростовом, чем здесь, в Сталинграде. Кроме того, силы и средства железнодорожного транспорта, Люфтваффе и все тыловые службы высвободились бы в пользу решения задач общестратегического уровня. Однако от своего имени он не мог принять такого решения. Невыполнение своего требования в отношении деблокирования и снабжения он не мог также предугадать в смысле последствий, для этого у него не было необходимой информации. Все это командующий передал своим генералам, которые, как и он, стояли за прорыв из котла, и в заключение отдал приказы на ведение обороны.

Что еще мог и должен был бы сделать Паулюс, этот представитель плеяды лучших выпускников академии Генштаба? Кто-либо вроде Рейхенау, Гудериана, Роммеля или Гёпнера, возможно, действовал бы иначе. Но Паулюс не был авантюристом или бунтарем, он был чистой воды генштабистом. Один из генералов в Сталинграде имел принципиально иное мнение, чем Паулюс, и не соглашался мириться с ситуацией, возникшей после решения Гитлера. Генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах, командир 51-го корпуса, человек, который весной вырвался из Демянского котла, требовал от Паулюса невыполнения приказа фюрера, а также требовал от него прорыва из котла под его, Паулюса, ответственность.

В памятной записке от 25 ноября он письменно изложил командующему 6-й армии, что он страстно отстаивал в кругу других командиров еще 23-го числа и чего ему добиться не удалось: «Необходим немедленный прорыв из котла!»

Памятная записка начиналась словами: «Армия встала перед окончательной дилеммой: либо прорыв в направлении на юго-запад, общим направлением на Котельниково, либо гибель в течение последующих немногих дней».

Решающим фактором, по мнению Зейдлица, в плане оценки ситуации и такого принятия решения был фактор снабжения войск. Иллюзией было бы связывать существенные ожидания с эффективностью снабжения по воздуху. Следовательно: «Если необходимо сохранить армию, то ее командованию необходимо немедленно инициировать приказ сверху либо самому немедленно принимать иное решение».

Основная аргументация памятной записки не отличалась от точек зрения других генералов 6-й армии, а также от позиции генерала Паулюса. Точный анализ обстановки, изложенный замечательным

начальником штаба 51-го корпуса полковником Клаузиусом, выразил аргументы всех офицеров из штабов блокированных войск.

Зейдлиц предложил: «Обнажив Северный и Волжский фронты, сформировать ударные силы, атаковать ими Южный фронт и, оставив Сталинград, прорываться на Котельниково, — в том направлении, где сопротивление противника — слабейшее».

Дословно: «Такое решение делает необходимым оставление значительного количества материальной части, однако предоставляет шанс разбить южный клин вражеских «клещей», увести большую часть армии от опасности катастрофы и сохранить ее для продолжения наших операций. Вследствие этого часть сил противника окажется скованной на продолжительное время, в то время как уничтожение армии на позициях круговой обороны будет иметь следствием утраты фактора сковывания сил противника. Для остального мира возможна такая трактовка событий, которая сможет предотвратить тяжелый моральный ущерб: после полного разрушения советского центра оборонной промышленности — Сталинграда — армия, разгромив вражескую группировку, отводится с Волги.

Шансы на успех в прорыве там больше, поскольку до сегодняшнего времени боевые действия не раз показывали недостаточную стойкость пехоты противника на открытой местности». Четко и ясно. Логично. Любой офицер Генштаба мог бы подписаться под этим. Проблема заключалась в самой концовке памятной записки. В ней говорилось:

«Если Главное командование сухопутных войск немедленно не отменит приказа стоять на позициях круговой обороны, то из этого будет вытекать обязанность долга перед собственной совестью по отношению к армии и немецкому народу самому взять на себя свободу действий, запрещавшуюся доньше приказом, и воспользоваться имеющейся еще пока сегодня возможностью избежать катастрофы посредством наступательных действий. На карту поставлено полное уничтожение 200 000 человек закаленного в боях личного состава. Другого выхода нет».

Моральное обоснование с позиций военных традиций собственных действий и призыв к неповиновению на холодного генштабиста Паулюса не оказало воздействия. И на других офицеров — тоже: ни на командиров корпусов, ни на начальника штаба армии генерала Артура Шмидта. Кроме того, эффект был ослаблен акцентированной фразой об «уничтожении армии в течение нескольких дней», что было 25 ноября преувеличением, и, к сожалению, в вопросе о

снабжении аргументация Зейдлица была неверной, когда он писал: «Даже если ежедневно смогут приземляться 500 машин, то они доставят не более 1000 тонн грузов, которых не хватит для покрытия потребностей 200-тысячной армии, ведущей крупномасштабные действия и не располагавшей запасами».

Если бы армия ежедневно получала 1000 тонн, то ей бы, вероятно, удалось выйти из окружения.

Тем не менее Паулюс переслал памятную записку в штаб группы армий Манштейну. Он добавил, что оценка боевой ситуации совпадает с его оценкой, и вновь потребовал свободы действий для организации прорыва из котла, но отверг идею прорыва в противовес приказам штаба группы армий и ставки фюрера.

Паулюс не получил разрешения на прорыв. Прав ли был Зейдлиц, требуя от него невыполнения приказа? Если мы отвлечемся от важности по отношению друг к другу фактора приказа и фактора повиновения в восприятии солдата в ходе военных действий, т.е. от того факта, что приказ и повиновение приказу есть принцип функционирования всякой армии и должны быть настолько прочно укоренены, что они даже в минуту опасности и необходимости смотреть в лицо смерти сохраняют свою силу для солдата, офицера и генерала, как это сформулировал генерал бундесвера в отставке Уле-Веттлер, то все-таки остается проблема: «Было ли возможным практически реализовать требовавшееся невыполнение приказа?»

Что сделал Хрушев, когда генерал Лопатин в начале октября хотел отвести свою 62-ю армию из Сталинграда, так как он видел перед собой тяжелейшие потери и перспективу ее уничтожения? Он сместил Лопатина прежде, чем тот смог начать отход. Вряд ли что получилось бы и у Паулюса, не подчинись он приказу открыто. Иллюзией было бы полагать, что в эпоху радиосвязи, телетайпной связи, радиоволн дециметрового диапазона и самолетов фельдъегерской почты командующий армией смог бы принимать решение, противоречащее воле Верховного главнокомандующего, как это бывало в эпоху войн Фридриха II, когда так поступали коменданты крепостей? Паулюс и часа не остался бы на своем посту, если бы вдруг такое его намерение было распознано. Он был бы смещен, а его приказы — отменены.

Насколько хорошо и оперативно функционировала связь между Сталинградом и «Волчьим логовом» Гитлера за тысячи километров, можно проиллюстрировать на одном эпизоде, который лично касался Зейдлица. Этот эпизод предупреждал, какие опасности таил в себе поспешный отход с надежных позиций на Волге.

В ночь на 24 ноября, т.е. до передачи своей записки, генерал Зейдлиц снял левый фланг своего корпуса на Волжском фронте котла вопреки четким приказам. Эта акция, по словам начштаба Зейдлица, полковника Клаудиуса, в его разговоре с генералом Шмидтом должна была стать чем-то вроде предвестника прорыва, инициирующим моментом для отхода от Сталинграда и вынудить Паулюса к действиям. Зейдлиц весьма энергично возражает всему этому в своих мемуарах. Мера, по его словам, явилась необходимым сокращением линии фронта из выдававшегося выступа Северного фронта. Вот как развивались события.

94-я дивизия из состава корпуса Зейдлица, занимавшая хорошо оборудованные, хотя и излишне растянутые позиции и не утратившая еще своей системы снабжения, по приказу оставила свой фронт. Все громоздкое и тяжелое снаряжение и имущество было приведено в негодность или сожжено: бумаги, дневники, летнее обмундирование — все было брошено в огонь. Подрывались также боеприпасы. Затем солдаты покинули свои укрытия и отошли в направлении окраин города. Заснеженные балки и норы в снегу заменили им теплые квартиры. Они не только отдались воле случая, но и оказались перед фронтом начавших быстрое преследование советских полков, обрушившихся на них и уничтожавших их. Погибла вся 94-я пехотная дивизия, состоявшая из испытанных бойцов.

Генерал Чуйков обратил внимание на огненный смерч, бушевавший на немецких линиях, и понял, что происходит отход немецких войск. Он приказал немедленно нанести удар по отходившим войскам. Результаты спонтанного отступления войск с целью перехода в прорыв были ошеломляющими. Кое-что еще было также весьма примечательным. Еще до того, как командование 6-й армии узнало об этих процессах на левом фланге фронта окружения, о них узнал Гитлер. Группа связи из состава Люфтваффе, обосновавшаяся в районе катастрофы, передала радиogramму офицеру связи ВВС в ставке фюрера, и уже буквально через несколько часов Гитлер отправил радиogramму в штаб группы армий: «Требую подробного доклада о причинах оставления фронта к северу от Сталинграда».

Кроме этого, штаб армии еще рано утром 24 ноября получил приказ Гитлера сообщить ему о причинах сдачи выступа Лачамка вопреки его специальному приказу, запрещавшему снятие или отвод войск численностью свыше батальона без его, Гитлера, на то разрешения. Паулюс провел расследование, установил причины и не дал ответа на запрос из ставки фюрера. Зейдлиц не был очернен в гла-

зах фюрера, в противном случае ему наверняка бы грозил суд военного трибунала. Ставка группы армий отправила в ставку фюрера объяснение, в котором это дело было обрисовано как малозначащее. Таким образом, Гитлер не получил информации о подоплеке и не узнал, что за все это был ответствен Зейдлиц. Промолчав, Паулюс тем самым взял ответственность на себя. Сколько командующих реагировало бы подобным образом на такое вопиющее нарушение воинской дисциплины? Во всяком случае, реакция из «Волчьего логова» была уничтожающей для Паулюса. Гитлер, очень высоко ценивший Зейдлица со времени боев в Демянском котле, считавший его одним из наиболее стойких и твердых офицеров из всех, кто теперь был в котле, подумал, что сокращение линии фронта — дело рук Паулюса. Поэтому в своей радиোগрамме от 24 ноября, отправленной в 21.24, он выразил желание, чтобы северный фас «крепости Сталинград» был бы доверен одному-единственному начальнику, который должен стать ответственным перед ним, Гитлером, за безусловное удержание позиций.

И кого же назначил Гитлер? Генерала фон Зейдлиц-Курцбаха. По принципу «разделяй и властвуй» он хотел в какой-то мере определить для Паулюса роль своего рода наблюдателя за его действиями. Когда Паулюс лично вручил Зейдлицу текст этого указания Гитлера и спросил его: «Что вы теперь намерены делать?», то в ответ он услышал: «Наверное, ничего иного не остается, кроме как подчиниться».

Генерал Паулюс постоянно ссылался на этот разговор с Зейдлицем, как во время пребывания в плену, так и после него. Генерал Роске, командовавший войсками в центре Сталинграда, вспоминает даже, что генерал Паулюс еще в Сталинграде сообщил ему, что он якобы сказал Зейдлицу: «Если я сейчас сложу с себя полномочия командующего 6-й армией, то не останется сомнения в том, что Гитлер назначит командующим вас как *persona grata*. Я спрашиваю вас: предпримете ли вы попытку вырваться из котла вопреки приказу фюрера?» После некоторого размышления Зейдлиц ответил: «Нет, я стану держать оборону».

Это странно звучит, если вспомнить содержание памятной записки, но это — достоверный факт. Зейдлиц в своих мемуарах подтверждает разговор с Паулюсом, но в несколько измененном виде: «При этом Паулюс с легкой иронией в голосе добавил: «Ну, вот теперь вы можете действовать самостоятельно и прорываться из окружения». Я ответил в том смысле, что это, вероятно, утопия. Я должен был подчиниться».

«Я должен был подчиниться». Именно так поступил и Паулюс. И он был прав, так как на тот момент, 25 или 26 ноября, Паулюс по причине отсутствия возможности составить себе общий обзор положения на стратегическом уровне не имел права ставить свои сомнения относительно оценки положения выше приказов Гитлера и вышестоящего командования. И уже скоро, 26 ноября, Паулюс был в своей точке зрения поддержан новоназначенным командующим группой армий, фельдмаршалом фон Манштейном, который в своем докладе о положении исходил в оптимистическом ключе из возможности отвлекающего наступления и создания коридора для снабжения окруженных войск.

Нет, при плохом состоянии снабжения боеприпасами, продовольствием и горючим 6-я армия не смогла бы пробиться на юго-запад 26 ноября, как предлагал Зейдлиц.

В своей аналитической оценке Кериг констатирует:

«Приведенные здесь цифровые данные позволяют заключить, что положение с боеприпасами и горючим в 6-й армии не позволяло ей осуществить попытку прорыва на юго-запад в течение нескольких дней с перспективой на удачный ее исход».

Как Чуйков со своей стороны, так Паулюс со своими людьми жили под землей. В степи, в 6 км к западу от Сталинграда, рядом со станцией и зданием вокзала в Гумраке, в 12 подземных бункерах располагался штаб армии. Бункер, где поселился генерал-полковник Паулюс, был размером четыре на четыре метра. Потолок на 2-метровой высоте, промерзавший насквозь, вместе с другими военно-строительными ухищрениями обеспечивал достаточную защиту от артиллерийских обстрелов из орудий среднего калибра. Внутренняя облицовка была выполнена из деревянных реек и других материалов. Самодельные печки из глины обогревали помещения, если доставало дров, которые надо было привозить из центра Сталинграда. Входы, защищенные от ветра одеялами, препятствовали слишком быстрой утечке тепла. Поскольку парковка была оборудована на некотором удалении от бункеров, с воздуха невозможно было заметить никаких изменений в степном ландшафте. Лишь там и тут из снежных холмов вились тонкие струйки дыма.

24 ноября, в тот бурный день, около 19.00 лейтенант Шетц, офицер-радист, вошел в бункер генерала Шмидта с расшифрованной радиограммой из штаба группы армий. «Строго секретно. Только для командования» — гриф высшей степени секретности. Содержание: «Принимаю 21.11 командование группой армий «Дон». Мы

сделаем все, чтобы вызволить вас. Необходимо между тем, чтобы армия, удерживая Волжский и Северный фронты, в соответствии с приказом фюрера как можно скорее выделила мощные боеспособные силы с тем, чтобы в случае необходимости, по крайней мере на некоторое время, пробить себе коридор для снабжения в направлении на юго-запад». Подпись: «Манштейн». Паулюс и Шмидт облегченно вздохнули.

Задача, которую предстояло решить фельдмаршалу, была не из легких. У него не было при себе новых сил, он принял командование окруженной 6-й армией, разбитой 3-й румынской армией, армейской группой Холлидта с разношерстными частями и подразделениями, стоявшими на Чире, и вновь сформированную армейскую группу Гота.

В Новочеркасске располагался штаб группы армий «Дон», которой теперь подчинялся Паулюс. В первой половине дня 27 ноября Манштейн прибыл на свой КП и вступил в командование. Несмотря на трудности, замысел Манштейна был смелым и обнадеживающим. Он состоял в том, чтобы фронтальным ударом с запада, с чирского участка фронта, силами армейской группы генерала Холлидта наступать непосредственно на Калач, в то время как армейской группе Гота ставилась задача с юго-запада из района Котельникова взломать кольцо советского окружения.

Для понимания всех сложностей необходимо оглянуться немного в прошлое. Как выглядела ситуация на Чире и под Котельниковом, у этих краугольных точек для деблокирующего немецкого наступления?

Положение в районе между Доном и Чиром вопреки ожиданиям стабилизировалось. Прежде всего это было заслугой полковника Генерального штаба Венка. 19 ноября он находился еще в должности начальника штаба 57-го танкового корпуса, действовавшего на Кавказском фронте, где шли тяжелые бои за Туапсе. 21 ноября он получил от Главного командования сухопутных войск приказ немедленно вылететь спецсамолетом Люфтваффе в Морозовскую и вступить там в должность начальника штаба 3-й румынской армии.

Уже вечером того же дня Венк был в расположении сильно потрепанной 3-й румынской армии. Он пишет: «Я доложил о своем прибытии генерал-полковнику Думитреску. Через переводчика старшего лейтенанта Ивансена меня ввели в курс дела. Положение армии было отчаянным. На следующий день я отправился на самолете «Физелер Шторх» вперед, в излучину реки Чир. Немногие из

румунских частей и соединений уцелели. Где-то западнее станицы Клетская, на Дону, храбро сражались еще части группы Ласкара. Остатки войск союзников откатывались полным ходом. Их отход наличными скудными силами удержать было невозможно. Таким образом, я мог опереться лишь на остатки 48-го танкового корпуса, наземные части Люфтваффе, тыловые подразделения 6-й армии, которые были сформированы в тактические группы энергичными офицерами, а также опереться на отпускников из состава 6-й армии и 4-й танковой армии, которые постепенно прибывали в тот район либо ранее задержались в нем. Группы генерал-лейтенанта Шпанга, полковника Штахеля, капитана Генштаба Зауэрбруха и подразделения полковника Адама, подразделения ПВО, тыловых служб и ремонтно-восстановительные подразделения 6-й армии, а также экипажи танков и личный состав танковых рот, лишившихся своих боевых машин, — все они стали единственным боевым сдерживающим фактором в излучине Дон — Чир на фронте в несколько сот километров. Позднее к ним присоединились основные силы 48-го танкового корпуса, сумевшие 26 ноября пробить для себя пути отхода на юго-запад.

Моя основная задача заключалась прежде всего в том, чтобы сформировать три заградительных соединения под командованием энергичных офицеров, которые должны были обеспечить по обеим сторонам уже сформированных боевых групп Адама, Штахеля и Шпанга достаточно протяженный фронт на Дону и Чире во взаимодействии с частями Люфтваффе из 8-го авиакорпуса. Это взаимодействие заключалось, по крайней мере, в сборе разведывательной информации. Мой собственный штаб мне пришлось в буквальном смысле создавать из всего, что прямо подворачивалось под руку. Это же касается и таких вещей, как мотоциклы, легковые автомобили, средства связи, т.е. практически всего, что минимально необходимо для работы штаба. Неоценим был при этом опыт старых обер-ефрейторов, которые долгое время воевали на Восточном фронте и получили соответствующий опыт. Для них не было ничего невозможного. Собственных линий связи у меня не было. На счастье, была возможность воспользоваться коммуникациями тылового района 6-й армии, а также частей и подразделений ВВС. Лишь только в ходе бесчисленных переговоров по этим линиям я смог составить для себя шаг за шагом картину всего того, что происходило на нашем участке фронта, где сражались немецкие заградительные части и где еще можно было обнаружить немецкие войска. Сам я каждый

день с небольшим числом сопровождающих был в разъездах, чтобы получить личное представление и на месте принять решение о том, где именно следует держать подвижную оборону, а где — стоять непременно твердо.

Нашим единственным резервом, на который мы могли рассчитывать в районе прорыва, были отпускники, потоком возвращавшиеся в войска. Они вооружались со складов группы армий, из мастерских или просто из всего, что удалось изыскать.

Для того чтобы из лишившихся вследствие прорыва русских своего командования групп, группок, отдельных подразделений, отставших от основной массы войск трех армий, «спаять» новые части и подразделения, требовались часто необычные, жесткие, изобретательные шаги.

В этой связи мне вспоминается, как в станице Морозовской мы уговорили командира роты пропаганды Вермахта показывать кинофильмы на развязках военно-транспортных маршрутов. Солдат, привлеченных подобным образом, собирали в подразделения, реорганизовывали и заново снаряжали. В большинстве своем они хорошо проявили себя в бою.

Однажды ко мне прибыл один фельдфебель из полевой жандармерии и доложил, что он обнаружил брошенный бесхозный склад горючего неподалеку от главной взлетно-посадочной полосы. В горючем мы не нуждались, но нам весьма срочно были нужны автомобили для перевозки вновь сформированных частей. Я приказал на всех дорогах по всему тылу нашего участка фронта вывесить указатели с надписью «К пункту раздачи горюче-смазочных материалов». Они привели водителей, озабоченных дефицитом горючего, вместе с их грузовиками, легковыми машинами и всеми другими транспортными средствами, которые обычно колесят за линией фронта, к нашему складу. Здесь их уже ожидали команды с энергичными офицерами во главе. Прибывавшие водители получали горючее, но весьма тщательно проверялись на предмет цели получения. При этом «прочесывании» удалось заполучить большое число разбежавших по местности и подумывавших о тихой эвакуации экипажей военных машин вместе с их техникой. Они и решили наши насущные транспортные проблемы.

Подобными подручными методами и средствами удалось за короткое время сформировать новые войсковые части, которые на языке того времени назывались «пожарными», однако на самом деле они составили костяк для вновь сформированной позднее 6-й ар-

мии. Эти части и соединения под командованием опытных боевых офицеров и унтер-офицеров прекрасно проявили себя в эти критические месяцы. Своими смелыми действиями и стойкостью они спасли положение у Чира, остановили советский прорыв и закрыли дорогу на Ростов».

Таков рассказ Венка, в будущем генерала танковых войск.

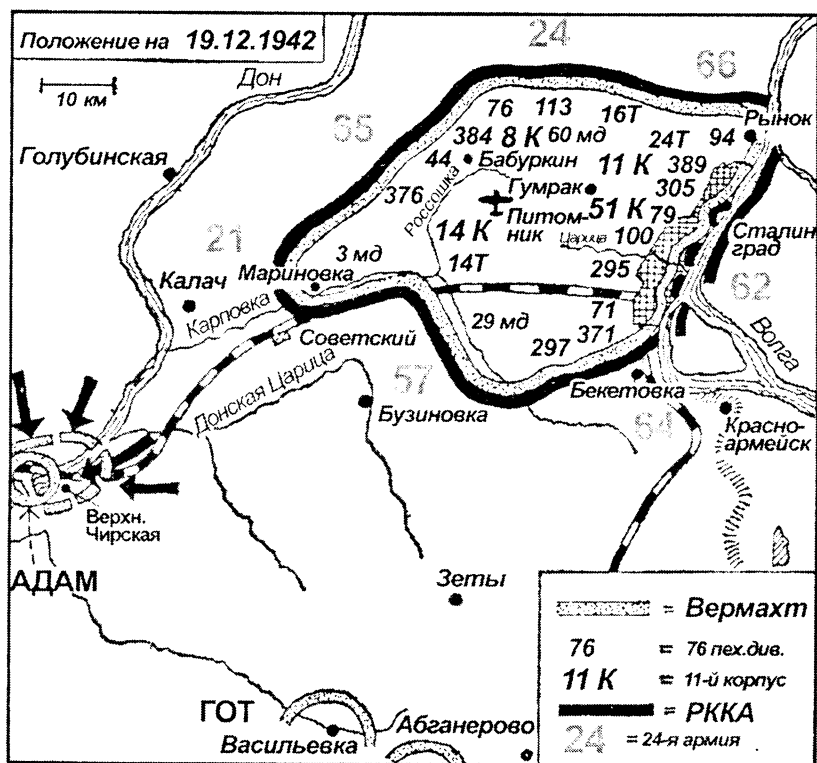
Настоящим бастионом, твердыней в битве на Дону и на Чире стала боевая группа из состава 22-й танковой дивизии. Легендарную славу среди пехотинцев она обрела для себя в ходе тяжелых, неделями длившихся боев в излучине Дона, благодаря своим молниеносным контрударам.

После нескольких дней боев эта группа имела в своем составе всего лишь 6 танков, 12 бронетранспортеров и одно зенитное орудие калибром 88 мм. Ее командир, полковник фон Оппельн-Брониковский, находившийся в чешском танке Т-38 «Шкода», вел в бой свое подразделение на манер кавалеристов старой школы — всегда впереди. Тем не менее группа Брониковского действовала во время боев на Чире как настоящая пожарная команда. Венк то и дело бросал ее попеременно в самые отчаянные места битвы.

Когда генерал-фельдмаршал Манштейн 27 ноября принял командование новой группой армий «Дон», Венк прибыл к нему в Новочеркасск. Манштейн знал этого полковника. И вот как прозвучал приказ фельдмаршала: «Венк, вы мне головой отвечаете за то, чтобы русские на участке вашей армии не прорвались к Ростову. Чирско-Донской фронт должен держаться. Иначе будет потеряна не только 6-я армия, но и вся группа армий «А» на Кавказе». А группа армий «А» насчитывала 1 миллион человек личного состава. Неудивительно, что командиры на фронте часто прибегали к отчаянным мерам.

Так, например, следует сказать о нехватке мобильных танковых резервов быстрого реагирования, чтобы справиться с танками противника, которые неожиданно и постоянно появлялись то тут, то там, наводя страх на тыловые районы групп армий. Недолго думая, штаб Венка из поврежденных танков, неисправных штурмовых орудий и разведывательных бронемашин и бронетранспортеров сформировал танковую часть, которая с успехом применялась на наиболее ответственных участках оборонительного сражения между Доном и Чиром.

Естественно, вставал вопрос как об их замене, так и о пополнении. И вот офицеры Венка прибегли к «чрезвычайным мерам», заключавшимся в сборе танков, кативших на платформах или прямо

Сталинский котел до полномасштабной атаки советских войск

по степи в расположение групп армий «А» или «Б» либо в 4-ю танковую армию. После формирования опытных экипажей их вводили в состав своих танковых рот. Таким образом постепенно укомплектовался «собственный танковый батальон». Когда затем подполковник Херст однажды вечером при передаче сообщения «о положении по состоянию на вечер» по ошибке сообщил об успешном отражении и ликвидации одного опасного прорыва на Чире «силами нашего танкового батальона», фельдмаршал и его штаб были немало удивлены. Венк был вызван для доклада.

«Что это за танковый батальон, действиями которого армия выправила положение? Согласно нашей документации, она ведь таким подразделением не располагает?» — спросил Манштейн. Ничего не подделаешь. Венку пришлось выкладывать все, как было. Он доложил, добавив: «Нам ничего другого не оставалось, ведь надо было как-то

ликвидировать кризисные ситуации. В случае необходимости прошу подвергнуть мои действия расследованию военного трибунала».

Фельдмаршал Манштейн только покачал головой. Затем на его лице появилась некая тень улыбки. Командующий простил «хищения бронетехники» и запретил повторять это в будущем. «Мы передали некоторые машины в 6-ю и 23-ю танковые дивизии, — писал Венк, — однако с того времени использовали свои танки в боях по-ротно, чтобы они больше не попадали на глаза и на слух вышестоящему начальству».

Таким образом была закрыта большая брешь, пробитая русским наступлением в немецком фронте, в тылу 6-й армии. С точки зрения оперативно-тактического мастерства это было большим достижением. В течение ряда недель фронт шириной в 200 км удерживался частями, немалая доля которых состояла из железнодорожного персонала, личного состава Имперской трудовой службы, строительных отрядов Тодта, а также из добровольцев — украинцев, донских, кубанских и терских казаков.

Необходимо добавить, что под немецкое командование вставляли многочисленные румынские подразделения, отбившиеся от своих армий. Под немецким руководством, а также имея на вооружении немецкую технику, они воевали довольно хорошо, и многие из них оставались в составе немецких частей и подразделений добровольно.

Только в конце ноября на Чирский фронт прибыло крупное регулярное войсковое соединение, когда 17-й армейский корпус во главе с генералом пехоты Холлидтом пробился в район боевых действий 3-й румынской армии. Теперь, наконец, можно было вздохнуть с облегчением.

Штаб группы армий подчинил Холлидту все войска на участке Дон — Чир и сформировал армейскую группу «Холлидт». Тем самым собранная «с бору по сосенке» «армия Венка», как выражались старые вояки, прекратила свое существование. Она внесла свой вклад, которому нет аналогов в истории войн.

Этот вклад стал основой для второго «акта» боевых операций на Чире: возврата необходимых для всякого контр наступления высот на юго-западном берегу Чира. Эту задачу в начале декабря блестяще выполнили спешно переброшенная сюда 336-я пехотная дивизия и следовавшая за ней 11-я танковая дивизия.

На этом мы возвращаемся к началу этой промежуточной главы, поскольку позиции на Чире имели чрезвычайное значение для замысла спланированного Манштейном отвлекающего наступления

с целью деблокирования Сталинграда, ради которого фельдмаршал двинул вперед группу армий Гота восточнее Дона из района Котельникова.

Чирский фронт прикрывал фланг и тыл этой операции по спасению 6-й армии. Более того, предполагалось, как только позволит ситуация, поддержать наступление Гота атакой в направлении на северо-восток силами 48-го танкового корпуса под командованием генерала Кнобельсдорфа в составе 11-й танковой, 336-й пехотной дивизии и полевой дивизии Люфтваффе. Трамплином для этого наступления предполагалось сделать последний донской плацдарм 6-й армии у станицы Верхне-Чирская, точно в том месте, где Чир впадает в Дон. Полковник Адам, адъютант генерала Паулюса, организовал в этой ключевой точке силами «пожарных частей» из 6-й армии круговую оборону, которая держалась поистине героически.

Таким образом, делалось все, что было в человеческих силах, чтобы, соединив храбрость и полководческое искусство, вызволить из котла 6-ю армию.

Гот начинает деблокирующее наступление

Операции «Зимняя гроза» и «Удар грома» — 19 декабря — Еще 50 километров — Довод в пользу «Удара грома» — Рокоссовский предлагает почетную капитуляцию

12 декабря Гот приступил к выполнению своей миссии. Она была тяжелой, но не безнадежной для опытного и хитроумного полководца-танкиста. Правый фланг Гота, как и на Чире, обеспечивался силами и средствами, сформированными с использованием срочных и неординарных мер. Ими командовал полковник Дерр, создавший, как и Венк, на севере неглубокие оборонительные линии из частей быстрого реагирования и других экстренно сколоченных сил («пожарных» частей) — остатков немецких подвижных войск. Боевые группы майора Зована (подразделения 14-й танковой дивизии) и полковника фон Паннвица (казачьи части), дивизионы зенитной артиллерии и части быстрого реагирования внесли успокоение в ряды отходивших потоком румынских войск, а также в охваченные паникой немецкие части тылового обеспечения. 16-я моторизован-

ная дивизия отошла из калмыцкой степи на заранее подготовленные позиции. И здесь, на южном фланге, была пресечена попытка русских с востока обрушиться на тылы Кавказской группы армий и отрезать ее.

Все это дает повод считать, что Гитлер смело предоставил все в распоряжение Гота для его отвлекающего наступления, чтобы удар, от которого ожидалось вызволение 6-й армии, мог пронзить мощно и стремительно сотни километров территории противника. Однако Гитлер опять поскупился выделить побольше сил и средств, поскольку повсеместно этому мешал «тришкин кафтан», как принято в таких случаях выражаться у русских. Ничего он не дал из войск Кавказского фронта, кроме 23-й танковой дивизии, которая спешно совершала марш. Единственным полностью боеспособным соединением, которое получил под свое командование Гот, была 6-я танковая дивизия генерала Рауса с ее 160 танками, переброшенная в экстренном порядке из Франции. Она прибыла 12 декабря, имея в своем составе 136 танков, в то время как в 23-й танковой дивизии их насчитывалось 96.

Готу предстояло преодолеть 100 км сильно укрепленной и жестко обороняемой противником территории. Вначале все начиналось хорошо. Почти безо всяких усилий 11-й танковый полк 6-й танковой дивизии во главе с полковником фон Хюнерсдорфом в первый день опрокинул советские части, которые отошли на восток. Русские оставили южный берег реки Аксай. Подполковник фон Гейдебрек, командуя подразделениями 23-й танковой дивизии, захватил плацдарм у реки. Русские были ошеломлены. Генерал-полковник Еременко связался со Сталиным и озабоченно доложил: «Возникла опасность того, что Гот нанесет удар в тыл нашей 57-й армии, которая удерживает юго-западный сектор Сталинградского котла. Если Паулюс в этот момент ударит из котла на прорыв, то будет трудно воспрепятствовать этому прорыву».

Сталин был разозлен. «Держись, мы направляем резервы», — жестко произнес он.

Но прежде чем подошли гвардейские части, Еременко был вынужден заботиться о себе сам. Он снял со Сталинградского фронта, удерживающего 6-ю армию в кольце, 13-й танковый корпус и бросил его против 6-й танковой дивизии Гота. Против наступающих передовых частей Гота он ввел в сражение 235-ю танковую бригаду и 87-ю стрелковую дивизию, оставив свой фронт без последних резервов. В течение пяти дней кипели бои за высоты у Аксая. На счастье,

в этот час Гитлер также разрешил ввести в сражение 17-ю танковую дивизию, и противник был опрокинут. Это произошло 19 декабря.

После невероятного ночного марша бронегруппа 6-й танковой дивизии рано утром 21 декабря вышла к реке Мышкова у Васильевки. 2-я гвардейская армия, обещанная Сталиным, уже занимала здесь позиции. Но, тем не менее, войскам генерала Рауса удалось вырвать себе в их обороне плацдарм шириной в 3 км. Расстояние порядка 50—70 км отделяло передовые части Гота от немецких частей боевого охранения на Сталинградском фронте.

Какова была меж тем обстановка в котле? Снабжение порядка 230 тысяч человек немецких солдат и солдат союзников было совершенно недостаточным. Оказалось, что Люфтваффе были не в состоянии зимой снабжать всем необходимым целую армию в глубине русской территории да еще с временных аэродромов, без необходимого ремонтного оборудования в скверную погоду. Транспортных самолетов, надлежащим образом оборудованных для этих целей, не хватало. Пришлось использовать и бомбардировщики. Но они не могли брать на борт свыше полутора тонн грузов. Их снятие с боевых полетов, кроме того, весьма отрицательно сказалось на всех участках фронта.

Коренная проблема снова проявила себя в полном объеме: материальные резервы и силы Германии были недостаточны для этой войны. Генерал Зейдлиц обозначил потребность в грузах числом в 1000 тонн. Это, конечно, была слишком высокая планка. Штаб полагал желательным ежедневную доставку 600 тонн, в качестве минимально необходимого — 300 тонн с тем, чтобы армия могла поддерживать в какой-то мере свою боеспособность. Ежедневная потребность только в хлебе для окруженных войск составляла 40 тонн. 4-й воздушный флот попытался ежедневно доставлять 300 тонн. Опытный командир 8-го авиакорпуса генерал-лейтенант Фибиг получил трудную задачу, хотя вначале она выглядела решаемой. Но холода и плохие погодные условия оказались совершенно непреодолимыми противниками, еще более жесткими, чем советские истребители или русская зенитная артиллерия. Обледенение, плохая видимость и участвовавшие в связи с этим различного рода аварии стали причинами потерь, превышавших потери от действий противника. Несмотря на это, экипажи совершали вылеты с лихостью, какая до той поры не наблюдалась.

И немногочисленные летчики-истребители из эскадры «Удет», всего их было семеро, совершали невозможное, охраняя аэродромы

и транспортные самолеты. За всю историю авиации еще никогда не было примеров такого презрения к смерти, такой твердой самоотдачи, как в ходе снабжения Сталинграда по воздуху. Всего зарегистрировано 550 потерянных в этой акции машин, т.е. 30% всех использовавшихся самолетов стали добычей погоды, истребителей противника и его зенитной артиллерии — каждая третья машина была потеряна. Это было страшно много — столько не терял ни один воздушный флот мира и ни один из них такие потери не смог бы восстановить.

Лишь дважды удалось доставить ежедневно почти 300 тонн. Согласно записям в журнале генерал-квартирмейстера 6-й армии, 7 декабря на аэродроме в Питомнике приземлилось 188 самолетов, доставивших 282 тонны. 20 декабря вес доставленных грузов достиг 291 тонны. Согласно высококвалифицированным и тщательным изысканиям генерал-майора Герудта фон Родена, опиравшегося на боевую документацию Люфтваффе, 19 декабря было кульминационным пунктом всего периода снабжения воздушным путем, когда 154 самолета доставили 289 тонн грузов на аэродром в Питомнике и вывезли 1000 раненых. В среднем за период с 25 ноября до 11 января ежедневно доставлялись 104,7 тонны и всего было вывезено 24 910 раненых. При таких показателях снабжения солдаты были вынуждены голодать и оставаться без необходимого подвоза боеприпасов.

С начала декабря армия была вынуждена сократить рацион питания наполовину того, что вообще необходимо человеку, выполняющему какую-либо работу. По прошествии месяца снабжения по воздуху рацион на одного человека в день составлял 200 г хлеба, 200 г конины (мяса забитых и павших лошадей), 30 г сыра, 30 г жиров и 3 сигареты. Это была половина того, что требуется вообще солдату, живущему и сражающемуся на фронте. И когда все лошади были забиты, рационы были урезаны еще больше.

Таким же недостаточным было снабжение боеприпасами, прежде всего для легких и средних гаубиц. Доставка бензина составляла менее 10% от потребности, так что танки, штурмовые орудия и тяжелые противотанковые орудия могли применяться ограниченно.

Тем не менее войска держались. У русских до сих пор нет четких данных о количестве перебежчиков. Из всех доступных нам источников явствует, что до середины января оно было, вероятно, крайне незначительным. Когда в войсках обсуждали новость из штабов о том, что дивизии Гота начали наступление с задачей деблокирования, повсеместно установилось боевое настроение. Не было ни

одного солдата или офицера, который не верил бы твердо в то, что «уж Манштейн-то пробьется и выручит нас». И прилив сил чувствовал даже самый измотанный боями и блокадой батальон, готовый контратаковать навстречу освободителям. Об этом намерении знал каждый, кто находился в котле. Части двух моторизованных и одной танковой дивизии стояли на Южном фронте, готовые по условному сигналу «Зимняя гроза» нанести удар навстречу дивизиям Гота, когда те приблизятся на достаточное расстояние.

В запечатанном конверте в штабе 6-й армии лежал приказ, содержащий задачу дня для наступления на прорыв извне в направлении на юго-восток, который можно было вскрыть лишь за 24 часа до часа «Ч». В нем содержался призыв к солдатам окруженной 6-й армии сделать все, чтобы соединиться с деблокирующими войсками Гота и разбить советские силы, державшие немецкие войска в кольце.

Начало акции предусматривалось на тот момент, когда боееспособные части танкового корпуса Гота, перейдя реку Мышкова, приблизятся к Бузиновке — на удалении в 20 км от линии фронта котла.

6-я армия была готова. Согласно донесениям, ее воля и боевые возможности позволяли реализовать эту операцию. 18 декабря уже была подготовлена колонна с грузами для снабжения 6-й армии с 2300 тоннами грузов, чтобы войти в котел по коридору. В самом котле были готовы колонны, рассчитанные на 4000 тонн, для того, чтобы после соединения с группой Гота вывезти раненых и, загрузившись, доставить грузы в котел.

Во второй половине дня 19 декабря воздух был прозрачен, стояла морозная погода, отличная для полетов. Над Питомником слышался гул двигателей приближающихся транспортных самолетов. Посадка. Разгрузка. Погрузка раненых. До отказа. И снова — взлет. Громоздились емкости с бензином. Складывались в штабеля ящики. Вывозились с поля снаряды. Если бы каждый день было так!

За 24 часа до этого в котле появился посланник от Манштейна с приказом ориентировать войска на концепцию фельдмаршала относительно прорыва. Майор Генерального штаба Айсман и офицер штаба группы армий «Дон» уже вылетели обратно. Еще никто не догадывался о том, что этот визит станет эпизодом, вводящим в заблуждение относительно всего того, что касается Сталинградской трагедии, поскольку ни в одном документе содержание совещаний не было отражено, и, восстановленное майором Айсманом спустя 10 лет по памяти, оно явилось поводом для противоречащих друг другу мнений.

Точно ли и ясно удалось Айсману воспроизвести мысли Манштейна в том виде, как их фельдмаршал приводит в своих мемуарах, а именно: в той сложившейся ситуации была только одна жесткая альтернатива — либо быстрый прорыв за кольцо, либо гибель? Действительно ли он точно сообщил о том, что армейская группа Холлидта на Чире настолько была вовлечена в отражение советских наступательных действий, что немислимым стало наступление, оказываемое в поддержку Гота? Сказал ли он о том, что против войск Гота вводились в бой все более мощные советские силы? Сказал ли он недвусмысленно о том, что для фельдмаршала одно стало совершенно ясным: прорыв сделает необходимым поэтапную сдачу Сталинграда, как бы дело ни называли, чтобы не пробуждать слишком рано чувство недоверия у Гитлера, поскольку его приказ гласил: «Да «Зимней грозе!»», «Нет — сдаче Сталинграда!». Передал ли Айсман четко и ясно мнение Манштейна о том, что положение на Чире и у итальянцев на Дону, кажется, обострилось настолько, что дорог был каждый час для начала операции «Зимняя гроза» с целью прорыва и образования коридора одновременно с наступлением Гота, даже перед лицом угрозы дальнейшей невозможности удерживать Сталинград, поскольку была опасность вероятного отвода сил Гота из-за прорыва русских на Дону? Генерал Шмидт и фельдмаршал Паулюс выдвинули после войны еще одну версию, согласно которой «драматически окрашенная настойчивость в отношении реализации прорыва «Зимняя гроза» якобы и не вытекала из доклада Айсмана».

Но тогда зачем же Манштейн откомандировал своего офицера в котел? Тот факт, что умерший в 1957 году Айсман дистанцируется в своем витиеватом письме, не проясняет вопроса.

День 19 декабря может быть назван решающим, поскольку Сталинградская драма тогда достигла своей кульминационной точки.

Паулюс и его начальник штаба, генерал-майор Шмидт стояли в бункере штаба армии у телетайпа, подключенного к радиостанции, работающей в дециметровом диапазоне волн; перехватить тексты передач этой системы советская разведка была не в состоянии. За счет этого штаб 6-й армии имел прямую связь со штабом группы армий «Дон» в Новочеркасске, значение которой трудно переоценить, хотя ее техническая реализация выглядела довольно неуклюже. Паулюс ожидал связи с Манштейном, оговоренной ранее. Наконец-то аппарат ожил и выдал: «Господа офицеры на месте?»

«Так точно», — приказал передать Паулюс. «Прошу коротко ваши соображения по докладу Айсмана», — запросил Манштейн. Формулировки Паулюса были кратки.

Вариант 1. Прорыв из кольца на соединение с Готом возможен только при наличии танков. Сил у пехоты нет. В этом случае все резервные бронетанковые силы, которые до этого были задействованы для отражения прорывов противника, выходят из крепости Сталинград.

Вариант 2. Прорыв без соединения с Готом возможен только в случае крайней необходимости. Последствием стала бы утрата значительной части техники, материалов и вооружения. Предпосылкой является предварительная доставка достаточных объемов продовольствия, горюче-смазочных материалов в целях поддержания сил личного состава. Если Готу удастся лишь временно соединиться и выделить транспортные средства, то легче станет проведение этого решения в жизнь. К настоящему моменту пехотные дивизии почти утратили свою мобильность, и с каждым днем дело идет к ее полной утрате, поскольку идет вынужденный забой лошадей.

Вариант 3. Дальнейшие наши действия в нынешней ситуации зависят от снабжения в достаточных объемах. До настоящего времени оно совершенно недостаточно.

Затем Паулюс продиктовал в аппарат: «На нынешней базе дальнейшие шансы держаться будут сведены на нет». Телетайп распечатал три креста.

От Манштейна последовал текст следующего содержания: «Когда, самое раннее, вы сможете приступить к реализации варианта 2?» (вот он, главный вопрос, вариант рискованный, но все же вариант!). Паулюс ответил: «На подготовку — от трех до четырех дней».

Манштейн запросил: «Сколько горючего и продовольствия необходимо?» Паулюс ответил: «Сокращенный рацион питания на 10 дней для 270 000 человек».

Разговор прервался. Через четверть часа, в 18.30, он возобновился, и Манштейн с Паулюсом еще раз обменялись сообщениями, печатаемыми телетайпом. Как-то странно в своей анонимности аппарат печатал на бумаге слова:

«Генерал-полковник Паулюс на связи, господин фельдмаршал + + +».

«Здравствуйте, Паулюс +++».

Манштейн сообщил, что отвлекающее наступление Гота силами 57-го танкового корпуса генерала Кирхнера дало возможность дойти до Мышковы.

Паулюс доложил, что противник в южном «углу» атаковал наши силы, сосредоточенные для планируемого прорыва.

Манштейн: «Вы получите приказ + + +». Через несколько минут по трещащему телетайпу поступает приказ. Вот его текст:

«Приказ! 6-й армии

1) 4-я танковая армия силами 57-го танкового корпуса нанесла поражение противнику в районе Верхне-Кумского и вышла к Мышкове. Началось наступление против мощных сил противника в районе Каменки и к северу от нее. Здесь следует считаться с упорными боями. Положение на Чире не позволяет выдвинуть наши силы из района западнее Дона в направлении на Сталинград. Противник контролирует мост через Дон в Чирской.

2) Приказываю 6-й армии немедленно начать наступление «Зимняя гроза». При этом предусмотреть в случае необходимости соединение через Донскую Царицу с 57-м танковым корпусом для обеспечения эскортирования.

3) Развитие ситуации может вынудить к расширению задач, связанных с прорывом армии к Мышкове на соединение с 57-м корпусом. Кодовый сигнал «Удар грома». Далее задача заключается прежде всего в немедленном обеспечении танковыми силами соединения с 57-м танковым корпусом в целях проводки и эскортирования конвоя. Затем, прикрывая фланги в нижнем течении Карповки и у станции Червленая, вывести армию к Мышкове с одновременной поэтапной эвакуацией района крепости Сталинград.

Операцию «Удар грома» приказываю в зависимости от обстоятельств непосредственно согласовать по времени с наступлением «Зимняя гроза». Снабжение по воздуху осуществлять непрерывно без создания крупных запасов.

Брать с собой все мобильные виды вооружения, артиллерию, в первую очередь пригодные к боевому применению орудия, имеющие боеприпасы, сверх того труднозаменяемое вооружение и технику. Для этого сосредоточить их своевременно в юго-западном секторе.

4) Подготовить изложенное в пункте 3. Исполнение только по сигналу «Удар грома».

5) О дне и часе наступления донести».

Это был исторический документ. Час пробил. Армия должна была изготавиться для марша к свободе. Но только согласно вари-

анту «Зимняя гроза», т.е. нужно было пробить коридор к дивизиям Гота, но до этого не оставлять Сталинград, как приказал Гитлер.

Во второй половине дня Манштейн снова попытался получить от Гитлера разрешение на немедленный общий прорыв 6-й армии из кольца, на «Удар грома». Но Гитлер, одоббив «Зимнюю грозу», отказался, однако, разрешить крупномасштабное решение задач деблокаирования. Несмотря на это, как явствует из нашего документа, Манштейн отдал 6-й армии приказ подготовиться к «Удару грома» и в пункте 3 говорит: «Развитие ситуации может вынудить к тому, что задача на прорыв армии может быть расширена». Итак, «на прорыв». Драма достигла своего накала. Судьба четверти миллиона солдат висит на двух «волосках»: «Зимняя гроза» и «Удар грома».

В 20.40 оба начальника штаба снова сидели у телетайпа. Генерал Шмидт сообщил, что атаки противника сковывают массу танков и часть сил пехоты.

Шмидт: «Только при условии, что наши силы не будут более связаны задачами обороны, возможно начало прорыва. Самое раннее — 22 декабря». Это означает еще три дня. Три дня!

Ледяной ночью в бункерах под Гумраком кипела работа. На следующее утро в 7.00 Паулюс находился на пути к тем участкам котла, где складывалась кризисная ситуация. Весь день на многих участках фронта шли бои местного значения. Когда во второй половине дня оба начальника штаба, Шульц и Шмидт, снова «переговаривались» по телетайпу, Шмидт доложил: «Вследствие понесенных потерь за последние дни на западном участке фронта и в Сталинграде сложилось крайне напряженное положение. Вклинения противника могут быть блокированы только вводом в действие сил, предусмотренных для «Зимней грозы». В случае более масштабных вклинений войск противника или их прорывов необходимо вводить в бой на этих участках армейские резервы, особенно танковые силы, если крепости Сталинград вообще останется задача стоять».

«Положение следует рассматривать несколько иначе, — добавил Шмидт, — если за «Зимней грозой» наверняка и непосредственно последует «Удар грома». В этом случае мы можем считаться с фактором локальных вклинений противника на других фронтах, если они не повредят общему отходу всей армии. Для задач прорыва в направлении на юг мы имеем возможность выделить более крупные силы, поскольку мы можем сосредоточить на юге все местные резервы со всех фронтов».

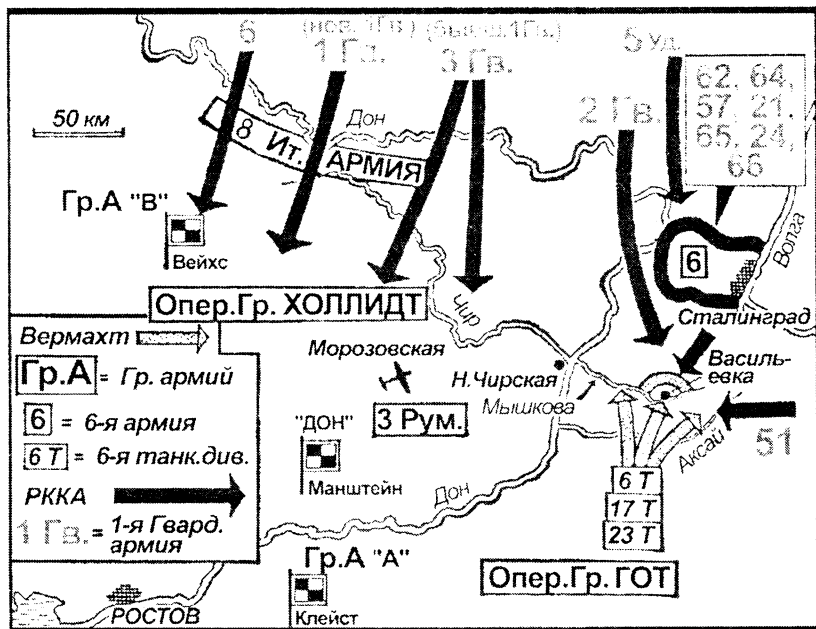
Вот он — снова этот заколдованный круг, который следовало разорвать, если бы 6-я армия получила разрешение на «Удар грома» — от Гитлера или от Манштейна, под их собственную ответственность. Но и Манштейн не хотел предпринимать ничего вопреки приказу Гитлера.

Генерал Шульц ответил, к сожалению, по телетайпу, так что возможности передать его умоляющую интонацию не было: «Дорогой Шмидт, фельдмаршал считает, что начинать наступление 6-й армии в рамках «Зимней грозы» следует как можно скорее. Невозможно более медлить с этим, пока Гот выдвинется к Бузиновке. Нам совершенно ясно, что сила вашего наступления для реализации задач «Зимней грозы» будет ограниченной. Поэтому фельдмаршал стремится к тому, чтобы получить разрешение на проведение «Удара грома». Борьба за это разрешение в штабе Главного командования сухопутных войск, несмотря на нашу настойчивость, все еще не решена.

(И далее следовал пассаж в умоляющих интонациях, подтекст которого содержал указание не уклоняться от выполнения приказа Гитлера.)

Не принимая во внимание решения относительно «Удара грома», фельдмаршал настойчиво указывает на то, что начало «Зимней грозы» должно осуществляться как можно раньше. Для снабжения горюче-смазочными материалами, а также подвоза продовольствия и боеприпасов в тылу армии Гота наготове стоят колонны, способные доставить груз в 3000 тонн, которые поэтапно и скрытно будут отправляться к вам, как только будет достигнуто соединение войск. Одновременно с этим будут поданы в достаточном количестве тягачи для придания артиллерии мобильности. Для вывоза раненых имеются в готовности 30 автобусов!» Даже и их приготовили. И 50 км — протяженность маршрута по прямой; это значит, что до спасения оставалось совершить марш протяженностью 60—70 км. В этот час в процессе разъяснений, оценок, взвешивания ворвалось известие о новой катастрофе на немецком Восточном фронте: на 8-ю итальянскую армию на среднем Дону обрушились 16 декабря три советские армии. Опять русские нащупали участок фронта, удерживавшийся слабыми силами союзных войск.

После скоротечных жестоких боев русские вошли в прорыв. Итальянцы побежали. Русские стремительно продвигались на юг. Одна их танковая армия и две гвардейские армии накатывались на слабый и с таким трудом созданный немецкий фронт на Чире. Если

22 декабря 1942 г. наступающие танковые соединения армейской группы Гота находились в пределах 50 километров от советского кольца вокруг Сталинграда. Однако прорыв русских на участке итальянской 8-й армии не позволил продолжить деблокировочную операцию, поскольку бросок русских был нацелен на Ростов, чем создавалась угроза окружения для группы армий как Манштейна, так и Клейста; 6-й армией пришлось пожертвовать, чтобы предотвратить более крупную катастрофу.

бы русским удалось сломить его, то в Ростове их нечем было бы удержать. А если бы русские взяли Ростов, то оказалась бы отрезанной группа армий «Дон» Манштейна, а группа армий Клейста на Кавказе лишилась бы тыловых коммуникаций. Назревал своего рода супер-Сталинград. В этом случае речь шла бы уже не об участии 200—300 тысяч человек, а о судьбе полутора миллионов.

Когда 23 декабря солдаты 6-й армии с надеждой ожидали своих освободителей, с севера к станции Морозовская и ее аэродрому в 150 км к западу от Сталинграда приближались передовые танковые подразделения противника. От аэродрома зависело все снабжение окруженных войск. Таким образом, надвигалась катастрофа. Армейская группа Холлидта, сражавшаяся на Чире, осталась без флангового прикрытия.

В этой ситуации Манштейну ничего другого не оставалось, как отдать приказ Готу бросить одну из своих танковых дивизий немед-

ленно на Чир в его нижнем течении, чтобы сковать еще один прорыв русских. Гот действовал без промедлений и выделил для выполнения этого приказа, имевшего решающее значение, самые мощные и боеспособные свои силы.

В разгар боев на подступах к Сталинграду в 6-ю танковую дивизию поступил приказ на выступление. Для Гота с его двумя дивизиями, измотанными в боях, было невозможно продолжать наступательные действия в направлении Сталинграда. Под натиском 2-й советской гвардейской армии он даже вынужден был отойти за Аксай. Это случилось в сочельник.

Фельдмаршал Манштейн был весьма озабочен. Он срочно отправил в ставку фюрера донесение по телетайпу, в котором буквально заклинал:

«Развитие событий на левом фланге группы армий делает необходимым скорейшую переброску сил туда. Эта мера означает отказ от действий по деблокаде 6-й армии на продолжительное время, и это также означает, что и снабжение ее должно быть обеспечено на такое же время. По мнению Рихтгофена, в среднем в сутки можно доставлять лишь 200 тонн грузов. Если снабжение 6-й армии по воздуху не будет обеспечено в достаточных объемах, то остается на левом фланге группы армий добиться разрешения на скорейший прорыв 6-й армии из окружения, считаясь с фактором большого риска. Риск этот, учитывая состояние армии, очевиден».

Сухим штабным языком этим сказано все, что можно было бы сказать. После прорыва русских на Дону и на Чире 6-я армия должна вырваться из кольца, иначе ей конец!

В ставке Манштейна в Новочеркасске с напряжением ожидали ответа. Он поступил от Цейтлера по телетайпу: фюрер разрешил отвод сил из состава армейской группы Гота к Чиру, но он приказывает Готу стоять на исходных позициях в готовности как можно скорее по ситуации начать деблокирующее наступление.

Это был оптимизм в вынужденной ситуации, поскольку Гитлер имел сильный аргумент против разрешения на «Удар грома»: «У Паулюса ведь нет горючего, достаточного для прорыва и соединения с Готом» — тезис, опиравшийся на донесение штаба 6-й армии о том, что танки имеют запас горючего для боевых действий на отрезке не более 20 км. Это донесение неоднократно подвергалось сомнению, в противовес чему Шмидт указывает на осуществленные им строгие проверки в целях изъятия припрятанных нелегальных запасов бензина, а Паулюс позднее аргументировал тем, что армия в своих действиях, от ко-

торых зависит погибнуть или спастись, не могла рассчитывать на использование наличных нелегально припрятанных запасов горючего.

Исходя из этой сложившейся ситуации, Манштейн во второй половине дня 23 декабря приказал еще раз соединить его с Паулюсом и попросил его выяснить, возможно ли все-таки реализовать «Удар грома», если не останется другого выбора.

Паулюс задал вопрос: «Этот разговор дает мне полномочия начать «Удар грома»?»

Манштейн: «Сегодня я еще не имею права дать его, надеюсь, что завтра это выяснится и решение будет принято». Фельдмаршал добавил: «Неясным моментом остается: верите ли вы, что армия сможет пробиться до соединения с Готом, если на длительный срок не удастся обеспечить снабжение?»

Паулюс: «Ничего другого не остается».

Манштейн: «Сколько вам нужно горючего?»

Паулюс: «Тысячу кубометров».

Тысяча кубометров означает 1000 тонн. Почему вопреки всей рискованности и всем опасениям Паулюс все-таки не начал своих действий? Почему он не приступил к выполнению приказа «Зимняя гроза»? Невзирая на запасы горючего и продовольствия? Ведь на карту было поставлено существование армии?!

Фельдмаршал фон Манштейн в своих мемуарах показывает ту ответственность, которая возлагалась на Паулюса этим приказом: три дивизии в юго-западном секторе котла, там, где должен был осуществляться прорыв, частично были вовлечены в оборонительные бои. Мог ли он взять на себя риск начинать атаку частями только этих двух дивизий против плотного кольца? Дали бы вообще русские ему шанс своими наступательными действиями? Смог бы он удерживать другие участки до тех пор, пока штаб группы армий не разрешил бы ему начать «Удар грома» и дал бы тем самым свободу действий в отношении общего прорыва? Хватило бы горючего для танков, чтобы в случае неудачи «Зимней грозы» отвести ударную группу назад? Что стало бы с 6000 раненых и больных?

И что бы произошло, если бы прорыв армии не удался и ее соединения были уничтожены? Высвободившиеся в этом случае советские армии, образующие кольцо окружения, обрушили бы тогда весь Кавказский фронт с его 1 000 000 солдат и офицеров.

Паулюс и Шмидт видели только один вариант: одновременное начало операций «Зимняя гроза» и «Удар грома». И только лишь после обеспечения достаточным количеством горючего по воздуху.

23 декабря после жестких проверок выяснилось, что армия располагает настолько малым количеством горючего, что танки, штурмовые орудия, автомобили и другую тяжелую технику пришлось бы бросить уже через несколько километров и воевать в голой степи, вести бои на прорыв, имея лишь стрелковое оружие и лопаты против превосходящего в силах противника на отрезке свыше 50 км! Эти документальные данные в публикации Керига генерал Шмидт пометил на полях от руки, обозначив как решающую причину того, почему не была начата операция «Зимняя гроза». У нас была воля, но не было возможности!

Штаб группы армий хотел начать общий прорыв из котла операцией «Зимняя гроза» и исходил из того, что вначале следует прорвать кольцо советских войск в юго-западном секторе, прежде чем будут постепенно ликвидироваться другие сектора, т.е. начнется операция «Зимняя гроза».

Помимо соображений военного порядка, для плана Манштейна решающим было то обстоятельство, что только при поэтапном выводе войск Гитлер уступил бы необходимости сдачи Сталинграда и не был бы в состоянии отменить ее, и фельдмаршал Манштейн знал: если бы штаб группы армий отдал 6-й армии приказ на общий прорыв из котла и на сдачу Сталинграда, то этот приказ был бы немедленно и вне всякого сомнения отменен Гитлером.

Прорыв из окружения целой армии — сложный процесс. В него были бы вовлечены многочисленные командные инстанции, включая Главное командование сухопутных войск, — из-за одной только оперативной перегруппировки и переподчинения на других участках. Исключалось, что Гитлер не смог бы узнать об этом немедленно и отменил бы приказ. А Манштейна ожидали бы не только освобождение от должности и замена на более послушного преемника, но и военный суд. Паулюс, будучи связан своим боевым постом в котле и постоянно поглощенный необходимостью импровизировать против наступательных действий русских, был заложником драматической ситуации. И Манфред Кериг с полным правом констатирует в своем обширном труде: «Выискивать между строк приказа «мнение» вышестоящего начальника противоречило принципам армейского воспитания, усвоенным Паулюсом и Шмидтом, а также вообще их позиции».

В этой аргументации четко проявляется идея о том, что поиски причин трагедии Сталинграда и виновных в ней на уровне армейского командования и на уровне ставки групп армий «Дон» бессмысленны.

Заблуждение Гитлера оперативного порядка, связанное с недооценкой возможностей противника и переоценкой собственных войск и своих личных способностей, создало такое положение, которое уже невозможно было изменить никакой помощью, никакими хитростями и никакими приказами держаться. Катастрофу на Волге можно было предотвратить только своевременным отводом 6-й армии в октябре, самое позднее 24 ноября. Сегодня мы знаем кроме этого, что операции «Зимняя гроза» и «Удар грома», если бы они удались, спасли бы 6-ю армию, но она бы уже не имела ни оперативных сил, ни оперативных возможностей. Оставался лишь шанс спасти часть личного состава.

На участке 2-го батальона 64-го мотострелкового полка имелся один раритет: из снега, покрывавшего пшеничное поле, торчали колосья. По ночам солдаты пробирались туда, срезали колосья и варили из них и из конского мяса суп. Это было мороженое мясо лошадей, убитых и околелых, лежавших там и сям под небольшими холмиками снега.

8 января ефрейтор Фишер с трудом наскреб на поле последнюю горстку колосьев и, стуча зубами от холода, возвратился в бункер. Там уже царило взволнованное настроение. С командного пункта батальона просочилось известие о том, что русские в своих пропагандистских радиопередачах предложили почетную капитуляцию.

Эта новость с быстротой молнии облетела окруженные войска. В районе боевых действий в Мариновке, в расположении 3-й моторизованной дивизии, случилось затем вот что: на передовых позициях боевой группы Виллига появился русский капитан с белым флагом. Солдаты позвали своего командира. Русский вежливо вручил им письмо, адресованное: «генерал-полковнику танковых войск Паулюсу или его представителю».

Майор Виллиг поблагодарил и, запросив штаб армии, отпустил русского с его флагом назад, к своим. Затем начали звонить телефоны. Вестовой доставил письмо в Гумрак. Паулюс лично позвонил и приказал: запрещаю вести переговоры с русскими офицерами о капитуляции. В письменном тексте приказа говорилось об ужасах русского плена.

На следующий день каждый солдат мог прочесть, что именно генерал-полковник Рокоссовский, командующий Донским фронтом, писал в штаб 6-й армии: над всей территорией, где находилась окруженная армия, русские самолеты разбрасывали листовки, в которых излагались условия капитуляции. В частности, черным по бе-

лему, за подписью и печатью генерала Воронова и печатью представителя Ставки Верховного Главнокомандования стояло: «Если сопротивление будет немедленно прекращено и все военное имущество передано нам в целости и сохранности, а войска организованно сдадутся, то в этом случае всем офицерам, унтер-офицерам и солдатам мы гарантируем жизнь, безопасность и возвращение в Германию либо, по желанию военнопленных, в любую другую страну после окончания войны. Всем военнослужащим Вермахта дается при этом право на ношение военной формы, им сохраняются знаки различия и боевые награды, личные вещи и ценности. Старшим офицерам, кроме этого, разрешается оставить при себе личное оружие.

Сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно обеспечивается нормальное питание. Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь. Ваш ответ в письменной форме мы ожидаем 9 января 1943 года в 15.00 по московскому времени через Вашего полномочного представителя, назначенного лично Вами, которому надлежит следовать в автомашине по шоссе от населенного пункта Конный до станции Котлубань. На автомашине должен быть вывешен белый флаг. Вашего представителя будет ожидать уполномоченный русский офицер в районе «8», в полукилометре на юго-восток от разезда 564.

Если наше требование о капитуляции будет отклонено Вами, то мы объявляем, что войска Красной Армии и части Красных ВВС будут вынуждены приступить к уничтожению окруженных немецких войск. Ответственность за их уничтожение будете нести Вы». Листовки, которые сбрасывались вместе с текстом письма, содержали также зловещее предупреждение: «Всякий, кто и далее будет оказывать сопротивление, будет беспощадно уничтожен».

Почему 6-я армия не приняла это предложение о капитуляции? Почему в тот момент она не отказалась от бесперспективной борьбы прежде, чем войска приблизятся к физическому и моральному пределу? До сих пор задаются этим вопросом, и в нем звучит упрек.

Паулюс, находясь уже в плену, постоянно указывал на то, что он не капитулировал на основе собственного решения, поскольку он в начале января еще видел стратегический смысл в дальнейшем сопротивлении: сковывание мощных русских сил и за счет этого обеспечение угрожаемого южного фланга Восточного фронта.

Такого же мнения придерживался фельдмаршал фон Манштейн. Он говорит четко и ясно: «6-я армия с начала декабря сковывала 60 крупных частей и соединений Советов. Положение обеих

групп армий «Дон» и «Кавказ» стало бы катастрофическим, если бы Паулюс капитулировал в начале января».

Если ранее этот тезис в течение длительного времени мог быть объяснен и оценен как стремление обелить себя, то теперь это уже невозможно: советские маршалы Чуйков и Еременко в своих мемуарах подтверждают это. Чуйков пишет, что еще в середине января войска Паулюса полностью сковывали действия семи советских армий. Еременко дает легко понять, что предложение Паулюсу от 9 января относительно почетной капитуляции исходило из идеи о том, чтобы высвободить семь советских армий и их силами затем наступать на Ростов. Это наступление и взятие Ростова могло бы обрушить весь южный фланг немецкого Восточного фронта. Боевые действия, которые вела 6-я армия до конца, воспрепятствовали реализации этих планов. Если ретроспективно эта жертва и была правильной в смысле политических оценок войны, — это другой вопрос.

Паулюс еще больше укрепился в своем мнении еще и по другой причине: в первой половине дня 9 января испытанный и опытный генерал Хубе вернулся от Гитлера, к которому он был вызван с докладом «назад к окруженным войскам», сразу же сообщил о том, что он узнал от фюрера и от офицеров Главного командования сухопутных сил: планируется новое деблокирующее наступление с запада. Танковые части, получившие подкрепление, начали уже выдвижение в район сосредоточения к востоку от Харькова. Обеспечение по воздуху с 29 декабря было поставлено генерал-полковником Рихтгофеном на новую основу. С 8-го авиакорпуса приказом фюрера было снято выполнение всех боевых задач, и ему была поставлена новая задача: только снабжение войск в Сталинграде. Из рейха, с других фронтов и даже из Африки, от Роммеля, войскам которого приходилось нелегко, были сняты транспортные и широкофюзеляжные самолеты. 10 января 1943 года 490 машин этих типов были уже на фронте с задачей снабжать «крепость Сталинград».

Приказ фюрера командованию Люфтваффе гласил: «Ежедневно доставлять 300 тонн». «Хейнкель-111» мог брать на борт 1,8 тонны, «Юнкерс-52» — 1,4 тонны, широкофюзеляжный «Фокке-Вульф-200» — 6 тонн. Чисто арифметически выходило, что даже при 50% производительности доставки ежедневно могли быть доставлены 300 тонн грузов. Но только арифметически! Но подсчет подсчету рознь.

Погода не подчинялась приказам. Плотные туманы и метели многократно затрудняли либо взлет, либо приземление в котле. На временных импровизированных аэродромах, удаленных от Сталин-

града, не было систем обогрева самолетов в условиях 40-градусных холодов, обеспечивавших безопасный взлет; к этому следует прибавить плотный огонь русской ПВО и массированное применение истребителей против транспортных самолетов, не имевших бортового вооружения, так что «Юнкерсы» могли выполнять полеты только по ночам. Таким образом, не было ни одного дня, когда бы в котел доставлялось более 100 тонн. Тем не менее доклад генерала Хубе возымел действие. Квинтэссенцией его было то, что 6-й армии предписывалось держаться согласно точке зрения Гитлера и Главного командования сухопутных войск, в случае необходимости сузить район котла вплоть до периметра городской черты Сталинграда для обеспечения возможности отхода группы армий «Кавказ», а затем предпринять новое деблокирующее наступление с запада. Это был бег наперегонки со временем.

Ход мыслей Хубе совпадал с тем, что докладывал майор Генерального штаба фон Белов, начальник оперативного отдела штаба 71-й пехотной дивизии.

Белов, позднее служивший в офицерском звании также в бундесвере, в сентябре 1942 года заболел в Сталинграде, был эвакуирован самолетом в Германию и после излечения вместе с Хубе 9 января возвратился в окруженные войска.

Перед возвращением туда Белов был в штабе Главного командования сухопутных войск. Его расспрашивали во всех подробностях о возможности деблокирующего наступления с запада через Дон у Калача: как начальник оперативного отдела генерал-майор Хойзингер, так и начальник Генштаба Цейтцлер. У Белова сложилось впечатление, что в штабе Главного командования сухопутных войск положение 6-й армии оценивалось пока еще оптимистично и они благоприятно оценивали шансы нового деблокирующего наступления. Генерал Цейтцлер распрощался с майором со словами: «В Сталинградском котле достаточно офицеров с опытом генштабистов. Если же я не прикажу вам лететь, то это будет означать, что их уже сдали».

Разве с военной точки зрения не очевидно и не понятно, что Паулюс по причине стесненного стратегического положения при тех проблесках надежды отклонил 9 января предложение Советов о капитуляции? Тезис о том, что Паулюс еще ничего не знал, отклоняя это предложение, о докладе Хубе и Белова, опровергает Артур Шмидт, указывая на то, что Хубе доложил 9 января в первой половине дня, а Паулюс, посоветовавшись со своими генералами, отклонил вечером 9 января упомянутое предложение.

В окруженных войсках готовность сопротивляться еще не была сломлена. Офицеры и солдаты верили в то, что «мы должны держаться и мы сможем это сделать, если будем обеспечены необходимым», — это можно прочесть в письме капитана Белова от 11 января 1943 года. Можно также прочесть донесения тех дней о том, что русские разведывательные дозоры, состоявшие из говорящих по-немецки солдат, одетых в немецкую форму, появлялись перед фронтом окруженных войск.

Подразделения контрпропаганды 6-й армии вместе со своим штабом пытались противодействовать тактике психологического изматывания. Выпускались окопные газеты, чтобы свести на нет весьма умело составленные пропагандистские лозунги, авторами которых были немецкие эмигранты-коммунисты и перебежчики.

Гибель

Завершающее советское наступление — На аэродроме «Питомник» — Конец южного котла — Паулюс сдается в плен — Штреккер продолжает сражаться — Последний полет над городом — Последний хлеб для Сталинграда

Как обещал Рокоссовский в своих листовках, 10 января, спустя 24 часа после отклонения предложения о капитуляции, началось масштабное наступление против окруженных в котле войск. «Вступлением» к нему стала 55-минутная артподготовка из 7000 стволов. Затем пехота пошла на штурм. Пять советских армий против всех участков обороны котла. То, что произошло затем, современной исторической науке известно лишь на примерах двух армий — советской и немецкой.

Отрезанные от всех коммуникаций, голодные, мучимые морозом, плохо вооруженные солдаты бились с превосходящими силами противника с такой отчаянной храбростью, примеров которой немного в истории войн. Подобное было ранее в Волховском котле, когда в нем сражалась окруженная нашими войсками 2-я русская ударная армия. Беспощадными, как и всякие сражения в заснеженных волховских лесах, были и последние бои за Сталинград. Только роли поменялись. Неизменными остались страдания, лишения, храбрость.

Наступление Советов на позиции окруженных войск было необычайно сильным и интенсивным. Оно концентрировалось на участках обороны 44-й пехотной, 29-й моторизованной и 297-й пехотной дивизий. Затем штурм обрушился на 16-ю танковую дивизию, оборонявшую северо-восточный сектор. Далее он переместился на позиции 44-й и 76-й дивизий, державших западный и южный сектора. Все, что оставалось у армии из штурмовых орудий, танков и противотанковых орудий, — все было брошено на участки, где прорывались русские.

Немецкие боевые группы с 88-мм зенитными орудиями из 9-й дивизии ПВО генерала Пикерта пытались сорвать танковые атаки. Им удалось подбить более 100 танков. Но это не помогло, хотя немцы сражались до последнего патрона и последнего снаряда. Пехота была разбита на своих же позициях. Русские прорвались на многих участках. Резко подскочили цифры потерь в измотанных боями боевых группах. Случаи обморожения также резко участились, так как в степи бушевала снежная буря, а температура была 35 градусов мороза. Опытный и закаленный в боях личный состав 16-й танковой дивизии не имел горячего для танков. Снаряды таяли с каждой минутой. Танкисты сражались холодным оружием, как пехота, в рукопашном бою.

В западном секторе, как островки в море, сражались отдельные батальоны стоявших там дивизий. Такая же обстановка была и на позициях австрийской 44-й пехотной дивизии на подступах к жизненно важному аэродрому Питомник. Тем, кто видит в примере Сталинграда только человеческие страдания, лишения, ошибки, глупость, хорошо бы посмотреть на эти батальоны. Одним из многих таких был 1-й батальон 134-го пехотного полка.

Перед Бабуркиным своими поредевшими ротами он отчаянно вцепился в позиции. Еще в середине декабря командир батальона майор Поль был награжден Рыцарским крестом. Генерал Паулюс прислал к этому еще небольшую посылку, на которой собственной рукой написал: «С сердечным приветом». Внутри находились солдатский хлеб и банка сельди в томатном соусе. Тогда, в Сталинграде, для тех, кто был отмечен высшей наградой за свою беспримерную храбрость, это было дорогим подарком.

Так же как и его солдаты. Поль лежал в стрелковой ячейке с карабином в руках. На северном участке выдвинутый вперед тяжелый пулемет проглатывал одну ленту за другой, выплевывая смертоносный свинец. «Меня отсюда никому не вышибить, господин майор», —

сказал Полю один унтер-офицер несколько дней назад. Прозвучала еще одна очередь, и пулемет замолк. Было видно, как русские спрыгивают в окопы, как мелькают приклады и лопаты. Затем — ничего. Батальон держался еще ночь, поддерживаемый 46-м противотанковым дивизионом, имевшим на вооружении несколько 20-мм зениток и три советские трофейные пушки калибра 76 мм.

Когда на следующее утро им пришлось отступить, пушки остались — не было горючего для трофейных джипов, чтобы отбуксировать их. Каждый шаг назад артиллеристы переживали как Ватерлоо, — они были вынуждены подрывать пушку за пушкой. Даже если бы они все же утащили одну из них с собой, то все равно не нашли бы уже ни одного снаряда. Призрачной становилась мысль отойти в руины Сталинграда и там продолжать сражаться.

На следующую ночь майор Поль отправился на Питомник для выяснения обстановки у начальника группы связи Люфттваффе в котле, своего друга майора Фрейденфельда. Для более заметного обозначения направления маршрута в заснеженной пустыне в снег копытами вверх были воткнуты отрубленные ноги павших лошадей: ужасные вехи в ужасной битве.

На самом аэродроме дела были плохи. Жизненное пространство армии представляло собой поле обломков и развалин. Аэродром был усеян расстрелянными и поврежденными самолетами. Палатки для раненых были забиты до отказа. Посреди этого хаоса умудрялись садиться самолеты, разгружались, загружались и снова взлетали. Но в период с 10 по 17 января эскадрильи транспортных самолетов доставили окруженным войскам 736 тонн грузов. 736 тонн вместо ежедневно требуемых 300. Генерал Шмидт гневно радировал в ставку группы армий «Дон»: «Нас что, уже сдали?»

Вечером 11 января Паулюс радировал Манштейну: «Резервов более нет. Боеприпасов осталось на 3 дня. Тяжелая техника не в состоянии двигаться — нет горючего. Фронт обороны окруженных войск может удерживаться не дольше чем в течение ближайших трех дней».

Несмотря на это, 12 января боевые группы 7-го армейского корпуса держались на территории Колхоза-I, а части 14-го танкового корпуса обороняли западный берег Россошки, имея в своем распоряжении лишь пехотное оружие.

Штаб армии потребовал в своей радиограмме Манштейну доставку авиацией батальонов с тяжелым вооружением, чтобы иметь возможность держаться далее. Но ни одного такого батальона уже

нигде не было. С 13 января о боях 6-й армии в сводках Вермахта больше не упоминалось. Странно фантастическим показался ставший известным факт о том, что в тот же день начальник Генерального штаба Цейтцлер одобрил разработку оперативного отдела — план «Дитрих» («Отмычка»), а именно деблокирование и вывод 6-й армии в феврале—марте!

Спустя три дня, 16 января, Питомник был взят противником. Это был последний удар по тоненькому кровеносному сосуду, питавшему окруженные войска. И по вывозу раненых тоже. Теперь все стремительно покатило под гору. Последние боевые группы оставляли участки фронта окруженных войск. Без тяжелого вооружения они отступали в направлении на Сталинград. И майор Поль со своими солдатами также прошел этот ад. На их пути лежала группа немецких солдат, застигнутых взрывом авиабомбы. Еще живые, с оторванными конечностями, окровавленные: кровь превратилась в красные ледяные корки, никем не перевязанные, не убранные с дороги. Все колонны прошли мимо них, занятые сами собой, охваченные безысходностью. Поль приказал перевязать раненых и уложить их вместе ближе друг к другу, оставив при них санитаров до прихода автомобиля, который взял бы несчастных. Но автомобиль так и не пришел. Такова была участь десятков тысяч в последние дни Сталинграда.

Сильный голод и беззащитность в условиях крупного советского наступления привели к резкому падению боевой мощи и боевого духа войск. Настроение упало. Жертвы выросли до гигантских масштабов. Дивизии доносили о «кровавых потерях» — до 70—80% личного состава. Давка на сборных пунктах для раненых была ужасающей. Медикаменты и перевязочный материал были на исходе. Кругом рыскали мародеры.

Оперативный отдел штаба армии 24 января в 16.45 передал радиogramму Манштейну. Текст ее потрясает своей трезвостью оценки трагической обстановки: «Непрекращающиеся интенсивные атаки по всему западному сектору. Сдерживающие бои наших сил в районе Городище с 24-го числа с последующим их отходом на восток для организации круговой обороны в районе Тракторного завода. В южной части Сталинграда до 16 часов западный сектор удерживал оборону на линии 45.8 — западные и южные окраины Минина. Здесь имеют место локальные вклинения противника. Состояние обороны на Волге и на северо-восточном секторе — без изменений. Ужасные сцены ближе к центру города — 20 000 раненых без медицинской

помощи ищут убежища в руинах домов. Еще столько же истощенных голодом, обмороженных и пострадавших от минно-взрывных травм, большинство — без оружия, утраченного в боях. По всей площади города ведется сильный артобстрел. Под командованием решительных генералов и храбрых офицеров, вокруг которых группируются еще немногие боеспособные солдаты, сопротивление на окраинах южной части Сталинграда будет продолжаться до 25.01. Тракторный завод, вероятно, сможет продержаться немного дольше. Начальник оперативного отдела штаба 6-й армии».

Решительные генералы. Храбрые офицеры. Немногие боеспособные солдаты. Да!

На железнодорожной насыпи к югу от Царицынской балки, стоя в полный рост, командир 71-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант фон Хартман стрелял из карабина в наступающих русских, пока его не сразила пулеметная очередь.

Читая радиограмму оперативного отдела штаба 6-й армии, фельдмаршал фон Манштейн знал, что в этом положении уже невозможно более говорить в боевых задачах 6-й армии. «24 января, когда армия была не в состоянии сковывать сколько-нибудь значительные силы противника, — говорит фельдмаршал, — я, увы, напрасно пытался в продолжительном телефонном разговоре с Гитлером добиться от него разрешения приказа на капитуляцию. Именно в этот момент, поскольку это был тот момент, когда задача армии по сковыванию сил противника была завершена. Она спасла пять немецких армий». Того, что хотел достичь Манштейн в ходе телефонного разговора, должен был добиться майор фон Цитцевиц своим личным докладом у Гитлера.

Согласно приказу штаба Главного командования сухопутных войск 20 января Цитцевиц вылетел из котла. 24 января генерал Цейтцлер устроил ему аудиенцию у Гитлера. Эта встреча была полна потрясающей символики. Вот как Цитцевиц рассказывает об этом: «После нашего прибытия в ставку фюрера генерала Цейтцлера сразу же пригласили к фюреру, я же должен был подождать. Через некоторое время открылась дверь и пригласили меня. Я доложил, Гитлер приблизился ко мне и обеими руками взял мою правую руку. «Вы прибыли из ужасного места», — сказал он. Просторный кабинет был освещен скудно. Перед камином стоял большой круглый стол, вокруг него — кресла; справа — длинный стол, освещаемый сверху. На нем — огромная карта с нанесенной на ней обстановкой на всем Восточном фронте. На заднем плане — два

стенографиста, фиксирующие каждое слово. Кроме адъютанта Шмундта присутствовали еще два адъютанта — от ВВС и от сухопутных войск. Гитлер попросил меня присесть на табурет вблизи карты и сел напротив меня. Другие присутствующие устроились в креслах, стоявших в полумраке. Только адъютант Гитлера стоял по другую сторону стола с разостланной на нем картой. Гитлер говорил, при этом непрерывно указывал на карту. Он говорил об идее отправить в Сталинград танковый батальон, на вооружении которого будет совершенно новый тип танка — «Пантера»; ей надлежало прорваться через расположение русских сил и атаковать Сталинград для обеспечения снабжения и усиления 6-й армии танками. Я не мог прийти в себя после этих слов. Один-единственный танковый батальон должен был успешно реализовать наступление, пройдя сотни километров по сильно укрепленной, занятой противником территории, наступление, которое оказалось не под силу целой армии?! Используя первую паузу, возникшую в рассуждениях Гитлера, я доложил о нуждах 6-й армии, приведя примеры и статистические данные из своих подготовленных записей, обрисовал картину голода, обморожений, недостаточного снабжения и медицинского обеспечения. Все это я заключил словами: «Мой фюрер, разрешите доложить, солдатам больше нельзя отдавать приказы сражаться до последнего патрона, поскольку они физически не в состоянии выполнить его, и еще потому, что у них больше нет этого последнего патрона». Он посмотрел на меня с удивлением, но взгляд его проходил сквозь меня. Затем он попрощался со мной и позволил удалиться».

25 января генерал фон Зейдлиц потребовал от Паулюса отдать приказ на прекращение боевых действий. Его совершенно правильный аргумент: отдельно взятому солдату нельзя навязывать решение о том, когда следует прекратить сражаться. Когда Паулюс отклонил это требование, Зейдлиц сам отдал приказ дивизиям своего корпуса расстрелять оставшиеся боеприпасы и затем прекратить боевые действия. Это было в 23.00.

Однако генерал Гейтц, командир 8-го корпуса, в состав которого входила знаменитая 76-я пехотная дивизия, запретил всякую формальную капитуляцию и особо — вывешивание белых флагов.

26 января Паулюс передислоцировал свой штаб в здание универмага. Там занимали оборону остатки нижнесаксонской 71-й дивизии. Все больше командиров просило разрешения на прекращение боевых действий.

Под сильным артогнем Паулюс отправился в здание тюрьмы ГПУ¹, где несколько генералов приказали оборудовать свои штабы. Он объяснил им мотивы, по которым он отказывался разрешить капитуляцию: важен каждый день, который сковывает советские силы, это даст возможность осуществить планомерный отход группы армий «Кавказ».

Но помпезные заявления теперь были уже не эффективны. Даже самые храбрые офицеры утратили все свои силы и всю надежду. В подвале здания тюрьмы ГПУ лежали командиры полков, командиры рот, штабные офицеры: в грязи, раненые, в горячке, пораженные фурункулезом и дизентерией; они не знали, что им делать. У них не было полков, батальонов и оружия, не было хлеба и зачастую только один патрон в пистолете. Последний. Некоторые стрелялись.

Полковник Бойе, награжденный многочисленными высокими боевыми наградами, командир закаленного в боях полка «Хох-унд-Дойчмайстер», неоднократно отмечавшийся во фронтовых сводках Вермахта, вышел 27 января в подвале здания ГПУ к своим подчиненным и сказал: «У нас нет больше хлеба. Нет оружия. Я предлагаю капитулировать». Они согласились. И полковник, раненый, с температурой, вышел вместе с ними из развалин здания тюрьмы. До передовой на железнодорожной насыпи оставалось 50 метров. У тоннеля Царицынской балки стояли остатки дивизии генерал-лейтенанта Эдлера фон Даниэльса. Среди них — сам командир. Все без оружия. Все готовы капитулировать. Это было их печальное шествие. По обеим сторонам дороги стояли красноармейцы с автоматами на изготовку. Пленных снимали кинокамеры и фотоаппараты, затем грузили на автомобили, и степь проглатывала их.

Свидетельства с русской стороны об этом марше несчастных находим в мемуарах генерала Чуйкова: «Мы видели марш сотен военнопленных. Они шли к Волге и переправлялись затем через реку, за которую месяцами вели бои. Среди пленных были итальянцы, венгры и румыны. Солдаты и офицеры были истощены, их мундиры кишели насекомыми. Самое жалкое впечатление производили румынские солдаты: они были едва одеты, на это невозможно было смотреть. Они бежали босиком в 30-градусный мороз».

31 января около 14.00 генерал Зейдлиц сдался в своем бункере командиру ударной русской группы. С того времени началась его драматическая и трагическая судьба в советском плену. Между тем

¹ Имеется в виду НКВД.

части 9-го корпуса генерала Штреккера удерживали свои последние позиции в расчлененном на отдельные участки северном секторе котла.

Из Сталинграда в эфир ушла самая страшная радиограмма: «Группе армий «Дон». Положение с продовольствием вынуждает не выдавать его раненым и больным, чтобы его хватило активным бойцам. Оперативный отдел штаба 6-й армии». Тем не менее 31 января в 1.30 Гитлер приказал начальнику Генштаба радировать в Сталинград: «Фюрер обращает Ваше внимание на необходимость удержания крепости Сталинград. Важен каждый день этой борьбы».

Вся трагедия последних дней коренилась в позиции Паулюса, не желавшего ни в коем случае идти на «формальную» капитуляцию. Тогда отдельные генералы и командиры других степеней на свой страх и риск шли на переговоры о капитуляции с русскими командирами на местах. Когда вечером 30 января стало ясно, что штаб армии в здании универмага оборонять больше нет возможности, генерал Шмидт приказал полковнику Роске и зондерфюреру Нейдхардту войти в контакт с русскими и инициировать своего рода неофициальную капитуляцию командующего 6-й армией. С Роске разговаривал советский генерал Ласкин, начальник штаба 64-й армии. Основной темой переговоров было снабжение и обеспечение раненых. Ласкин обещал содействие. Он также подтвердил все гарантии, изложенные в тексте предложения о капитуляции, подписанного Рокоссовским в начале января, которое он «торжественно» повторил.

Ровно в 11.30 обер-лейтенант охраны штаба вошел в подвал универмага на Красной площади Сталинграда, прошел в небольшое помещение, где располагался командующий, и доложил: «У дверей русские». С 6.00 Паулюс был уже на ногах и разговаривал с начальником оперативного отдела штаба подполковником фон Беловом. Он выглядел уставшим, разочарованным, но был решительно настроен на то, чтобы все закончить. «Но без церемоний», — как он выразился, т.е. без оформления документа о капитуляции и без официального протокола.

Это, вероятно, и было причиной того, что пленение Паулюса часто вызывало множество кривотолков. Он был верен приказу не капитулировать вместе с армией. В плен он пошел только со своим штабом. В то время как отдельные командиры на отдельных участках договаривались с русскими об условиях прекращения боевых действий. Когда генерал Ласкин и его переводчик вошли в помещение, Паулюс встал и сказал: «Фельдмаршал Паулюс». Ласкин прика-

зал перевести свои слова: «Господин фельдмаршал, я объявляю вас военнопленным. Прошу сдать ваше оружие». Паулюс передал свой пистолет полковнику Адаму, а он — генералу Ласкину. Затем командующий 6-й армией поехал в плен по улице, по обеим сторонам ее стояли шпалерами немецкие солдаты и офицеры.

В северной части котла, на пресловутом Тракторном заводе и на оружейном заводе «Баррикады», там, где летом с обеих сторон прозвучали первые выстрелы в сражении за Сталинград, солдаты и офицеры опорных пунктов 11-го корпуса 1 февраля еще вели бои. Где все это началось, там же и закончилось.

Несмотря на то что эти бои в руинах уже не имели более никакого военного значения, Гитлер отправил Штреккеру радиogramму: «Я ожидаю, что северный сектор окруженного Сталинграда будет держаться до последнего. Каждый день, каждый час, выигранный за счет стойкости, окажет решающее благоприятное воздействие на обстановку на других фронтах». Но и 11-й корпус погиб. В ночь на 2 февраля Штреккер сидел на КП боевой группы полковника Юлиуса Мюллера. В 4.00 два его генерала настаивали на том, чтобы прекратить боевые действия. Они уже условились с одним русским генералом о прекращении огня к 4.30. Штреккер сказал: «Делайте то, что вы считаете правильным» — и ушел. С рассветом бои прекратились и в северном секторе.

Битва за Сталинград завершилась. В 8.40 Штреккер передал в ставку фюрера радиogramму: «11-й корпус в составе своих шести дивизий выполнил свой долг». Шесть дивизий! Это было 80 тысяч человек.

И здесь из щелей, ям и развалин выходили последние исхудавшие, голодные солдаты, солдаты, закаленные в боях и часто упоминавшиеся в сводках дивизий, собирались в серые колонны. Их вели в степь: кажущиеся бесконечно длинными вереницы. Сколько их было? Споры об этом идут и по сей день. Но от объяснений людей не меняется облик десятков тысяч страданий, смертей и мужественных поступков. Поэтому констатируем следующее: согласно журналам боевых действий 6-й армии и ежедневным донесениям штабов корпусов, в соответствии с донесением от 22 декабря 1942 года об объемах продовольственного снабжения, в котле насчитывалось 249 600 немцев и их союзников. Кроме того, источники называют и цифру — 19 300 русских пленных либо добровольцев из местных гражданских лиц в качестве вспомогательного персонала. Из этих 249 600 офицеров и солдат самолетами было эвакуировано до 24 января 1942 года

42 000 раненых, больных и специалистов. 16 800 были взяты в плен в период с 10 по 29 января согласно советским сводкам.

В ходе капитуляции в период с 31 января по 3 февраля, согласно советским данным, в плен сдались 91 000 человек, по другим данным — 130 000 человек. 80 500 остались на поле битвы в Сталинграде: павшие, большей частью тяжелораненые, оставшиеся в последние дни без медицинской помощи, без продовольствия и ухода и не вывезенные в ходе капитуляции еще живыми. Русские дают информацию о том, что ими на полях боев было погребено 147 200 немцев. По-видимому, в это число не входят пленные, умершие после капитуляции от ран и голода.

Из тех от 107 800 до 120 000 человек, которые после капитуляции отправились в плен, вернулись на родину около 6 тысяч. В документах, принадлежащих Манфреду Керигу, число солдат 6-й армии, которые в феврале 1943 года сдались в плен, определяется цифрой в более чем 200 тысяч человек, включая раненых.

Генерал Артур Шмидт в своих пометках на полях возражает в отношении этих данных как приблизительно оценочных на том основании, что, например, отпускники и солдаты других частей, не находившиеся в котле, не были учтены. А это 70—80 тысяч человек.

3 февраля 1943 года лейтенант Герберт Кунц из 100-й бомбардировочной авиагруппы кружил на своем «Хейнкеле-111» над Сталинградом в качестве последнего немецкого пилота.

«Посмотрите, не идут ли где-либо еще бои, не видно ли еще людей, — сказал его командир капитан Беттхер. — Если обнаружите, сбросьте им груз». Грузом были хлеб, шоколад, перевязочные материалы, немного боеприпасов. Кунц кружил над городом на высоте 2000 м. Ни единого выстрела зениток. Над степью навис плотный туман. Штурман Ганс Аннен посмотрел вниз на радиста Вальтера Кребса. «Ничего». Кунц прижал машину ближе к земле. Альтиметр показывал 100 метров, 80 метров... Стрелок-радист Паске смотрел во все глаза. И вот туман снесло в сторону: на высоте всего лишь 60 метров они скользили над изрытой взрывами и ходами сообщений степью, полем битвы.

Кунц рывком возвратил самолет на прежнюю высоту, ведя поиск дальше. «Вот-вот, разве это не люди, так видны сквозь остатки тумана? Сбросить груз!» — скомандовал он. Груз выскользнул наружу. Буханки хлеба упали в снег Сталинграда. Рядом с мертвыми, застывшими от холода и рядом с теми, кто еще был жив и ждал смерти.

Может быть, хлеб нашла одна из маленьких групп, пытавшихся прорваться к своим. Многие сделали это: старшие офицеры с целыми боевыми группами, например, из штаба 4-го корпуса и из 71-й пехотной дивизии. Лейтенанты и фельдфебели в ночь и сквозь туман шли вместе с уцелевшими солдатами. Унтер-офицеры, ефрейторы, стрелки, артиллеристы, втроем, вдвоем, в одиночку, таясь, выбирались через развалины из города. Отдельные группы замечались в степи с воздуха экипажами самолетов вплоть до середины февраля. Потом они куда-то исчезали. Только об одном унтер-офицере с зенитной батареи по фамилии Нивеге сообщается, что ему удалось выжить и выйти из окружения. Но через сутки после своего спасения он погиб на перевязочном пункте 11-й танковой дивизии от разрыва случайной мины.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ

Фюрер и Верховный
главнокомандующий Вермахта
Верховное командование
Вермахта/Вольфшанце № 55616/42,
Совершенно секретно/
только для командования
Вручение только через офицера
фельдъегерской службы

Ставка фюрера 5.04.1942
14 копий
4-я копия

ДИРЕКТИВА 41

Зимняя кампания в России приближается к своему завершению.

Вследствие превосходящей храбрости и самоотверженной боеспособности наших солдат на Восточном фронте достигнуты небывалые доселе военные успехи немецкого оружия.

Противник понес тяжелейшие потери в живой силе и технике. В своем стремлении использовать призрачные начальные успехи он также в значительной степени израсходовал массу своих резервов, предназначенных для использования в последующих боевых операциях этой зимы.

Как только позволят погодные условия, превосходство немецкого командования и боевая выучка немецких войск, нам необходимо вернуть себе стратегическую инициативу с тем, чтобы мы получили возможность навязать противнику свою волю.

Целью является окончательное уничтожение пока еще сохраняющих боеспособность вооруженных сил Советов и лишение их в максимальной степени важнейших военно-хозяйственных источников для ведения войны.

Для этого привлекаются все наличные силы и средства Вермахта и его союзников. Но при этом должны, безусловно, оставаться обеспеченными в военном отношении все оккупированные территории на западе и востоке Европы, особенно морские побережья.

I. ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ

При условии преемственности всех изначальных принципиальных положений проведения Восточной кампании задача заключается:

а) во взятии Ленинграда на севере и установлении сухопутной границы с Финляндией при одновременном продолжении операций сухопутных войск в центре; на южном фланге — сухопутных сил — обеспечение прорыва с боями в район Кавказа. Эта цель может быть достигнута лишь поэтапно, принимая во внимание военную ситуацию, сложившуюся после зимней кампании, наличные силы и средства и транспортные условия.

Поэтому прежде всего следует объединить все имеющиеся в нашем распоряжении силы для решения задач разгрома противника за Доном и затем перейти Кавказский хребет и овладеть источниками нефти в регионе Кавказа. Это при условии окончательной блокады Ленинграда и взятии территории Ингерманландии под наш полный контроль.

II. ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ

А) Первой задачей сухопутных войск и военно-воздушных сил после окончания распутицы является создание предпосылок для проведения главной операции.

Это требует стабилизации и дальнейшего укрепления положения на всем Восточном фронте и в тылу сухопутных войск для того, чтобы сконцентрировать за счет этого возможно более крупные силы для проведения главной операции, на других же фронтах, тем не менее, быть в готовности отразить любое наступление противника минимально необходимыми силами. Там, однако, где в этих целях должны проводиться наступательные операции с ограниченными задачами согласно моим указаниям, следует обеспечить подавляющее превосходство наступательных сил и средств как сухопутных войск, так и ВВС для достижения быстрых и решаю-

ших успехов только за счет этого, и, прежде всего, поэтому станет возможным снова укрепить в наших войсках чувство безусловной уверенности в победе, а врагу навязать осознание своей безнадежности.

Б) Ближайшими задачами в этих рамках являются:

В Крыму — очистить Керченский полуостров и взять Севастополь; ВВС, а вслед за ними и военно-морской флот получают приказ воспрепятствовать решительными мерами подвозу и снабжению противника в Черном море и в Керченском проливе для обеспечения приготовлений к нашим вышеназванным боевым операциям.

На юге по обе стороны реки Изюм необходимо отрезать и уничтожить противника, прорвавшегося в районе реки Донец.

Прочие необходимые меры по стабилизации фронта на центральном и северном его участках могут быть рассмотрены и решены только по завершении текущих боевых действий и окончании периода распутицы. Для выполнения этих задач следует подготовить все необходимые силы и средства за счет выравнивания линии фронта, как только позволит ситуация.

Главная операция на Восточном фронте. Ее цель, как уже подчеркивалось ранее: после выполнения Кавказским фронтом своих задач нанести решающее поражение силам русских, дислоцирующимся в районе к югу от Воронежа и к западу и к северу от Дона, и уничтожить их. Эта операция должна быть проведена поэтапно, что вызвано условиями прибытия в эти районы необходимых частей и соединений, однако сами наступления должны проводиться скоординированно и дополнять друг друга. В этих целях они должны быть согласованы в пространстве в направлении с севера на юг и во времени таким образом, чтобы в каждом конкретном случае была обеспечена, кроме того, высочайшая концентрация мощи как сил сухопутных войск, так и особенно ВВС на решающих участках и направлениях.

Вследствие проявившейся на сегодняшний день в достаточной степени невосприимчивости русских к окружению их сил на оперативном уровне, необходимо решающее значение придать обеспечению плотного флангового охвата их сил в случае отдельных прорывов аналогично тому, как это было в двойной Вяземско-Брянской операции.

Необходимо лишить противника возможности избежать поражения, которой он может воспользоваться в случае запоздалого маневра наших частей и соединений по охвату.

Необходимо предотвратить слишком быстрое продвижение на значительное расстояние танковых и моторизованных сил, чтобы они не отрывались от пехоты, а также для того, чтобы, в свою очередь, танковые и моторизованные силы смогли непосредственно поддержать сражающуюся пехоту в тылу зажатых по флангам русских армий.

Таким образом, необходимо в каждом отдельном случае в рамках оперативной цели обеспечить разгром противника при любых обстоятельствах за счет факторов безупречного в военном отношении замысла и качества управления боевыми действиями войск.

Началом общей операции должно стать охватывающее наступление либо прорыв из района южнее Орла в направлении на Воронеж. Из двух выделенных для проведения операций по охвату группировок танковых и моторизованных дивизий большей боевой мощью должна обладать группировка, дислоцированная на севере, чем та, которая дислоцирована на юге. Цель прорыва — взятие Воронежа. В то время как задачей части пехотных дивизий станет создание мощного оборонительного рубежа от исходной точки наступления (Орел) в направлении на Воронеж, задачей танковых и моторизованных соединений будет развитие своим левым флангом, придвинутым к Дону, наступления в направлении на юг в целях поддержки второго прорыва, в направлении на Харьков и далее на восток, считая от исходного рубежа всего наступления. И в этом случае приоритетной задачей является не «продавливание» русского фронта как такового, а уничтожение сил русских во взаимодействии с продвигающимися в направлении нижнего течения Дона моторизованными соединениями.

Третье наступление в рамках этой операции должно быть проведено таким образом, чтобы продвигающиеся в направлении к устью Дона части и соединения соединились в Сталинграде с теми силами, которые нанесут удар из района Таганрог — Артемовск между нижним течением Дона и Ворошиловградом и далее будут продвигаться через Донец в направлении на восток. Эти последние в заключение должны обеспечить соединение с танковой армией, выдвигающейся к Сталинграду.

Если в ходе этих операций представится возможность создания плацдармов восточнее либо южнее Дона, особенно вследствие взятия мостов, не обеспеченных охранением, то такую возможность следует безусловно использовать. Во всяком случае, следует попытаться достичь Сталинграда либо таким образом воздействовать на него силой нашего оружия, чтобы он утратил свое значение как транспортный узел и центр оборонной промышленности.

Особенно желательным было бы в случае удачи заполучить либо оставшиеся без охранения мосты, например в районе Ростова, либо обеспечить охранением мосты к югу от Дона в целях дальнейшего осуществления операций, предусмотренных на более поздние сроки.

В целях предотвращения возможного отхода значительных сил русских войск, дислоцированных севернее Дона, через реку в направлении на юг, важно обеспечить подкрепления левому флангу группировки, наступающей из района Таганрога в направлении на восток, посредством придания танков и других мобильных сил, которые в случае необходимости могут быть сформированы в порядке импровизации.

В соответствии с необходимостью развития этих наступлений необходимо не только обратить внимание на эффективное обеспечение северо-восточного фланга наступательной операции, но также и на незамедлительное оборудование и расширение позиций, примыкающих к Дону.

Решающее значение следует придать эффективнейшим оборонительным мерам на танкоопасных направлениях. Позиции должны изначально оборудоваться в инженерном отношении таким образом, чтобы их можно было при необходимости использовать в зимнее время, и в этом смысле должны быть задействованы все силы и средства.

Для обеспечения все более и более растягивающейся в ходе операции линии фронта следует в первую очередь задействовать части и соединения союзных войск таким образом, чтобы немецкие войска применялись как надежная опора на линии Дон — Орел, а также на Сталинградском перешейке, в остальном же отдельные немецкие дивизии оставались бы наготове за линией Донского фронта в качестве резерва для быстрого реагирования.

Союзные войска на отведенных им участках должны задействоваться в большинстве случаев таким образом, чтобы северные участ-

ки были обеспечены венгерскими войсками, затем итальянскими и на крайних южных участках — румынскими войсками.

Быстрое продвижение через Дон в направлении на юг в целях решения оперативных задач должно быть обеспечено с учетом погодных условий в зависимости от времени года.

Подписано: *Адольф Гитлер*

СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ НАЧАЛА ГЕРМАНО-СОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ 1941 ГОДА

«Германо-советская война 1941—1945 гг. вызвала к жизни массу противоречивых, ошибочных и вводящих в заблуждение суждений и оценок. Многие авторы, особенно западногерманские, склоняются к односторонней перспективе анализа, а именно что в 1939 г. лишь только один Гитлер преследовал агрессивные цели, в то время как сталинский Советский Союз был страной миролюбивой и заинтересованной лишь в дальнейшем строительстве социализма. Эта версия нашла свое отражение в большинстве случаев в тезисе о «нападении Германии на (миролюбивый) Советский Союз». Эта аргументация зачастую отмечена сознательным затушевыванием либо сокрытием фактов и ключевых документов. Она пытается оперировать ссылками на советские архивные источники, в массе своей еще не раскрытые, и не признавать одновременно наличия достаточного количества надежных источников, которое сегодня позволяет вынести относительно однозначные суждения».

23 августа 1939 г. — заключение пакта между Гитлером и Сталиным, содержавшего секретные протоколы о сферах влияния и о разделе Польши.

«При заключении пакта для Сталина было важно то обстоятельство, что теперь, наконец, разразится война между обоими лагерями, на которые разделился мир капитализма. Сталин просчитал, что Гитлер, как это явствовало из соображений безопасности для него, только в том случае решится на крупную акцию с применением военной силы, если за счет пакта с Советами будет обеспечен его тыл.

Потому именно Сталин и инициировал и начал сближение с Германией, преодолевая препятствия на этом пути».

19 августа, за четыре дня до заключения пакта, на секретном заседании Политбюро он выступил с речью, в которой изложил побудительные причины своей политики.

В этой речи он, в частности, сказал: «Если мы заключим договор о союзе с Францией и Великобританией, то Германия почувствует необходимость отказаться от притязаний на Польшу и искать способа сосуществования с западными державами. Таким образом, войны можно было бы избежать, и более позднее развитие событий могло бы принять для нас опасный характер. Если, с другой стороны, мы примем предложение Германии, то наверняка дело дойдет до войны с Польшей, а интервенция Англии и Франции станет неизбежной. У нас появятся большие шансы... и мы сможем ожидать своего часа, обладая преимуществом. Вот что в наших интересах».

24 августа 1939 г., днем спустя после заключения пакта, Сталин сказал Хрущеву: «Я провел Гитлера, одурачил его».

16—22 июня 1940 г. — в то время как Германия была связана Французской кампанией, Россия осуществляет оккупацию прибалтийских стран и объявляет их советскими республиками.

24 июня 1940 г. — Сталин в ультимативной форме требует от Румынии Бессарабию и Северную Буковину и отдает приказ Красной Армии на оккупацию этих территорий. Этим актом Россия была приближена к румынским нефтяным месторождениям, важным для ведения войны с Германией.

До конца июля 1940 года Советский Союз увеличивает численность своей армии на западной границе от Финского залива до Черного моря до 113 дивизий и 28 мотомеханизированных бригад. Немецкая сторона располагала 6 дивизиями прикрытия и 27 румынскими дивизиями.

12—13 ноября сталинский министр иностранных дел Молотов в ходе своего визита в Берлин выдвинул требования почти ультимативного характера о территориальных притязаниях России на Балканах, в Финляндии, в районе Дарданелл и на выходах из Балтийского моря. Гитлер отклоняет их.

1 мая 1941 г. в Красную Армию призываются 800 000 резервистов, штабы дивизий и корпусов в западных приграничных округах получают приказ выдвинуться ближе к границе и оборудовать фронтовые КП.

Соотношение сил на советско-германской границе выглядело следующим образом.

У России: 118 стрелковых дивизий, 20 кавалерийских дивизий, 49 танковых бригад.

У Германии: 77 пехотных дивизий, 3 танковые дивизии. При таком составе немецких сил, особенно если учесть довольно скромные танковые силы, немецкое наступление практически было исключено.

15 мая 1941 года нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков в своем совместном докладе Сталину потребовали приказа на выступление против Германии. В нем говорится: «С учетом того факта, что Германия в настоящее время проводит мобилизацию своей армии и широкое ее тыловое обеспечение, она имеет возможность опередить нас и нанести внезапный удар. В целях избежания этого мы считаем необходимым ни в коем случае не отдавать инициативу в руки немецкого командования, опередить противника и атаковать немецкую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания». Красная Армия, таким образом, 15 мая 1941 года стояла, готовая к прыжку на восточной границе Германии, и, по всей вероятности, могла в кратчайшие сроки начать наступление.

22 июня 1941 г. — нападение Германии на Советский Союз.

Силы Германии: 3 группы армий в составе 123 дивизий, из них 17 танковых и 33 дивизии союзников, 3300 танков, 2000 боевых самолетов.

Согласно современным данным Россия имела: первый эшелон в составе 5 групп армий (фронтов. — *Прим. ред.*) в составе 170 дивизий, 46 механизированных соединений, 10 000 танков, из них 1475 — типов Т-34 и КВ, превосходящих по своим тактико-техническим характеристикам немецкие машины. За ним дислоцировался второй эшелон в составе 70 дивизий и 8000 танков. С 13 июня продолжалось выдвижение этих сил на западную границу; они должны были выйти на свои позиции 10 июля.

Если бы немецкая армия не начала боевые действия 21 июня, то Красная Армия стояла бы в полной готовности на своих позициях в составе 240 дивизий, 29 мехкорпусов, 20 000 танков и 10 000 боевых самолетов. В готовности к чему?

Ответ на этот вопрос дает газета «Правда», официальный орган русской компартии, в номере от 8 мая 1991 года, в годовщину капитуляции Германии, что реализация немецкого плана «Барбаросса» столкнулась по времени с осуществлением наступательного развертывания войск Красной Армии. Дословно: «Вследствие переоценки

собственных возможностей и недооценки возможностей противника перед войной разрабатывались нереалистичные планы наступательных действий. В их духе началось формирование группировок советских вооруженных сил на западной границе. Но противник нас опередил».

Тем самым «Правда» подтверждает то, о чем уже давно можно было сделать вывод из немецких военных публикаций и советских мемуарных источников: немецкое наступление 21 июня 1941 года было объективно превентивным ударом.

Список литературы в русском переводе, цитированный выше в этом разделе:

1. Проф. *Хорнун Клаус*. Знак столетия, 1992. Из рукописного варианта перед сдачей в печать.

2. *Гутхардт Конрад*. Превентивный удар, или нападение. Неопубликованные результаты документальных исследований, 1992. В кн.: Шрам Готфрид. Основные характеристики германской восточной политики в 1918—1939 гг. С. 16 и след.

3. *Суворов Виктор*. Ледокол, 1989; *Виллинг Георг Ф.* Вторая мировая война, 1988. С. 139.

4. *Хрущев Никита*. Воспоминания. Нью-Йорк, 1981. С. 69.

5. Сравнительный обзор по вопросу усиления Красной Армии с 1.9.1929. Доклад Верховного командования Вермахта Министерству иностранных дел, приложение к 944/41-9. GKDOS.

6. Д-р *Пост Вальтер*. К предыстории германо-советской войны в ракурсе оценки советской историографии. CRITICON.

7. Май/июнь 1991 г. По В. Суворову и др. Журнал боевых действий Верховного командования сухопутных войск Вермахта; *Волкогонов Дмитрий*. Сталин — триумф и трагедия. 1989. С. 557; *Маршал Жуков*. Воспоминания и размышления. 1969. С. 195—201.

8. Правда. 1991. 8 мая. Текст по публикации проф. Топича в газете «Ди Вельт», 7.12.1991.

СТАЛИНГРАДСКАЯ ТРАГЕДИЯ: ОЦЕНКИ И СУЖДЕНИЯ

Адольф Гитлер фельдмаршалу фон Манштейну, от 5.02.1943 г.

«За Сталинград один я несу ответственность! Я, вероятно, мог бы сказать, что Геринг неверно информировал меня о возможностях снабжения воздушным путем с использованием самолетов Люфтваффе, и свалить тем самым как минимум часть ответственности на него. Но он является моим преемником, мною же назна-

ченным, и поэтому я не могу обвинять его в том, что случилось в Сталинграде».

Генерал фон Зейдлиц, командир 51-го армейского корпуса 6-й армии, в своих мемуарах: «Никогда бы не случилось этой катастрофы с попыткой деблокирования окруженных войск, если бы Гитлер не цеплялся от начала до конца, как сумасшедший, за Сталинград».

Фельдмаршал фон Манштейн, командующий группой армий «Дон»:

«Окружение 6-й армии могло бы быть предотвращено только в том случае, если бы она в самые первые дни наступления противника предприняла боевые действия по прорыву... Отдать приказ на это было делом высшего командования. Конечно, и генералу Паулюсу самому следовало принять аналогичное решение (выйти из Сталинграда). Вероятно, он не был в состоянии принять его своевременно в той мере, в какой это было бы возможно сделать Главному командованию сухопутных войск, поскольку он (Паулюс) не мог быть проинформирован о положении в соседних армиях. Когда он 22 или 23 ноября запросил разрешения на прорыв армии в направлении на юго-запад, решающий момент для этого был уже упущен. Генерал Паулюс знал Гитлера; он знал и о том, что Гитлер приписал себе заслугу в том, что зимой 41-го спас немецкую армию от катастрофы, подобной наполеоновской, за счет отдачи приказа держаться любой ценой. Он должен был отдавать себе отчет, что Гитлер после своей речи [речи в мюнхенской пивной «Левенбройкеллер»] никогда не согласился бы на эвакуацию города... Итак, единственной возможностью было поставить Гитлера перед свершившимся фактом отхода армии от Сталинграда, тем более что высшее командование в течение 36 часов хранило молчание о том, что это произошло. То, что подобные действия генералу Паулюсу при определенных обстоятельствах могли бы стоить головы, — это однозначно вероятно. Однако можно предположить, что Паулюсу своей властью предпринять то, что он считал правильным, мешала не озабоченность своей судьбой, а лояльность по отношению к Гитлеру, которая повлияла на запрос разрешения у Гитлера на прорыв армии из кольца».

Генерал Ганс Дерр, офицер Генштаба и командир дивизии, сражавшийся в войне с Россией, в своей книге «Поход на Сталинград»:

«Когда Гитлер 24.11 запретил прорыв 6-й армии из кольца окружения, армия была еще полностью боеспособной. Даже если командование фронтом придерживалось мнения о том, что не было иного решения, кроме прорыва с боями, то нет доказательств того, что наступление с задачей прорыва удалось бы и что обещание снабжения воздушным путем провалилось бы. Нарушение правила воинского повиновения приказу в тот день 24.11 не могло быть одобрено; его и сейчас просто так нельзя одобрить; подобные действия могут быть оценены в зависимости от их успеха или неуспеха лишь только самой историей.

Уже 22.12 положение 6-й армии решающим образом ухудшилось. Наступление с задачей вызволения, предпринятое армейской группой Гота, провалилось, и обещанное снабжение по воздуху не было обеспечено. Тем не менее армия все еще сохраняла свою боевую мощь и находилась на удалении лишь 65 км от ближайших позиций немецких войск. Ей удалось бы в той общей ситуации спасти большую часть своей боевой техники, снаряжения, материалов и запасов. Поскольку достаточно ясно можно было предвидеть, что этот шанс на спасение сохранялся лишь в течение нескольких дней и не мог представиться еще раз, действия вопреки приказу Гитлера были бы оправданными. 8 января предпосылок к прорыву из окружения уже более не имелось, так как армия уже не была боеспособной, а позиции немецких и союзных войск находились на удалении 200 км».

Генерал бундесвера в отставке Франц Уле-Веттлер в своей книге «Немецкая военная история»:

«Добровольный отход из района Кавказа или Сталинграда дал бы немцам возможность, опираясь на мощные резервы, спокойно ожидать зимнего наступления русских. Однако немецкое руководство не было достаточно информировано о своем противнике для того, чтобы прийти к такому трудному решению... Действительно, где и когда еще в истории имеется пример того, что полнокровная мощная сухопутная армия, одержавшая блестящие победы, окажется лицом к лицу со своим поражением. Подобное решение требовало гораздо большей мудрости и уверенности в себе, чем дано было большинству военачальников и, конечно, Гитлеру. Но и другой исход битвы за Сталинград вряд ли привел бы к другому исходу войны, чем это произошло на самом деле. Россия по причине своей громадности вообще, своих расстояний в частности могла быть побеждена только русскими. Более миллиона русских

служили во время Второй мировой войны на стороне немцев... Факт, неслыханный в истории войн. Более 20 000 из них сражались и умирали в Сталинграде. Вероятно, лишь немногие из этих русских сражались за Гитлера или за национал-социалистическую Германию, в то время как большинство их — за погибель серпа и молота».

Маршал Чуйков, защитник Сталинграда, от 31 января 1942 г. (слова в передаче Зейдлица, из его воспоминаний):

«Вопрос немецким генералам: «Почему вы не предприняли попытку выхода из окружения? Вначале мы этого очень опасались».

Маршал Жуков, заместитель Верховного главнокомандующего, в своих мемуарах:

«Какие обстоятельства способствовали катастрофе немецких войск и нашей исторической победе? Крах всех стратегических планов Гитлера в 1942 году был следствием недооценки сил и возможностей Советского государства, моральной силы его народа и переоценки собственных сил и возможностей собственных войск со стороны гитлеровских фашистов».

Манфред Кериг в сборнике: «Сталинград. Труды по военной истории военно-исторического научного управления»:

«Взятие нами Сталинграда не удалось по трем причинам:

— отсутствия необходимых сил пехоты;

— нехватки боеприпасов для нашей тяжелой артиллерии;

— отсутствия не в последнюю очередь опыта уличных боев у наших войск.

На счет этого последнего фактора следует отнести большие потери. Лишь только незадолго до окончания войны мы собирались уделить этому виду современных боевых действий должное внимание в системе обучения войск».

Иоахим Видер, офицер связи армейского корпуса из состава 6-й армии, в своей книге «Сталинград и ответственность солдата» переносит проблему из военно-исторической сферы в сферу моральную и в этой связи приводит слова из завещания генерала Людвиг Бека, бывшего начальника Генштаба до войны:

«Недостатком масштабности и понимания своих задач может служить пример того, когда солдат, занимающий высший командный пост в такие времена, видит свой долг и свои задачи только лишь

в узких рамках приказов, отдаваемых ему, не осознавая своей высочайшей ответственности перед всем народом.

Чрезвычайные времена требуют чрезвычайных мер».

Генерал Артур Шмидт, начальник штаба 6-й армии, в записках, составляющих его авторское наследие:

«Внешне мы должны были демонстрировать уверенность ради того, чтобы не была поколеблена воля к сопротивлению и стойкость. Только этому обстоятельству мы обязаны тем, что армия была в состоянии вести боевые действия еще в течение нескольких дней. Это ничего общего не имело с доверием к Гитлеру. Движущими пружинами наших тогдашних действий были не «доверие к Гитлеру» или «дух противоречия», а выражение нашего долга и его выполнение по отношению к Германии: даже если армия погибнет, война еще может и должна быть выиграна. Это могло быть обеспечено нашей длительной стойкостью, сковывавшей русские силы, — в этом духе следует понимать наши призывы к войскам и радиogramмы в адрес Гитлера или Манштейна».

Вальтер Герлиц во введении к своей книге «Паулюс — я стою здесь по приказу, наследие фельдмаршала»:

«Тот, кто занимается военной историей, будет постоянно задавать себе вопрос, не следовало ли бы Паулюсу в те дни (Рождества 1942 г.) действовать ради своей армии, еще сохранявшей свою мощь, еще жившей надеждой на прорыв из окружения, готовой сражаться как львы — действовать, не спрашивая более ни о чем ни у Манштейна, ни у Гитлера. Тем более что Манштейн, прусак старой школы, подобные действия покрыв бы. Может быть, подобным образом поступил бы Карл XII, шведский король, может быть, фельдмаршал Рейхенау либо фельдмаршал Модель, эти последние, верные своей тактике, доложили бы Гитлеру о том, что они действовали в его духе и поэтому отдавали приказы, соответствовавшие этому духу. Именно так поступил Рейхенау, когда он вопреки приказу Гитлера отвел группу армий «Юг» от Миуса. Основательный Паулюс, хладнокровно и многократно взвешивавший каждое свое решение, солдат-мыслитель, он был из другого теста».

И вот слова фельдмаршала Паулюса:

«Какие убедительные и точные аргументы могли быть приведены командующим 6-й армией в пользу своего противоречащего при-

казам поведения перед противником без знания фактического исхода? Разве в принципе угрожающая безысходность или субъективно осознаваемая полководцем безысходность таит в себе право на неподчинение приказу?

В случае Сталинграда вопрос о полной безысходности совершенно не означал однозначной реакции «да», не говоря уже о том, что его следовало рассматривать как субъективно однозначный, если отвлечься от последней стадии. От какого нижестоящего командира я мог бы или имел бы право позднее в аналогичной тяжелой ситуации (по его мнению) требовать повиновения?

Разве перспектива собственной смерти, гибель или пленение собственных войск освобождает ответственного за все это от закона солдатского повиновения?

На эти вопросы я хотел бы сегодня для себя самого, а также перед лицом собственной совести найти ответы.

Тогда подобные действия с моей стороны не могли бы быть поняты ни Вермахтом, ни народом. В своих последствиях они были бы восприняты ими как явно бунтарский, политический акт против Гитлера. Остается открытым также вопрос и о том, не сыграл ли бы я на руку Гитлеру за счет оставления Сталинграда без приказа, в том смысле, что позором были бы покрыты трусость и недисциплинированность генералов, и на них взвалили бы всю вину за все более грозно вырисовывавшееся тогда военное поражение...

Ошеломляющее по своей сути, сознательное инициирование поражения с тем, чтобы свалить национал-социалистическую систему в качестве препятствия к окончанию войны, не взвешивалось мной когда-либо, не осознавалось мной никогда в какой-либо форме как следствие из всего объема моих полномочий как командующего.

Подобные мысли находились тогда вне диапазона моих размышлений. Они также были несвойственны моей сути, моей натуре. Я был солдат и верил тогда, что своей верностью дисциплине и приказу служу моему народу. Что же касается ответственности подчиненных мне офицеров, то они в тактическом отношении, выполняя мои приказы, находились в таком же вынужденном положении, как и я в рамках крупномасштабной оперативной ситуации и в рамках отдававшихся мне приказов.

Перед личным составом 6-й армии — ее солдатами и командирами, а также перед немецким народом я несу ответственность за то, что я выполнял приказы держаться. отдававшиеся высшим руководством».

ТЕКСТЫ ПОСЛЕДНИХ РАДИОГРАММ ИЗ СТАЛИНГРАДА

Фридрих Паулюс

«Фюреру!»

6-я армия шлет поздравления своему фюреру в годовщину Вашего прихода к власти. Флаг со свастикой еще реет над Сталинградом. Пусть наша борьба станет для живущих и будущих поколений примером того, что даже в самом безнадежном положении никогда не следует капитулировать — только так будет обеспечена победа Германии.

Хайль, мой фюрер!

Паулюс, генерал-полковник.
Сталинград, 29.1.1943, в полдень».

Адольф Гитлер

30.1.1943

«Мой генерал-полковник Паулюс, уже сегодня весь немецкий народ с волнением смотрит на этот город. Как и всегда ранее в мировой истории, эта жертва не будет напрасной.

«Исповедь» Клаузевица воплотится в жизнь. Только теперь немецкая нация осознает всю тяжесть этой борьбы и сможет принести величайшие жертвы.

В мыслях всегда с Вами и Вашими солдатами.

Ваш Адольф Гитлер».

104-й зенитно-артиллерийский полк

30.1.1943. 19.50

«Донесение штаба 8-го авиакорпуса командованию 4-го воздушного флота.

Сражаясь в руинах подвала на Красной площади Сталинграда под грохот вражеского обстрела, мы услышали обращение нашего фюрера. Оно придало нам мужества и решительности в последние часы борьбы за развалины оплота красных на Волге. Над нами реет флаг со свастикой. Приказ нашего Верховного главнокомандующего будет выполнен до конца. Верные сыны родины помнят о ней. Да здравствует фюрер!

104-й зенитно-артиллерийский полк,
полковник Розенфельд».

Герман Геринг

«Когда-нибудь в будущем о борьбе и сражениях 6-й армии скажут с гордостью, что по мужеству это был пример Лангемарка, по стойкости — Алькасара, по храбрости — Нарвика, по жертвенности — Сталинграда».

«6-я армия может считать своей немеркнущей честью и славой то обстоятельство, что она спасла Германию».

Фридрих Паулюс

31.1.1943

«6-я армия, верная присяге Германии, сражалась до последнего человека и последнего патрона и, осознавая свою важную и высокую миссию, стояла до последнего за фюрера и отечество.

Паулюс».

Адольф Гитлер

1.2.1943. 17.25

«Группа армий «Дон», 11-му армейскому корпусу.

Я ожидаю, что северный сектор Сталинградского котла будет держаться до последнего. Каждый день, каждый час, выигрываемый за счет Ваших усилий, окажет решающую помощь всему фронту.

Адольф Гитлер».

**ПАУЛЬ КАРЕЛЬ
ГЮНТЕР БЁДДЕКЕР**

**НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
ВЕРМАХТ ЗА КОЛЮЧЕЙ
ПРОВОЛОКОЙ**

Пленные волки

Выловленные из Атлантики

Сорок тысяч немецких подводников во время Второй мировой войны были опаснейшими противниками Великобритании. Их успешные действия в океанах приближали поражение Англии.

Уинстон Черчилль, первый лорд Адмиралтейства, а позднее — премьер-министр Великобритании, душа войны против Германии, выразил это так: «Среди потока бурных событий царствовал страх за наше существование: битвы могут выигрываться и проигрываться, операции могут удаваться и проваливаться, территории можно завоевывать и сдавать, но решающим условием для нашей возможности продолжать войну или хотя бы поддерживать нашу жизнь было владение морскими путями, а также свободным доступом в наши гавани. Единственное, чего я действительно боялся во время войны, была угроза, которую представляли подводные лодки».

Этот страх был понятен, так как выживание острова Англия зависело от его трех тысяч торговых судов, которые доставляли из-за моря продовольствие, нефть и почти все виды промышленного сырья. Англия бы обанкротилась и голодала, если бы немецкие подводные лодки перерезали жизненно важные пути к острову.

Таким образом, немецкий подводный флот был ключом к победе над Англией. И борьба с немецкими подводными лодками стала для Англии главной проблемой. Победа или поражение были связаны с ней неразрывно.

Англия выиграла это состязание, чему существенно способствовало раскрытие шифров немецкого военно-морского флота — основы тактического, оперативного и стратегического управления действиями подводных лодок в Атлантике.

Разгадка немецкого радиокода была альфой и омегой борьбы с подводными лодками Германии. Для этого было нужно добыть коды

и экземпляр военно-морской шифровальной машины, так называемый Ключ М, имевшиеся на каждом боевом корабле и на каждой подводной лодке. Захват немецкой подводной лодки, получение доступа к секретным кодам немецких радиопереговоров стали чрезвычайно важными целями британского Адмиралтейства. Их надо было добиться любой ценой. И никакие трудности не могли помешать их достижению. Никакие.

Около полудня 9 мая 1941 года немецкая подводная лодка U 110 шла в надводном положении вблизи Хебридена. Ее командир, капитан-лейтенант Лемп, стоял с вахтой на мостике, все смотрели в бинокли.

Они наблюдали за конвоем, который выслеживали уже второй день. Сейчас они находились на хорошей позиции для атаки, прямо перед подходящими колоннами кораблей. Лемп, двадцатисемилетний отчаянный малый, 3 сентября 1939 года потопил по ошибке первое во Второй мировой войне судно — пассажирский пароход «Атения». На этот раз он точно осмотрел приближающееся корабельное стадо и принял решение взяться сначала за 15 000-тонную крупную старую посудину, в которой угадывалась плавучая китобойная база.

Лодка погрузилась, чтобы атаковать подходящий из-за горизонта конвой из подводного положения. Вдруг Лемп увидел, как один из сопровождавших конвой корветов пошел на него.

Срочное погружение на 60 метров. Лодка слегка накренилась, но корвет «Аубретия» уже подошел и сбросил серию глубинных бомб. Сюда же направились еще два британских эсминца, принявшие участие в погоне.

Массированное и прицельное бомбометание не осталось без последствий. У подлодки Лемпа вышли из строя руль глубины и один из электродвигателей. Были разбиты некоторые из аккумуляторных батарей, образовавшийся хлор распространился по лодке. Старшему механику уже почти удалось остановить погружение лодки, но потом она снова пошла на глубину. Тогда командир приказал продуть балластные цистерны, и U 110 выскочила словно пробка на морскую поверхность.

Едва над водой появилась цель, три британских корабля из своих орудий открыли огонь по смертельно раненной U 110. Лемп не видел шансов ни на оборону, ни на бегство. И когда британский эсминец «Бульдог» на полном ходу пошел к лодке, чтобы, как понял Лемп, протаранить ее, отдал приказ: «Всем покинуть корабль!»

Лемп последним прыгнул с рубки в волны и поплыл от лодки, корма которой уже погрузилась, а половина рубки и нос еще оставались на поверхности.

Но Лемп не знал, что с тех пор, как число потопленных судов сделало зримой опасность подводной войны для судьбы Англии, то есть с весны 1941 года, британским Адмиралтейством был отдан настоящий приказ всем командирам эсминцев и эскортных кораблей предпринять все для захвата подводной лодки или, если она не в состоянии оставаться на плаву, для ее осмотра перед затоплением, чтобы в любом случае достать шифровальные коды.

У командиров на борту были специально подготовленные группы захвата, состоявшие из отчаянно храбрых парней, знавших устройство подводных лодок, прежде всего места расположения устройств управления продувкой балласта, и готовых рискнуть жизнью, чтобы раздобыть чрезвычайно важные немецкие радиокоды.

В приказе особо подчеркивалось требование, чтобы об осмотре подводной лодки не стало известно ни одному немцу. Только тайный захват кодов обеспечивал то условие, что германское Адмиралтейство не изменит систему шифров и шифровальную машину. Это значило, что команда немецкой подводной лодки, оставившая подводную лодку перед затоплением, не должна была заметить группу захвата, что было возможно лишь в том случае, если команда очень быстро отплывет от лодки и потеряет ее из виду, если плавающий в воде экипаж утонет или будет расстрелян.

Командир эсминца «Бульдог» командер Бейкер-Кресуэлл тоже знал о приказе от 9 мая о захвате подводных лодок.

В том, что экипаж U 110 прыгнул в воду, а лодка еще не совсем затоплена, он увидел свой большой шанс.

Командер Бейкер-Кресуэлл не стал таранить U 110, а смелым маневром повернул у ее борта, спустил шлюпки, выловил барахтающийся в воде экипаж и приказал отправить его в трюм, пока группа захвата поднималась на борт и на рубку медленно погружавшейся U 110.

Никто не видел происходящего. Никто?

Ошибка! Один человек еще плыл в воде рядом с лодкой. Очевидно, ловцы его просмотрели: это был капитан-лейтенант Лемп, последним прыгнувший с рубки.

Что произошло потом, выглядит по ставшим лишь недавно доступным британским документам так: Лемп, находясь в воде, увидел группу захвата и, очевидно, с ужасом понял, что его лодка перед зато-

плением будет осмотрена. Поэтому он снова подплыл к U 110, чтобы подняться на борт и затопить ее.

Чтобы не допустить этого, Лемпа застрелил один из людей группы захвата.

Группе захвата повезло. Вооружившись водонепроницаемыми карманными фонариками, ее люди нашли великую тайну, волшебную палочку от угрозы подводной войны: Ключ М со всеми тщательно оберегаемыми кодировочными валиками, шифровальными блокнотами, журналом кратких кодовых сигналов для подводных лодок, а также таблицы кодовых установок на следующие два месяца, отпечатанные растворимой в воде краской.

Коммандер Бейкер-Кресуэлл догадывался, что за сокровище он подобрал. Хотя он не смог удержать U 110 над водой и она сорвалась с буксира, тайну о захвате трофея он обеспечил. Экипаж подлодки твердо верил, что сразу после его спасения подводная лодка затонула, а капитан-лейтенант Лемп утонул. Так значилось до последнего времени и в военной истории.

Строгая тайна охранялась и от английских матросов и офицеров. И так было не только до окончания войны, но и еще 30 лет. И что это была за тайна!

Английские документы подтверждают, что британский центр расшифровки в Блечли-Парке под Лондоном одним ударом был приведен в состояние просто читать (сначала до июля 1941 г.) немецкий радиообмен, как если бы он был сам центром управления немецкими подводными лодками. После того как срок действия трофейных кодовых установок истек, захваченные материалы были главным вспомогательным средством для взламывания ключевой системы немецких шифров, до сих пор выдерживавшей все попытки расшифровки. Теперь стало возможно декодировать немецкие радиопереговоры между адмиралом Деницем и его подводными лодками.

Это было равносильно проигранной битве, потере армейского корпуса или утрате участка фронта, имеющего решающее значение для хода кампании.

Смертельно опасная для Англии битва с немецкими подводными лодками за Атлантику вступила в новый этап, быть может даже решающий. Говоря с английской сдержанностью, оборонительная битва за Англию получила новое измерение. Было ли это спасением острова? Во время кульминации сражения на морях, в июне 1941 года, президент Рузвельт в одной из речей по радио был вынужден тревожно констатировать: «Беспошадная правда заключается в

том, что тоннаж судов торгового флота, потопленный нацистскими подводными лодками, в три раза превышает возможности производства британских верфей; тоннаж в два раза больше, чем объем судостроения в Англии и Америке вместе взятых».

Было ли это уже в прошлом? В июне в секретном месте встречи девять немецких кораблей обеспечения и танкер были внезапно атакованы британскими крейсерами, одни из них потоплены, другие захвачены в качестве приза. Но адмирал Дениц и Адольф Гитлер не догадывались о причинах этой катастрофы и о повороте в битве за Атлантику. Они верили в измену. Искали шпионов, агентов и продолжали посылать сообщения по своей системе кодов, которую считали не поддающейся расшифровке.

В действительности у немецких подводных лодок было еще много секретов для английской обороны: конструкция жесткого корпуса, максимальная глубина погружения, специальные торпеды и т. д.

U 110 затонула, как только ее приготовились буксировать в Англию.

Но через три месяца после драмы с U 110 разыгралась вторая трагедия для немецких подводных лодок.

Дело Рамлова

Двадцать седьмого августа 1941 года британский бомбардировщик берегового командования «Хадсон» совершал патрульный полет над Северной Атлантикой между Шотландией и Исландией. Вдруг наблюдатель в кабине самолета посреди водной пустыни заметил темную точку.

Пилот выжал ручку штурвала вперед. Ревя моторами, самолет открыл огонь. В тысяче метров под бомбардировщиком в надводном положении шла только что всплывшая подводная лодка U 570.

Вахтенный на рубке подлодки сразу же заметил британский «Хадсон». И, поскольку лодка в надводном положении слишком уязвима, был отдан единственно верный приказ: «Тревога! Погружение!»

Но еще до того, как лодка ушла на глубину, «Хадсон» сбросил глубинные бомбы, разорвавшиеся на глубине 14 метров непосредственно над U 570. Лодку потрянуло словно от удара гигантского кулака. Измерительные приборы разлетелись вдребезги. Разбилась часть аккумуляторных батарей, необходимых для движения под водой. Лодка начала тонуть.

Капитан-лейтенант Рамлов впервые вышел в поход в качестве командира. Команда тоже была еще неопытной. Испытанный в боях хладнокровный командир, может быть, действовал бы в этой обстановке более искусно и попытался бы выровнять лодку и удержать ее на глубине.

Рамлов счел более верным продуть балласт и всплыть.

Как только лодка показалась на поверхности, «Хадсон» открыл по ней огонь из носовой пушки и пулеметов. Он сделал по ней 2000 выстрелов. Ответный огонь из имевшейся на борту 20-миллиметровой зенитной пушки открыть не удалось. Она находилась в водонепроницаемом контейнере по левому борту рубки, но расчету не удалось ее извлечь.

Что случилось потом, известно из рапорта командира эскадрильи Томпсона: на рубке U 570 появился белый флаг, а на палубе — большое белое полотнище. Капитуляция!

После этого бомбардировщик прекратил огонь, начал кружить над лодкой и вызвал по радио воздушную и морскую поддержку.

Это было около полудня. В 23 часа, то есть через десять часов, к полю боя подошел британский траулер «Нортерн Чиф». Потерявшая управление лодка качалась на сильной волне.

На этот раз командир траулера почуял свой шанс захватить немецкую подводную лодку и отбуксировать ее домой.

Он просигналил на лодку: «Если вы попытаетесь затопить лодку, я расстреляю ваши спасательные шлюпки и никто не спасется».

Эта угроза не была выдумкой командира траулера, а предусматривалась приказами британского Адмиралтейства на случай, если представится возможность захватить подводную лодку.

Ханс Рамлов ответил на английский сигнал: «Я не могу затопить или сдать лодку, спасите нас, пожалуйста, утром».

Итак, это случилось. На рассвете 28 августа 1941 года группа захвата сняла Рамлова и экипаж с борта. Лодка была взята на буксир и в одной из исландских бухт посажена на мель.

Дело было сделано. Немыслимое свершилось: немецкая подводная лодка капитулировала, будучи на плаву, попала в руки противника!

Это событие Черчилль посчитал настолько значительным, что, получив сообщение о нем, поспешил в парламент и представил депутатам это дело как беспримерную сенсацию.

Капитан Рамлов был отделен от экипажа, а его офицеры все вместе были отправлены в лагерь для военнопленных на Британском

острове, где находились офицеры-подводники с потопленных подлодок.

Когда они прибыли в лагерь Гриздейл-Холл, находившиеся там подводники ждали их с мрачными минами и начали расспрашивать новичков, чтобы выяснить, что стоит за сообщениями британской прессы, в которых говорилось, что U 570 капитулировала с белым флагом.

Никто не хотел поверить в это. Такого не могло быть! Был единственный приказ, который необходимо выполнить любой ценой: небоеспособная подлодка, не способная к движению под водой, должна быть затоплена. Ни одна подлодка не должна попасть в руки противника.

Приказ преследовал две цели: он должен был предотвратить, чтобы захваченная подводная лодка была восстановлена противником, а затем использовалась им в качестве ловушки для немецких подводных лодок, а также не допустить, чтобы строго секретные особенности конструкции, а также аппаратура связи и кодирования попали в руки врага.

Офицеры в лагере для военнопленных Гриздейл-Холл воспринимали рассказы экипажа U 570 с растущим ожесточением. Наконец они решили провести следствие в отношении трех офицеров с U 570: первого и второго вахтенных офицеров, а также старшего механика.

Три члена совета чести военнопленных допросили экипаж U 570.

Приговор в отношении молодого, двадцатиоднолетнего второго вахтенного офицера из Гамбурга был вынесен легко и просто. Он не мог повлиять на решения командира. Обвинения к нему предъявить было нельзя. Он был оправдан. Старший механик также был оправдан: он предпринял все для того, чтобы исправить повреждения в лодке, постоянно находился внутри, и только хитрость британской группы захвата выманила его в рубку, и он был снят с лодки. Однако третий из обвиняемых, обер-лейтенант Берндт, был объявлен виновным: после того как Рамлова сняли с борта, командование перешло к нему, и он должен был затопить лодку. Он этого не сделал. Почему?

Этот вопрос суд чести задал первому вахтенному офицеру Берндту.

Его ответ лишил суд чести речи: он считал спасение экипажа важнее, чем разрушение лодки, так как при таком волнении на море люди бы из него живыми не выбрались. Что? Не подумал о том, что

лодка может послужить ловушкой для других немецких подводных лодок и из-за этого несчетное множество других товарищей найдет свою гибель? Не принял во внимание секретные распоряжения?

Нет, он об этом думал, ответил Берндт. Он придумал значение еще и тому, что англичане ему заявили, что Рамлов дал слово чести после капитуляции лодку не затоплять. И сам он думал, что должен соблюдать это честное слово. Впрочем, он подчеркнул, что важнейшие шифровальные документы и приборы были выброшены за борт.

Суд чести удалился на совещание. Когда награжденные орденами офицеры-подводники возвратились, лица их были тверды как камень. Их приговор гласил: «Трусость перед врагом». Первый офицер и, вне сомнения, командир U 570 должны будут после войны предстать перед военным судом. До этого времени в лагере к ним будут относиться как к поставленным вне закона.

Но капля солидарности у военнопленных еще оставалась. Отверженному первому офицеру U 570 остались верны два товарища из команды, которые заботились о нем. Уже через несколько дней они заявили, что Берндт хочет реабилитировать себя бегством из лагеря и «военной акцией».

Из газетных сообщений и от болтливых охранников удалось узнать, что захваченная подводная лодка U 570 отбуксирована в шотландский порт Бэрроу-ин-Фарнесс. Первый офицер решил бежать из лагеря, чтобы затопить лодку в порту. Это был отчаянно смелый план. Закипела лихорадочная работа, чтобы первому вахтенному офицеру оказать всемерную помощь. Обеспеченный деньгами, гражданской одеждой, фальшивыми документами и купленными у продажных охранников пропусками, в один из дней он проскользнул в дыру, вырезанную в заборе из колючей проволоки.

Но уже на следующий день недалеко от лагеря его задержали английские территориальные охранники. Он рассказал им заранее подготовленную легенду, что он — голландский моряк, отставший в Лондоне от своего корабля, а теперь ему надо в шотландский Клайд, чтобы там снова попасть на борт.

История была добротной и произвела хорошее впечатление на британских ополченцев. Но, к сожалению, в лагере по несчастливой случайности побег был слишком быстро обнаружен и сообщение о нем в территориальной охране уже было получено.

«Хорошо, — сказали охранники, — может быть, твой рассказ правдивый. Но здесь неподалеку из лагеря сбежал один немецкий офицер. Пойдем-ка сначала туда и убедимся, что это не ты».

Когда они подошли к перелеску недалеко от лагеря, моряк совершил нечто неожиданное. Он внезапно рванулся влево и побежал к спасительному лесу. Все произошло настолько быстро, что он уже был у опушки, когда опешившие ополченцы взяли винтовки на изготовку. И стрелять они начали не сразу. Они ему кричали. Три раза. Он не остановился и продолжал бежать. Тогда они открыли огонь. Он был уже у первых деревьев. Но тут его догнала пуля и опрокинула наземь. Когда охранники подошли к нему, он еще был жив. Потом он умер.

Через несколько дней его несли к могиле. Со всеми воинскими почестями он был похоронен у тихой деревушки по соседству с лагерем. Его сопровождал почетный караул из офицеров — в форме со знаками различия и при орденах. Английские солдаты дали три залпа над его могилой. Гроб был покрыт английским военным флагом. Приговор, вынесенный живому, был публично в торжественной форме отменен. Первый вахтенный офицер U 570 погиб.

А британское Адмиралтейство поставило U 570 в строй как корабль его величества «Граф» под командой опытного командира. Он служил ловушкой для подводных лодок.

В «Everyman's History of the Sea War, Vol. III» А.С. Хэрди на странице 83 описываются успешные действия бывшей U 570 против немецких подводных лодок. При этом указывается, что важнейшие секретные приборы лодки остались исправными и могли быть использованы. Там говорится:

«Другим чрезвычайно важным прибором немецкой подводной лодки была шумопеленгаторная станция, оснащенная разделителем степеней. Английские акустики должны были проходить специальную подготовку для работы на ней. Подводная лодка во время своего первого рейда провела подводную атаку по акустическому пеленгу против немецкой подводной лодки. Во время атаки лодка находилась на перископной глубине. Было сильное волнение. На секунду была замечена рубка подводной лодки противника, затем она стала видна яснее. Она была светло-зеленого цвета и блестела на солнце... Через восемнадцать минут после первого акустического пеленга с (немецкой) шумопеленгаторной станции на границе дальности пуска торпед были выпущены две торпеды. Обе взорвались в расчетное время. Кроме того, акустики на шумопеленгаторной станции слышали «многочисленные всевозможные металлические шумы», сопровождавшиеся шумом воды. Это продолжалось почти две минуты. Хотя

визуальное наблюдение было невозможно, шумы не оставили у экипажа «Графа» никакого сомнения, что противник был уничтожен».

U 570 потопила бывшего товарища.

Но этим значение захвата U 570 ни в коем случае не исчерпывается. Важнейшим, решающим в битве за Атлантику было то, что Джон Костелло и Терри Ходжес представили в своей книге «Битва за Атлантику», вышедшей в 1978 году:

«Британские эксперты теперь [после захвата U 570] были в состоянии точно проанализировать тактико-технические данные подводной лодки. Были сделаны удивительные открытия, главным образом то, что немцы сделали «прочнейший корпус, который когда-либо был известен в кораблестроении». Он был изготовлен из стали толщиной в 2,5 сантиметра. Каждый шов был тщательно подогнан и сварен, поэтому выдерживал давление воды в 15 атмосфер на глубине 150 метров. Выяснение возможной глубины погружения вражеской подводной лодки привело к тому, что все взрыватели глубинных бомб сразу же были заменены на такие, которые могли подрывать бомбы на глубине более 200 метров».

Итак, захват U 570 был одним из тех счастливых случаев в военной истории, которые бывают не часто.

«Через четыре месяца после своего образования «Комитет по битве за Атлантику» может дать оптимистический обзор обстановки со времени мартовского кризиса. Растущее число кораблей сопровождения и активизация действий королевских канадских ВМС способствовали тому, что в июне впервые стало возможным обеспечить охрану конвоев на всем маршруте. Большая часть конвоев теперь организуется западным штабом в Сен-Джонсе в Ньюфаундленде».

А Рамлов?

Как только почетный караул, отдавший последние почести первому вахтенному офицеру, вернулся в лагерь от свежей могилы, он встретил там человека, которого в этот час меньше всего желал бы видеть, — командира U 570. После ночи, которую Рамлов, для его же собственной безопасности, провел в камере как охраняемый заключенный, он был отправлен насторожившимися англичанами в другой лагерь, едва следственная комиссия пленных офицеров успела заслушать его оправдания.

Рамлов находился в плену отдельно от своих товарищей.

Второй вахтенный офицер с U 187 Ханс Г. Бушманн сообщает: «Нашу подводную лодку U 187 потопили в феврале 1943 года, а меня доставили в известную следственную тюрьму Гайд-парк под Лондо-

ном. Допросы проходили в помещении, где были установлены важнейшие приборы и документы с U 570, чтобы было легче добиться показаний от пленных подводников. Уже одно гнетущее сознание того, что англичане располагают этими секретными и совершенно секретными материалами, шокировало многих подводников.

Когда меня летом 1943 года перевели в Кэмп-Грэнд-Лайн в Канаде (Квебек), там находился и Рамлов. Он жил в отдельной комнате, получал отдельно пищу и один ходил на прогулки. Нам было приказано не искать никаких контактов и не разговаривать с ним. Для этого и сам я не видел никакого повода. Через год меня перевели из лагеря, а что случилось с ним — я не знаю».

Рамлов после возвращения из тяжелейшего с психологической точки зрения плена, обусловленного человеческим одиночеством, отверг утверждение о белом флаге и попытался оправдать свои мотивы капитуляции. К настоящему времени он уже умер.

Перед смертью Рамлов для объяснения своей точки зрения написал Паулю Карелю следующее:

«27 августа 1941 года южнее Исландии наша лодка была внезапно атакована самолетом, появившимся из разрыва облачности. Подводная лодка в надводном положении чрезвычайно уязвима, поэтому в создавшейся обстановке в соответствии с инструкциями была только одна возможность: срочное погружение! Едва мы достигли определенной глубины, самолет уже сбросил глубинные бомбы, которые взорвались в непосредственной близости от лодки. Лодку так потрясло, что наши измерительные приборы были разбиты и вышли из строя. Кроме того, несколько секций электрических аккумуляторных батарей (источников энергии для подводного плавания) лопнули, и, наконец, через пробоину в носовой части в лодку начала поступать вода. Мы погружались глубже, насколько глубоко мы были, никто не знал, так как приборы вышли из строя. Мы знали только, что рано или поздно достигнем точки, где лодку раздавит внешнее давление воды. В той обстановке могла помочь только срочная продувка балластных цистерн сжатым воздухом. Я отдал такой приказ и вывел лодку на поверхность.

Какова обстановка была теперь? Лодка погружаться больше не могла и тем самым лишилась своего решающего преимущества. Как уже упоминалось, приборы для подводного плавания были разбиты и средствами, находящимися на борту, восстановлены быть не могли. К тому же появилась большая опасность, что поступающая забортная вода смешается с кислотой, вытекшей из разбитых батарей,

что приведет к образованию ядовитых газов внутри лодки. Это обстоятельство при дальнейшем развитии событий стало фактом, так как англичане, к тому времени уже бывшие на борту, смогли войти в лодку только с кислородными дыхательными приборами и распорядились наконец вытащить всех людей из лодки. В надводном плавании на дизельной установке мы бы не смогли уйти от самолета, который до прибытия первого сторожевого корабля сменялся бы другим самолетом. При такой попытке мы даже не знали бы, куда направляемся, так как в результате бомбардировки были повреждены компасы.

В связи с этим я принял решение затопить лодку. Незаметный уход с борта под прикрытием темноты исключался, так как при первом замешательстве (на лодке было всего два человека с боевым подводным опытом: старший механик, ходивший до этого старшим машинистом, и старший штурман, до этого ходивший первым морским номером; все другие были только что подготовленные люди) без приказа надувные лодки были выброшены на воду и снесены волнами. За ночь для выравнивания лодки с носа были сброшены боеприпасы и другие предметы, которые можно было снять. Эта же возможность была использована, чтобы выбросить за борт секретные изделия, коды и шифры. Ранним утром следующего дня я отдал приказ подготовиться к открытию клапанов и уходу с корабля. Когда команда для этого вышла на верхнюю палубу, по ней открыл пулеметный огонь подошедший эсминец. На рубке у нас было чуть ли не полдюжины раненых. Теперь мой замысел был таков: передать раненых на эсминец, позволить отбуксировать лодку ближе к побережью, там открыть клапана, прыгнуть с лодки и вплавь попробовать добраться до берега. При этом я припомнил рассказанный случай, как английская подлодка таким же способом избежала нашего захвата. Но на надувных шлюпках сторожевика, которые забирали раненых, к нам на борт прибыли английский офицер и два или три матроса. Вместе с ранеными я как командир должен был покинуть лодку. Моя попытка в этот момент поменяться ролями с моим первым вахтенным офицером, с тем чтобы я мог остаться на борту, была замечена и пресечена. Первый вахтенный офицер, когда я уходил с борта, сказал, чтобы я и не сомневался в том, что в решающий момент пустит нашу лодку ко дну. Но до этого дело не дошло, поскольку, как я уже упомянул выше, при дальнейшем развитии событий по приказу англичан из-за распространения по лодке ядовитых газов команда покинула лодку. Несмотря на это, наша твердая уверенность состояла в том, что ан-

гличане не получают лодку. Она, как мы в последний момент видели, глубоко лежала в воде и продолжала тонуть. Но вопреки этому англичанам все же удалось сначала посадить лодку на мель в Исландии, а затем доставить ее в Англию.

Позже в английском изложении («The Battle of Atlantic») появилось утверждение, что лодка выбросила белый флаг.

В действительности этот эпизод происходил таким образом. В момент, когда мы после бомбардировки вышли на палубу, кто-то из экипажа без приказа и до того, как я успел это прекратить, сорвал с шеи полотенце, которое он носил наподобие кашне, и начал им размахивать приближающемуся самолету. Таким способом он хотел дать ему сигнал, чтобы тот не обстреливал нас из пулеметов. Матрос сразу же прекратил это по моему приказу. К тому же получается, что англичане, которые во время захвата обстреливали нас, как я описывал выше, стреляли по лодке, находившейся уже под белым флагом, поскольку, как утверждается, лодка уже якобы подняла белый флаг.

*Фрайбург-Брайсгау,
27 апреля 1956 г.
Рамлов»*

Радист Харри Алеманн написал Карелю следующее:

«Я был радистом на U 570. Около 13 часов 27 августа 1941 года подлодка всплыла с глубины 40 метров на перископную глубину, чтобы осмотреться. Однако беспокойное море не позволяло идти на перископной глубине. Командир дал приказ продуть балласт. Таким образом, U 570 всплыла без предварительного осмотра поверхности через перископ и в том районе, где для любой немецкой подводной лодки существовала большая опасность быть обнаруженной британской авиацией.

Едва мы всплыли, как всеми нами любимый старший штурман закричал с рубки на центральный пост: «Тревога!»

Лодка с сильным дифферентом на нос пошла в глубину. Но было слишком поздно! На 20 метрах нас достали мощные взрывы. Свет погас. Электродвигатели остановились. Струи воды ударили по людям в центральном посту и в отсеке электродвигателей. Из кормового отсека доложили о поступлении воды. Через короткое время это оказалось ошибкой, это была лишь вода от разбитых измерительных приборов. Остановить погружение лодки с помощью передних рулей оказалось невозможно. «Всем с носа!» — приказал старший механик. Этой мерой и продувкой 5-й цистерны в носовой части лодку

удалось выровнять. Примечательно, что она перестала падать. Что происходит теперь? Командир после выравнивания лодки сразу же приказал продуть балласт, и нас выбросило на поверхность, как надувной мячик.

Британский самолет, который уже сбросил глубинные бомбы, атаковал нас теперь с кормы, ведя огонь из бортового оружия. Часть экипажа, среди которого был и я, пыталась, как могла, укрыться на верхней палубе от огня «Томми». 20-миллиметровая зенитная пушка на рубке была неисправна. Так мы оказались беззащитными от атак британца с бреющего полета.

По приказу командира была выпущена красная ракета, чтобы показать самолету нашу неспособность обороняться. Это сразу же остановило его атаки. Лодка, потеряв ход, теперь дрейфовала, но течи в жестком корпусе не было, и она держалась без сильного крена. Электроустановка была уже вскоре снова в порядке, и на лодке не только горел свет, но даже заработало радио. Откачивающие насосы тоже были исправны. Там был старший механик со своими людьми, которые все это ремонтировали. Но по приказу командира еще во второй половине дня 27 августа радиостанция была частично, а в последующую ночь полностью выведена из строя.

Когда начало смеркаться, на горизонте появился силуэт британского корвета. «Теперь время, господин капитан-лейтенант, теперь нам надо затопляться!» — так считали все на борту. Вместо этого с корветом установили семафорную связь. Пришлось ходить туда-сюда за сигнальным прожектором. Его установили.

Как стемнело, за борт были сброшены не только разведывательные материалы и морские карты, но и артиллерийские боеприпасы, боеголовки торпед. Что нельзя было выбросить, было испорчено.

На рассвете и днем 28 августа, кроме британского эсминца, появились многочисленные корветы, которые постоянно кружили вокруг нас. Сообщения по сигнальной азбуке шли постоянно туда и сюда. Во второй половине дня британский эсминец F 58 открыл огонь из пулеметов по нашей подлодке. Одна из очередей прошла мостик, на котором столпился экипаж. Четверо, в том числе и я, получили ранения разной степени тяжести.

Зачем «Томми» это сделал? Очевидно, для того, чтобы мы, например, не заметили его водолазов, которых он послал, чтобы завести буксир и подготовиться к захвату подлодки. После энергичного размахивания белой простыней, которая уже за несколько часов до этого была вывешена по приказу командира на обшивке рубки на-

шей лодки (под недовольное ворчанье команды, граничившее с бунтом), британец прекратил стрельбу. Раненых перевязали и убрали под палубу.

Я лежал внизу, в лодке. Там два товарища предложили остальным выйти на верхнюю палубу, пока они вдвоем, посчитав, что уже не имеют надежды остаться в живых, откроют клапана 3-й цистерны на центральном посту и отправятся вместе с лодкой ко дну, чтобы не дать англичанам захватить ее. Я могу назвать имена тех людей, которые в тот момент там были.

Тут на центральном посту появились два первых английских моряка с направленными на нас пистолетами. У меня и сейчас еще стоят в ушах слова товарища, лежавшего со мной на кожаной койке: «А теперь уже слишком поздно!»

Случай с U 570 имел еще одно интересное последствие с военно-исторической точки зрения, которое прямо коснулось пленных подводников.

Как и Х.Г. Бушманн, почти все командиры подводных лодок указывают на очень примечательные факты первых дней своего плена: ведение психологической войны против пленных с целью получения от них информации.

Этим методам допроса немецких подводников в британском плену посвящается особая глава.

Одна невеста сказала другим

Психологические советники английского Адмиралтейства в 1941 году считали, что было бы неумно нарабатывать пропагандистский материал из капитуляции Рамлова. Они аргументировали это так: если бы об этом событии стало широко известно из немецких передач Би-би-си, то этим бы подчеркивалась единичность события, что и было на самом деле, а надо сделать так, как будто такие «подъемы флага» происходят ежедневно. Хотя экспертам ведения психологической войны в британском Адмиралтействе по поведению всех остальных до сих пор захваченных в плен командиров и экипажей подводных лодок было ясно, что такой случай едва ли повторится, тем не менее они сочли время подходящим, чтобы начать пропагандистскую атаку на фельдфебелей и матросов немецкого подводного флота. Несколько недель спустя после случая с U 570 в британском Адмиралтействе был создан специальный отдел пропаганды. А че-

рез три месяца начал свои передачи из Англии коротковолновый передатчик «Атлантик», переименованный позднее в «Солдатскую радиостанцию Запад». Флотилии подводных лодок в Тулоне, Бордо, Бресте, Сен-Назере, Ла-Буле, Ла-Рошели, Бергене, Дронхейме и на территории Германии подверглись психологической бомбардировке. Агенты и шпионы, добывавшие до сих пор лишь данные об особенностях новых конструкций и о времени выхода подлодок в море, поступили теперь и на службу пропаганде.

«Кто играл и как проходила игра?» — таким был один из вопросов, направленных по радио из Англии одному из агентов на французском побережье Атлантики. Ему должно было показаться бессмысленным рисковать жизнью, чтобы узнать, кто играл в футбольном матче 7-й немецкой подводной флотилии из Сен-Назера против 10-й из Лорьяна. Однако сразу после матча, согласно приказу, он отправил в Лондон радиограмму, содержащую требуемые подробности. Это позволило коротковолновому передатчику «Атлантик» уже тем же вечером в разделе спортивных новостей дать сообщение об игре. Одновременно по фамилиям игравших футболистов разведывательная служба английского флота смогла вычислить, какие из лодок были на базе, а какие — в море. Чем ожесточеннее теперь становилась война на море, тем жестче становилась борьба между английской пропагандой и Интеллидженс сервис, с одной стороны, и немецкой контрразведкой — с другой. Были задействованы умнейшие головы Англии и выделены миллионы фунтов стерлингов, чтобы ослабить личный состав германского подводного флота. В этом оказывали помощь и немецкие эмигранты, фанатичные враги Гитлера.

У фрау Аннемари Липпиш из Киль-Вике было много причин для радости и удивления, так как это была очень нужная и в то же время неожиданная посылка, извещение о которой принес почтальон 21 октября военного 1942 года: большой сверток! Отправитель — Вилли Липпиш из Канады, обер-маат¹ германского подводного флота, в настоящее время — военнопленный лагеря 301.

В течение последующих недель еще несколько женщин в Германии получили от своих мужей, бывших подводников, находившихся в канадском плену, посылки с натуральным кофе, сардинами в масле, топленым салом, сигаретами, шоколадом. Все эти женщины ду-

¹ Обер-маат — унтер-офицерское звание в германском военно-морском флоте. — *Здесь и далее прим. пер.*

мали, что брат, муж или сын, сидя в лагере, наверное, зарабатывает много долларов, которыми он в Швейцарии или Португалии оплатил посылки с продуктами. Никто из получателей в Вильгельмсхафене, Бремене, Гамбурге, Киле, Эккернфьорде, Свинемюнде, Ростоке, Пиллау или Данциг-Готенхафене не догадывался, кто был настоящим отправителем и какие намерения скрывались за посылками.

Еще за год с лишним до этой акции Рузвельт и Черчилль встретились на борту английского линкора «Принц Уэльский» в бухте Плацентия. Угроза, представляемая подводными лодками, и борьба с ними были темой номер один, которую они обсуждали со своими адмиралами 10 и 11 августа 1941 года. Двести тридцать четыре потопленных в течение мая и июня 1941 года союзных корабля тоннажем 1 228 520 брутто-регистрационных тонн характеризовали обстановку. Она была тревожной.

Когда Рузвельт покидал линкор, направляясь на борт своего эсминца «Мак-Дугэл», была достигнута единая договоренность, что подводных волков нужно бить не только глубинными бомбами, пушками и самолетами, но и одновременно разлагать методами психологической войны.

Уже через 14 дней в лондонском Адмиралтействе было сформировано новое подразделение. Его задача заключалась в подрыве морального духа подводников, а первой акцией стали те продовольственные посылки. Английские агенты у двух крупных экспортных продовольственных фирм в Лиссабоне и Цюрихе заказали товар. Естественно, это было сделано без ведома пленных, указанных в качестве отправителей. Как получателей всегда выбирали женщин, которые еще проживали в местах базирования немецких подводных лодок, то есть поддерживали контакт с другими женами подводников. В соответствии с пословицей «одна невеста сказала другой» англичане надеялись, что слухи о посылках распространятся и действующие подводники под влиянием жен станут рассматривать сдачу в плен как заманчивую возможность.

Однако новый отдел психологической войны британского Адмиралтейства не ограничил свою деятельность лишь акцией с посылками.

«Тут у меня редкая птичка в клетке!» — воскликнул Эдмунд Майер из Гамбург-Харбурга, радист 7-й флотилии в Сен-Назере, накручивая ночью 20 декабря 1942 года ручку настройки своей радиостанции. Он поймал какой-то передатчик, транслировавший попеременно то бравурные немецкие марши, то зажигательный джаз. Два дня назад его начальник, капитан 3-го ранга Золер, объявил своим

подчиненным, что так называемая коротковолновая радиостанция «Атлантик» является хорошо замаскированным вражеским передатчиком, передачи которого слушать строжайше запрещено.

И эта радиостанция, называвшаяся позднее «Солдатский передатчик Кале», а затем — «Средневолновый передатчик Вест», возникла благодаря британской озабоченности в связи с опасностью, которую представляли подводные лодки.

«Твоя жена Мицци из Эккернфьорда посылает тебе, дорогой Ханс Бартельс, самый горячий привет на твой приемник в Хаммерфесте». Или: «Твои дети Уве и Моника просят нас поставить для тебя, радист обер-ефрейтор Эрнст Риттерлинг, находящийся сейчас в Ла-Рошели, к твоему сегодняшнему дню рождения твою любимую пластинку «Маленький городок засыпает». Поздравлениями такого рода британский коротковолновый передатчик «Атлантик» начал бомбардировать сердца немецких подводников на фронте. От кого приходили поздравления с днем рождения и с годовщинами свадеб, шедшие в эфир? От кого радиостанция получала эти верные даты? Ведь даты были правильными и люди, о которых шла речь, действительно существовали. И это тоже удивляло. Это было тайной. Поэтому передатчик слушали, несмотря на все запреты, поэтому ему удавалось вместе с душевными поздравлениями вкладывать по каплям в уши слушателей явную пропаганду, «разлагающие боевой дух» сообщения и отравляющую ложь.

Английское посольство в Стокгольме еженедельно через хорошо оплачиваемых нейтральных посредников получало толстые упаковки немецких газет. С воздушным курьером кипы газет доставляли в Лондон. Там с ножницами в руках сидела большая группа аналитиков. Они вырезали каждое объявление о помолвках моряков, их свадьбах или рождении детей и наклеивали на карточки. Из этих семейных новостей можно было получить разнообразную информацию. Например, такую: матрос Отто Вебер отпраздновал помолвку в Беверлоо. Годом позже, уже став ефрейтором, он женился в Пиллау. Для лондонских экспертов это означало, что он был переведен в учебную дивизию подводных лодок. Радостное сообщение о рождении его дочурки Розмари в Эккернфьорде совершенно верно признавалось в Англии как доказательство того, что Вебер поднялся по служебной лестнице торпедиста-подводника.

Такая «бухгалтерия» помогала не только радиостанции «Атлантик» посылать поздравления Веберу с его семейными праздниками, залучая его таким образом в качестве верного слушателя, она имела

еще одно, совершенно другое значение: «То, что нам может рассказать пленный немецкий генерал, не столь важно, как то, какие показания может дать самый младший подводник, которого мы поймаем, если мы приведем его к тому, что он заговорит», — сказал во время войны сэр Дадли Паунд, первый морской лорд и начальник адмиральского штаба.

Если, например, наступил бы день, когда между тем произведенный в торпедные мааты Отто Вебер был выловлен в Бискайском заливе, то в лондонском следственном лагере с ним бы было значительно легче беседовать, зная его карьеру настолько же хорошо, как и его семейное положение. Если, например, было бы известно, что его жена и дети сейчас живут в Мюнстере в Вестфалии, то пленному рассказали бы не только о воздушном налете на этот город, но и в первый же день допросов разложили бы перед ним аэрофотоснимки, которые бы показывали разрушения Мюнстера на данный момент.

— Ну и где же дом вашей жены?

— Здесь!

— Ну, там пока еще все в порядке!

Мужчина глубоко вздохнет. Такое человеческое участие в судьбе семьи было частью «черной магии» во время допросов пленных подводников. Отто Вебер становился от этого доступнее.

В докладе одного из молодых специалистов психологической войны группе британских адмиралов, датированном одним из новогодних дней 1943 года, излагалось, чего хочет добиться британская солдатская радиостанция: «Солдатскую радиостанцию могут слушать как моряки 29-й флотилии подводных лодок в Тулоне, так и 11-й в Бергене. Немцы ни в коем случае не должны думать, что это секретный передатчик, находящийся в Германии. Напротив. Они должны знать, что это английская радиостанция. Если мы в наших передачах покажем, насколько хорошо мы осведомлены, то это будет иметь большое значение с многих точек зрения. Мы приобретем слушателей для нашей пропаганды. Мы приобретем доверенных лиц для подрывной агитации, и своим знанием деталей мы обеспокоим немецкую контрразведку, сделаем ее нервной, направим по ложному следу и вынудим усилить ее деятельность в тех местах, где нам удобно».

Один из присутствовавших офицеров во время совещания задал вопрос:

— Но зачем вы каждую минуту ставите «Баденвайлер-марш», или «Пройсенс Глория», или даже песню немецких подводников?

Я думаю, что вашим движущим средством будет зажигательная музыка, которой не хочет Геббельс, но моряки с удовольствием послушают.

Специалист сразу же объяснил:

— Если офицер внезапно войдет в спальное помещение, где группа моряков будет тайно слушать нашу радиостанцию, то они всегда смогут удивленно сказать: «Это не может быть вражеский передатчик, господин обер-лейтенант! Они только что передавали «Песню о добром товарище». Впрочем, притягательную силу джаза недооценивать нельзя.

И специалист рассказал следующую историю: «Одна подводная лодка из 2-й флотилии в Лорьяне вышла в сложный боевой поход. Остающийся на берегу товарищ сказал маату-радисту лодки: «Если вас потопят, а «Томми» вас выловит, попроси радиостанцию «Атлантик» пару дней два раза подряд ставить «Черную румбу». Тогда я пойму, что ты жив, и дам знать твоей жене».

Лодку действительно потопили, тридцать человек команды спасли. Среди них был и старшина-радиист. После допроса он попросил допрашивавшего офицера о «Черной румбе». С этим желанием он уже наполовину согласился сотрудничать. Поскольку никаких военных оснований для сохранения в тайне факта уничтожения подводной лодки не было, одним из вечеров мы вызвали 2-ю флотилию в Лорьяне и два раза подряд прокрутили желаемую румбу. Этот способ как бацилла распространился по всем базам подводных лодок. Готовность к «сотрудничеству с врагом» была таким образом психологически обоснована. Это является решающим во всем деле. Пленного, который приходит с готовностью видеть в нас не злобных, достойных ненависти врагов и просит об одолжении, которое мы выполняем, легче побудить к тому, чтобы он дал нам информацию».

Хорошо придумано!

Итак, психологическая война в эфире была подготовкой к допросам. Искусство, развитое здесь, достойно особого обсуждения.

— Если кто-нибудь из вас задержится там в комнате больше чем на три минуты, после войны я отдам того под суд за измену! — Эти слова сказал начальник трех человек, сидевших на складных стульях в коридоре одного из помещений специального лагеря для военнопленных в ожидании допроса. Четверо людей, лица которых несли явные отпечатки жестокой усталости, а их бледность выдавала принадлежность к персоналу машинного отсека подводной лодки,

были обер-лейтенант — старший механик, маат-механик и два обер-ефрейтора.

— Трех минут достаточно, чтобы сказать «Томми» личный номер, воинское звание и фамилию. Каждое слово сверх того — это уже помощь врагу.

В комнате, перед которой сидела эта четверка, три английских офицера многозначительно переглянулись. Они подслушивали разговор по одному из многих скрытых в этом лондонском лагере микрофонов. Четыре человека в коридоре, которые еще тридцать шесть часов назад плавали в воде у западного английского побережья, должны были любой ценой сказать что-то определенное. Ведь один из агентов в Ла-Буле докладывал, что механики с новейших подводных лодок серии VII-C в последнее время не очень довольны дизелями. Такие же сообщения поступали из Вегезака и с верфей «Блом унд Фосс». Именно поэтому специалисты по допросам вызвали этих четверых с подлодки VII-C, и теперь, все рассчитав, старший механик предупредил своих людей о необходимости сохранения тайны. Англичане советовались четверть часа. Затем был разработан великолепный трюк. Двое допрашивающих ушли в соседнюю комнату. Включили подслушивающее устройство. Затем третий открыл дверь в коридор. На великолепном немецком он сказал:

— Господин обер-лейтенант, могу ли я вас пригласить?

Немецкий офицер-подводник зашел в комнату для допросов. Трое его людей остались сидеть в коридоре, обдумывая предостережение.

— Три минуты, — сказал он, — кто просидит дольше...

Англичанин занял место за письменным столом:

— Садитесь и вы тоже, господин обер-лейтенант.

С некоторым внутренним сопротивлением старший механик сел.

— Сигарету?

— Нет, спасибо.

Англичанин улыбнулся. Затем взял карандаш и бумагу и начал готовить свой еженедельный доклад «О моральном и физическом состоянии прибывающих пленных немецких подводников». У сидевшего напротив он больше ничего не спрашивал. Тот, конечно, знал о микрофоне. Из такого человека действительно ничего вытянуть не удастся. Но для него об этом речь и не идет. Для него речь пойдет о трех минутах. Старший механик внутренне закипал. Этот тип не спросил даже фамилию, номер, а он, старший механик, сидит здесь уже на семь минут дольше, чем предполагал!

На двадцатой минуте англичанин снова открыл рот, оторвал глаза от своей писанины и снова спросил:

— Сигарету?

Немец с еще большей холодностью отказался. Больше опять ни слова. Точно через полчаса англичанин поднялся, широко открыл дверь в коридор так, чтобы те трое хорошо могли видеть и слышать все, что сейчас произойдет. Британец пожал их старшему механику руку и проговорил, улыбаясь:

— Еще раз большое спасибо, господин обер-лейтенант, все это было очень интересно...

Потом он приказывает тут как тут оказавшемуся конвойному увести ошарашенного старшего механика, едва тот понял, о чем идет речь, и сразу вызывает к себе маата-механика:

— Садитесь. Ну, расскажите-ка мне, что там действительно случилось с вашим дизелем?

— Я не должен говорить вам ничего, кроме фамилии и номера, — ответил машинист, думая при этом о получасе, проведенном его шефом, очевидно весьма оживленно, на этом стуле.

— Ваша фамилия и ваш номер меня совершенно не интересуют, господин обер-маат Шёнхерр. Мне они известны. Я даже знаю, что вы именно в день вашей свадьбы были выловлены нашим эсминцем и что у вашей маленькой дочурки Ингрид все в порядке.

На мгновение маат лишился дара речи. Карточка из картотеки с донесениями агентов и сообщениями служащей вспомогательного персонала с базы подлодок, объявлениями немецких газет сделала свое дело. Для Шёнхерра было непостижимо, откуда враг может знать о годовщине его свадьбы и даже об имени его единственной дочурки. Но потом он попытался собраться. Они его не раскусят!

— Ваш шеф, старший механик, только что мне рассказал, что дизель глохнет на определенных оборотах. Он сказал мне также почему. Но я хотел бы знать и ваше мнение по этому поводу, Шёнхерр.

Шёнхерра это замечание почти срезало. Простодушный фельдфебель не мог предположить, что информация о глохнувшем дизеле взята из сообщения агента, а не была только что разболтана его шефом. Что же, старший механик сошел с ума? Ну, Шёнхерр никогда не относился хорошо к старшему механику. Тот был моложе его. Он вышел только в свой четвертый поход, тогда как маат имел за своими плечами уже одиннадцать.

Он задумался. Он уже не был таким уверенным. «Но я постоянно настороже. Я дам пару справок. Немного. О паре незначительных

вешей», — думал Шёнхерр. Но эта пара стала опорными точками для допрашивающего, чтобы нанести новый удар.

Беседа длилась четверть часа. Английский офицер поднялся снова, когда заметил, что больше ему выудить ничего не удастся. Снова в открытых дверях повторилась сцена прощания и благодарностей. Теперь сюда зашел машинист обер-ефрейтор. Он тоже сначала хотел молчать. Но теперь англичанин не слишком церемонился. Он заговорил другим тоном:

— Послушайте, вы что, хотите еще в одиночку спасти Германию? Стармех рассказывал, маат рассказывал, так что давайте говорить! Почему, по вашему мнению, двигатель глохнет под шнорхелем¹? Или вы хотите немножко подумать в одиночке на хлебе и воде?

Нужно было быть очень крепким, недоверчивым и убежденным, чтобы после такой обработки не заговорить, к тому же если пришлось ждать в коридоре три часа, как в случае с последним обер-ефрейтором этой группы. Три часа! А ведь каждый не должен был оставаться в кабинете для допросов дольше трех минут!

Во всех войнах, на всех сторонах всегда были люди, которых плен ломал до такой степени, что они становились на службу врагу. Во время последней войны были англичане, которые, попав в немецкий лагерь для военнопленных матросов, все сразу выбалтывали. В Берлине жил сын находившегося в то время в должности британского министра колоний Эмери и вел пропагандистскую работу в германском Министерстве иностранных дел против империи. Мистер Джойс, прозванный лордом Хау-Хау, выступал с проникновенными речами для англичан по немецкому радио и был самым успешным пропагандистом доктора Геббельса. Оба они были противниками Черчилля и симпатизировали фашистской идее.

Среди моряков немецких подводных лодок и катеров тоже было много тех, кто был не согласен с правительством Третьего рейха. Некоторые даже были готовы выражать свое несогласие действием. При этом многие разбирались в том, чем враждебность режиму отличается от предательства воюющих товарищей. А некоторые не понимали этого или не желали этого понимать.

Один из таких был помолвлен с полуеврейкой и не получил разрешения на брак. У другого — дядя сидел в концлагере, потому что

¹ Шнорхель — труба для забора воздуха с поверхности и выхлопа отработанных газов при движении подводной лодки на дизелях на небольшой глубине.

был социал-демократом или коммунистом. Третий, как следует из документов, попал под суд за кражу кофе на флотилии, и его, несмотря на храбрость, проявленную в восьми боевых походах, не хотели награждать Железным крестом I класса. А еще один узнал о зверствах в концлагерях или по религиозным причинам перешел в лагерь антифашистов.

Англичане способствовали желанию этих людей отречься от политики Гитлера и превращали его в отречение от гитлеровской Германии. Они воспитывали их недовольство до тех пор, пока окончательно не ломали их сопротивление. Все это делалось шаг за шагом, наконец, оставалось сделать лишь последнее.

Семнадцать человек, готовых к этому, были сведены в один так называемый пул. Это был немецкий антифашистский ударный отряд психологической войны.

Теперь стоит подумать о том, что знания маата-радииста, попавшего в плен в 1940 году и рассказавшего кое-что интересное, часто устаревали через четыре недели. Оборудование по его специальности развивалось слишком быстро. Если он поступал на службу в пул, то англичане могли держать его в курсе событий. Ему показывали сообщения и результаты допросов других, захваченных позже начальников радиостанций, так что он и через два-три года, будучи членом пула, до мельчайших деталей разбирался во всех радиолокационных приборах, радиолокационных станциях, «Медоксах», «Мюке», «Флиге», курсопрокладчиках и других сложных навигационных приборах. И когда наконец наступал день применения этого маата, он полностью был в курсе дела.

Одна из таких операций была разыграна следующим образом. В Северной Атлантике разгорелась битва за конвой. Немецкими подводными лодками были потоплены восемь союзных транспортов и шесть танкеров. Но такая же участь постигла и три подводные лодки. Английский корвет сопровождения выловил из волн восемнадцать подводников. С него сразу сообщили в лондонское Адмиралтейство номер подводной лодки и звания пленных. Копию сообщения получил пул. Сразу стало ясно, что из восемнадцати пленных четверо были офицерами, которые, наверное, негодились в качестве источника для запланированного подслушивания. Поэтому требовалось только четырнадцать учеников из пула. В большом помещении им зачитали сообщение. Один из английских офицеров рассказал о нападении на конвой: «В нем участвовали подводные лодки из Бреста, Лорьяна и Сен-Назера. С одной из лодок из Сен-Назера завтра

мы ожидаем гостей. Итак, вы должны выдавать себя за пришедших из Бреста». За время многочасового занятия четырнадцать человек из пула были посвящены в современное состояние дел на 10-й флотилии в Бресте, так что им всем стало казаться, что сами они только вчера были там.

Двадцатью четырьмя часами позже по одной из широких автомобильных дорог ехал грузовик ВМФ, из которого восемнадцать пленных подводников могли впервые бросить взгляд на английские луга, деревни и городки. Тут их обогнал второй грузовик. Они увидели в его кузове такое же скученное общество: людей с бородками подводников, одни — в кожаных комбинезонах или немецких флотских брюках, другие — в английских пуловерах.

Когда два грузовика поравнялись друг с другом, один из группы обгоняемых прокричал:

— Откуда вы здесь взялись?

— Они в четверг нас выудили из ручья.

— Послушайте! Нас тоже. Мы из седьмой, Сен-Назер.

— А мы из Бреста.

После этого грузовик отстал. Подводники, действительно участвовавшие в нападении группы Росбаха на конвой, переглянулись:

— Оказывается, не одних нас спасли!

Через полчаса оба грузовика въехали на казарменный двор. С этого момента все стало развиваться с молниеносной быстротой. Людей из Сен-Назера выстроили в ряд, офицеры — на левом фланге, затем — радисты, торпедисты, артиллеристы, матросы. И за каждым из них секундой позже встали люди соответствующей специальности, которые были якобы из Бреста. А английский морской офицер начал небрежно диктовать: «Первые двое — в четвертую камеру, вторые — в пятую. Эти двое — в шестую камеру». Это происходило как бы случайно.

Но это не было случайностью. Это была продуманная последовательность. Не удивительно ли теперь, что обер-маат-торпедист из Фленсбурга, неделю назад еще бывший в Сен-Назере, не имел ни малейшего подозрения, что приятель, с которым его заперли в камере, был не тем, за кого себя выдавал? Он, конечно же, был маатом-торпедистом. Начали разговаривать. Часто о ничего не значащих вещах. Подводники были светлыми головами и крепкими парнями. Но затем проявлялось дьявольское, долго тренированное искусство пула и начинала поступать информация. Сравнили условия жизни в

Сен-Назере и Бресте, поболтали о родных местах. А затем был нанесен удар. Приятель вдруг неожиданно сказал:

— Мы обычно ходили с Т 9. А у вас уже были одиннадцатые торпеды?

Теперь речь пошла именно о том. Может быть, в мозгу еще не включился сигнал тревоги: «Осторожно!» Но у каждой системы сигнализации — свои дефекты.

Зачем упрямыться и почему бы тихонько не сказать любезному приятелю, что Т 11 — самая хитрая торпеда? Сложнейшая штучка. А приятель едва ли сможет от удивления что-то понять о возможностях этой чудо-торпеды. С помощью ее все же можно будет поставить проклятых англичан на колени.

— Но, наверное, она не настолько хороша, эта Т 11?

— Ну, ты сказал! Не хороша!

В камере нашелся клочок туалетной бумаги и отгрызок карандаша. «Изделие» было точно начерчено, чтобы показать сомневающемуся, что флотилия в Сен-Назере получила, кажется, лучшие торпеды, чем брестская... И каждое сказанное слово слышали настроженные уши специалиста по подслушиванию через потайной микрофон, установленный в камере. Чертеж по предложению приятеля, кажущийся гениальным, «из соображений безопасности» был спущен в унитаз. Но он оказался не на полях аэрации, а в специальной емкости, откуда и был извлечен. Он, быть может, был решающим в войне!

Таким способом англичанами была выяснена длительность времени неразрешимая тайна мембраны акустической торпеды, были расшифрованы секретные коды «Фрейхет» и «Ирланд», выяснена долгое время неизвестная глубина погружения подлодки проекта VII-C и многое другое, что относилось к наиболее оберегаемым тайнам немецкого подводного флота. И то, что слышали микрофоны, открывали выгребные емкости, что выскальзывало из утомленных мозгов и вытекало из обманутых, разочарованных сердец, перечеканивалось в холодное уничтожение тех, кто еще не покоился на морском дне или не сидел в лагере для военнопленных.

Наручники в Боумэнвиле

Вечером 19 августа 1942 года немецкие войска расчищали пляж маленького французского окружного городка Дьеп на проливе. То было печальное занятие — собирать убитых и раненых канадцев из 4-й и

6-й бригад 2-й канадской дивизии, которые в шесть часов утра в количестве около шести тысяч человек, с танками и при мощной авиационной поддержке предприняли свой печально знаменитый рейд через пролив на Дьеп. В десантной операции участвовали 237 британских кораблей. Немецкое командование поэтому сначала подумало о начале вторжения, но это была только грандиозная разведка боем для длительного время подготавливаемой штабами союзников высадки во Франции. Наряду с этим британское командование вело речь о захвате немецких разведывательных радиотехнических и радиолокационных сооружений на побережье: радиолокационная станция под Дьепом с ее самым современным оснащением — прибором «Вюрцбург», о котором союзники желали знать как можно больше, должна была быть демонтирована и вместе с обслуживающим персоналом доставлена в Англию.

Эта часть операции удалась. В остальном операция была катастрофической ошибкой. Ни одна из поставленных тактических целей не была достигнута, операция была свернута в считанные часы. Из 6000 высаженных канадцев и британских командос 2190 попали в плен, 1179 погибли. Сто двадцать восемь канадских офицеров направились в плен, среди них — командир 6-й канадской пехотной бригады, еще два полковника и 13 старших офицеров. Было сбито 106 британских самолетов. С немецкой стороны было 311 убитых и пропавших без вести и 280 раненых.

Но для Черчилля эта цена не была слишком высокой. Он говорил о «котловане под закладку опыта».

В то время как собирали убитых и раненых на дьепском пляже, вдруг возникло оживление. Офицер для поручений подошел к подполковнику Бартелю из 571-го пехотного полка и доложил: «Мы нашли в воде связанного убитого немецкого солдата, а на пляже — тяжело раненного немца также с веревками на руках и связанными ногами».

Сообщение сразу же через дивизию было направлено в штаб 81-го корпуса, а оттуда через главнокомандующего на Западе в ставку фюрера: связанные пленные — это грубейшее нарушение международного права.

Когда при осмотре трофеев на пляже в Дьепе на командном пункте канадской дивизии был найден боевой приказ, предписывавший связывать пленных, стало ясно, что дело заключается не в превышении полномочий нижними чинами из соображений удобства, и оно получило юридические последствия. Налицо имелся факт обращения с комбатантами как с уголовными преступниками. Внутри

великой войны по этой причине возник новый фронт, получивший название «Война наручников».

Гитлера этот факт настолько возмутил, что он публично объявил о репрессиях. Второго сентября он довел до сведения Главного командования Вермахта:

«В захваченном под Дьепом английском приказе говорится: «Где только возможно, связывать пленным руки, чтобы они не могли уничтожить находящиеся при них документы». Среди других этот отрывок из английского боевого приказа был опубликован в административном представлении Главного командования Вермахта от 30 августа 1942 года. Английское правительство своей точки зрения по этому поводу не заявило. Поэтому Главное командование вермахта отдает приказ содержать всех захваченных в плен под Дьепом британских офицеров и солдат связанными с 14 часов 3 сентября 1942 года. Причина такого обращения пленным была объявлена. Эта мера будет отменена, как только британское правительство своим заявлением отменит распоряжение о связывании немецких военнопленных, содержащееся в вышеуказанном приказе».

Британское военное министерство дало ответ в тот же день: «В немецких сводках вермахта сообщается, что англичанами под Дьепом издавались приказы о связывании рук немецким военнопленным, чтобы предотвратить уничтожение ими своих документов. Было предпринято расследование, издавался ли действительно такой приказ. Подчеркнуто отрицается, что какому-либо немецкому пленному связывались руки. Любой подобный приказ, если он издавался, будет отменен».

Немецкое главнокомандование опубликовало заявление и одновременно сообщило:

«На основании этого заявления германское Главное командование отменяет меры против британских военнопленных, объявленные в полдень 2 сентября 1942 года».

Казалось, что этим неприятное дело было улажено. Но получилось иначе.

Четырьмя неделями позже был зарегистрирован новый случай связывания немецких военнопленных группой британских командос на острове Серкол в проливе. Ярость Гитлера вспыхнула с новой силой.

7 октября 1942 года германское Главное командование сообщило, что британское заявление от 3 сентября считает недействительным.

«Из материалов судебного допроса немецкого унтер-офицера, обер-ефрейтора, пяти стрелков и пяти человек из организации Тод-

та¹, временно попавших в британский плен под Дьепом, а потом освобожденных, следует, что все они находились связанными от десяти минут до полутора часов. Их руки были связаны либо за спиной, либо за локти, а иногда даже отдельные пальцы перед грудью связывались один с другим. Но этого недостаточно. Такие же позорные действия были допущены 4 октября на острове Серкол в проливе. Там шестнадцать англичан ранним утром напали на немецкую рабочую команду, состоявшую из унтер-офицера и четырех человек. Они были в рубашках, их связали очень крепким круглым шнуром, не дали надеть верхнюю одежду и отвели на берег. Когда немецкие солдаты оказали сопротивление такому обхождению, унтер-офицер и один солдат были убиты выстрелами и штыками, еще один солдат был ранен. Эти факты подтверждаются показаниями сапера, которому удалось бежать во время рукопашной схватки. Расследование показало, что связывание готовилось планомерно. Таким образом, Главное командование вермахта располагает полными доказательствами, что оба заявления британского военного министерства от 2 сентября 1942 года были сделаны вопреки действительности. В связи с этим Главное командование вермахта считает себя вынужденным отдать следующие распоряжения: с 12 часов 8 октября все захваченные под Дьепом британские офицеры и солдаты будут содержаться связанными. Эта мера будет сохраняться в действии до тех пор, пока британское военное министерство не докажет, что в будущем сделает действительные заявления о связывании немецких военнопленных или что обладает авторитетом обеспечивать выполнение своих приказов и в войсках...»

Черчилль ответил сразу и, со своей стороны, стал угрожать репрессиями. Мобилизовалась канадская пресса, сообщившая, что «гунны нарушают международное право». Черчилль не ограничился угрозами, а приказал связать 2000 пленных немецких военнослужащих, а именно офицеров и солдат сухопутных войск, находящихся под британской и канадской стражей.

Случилось так, что однажды канадский комендант лагеря Боумэнвилль заявил старшему из военнопленных, капитану третьего ранга Кречмеру, что прикажет заковать часть находящихся в лагере офицеров сухопутных войск. Канадский офицер положил перед Кречмером список фамилий офицеров и солдат, которые должны

¹ Организация Тодта — военно-строительная организация в Германии времен Второй мировой войны, получившая свое наименование по фамилии своего основателя и начальника.

прибыть к воротам, чтобы там их заковали в наручники. Он намекнул, что лично ему дело это очень неприятно. Что он позаботится о том, чтобы все заковывание не перешагнуло рамок приличия, но приказ есть приказ.

Кречмер протестовал. Он сослался на верное с точки зрения международного права основное положение, допускающее «репрессии» против нарушения международного права, однако ответные репрессии незаконны. Кречмер был полностью прав.

Канадский генерал все выслушал, но, пожав плечами, сказал, что у него есть приказы. И в его задачи не входит проверять их законность.

— Обдумайте это еще раз, командер Кречмер, — сказал канадец, успокаивая и сожалея, — если вы не согласитесь добровольно, я буду вынужден применить силу. Я назначаю вам срок завтра до полудня.

— Тогда мы будем сопротивляться, — ответил Кречмер и вышел.

Этим была объявлена война. Война в плену. Война между пленными и их охранниками.

В день, когда должно было начаться заковывание, все пленные Боумэнвила не вышли на переключку и забаррикадировались в своих домах. Это была суббота. Канадские охранники — «ветеранс гардс», по большей части — старые солдаты, участники Первой мировой войны, получили подкрепление из регулярных войск, которое было доставлено из другого населенного пункта. Утром оно вошло в лагерь. Оружие солдатам было приказано оставить за воротами лагеря, зато они вооружились деревянными бейсбольными битами. В лагере начальники их снова осмотрели, чтобы удостовериться в том, что ни у кого из них нет пистолета или ручной гранаты. А потом началась любопытнейшая битва Второй мировой войны — сражение при Боумэнвиле.

В лагере, за исключением каменных построек, было два деревянных барака. В одном из них размещались офицеры, в другом — солдаты. Поскольку бараки были непригодны для баррикадирования, способные драться пленные солдаты — подводники, десантники и летчики — перешли в прочное здание камбуза, где размещалась и столовая. Здание санчасти по молчаливому соглашению боевыми действиями решено было не затрагивать. Здание камбуза было первой целью канадцев. Они атаковали его силой до роты. Таранами они вышибли оконные рамы. Но как попасть внутрь?

Столы были поставлены на ребро, столешницы закрывали окна. За ними стояли немцы, вооруженные хоккейными клюшками, па-

латочными кольями, кухонными половниками, ножками от стульев, и били по каждой голове, защищенной стальным шлемом, показывавшейся в проеме. Джим Фэрлей оказался наиболее находчивым канадским солдатом. Он просто взял разбег и прыгнул через окно в дом. Но внутри его схватили, посадили в угол, его стальная каска стала служить одному из подводников для защиты головы. Пленные защищались всем, что подворачивалось под руку, — фарфоровой посудой, банками с мармеладом — всего этого было достаточно. С обеих сторон имелись раненые. Но не было ни одного выстрела. «Don't kill», — приказал канадский командир роты своим людям перед атакой. «Не убивать!»

Поздно ночью, около полуночи, здание камбуза было взято. Военнопленные боролись всеми способами. Они сыпали в лицо наступающим солдатам перец, бросали в их головы банки с мармеладом, так что было нельзя понять, то ли лицо наступающего в крови, то ли в малиновом варенье, разносили кофейники об их черепа, но ничего не помогло. Канадцы выиграли битву за камбуз. После этого они получили пленных солдат по своему списку для заковывания, но ни одного офицера. Те еще держались в другом каменном здании. Двери были заставлены мебелью, кроватями, завалены матрасами, и все это было прочно связано.

Однако в тот же вечер был взят дом V, обитатели которого забаррикадировались в подвале. Канадцы просто затопили подвал водой из пожарных рукавов. Для этой операции понадобилось лишь несколько канадских солдат. Остальные тем временем в надземных жилых помещениях нашли запасы пива и сигарет, которые собрали, чтобы отпраздновать победу. По возможности, они поживились и ценными сувенирами, которым можно было найти широкое применение, — ордена, почетные знаки, знаки различия с униформы, кокарды и тому подобные вещицы нашли себе место в карманах канадцев.

Тем временем вода поднялась в подвале под самый потолок. Наквозь промокшие немецкие офицеры поднялись по лестнице из подвала. Это была «прогонка сквозь строй», и все канадские солдаты снова были тут как тут. Немецкие офицеры один за другим поднимались с поднятыми руками. Выпитое пиво канадцев развеселило. Ударами, пинками, тумаками мстили они за разбитые во время штурма здания камбуза головы своих товарищей. Мало проявивший себя при этом капитан Брент, отвечавший за техническое состояние лагеря, стучал своей офицерской тросточкой каждого сдавшегося ему офицера по голове.

Не борьба с солдатами, а эти высокомерные удары капитана тросточкой по головам привыкших к вежливому обращению подводников, ветеранов Африки и летчиков приводили в бешенство.

На следующее утро коменданту лагеря был заявлен протест, в котором говорилось, что капитану Бренту желательно больше не появляться в лагере, поскольку его безопасность после его действий со стороны немецкого лагерного руководства больше гарантироваться не может.

После этого впервые установилась тишина. Канадцы вылавливали немногих сухопутных офицеров из общей массы задержанных пленных и надевали на них наручники. Остальные были «отпущены» и могли искать себе место для сна. Первый день боев подошел к концу.

Однако дело с задержанием и установлением личностей офицерского гарнизона дома V закончено не было. Под властью канадского коменданта лагеря было достаточное количество немецких офицеров всех родов войск, но не тех офицеров сухопутных войск, которых он должен был заковать в наручники в соответствии со списком военного министерства в Оттаве. Тогда канадцы предложили обмен: если все офицеры сухопутных войск, указанные в списке, выйдут к лагерным воротам, то все офицеры, сидящие в доме V, если они не значатся в списке, могут снова выйти в лагерь.

Но настроение было слишком испорчено ударами тросточки капитана Брента. После совещания предложение было отклонено. «Вы можете уже взять себе всех по одному из лагеря», — говорилось в ответе.

Тем временем события в Боумэнвиле наделали много шума по всей стране. Газеты приносили драматические сообщения. По ним все выглядело как кровавые беспорядки, как открытый мятеж против армии. Посланник швейцарского посольства в Оттаве в качестве представителя державы-покровительницы прибыл в лагерь для посредничества. Но его усилия были напрасны. Находящиеся во 2-м лагере Боумэнвила не были готовы в какой-либо форме добровольно дать заковать себя в наручники.

Наступил следующий день — воскресенье. По воскресеньям не воюют. Канадцы использовали время для подвода новых войск, так как рота, действовавшая накануне, была слишком ослаблена потерями и не могла дальше продолжать штурмовать в лагере дом за домом. Но еще сохранялось перемирие.

В лагере стояла мирная тишина. Можно было выбираться из домов через окна, поскольку двери были забаррикадированы.

Вдруг поступил сигнал тревоги: «Капитан Брент идет по лагерю!» Он шел вдоль лагерной улицы в сопровождении солдат охраны «ветеран гардс». Прямо как настоящий победитель. Капитан 3-го ранга Кречмер занял позицию в месте, незаметном со сторожевых вышек, и в ответ на вызывающе веселое приветствие капитана Брента: «Доброе утро, командер!» — Кречмер со словами «Это за удары тросточкой!» ударил его точно в челюсть, так что канадец полетел на землю, как от удара молнией. Мгновенно была создана группа захвата, капитан был схвачен, через окно затащен в одно из зданий и связан. Затем группа захвата окружила его, чтобы с триумфом отвести на гауптвахту.

Но тут у канадских часовых терпение лопнуло. Со всех вышек затрещали выстрелы. Прицельный огонь. Пули засвистели вокруг людей. Группа захвата кинулась назад к дому. Подводник старший мичман Фолькмар Кениг протискивался в здание последним. Но на входе его достали выстрелы. Одна из пуль на высоте головы попала в баррикаду в двери, две — в стену, осколки камня посекали Кенигу бок. А потом огонь достиг своей цели: пуля прошла через бедро навывлет. Товарищи занесли его в дом. Для старшего мичмана Кенига сражение при Боумэнвиле закончилось. Как и полагается раненому воину, его доставили в лазарет и лечили квалифицированно и заботливо. Не было никаких осложнений. В свои 59 лет Фолькмар Кениг еще и сегодня бегом поднимается по любой лестнице.

Охранники освободили капитана Брента от веревок. К его чести, надо сказать, что он не был мстительным и не воспринял случившееся трагически. Хотя он и знал точно тех, кто его захватил, но отнесся к этому по-спортивному. Может быть, и потому, что свои люди не относили его к любимым офицерам, да и сам он не считал удары тросточкой геройским поступком.

Третьим днем сражения при Боумэнвиле был понедельник. Канадский батальон, развернутый по штату военного времени, был направлен в Боумэнвиль, чтобы с вдохновением уладить дело.

Он тоже сначала попытался выполнить задачу, вооружившись бейсбольными битами, дубинками и защитив головы стальными шлемами. Когда дело не пошло, поступила команда идти в штыковую. Так они взяли дом за домом.

Один из пленных офицеров-подводников рассказывает о последнем акте так: «Сам я был в большом доме. Мы снова вооружились, на этот раз пожарными топорами и толстыми кольями для палаток, которые ставили для вновь прибывающих бойцов из Африки. Так как у нас не было стальных шлемов, как у наших противников,

к головам мы привязали подушки. Это выглядело фантастично. Потом пришли они и попытались сломать двери. Но это не получилось, так как мы перед дверью построили баррикаду из кроватей и все подперли балками.

Но канадцы тоже были находчивы. Они поднялись на крышу, пробили в ней дыры и стали в них проваливаться или спрыгивать внутрь дома с четырехметровой высоты в самую гущу обороняющихся. К тому же они били водой из многочисленных пожарных рукавов. Поднялась чертовская суматоха. Мы кидались камнями, канадцы бросали их назад. А кроме того, у нас были консервы. И снова склянки с мармеладом стали артиллерийскими снарядами. Их мы собрали достаточно.

Борьба была ожесточенной. Потерявшие сознание лежали на полу, все плавало в разливающейся воде, все, что было в наших шкафах. Представить это просто невозможно.

Победителями остались, конечно, канадцы. Настоящие победители с любой точки зрения. Когда батальон уходил, они нам кричали: «Good sport!» Так это и было, хотя была масса раненых, но не было ни одного убитого и никакой ненависти».

Это было еще в 1942 году.

Заковычивание, производившееся теперь ежедневно, стало настоящим развлечением. Наручники надевали с утра, но снимали перед обедом и на ночь. Но часто наручники после их надевания сразу же «ломались», болтались на одной руке или вообще оставались в помещении.

В 13 часов 12 декабря 1942 года шутки кончились. Соглашением, достигнутым между Германией, Великобританией и Канадой при посредничестве Швейцарии, «война наручников» была прекращена.

Впрочем, сражение при Боумэнвиле имело еще некоторое время спустя любопытные бюрократические последствия, по-видимому, самые курьезные из отмеченных в документах Второй мировой войны. После сражения пленные офицеры, содержащиеся в Боумэнвиле, получили от канадского военного министерства длинный и значительный счет на то, что было разрушено во время беспорядков. И немецкие офицеры, которые и в плену получали денежное содержание, должны были его оплачивать. Этого делать они, конечно, не хотели. Они направили канадскому военному министерству встречный счет на то, что у них было испорчено или «было разобрано» на сувениры, прежде всего — ордена и предметы обмундирования. Позже все это можно было увидеть в продаже в монреальских магази-

нах: Железные кресты, Рыцарские кресты, Немецкие кресты в золоте, нарукавные нашивки, кокарды и тому подобное.

Завязалась длительная переписка между лагерем и военным министерством. И везде вверху, под «шапкой» письма и в ответах министерства, так, как положено во всем, что относится к бюрократии, стояло: «Относительно (двоеточие) сражение при Боумэнвиле».

Наконец дело было завершено договором, мирным договором. Канадцы отказывались от всех своих требований, немецкие военнопленные — от своих. Под договором стояли подписи немецкого офицера-подводника и канадского генерала.

Пожалуй, это единственный радостный мирный договор последней войны. Он был заключен в Боумэнвиле на озере Онтарио.

Правда, руководство лагеря не восприняло по-спортивному войну и сообщения в прессе: разбитые окна и двери никто не ремонтировал. Канадский ветер свистел в помещениях и заносил снегом кровати. В комнатах было холодно. Военнопленные пытались утеплить помещения «бортовыми средствами». На все их представления по этому поводу комендант лагеря отвечал только: «Посмотрим, что я смогу сделать». И ничего не делал. Только весной были устранены последние повреждения.

В этом отношении зима в Боумэнвиле чуть-чуть, но лишь чуть-чуть напоминала русские лагеря.

Хроника «войны наручников» была бы неполной, если бы мы не упомянули о ее швабской модели. Она была применена в лагере Гравенхарст, севернее Боумэнвиля, начальником там был подполковник Мейталер.

Когда Мейталеру были переданы списки офицеров сухопутных войск, которые должны были прибыть к воротам для того, чтобы на них надели наручники, указанные в нем военнопленные при поддержке всего лагеря отреагировали необычным образом. Они приходили на место в морской форме и называли фамилии товарищей-моряков. Так продолжалось целую неделю, пока канадцы не выловили среди пленных нужных им людей. А когда наручники были надеты, то они не продержались и четверти часа. Они постоянно ломались. В конце концов на всей территории Канады с юга до севера не осталось наручников. Тогда пленных стали связывать другими средствами, что имело еще меньший эффект. Когда история закончилась, канадцы были довольны больше, чем немцы.

Встреча на мысе Мезонет

Капитан третьего ранга Отто Кречмер спал глубоким сном. Вдруг тихо отворилась дверь. Молодой человек в ночном белье проскользнул в комнату и посветил карманным фонариком:

— Господин капитан, господин капитан!

Он потряс спящего за плечо. Тот проснулся.

— Что случилось?

— В «аквариуме» потолок обвалился, господин капитан. Все землей засыпано, — прошептал старший мичман Кениг.

Кречмер молниеносно вскочил с постели и побегал в соседнее спальное помещение для пленных младших офицеров, прозванное «аквариумом». То, что увидел Кречмер, было ужасно.

Шла осень 1943 года. Лагерь для военнопленных Боумэнвилль на северном берегу озера Онтарио. До войны это было учреждение для трудновоспитуемой молодежи, а после того, как ее выпроводили, оно идеально подошло в качестве лагеря для военнопленных. Теперь здесь сидели подводники, летчики, сбитые во время битвы за Британию, и солдаты Африканского корпуса Роммеля. И, как всем пленным в мире, им не давала покоя лишь одна мысль: «Как бы отсюда выбраться?»

В спальном зале бывших воспитанников спали младшие офицеры, в помещениях для воспитателей, расположенных по кругу, — старшие офицеры. Среди них были знаменитые командиры подводных лодок, такие, как «король тоннажа» Отто Кречмер, 1912 года рождения, командир U 99, кавалер ордена Рыцарского креста с Дубовыми листьями и мечами за 313 611 тонн потопленного корабельного тоннажа, капитан-лейтенант Ханс Ениш, командир U 32, капитан-лейтенант Герберт Вольфарт, командир U 556.

Между кирпичными зданиями построили бараки. Имелись лагерьный госпиталь, здание кухни со столовой, здание склада с буфетом, столярная мастерская и внутренний караул. Все это окружал двойной забор из колючей проволоки, по ночам он был освещен. Перед ним в качестве предупредительной границы была растянута проволочная сеть на низких кольях.

Лагерь был переполнен планами побега. План побега стал термином. Была создана координационная комиссия, которой было необходимо докладывать такие планы, чтобы не возникало накладок. Предательства и доноса в Боумэнвилле не было.

Капитан Кречмер был немецким комендантом лагеря. Но это не помешало ему с несколькими товарищами разработать великолепный план побега.

Как и во всех подобных планах, в нем был главный замысел — подвести трубу под проволочный забор. А потом? А на «потом» у Кречмера была особая идея.

Секретный код «Ирланд»

«Разделить 26 букв алфавита на три группы: две группы по девять и одну — восемь букв, таким образом, первая группа закончится на *i*, вторая — на *g*.

1-я группа: от *a* до *i* в качестве начальной буквы означает точку (.) азбуки Морзе;

2-я группа: от *j* до *g* в качестве начальной буквы означает тире (—) азбуки Морзе;

3-я группа: от *s* до *z* в качестве начальной буквы означает (/) разделительный знак.

Из букв *i* и *g* образуется ключевое слово «Ирланд». Теперь нужно знать только азбуку Морзе (которой, само собой разумеется, владел каждый командир подводной лодки), чтобы уметь работать с секретным кодом.

Когда началась подводная война, была поставлена задача разработать секретный код, который бы помог попавшим в плен командирам подводных лодок в обычных письмах из плена, несмотря на цензуру, направлять сообщения в штаб подводного флота и получать оттуда секретные указания. В штабе флота хотели знать кое-что о том, где и каким образом командир попал в плен, как и каким оружием была потоплена подводная лодка. Обычные тексты писем военнопленных скрывали секретные сообщения, зашифрованные через азбуку Морзе в начальных буквах слов. Так, например, по предложению «Мои товарищи и я долгое время волновались, что мы...» совершенно невозможно было догадаться, что оно содержит слово «мина». Решение было таким: первое слово начинается на «М», относится ко второй группе алфавита, поэтому, как и все другие буквы этой группы, обозначает тире в азбуке Морзе¹. Второе слово — на «Т», относится к той же группе и тоже обозначает тире. Затем следует «И», относящееся к третьей группе, оно обозначает разделительный знак (/). Теперь узнается буква из азбуки Морзе — два тире — «М». «Я» и «долгое» — относятся к первой группе алфавита, поэтому обозначают две точки по азбуке Морзе или букву «И». Так можно продолжать дальше, пока не будет выявлено слово «Мина». Для того чтобы закодировать это короткое слово, требовалось одиннадцать слов текста. Длинные романы затрудняли передачу, зато имелось преимущество, что отправитель имел свободу выбора слов и мог не употреблять совсем уж неестественные выражения. Одно и то же секретное слово могло быть закодировано тысячью различных текстов. Никакой бы разницы не было от того, если бы недоверчивый цензор распорядился отправить не оригинал письма, а его машинописную копию, не особо помешало и то, если бы он сделал нечитаемыми отдельные слова и выражения».

¹ Пример расшифровки дан по смыслу в русском переводе, поэтому начальные буквы русских слов коду не соответствуют.

У каждого офицера подводного флота на случай, если ему придется писать из плена, был в голове хитроумный шифр, который можно было помещать в письма родителям, жене или невесте, — секретный код «Ирланд». Если в соответствии с ним расположить буквы в определенном порядке и прочитать в определенной последовательности, то они передадут секретное сообщение.

Родные офицеров-подводников были оповещены о том, что они должны сообщать обо всех письмах, содержание или формулировки которых окажутся необычными, командованию подводного флота.

На этом и построил Кречмер свой план. Первый вахтенный офицер с U 99 фон Кнебель-Дёберитц получил задание зашифровать в своих письмах к матери сообщение командующему немецким подводным флотом адмиралу Деницу о планах побега и сделать запрос о том, готов ли он направить подводную лодку к восточному побережью Канады в устье реки Св. Лаврентия, чтобы взять на борт подводников в случае удачного побега и доставить их домой! План, кажущийся сумасшедшим. Но подводники знали, что могли положиться на своего командующего.

Итак, письмо фон Кнебель-Дёберитца было отправлено. В нем шла речь о цветах, о весне и даже об ослике (из-за недостатка необходимых букв). Слог его был очень хорош, оно было логичным и совершенно бесхитростным.

А затем приступили к планированию. Хотя было известно, что капитан Люфтваффе фон Казимир со своей командой роет туннель, было решено построить специальный военно-морской туннель.

Они не торопились, подошли к работе тщательно, так как переписка с Деницем растянется на многие месяцы. Письму требовалось три месяца, чтобы дойти до получателя. Таким образом, пройдет двенадцать месяцев до тех пор, пока получатель согласует с Берлином место и время.

А что сказал Дениц?

Командование подводного флота очень заинтересовалось этими планами побега. Не столько из-за их успеха, который был под вопросом, сколько потому, что такие замыслы занимали людей, поднимали им настроение, наполняли смыслом их жизнь, создавали чувство приключения. Что-то вроде психологической поддержки на расстоянии. Очень полезное и эффективное дело! В этом отношении план звучал так же хорошо. Идея помочь побегу из Канады полудюжине подводников, среди которых был такой ас, как Кречмер, и доставить

их из устья реки Св. Лаврентия домой понравилась адмиралу и его офицерам. Это был бы смелый поступок.

Фрау фон Кнебель-Дёберитц в трогательном ответном письме своему сыну зашифровала одобряющую реплику командующего и сообщение о «направлении помощи».

В Боумэнвиле воцарилось воодушевление. Сначала пришли деньги. Канадские доллары в двойном дне консервных банок. Тем же путем пришел радиокод. Радиокод? Да, один из офицеров Люфтваффе в полый ножке стола в своей комнате смастерил радиоприемник и передатчик. Вот это была работа! Ни один из флотских радистов его не сконструировал, а вот офицеру Люфтваффе это удалось. Это был один из тех техников, которые из ничего, проволоки и сигаретных пачек делают радиостанции, как это случается в плену.

Автор этой книги Пауль Карель сам в течение нескольких месяцев пользовался в американском плену радиоприемником, вмонтированным в пачку из-под табака марки «Принц Альберт». Сделал его один зубной врач. Пачка табака в кармане куртки выдержала все проверки тщательно обыскивавших охранников.

Вместе с направленным в Боумэнвилль радиокодом командующий подводным флотом определил даже свою волну, использующуюся для прорывателей блокады¹, на которой у сидевших в лагере был хороший прием, и они с усердием расшифровывали сообщения от него. Сами они могли выходить в эфир только в крайнем случае, чтобы не быть запеленгованными.

Энергия для передатчика? Ее брали из канадской электросети. Было сделано подключение к кабелю. Для передатчика был установлен собственный трансформатор. Проблему с лампами они решили путем подкупа охранников, которым сказали, что лампы нужны для их маленького лагерного кинопроектора, в котором их нужно заменить. За пользующиеся спросом сувениры и, конечно же, за деньги охранники с удовольствием выполнили эту просьбу.

На рытье туннеля работали 50 офицеров. Вход в него был устроен в специально переделанном для этого платяном шкафу. На день для маскировки в него вешали вещи, на время работы их вынимали. Вход закрывала съемная керамическая плита. Они работали малень-

¹ Прорыватели блокады — торговые и военные корабли германского флота, прорывавшие морскую блокаду и выходившие в Атлантику и Тихий океан за стратегическим сырьем и для организации диверсий на морских коммуникациях союзников.

кими крючками собственного изготовления и совочками, сделанными из банок от печенья.

Вопрос, возникший после первого удара лопатки, гласил: «Куда девать землю?» Куда девать всю эту грязь, которую проходчики, как кроты, высыпали через платяной шкаф?

Решение было таким: над потолком был низкий чердак, тянувшийся над всем домом. Высота его была достаточна для того, чтобы там можно было ползти, протискиваясь под стропилами крыши. Снизу потолок был обшит листами прессованной пробки. Они стали сыпать мокрую землю, вынутую из штольни, на чердак.

Перетаскивать землю под низкой крышей было тяжело. Они сделали грузовые тележки и направляющие для них — все из дерева. Грунт из штольни транспортировался теперь «машинным» способом: сначала его выносили из штольни в мешках, которые тоже сшили сами, с помощью блоков их поднимали на чердак, затем землю перегружали на деревянные тележки, которые по деревянным направляющим ползли от одного отделения чердака до другого, их тянули и толкали. Постоянно надо было разгружать ее на потолочные балки. Это была скотская работа.

Однажды все в буквальном смысле ушло в воду: штольню затопило. Прорыв воды. Все труды оказались напрасны.

Что теперь? Большое совещание. Начинать сначала? Это бы непоправимо сдвинуло сроки. Тут вдруг один сказал главное слово: «Капитан фон Казимир!»

Было известно, что он тоже работал над туннелем; это было ближе — присоединиться к команде, работать вместе с Казимиром. Так и сделали.

Проблема с вынутым грунтом встала теперь несколько иначе, поскольку вход был в другом здании. Поэтому землю из шахты высыпали теперь прямо на перекрытие. Это была двускатная крыша с огромным чердаком, на который вел люк с одной стороны, через него поднимали землю из штольни. Подкоп Казимира должен был иметь длину около 100 метров. Он должен был пройти под колючей проволокой и под дорогой до кустарника, где незаметно мог быть пробит выход.

План, объединивший многие из бесчисленных дум о свободе, должен был положить начало массовому побегу. Через него звездобразно в разные стороны должна была разбежаться по стране сотня человек. Кречмер и его друзья, среди которых и фон Кнебель-Дёберитц, капитан-лейтенант Хорст Эльфе и капитан-лейтенант

Ханс Эй, хотели направиться к мысу Мезонет у бухты Шале и ждать там подводную лодку, которая бы их забрала. Маршрут они проложили на листе из школьного атласа.

Туннель рос. Они работали неутомимо. После опыта с затопленной штольной, которая не крепилась, в этот подкоп под дорогой были поставлены крепления. Из чего? Техники перепроверили данные конструкции крыши и констатировали: часть досок перекрытия потолка можно снять. Распиленные соответствующим образом, они стали крепежом в шахте. Но только защиты от обвала было недостаточно. Кротам, копающим в глубине, нужен был также и воздух. Проблема была решена тем, что из консервных банок, уложенных в глиняный желоб, сделали воздуховод. Для этого им потребовалась почти тысяча банок. Достать их было не так-то просто, так как из тонн мусора консервные банки не должны были вдруг исчезнуть. Это бы насторожило канадцев. Через трубу из консервных банок пленные нагнетали воздух в штольню самодельными мехами. Кроме того, по ходу штольни наверх было пробурено вентиляционное отверстие.

К сожалению, через это вентиляционное отверстие поток воздуха из мехов выходил наружу. Поэтому его надо было охранять. Не только от канадских часовых, но и от собак, имевшихся в лагере, для которых это вентиляционное отверстие было подходящим местом, чтобы в нем порыться. Поэтому над вентиляцией лежал в шезлонге с книгой один из пленных офицеров «на читальной вахте».

А потом случилось то, что мгновенно стряхнуло с Кречмера сон: когда капитан с мичманом Кенигом, поднявшим его с кровати, зашли в «аквариум», их ждал сюрприз. Два квадратных метра потолка из пробковых плит провалились, и грунт из штольни просыпался. Груз спрятанной земли стал слишком велик.

На счастье, никто из спавших офицеров не пострадал. Что теперь?

Кречмер распорядился вытащить всю землю в чулан. Потом он принес свои простыни, и они подшили их к потолку. Краска была в мастерской. Ее размешали пожелтее. Когда рассвело, потолок был готов. В общем пятно на потолке было незаметно. К тому же на утренней перекличке удалось отвлечь проверяющего канадского офицера веселой болтовней. Вечером потолок окончательно отремонтировали с помощью гипсового листа. Кречмеру вернули его простыни. Отстирать с них краску было не так-то легко. И все же заделанная пробоина в потолке осталась незамеченной. Со временем на этом месте

даже сделали настоящий люк, как будто бы в этом месте был обычный ход на чердак.

Штольня продолжала расти. Прошли забор. Теперь дорога. Из-за нее попали в опасную зону, так как грузовики давали большую нагрузку. Необходимо было обеспечить тщательное крепление.

Снова дело было ночью. И снова кто-то будил Кречмера:

— Господин капитан, господин капитан!

Потолок провалился и в мичманском зале. Мокрая земля, пробковая крошка и гипс просыпались на головы некоторых мичманов. Чтобы закрыть дыру, теперь требовалось много простыней.

Несколькими днями позже произошел новый обвал: для крепежа штольни они сняли слишком много досок потолочного перекрытия, и случилось то, что должно было случиться. Кто-то просчитался с объемами земли, и в результате появилась дыра в потолке.

Кто-то предложил вырезать второй люк. Так и сделали. Аккуратно вырезали отверстие, сделали окантовку из реек. И канадцы ничего не заметили.

Все ближе и ближе штольня подходила к завершению. Еще несколько метров, и все готово.

В штольне была не только вентиляция, но и электрическое освещение. Однако, как только вся сотня беглецов пройдет по ней, считалось, что все это хитроумное сооружение надо будет снова разрушить. Все были убеждены в том, что канадцам надо как можно сильнее помешать отследить путь побега. Сумасбродная идея, но ее претворили на практике.

То ли этот пыл, то ли кипучая деятельность, распространившееся благодушие, быть может, донос шпиона или то, что канадцы расшифровали код «Ирланд» и давно знали о предприятии, но не имели о нем точной информации, — в любом случае за несколько дней до запланированного побега произошло нечто необъяснимое: толстый штаб-сержант Ньюмэн появился утром с тремя охранниками. Проверка!

Они прошли по помещениям, затем взяли пожарную лестницу, и Ньюмэн забрался к люку на потолке, ведущему на чердак, открыл люк, протиснул в него толстое туловище, а потом все внизу, в спальном помещении, слышали только повторяемые Ньюмэном слова: «Боже мой, боже мой!» Штаб-сержант обнаружил насыпанную на чердаке землю! Штаб-сержант, отвечавший за всю организацию лагеря и за обеспечение безопасности, был поражен, а когда он спустился с лестницы, то побледнел до мочек ушей.

Ньюмэн доложил о находке. Пришел генерал. Он молча осмотрел тайник.

— Где подкоп?

Готовившие побег мгновенно нашлись. Перекинулись парой слов. Пробежал шепоток, предупреждение вполголоса, но достаточно громкое, чтобы охранники его могли слышать. С грохотом все обступили шкаф, чтобы не дать к нему пройти и в то же время привлечь внимание занервничавшей охраны.

— Что там со шкафом? Открыть!

Обитатели комнаты медлили. Вот сейчас охранники примутся за дело. Ага, ну и что, это же был шкаф на входе в затопленную, давно заброшенную штольню. Попадутся ли канадцы на эту уловку?

Канадцы полезли в старый туннель. Уверенные в победе, они улыбались. Убедятся ли они, что это та самая штольня? К сожалению, среди них оказался офицер инженерных войск. Он тоже полез в штольню. А когда выбрался наружу, сказал:

— Так много земли не может быть вынута из такого маленького хода. Должен быть еще один подкоп.

Весь лагерь был поставлен на голову. Солдаты охраны тыкали в землю железными прутами. И наконец они нашли, что искали. Не больше двух метров не хватало прорыть для завершения. А подводная лодка, которая должна их забрать в бухте Шале, была уже недалеко от назначенного места.

Разочарование было безграничным. Но слаться? Нет и еще раз нет! Но как быть? Строительство туннеля возобновить уже невозможно. Обстановка требовала совершенно новой концепции. Решение пришло от капитан-лейтенанта Хейды, симпатичного одиночки, потерявшего свою подлодку U 434 во время атаки гибралтарского конвоя. В то время как Кречмер и его люди консервативно копали туннель, Хейда разработал свой собственный революционный план побега: он хотел перебраться не под, а над колючей проволокой. А именно по проводам линии высокого напряжения. Это походило на авантюру. Но на самом деле это было просто, как и все гениальное. По эту и по другую стороны забора из колючей проволоки стояло по одному деревянному столбу. От одного к другому шел электрический кабель, по которому извне лагерь обеспечивался электричеством. На нем Хейда и основал свой план.

Он изготовил кошки и боцманский стул — доску, подвешивающуюся на веревках, сверху он приделал деревянные направляющие ролики. План его был таков: ночью забраться с помощью кошек на

внутренний столб, навесить ролики боцманского стула на кабель, затем (уже не касаясь земли), перебирая руками по кабелю, перебраться через колючую проволоку, снаружи ограждения спуститься по столбу и исчезнуть.

Главный вопрос заключался в том, выдержит ли кабель человека, худого, шуплого мужчину, двадцати пяти лет, который все же весил более шестидесяти килограммов. Проверить кабель на прочность было невозможно. Необходимо было принять в расчет риск того, что кабель может оборваться. И Хейда был готов принять это в расчет.

Однако массовый побег по электрическому кабелю был невозможен. Но после того как прибытие подводной лодки, которая уже точно находилась на пути к бухте Шале, все равно отменять было поздно, нельзя было допускать, чтобы она ждала напрасно. По крайней мере, одного она должна была забрать. Одного вместо пяти-шести, как бы это ни было обидно для других. И поскольку план с электрическим кабелем разработал Хейда, то место в подводной лодке отводилось ему. Такими они были, асы подводных лодок!

Все теперь начали работать, чтобы обеспечить побег Хейды. Он получил форму сержанта канадской армии, которая нашлась в тайных запасах пленных. Ее удалось достать благодаря недосмотру в химчистке, и она должна была послужить для одного из планов побега, о котором еще предстоит рассказать. Он получил деньги, которые пришли из Германии в двойном дне консервных банок, удостоверение личности и отлично подделанное командировочное удостоверение с подписью главнокомандующего канадского военно-морского флота. Оно разрешало проход в запретную зону мыса Мезонет.

Подпись по факсимиле из газеты подделал художник, хобби которого было рисовать лагерь и портреты пленных товарищей.

И в одну из ночей Хейда пропал. Его товарищи устроили большое песнопение, оглушившее часовых. Сразу же после первой строфы «У колодца возле башни»¹ Хейда заскользил по воздуху.

Когда он за пределами лагеря спускался со столба, его окликнул часовой с вышки. Хейда хладнокровно откликнулся по-английски: «Дежурный офицер!» И спокойно пошел от лагеря в своей сержантской форме.

На утренней перекличке в колонну по пять проходили мимо дежурного канадского офицера и дежурного сержанта. Пленные разыграли такой театр, что отсутствия Хейды не заметили. Вечером тот

¹ Слова из старинной немецкой песни.

же трюк прохождения с набитым чучелом удалось повторить, хотя и с трудом.

Так Хейда получил дополнительную фору в 36 часов, пока на перекличках удавалось устраивать различные трюки и канадцы не объявили большой тревоги по случаю побега.

Из Боумэнвиля через Монреаль до маленького портового городка Бат Хейда в своей сержантской форме нагло ехал поездом. Потом он шел пешком до мыса Мезонет, где, как он надеялся, его на своей подводной лодке ждал Шауэнбург.

Лодка действительно была уже на месте событий. В июле 1943 года адмирал Дениц во время доклада о возвращении из боевого похода сказал капитан-лейтенанту Рольфу Шауэнбургу:

— Шауэнбург, к вам у меня особое поручение. Особая операция у канадского побережья. Есть ли у вас желание в ней участвовать?

Естественно, у Шауэнбурга такое желание было.

Он рассказывал: «Сначала я на восемь дней поехал в отпуск, а потом вернулся на базу во Франции. Там ко мне пришел Адди Шнее из штаба командующего с инструкциями: «Послушай, там тебе будет над чем поработать, замечательное дело!» А папаша Кальс, мой командир флотилии, дал мне более точные указания: «Надо забрать Кречмера, фон Кнебель-Дёберитца, Эльфе, Эя». А потом посвятил меня в авантюрный план побега Кречмера.

Специальный курьер из Берлина доставил специальные карты и материалы. Тем временем я занимался вооружением лодки. Никто в Лорьяне ни о чем не подозревал».

А потом они ушли в море. Бороздили Атлантику. На связь не выходили, не позволяли себе ни на что отвлекаться.

И вот замаячила цель. Ночью в надводном положении они прошли через пролив Кабо в реку Святого Лаврентия: они стояли у двери в Канаду.

Луч от маяка на мысе Мезонет умиротворяюще освещал устье реки Святого Лаврентия. Он тянулся через темную бухту Шале далеко в море. Стояло новолуние, но небо было ясным. То есть для людей на мостике U 536 погода была идеальной — темно, но видно.

По широкой дуге, пока не появился в виду остров Антикости, Шауэнбург шел в бухту Шале. Вход преграждали эсминцы, но он проскользнул. Примечательно то, что бухта была словно вымершей — никакого движения, ни парохода, ни рыбака — тишина.

Шауэнбург скомандовал погружение. Два с половиной дня они лежали под водой посреди бухты, ждали и наблюдали за берегом

мыса Мезонет. Это была необычно мирная картина: освещенные улицы, полные света дома и трамваи. Фары автомобилей на крутых шоссе. Свет маяка на мысе Мезонет.

Капитан-лейтенант Шауэнбург собрал команду и довел до нее секретное задание. Для моряков это было настоящее дело: создать десантную группу, высадиться на берег и забрать Кречмера, «Отто молчаливого», как все звали короля тоннажа.

— Вот это да, — говорили они, — вот это да, это — дело.

Второй вахтенный офицер лейтенант Фройденберг был назначен командиром для проведения береговой операции. Он сразу же собрал свою небольшую группу, с которой должен был на резиновой лодке идти к берегу.

Наконец время пришло. В вечерних сумерках Шауэнбург с середины бухты тщательно осмотрелся через перископ. Он стоял несколько в стороне от условного места, а теперь вплотную подошел к берегу. Берег казался спокойным. Никто на лодке не ожидал ничего плохого.

Когда полностью стемнело, незадолго до условленного времени — 23 часов, U 536 всплыла для вентилирования и подзарядки батареи. Она очень тихо шла на электродвигателях. Бесшумно приблизилась на расстояние 500 метров до берега. Не отрываясь смотрели в бинокли. Темный, но различимый берег лежал перед ними. Не было видно ничего подозрительного. Но не было и никаких условных сигналов. Было уже 23.15, и они стояли в ста метрах от условленного места. Лодка подошла еще ближе и стала то приближаться к берегу, то отходить от него. Угадывался плоский пляж, песок, кусты, а за ними — деревья.

Они должны были следить за тем, чтобы не попасть в луч маяка.

Пока еще ничто не беспокоило. Радиостанция была настроена на условную волну, на которой подпольный лагерный передатчик должен был сообщить об удачном побеге. Нетерпеливо Шауэнбург спрашивал сверху о новостях. Нет, приема нет! А снаружи никаких световых сигналов Морзе.

Потом внезапно крик радиста: «Господин капитан-лейтенант! Нас вызывают!» Все были как наэлектризованные. Итак, теперь приключение началось!

Был ли Хейда на выжидательной позиции? Да, был. Только не так, как думал Шауэнбург. По стране Хейда благополучно добрался до мыса Мезонет. Но это уже не было уединенным местом. Подраз-

деление канадских солдат там занимало позиции. Их командир задержал Хейду и тщательно проверил его документы.

— Что вы тут делаете?

— Провожу геологические изыскания по приказу главнокомандующего канадскими ВМС. — Не моргнув глазом Хейда протянул ему свои фальшивые документы. Канадец их проверил.

— О'кей, — сказал он наконец, — можете идти.

Настолько хорошо были сделаны бумаги!

День Хейда провел в дощатом старом сарае в сотне-другой метров от маяка. Но ночью ему надо было выйти на самый мыс, откуда он должен был по азбуке Морзе вызвать резиновую лодку. Поэтому после того, как стемнело, он побрел дальше. Однако «геолога» снова остановил канадский патруль. Этот оказался недоверчивее, отвел его к маяку. Распорядился по телефону запросить штаб флота. Оттуда подтверждения не последовало. Хейду арестовали, обыскали, допросили. Начали подозревать в нем вражеского агента. Наконец Хейда сказал, кто он есть на самом деле. Назвал фамилию и воинское звание, больше ничего. Естественно, ни слова о подлодке. Но это, как вскоре оказалось, было и не нужно.

В то время как Шауэнбург и его люди с мостика подлодки напряженно следили в бинокли за пляжем, Хейду под сильной охраной доставили в верхнее помещение маяка на мысе Мезонет. То, что он там увидел и услышал, привело его в ужас. Там были офицеры английского флота. Были развернуты радиостанции. А потом последовал подобный взрыву вопрос англичан, адресованный Хейде:

— Вы, наверное, тот человек, которого капитан-лейтенант Шауэнбург должен забрать на свою лодку?

У Хейды вытянулось лицо. «Томми» засмеялся и сказал на манер словоохотливого криминалиста, стоящего у цели и не опасующегося сделать неверный ход:

— Да, джентльмен, у нас хорошая служба, уже несколько недель мы знаем об этой акции, нам было неизвестно только, должен ли Шауэнбург кого-то доставить или кого-то забрать. Кажется, что он должен был забрать вас. Ну, теперь он здесь у нас в ловушке.

Несомненно, о походе Шауэнбурга англичанам было известно. Измена или радиоразведка, которая, как мы теперь знаем, была более эффективной, чем считалось еще долго после войны. До сих пор англичане не раскрыли тайны этой операции.

После этого разговора Хейду снова отправили вниз и заперли в нижнем помещении маяка. Отсюда он слышал, как англичане по радио отдавали приказания эсминцам, укрывавшимся за мысом. Это была целая группа охотников, и она получила приказ загнать немецкую подводную лодку в бухту Шале.

— Подлодка, — услышал Хейда англичан, говоривших по радио, — стоит в 400 метрах от берега, пеленг с маяка 10 градусов. Внимание, группа охотников, сейчас мы свяжемся с подлодкой.

Это был момент, когда капитан-лейтенанту Шауэнбургу поступил радостный доклад с радиостанции его подводной лодки:

— Господин капитан-лейтенант, нас вызывают!

И сразу после этого:

— Вызов следующий: «Подходи, подходи!»

Шауэнбург насторожился: «Подходи, подходи — это не условный сигнал». Шауэнбург, хитрый лис, заподозрил, что здесь что-то не так.

— Волна соответствует? — спросил он радиста.

— Нет, волна не та.

Ложный сигнал на ложной волне! А с пляжа нет условных световых сигналов.

Шауэнбурга охватила подозрительность. У него была та «добродетель», которая часто спасала его, храброго сорвиголову, в тяжелой обстановке от неприятных неожиданностей, — осторожность.

Шауэнбург сделал разворот, чтобы отойти немного от берега и дожидаться второго вызова, назначенного на час ночи.

Мощный луч света с севера вдруг осветил все происходящее. Лодка стала видна словно на ладони. «Тревога! Погружение!» И они ушли. К счастью!

Едва лодка скрылась под водой, как акустик доложил о сильном шуме винтов. Выбора не было. Шауэнбург положил лодку на грунт на глубине 30 метров и приказал всем замереть: ни звука, ни шума!

Как только последовал этот приказ, винты уже загудели совсем рядом. А потом начался конец света. Грохнула первая серия глубинных бомб.

Примечательно, что ущерб был невелик. Лодку сильно тряхнуло. Погас свет. Разбилась пара стаканов. Но больше ничего не произошло. Вероятно, мелководье способствовало тому, что основное давление было направлено вверх.

А теперь Шауэнбург отправил всех в койки, чтобы сэкономить воздух на тот случай, если такое преследование затянется.

Наконец лодка смогла сняться с грунта, проползти немного в сторону моря, пока не нашла ямы глубиной 40 метров, чтобы в ней залечь. Там они ждали целый день и не шевелились. Все лежали, заняты были только центральный пост и акустики.

В середине дня еще четыре корабля обшаривали бухту. Но полоса их поиска постоянно смещалась в сторону моря. Часами вверху слышались шумы, пилившие нервы. То ближе, то дальше. То там, то здесь. Постепенно воздух в лодке стал подходить к концу. В сумерки лодка двинулась к выходу из бухты Шале, чтобы с наступлением темноты всплыть. Осмотр через перископ: все чисто.

Шауэнбургу мастерски удалось не только вывести поврежденную лодку из устья реки Святого Лаврентия в открытое море, но и потопить два канадских эсминца самонаводящимися торпедами «Цаункениг» новейшей конструкции.

Шауэнбург пережил войну. А храбрый Хейда? Человек, потерявший в бою свою подводную лодку, спасенный, попавший в плен, бежавший на свободу по высоковольтным проводам, снова попавший в плен, после войны возвратился домой и через несколько недель умер от полиомиелита, который еще называют детским параличом. Вот какая судьба!

Рольф Шауэнбург попался на обратном пути из бухты Шале севернее Азорских островов 20 ноября 1943 года. Во время атаки конвоя его лодку потопили английские и канадские эсминцы. Самого его выловили из воды и забрали в плен. Он выжил.

Находчивый беглец

В канадских лагерях для военнопленных Боумэнвилль и Гриздейл-Холл было разыграно еще много планов побега.

Один из них выделяется тем, что он хотя и не особо оригинальный, но обеспечил один из немногих успешных побегов из Канады.

Однажды обер-лейтенант Люфтваффе Штайнхильпер появился с лестницей и ведром с краской под охраной сержанта, который в действительности был таким же пленным. На пленном была та канадская сержантская форма, попавшая в лагерь по недосмотру химчистки вместе с вычищенными вещами пленных морских офицеров и позднее послужившая капитан-лейтенанту Хейде для побега. В то время как сержант, покуривая трубку, охранял, Штайнхильпер красил желтые круги на столбах забора. Затем он по лестнице перелез

через забор, чтобы и снаружи аккуратно завершить свое дело. Он переходил с лестницей все дальше от столба к столбу, пока не попал в пространство, не просматривавшееся с вышки. А затем он пропал в кустарнике.

После этого сержант снял форму и снова стал пленным. Форма оставалась спрятанной до тех пор, пока капитан-лейтенант Хейда не использовал ее во время своего побега на мыс Мезонет. Между тем Штайнхильперу повезло больше, чем Хейде. Прошло четыре дня, прежде чем узнали о его побеге. Но тогда он уже уехал на поезде за тридцать земель. Деньги и хорошо подделанные документы позволили ему перебраться в США, где он успешно скрывался до конца войны.

Там еще был лейтенант Круг, прозванный Беглецом Кругом за то, что он постоянно придумывал новые планы побегов. Ему почти посчастливилось добраться до Мексики. Он был очень уверен в успехе. Он все аккуратно подготовил. Он не хотел переходить границу ночью и поэтому решил переночевать в маленькой скромной гостинице. Но там он попался одному из постояльцев. Не из-за своего внешнего вида, поведения и выговора. Нет, у него были красивые хорошие наручные часы, и они в той среде людей, не имевших часов вообще, стали роковыми. Накануне ночью была ограблена часовая лавка, и газета об этом подробно сообщила, пообещав вознаграждение за поимку преступника.

Постоялец донес в полицию. Она приехала.

— Откуда у тебя часы?

Круг учел все, только не был готов доказывать происхождение своих часов. Он соврал что-то, но полицейского не убедил. Тот повел его в участок, а туда как раз поступила фотография разыскиваемого военнопленного из лагеря. Все!

В Гравенхарсте лейтенант Шмидт даже попросил лагерного врачашить ему под подбородок хоккейную шайбу, после того как упал, повредил колено и спрятался в лагере, в то время как его искали по всей округе. Он хотел бежать тогда, когда поиски не будут уже такими энергичными, а кроме того, его фотография в розыскной картотеке благодаря измененному подбородку потеряет значение.

Но во время ночной прогулки по лагерю его заметил сержант лагеря, который его хорошо знал. Все! Сделали операцию, шайбу снова вынули. Что осталось, так это широко известная кличка — Боди-Шмидт.

Пленных немецких офицеров, сидевших в канадских лагерях, прозвали «кавалеры из Канады». Они не страдали от голода. Их жиз-

ни ничто не угрожало. Они читали книги сколько хотели, изучали иностранные языки, играли в театре, у них был великолепный собственный танцевальный оркестр. Но колючая проволока, отсутствующая свобода и тоска по дому делали из них мастеров побега, гениев обмана и заставляли искать себе опасные для жизни фантастические приключения, чтобы попасть домой, где их ждала война, а война всегда идет рядом со смертью. Но ничто их не пугало, пусть даже они были «кавалерами из Канады».

И, наконец, нельзя не вспомнить историю Чарли Мюллера, который чудесным образом даже не попал в Канаду, чтобы влиться там в ряды беглецов. Он был единственным немецким офицером, у которого пособником побега, если использовать применяющийся нынче термин, был американский комендант лагеря.

Немецкий военнопленный с классической немецкой фамилией Мюллер чувствовал себя в это сентябрьское утро 1944 года более чем неуютно. Виной тому был не лондонский туман, папахивающий серой, и не его одежда. Удобные серые фланелевые брюки, которые ему дали несколько часов назад, так же как и твидовая куртка с иголки, белая спортивная рубашка и галстук должны были давать ему определенное приятное ощущение, так как он неделями ходил в морской форме, а в море носил свитер и кожаный комбинезон. Неудобство доставлял почти праздничный прием, который ему, успешному врагу, командиру торпедного катера, капитан-лейтенанту и шефу 10-й флотилии торпедных катеров Чарли Мюллеру, устроили здесь, в знаменитом здании британского Адмиралтейства. Один адмирал похлопал его по плечу, другой пожал ему руку, а офицеры королевского флота обращались с ним с большим дружелюбием и уважением. Против этого флота он еще позавчера в проливе с катерами своей флотилии вел бой не на жизнь, а на смерть. При этом его катер был потоплен, а его и команду вытащили из воды и в качестве пленных доставили в 16-й лагерь на Кенсингтон-Пэлас-Гарден в Лондоне. В свои 28 лет он был не каким-нибудь капитан-лейтенантом Мюллером. Он был Чарли Мюллер, ас-катерник немецкого военно-морского флота, специалист по торпедированию британских каботажных пароходов. Специалист по скрытым постановкам смертельных мин в проливе, один из самых быстрых борзых скоростного отряда, в котором служили также и другие знаменитые командиры торпедных катеров, так же, как Фридрих Кемнаде, риттер фон Георг, Нико Штемпель, Гётц

фрайгерр¹ фон Мирбах и Хайнц Бирнбахер — все те парни, которые были слишком хорошо известны англичанам. На карточке за фамилией Чарли Мюллера у британцев стояло три восклицательных знака. Он был начеку, хотя и чувствовал, что дружеское отношение противника во время войны не было наигранным.

Однако он знал, что британцы все бы отдали за то, чтобы его, кавалера Рыцарского креста, положить на лопатки именно такими рукопожатиями и виски, налитым в стаканы на три пальца высоты и поданным здесь же на письменные столы. Ничего у них не выйдет. Он им ни слова не скажет о своем вооружении или о тактике торпедных атак.

На стенах кабинета для совещаний командира флотилии торпедных катеров висели морские карты. Чарли Мюллер украдкой бросал на них взгляды, изучал нанесенные на них минные поля. Англичане заметили это, но не мешали его любопытству. Какие преимущества мог извлечь теперь этот немецкий пленный из знаний обстановки? Пару дней с ним поспразднуют, попробуют допросить, а потом зашлют в один из крупных лагерей для военнопленных в Канаде.

Еще много смеялись, казалось, что про войну забыли. Офицеры одну за другой выставляли бутылки с виски. Выпито было уже за все: за успехи, за семьи, за флотилии, за морские походы. Не пили только за одного — за Адольфа Гитлера. Через несколько часов сопровождавший Чарли Мюллера лейтенант-коммандер Питер Скотт (тоже в штатском) доставил своего пленника обратно в «лондонскую клетку», как знатоки называли специальный лагерь на территории английской метрополии.

— Если вам что-нибудь понадобится, скажите, а прежде всего хорошо выпитесь. О своих людях не беспокойтесь. С ними мы тоже хорошо обращаемся, — сказал Скотт. Затем он попрощался со словами: — Завтра я приглашаю вас на непринужденный разговор.

Скотт, командир миноносной флотилии, должен был допросить Мюллера. Он писал работу о тактике немецких торпедных катеров и надеялся получить полезную информацию из «непринужденных разговоров» за бутылочкой виски. Напрасно надеялся!

Четыре дня назад в «лондонскую клетку» был назначен новый комендант, пожилой господин. Он прибыл из Америки, чтобы полу-

¹ Риттер — наследственный титул рыцаря, приставка к фамилии. Фрайгерр — немецкий феодальный титул, соответствует титулу барона, мог быть пожалован имперскому рыцарю только императором Священной Римской империи.

чить практику руководства большими лагерями во Франции и Германии. Этот комендант — пехотный полковник знаменитой американской дивизии — на самом деле не имел никакого понятия об организации управления лагерем. Но он хотел бы научиться. Ранним утром в тот день, когда Чарли Мюллера должны были забрать на вечернюю беседу, двадцать восемь военнопленных немецких офицеров всех трех видов вооруженных сил стояли во дворе. Все они были ранены или больны. Однако лица у них были совсем не такие отрешенные, как у беспомощных военнопленных, да и глаза светились надеждой, так как этих пленных должны были обменять через Швецию на больных и раненых британцев из немецких лагерей.

Переговоры об обмене через Международный Красный Крест тянулись бесконечно долго. Тем быстрее все должно было происходить сейчас. Шведское госпитальное судно «Дроттнинг» было готово выйти из Саутгемптона. О его курсе в Стокгольм было сообщено германскому военно-морскому флоту, чтобы с кораблем ничего не произошло, а специальный поезд, который должен был доставить подлежащих обмену немецких офицеров в южноанглийский порт, стоял под парами на лондонском вокзале Ватерлоо.

Американский полковник то и дело поглядывал в свой список с фамилиями немцев.

— Черт возьми! — крикнул он неожиданно. — Здесь только двадцать восемь больных офицеров, а их должно быть тридцать! Тридцать англичан ждут в Стокгольме. Что за разгильдяйство! — орал он на своих адъютантов.

Тут ему на глаза попались стоявшие вокруг другие пленные немецкие офицеры, смотревшие на своих счастливых товарищей. Среди любопытных был и Чарли Мюллер. Он снова сменил английскую спортивную куртку на свою морскую форму. Его и заметил американский полковник.

— Вот вы, там. Вам что, может быть, не хочется домой? Со штучкой на шее, с Knight Cross¹, или как вы ее там называете, пойдете сразу за двоих! Вы пойдете за двоих, которых мне не хватает!

Ответ Чарли Мюллера был четким и громким. Он закричал по-английски:

— Я хочу домой, сэр! — и тут же присоединился к двадцати восьми счастливым.

¹ Рыцарский крест (англ.).

Когда вечером лейтенант-командер Скотт заехал за командиром торпедных катеров Чарли Мюллером, чтобы забрать его на первую беседу-допрос за стаканчиком виски, тот уже был давно в открытом море на борту шведского парохода. Возможности снять его с нейтрального судна не было, и у чинов в Адмиралтействе только вытянулись лица.

Вскоре еще один человек оказался на корабле в открытом море. Это был американский полковник.

Несгибаемые из Папаго-парка

Самый захватывающий и массовый побег в истории немецких военнопленных связан с названием Папаго-парк. Папаго-парк был американским лагерем для военнопленных в Аризоне, юго-западном штате США, который находится между плато Колорадо с Большим каньоном и мексиканской границей.

Это жаркий, сухой район с обширными песчаными пустынями, крупными природными охраняемыми территориями, индейскими резервациями.

От лагеря Папаго-парк, находившегося неподалеку от города Финикс, было около 200 километров до мексиканской границы, то есть четыре-шесть ночных переходов для мужчины, находящегося в хорошей физической форме. Папаго-парк стал для пары тысяч немецких военнопленных названием, с которым связана незабываемая история. Однако сначала познакомимся с ее действующими лицами и их путем в Аризону.

13 ноября 1941 года соединение британских военных кораблей шло по Средиземному морю в западном направлении: два авианосца, один линкор и семь эсминцев. На авианосцах было 37 истребителей и шесть бомбардировщиков для обороны средиземноморского острова Мальта — британского оплота, обеспечивавшего коммуникации союзников с Африкой. Роммель хотел захватить его, поэтому мощные немецкие и итальянские налеты должны были разрушить остров и обеспечить подготовку к штурму.

С мостика авианосца «Арк Роял» капитан Маунд смотрел на горизонт на западе. Он был доволен: операция проводилась по плану, порт Гибралтар уже недалеко.

Но тут у борта грохнул мощный взрыв, от удара огромный корабль тряхнуло, фонтаны воды и дыма высоко поднялись с левого

борта. Пожарная тревога. Крики. Доклад на мостик: «Попадание торпеды. Вода поступает в средние отсеки, в насосный отсек!»

В 1200 метрах от «Арк Роял» на глубину уходил стрелок, нанесший по авианосцу этот тяжелый удар, — немецкая подводная лодка U 81 и ее командир, капитан-лейтенант Фриц Гуггенбергер. Он больше не мог наблюдать действие торпеды, которую его лодка выпустила по британскому соединению, так как его атаквали британские эсминцы.

С полудня до двадцати трех часов U 81 находилась на глубине. Глубинные бомбы, сброшенные с эсминцев, в нее не попали. «Арк Роял» продолжал с трудом двигаться в направлении Гибралтара. Но удержать его на плаву все же не удалось. Авианосец водоизмещением 31 000 тонн с командой 1575 человек затонул в нескольких милях от спасительной гавани. Тяжелая потеря для британских военно-морских сил на Средиземноморье и грандиозный успех немецкого подводного флота.

Двадцатишестилетний капитан-лейтенант Фриц Гуггенбергер, один из храбрейших командиров подводных лодок, получил за потопление «Арк Роял» Рыцарский крест и стал теперь одним из асов «серых волков» адмирала Деница.

Через два года капитан-лейтенант Фриц Гуггенбергер, теперь уже командир U 513, охотился в бразильских прибрежных водах. Ему всегда сопутствовала фортуна — то качество, которое Фридрих Великий всегда наряду с духом и прилежанием называл решающим для офицера. Но даже у самого опытного не бывает наследственной аренды на удачу. А в тот день она покинула его. Американский бомбардировщик зашел с кормы от низко стоявшего над горизонтом солнца. Гуггенбергер погружаться не стал, понадеявшись, что его опытный зенитный расчет собьет этот самолет. Но его противником тоже оказался опытный морской летчик. Он пробился через зенитный огонь и положил две бомбы прямо у борта лодки. Она погрузилась носом в воду и пошла ко дну. Последнее, что от нее было видно с самолета, — вращающиеся в воздухе лопасти ее винтов.

Семь человек — зенитный расчет и те, кто находился на рубке, — смогли спастись. Одним из них был командир — Фриц Гуггенбергер. Он так описывал момент, когда тонущая лодка чуть было не утянула его за собой: «Вокруг меня — темень воды, голова разрывается от недостатка воздуха, мимо меня вверх проносятся гигантские пузыри. Я барахтался, как такса. Все шумело. Потом наконец я смог свобод-

но дышать. Я оказался на поверхности воды, поплыл по шипящему ковру белой пены».

Семеро с U 513 плыли по Атлантике к жизни. Американский самолет прилетел снова и сбросил надувную лодку. Только в лодке капитан-лейтенант Гуггенбергер заметил, что у него разодрана спина, он был тяжело ранен и истекал кровью.

Американский самолет продолжал описывать круги над оказавшимися за бортом утонувшего корабля немцами. Затем его сменил другой американский самолет, он сбросил светящийся буй. На следующее утро подошел американский крейсер «Бернгэт». Он взял курс на буй и лодку, поднял немцев на борт.

Плен! Подводники принесли своего командира Фрица Гуггенбергера в корабельный лазарет. Выживет ли?

Он выжил. А через год с небольшим власти Соединенных Штатов разыскивали именно этого капитан-лейтенанта Фрица Гуггенбергера, по всей стране были разосланы объявления с его портретом. За его голову было назначено вознаграждение. А произошло это так.

Фрица Гуггенбергера два раза оперировали в военно-морском госпитале Бетесда под Вашингтоном, где проходили обследование и лечились президенты Америки.

После выздоровления его отправили в лагерь для допроса военнопленных Форт-Хант. И именно здесь, в Америке, встретил он старого друга капитан-лейтенанта Августа Мауса.

После допросов американцы отправили Гуггенбергера и Мауса в лагерь Кроссвил, штат Теннесси. Немецким военнопленным в лагере Кроссвил запомнился плакат, на котором крупными буквами американская армия напоминала своим солдатам, охранявшим лагерь: «Обхождение: определенное и порядочное! Настаивай на строгом соблюдении дисциплины! Никакой заботливости! Настаивай на подчинении! Не забывай, кто ты! Ты — солдат, и он — солдат! Ты приказываешь — он подчиняется. Ты — тот, кто берет в плен, он — пленный. Работа: требуй честной и трудной работы! Никакой нерадивости!»

В Теннесси, в лагере Кроссвил, Маус и Гуггенбергер встретили других офицеров-подводников, которые так же, как и они, не хотели сидеть в плену. Среди них были капитан второго ранга Юрген Ваттенберг, капитан-лейтенант Юрген Квет-Фаслем и капитан-лейтенант Ханс Вернер Краус.

События, приведшие в плен этих морских офицеров, тоже отражают беспощадную жестокость подводной войны в Атлантике. «Серые волки», искавшие добычу между Исландией и Кейптауном,

благодаря новым радиолокационным и акустическим приборам американцев и англичан сами стали легким трофеем.

Юрген Ваттенберг был командиром штурманской боевой части линкора «Граф Шпее», который после боя с английскими кораблями в декабре 1939 года получил сильные повреждения и был затоплен своей командой вблизи Уругвая. Ваттенберг окольными путями вернулся в Германию и стал командиром подводной лодки U 162.

Во время своего третьего похода Ваттенберг занял позицию в Карибском море. Когда днем 7 июля 1942 года его лодка находилась в надводном положении, ее атаковал вражеский самолет. U 162 своевременно ушла на глубину, сброшенные бомбы не нанесли ей ущерба. Последовали недели, лишенные примечательных событий.

3 сентября 1942 года лодка стояла в сотне километров от побережья Южной Америки. Ваттенберг увидел вынырнувшую из-за горизонта вершину мачты, поблескивавшую серебром и, по-видимому, принадлежавшую эсминцу. «Тревога! Погружение!» Речь шла о поисковой группе эсминцев «Патфайндер», «Вайми» и «Квентин». Широкое поисковое построение позволило Ваттенбергу увидеть через перископ только «Квентин», как раз проходивший по линии пуска торпеды.

Опустились вечерние сумерки. Ваттенберг скомандовал: «Торпедой пли!» — и торпеда покинула аппарат. Но то, что случилось потом, оказалось огромным везением для эсминца — смертельная техническая неполадка: отказала установка торпеды на глубину, она пошла по поверхности и своим хорошо видимым следом выдала позицию лодки. Через короткое время эсминец находился над лодкой, пытавшейся найти убежище на глубине. Глубинные бомбы легли точно. Один из электродвигателей вышел из строя. Через неплотности в лодку пошла вода. Медленно, в течение часов, набралось десять тонн воды. Отказали и другие электродвигатели. Удержать лодку стало невозможно.

Около полуночи Ваттенберг вынужден был всплыть. Когда командир высочил на мостик, то увидел лодку в свете прожекторов эсминцев. «Всем покинуть лодку, лодку затопить!» Люди попрыгали за борт, но лодка не тонула. Старший механик снова вернулся на лодку. Ваттенберг позвал его, когда лодка начала погружаться, чтобы и он смог спастись. Но потом все пошло очень быстро. Подлодка ушла у Ваттенберга из-под ног, прежде чем старший механик успел снова из нее высочить. Тем временем эсминцы снова ушли. Ваттенберг плыл по морю один. Но потом снова подошел эсминец и выловил Ваттенберга и его команду.

А как в руки американцев попался капитан-лейтенант Ханс Вернер Краус?

Он был командиром U 199 и со своей подлодкой, так же как и Фриц Гуггенбергер на U 513, пал жертвой американского бомбардировщика у бразильских берегов. И здесь сыграл свою роль новый метод радиолокации, примененный союзниками, тот, который повлиял на увеличение числа погибших подводных лодок в 1943 году.

В семь часов утра 31 июля 1943 года внезапно появился вражеский самолет. Огонь из авиационных пушек накрыл подводную лодку. Немцы ответили из своей зенитной автоматической пушки. На помощь американцам прилетели два бразильских самолета. Чуть позже восьмью часов утра U 199 затонула в Южной Атлантике. Только двенадцати членам ее экипажа удалось спастись.

Американский крейсер «Бернгэт», подобравший уже Гуггенбергера и спасшихся с U 513, спас Вернера Крауса и других людей, успевших выпрыгнуть за борт с U 199.

А капитан-лейтенант Квет-Фаслем? Он был командиром U 595 и 14 ноября 1942 года находился в западной части Средиземного моря, в том районе, где за год до этого Фриц Гуггенбергер потопил авианосец «Арк Роял».

И здесь тоже внезапно появился британский самолет, подлетавший к давно обнаруженной подводной лодке. Он летел низко и прицелился точно. Упали четыре бомбы, три из них взорвались в непосредственной близости от подлодки. Приборы разбиты, свет погас. Но Квет-Фаслем, сам старый морской летчик, так легко не сдался. U 595 оборонялась. Да так, что атаковавший самолет был поврежден настолько, что вынужден был прекратить бой. Но уже появились еще два самолета. Первый с десятиметровой высоты сбросил глубинные бомбы прямо перед носом подводной лодки. Однако он получил многочисленные повреждения и вынужден был улететь. Вторая боевая машина тоже была вынуждена из-за многочисленных повреждений отказаться от дальнейших атак.

С момента первой атаки прошло двадцать минут, U 595 хотя и была сильно повреждена и не могла погрузиться, однако победить ее пока не удалось. Через час появился еще один самолет. Несмотря на зенитный огонь, он точно положил свои бомбы. Для поврежденной U 595 этого было уже достаточно. Капитан-лейтенант Юрген Квет-Фаслем решил направиться к тунисскому берегу. Шифровальная машина была разбита, коды выброшены за борт. Затем лодка села на

грунт возле берега Северной Африки. Экипаж поплыл к земле и немного позже оказался в плену у американской армии, высадившейся в Северной Африке, чтобы помочь англичанам воевать против «лиса пустыни» Роммеля.

Пленных с U 595 отправили в Америку. Вместе с капитан-лейтенантом Квет-Фаслемом был также старший механик с U 595 обер-лейтенант Эммерих фон Мирбах, ставший позднее ключевой фигурой в крупном побеге.

И, наконец, пятый из этой компании — капитан-лейтенант Август Маус, командир U 185. Он на своей подлодке 24 августа 1943 года находился в Атлантике юго-западнее Азорских островов, двигался курсом норд-вест со скоростью десять-одиннадцать узлов (18—20 километров в час). Этим же прекрасным августовским днем юго-западнее Азор бороздил волны Атлантики и американский авианосец «Кор».

Уже начиная с восхода солнца командир авианосца отдал приказ на вылет бомбардировщиков. Они патрулировали над морским районом. В их задачу входило обнаружение и уничтожение немецких подводных лодок. Два самолета с «Кора» летели на расстоянии видимости друг от друга на высоте две тысячи метров. Один из пилотов заметил на сияющей голубизной в белых крапинках барашков волн воде Атлантики силуэт немецкой подводной лодки. Краткое сообщение по радио. В вахтенном журнале авианосца «Кор» есть запись, отражающая, как по учебнику, атаку самолетов на подводную лодку:

«Самолеты скрылись в облаках и отвернули на левый борт, чтобы выйти на боевой курс. Они вышли из облаков, когда перед ними была корма подводной лодки. Первый самолет сразу же открыл огонь из бортовых пушек. После этого к подводной лодке с правого борта под углом 15 градусов (по отношению к продольной оси лодки, то есть под острым углом сзади справа) приблизился второй самолет (торпедоносец-бомбардировщик). С высоты 75 метров были сброшены 2 глубинные бомбы типа Mark 47. Они полностью накрыли подводную лодку. Одна бомба взорвалась посреди корпуса вблизи от рубки, другая — с левого борта у носа. Вода, выброшенная взрывом, почти полностью накрыла лодку. Лодка сделала поворот на 90 градусов на левый борт, написала крюк, оставляя за собой густой, низко стелющийся черный дым. Корма начала погружаться. Самолет сделал легкий вираж влево и обстрелял подлодку второй раз из пушек». Пилот заметил, что «лодка сильно накренилась на левый борт и име-

ет повреждения в верхней части рубки. Подлодка не делала больше уклоняющихся маневров и на огонь не отвечала».

А что происходило на U 185? Август Маус рассказывал, что жесткий корпус, по-видимому, дал трещину на высоте аккумуляторного отсека, в лодку пошел хлор. В дизельном отсеке начался пожар. Потом лодка стала погружаться и уходить в глубину прямо из-под ног экипажа, с поднятым носом и сильным дифферентом на корму, на полном ходу. Капитан-лейтенант Маус отдал приказ: «Всем покинуть корабль». Подводники выскакивали в последние секунды из тонущей лодки. Через три часа американский эсминец выловил капитан-лейтенанта Мауса и тридцать трех его товарищей из Атлантики. Он доставил их на авианосец «Кор», они были взяты в плен.

Август Маус, Фриц Гуггенбергер, Юрген Квет-Фаслем и Ханс Вернер Краус в одно и то же время поступили на флот и были из выпуска 1934 года. Они давно не виделись, а теперь охота в Атлантике снова свела их вместе в лагере военнопленных Кроссвил.

В начале 1944 года Гуггенбергер, его товарищи и ряд других военнопленных были отправлены на дальний запад Соединенных Штатов. Поезд шел два дня и две ночи. Место назначения — Финикс, столица штата Аризона. На грузовиках их доставили в лагерь Папаго-парк. Там находились 2391 немецкий моряк и 102 немецких офицера. Комендантом лагеря военнопленных был полковник армии США Уильям А. Холден, «исполненный достоинства коренастый седовласый человек», как его характеризует Джон Х. Мор, описавший происходившее в лагере Папаго-парк в своей книге «The Faustball-Tunnel».

Фриц Гуггенбергер, Август Маус, Юрген Квет-Фаслем, Ханс Вернер Краус и Эммерих фон Мирбах оставались вместе. Американское руководство лагеря разместило их в одном бараке лагерной секции I A.

Когда джип американской охраны со сводящей с ума регулярностью проезжал вдоль колючей проволоки ограждения вокруг лагеря, он поднимал песчаную пыль. За дорогой для патрулирования рос высокий кустарник. Из него торчал столб телефонной связи.

С крыши барака пленные могли видеть поблескивающую водную поверхность, так как за кустарниками протекал канал шириной около четырех метров. Итак, колючая проволока, патрульная дорога, канал. Это были факторы безопасности. Но за ними, и это было известно пленным, лежал открытый пустынный путь к свободе. Че-

тыре жителя на квадратный километр — это была Аризона. А до мексиканской границы было 130 миль, чуть больше 200 километров. Двести километров — это четыре-пять ночных переходов для крепкого мужчины. Даже когда пленные рассчитали, что не смогут прямо идти к своей цели, а вынуждены будут искать окольные пути, укрытия, питьевую воду, с продуманной подготовкой и при некоторой удаче они могли надеяться за десять-четырнадцать дней оказаться в Мексике. Но бежать из США в Мексику? Из одного враждебного государства в другое? Разве Мексика тоже не объявила 13 мая 1942 года войну странам оси, то есть Германии, Италии и Японии?

Джон Х. Мор писал, почему, несмотря на это, Мексика была многообещающим местом для побега немецких военнопленных из американских лагерей: «При объявлении войны речь шла только об «официальной» враждебности. Среднего гражданина десятилетиями обижало американское высокомерие и вмешательство США во внутренние дела страны, и он лишь плечами пожал, узнав о новом союзе между Мексикой и США. Любой немец с небольшим количеством денег, которому удавалось перейти границу, мог бы, вероятно, найти кого-нибудь, кто бы ему помог».

Фриц Гуггенбергер так обосновал планы военнопленных, хотевших вырваться из лагеря Папаго-парк: они надеялись, что в Мексике, где-нибудь на западном побережье, им удастся найти корабль, который бы доставил их в нейтральную страну — Чили, а уже оттуда им удастся добраться до Германии.

Было начало августа 1944 года, когда военнопленные начали выполнять свой план. Через два месяца после высадки англо-американских войск в Нормандии. С запада и с востока вражеские армии все сильнее сдавливали границы рейха. И, несмотря на это, устроить побег из лагеря для военнопленных, находящегося в глубине Соединенных Штатов? Да, побег — несмотря ни на что!

Вольфганг Кларус, подполковник береговой артиллерии, один из пленных сектора I А в Папаго-парке, говорил о чувствах военнопленных: «Ты часами стоишь там, уставившись на колючую проволоку. думаешь, думаешь и снова приходишь все к той же мысли: или перелететь над ней, подлезть под ней, или прорыть подкоп».

Пленные из сектора I А Папаго-парка решили сделать подкоп. Провести его под колючей проволокой и дальше, под патрульной дорогой до кустарника. Там, где листва и ветви предоставляют укрытие, туннель должен был выйти наружу.

Они искали место, где можно было оборудовать вход в туннель, и нашли его в метре от барака, в котором находилась душевая.

Там стоял угольный ящик. Его высоко открытая крышка скрывала строителей туннеля от взглядов охраны. Офицеры и солдаты поделились на три смены по три человека в каждой. Смены менялись через каждые полтора часа. Работа была тяжелой, воздух плохим, шахта шла на глубине одного метра восьмидесяти сантиметров.

Инструментами пленным служили угольные лопаты, маленькая мотыга, деревянная тележка, не больше детской.

Они работали при свете, к электросети они подключились в душевой. Изоляция провода была плохой, и он бил током, правда, неопасным для жизни. В осветительной сети напряжение было всего 110 вольт.

Люди, копавшие подкоп, знали направление, но не могли определить расстояние, на которое его надо вести, чтобы пробить выход в кустарнике за территорией лагеря Папаго-парк.

Пленный старший механик с подводной лодки Эммерих фон Мирбах рассказывал: «Мы, конечно, могли измерить расстояние, но только до колючей проволоки, а затем надо было его угадать. Мы не могли слишком рано сделать выход — его бы увидела охрана, и слишком поздно тоже — попали бы в канал и вода затопила бы подземный ход». Мирбах определил расстояние с помощью угломера, который смастерил сам.

В результате он вычислил, что расстояние от входа в туннель до телефонного столба — 55 метров.

Но некоторые офицеры в лагерном секторе 1А с недоверием отнеслись к расчетам старшего механика. Они хотели знать все точно. Ночью они подкрались к забору из колючей проволоки.

Один из них достал из кармана тонкую бечевку и привязал ее к камню. Потом отошел на несколько шагов, взял разбег и бросил камень через забор. Он упал рядом с телефонным столбом.

Шнур образовал угол между столбом и верхом забора. Офицеры начали скручивать бечевку на руку и при этом считали: «Один, два, три...»

И как раз в этот момент весь план побега чуть было не провалился на начальной стадии: джип охраны делал объезд. Немецкие офицеры залегли. Шнур, на котором висел их измерительный камень, задел за шею американца, сидевшего рядом с водителем, и оборвался. Оба американских солдата насторожились, остановили джип. Но потом поехали дальше.

После этого случая строители туннеля стали полагаться на результаты измерений Мирбаха: 55 метров.

55-метровый туннель сечением около шестидесяти сантиметров означал, что надо вынуть около 35 кубометров песка, земли и камней и спрятать в лагерном секторе 1 А — два больших полных грузовика.

Сначала пленные разбили грядки с овощами и клумбы с цветами. Теперь они по несколько раз ежедневно мели площадку между бараками и сметали вынутую из туннеля землю. Но таким образом можно было спрятать лишь незначительную часть вынутого грунта.

Потом Квет-Фаслему пришла идея, освободившая их от всех забот. Квет-Фаслем, Гуггенбергер, Маус, Краус и Ваттенберг направились в американскую лагерную комендатуру.

Они попросили дать им разрешение на строительство спортивной площадки для итальянской лапты — игры, особенно любимой в Германии, как сказал командир подводной лодки американцам. Комендант лагеря Уильям А. Холден согласился без промедления. Он даже распорядился выдать немцам для строительства две совковые лопаты и двое грабель со склада.

На участке, отведенном для строительства площадки для лапты, однажды чудесным образом появилась куча земли. Американские охранники заметили ее, но никаких вопросов не задавали и привыкли к ее наличию. Куча грунта по форме и высоте оставалась более или менее неизменной.

Трюк пленных, задумавших побег, заключался в том, что вынутый грунт по ночам равномерно распределялся по площадке с помощью лопат и грабель. Ночью же вырастала новая куча вынутой из туннеля земли, которая затем снова разравнивалась.

Люди в туннеле работали споро. На пути они повстречали каменистую породу. Иногда за ночь им не удавалось прокопать вперед даже метра. Им также не удалось выдержать прямую линию между входом-выходом. Так длина туннеля выросла с 55 до 60 метров.

Но дело одним туннелем не ограничивалось. Надо было подготовить снаряжение для побега через аризонские пустыни. Капитан-лейтенант Ханс Вернер Краус занялся изготовлением документов. Его искусство помогло каждому из беглецов обзавестись паспортом с фотографией и печатью. Печать вырезали из кожи и резины.

А как наладить контакты в Мексике? Необходимо было учить испанский. Краус давал уроки испанского, чтобы каждый хоть что-

то мог спросить по-испански или отвечать на вопросы. Они пошили себе куртки и брюки — одежду, которая не позволяла признать в них сразу же сбежавших пленных. Они обзавелись географическими картами и скопили неприкосновенный запас из тех немногих долларов, которые американцы выплачивали им в качестве жалованья.

И еще была проблема с едой во время возможного недельного перехода. Они, конечно же, не могли надеяться, что по дороге на юг по бесплодной пустыне найдут какое-нибудь пропитание. Поэтому они жарили, крошили и сушили белый хлеб и паковали его в мешки. Капитан-лейтенант Краус вспоминал: «И все это вместе с работами в туннеле, переноской грунта и мерами по маскировке!» Это была мастерская организация своего рода.

Через четыре месяца после первого удара лопаты площадка для итальянской лапты была готова, туннель — тоже. Но пленные не знали, точно ли они сработали, действительно ли туннель выйдет на поверхность в месте, которое было намечено. Фриц Гутгенбергер и Юрген Квет-Фаслем 20 декабря 1944 года проползли по подкопу до конца.

Потом Гутгенбергер протолкнул наружу палку, к которой был привязан кусочек белой ткани. В туннель устремился свежий воздух. Офицеры в туннеле ждали. Затем они услышали громкий крик. Товарищи, стоящие на крыше барака, закричали «ура», чтобы те двое в туннеле знали, что палка вышла на поверхность рядом с телефонным столбом в кустарнике.

Двумя днями позже, 22 декабря 1944 года, Ханс Вернер Краус пошел по туннелю. Он выбрался из него по ту сторону ограждения. О цели своей пробной вылазки он сообщал следующее: «Я пробежал метров двадцать по берегу канала, чтобы узнать температуру воды и проверить, дает ли берег канала укрытие от прожекторов караульных вышек. Кроме того, я точно установил, сколько времени требуется, чтобы пройти по туннелю».

Строители туннеля снова проверили запасы: банки сгущенки, раскрошенный белый хлеб, которого должно было хватить на много дней. Затем — одежда, не имеющая никакого сходства с военной формой.

День и час побега приближался. В ночь на 24 декабря 1944 года они хотели пробраться по подкопу и пробиваться на юг, в Мексику. Они надеялись, что в рождественские дни американцы не будут слишком внимательно проводить перекличку.

Двое из людей, проделавших большую работу по подготовке побега, — капитан-лейтенант Август Маус и инженер Эммерих фон Мирбах — вынуждены были остаться. Маус заработал паховую грыжу, а Мирбах только что перенес сильный приступ гастрита и опасался, что не сможет выдержать лишения побега.

Вечером 23 декабря 1944 года, в субботу, небо над солнечной Аризоной затянули облака. Пленные попрощались. Капитан-лейтенант Фриц Гуттенбергер полез в подкоп первым. За ним последовал Юрген Квет-Фаслем, потом еще девять офицеров, четырнадцать унтер-офицеров и ефрейторов. Путь по туннелю был трудным и отнял много времени, так как люди должны были ползти и толкать перед собой двадцатикилограммовый рюкзак с запасом продовольствия и одеждой.

Все проходило в таком порядке: взяться за рюкзак одной рукой, приподнять его, вытянуть руку, положить рюкзак, подползти к нему, приподнять рюкзак — так на протяжении шестидесяти метров.

В девять часов сорок пять минут вечера 23 декабря 1944 года Фриц Гуттенбергер открыл покрытую землей и травой крышку, скрывающую выход из туннеля. Он осторожно высунул голову из подкопа и осмотрелся. Все чисто. Не видно ни одного часового, ничего не слышно, кроме возни и сопения ползущих по туннелю товарищей.

Начался дождь. Пленные посчитали это за счастливый случай. Дождь смывает их следы на песке.

Однако дождь шел четыре дня подряд. Одежда и рюкзаки промокли, сухари из белого хлеба в мешках напитались водой и превратились в кашу.

Беглецы разделились. В одиночку и группами они пытались пробиться на юг.

Но тщетно они надеялись на небрежность американцев во время переключки в рождественские праздники. Уже в сочельник пятеро из бежавших снова сидели за колючей проволокой. В официальном сообщении армии США о массовом побеге значилось: «В 19.30 женщина из поселка Темпе позвонила в лагерь и сообщила, что двое пленных находятся у нее в доме. В 20.30 позвонил возбужденный мексиканец и сказал, что двое пленных сдались ему. Он сообщил также, что они проголодались, замерзли и хотели бы снова вернуться в лагерь. В 21.00 один пленный был задержан на железнодорожном вокзале Темпе».

28 декабря 1944 года все газеты Аризоны опубликовали объявления о розыске с фотографиями еще не пойманных беглецов.

В каждый почтовый ящик в штате почтальоны положили лист с фотографиями. За поимку каждого из сбежавших была назначена сумма в 25 долларов.

Фермеры, шерифы, ковбои и солдаты американской армии начали «самую большую охоту на людей в истории Аризоны», — как писала 28 декабря 1944 года «Финикс газетт».

Капитан-лейтенанту Хансу Вернеру Краусу и его попутчику лейтенанту флота Хельмуту Дрешеру за семь дней удалось пройти на юг около 75 километров. Сначала они двигались быстро, потом их темп стал постепенно замедляться. Хельмут Дрешер повредил ногу, и она начала опухать, поэтому он ковылял с палочкой.

Дрешер пытался уговорить Крауса, чтобы тот бежал дальше один. Он сам хотел остановиться. Но капитан-лейтенант не хотел бросать товарища одного в пустыне. 31 декабря они постучались в дверь фермерского дома. Открыл мальчик, родителей дома не было. Пленные дождались возвращения фермерской супружеской четы, были узнаны и доставлены обратно в лагерь.

Это были семеро из двадцати пяти. А остальные восемнадцать?

Среди них были Фриц Гуггенбергер и Юрген Квет-Фаслем. Они прятались в пустыне в зарослях кактусов и перекасти-поля. Ночами шли, днем отдыхали.

Они пытались запутать следы способом, вычитанным у Карла Мая: бежали спиной вперед. Но при этом они натыкались на кактусы. Хотели попить кактусового сока, но капитан-лейтенант Квет-Фаслем попал ножом в осиное гнездо.

Оба они шли вперед. Они выдерживали направление. А 6 января они были всего в семи километрах от мексиканской границы.

Если бы им повезло, то следующей ночью они бы уже были в Мексике. Однако этой ночью в арizonскую пустыню вышел охотиться на немцев человек, хорошо знакомый с трюками и уловками бежавших пленных.

Год назад этот шериф уже один раз после долгой охоты поймал бежавшего Квет-Фаслема. В джипе шерифа ехал теперь индейский следопыт. В пустыне Аризоны он вышел на след бежавших немцев и больше не терял его из виду на протяжении 150 километров. Так шериф среди кустарника и камней и на этот раз нашел человека, которого искал. Фриц Гуггенбергер подскочил от испуга, очнув-

шись от беспокойного полусна, услышав голос: «Ну, мистер, как спалось?»

Побег Гуггенбергера и Квет-Фаслема закончился.

Через три дня из 25 человек, пытавшихся вырваться на свободу через подкоп в Папаго-парке, в бегах оставались только трое: капитан второго ранга Ваттенберг, его спутник Вальтер Коцур и Йохан Кремер.

Они выдумали особую уловку: спрятались совсем близко от лагеря Папаго-парк и ждали, пока внимание преследователей ослабевает. Однако американцы поймали сначала Вальтера Коцура, затем и Йохана Кремера.

Последний, Юрген Ваттенберг, знал, что у него одного нет никаких шансов попасть в Мексику. Он решил направиться прямо в Феникс, столицу Аризоны, чтобы там попросить помощи японской колонии. Ваттенберг беспрепятственно добрался до Финикса и бродил по городу. Наконец он спросил метельщика улицы, как пройти на улицу Ван-Бурен. Но когда он спрашивал, то уже находился на этой улице. Метельщик что-то заподозрил, немного позже позвал полицейского, тот доложил шерифу Джилберту Брэйди. Шериф сел в полицейский автомобиль и объехал улицы. Он нашел Ваттенберга как раз рядом с японским кварталом, где Ваттенберг надеялся найти поддержку и укрытие.

Шериф Брэйди вышел из машины, спросил Ваттенберга, откуда он. Тот на хорошем английском назвал местечко неподалеку от Финикса. Шериф Брэйди протянул руку к поясу, на котором висел револьвер, и спросил у Ваттенберга адрес.

Тут немец сдался.

Он сказал: «Я — капитан второго ранга Юрген Ваттенберг, человек, которого вы ищете».

Ваттенберг сел в машину шерифа Брэйди. Это было 28 января 1945 года, в 3.30 утра по местному времени, через 37 дней после побега из лагеря Папаго-парк.

Для капитан-лейтенанта Фрица Гуггенбергера плен закончился через полтора года, в августе 1946-го. Он и его товарищи пароходом были отправлены в Европу. В открытом вагоне для перевозки скота ехал Гуггенбергер по Германии в Бад-Айблинг в Баварии, в то место, где его должны были отпустить. Сегодня Гуггенбергер говорит: «Эту поездку я никогда не забуду. Леса и поля, церкви и реки — это было беспокойное чувство родины».

В Бад-Айблинге капитан-лейтенант должен был пройти последний допрос. Он назвал свою фамилию.

Американский офицер, проводивший допрос, насторожился и переспросил:

— Гуггенбергер? Вы — тот человек, который потопил британский авианосец «Арк Роял»?

— Да, — ответил Гуггенбергер.

Американец поднялся, вышел и через минуту снова появился в сопровождении английского офицера.

Британец протянул Гуггенбергеру руку и сказал:

— Рад с вами познакомиться. Я был курсантом на «Арк Роял». Сердечно поздравляю вас с отличным выстрелом.

Тюрьма и побои

У тех, кто имел несчастье попасть в американский плен в последние дни войны, когда опьянение победой затмило необходимость соблюдения норм международного права и страх перед ответными действиями немцев, в большинстве случаев были совсем не такие переживания, как у ветеранов среди пленных в американских лагерях. Это подтверждают необычные испытания, которые вынес капитан-лейтенант Пауль Юст, командир U 546, после того как попал в плен.

Корабли американских ВМС 24 апреля 1945 года севернее Азорских островов глубинными бомбами нанесли подводной лодке U 546 тяжелые повреждения, в результате которых она вынуждена была всплыть.

После всплытия по подлодке открыли огонь полдюжины американских эсминцев. Американцы были в бешенстве, так как U 546 за два дня до этого торпедировала и потопила их товарища — эсминец «Ф.С. Дэйвис», погибли 13 офицеров и 105 матросов, из экипажа удалось спасти только 65 человек.

Командир подводной лодки Пауль Юст и его команда не могли выйти на палубу через простреливаемую рубку. Они были вынуждены выползти через дизельный люк. А наверху их тут же накрывал неистовый огонь орудий всех калибров, открытый американскими эсминцами.

Никто не смог добраться до пушек, чтобы попытаться отстреливаться, и поэтому Юст отдал приказ: «Всем покинуть корабль!» Сам

он укрылся за обломками рубки, хотел последним уйти с корабля, убедившись, что старший механик обеспечил затопление лодки и что она не будет захвачена.

Юст наблюдал, как его люди выбирались из дизельного люка, а потом прыгивали в воду. Тут в подлодку с грохотом ударил тяжелый снаряд. У 546 сильно накренилась. Юст соскользнул в воду. И, пока он плавал среди своих людей и надувал одноместную спасательную резиновую лодку, У 546 исчезла под водой, а вместе с ней — старший механик обер-лейтенант фон Бер и 23 человека, которые не смогли выбраться на палубу.

Юст, первый офицер Шёнайх, корабельный врач доктор Рудольф и еще несколько человек экипажа, успевшие выбраться, были спасены американцами и на фрегате доставлены на сушу в Ньюфаундленд.

К их удивлению, командир и экипаж попали в тюрьму. Первые дни были примечательны голодом, грубостью, придирами. Затем начались допросы. Когда командир и экипаж отказались давать сведения военного характера, произошло нечто необычное. Пауль Юст сообщает в своей книге «От летчика до подводника»: «Снова он [допрашивающий офицер] попытался принудить меня давать показания. Я сослался на присягу. Любезность разговора исчезла, он сел прямо и спросил тихо и настойчиво, на свободном от акцента немецком языке:

— Вы знаете, как русские обращаются со своими пленными, которые не хотят отвечать? — Я молчал. Тут он вдруг стукнул рукой по столу. — Прекратите вести себя как мальчик из гитлерюгенда! Я вас предупреждаю. Вы находитесь намного севернее Соединенных Штатов, на Ньюфаундленде. Место глухое, закон — тайга, медведь — хозяин. Никто до сих пор не знает, что вас спасли. Никто не спросит, что с вами случилось. Я еще раз спрашиваю, хотите ли вы и дальше молчать?

— Да!

— Ну, хорошо. Тогда мы применим к вам русские методы.

Он подошел к двери и дал сигнал. Конвоир погнал меня, ругаясь и угрожая резиновой дубинкой, по проходу обратно в камеру. Замок решетчатой двери лязгнул. Что теперь будет?»

Что было теперь? Начались телесные мучения худшего рода. Стояния на коленях целыми часами с ударами резиновой дубинки по коленным чашечкам. Гонки по проходу между камерами под знаме-

нитый крик «Мах snell!»¹, а если конвоиру это казалось недостаточно быстро, то резиновая дубинка била по голове, спине и ногам. И все это к радости сидевших вдоль прохода американских уголовников, которые во время избиений подбадривали охранников криками из-за решетчатых дверей своих камер: «А ну поддай-ка этой нацистской свинье! Kill him! Убей его!»

Первый вахтенный офицер уже на второй день начал харкать кровью. Истерзанные, окровавленные, разбитые, мучимые болями были они все.

Их перевели в другой лагерь для допросов. Обращение осталось прежним. Снова посреди ночи их гоняли по проходу между камерами. Они должны были сортировать чулки за определенное время, и если в него не укладывались, то их избивали.

Пауль Юст: «В камерах не было санитарного оборудования. По утрам, сразу же после того как включали свет, нужно было поднять и закрыть койку и сложить одеяло. Один из охранников распахивал дверь камеры и гнал меня через большое помещение в туалет. Как бы быстро я ни мчался впереди него, дубинка меня все равно настигала.

Дверь туалета оставалась открытой. Я справлял нужду, потом быстро под струю воды в умывальнике, чтобы освежить лицо и рот, и он уже снова орал: «Пошел, нацистский капитан!» Свистела дубинка, за мной защелкивался замок двери камеры.

На завтрак давали полчашки слабого кофе и сухарь белого хлеба. Едва я успевал это проглотить, как снова в камере стоял охранник: «К стене, свинья! Руки вверх! Давай!»

«Почему так поступают эти американские солдаты? — Этим вопросом задавался Юст мучительными ночами. — Почему этот человек бьет меня?» И приходил к ответу: «Им дали власть — нести службу здесь в тюрьме с пистолетом и резиновой дубинкой. В свободное время им скучно. Быть может, ему еще надо присутствовать на занятиях. Есть пивные, где наверняка много выпивки и скука. И вдруг ему прислали нацистов. То, что мы — такие же солдаты, как и он, что мы выполняем свой долг, отдаем жизнь за жизнь, он не может этого знать и даже догадываться об этом. Из-за того, что мы оказываем сопротивление, не даем показаний, им сказали: «Сделай их виновными, унизь их, покажи им, этим проклятым нацистам!»

¹ Делай быстро! (искаж. нем.)

Вскоре он получил подтверждение своим выводам. Когда он снова предстал перед допрашивающим офицером, то заявил протест по поводу обращения. Юст был взбешен: «Что вам от нас надо? Почему вы приказываете нас мучить? Война закончена. Что это за варварство?»

Ответ был такой же, как и несколько недель назад, когда еще шла война: американцу нужна была информация. Справки об U 546, так как допрашивающий офицер писал информацию о немецких подводных лодках. Юст понял. И, поскольку он через несколько недель после капитуляции больше не видел причин молчать, согласился дать сведения при условии немедленного прекращения мучений для него и его товарищей. пытки были прекращены немедленно. Недели жестоких допросов закончились.

Начался «нормальный» плен. Плен в известных лагерях Техаса, в известном лагере Литл-Рок в Арканзасе, знаменитом своим лагерным университетом для 10 тысяч размещенных здесь немецких офицеров всех родов войск, лагерным театром, оркестром и даже зоопарком. Правда, дошедшие и до Арканзаса сообщения об обнаруженных немецких концлагерях и здесь повлияли на питание и отношение американцев. И, разумеется, это изменение позволило американцам нарушить обещание и отправить своих военнопленных не домой, а сначала на работы во Францию.

Капитан-лейтенант Пауль Юст тоже должен был пройти путь через Аттиши, землянки, голод и рабский труд, прежде чем попал домой в Баварию в 1946 году.

Убийство по приговору тайного суда и его последствия

Ранним вечером 6 августа 1943 года немецкая подводная лодка U 615 находилась у берегов Южной Америки, в 200 милях от Кюрасао. Ее командиром был капитан-лейтенант Ральф Капицки.

Среди 60 человек его команды было пять матросов, которые по странному стечению обстоятельств с этого дня были неразрывно связаны друг с другом до самой смерти на американской виселице: Хельмут Фишер, двадцати одного года, Фриц Франке, двадцати лет, Гюнтер Кюльзен, двадцати одного года, Рольф Вицуи, двадцати двух лет, и Бернхард Реяк, двадцати лет.

В тот день 6 августа U 615 шла в надводном положении. Внезапно от солнца на подлодку зашел американский бомбардировщик. Он сбросил глубинные бомбы. Подводникам удалось подбить отворачивающийся самолет из бортовой пушки. Но одна из бомб нанесла тяжелые повреждения U 615: пробоина в корме не позволяла лодке погружаться. Так беззащитная подлодка стала маневренной целью в проливе Атлантики до тех пор, пока сразу за первым сбитым самолетом ее не атаковали три американских истребителя-бомбардировщика. Снова раздалась взрывы бомб, снова подлодка отстреливалась из своей зенитки. Хельмут Фишер и Гюнтер Кюльзен сбили из своего орудия два атаковавших самолета. Третий американский самолет отвернул и улетел в западном направлении.

Но у U 615 шансов больше не было. Поэтому уже на рассвете следующего дня, 7 августа 1943 года, ее постигла злая участь: вахтенный офицер с мостика заметил на горизонте американский эсминец. Это был «Уолкер». На полном ходу он приближался к U 615.

Капитан-лейтенант Капицки отдал свой последний приказ: «Всем покинуть корабль!» Команда села в надувные лодки. Сам капитан-лейтенант исчез в корпусе лодки: он открывал вентили цистерн. Со своим командиром на борту U 615 легла на дно Карибского моря.

Выжили 43 немецких подводника. Их доставили в форт Мид под Вашингтоном. Там офицеры американской разведки пытались выведать у пленных моряков подробности об устройстве и вооружении подводных лодок.

Каждый из 43 пленных был заперт в одиночке, за исключением Рольфа Вицуи.

Он делил свою камеру с немецким подводником, представившимся обер-маатом Ляйми. Он будто бы был из команды немецкой подводной лодки U 118, которая была 12 июня 1943 года атакована и потоплена американцами в Атлантике, при этом он был ранен в правую ногу.

Действительно, этот человек ходил на U 118 и был ранен. Но на самом деле он был не обер-маатом Ляйми, а ефрейтором Дрекслером и работал теперь на американскую секретную службу.

Дрекслер не только рассказал врагу, что знал о своей подлодке, ее вооружении, базе и заданиях, но и стал американским шпионом: под разными фамилиями, такими, как обер-маат Ляйми или лейтенант Ниммер, он подсаживался в камеры к недавно попавшим в плен подводникам и помогал выяснить у них интересующую аме-

риканцев информацию. Там подводники без всякой задней мысли отвечали на вопросы мнимого товарища об оперативных целях, вооружении, успехах и неудачах своей подводной лодки. А американцы все подслушивали.

Несмотря на все меры предосторожности, принятые американцами, тайну о шпионе сохранить не удалось. Необъяснимым инстинктом затравленные пленные почуяли шпиона и разоблачили его.

Вскоре после этого офицер американской разведки сделал следующую пометку в деле: «Дрекслер сотрудничает так, что ни в коем случае не может быть направлен в один лагерь с другими военнопленными немецкими моряками».

В лагере для военнопленных немецких моряков Папаго-парк на западе США весной 1944 года сидели за колючей проволокой около 3000 офицеров и матросов немецкого военно-морского флота. Лагерь был поделен на пять так называемых компаундов, между ними был построен трехметровый забор.

Среди 600 пленных, сидевших в 4-м компаунде, были пятеро друзей с потопленной у Кюрасао подводной лодки U 615: Хельмут Фишер, Фриц Франке, Гюнтер Кюльзен, Рольф Вицуи и Бернхард Реяк. После пребывания в форт Мид их доставили в Папаго-парк.

Подводники коротали время за занятиями спортом и шутками. Они, как и почти все пленные в США, не знали нужды и, как только закончилась бы война, могли рассчитывать на новый жизненный старт, так как все были достаточно молоды — им было только по двадцать лет.

Но потом наступило 12 мая 1944 года.

В тот день, в воскресенье, 17 армейских грузовиков прогрохотали через лагерные ворота. В их кузовах было 350 захваченных американцами в плен немецких подводников. Многие из них попали в руки американцев лишь несколько недель назад, другие уже много месяцев провели в американских лагерях. Три грузовика направились к 4-му компаунду, где сидела пятерка с U 615. С грузовиков прыгнули 58 немецких подводников. Один из них слегка подволакивал правую ногу. Он носил прическу «ежиком». Это был Вернер Дрекслер, шпион из форта Мид.

Так и осталось неясным, что заставило американцев отправить в то время двадцатиоднолетнего Дрекслера в Папаго-парк, несмотря на то что он был разоблачен. Может быть, они настолько презирали предателя, который был им так полезен, и отправили его теперь

для мести товарищей? Сыграла ли роль случайность или необдуманность?

В тот воскресный день в Папаго-парке начались роковые события. Едва 58 вновь прибывших слезли с грузовиков, как их окружили старожилы 4-го компаунда. Пленные надеялись услышать новости из Германии, а может быть, встретить земляка из родного города.

Вернер Дрекслер не участвовал в разговоре. Он сразу же пошел в указанный ему барак и разложил свои личные вещи на второй от входной двери койке: курительную трубку, пачку табака и пару плавок.

Дрекслер должен был выйти из барака на перекличку в 17 часов. Он встал в строй, и тут его узнал один из подводников.

После переклички Дрекслер снова нашел свою койку, растянулся на ней, заложив руки за голову. Он был один. Все остальные жильцы пошли смотреть воскресный футбол.

Было половина седьмого вечера, когда дверь внезапно распахнулась. Пятеро с U 615 вошли, немного задержавшись у кровати Дрекслера.

Рольф Вицуи спросил:

— Обер-маат Ляйми, что вы тут делаете?

Дрекслер приподнялся на кровати:

— Я — ефрейтор, и моя фамилия — Дрекслер.

— Ты что, меня не помнишь? Рольфа Вицуи с U 615? Разве мы не сидели в одной камере в Вашингтоне?

Дрекслер совсем сел:

— Это, по-видимому, ошибка...

Вицуи прервал его:

— Тогда скажи, как твоя раненая нога?

— Хорошо, — ответил Дрекслер, забывшись, и взялся за правое колено, тем самым полностью показав, что он и шпион из форта Мид — одно и то же лицо.

Выйдя из барака, Вицуи сказал:

— Это он. В форте Мид он носил бороду. Но это он.

В это воскресенье в 19.00 30 военнопленных собрались в бараке старшего 4-го компаунда Хокса. На повестке дня собрания в прокуренном помещении стояло вынесение приговора предателю.

Впереди сидели пятеро друзей с U 615. Рольф Вицуи, волнуясь, потребовал от Хокса «проведения настоящего судебного разбирательства». Но Хокс отклонил это требование, сославшись на то, что сначала должен поговорить со спикером лагеря, ответственным за все компаунды, капитаном второго ранга Юргеном Ваттен-

бергом. Молодые люди остались этим недовольны. Они требовали смерти Дрекслеру, его немедленной смерти: «Он предал своих товарищей. Он предал Гитлера и Германию. Мы должны действовать немедленно».

Они настаивали: Дрекслер знает, что его узнали, значит, уже на следующий день он доложит американцам, что Вицуи и его друзья ему угрожали. А американцы сделают так, что пятерка с U 615 исчезнет в специальном лагере, откуда никто живым не возвращается.

Спикер компаунда Хокс решения принять не мог. Он медлил: «Я не могу дать вам совета. Я могу все дело поручить вам».

Тогда пятеро с U 615 в окружении товарищей вынесли приговор сами. Он гласил: «Предателю — смерть через повешение». Остальные пленные одобряюще забормотали. Появление шпиона в их тайном обществе было для каждого отдельно взятого военнопленного жизненно важной проблемой, поскольку шпион предательством военной тайны мог не только угрожать жизни еще сражающихся товарищей, но и выдать тех пленных, которые ему угрожали. Шпион был все равно что разрушительный элемент, неконтролируемая взрывчатка в обществе за колючей проволокой. Один шпион в лагере мог разрушить важнейшую предпосылку для физического и прежде всего духовного выживания военнопленных — солидарность «барачного фронта».

— Ладно, хорошо. Кто это сделает? — спросил кто-то из задних рядов.

— Мы! — громко ответил Хельмут Фишер. Вместе со своими четырьмя товарищами он поднял правую руку. Поднялась еще одна рука. Она принадлежала Хайнриху Людвигу, двадцати пяти лет, матросу с U 199. В девять часов вечера все шестеро пробрались в третий барак 4-го компаунда.

Хельмут Фишер раздобыл веревку, на руках у всех были перчатки. Дрекслер лежал на своей койке. Внезапно шестеро немцев замерли. Проскользнула тень. Они узнали ее, несмотря на темноту: Отто Штенгель, двадцати шести лет, плавал на U 253. Он все знал, все слышал и хотел быть всему свидетелем. Такой Штенгель был в каждом лагере.

— Что вы будете делать с Дрекслером? — спросил он.

— Убьем, — ответил Фишер, — он — предатель. Ты что, не знаешь?

— Вам нужен помощник?

— Да, еще один нам может понадобиться, — буркнул Вицуи.

— В таком случае я вам помогу.

Семеро мстителей разделились на две группы: Фишер, Реяк и Вицуи побежали к задней двери барака, Штенгель, Франке, Кюльзен и Людвиг — к передней. Они тихо открыли дверь и прокрались к кровати Дрекслера.

Ни один из двух дюжин других пленных в бараке его не предупредил. Молча наблюдали они за происходящим. Не было ни одного, кто бы не знал значения этого момента.

Дрекслер спал.

Пару секунд заговорщики молча стояли у его кровати. Затем Фишер потряс спящего за плечо. Дрекслер проснулся.

— Что случилось? — спросил он. Голос его был немного сонный.

Людвиг ответил вопросом на вопрос:

— Что ты делал в Вашингтоне?

Дрекслер внезапно полностью проснулся:

— Одну секунду.

Вицуи прервал его:

— Признайся, что ты — предатель, шпион.

— Нет, это неправда. Дайте мне время до завтрашнего утра. Вы не понимаете. Вы ошибаетесь. Завтра рано утром я все вам объясню.

— Завтра утром ты снова будешь у своих проклятых американских друзей, — процедил Фишер.

— Ты, сука, — вмешался Вицуи, — ты предал нас в Вашингтоне. Ты предал Германию. Мы знаем, что ты делал. Тебе нам этого не нужно рассказывать. Ты — предатель.

Дрекслер, очевидно, заметил, что речь идет о его жизни. Он перешел на упрашивающий тон:

— Я ничего об этом не знаю. В Вашингтоне вы меня превратно поняли.

Тени у его кровати молчали, и Дрекслер с напором продолжал:

— Но я могу вам все действительно объяснить. Подождите только до утра. Пожалуйста, товарищи, утром я все вам объясню.

Американский историк Ричард Уиттингэм в своей книге «Martial Justice» о тайном суде в Папаго-парке досконально привел все эти подробности, и благодаря ему мы можем воспроизвести происходящее. Он считал, что у Дрекслера до этой минуты еще был шанс выйти из положения, до момента, когда он произнес слово «товарищи».

Но это слово и вызвало насилие. Дрекслер — предатель для семи заговорщиков — не должен был причислять себя к ним.

Один из семерых закричал срывающимся голосом:

— У тебя нет здесь товарищей. Ты свинья! — и ударил Дрекслера в лицо. Тут и остальные шестеро набросились на лежащего Дрекслера. Началась борьба, неравная борьба, в которой мстители распались до такой жестокости, которая подтверждает, что участники группы находились в состоянии аффекта.

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных описывает душевное состояние военнопленных: «Военный плен стал массовой судьбой, одной из массовых судеб, типичных для нашего времени и накладывающих на него свой отпечаток. При этом массовая судьба не может характеризоваться только численно. Утрата личной свободы и подчинение чужой воле, неопределенное существование в жестких внешних нормах к тому же в часто длящейся экстремальной обстановке под воздействием голода, отсутствия крова и болезни вызывали бесчисленное количество душевных расстройств и реакций миллионов отдельных людей».

Шпион Дрекслер, которого теперь избивали все семеро, отбивался. Он был необычно сильным человеком. Лежа на кровати, он оборонялся, дико размахивая руками. Спасительная дверь была всего в двух метрах.

Но уйти ему не удалось. Франке уцепился сзади за шею Дрекслера, сильный удар по голени сломал кость, удар кулаком сломал ему переносицу. Дрекслер упал на пол барака. Реяк побежал к входной двери, открыл ее, выглянул наружу. Остальные шестеро подняли истекающего кровью, обессиленного Дрекслера, подхватили его под руки и, качаясь, пошли из двери барака через площадь по направлению к душевой. Дрекслер был на пути к виселице.

Но там буквально в последнюю минуту к кандидату на смерть приблизилось спасение.

Американский армейский джип с прожектором медленно ехал по дороге для патрулирования между 3-м и 4-м компаундами. В тот же момент Дрекслер очнулся и закричал во имя спасения своей жизни. Луч прожектор сразу же скользнул по площади. А солдаты на сторожевой вышке лагеря направили большой прожектор на площадь между бараками 4-го компаунда. Заговорщики бросили Дрекслера и метнулись под защиту тени.

Дрекслер, одетый только в трусы и майку, все больше обливался кровью. Он медленно поднялся, встал, покачиваясь, и закричал американским солдатам в джипе. При этом он пытался махать рукой. Так секунду стоял окровавленный полуголый человек в перекрещивающихся лучах прожекторов. Потом свет вдруг погас. Джип тоже поехал дальше.

Так и осталось невыясненным, почему ни патруль, ни часовые на вышке не обратили внимания на раненого, отчаянно кричащего человека на лагерной площади.

Семь его тайных судей скрывались в темноте и смотрели, как Дрекслер потащился обратно в свой барак.

Эта помеха их не отвлекла и не поколебала решимости казнить предателя.

Снова с двух сторон они ворвались в барак. Несчастный сидел на кровати. Снова они напали на него. Дрекслер был сломлен. Франке накинул Дрекслеру на шею петлю, Фишер засунул ему в рот носовой платок. Снова они подхватили его под руки. Впереди шел Франке. Он крепко держал веревку, накинутую Дрекслеру на шею. Никто из пленных в бараке Дрекслера не спал. Тяжело дыша, семеро со своей жертвой вышли из помещения. На этот раз они без помех прошли расстояние в 30 метров, отделявших их от душевой — домика, сколоченного из досок.

К тому времени Дрекслер снова был без сознания. Один из семерых, Реяк, остался караулить у двери снаружи: мстителям свидетели были не нужны.

Четверо приподняли Дрекслера в вертикальном положении, двое вскочили на скамейку и привязали веревку к одной из балок крыши. Дрекслера поставили на скамейку, двое поддерживали безжизненное тело спереди, двое — сзади. Пятый накинул ему на шею петлю веревки, свисавшей с балки. После этого четверо, державшие Дрекслера, отпустили его. Еще мгновение ноги приговоренного опирались на скамейку. Палачи опрокинули ее. Это произошло в 22.00 в воскресенье, 12 мая 1944 года.

Как раз в это время, как и каждый вечер, свет в бараках выключили. Полная темнота опустилась на Папаго-парк в момент смерти Вернера Дрекслера.

13 мая 1944 года. Солдат Кеннет Браун влетел в комендантский барак американского лагеря для военнопленных Папаго-парк в Аризоне. Капитан Сесил Пэршол удивленно поднял на него глаза. Солдат, волнуясь, взял под козырек.

— Сэр, — наконец выдал он.

А потом капитан услышал доклад: в душевой 4-го компаунда в 6.30 утра обнаружен труп ефрейтора-подводника Вернера Дрекслера, повешенного на балке крыши душевой.

На лице — тяжелые ранения. Нос разбит. Следы ударов в нижней части тела. Пол под мертвецом, одетым только в нижнее белье, весь в крови.

— Это не самоубийство, сэр, — заключил свой доклад солдат, — это убийство.

Убийство в лагере для военнопленных? Посреди лагеря? Кто это сделал, кто из 600 подозреваемых?

Капитан американской армии Сесил Пэршол, комендант лагеря Папаго-парк, приказал сфотографировать труп в петле и найти следы на месте преступления. Найдено ничего не было. В тот же день Пэршол и его офицеры начали допрос пленных, размещавшихся в 4-м компаунде.

У американцев было две насущные причины, чтобы найти пленных, убивших Дрекслера: если они потерпят применение насилия со стороны пленных, то рано или поздно весь лагерь Папаго-парк может выйти из-под контроля охраны. Но важнее было то, что повешенный Дрекслер сотрудничал с американцами, был человеком, выведывавшим у своих товарищей информацию, полезную секретной службе США.

Если среди пленных пойдет молва, что шпионов могут убивать их товарищи и это дело будет оставаться без расследования, то американцам придется рассчитывать на то, что в будущем ни один из пленных не станет для них шпионить. А в те майские дни 1944 года разворачивались решающие сражения Второй мировой войны. Любая информация о враге могла быть очень ценной.

Но американские офицеры наткнулись в 4-м компаунде лагеря Папаго-парк на молчание или получали ничего не значащие ответы. Большинство пленных знали людей, убивших Вернера Дрекслера 12 мая 1944 года.

Хельмут Фишер, которому на момент преступления было двадцать один год, Гюнтер Кюльзен, двадцати одного года, Фриц Франке, двадцати лет, Хайнрих Людвиг, двадцати пяти лет, Бернхард Реяк, двадцати лет, Отто Штенгель, двадцати шести лет, Рольф Вицуи, двадцати двух лет. Все семеро были подводниками.

Но ни один из многих сотен допрашиваемых немцев не произнес предательского слова. У них были такие же основательные при-

чины, чтобы молчать, как и у американцев, чтобы заставить их говорить; многие из пленных одобряли это убийство: в плену война для них еще не закончилась. К тому же шпион мог угрожать возможности выживания людей за колючей проволокой, внести в общество разрушительное недоверие.

Многие молчали из страха. То, что случилось со шпионом Дрекслером, могло повториться снова с человеком, который бы предал преступников. Допросы шли безрезультатно 14 дней.

Но американцы не сдавались. 30 мая 1944 года в лагерь Папагопарк прибыл полковник Джеральд Л. Черч, офицер штаба 19-й вспомогательной части американской армии. Черча сопровождал подчиненный ему низкорослый гражданский служащий по имени Леонард Келер.

Келер привез с собой на грузовике аппаратуру, не знакомую ни одному из пленных.

Начался новый раунд в войне допросов. Он приблизил семерку подводников к концу, который они уготовили шпиону Дрекслеру: казнь через повешение.

Леонард Келер был специалистом по применению детектора лжи — прибора, который записывает изменение пульса, токов мозга и влажности кожи допрашиваемого и якобы позволяет допрашивающему отличить правду от лжи.

Снова обитателям 4-го компаунда приказали прибыть в помещение для допросов. Леонард Келер укреплял электроды на их ладонях, груди, висках. Полковник Черч задавал вопросы и получал от людей, лежавших в бараке Дрекслера и наблюдавших, как били и выносили ефрейтора, приблизительно такие ответы.

Черч:

— Слышали или видели вы в ночь с 12 на 13 мая что-нибудь необычное?

— Нет.

Черч:

— Вы спали в том же бараке, что и Дрекслер?

— Да.

Черч:

— Вы действительно ничего не слышали?

— Нет. Иногда ночью что-то слышится. Были звуки, как будто кто-то болен, стонет или кашляет.

Черч:

— Вы видели, кто это был?

— Нет.

Черч:

— Вы пытались помочь человеку?

— Нет. Стоны прекратились, наверное, через минуту, и я подумал, что все снова в порядке.

После каждого допроса Леонард Келер оценивал кривые, вычерченные его прибором. Через четыре недели из обитателей 4-го компаунда он отсеял двадцать человек, которых он считал подозрительными. И имена семи пленных, убивших Дрекслера, были в списке Келера.

И снова американцы не продвинулись значительно в расследовании дела о тайном суде в Папаго-парке. Они получили двадцать главных подозреваемых, но ни одного признания, ни одного надлежащего свидетельского показания. Ни один суд в США, в том числе и военный суд, не может вынести приговор подозреваемому только на основании записей детектора лжи.

Американцы сделали ставку на то, чтобы добиться признания. Любой ценой. Они перевели двадцать подозреваемых в специальный лагерь в Стоктоне, штат Калифорния. Уже в день прибытия, 3 июля 1944 года, пленные встретили человека, который должен был задать окончательное направление их судьбе. Его звали Оскар Шмидт, он был капитаном армии США, без акцента говорил по-немецки и был специалистом по выколачиванию показаний.

Немецкий подводник Отто Штенгель, присоединившийся седьмым к преступникам из Папаго-парка, на военном суде дал следующие показания о том, как Оскар Шмидт, имевший немецкое происхождение, обращался с подозреваемыми: «Началось с четырехчасовой поездки на автомобиле. В фургоне без окон я был прикован к подвешенной стальной трубе, которая во время езды по дороге со сплошными ухабами сильно раскачивалась туда и сюда и колотила меня о стены. После часа такой езды капитан Шмидт остановился на поле и крикнул: «Вы хотите признаться?» Я ответил: «Нет». Тогда они снова поехали...»

Капитан Шмидт повторял поездки-пытки с Отто Штенгелем три раза. Но Штенгель молчал. Шмидт привез Штенгеля обратно в лагерь. Там помощники Шмидта затолкали подозреваемого в помещение. Штенгель: «Они надели на меня противогаз, а капитан Шмидт закричал: «Сознаешься ты сейчас, наконец, или хочешь еще обожжения такого сорта, как у вас в Дахау?»

Когда я снова не сознался, они размололи луковичу, головку чеснока и залили смесь в фильтр противогАЗа. Лейтенант стоял рядом со мной и постоянно затыкал впускной клапан противогАЗа. При этом он смотрел на свои наручные часы, а капитан Шмидт говорил: «Ну, видишь, как медленно идет воздух. То же самое вы сделали с Дрекслером». Потом я потерял сознание.

Когда я снова пришел в себя, маску с меня уже сняли, но капитан Шмидт держал ее в руках, наклонился надо мной и спросил: «Хочешь еще раз попробовать?» Я ответил: «Нет, хватит. Я хочу поговорить с майором и дать показания».

Шмидт подверг допросу третьей степени и подельников Штенгеля. Но их сопротивление он сломил быстро. Он предъявил им признания Штенгеля, шестеро сознались в своем участии в убийстве.

15 августа 1944 года в 9.08 в Кэмп-Флоренсе, Аризона, собрался военный суд для судебного разбирательства в отношении этих парней.

Их дело было плохо: защитнику, майору армии США Уильяму Х. Тэйлору не удалось представить доказательств, что убитый Вернер Дрекслер действительно оказывал шпионские услуги американской разведке. Американская армия отказала в даче каких-либо справок, сославшись на государственную безопасность. Поэтому у суда создавалось представление, что Дрекслер был повешен своими товарищами только из подозрения.

Судьи также не приняли во внимание, как были получены признания. Капитан Оскар Шмидт в качестве свидетеля отвечал лишь односложно, якобы тоже по причинам государственной безопасности.

Все равно все семеро сознались в своем преступлении. Хельмут Фишер сказал: «Казнь Дрекслера произошла исключительно из-за того, что мы, как немецкие солдаты, должны бороться за свою страну, даже в качестве военнопленных. Дрекслер был предателем, поэтому у него не было права продолжать жить среди нас».

Отто Штенгель: «Я — солдат, я действую исходя из моей ответственности как солдат. Да, Дрекслер был убит, но и сам он совершил бесчисленные убийства. Смерти скольких храбрых подводников он способствовал? Я считаю себя не убийцей, а немецким солдатом».

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных так объясняла политическое поведение военнопленных:

«Конфликтное состояние, имевшее место во многих или в большинстве лагерей, коренилось в том, что с начала до конца войны большинство военнопленных считали себя немецкими солдатами, которые должны сохранять лояльность немецкому политическому руководству. На практике это означало и должно было означать лояльность национал-социализму. Такие чувства особенно были выражены у «африканских военнопленных». Они попали в плен в то время, когда положение Германии казалось еще обещающим успех. Преимущественно они попадали в плен целыми частями и воспринимали капитуляцию в Тунисе не как поражение своих частей и подразделений. Уважение и признательность, часто оказываемые им союзниками, тоже способствовали такому восприятию.

К самым отрицательным проявлениям противоречий среди военнослужащих относятся столкновения друг с другом с применением насилия, доходившие в некоторых лагерях до убийств по приговору тайных судов».

Процесс в отношении семерки из Папаго-парка продолжался только три дня. В 18 часов 16 августа 1944 года судьи единогласно признали их виновными. Председатель военного суда полковник Поуст огласил приговор. Он начал в алфавитном порядке с Хельмута Фишера и закончил Рольфом Вицуи.

Семерым полковник Поуст повторил предложение: «...повесить за шею до наступления смерти». Пятерым из приговоренных к этому времени не исполнилось еще 23 лет.

Семеро из Папаго-парка слушали приговор с солдатским спокойствием. На улице солнце клонилось к западу. Дальние вершины гор сверкали красным цветом.

Семерых отправили в форт Ливенворт, штат Канзас, и там заперли в камеры смертников.

Но Франке и Фишер, Кюльзен и Реяк, Штенгель, Людвиг и Вицуи все еще могли надеяться, что им удастся избежать петли. Смертные приговоры до их приведения в исполнение должен был утвердить президент Соединенных Штатов Америки. И эти семеро знали, что к приговорам было приложено ходатайство генерала американской армии Шедда о замене казни пожизненным заключением.

Кроме того, семеро заключенных в форт Ливенворт узнали, что правительство США хотело обменять их на семерых американских летчиков, захваченных в плен в Германии: американцы и немцы

вели переговоры через посредников в Швейцарии. Но быстрое наступление американцев в Европе сделало переговоры беспредметными: пилотов освободили танки американского генерала Паттона.

Теперь жизнь семерых молодых людей в камерах смертников форта Ливенворт находилась в руках нового президента США Гарри С. Трумэна.

После капитуляции германского рейха 8 мая 1945 года союзникам стал известен весь размах зверств, творившихся в немецких концентрационных лагерях. Америка и ее президент не были настроены проявлять милость к немцам, осужденным за убийство американским судом. К тому же уже начались процессы в отношении военных преступлений немецких военных, чиновников, партийных функционеров.

Научная комиссия писала: «Причины четырех преднамеренных убийств (пленными пленными) и трех неумышленных убийств были отнесены американскими властями к политическим. В связи с процессами по этим делам в общей сложности 15 немецких военнопленных были приговорены к смертной казни. Четырнадцать из этих приговоров — первые пять были вынесены в январе 1944 года и утверждены президентом Америки 5 октября 1944 года — были приведены в исполнение только по окончании войны в Европе, когда можно было больше не опасаться ответных мер со стороны Германии. В одном случае осужденный был приговорен сначала к пожизненному заключению, затем он был помилован, и приговор ему был заменен двадцатилетним тюремным заключением. Кроме этих 15 случаев, были проведены судебные процессы в связи с нарушениями или преступлениями в отношении здоровья и жизни военнопленных против 102 немецких военнопленных. 15 из них были приговорены к 10 и более годам, 20 получили от трех до десяти лет, все остальные (кроме пяти оправданных) — до трех лет лишения свободы».

16 августа 1945 года, через несколько дней после принятого им решения об атомной бомбардировке Хиросимы, президент Гарри С. Трумэн утвердил смертные приговоры для немецких подводников.

Вечер 23 августа 1945 года в Канзасе был ужасно жарким. В 21.25 охранники открыли дверь в коридор к камерам смертников в тюрьме форта Ливенворт. Туда вошли четверо: комендант тюрьмы полковник Элей, тюремный капеллан Таули, почти ежедневно навещавший кандидатов на смерть в течение одиннадцати месяцев со времени приговора, и два офицера.

Под мышкой полковник Элей нес тонкую папку. Один из часовых подал команду «смирно!». Семеро приговоренных встали в своих камерах. Полковник Элей промокнул пот со лба, открыл папку и зачитал смертные приговоры. И заключил: «Президент Соединенных Штатов Америки ходатайство о помиловании отклонил. Казнь будет совершена 25 августа 1945 года в полночь здесь, в тюрьме».

Капеллан Джордж А. Таули позднее дал историку Ричарду Уиттингэму для его книги «*Martial Justice*» точный рассказ о реакции семерых на сообщение, приблизившее смерть.

Отто Штенгель заговорил первым: «Сволочи, проклятые свиньи. Какого черта они это делают? Они этого так и не поняли. Я думал, пока они...»

Рольф Вицуи обратился к нему: «Не стоит больше. Теперь все кончено».

Вмешался Хайнрих Людвиг: «А есть еще сволочи, все ли кончено или нет: сволочи остались».

Гюнтер Кюльзен сказал капеллану:

— Значит, это случится завтра ночью?

— Да, точно в полночь, — ответил капеллан Таули, — завтра я буду целый день здесь. Могу ли я что-нибудь сделать для всех вас?

— Нет, — ответил Хельмут Фишер за всех.

В последнее утро своей жизни они все вместе сидели за одним столом. Пришел капеллан Таули и принес их форму.

— Я еще отдавал ее в чистку, — пояснил он.

Фишер проговорил:

— Мы умрем как настоящие немцы, так же, как и жили.

Остальные закивали. Вечером был накрыт ужин для приговоренных к смерти: цыплята по-южному.

За две минуты до полуночи 25 августа 1945 года в коридор между камерами вошли лейтенант и шесть солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками. Они остановились у камеры Фишера.

— Хельмут Фишер! — выкрикнул лейтенант. Солдат открыл камеру. Вышел двадцатидвухлетний Фишер. Он попросил у офицера разрешения попрощаться с друзьями.

Фишер пошел от камеры к камере, пожимая руки своих шестерых товарищей между прутьями решетки. Когда он поравнялся со Штенгелем, то хлопнул его по плечу и с улыбкой сказал: «Товарищ». Штенгель кивнул и ответил: «Товарищ». Потом он пошел дальше. Вицуи он сказал: «Мы умрем как солдаты, Рольф». А когда он уже

стоял между конвойными, он еще раз повернул голову к камере Вицуи и крикнул: «Не забудь!» Вицуи не ответил, молчал и смотрел вслед конвою.

То, что началось теперь, было образцом для казней военных преступников в Нюрнберге и Ландсберге.

Капеллан Таули шел рядом с Фишером по проходу во двор. В 120 метрах был виден вход в старое здание склада, которое было сейчас ярко освещено. По дороге Фишер обратился к капеллану: «Вы нервничаете! А ведь это мне надо сейчас нервничать».

Конвойные, капеллан и приговоренный поднялись по лестнице.

У ворот здания склада Фишер задержался. Перед собой он увидел эшафот, на котором была сооружена виселица. Нижняя часть эшафота была занавешена черными полотнищами. Они должны были скрывать дергающееся тело повешенного от взглядов свидетелей. Слева стояла группа офицеров, справа — журналисты.

Перед виселицей ждал полковник Элей. Фишер подошел к нему. Элей еще раз зачитал смертный приговор. После этого он посмотрел на Фишера:

— Хотите ли вы сказать последнее слово?

— Нет, я только хотел поблагодарить капеллана.

— Спаси господь вашу душу. — С этими словами полковник отошел в сторону. Два солдата встали по бокам от Фишера и повели его по лестнице на платформу. Наверху Фишер остановился. Один солдат завел руки Фишера назад и связал их за запястья, другой связал ноги.

Фишер стоял вертикально без движения. Он смотрел на ворота склада, через которые он только что прошел.

Третий солдат надел ему на голову черный мешок.

Вышел палач. Он накинул на шею Фишера петлю и затянул ее. Потом он спустился с платформы и взял под козырек перед полковником Элеем. Палач положил руку на большой рычаг.

Полковник Элей медленно поднял правую руку, выпрямил указательный палец, в то время как остальные оставались сжатыми в кулак, а потом резко быстрым движением опустил руку.

Сержант толкнул рычаг вперед. Падающий люк открылся с резким звуком. Фишер упал вниз. Два врача за черным занавесом осматривали казненного, сердце которого еще билось. Капеллан Таули последовал за ними. Один из врачей повернулся к нему и сказал:

— Не волнуйтесь, святой отец, он без сознания.

Еще шесть раз повторялась эта процедура. Фриц Франке взошел на эшафот безмолвно. Гюнтера Кюльзена на всем пути от камеры до виселицы сопровождали журналисты. Кроме слов благодарности капеллану Таули, он не сказал ничего. Хайнрих Людвиг тоже поблагодарил капеллана.

Бернхард Реяк молчал. Потом солдаты пришли за Отто Штенгелем. В коридоре между камерами он вдруг остановился: «Я хотел бы взять фотографию моей жены и ребенка».

Во дворе, по дороге через площадь, Штенгель увидел в лунном свете у стены цветы шиповника. «Прекрасные розы, — сказал он капеллану, — давно я уже таких не видел».

По дороге на виселицу Отто Штенгель скрывал свой страх наигранным равнодушием. Он пожаловался на последний ужин, сказав, что «его цыпленок был слишком худым». Его последние слова были: «Я был счастлив познакомиться с капелланом, и я считаю, что полковник очень корректно с нами обращался. Да, с нами хорошо обращались».

Рольф Вицуи был последним из казненных. Когда за ним пришли, он посмотрел на открытые двери пустых камер своих товарищей: «Больше нет никого, с кем бы я мог попрощаться!»

В 2.48 26 августа 1945 года умер и Вицуи.

Солдаты положили семерых казненных в деревянные ящики и похоронили их в свете начинающегося утра в уединенном месте форта Ливенворт. На надгробном камне стоят фамилия, даты рождения и смерти и воинское звание.

Протокол повешения

В форте Ливенворт было положено начало церемониалу, по которому отправляли на тот свет маршалов, министров, генералов, фюреров СС и гауляйтеров Третьего рейха.

Форт Ливенворт стал генеральной репетицией Нюрнберга. Во вторник, 15 октября 1946 года, группа из пяти человек двигалась гулками шагами по подвалу нюрнбергской тюрьмы. Впереди шел комендант тюрьмы, полковник армии США Бартон Эндрюс, на голове его была отливающая серебром каска. За ним следовали два американских офицера, переводчик и два немца: министр-президент Баварии Хёгнер и генеральный прокурор Ляйстнер. Полковник и сопровождавшие его лица прибыли, чтобы объявить десяти высоко-

поставленным чиновникам Третьего рейха, что в ближайшие часы они умрут на виселице. Рейхсмаршал Геринг, одиннадцатый, незадолго до этого путем самоубийства избежал казни. Полковник Эндрюс и сопровождавшие его шли от камеры к камере. Полковник еще раз зачитывал каждому осужденному текст смертного приговора. Переводчик переводил. Большинство осужденных слушали его молча.

Затем был предложен последний ужин. На выбор предлагались сосиски с картофельным салатом или блинчики с компотом. Никто к нему не притронулся.

Часом позже, незадолго до часа ночи, снова пять человек прошли по нюрнбергской дороге смерти. Снова их возглавлял человек в серебристой каске — полковник Бартон Эндрюс. За ним на этот раз шли католический тюремный священник Сикстус О'Коннор и евангелический пастор Хенри Ф. Гереке, оба — служащие американской армии. Шествие замыкали два американских солдата. Группа остановилась перед камерой бывшего рейхсминистра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа. Часовой у двери отдал честь и отодвинул засов. В камере стоял Иоахим фон Риббентроп в коричневом костюме, голубой рубашке, красно-коричневом галстуке. Солдаты встали рядом с ним. Щелкнули наручники, и Эндрюс скомандовал: «Следуйте за мной». После этого группа пришла в движение. Впереди — полковник, за ним — два священника, потом — конвойные с осужденным. Они покинули тюремный флигель через заднюю дверь и пошли по мокрому от дождя двору к спортивному залу. Его охраняли двойные посты. Эндрюс три раза постучал в дверь. Ее открыли изнутри. Зал освещали прожектора. Черными и угрожающими в передней части зала стояли три виселицы на трех эшафотах. В дверях спортивного зала появились майор и два солдата военной полиции. Они взяли осужденного в середину строя и повели к виселице номер один.

Немецкий тюремный врач доктор Людвиг Пфлюкер рассказывал о технике повешения: «Осужденный встает на падающий люк, который открывается после того, как петля надета. Осужденный падает на этаж вниз. Нижний этаж виселицы занавешен тканью так, что происходящее остается скрытым. Здесь два американских врача наблюдают за повешенным и констатируют наступление смерти. При этом медицинская наука исходит из того, что при повешении сразу наступает не смерть, а только потеря со-

знания — утешение, которое я заблаговременно мог бы дать всем осужденным».

Вверху на помосте в нюрнбергском спортивном зале ждали помощники палача и сам палач — Джон Вудс, мастер-сержант американской армии. В Соединенных Штатах Вудс за 15 лет казнил через повешение 347 осужденных. У эшафота солдаты сняли наручники, которыми Риббентроп был к ним прикован. Риббентропу приказали заложить руки за спину, их ему связали черным шнурком от ботинок. Оба солдата подхватили его под руки и подняли по тринадцати ступенькам к виселице. Под висящей петлей приговоренного принял палач Вудс. Он повернул его лицом к свидетелям в зале внизу. Полковник Груффи, комендант-исполнитель, сказал переводчику: «Спросите у этого человека его имя». Бывший немецкий министр иностранных дел не стал дожидаться перевода и громко по-немецки ответил: «Иоахим фон Риббентроп».

В этот момент Вудс накинул на голову Риббентропа петлю, завязанную тремя узлами, и затянул ее. Помощник наклонился и черным шнурком связал ноги. Отец Гереке тихо молился слева от осужденного. «У вас есть еще что-нибудь сказать?» — спросил полковник.

Риббентроп заговорил высоким голосом: «Боже, храни Германию. Боже, будь милостив к моей душе. Мое последнее желание — чтобы сохранилось единство Германии и чтобы Восток и Запад достигли соглашения об этом».

Комендант-исполнитель дал знак палачу. Помощник протянул Вудсу черный капюшон. Палач надел его на голову Риббентропа. Когда ткань начала накрывать его лицо, Риббентроп быстро взглянул на Гереке и сказал: «Мой последний взгляд вам, капеллан». Тут Вудс потянул капюшон вниз. Быстро подошел к рычагу. Потянул. Люк под связанным распахнулся. Ноги потеряли опору, и он провалился в небытие. Веревка рывком натянулась и слегка закачалась. Ни звука. Часы показывали 1.16.

Советский врач со стетоскопом на шее и американский доктор с карманным фонариком пробрались под черный занавес, закрывавший нижнюю часть эшафота и скрывавший повешенного в петле от взглядов свидетелей. Прошло 19 минут, прежде чем они снова вынырнули из-под занавеса и объявили собравшимся: «Человек мертв». Девятнадцать минут. Девятнадцать минут еще билось сердце в груди человека в петле.

За Иоахимом фон Риббентропом, 53 лет, последовали фельдмаршал Вильгельм Кейтель, 63 лет, обергруппенфюрер СС Эрнст

Кальтенбруннер, 43 лет, рейхсляйтер Альфред Розенберг, 53 лет, генерал-губернатор Ханс Франк, 46 лет, министр внутренних дел Вильгельм Фрик, 69 лет, гауляйтер Юлиус Штрайхер, 61 года, гауляйтер Фриц Заукель, 48 лет, генерал-полковник Альфред Йодль, 56 лет. А в 2.45 в ту среду, 16 октября 1946 года, умер последний из приговоренных, рейхскомиссар Артур Зейс-Инкварт, 54 лет. Труп рейхсмаршала Германа Геринга был взят из камеры и положен под виселицей номер один: символика — и он, второй человек после Гитлера в национал-социалистическом режиме, таким образом, считался повешенным.

Церемония в форте Ливенворт, где 25 августа 1945 года в 2.48 последним из семи подводников был повешен 22-летний Рольф Вицуи, была выдержана до минуты.

За колючей проволокой на пяти континентах

Замок в Австралии

Немецкие военнопленные были рассеяны по всем пяти континентам Земли. Лагеря военнопленных находились не только в тылу фронтов на театрах военных действий, они были также на средиземноморских островах Мальта и Кипр, в крепости Гибралтар, на Суэцком канале, в тогдашнем британском протекторате Палестина, в Ираке и даже в таких экзотических местах, как Ямайка в Карибском море, в Эритрее на Африканском Роге и в Судане.

Более тысячи немецких военнопленных война забросила в Австралию. Почти полмира и пять недель плавания на пароходе отделяли их от родины.

И все же для нескольких сотен немцев за австралийской колючей проволокой плен означал одновременно и спасение от жестокого голода.

20 ноября 1941 года, Индийский океан западнее Австралийского континента. Пять лодок движутся на большом удалении друг от друга по штормящему морю на восток, в направлении австралийского берега. Лодки переполнены людьми. Они сидят, плотно прижавшись друг к другу. Валы штормового моря перекатываются через них. Лодки находятся в 200 милях (более чем в 350 километрах) от ближайшей земли. Измученные, борющиеся за выживание команды лодок принадлежат к экипажу немецкого вспомогательного крейсера «Корморан».

С именем этого корабля связаны необычайный успех в истории войны на море, а также драматические приключения его команды.

19 ноября 1941 года, в день покаяния и молитв, «Корморан» находился в 200 милях от западного берега Австралии. Там он попал в зародившийся где-то на юге ураган, поднимавший и бросавший корабль. Дул сильнейший ветер. «Корморан» двигался со скоростью в

десять узлов восточным курсом. Офицеры в бинокли осматривали горизонт. Корабль искал добычу. На борту царил воскресный покой. В кубрике играли в «дауэрскат»¹. Кто-то похрапывал в койке. Время подходило к 16 часам. Бачковые разнесли по кубрику котелки с «крестьянским завтраком» — жареной картошкой, залитой яйцами. Яйца были взяты с английского рефрижератора «Дюкеза», захваченного тяжелым крейсером «Адмирал Шеер» и использовавшегося как вспомогательный корабль.

За два года до этого «Корморан» был еще бравым фрахтовым парходом судоходной компании «Хапаг» в Гамбурге. Тогда он назывался «Штайермарк». После этого корабль водоизмещением почти 9000 брутто-регистрационных тонн был переоборудован в самый крупный вспомогательный крейсер Второй мировой войны. Его вооружение составляли шесть орудий калибра 150 мм, четыре спаренные 37-миллиметровые пушки, четыре 20-миллиметровые пушки и два двухтрубных торпедных аппарата.

Это внушительное вооружение было тщательно спрятано, так как самым сильным оружием вспомогательного крейсера в каперской войне против торгового и вспомогательного судоходства противника была маскировка и основанный на ней момент внезапности. Противник должен был считать замаскированный военный корабль торговым судном. Поэтому такой корабль, как «Корморан», мог подкрасться к английским фрахтовым судам, внезапно захватить их в качестве приза или потопить. И с помощью своей маскировки вспомогательный крейсер мог также рассчитывать, что не попадется вражеским военным кораблям и разведывательным самолетам, так как для борьбы с военными кораблями вспомогательные крейсера не строились. Для этого они были недостаточно хорошо вооружены, ходили со слишком малой скоростью и не были бронированы.

К 19 декабря 1941 года «Корморан» был в походе уже почти год. 3 декабря 1940 года он покинул Данцигскую бухту. Он внезапно появлялся то в Атлантике, то в Индийском океане и наносил тяжелые удары по коммуникациям англичан: «Кормораном» были потоплены или взяты в качестве призов 11 пароходов общим тоннажем 68 000 брутто-регистрационных тонн. Командир «Корморана» капитан второго ранга Теодор Детмерс мог быть доволен собой и подвигами своего экипажа.

¹ «Дауэрскат» — разновидность популярной в Германии карточной игры «скат».

Однако уже несколько недель добыча не попадалась. Море словно чисто вымели. Не встречался больше ни фрахтовый пароход, ни танкер с грузами для Англии или ее союзников. Последнее нападение «Корморану» удалось совершить 26 сентября у Мадагаскара. Затем немецкий вспомогательный крейсер пошел на восток. У австралийского побережья капитан второго ранга Детмерс надеялся нанести новые удары по коммуникациям Великобритании.

19 ноября, во второй половине дня, наконец показалось, что расчет Детмерса оправдался. Корабль! Большой корабль! На мостике стояли офицеры и прижимали бинокли к глазам. Но скоро они узнали, что это не та добыча, на которую они надеялись.

Было ровно 16 часов, когда командование «Корморана» разобралось, что за корабль приближается к нему на полном ходу. Это был не фрахтовый пароход, не танкер, не пассажирский лайнер — судном, шедшим, прорезая носом набегающие валы, был военный корабль с двумя высокими мачтами, ориентировочно — австралийский крейсер класса «Перт». На полном ходу при скорости 16,5 узла капитан Детмерс попытался уйти. Но уже через десять минут из машинного отделения доложили: «Четвертый двигатель неисправен». Скорость упала до 13 узлов.

Капитан «Корморана» Детмерс рассказывал: «О том, что удастся уйти, не могло быть и речи. Мы должны были рассчитывать на случай. Нам не осталось ничего иного, как ждать встречи, выявить ошибки, которые делает противник, и использовать их. Все мои помыслы и поступки были подчинены одному: выиграть время».

— Теперь наш черед, — сказал Густав Альберс у 4-го орудия.

— Сейчас они начнут палить по нам, как по зайцу, — проворчал Ян Клос внизу у одного из механизмов. Они знали, как британский крейсер «Корнуэл» 8 мая 1941 года с дальности наиболее действительного огня расстрелял вспомогательный крейсер «Пингвин». Удалось спасти только 33 человека.

— Если этому парню ясно, что перед ним германский рейдер, то для нас это все равно что отправиться в мир иной, — решили они.

«Корморан» относился ко второй волне вспомогательных крейсеров. Был оценен весь опыт первой волны, прежде чем он был отправлен в поход. Маскировка стала самой совершенной, все орудия были убраны под палубу. Сверху выглядело все вполне мирно. Зенитные орудия тоже стояли под палубой. Одним нажатием рычага не маскировка снималась с них, а орудия сами поднимались наверх в положение для стрельбы, и наводчики вместе с ними. Но это, есте-

ственно, не помогало против крейсера в 7000 тонн водоизмещением, шедшего со скоростью 32,5 узла (почти 60 километров в час), имевшего восемь 153-миллиметровых, восемь 102-миллиметровых и четыре 47-миллиметровых орудия, двенадцать легких автоматических зенитных пушек, восемь торпедных аппаратов и два самолета. Кроме того, у него было 76-миллиметровое бронирование бортов выше ватерлинии и бронепалуба с 51-миллиметровым бронированием. Крейсер приблизился на расстояние 3000 метров. Он непрерывно семафорил. Капитан Детмерс не реагировал. Около 16.30 он приказал сигнальщикам дать семафор флажками. Маату-сигнальщику для семафора флажками требовалось много времени. Цель маневра состояла в том, чтобы заманить крейсер как можно ближе, а потом с короткого расстояния обстрелять его и, если будет такая возможность, нанести тяжелое повреждение — в этом состоял единственный шанс для вспомогательного крейсера.

Противник снова начал семафорить: «Дайте свой сигнал!» Детмерс распорядился вывесить сигнал голландского парохода «Страат Малакка». На корме обер-ефрейтор-сигнальщик Отте поднял голландский флаг.

Расстояние между кораблями сократилось менее чем до тысячи метров. На том корабле матросы лениво облокотились на поручни.

Теперь оба корабля шли друг против друга со скоростью 13 узлов.

Австралиец дал сигнал: «Куда следуете? Что за груз?»

Капитан Детмерс приказал вывесить в ответ сигнальные флаги. Обстоятельно. На крейсере еще, по-видимому, ничего не заподозрили. Может быть, дадут вспомогательному крейсеру уйти восвояси?

Пароход с именем «Страат Малакка» действительно существовал. Он ходил под голландским флагом в Индийском океане. На вопрос о порте назначения Детмерс ответил: «Батавия», а о грузе: «Штучные товары».

Но теперь австралиец у фальшивой «Страат Малакки» затребовал назвать секретный опознавательный сигнал. Решающий момент наступил. Сигнал немцам на борту «Корморана» был неизвестен. Детмерс не отвечал. Теперь австралиец почует недоброе, поймет, что его обманывают. Жахнет ли он сразу из всех стволов?

Крейсер был всего в 900 метрах, шел правым бортом наперерез «Корморану».

На мостике воцарилась тишина. Орудийные расчеты услышали в наушниках голос обер-лейтенанта Скериса: «На всех орудиях. Про-

тивник — крейсер класса «Перт». Он не дает нам уйти и требует опознавательного сигнала. Мы дадим ему этот сигнал по-своему. После приказа о снятии маскировки каждому оружию вести огонь самостоятельно». Потом снова воцарилась мертвая тишина.

Капитан Детмерс вспоминал: «Было точно 17.50. Голландский флаг пошел вниз по флагштоку, а на его месте взвился германский военно-морской флаг. Тяжелые маскировочные люки на носу и корме отскочили в стороны, как если бы они были сделаны из легких досочек. Люки торпедных аппаратов открылись. Орудия и торпедные аппараты были закреплены и наведены. «Огонь!»

Все орудия заряжены. Дальность установлена. Первым выстрелило носовое орудие. Сразу за ним ударили другие.

Залпы следовали через каждые пять секунд. Снаряды ложились по ватерлинии крейсера. «Врежьте ему! Врежьте!» — орали наводчикам командиры орудий. От первого залпа мостик крейсера получил два попадания и был поврежден пост управления артиллерией. «Торпедой пли», — приказал командир минно-торпедной боевой части, и «угри» скользнули в воду.

Но противник их не видел.

Мощные разрывы сотрясали воздух. Крейсер получил тяжелые повреждения, начал крениться на нос. Башни «А» и «Б» были выведены из строя. Зенитки со вспомогательного крейсера обстреливали палубу. Подготовленный к старту самолет после попадания в него по высокой дуге упал в море.

Но у австралийца тоже были пушки. И командование наконец-то оправилось от испуга. Хотя первые снаряды и легли слишком высоко, зато потом один попал в трубу «Корморана», другой отрикошетил в расчет 3-го орудия. Моряки были озадачены, когда их коснулось дыхание смерти. Крейсер вел огонь бронебойными снарядами. Это было хорошо, так как от тонких бортов вспомогательного крейсера их взрыватели не срабатывали и большинство снарядов прошивало их насквозь, не разрываясь.

Лица орудийных расчетов на «Корморане» почернели от дыма, пот катился градом. Они вели огонь с частотой 16—18 выстрелов в минуту — такой скорострельности даже на учениях не удавалось добиться. Снаряд за снарядом били в бок крейсера. Он уже горел во многих местах.

Ну, теперь ему достаточно. Он резко отвернул на левый борт. Горящий, прошел за кормой вспомогательного крейсера и стал уходить, дымя, едва держась на плаву. Капитан Детмерс вспоминал:

«В 18.25 я приказал прекратить огонь. Противник находился в 10 тысячах метров. Он скорее дрейфовал, чем шел, полыхающий ярким пламенем остов. Сильный огонь был виден до 21 часа. Потом мы еще раз видели особенно сильную вспышку. Потом и этот огонь исчез из виду».

Немецкий вспомогательный крейсер «Корморан» сделал что-то немыслимое, неповторимое: потопил в бою настоящий, намного превосходящий его военный корабль.

Только потом капитан Детмерс и его команда узнали, что они своей маскировкой обманули и заманили в преисподнюю крейсер «Сидней». Он пошел на дно со всей командой, так и не успев наладить радиосвязь. Очевидно, радиостанция была разбита первым попаданием. Все 645 человек, составлявших команду «Сиднея», погибли.

Австралийский военно-морской флот пытался объяснить необъяснимое. Он до сих пор считает, что причина катастрофы «Сиднея» заключается во второстепенном, можно сказать, бюрократическом фарсе. Когда легкий крейсер наткнулся на «Корморан», он был под командой капитана первого ранга Барнетта. Он принял «Сидней» 13 мая 1941 года, за шесть месяцев до гибели. Барнетт был офицером с лучшими аттестациями. Но почему же тогда этот прекрасный офицер при встрече с «Кормораном» не отдал приказа поднять в воздух самолет? С воздуха, вероятно, можно было бы заметить, что на «Корморане» установлены орудия. И самое главное, почему Барнетт не оставался на достаточном удалении, чтобы использовать преимущества своей мощной дальнобойной артиллерии и высокую скорость, поскольку все же существовала вероятность встречи с немецкими вспомогательными крейсерами?

Почему он не запросил штаб австралийского военно-морского флота, находится ли «Страат Малакка» в этих водах, прежде чем приблизиться к подозрительному судну?

«Все это вопросы, — указывает австралийское военно-морское командование, — на которые никогда не будут получены ответы».

У австралийского флота есть только одно предположение, почему капитан Барнетт не начал обстрел «Корморана» с большой дальности. А именно: залпы с большого расстояния часто не попадают в цель. Требуется больше выстрелов для поражения противника, больше затратить боеприпасов.

Очень может быть, что капитан Барнетт хотел сберечь боеприпасы, чтобы избежать выговора от начальства, так как до назначения командиром на «Сидней» он был заместителем начальника австралий-

ского военно-морского штаба. В апреле 1941 года в эту командную инстанцию поступил доклад с австралийского крейсера «Канберра», атаковавшего и потопившего два немецких парохода с расстояния 17 километров. Но при этом крейсер израсходовал 215 снарядов калибра 205 миллиметров.

Австралийского адмирала Литхэма такой расход боеприпасов беспокоил. Он продиктовал Барнетту замечание: «Это правильно, что «Канберра» приняла меры безопасности против возможных торпедных атак предполагаемых вспомогательных крейсеров, но я полагаю, что в данном случае было перестраховкой не приближаться к противнику ближе чем на 19 тысяч ярдов. Если бы было предпринято быстрое сближение на дальность наиболее действительного огня, то противник был бы быстрее установлен и сэкономлено много боеприпасов». Капитан Барнетт помнил об этих замечаниях по поводу действий крейсера «Канберра», когда обнаружил «Корморан». И, по всей вероятности, этот выговор определил его действия. Поэтому он приблизился настолько близко к «Корморану», что требовалось лишь несколько выстрелов, чтобы потопить возможного противника. Однако этот противник действовал быстрее. Бюрократическая предусмотрительность утянула на дно австралийский крейсер и 645 человек.

Но и «Корморану» пришлось за это дорого заплатить. Хотя вспомогательный крейсер и получил всего четыре попадания, но в машинном отделении начался пожар, а дым сделал невозможной любую работу. Пенные огнетушительные установки применить было нельзя, потушить пожар не было никакой возможности.

Капитан Детмерс вспоминал: «О восстановлении силовой установки больше нельзя было и думать. Мы еще раз попытались спасти всех товарищей, закрытых в машинном отделении. Напрасно. Везде мы встречали огонь, везде огонь теснил нас. Так я был поставлен перед самым тяжелым решением в моей жизни: затопить вспомогательный крейсер».

Капитан Детмерс отдал приказ садиться в шлюпки.

Шлюпки спустили на воду. Мотоботы были продырявлены осколками, поэтому места в шлюпках было мало. За борт бросили плоты и надувные лодки. Люди снова побежали по кубрикам, доставили теплые форменные куртки. «Крестьянский завтрак» так и остался нетронутым. Ни у кого не было аппетита.

Грузовые стрелы не работали, на лебедки электричество не подавалось. Большие рабочие шлюпки тащили к борту и с силой сталки-

вали. По дуге они летели с семиметровой высоты за борт. К счастью, на воду они падали килем вниз. Около 20 часов последняя шлюпка была спущена на воду. Но, к несчастью, одна из надувных лодок тоже была повреждена осколками. Она пропускала воздух, тонула. И вместе с ней утонула часть раненых, погибли 40 человек. А на «Корморане» все еще оставались капитан Детмерс, многие офицеры и 100 матросов. Смогут ли они спастись?

Огонь подбирался все ближе к минному погребу, где хранились 420 морских мин — фантастическая взрывная сила, способная разнести все в пыль.

В грузовом трюме оставался последний шанс — два металлических куттера, которые Детмерс забрал с захваченного торгового парохода. Но как катера, весящие более трех тонн, спустить на воду без помощи кранов и лебедок? Оставшимся на корабле это удалось. Катера на руках подняли из грузовых люков на палубу и оттуда столкнули в воду.

В полночь отвалил последний катер. Капитан Детмерс писал: «Я ждал, пока не установят подрывной заряд, а потом последним из выживших покинул «Корморан». В 00.35 раздался чудовищный взрыв мин. От кормы до средней надстройки в ночное небо на многие сотни метров взметнулся столб пламени. Вокруг нас посыпались осколки поднятых на воздух частей корабля с такой частотой, как капли дождя во время грозы». Обломки корабля разлетелись на семьсот метров.

Капитан-лейтенант Бретшнайдер, сидевший во втором катере, так описывал картину, открывшуюся перед моряками: «Гигантский столб пламени поднялся в небо и, может быть, на пятисотметровой высоте образовал гигантское грибовидное облако дыма, сильно подсвеченное снизу. За грохотом фейерверка последовали ночь и тишина. Обломки «Корморана» опустились на морское дно».

Конец «Корморана» стал началом большого приключения и борьбы за выживание его экипажа в шлюпках и на плотках. Герберт Бретшнайдер искал путь в ночи. Пятьдесят восемь человек ютились, сидя на корточках и лежа в посудине всего 8,2 метра длиной и 2,8 метра шириной. Они проверили свои запасы: сухари, стуженное молоко, консервированные фрукты и самое главное — 30-литровый бочонок воды. Они правили на восток. Ночью — по звездам, днем — по солнцу к австралийскому берегу. Он находился в 200 милях, более чем в 350 километрах.

Через пять дней земля должна была появиться на горизонте. В шлюпке лежал парус, они приделали его к самодельной мачте, необходимость в мучительной гребле пока отпала. Лодка шла со скоростью чуть больше трех узлов (чуть больше пяти километров в час), подгоняемая южным ветром на восток.

О втором дне Герберт Бретшнайдер написал: «Вдруг появилась тревога, что мы уходим слишком далеко на север. Мы знали, что северо-западная часть Австралии представляет собой огромную безводную пустыню. Высадка на этом побережье для нас означала бы катастрофу».

Прошел третий день, над лодкой опустилась ночь на 23 ноября 1941 года.

И в эту ночь море вновь набросилось на них. Сильный ветер задул над океаном, поднял огромные волны. Лодку стала заливать вода. Люди вычерпывали ее, борясь за жизнь, но они сознавали, что не смогут долго выдержать этого сореживания с постоянно прибывающей водой. Тогда они создали живой вал: плотно сели плечом к плечу на борт лодки, с которого задувал ветер, и своими телами сдерживали напор волн. Герберт Бретшнайдер вспоминал: «Но после полуночи и этот метод едва ли действовал. Люди насквозь промокли, замерзли и вымотались. Вместо того чтобы противостоять волнам, они стали покоряться напору моря. Мы приблизились к моменту, когда, по видимому, могли сдаться. Начались тревожный бред и лихорадка».

Люди в лодке выстояли ночь. Выдержали бурю. 23 ноября взойшло ясное солнце. Но теперь ветер дул навстречу людям, лодку относило на запад, назад, в просторы Индийского океана. Потом ветер снова переменялся на северный, лодка смогла взять курс к земле, спасительному континенту.

Герберт Бретшнайдер заметил: «Новые надежды и новые силы!»

Снова пришла ночь, снова посвежел ветер и стал захлестывать лодку волнами. Бретшнайдер вспоминал: «Фантазии и тревожный бред разыгрывались у сидящих в лодке все больше и больше. Некоторым становилось настолько плохо, что мы вынуждены были привязывать их к банкам, чтобы не дать им выброситься за борт».

К вечеру 24 ноября они заметили землю. Вода поменяла цвет, стала зеленее. И утром 25 ноября, спустя пять дней и шесть ночей после гибели «Корморана», из рассветной мглы перед ними вырос скалистый обрывистый берег Австралии. Земля. Земля. Лодка пошла вдоль берега на север, но тревога еще не отступала.

Герберт Бретшнайдер вспоминал: «С растущим разочарованием мы должны были признать, что нельзя приметить и следа человека. Придется ли нам все же высадиться на северо-западном побережье Австралии? Это означало бы верную смерть. Настроение экипажа лодки снова заметно ухудшилось».

Потом вдруг моряки увидели что-то в скалах, похожее на трубу. Она шла из воды к кромке скал. Может быть, это кабель? Они направились к берегу, увидели перед собой песчаный пляж, а на нем следы, напоминающие автомобильные.

Лодку вынесло на песок. Но следы на песке оказались не от автомобильных шин, а от гигантских черепаш.

Но потом вдруг они увидели самолет! Герберт Бретшнайдер о первых минутах после высадки: «Как пьяные топтались мы туда и сюда между местом высадки и наскоро выбранным местом лагеря в пещере у скал. Снова над нами в небе на малой высоте появились самолеты. А во второй половине дня из-за скал показались два человека в гражданской одежде, вооруженные пистолетами».

Эти люди отвели 58 человек к двум грузовикам. Они были спасены, хотя и попали в плен.

На борту лодки, командование которой принял на себя оберлейтенант фон Гёссельн, адъютант капитана Детмерса, было 73 человека, среди них два китайца, один тяжело- и 15 легкораненых. Их плавание тоже было тяжелым.

Ночь прошла. Наутро осмотрели припасы. Продовольствия на лодке не оказалось. Было только две фляги воды. У матросов в лодке оказалась пара пачек сигарет. Поделиться эти сокровища было несложно. Тяжелораненый получил воду и целую сигарету. Другие курили одну сигарету на 36 человек вместо приемов пищи.

Каждый час менялась смена на веслах и на откачке воды. Вечером были замечены еще две спасательные лодки. Замахали друг другу руками. Встретились. С одной дали ящик с 48 банками молока, несколько банок мармелада и к тому же парус фок. Потом они снова расстались. С помощью весел, катушки кабеля, постельных принадлежностей на перегруженной лодке поставили парус. Компаса не было. Днем держали курс по солнцу, ночью путеводной звездой служила Венера. С помощью наручных часов во время захода солнца определяли местоположение.

Было около десяти часов вечера, когда кто-то прокричал: «Пароход!» И действительно, в пяти-шести милях проходило судно. Отчетливо были видны его желто-коричневые надстройки. Это было

торговое судно. Сейчас оно даст право на борт, и тогда они спасены. Но оно не поворачивало и шло прежним курсом. Стало меньше, затем пропало за горизонтом: сначала труба, а за ней и мачты. Разочарованные моряки погребли дальше.

День был тихим, и море под сияющим солнцем, к счастью, осталось спокойным. Но с наступлением темноты засвистевший южный ветер погнал валы, увенчанные пеной. Ветер стал хлестать по лодке мелким морозящим дождем. Промокшие до нитки, люди жались друг к другу, с нетерпением ожидая утра, которое даст им солнце. Тогда можно было стащить с тел промокшую одежду и просушить ее. Но с тропическим солнцем приходила и жажда.

Вилли и Ханс Курц были освобождены от вахты. Они ухаживали за тяжелораненым товарищем. Они скрашивали его последние часы глотком воды, сигаретой и парой слов.

Он умер на второй день на жесткой боковой скамье куттера. Обер-лейтенант фон Гёссельн приказал спустить парус. Лодка качалась на волнах, люди крепко держались друг за друга. Склонили головы. «Отче наш, иже еси на небесех...» Затем тело умершего соскользнуло в море.

Люди не рассчитывали, что оба бака для питьевой воды наполнены, так как во время ремонта воду слили механики. Оказалось, что они же потом снова наполнили баки. Приятным сюрпризом для кока Герберта Пфау стала побежавшая ему в руку пресная вода из крана, который ему пришлось в голову отвернуть.

Обер-лейтенант разрешил только коку открывать кран и выдавать воду. Поскольку при такой скученности свободно передвигаться было нельзя, создавались группы по семь человек, каждая получала одну банку воды из-под мармелада. Старший группы следил за тем, чтобы никто не выпил больше положенного. Он держал банку у каждого рта и отбирал ее после третьего глотка. Так подошел к концу третий день. Снова мимо них прошел корабль — большой пассажирский пароход. Комфортабельное пассажирское судно. «Боже мой, сделай так, чтобы они нас увидели!» Они держали консервные банки на солнце и крутили ими туда-сюда: отраженные солнечные зайчики должны были привлечь внимание парохода.

Напрасный труд. Он ушел. По крайней мере, от них. Это был британский пароход «Аквитания». Через пару часов он возьмет на борт команду с резиновой лодки «Корморана». Куттер безнадежности упустил шанс на спасение и в пятую ночь. Гигантская тень прошла так близко, что люди в лодке думали, что за нее можно ухва-

титься руками. Это был танкер. Они кричали. Но гигант проработал винтами мимо.

«Это месть, — прокричал кто-то, — это месть!»

Это была не месть. Это был танкер «Трокас», и под утро он взял на борт 25 человек из команды «Корморана», находившихся в другой спасательной шлюпке.

Экипаж лодки стал терять присутствие духа. Вскоре наступило отчаяние. Люди были измучены голодом и морем. Днем стояли штиль и жара. Ночью было холодно и штормило. Одна из волн захлестнула лодку и наполнила ее почти до краев. Последний час настал? Все кинулись вычерпывать воду консервными банками и просто руками. Им это удалось. И они приветствовали новое утро как новую жизнь.

Акулы проскользнули у борта. Десяток или больше. Их треугольные плавники прошли совсем близко. Никто не промолвил ни слова. Механически выполнялись приказы на замену гребцов, на раздачу воды.

Потом стало еще хуже.

Плотник Вестфаль выпил морской воды. Он не мог от этого удержаться. И ничего, остался здоровым.

Губы у моряков воспалились, глаза стали красными, языки распухли. У кого-то в кармане оказался тюбик зубной пасты. Ею они намазали распухшие губы. Моряки выглядели как привидения.

И снова один начал бредить: «Пропустите меня, мне надо спуститься вниз и забрать мороженое!» С силой он попытался рвануться с кормы вперед. Люди, которые стояли и сидели в лодке, плотно скучившись, разозлились. Начнется хаос? Но и на этот раз все прошло нормально. Искатель мороженого был повержен и плакал. Но оставшиеся в здравом рассудке с содроганием думали о наступающей ночи.

Снова завыл ветер. Замерзая и стуча зубами, каждый искал хоть какого-нибудь укрытия за стоящим впереди человеком. Один использовал темноту, чтобы добраться до питьевой воды. Заметили его слишком поздно. Вор открыл крышку бака, в лодке возникло движение, она начала качаться. Захлестнула волна. Морская вода попала в бак. «Проклятый пес!» Замелькали кулаки. Но обер-лейтенант спас преступника.

Семь дней они уже болтаются в океане. Семь дней без еды. Семь дней с двадцатью одним глотком воды в животе. Семь дней сна стоя. И воды больше нет.

Тут как тут оказался неунывающий плотник Вестфаль. Он сказал: «Если я еще когда-нибудь окажусь на земле, то буду отдавать честь каждому стакану воды». Но никто не засмеялся. Они гребли, управляли парусом, надеялись. Китаец Макс утверждал, что чует землю. А потом они увидели водоросли и пролетающих птиц. Они были уже недалеко от земли. И они гребли. Гребли по безбрежному, сияющему от солнца океану.

На восьмой день после боя с «Сиднеем», 27 ноября 1941 года, около восьми часов, был замечен самолет. Он подлетел, начал кружить. Можно было ясно разглядеть австралийские опознавательные знаки и пилота. Летчик сбросил буксируемый радиомаяк, а потом улетел. Потом прилетел снова и снова исчез. Затем подошел большой торговый пароход. Летчик указал ему курс.

В сотне метров судно застопорило машины. На корме развевался норвежский флаг. Любопытные матросы смотрели с борта.

Обер-лейтенант фон Гёссельн приказал своим людям еще раз: «Ни слова о секретах вспомогательных крейсеров. И прежде всего — ничего о вспомогательном корабле «Кульмерланд», который где-то идет с пленными и важными документами».

Большинство матросов его не слышали. Они просто смотрели на норвежцев. А потом стало ясно, почему норвежцы ничего не делают и ждут: из-за горизонта появилось малое моторное судно в 800 регистровых тонн. Это было вспомогательное судно австралийских ВМС, охотник «Яндра». Именно он, а не норвежский пароход должен был принять на борт опасных немцев.

На носу «Яндры» стояло 75-миллиметровое орудие, которое было постоянно направлено на спасательный бот. Австралийский капитан искусно маневрировал и подошел бортом к борту. Сначала голос спросил о раненых. На борт их подняли первыми. Лейтенант Буньес оставался в лодке до тех пор, пока из нее не поднялся последний матрос, а обер-лейтенант фон Гёссельн поднялся раньше для доклада австралийскому офицеру.

Австралийские моряки, знавшие, что имеют дело с немцами, отправившими на дно их товарищей с «Сиднея», отличались великолепным морским товариществом. Раненые были размещены в корабельном лазарете. Остальная команда удобно расположилась в носовой части. Дали сигареты, воду, потом — кофе и чай, сухую одежду. Но при этом состояние войны не было забыто, так же как и тот факт, что они — хотя и спасенные, но пленные. Офицеров отделили от остальных членов команды. В средней части корабля и на

носу были выставлены часовые, вооруженные винтовками и пистолетами. Установили пулеметы. Но все это не мешало немцам. Вскоре вся команда залезла в люк и уснула первым спокойным, ничем не нарушаемым сном за последние восемь суток. Пленные матросы проснулись только тогда, когда вечером австралийские матросы принесли им на бак котел с горячим супом и громко позвали: «Heu, heu, come on!»

Все спасшиеся на лодках, подобранные в море британскими торговыми пароходами или танкерами, были доставлены в Австралию. Еще одна шлюпка, как и лодка Герберта Бретшнайдера, пристала к австралийскому берегу.

Из четырех сотен команды «Корморана» были спасены и взяты в плен 317 офицеров, унтер-офицеров и матросов.

В первые дни у австралийцев была только одна цель: они хотели выяснить все подробности боя между «Сиднеем» и «Кормораном». Таким образом, пленные узнали, что после боя «Сидней» исчез, была найдена только рваная надувная лодка с легкого крейсера — последнее, что осталось от гордого военного корабля.

В Западной Австралии в портовом городе Перт люди с «Корморана» были посажены на судно, которое доставило их в Мельбурн на южном побережье континента. Капитан Детмерс, Герберт Бретшнайдер и их товарищи офицеры поселились в бараках недалеко от Марчайсона, севернее Мельбурна. Рождество 1941 года и новогодние праздники они провели в этом лагере. 27 января после двухчасовой поездки их привезли в замок. Настоящий замок с большим количеством комнат и замковой башней и, между прочим, с высоким забором из колючей проволоки. Перед воротами — часовые с винтовками. Это был офицерский лагерь. Когда в него привезли людей с «Корморана», там уже находились 60 немецких офицеров, взятых союзниками в плен в Северной Африке, Греции или на Крите.

Герберт Бретшнайдер прошел в большое здание, на которое отбрасывали тень экзотические эвкалиптовые деревья, и не ожидал, что оно станет для него домом почти на четыре года.

Недалеко от замка Дарринджил находился лагерь для пленных солдат, где разместили остальных членов экипажа «Корморана». Сначала они жили в армейских палатках, выкрашенных в светлый цвет. Потом колонны грузовиков доставили доски, окна и двери. Палатки были заменены бараками, тем реквизитом плена, который является таким же неизменным для пленных на всех континентах, как крышка для горшка, наряду со сторожевой вышкой и колючей

провоолокой. Имеются данные об общем количестве военнопленных за всю войну. Всего на пятом континенте было интернировано 1658 немецких военнослужащих. И у них было исключительно хорошее снабжение. Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных констатировала: «Разнообразное и хорошее питание военнопленных оценивается более чем в 3000 калорий в день, оно сохранялось в основном в течение всего времени пребывания в плену».

Офицеры получали денежное содержание в том же размере, что и офицеры австралийской армии. Рядовые работали на строительстве дорог, лесопилках, лесоповале. Представитель Международного комитета Красного Креста в начале 1944 года записал типичный распорядок дня немецких военнопленных, находящихся в австралийских руках:

- «6.00 — подъем
- 7.00 — перекличка
- 7.15 — завтрак
- 7.45 — развод на работы
- 9.30 — инспекция коменданта лагеря и перекличка
- 10.15 — перерыв на чай для всех работающих
- 12.00 — возвращение с работ
- 12.15 — обед
- 13.00 — развод на работы
- 15.00 — перерыв на чай для всех работающих
- 17.15 — возвращение с работ
- 18.00 — перекличка
- 18.10 — ужин
- 22.15 — выключение освещения. Отбой».

В общем, 45-часовая рабочая неделя.

Пленные построили в лагере памятник погибшим товарищам, а по пятницам устраивали парады. Они изучали иностранные языки, философию, посещали курсы высшей математики и астрономии. Они организовывали спортивные состязания, выращивали цветы и разводили пчел. Лагерная библиотека насчитывала 15 000 томов. Офицеры во время прогулок в окрестностях лагеря собирали шампиньоны. Один развил в себе необыкновенное умение ловить диких кроликов.

И вместе с тем бывало ужасно скучно. Часто напряжение в отношениях делало атмосферу невыносимой, особенно среди офицеров и особенно жарким австралийским летом. Несмотря на все удобства,

они были слишком скученны, у них было слишком много лишнего времени, и они страдали от тоски по дому, отцу, матери, жене и детям.

Пленные, конечно же, разрабатывали планы побега. Капитан-лейтенант Бретшнайдер рассказывал: «Прорыли подкоп под лагерным забором. Но это была прежде всего попытка найти себе занятие и уйти от лагерной рутины. Куда бы мы смогли бежать на этом континенте? В безлюдные выжженные пустыни? В мрачные горы? Многие беглецы через два-три дня снова возвращались обратно».

Прошли годы, война закончилась. Осенью 1945 года к замку Дарринджил снова стали подъезжать грузовики. Но они не ехали в порт, на пирс к кораблю, шедшему в Германию. Нет. Еще около пятнадцати месяцев пленные провели в бараках так называемого пересыльного лагеря. Их проверяли. Допрашивали. Делили на группы, принцип формирования которых был пленным малопонятен. Их поделили на «черных», «белых» и «серых» не по цвету кожи или волос, а по образу мысли. «Белые» считались хорошими демократами, «серые» — политически ненадежными, «черные» — теми, кто еще не принял демократических ценностей. Последние две группы продолжали учить дальше, перепроверяли и призывали к отказу от фашистской идеологии.

Австралия все же очень далека от Европы, и австралийцы не принимали все это так серьезно, как англичане или американцы на старом континенте. 22 января 1947 года время пришло: длинными рядами немецкие пленные стояли на пирсе Мельбурнского порта. Один за другим медленно поднимались они по сходням английского парохода «Оронтес». Офицеры и матросы этого судна были англичане. На борту этого корабля пленные, которые за время плена и нескольких лет после капитуляции Германии не знали голода, узнали, что такое тяжкая жизнь заключенных: англичане выдавали такой паек, который военнопленным казался голодным. Герберт Бретшнайдер вспоминал: «Мы пожаловались англичанам, что они хотят нас уморить. Те ответили мне: вы получаете столько же еды, сколько и гражданское население в Германии». Так это и было!

«Оронтес» шел через Бомбей, Неаполь, Саутгемптон в Куксхафен. Оттуда пленных направили в пересыльный лагерь. Там Герберт Бретшнайдер и его товарищи были отпущены после более чем пятилетнего плена.

Научная комиссия писала о немцах в австралийском плену: «Они еще и сегодня благодарны государству пребывания за хорошее обращение и, прежде всего, за хорошие условия жизни».

Всего пять пленных умерли в австралийском плену: один — естественной смертью, но четверо — покончили с собой. Самоубийство — частое явление, сопровождающее плен.

Палатки у Нила

Самоубийствам военнопленных психологи и медики дали многочисленные объяснения, но в большинстве случаев мотивы их так и остались невыясненными. Многие немецкие офицеры стрелялись, если возникала опасность попасть в руки Красной Армии. Причина заключалась в страхе перед пытками, издевательствами и унижениями.

Однако в миллионной армии немецких солдат, влачивших в русских лагерях жалкое существование, было относительно мало самоубийств, несмотря на голод, принудительные работы, унижение и безысходность их положения. И, наоборот, самоубийства были наиболее частыми среди военнопленных в английских лагерях на египетской территории и почти через два года по окончании войны — осенью и зимой 1947 года.

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных по этому поводу писала: «По-видимому, необходимо учитывать климатическое своеобразие местности, поскольку нигде так явно, как на Ближнем Востоке, моральное состояние военнопленных не было таким плохим и именно в то время, когда внешние условия жизни были достаточно хорошими. Самоубийства и нередкие случаи душевных заболеваний...»

Сначала британцы доставили в Египет солдат немецкого Африканского корпуса, а затем солдат, которых они взяли в плен в Греции и Италии. Всего в лагерях поблизости от Суэцкого канала, большинство из которых находились по берегу Горького озера, было размещено более 100 000 пленных немецких солдат.

Два ряда колючей проволоки тянулись вокруг загона в песках пустыни. У пленных не было бараков, они жили в палатках, часто по 25 человек, в этих жилищах из светлого полотна. Они спали на мешках с соломой, иногда — на циновках из тростника.

Летом палаточные города продувал горячий ветер пустыни, весной песчаные бури залепляли пленным глаза, носы и уши. Если не было ветра, на загоны в песках наваливалась гнетущая, удушающая жара.

По-настоящему от голода немецкие военнопленные на Ниле не страдали. Британцы обеспечивали их достаточным питанием: по рас-

кладке пленные получали более 2000 калорий в день, как установили представители Международного Красного Креста в январе 1946 года. Несмотря на это, пленные стремились работать за мизерную зарплату. Они занимались разминированием минных полей, уничтожением неразорвавшихся боеприпасов, строили дома для британских солдат, прокладывали дороги, ремонтировали танки и автомобили.

Так, пленные, работавшие прилежно и искусно, могли получить «максимальную зарплату» — десять пиастров в день. За десять пиастров, цену тяжелого рабочего дня, в буфете лагеря Фахара можно было купить 20 сигарет или пять бананов, десяток яиц или большую плитку шоколада. Не слишком много за тяжелый труд, но это обогащало однообразный лагерный паек из бобов, риса и небольшого количества хлеба. Он не давал пленным по-настоящему голодать, но вгонял их в состояние безысходности.

Однако англичане обеспечивали право на труд, а вместе с тем и возможность делать покупки в буфете не всем пленным на Ниле. Они подвергли немецких африканских бойцов и их товарищей из армий, воевавших в Греции и Италии, инквизиторской политической перепроверке. Она проходила по тому же образцу, что и в британской метрополии и Австралии. Английские допрашивающие офицеры на Ниле тоже поделили немцев на «белых», «серых» и «черных».

«Белые» могли работать неограниченно и зарабатывать себе пару пиастров. «Серые», в зависимости от изменения своей точки зрения, в качестве поощрения получали разрешение на работу. Для «черных», пленных, которые, по мнению британских воспитателей, не отрекались от своих национал-социалистских убеждений, не было никакой возможности работать.

В действительности британцы с большим недоверием относились к заверениям активных борцов за демократию. Всего лишь менее 14 000 немцев на Ниле были причислены в начале 1946 года к «белым», зато более 24 000 — к «черным», основная же масса — к «серым».

Пленным, причисленным к «белой» категории, в лагерях на территории Египта было вскоре разрешено выходить на работы без охраны, а также ездить без присмотра на автомобилях снабжения британской армии, а иногда этим «белым» немцам поручали охранять и не допускать побегов их товарищей, бывших в глазах британцев «ультрачерными», неисправимыми национал-социалистами. Перевоспитание! Мягкая форма того, что в советских и югославских лагерях привело к такой губельной практике.

Уже в конце 1946 года, через 20 месяцев после окончания войны, за колючей проволокой на Ниле сидело столько же немецких солдат, сколько и за год до этого. Над ними — субтропическое небо, перед ними — пустыня, их жилище — палатка. Постоянно все те же лица, постоянно все те же партнеры в спорте, игре в карты или шахматы. Теснота палатки, невозможность побыть одному. Всегда под наблюдением: товарищей, часовых. Неизвестность о собственной судьбе, о делах дома, в Германии. Душный воздух, затрудняющий дыхание, сковывающий движения. И никакой перспективы, что все это когда-нибудь кончится. Поэтому некоторые сами прекращали все это. А некоторых кажущаяся безысходность приводила к сумасшествию.

В декабре 1946 года, почти через два года после окончания войны, внезапно настроение в египетских лагерях улучшилось. Был собран первый транспорт возвращающихся на родину: должны были ехать 6000 человек. Но теперь оказалось, что британцы с их черно-бело-серыми художествами не только в лагере направляли и регламентировали жизнь военнослужащих. Эти метки определяли теперь и время возвращения домой, так же как и в лагерях на Британских островах. «Белые» могли ехать в Германию первыми, а «черные» — последними.

В мае 1947 года британская комендатура объявила пленным в песках: «Очередность освобождения по степени политических взглядов следующая:

«белая» — (А);

«серая» — (Б);

«серая минус» — (Б-).».

А потом однозначно: «Относящиеся к категории «черная» пока к освобождению непригодны».

Пленным, которые теперь были приговорены оставаться на Ниле неопределенное время, все же была дана надежда, что с изменением их политических взглядов время до их возвращения домой может быть ускорено. Решение об этом гласило, формулировало его так: «Степень «черная» отменяется, так как все «черные» будут подвергнуты перепроверке, и по ее результатам им будет присваиваться степень «серая минус», или более высокая степень, или степень «ультрачерная».

Но и для не находящихся под политическим подозрением пленных британцы снова разработали мудреную систему пунктов, определявшую очередность возвращения домой. Возраст и время пребыва-

ния в плену принимались в расчет так же, как и семейное положение и поведение на работах. А также и это: пленные, которые не менее шести месяцев состояли в командах по разминированию и при этом рисковали своей жизнью, получали особые пункты.

13 октября 1947 года к 29-му причалу порта Гамбург пришвартовалось госпитальное судно «Эль Нил» водоизмещением 7500 тонн. На его борту находились 417 больных немецких военнопленных. 97 пленнх прибыли из египетских лагерей. Представитель Международного Красного Креста осмотрел корабль. Он записал: «Плавание прошло хорошо. Для большинства возвращавшихся питания было достаточно. Все нашли его вкусным и хорошим. Среди пациентов было 20 случаев заболевания туберкулезом». Затем направленный Красным Крестом человек заметил: «Только пара случаев душевной болезни. Эти люди были хорошо размещены в особой части судна. Больные серьезным душевным заболеванием находились в закрытых камерах».

Баракы в Англии

В ноябре 1941 года немецкие армии заняли всю западную часть континентальной Европы, захватили Югославию и Грецию, танки шли по Северной Африке, а немецкие дивизии маршировали к Москве. 19 ноября началось мощное немецкое наступление на советскую столицу. «Время для выжидания прошло. Мы можем снова наступать. Необходимо сломить последнюю русскую оборону под Москвой. Мы должны остановить сердце большевистского сопротивления в Европе, чтобы завершить кампанию в этом году» — так говорилось в приказе командующего немецкой 4-й танковой группой. И генерал-полковник Гёпнер требовал от своих командиров: «Растормошите войска. Оживите их дух, покажите цель, которая даст им славное завершение тяжелых боев и перспективу заслуженного отдыха. Командуйте с энергией и уверенностью в победе».

Это было в середине ноября 1941 года. И мы цитируем этот приказ не из-за пафоса и обычных на войне громких слов. Значение этого документа скорее заключается в том, что такой выдающийся полководец и человек большой личной храбрости, как Гёпнер, входивший в группу активных заговорщиков против Гитлера и поэтому закончивший жизнь на виселице после 20 июля 1944 года, — что такой человек в середине ноября 1941 года выражал уверенность в том, что

можно взять Москву и очень скоро победой завершить войну против Советского Союза. С захватом Москвы Гитлер и немецкое Главное командование сухопутных войск надеялись, что войну удастся закончить еще в 1941 году. Никто, кроме ставки фюрера, конечно же, не слышал слов Гитлера, сказанных 19 ноября, вырвавшихся у него в разговоре с доверенными генералами: «Обе группы врагов не смогут взаимно уничтожить друг друга, а поэтому дело может дойти до заключения мира путем переговоров».

Как было сказано, никто не слышал этих пессимистических слов, а по всему миру снова звучали немецкая уверенность в победе и разговоры о штурме Москвы. Могли ли у солдат и офицеров в английских лагерях для военнопленных быть другие чувства и мысли, кроме тех, что они не смогут участвовать в решающих последних боях? Кого удивят их замыслы преодолеть колючую проволоку, бежать домой, направиться на победный фронт?

В лагере для военнопленных Пенрит в британском графстве Уэстморленд в углу своего барака сидели один напротив другого два немецких лейтенанта Люфтваффе: Карл Ваплер и Дитер Шнабель. Они курили, разговаривали о войне, об ожидавшейся победе в России и о плене. Оба они были сбиты во время воздушной битвы над Англией летом 1941 года, спаслись, прыгнув с парашютом, и должны были сидеть в лагере Пенрит до тех пор, пока не кончится война. Снова и снова они говорили о победе. Было ясно, что из лагеря бежать не слишком трудно. Но между Англией и континентом есть пролив. Как найти корабль, чтобы переправиться через него? К разговору лейтенантов время от времени примешивался гул, приближающийся и удаляющийся рокот. Совсем рядом с лагерем для военнопленных на военном аэродроме находились самолеты королевских ВВС. Днем пленные немецкие офицеры-летчики могли видеть, как уходили в полет и возвращались с задания «Спитфайры» и «Харрикены». Горькое чувство — сидеть в бараке и ждать, ждать, пока пройдет день. Ждать весточку с родины, о войне, о семье.

И снова разговор о победе. И снова разочарование. Этот проклятый пролив! А потом вдруг облегчение: они ведь прилетели на самолете, почему бы на самолете и не улечь? Обрато в Германию? Или хотя бы во Францию? Это два-три часа полета. А самолетов достаточно стоит на аэродроме. Кто будет за ними следить ночью? Оба вошли в азарт. Планировать, наблюдать. Да, так должно получиться.

Они ждали новолуния. Потом, в темноте раннего ноябрьского туманного вечера, они пробрались к лагерному забору. Охране-

ние лагеря было слабое. Англичане думали так же, как и немцы: если кто и убежит, то как он переберется через пролив? В полной тишине беглецы перерезали проволоку забора. Готово. Вапpler и Шнабель пошли к аэродрому. Простой забор — не препятствие. Часовых нет. Им удалось пройти весь путь незамеченными.

Они увидели темные силуэты самолетов, выделявшихся на фоне ночного неба, — боевые машины. Но они, как думали оба беглеца, охраняются. И это одноместные самолеты. Они пробирались в темноте дальше. Никто их не заметил, никто не окликнул.

Вапpler схватил Шнабеля за руку, показал на один из самолетов. Это был двухместный учебный самолет британских ВВС, предназначенный для подготовки летчиков. Есть ли поблизости пост? Немцы слушали и ждали, ждали и слушали. Часовых нет.

Они пробрались к самолету, открыли кабину, Шнабель залез в нее, включил освещение приборов, разобрался со шкалами и цифрами. «Все ясно», — прошептал он.

Вапpler прошел вперед, ухватился за пропеллер и с силой его провернул. Раз, второй. На третий раз мотор с рокотом запустился. Сначала пропеллер вращался медленно, потом стал со свистом рассекать воздух. Вапpler прыгнул на сиденье позади Шнабеля, который повел самолет на взлетную полосу, дал газу, еще больше газу, посмотрел на указатель скорости, потянул ручку управления, машина поднялась в воздух. Так просто? Так просто!

Офицеры королевских ВВС на командно-диспетчерском пункте слышали, как стартовал самолет, наблюдали в ночные бинокли, как он выруливал и взлетал. Но тревогу они не подняли. Они подумали, что это учебный полет.

В воздухе немцы взяли курс на юг, к проливу. Этому было невозможно поверить. Все шло как будто в Германии во время учебного полета. Ни один истребитель их не преследовал, ни один прожектор не попытался их осветить, ни одна зенитка не направила в них траектории своих снарядов.

Но потом Шнабель повернул голову к Вапplerу, волнуясь, указал на панель приборов: стрелка указателя топлива приближалась к нулю. Он прокричал: «Садимся, через пролив нам не перелететь!» Отчаявшийся, разочарованный, со слезами на глазах, он выжал ручку управления от себя. Самолет снизился, пошел на бреющем полете. А оба немца действительно нашли место для вынужденной посадки, где бы они могли безопасно сесть. Это был аэродром Ярмут

на южном британском побережье, находящийся не более чем в ста километрах от голландского берега. Это был военный аэродром.

Но эти двое еще не сдались. Они приземлились. Удивленный британский охранник. Шнабель и Ваплер обратились к нему. Попросили проводить их в комендатуру аэродрома. Там они рассказали, что являются офицерами голландской армии, эвакуированными после вступления вермахта в Нидерланды, а теперь проходят летную подготовку в королевских ВВС на одном из секретных аэродромов. Британцы накормили «голландских» товарищей по оружию в офицерской столовой и разместили на ночь в отдельных комнатах.

Естественно, дежурный офицер запросил командование группы. Там насторожились, запросили Главное командование.

Подготовка голландских пилотов? Ночные полеты? «Черт!» — подумал бородатый полковник, раздраженный тем, что его потревожили ночью, а говорить начал именно о шпионах. Шпионы! От этих проклятых немцев можно всего ожидать! После этого уже командование в Ярмуте забило тревогу.

«Покажите-ка этих двух небесных рыцарей», — приказал комендант аэродрома. Шнабеля и Ваплера подняли, едва они успели заснуть, удивленно смотрели они в стволы револьверов.

«Где ваш аэродром?» Конечно, оба немца смекнули, что теперь не имеет смысла продолжать говорить о «секретном аэродроме». Слово «шпион» уже было сказано, а за ним — военно-полевой суд, и они оба поняли, что это серьезно. Тогда они рассказали, как было дело.

Но беда не приходит одна. Когда офицера из Пенрита спросили, не отсутствуют ли два пленных офицера, тот ответил: «Нет, у нас все на месте. На нашем самолете? Что за глупости!» Но через десять минут раздался испуганный звонок из Пенрита: «Пропал учебно-тренировочный самолет». После этого в английских военных телефонных сетях воцарились смятение и саркастические усмешки.

О страхе и проклятиях в комендатуре аэродрома в Пенрите речь вести мы не хотим. Каждый может себе представить, что там творилось. В любом случае все штабы ВВС в Южной Англии были поставлены на ноги. Соответствующие начальники рвали на себе волосы: два немецких летчика взлетели с британского военного аэродрома на угнанном самолете.

Военные полицейские доставили Шнабеля и Ваплера обратно в лагерь Пенрит. Их приняли со злостью и наказали карцером. Но этот случай послужил причиной тому, что система охраны аэро-

дрома в Пенрите была улучшена. Наблюдение за пленными также было усилено. А в английском общественном мнении недовольство разгильдяйством смешалось с восхищением фантазией и смелостью обоих пленных. Склонность к спорту определила реакцию. Наконец, ни в одной из стран на пяти континентах, где немецкие военнопленные сидели за колючей проволокой, люди не были настолько мало подвержены предрассудкам и ненависти к врагу, как на Британских островах. Во время Второй мировой войны около 3,7 миллиона немецких солдат попали в руки британцев, 400 000 были доставлены в Великобританию.

Ее власти обращались с немцами строго по правилам Женевской конвенции. Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных так засвидетельствовала это: «Военнопленные [в Англии], за редким исключением, получали человеческое обращение и достаточное, часто даже очень хорошее питание и одежду. Санитарные условия почти всегда были удовлетворительными, в связи с этим подавляющее большинство [пленных] вернулись здоровыми и трудоспособными».

Представитель Международного комитета Красного Креста зафиксировал, что в октябре 1944 года было в меню военнопленных в английском лагере Кэрбартон: завтрак — чай, молоко и хлеб, маргарин и сироп; обед — говядина рубленая и картофель; ужин — овсяные хлопья с молоком и овощной суп. Долгое время немцы в британских лагерях питались лучше, чем британское гражданское население.

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных по поводу обеспечения немецких военнопленных в английских лагерях утверждает следующее: «В лагерях на Британских островах питание военнопленных во время войны осуществлялось из расчета 3300—3400 калорий. По свидетельствам вернувшихся из плена, в отдельных случаях оно могло быть и хуже. Опрошенные считали его «очень хорошим», «хорошим» или «достаточным». То, что пайки военнопленных были больше, чем у гражданского населения, подтверждали также обменные военнопленные во время их опросов».

Только по окончании войны пайки для людей за колючей проволокой были уменьшены, как и везде в странах их пребывания. Англичане обосновали это тем, что они должны заботиться не только о своем населении и немецких военнопленных, но и о многих немцах в оккупационных зонах.

Немецкие военнопленные должны были по всем правилам продолжать носить свою форму. Если она изнашивалась, то ее заменяли на английскую военную одежду. Впрочем, всех пленных можно было заметить издали: на спины курток и шинелей, а также на штаны и брюки были нашиты крестообразные нашивки из материала другого цвета. Жили пленные в бараках и спали на шерстяных одеялах. В большинстве случаев было по два одеяла на человека, при сильном холоде — даже три.

В Соединенных Штатах питание также было достаточным, пленные проживали в человеческих условиях, обращение в большинстве случаев корректное. Однако имелось одно различие: в Англии пленные сближались с населением быстрее, чем где бы то ни было. В Англии немецкие военнослужащие заработали уважение, часто — долговую дружбу и даже симпатии победителей, как, например, Хайнц Карл Шмильцер, танковый механик из Африканского корпуса фельдмаршала Эрвина Роммеля.

Хайнц Карл Шмильцер 7 мая 1943 года управлял кубельвагеном, несшимся на бешеной скорости по пескам Туниса. Кроме него в машине сидели еще три товарища. Легкие рубашки тропической униформы солдат промокли от пота. Мелкий песок набивался им в носы и уши. Шмильцер с трудом удерживал машину на узкой дороге. Колеса попадали в ухабы, три его товарища должны были держаться обеими руками.

Несмотря на это, скорости он не снижал. Четверо сидевших в «Фольксвагене» бежали. Это были солдаты 21-й танковой дивизии немецкого Африканского корпуса. Целыми днями немцы в Тунисе отбивали атаки англичан и американцев под командованием Монтгомери и Эйзенхауэра. В оборонительном сражении 21-я танковая дивизия была разгромлена.

Но четверо в «Фольксвагене» в плен сдаваться не хотели. Они надеялись найти лодку на берегу. Их отчаянный план заключался в том, чтобы на этой лодке переправиться через Средиземное море в Сицилию — 200 километров по морю. Уйти в море было их последним шансом, чтобы избежать плена. Остаться в Северной Африке означало попасть в руки союзников, взявших там в плен в эти майские дни более 150 000 немецких солдат.

Хайнц Карл Шмильцер — родом из Вольфсбурга, тогда ему было 21 год — всматривался вперед. Справа дрожало марево над пустыней,

слева поблескивала голубизна Средиземного моря. Они проехали по песчаной дороге тридцать километров. Они не видели ни людей, ни лодок и уже полностью измотались, однако не давали себе ни минуты передышки: вперед, вперед! Чем быстрее и дальше они уйдут от поля сражения, тем больше будет надежды ускользнуть от англичан и американцев.

Вдруг там, далеко, под белым небом, на берегу что-то показалось? Может быть, лодка? Шмильцер прибавил газу. Машина стала подскакивать еще сильнее на выбоинах. Да, это лодка, действительно лодка. Люди выскочили из машины и осмотрели находку. Она была деревянная, открытая, без каюты, надстройки, всего шесть метров длиной, но с мотором. Глянули в бак, он был полон.

Посоветовались: да, у них, может, и выйдет, если не будет шторма. Но сейчас, в мае, сильного ветра можно было не ждать. Им понадобится двадцать-тридцать часов. Сейчас только перевалило за полдень. Если посчастливится, то завтра вечером они смогут сойти на сицилийский берег. Они это себе живо представили, засмеялись. Столкнули лодку в воду, запустили мотор, он равномерно затарахтел.

Багаж поделили в лодке: еду, которая у них осталась, фляги с питьевой водой.

Но радость их длилась недолго. Внезапно к тихому стрекоту лодочного мотора добавился раскатистый гул самолетов. Он быстро нарастал. Сначала были темные точки на горизонте, потом солнце заблестело на белом металле. Четыре английских истребителя типа «Спитфайр» шли на бреющем полете вдоль берега. Немцы бросились на дно лодки. Задолго до того, как солдаты в лодке смогли распознать самолеты, пилоты заметили в лодке четверых, а теперь они различили форму немецких солдат и открыли огонь.

Ряд маленьких фонтанчиков поднялся над гладкой поверхностью моря и стал приближаться. «Спитфайры» стреляли из пулеметов. Потом брызги воды взлетели высоко у борта лодки, и Хайнц Карл Шмильцер услышал сухие шелчки пуль о дерево лодки и одновременно мучительный крик.

Атака с бреющего полета длилась всего пять секунд. Самолеты уходили, делать второй заход на такую мелкую незначительную цель не стоило. Британцы стреляли чаще на пролете с одного захода. Шмильцер еще несколько секунд продолжал лежать в лодке. Он пошевелил руками и ногами, ощупал тело: повезло, не задело.

Он повернулся к товарищам. Они лежали тихо. Кровь. Кровь на форме, кровь на бортах. Шмильцер наклонился над ними. Двое убиты. Третий жив. Из зияющей в затылке раны шла кровь. Он шептал: «Хайнц, помоги мне!»

Шмильцер рассказывал об этом моменте: «У меня был выбор: решиться плыть на Сицилию одному с тяжелораненым или вернуться и искать санитаря». Он принял решение в пользу товарища, чтобы он выжил, чтобы найти врача. И, таким образом, танковый механик Хайнц Карл Шмильцер вступил на путь, который так и не вернул его в Германию ни в тот военный 1943 год, и никогда больше после войны. Решение спасти раненого товарища с этого момента предопределило всю его жизнь.

Танковый механик направил лодку назад к берегу, вынес раненого на сушу. Подхватил его под мышки и потащил к кубельвагену, еще стоявшему на берегу. Он уложил тяжелораненого на заднее сиденье и поехал. К вечеру в пустыне он увидел палатки. На них был красный крест. Шмильцер направил машину к ним. На его пути встали американские солдаты, направили на него автоматы. Но когда увидели, какой груз везет Шмильцер, пропустили его. Американские санитары помогли немцу занести раненого в палатку. Хайнц Карл Шмильцер с вечера 7 мая 1943 года стал пленным армии Соединенных Штатов Америки.

Через шесть дней 3800 немецких солдат Африканского корпуса, среди которых был и Шмильцер, погрузили на 23 000-тонный транспортный корабль «Кристина». Двенадцать дней понадобилось «Кристине», чтобы дойти до Бостона на севере США. Затем четыре дня и четыре ночи шел поезд, везший Шмильцера и его товарищей на юг Соединенных Штатов. В лагере Худ, штат Техас, они работали лесорубами и откатчиками. Валить лес и таскать уголь — тяжелое занятие, но техасцы, к счастью, не знали зависящего от нормы выработки распределения питания. Военнопленные жили не плохо, но и не хорошо. Так прошло три года. Три года тяжелой работы. Обучение. Опрос. Категоризация. Миссионирование за американскую демократию. Потом казалось, что дни плена идут к концу. Война закончилась год назад, и наконец Шмильцера и его товарищей снова доставили на корабль. Их было 3000 человек. 3000 бывших военнопленных.

Было начало марта 1948 года, когда корабль пришвартовался в порту Портсмута. Но надежда на возвращение домой была обманом.

Немцы из Техаса отпущены не были, а снова направлены на работы в Англию.

«То, что вы разрушили, вы же должны снова привести в порядок», — говорили охранники.

Они поехали на грузовиках по стране. Грузовики и бараки, колючая проволока и переклички — это были нераздельные части существования военнопленного. Для Хайнца Карла Шмильцера это уже продолжалось шесть лет. Он недоверчиво и разочарованно рассматривал зеленые холмы и дома из красного кирпича в чужой стране. Так близка родина, но так далека дорога.

Через три года землю, на которую он сейчас ступил первый раз и на которой должен был трудиться как подневольный рабочий, он сделает своей второй родиной. Но это будет потом.

Английские невесты

Перелистаем календарь назад, к апрелю 1945 года. Над Рурской областью висит дым большого сражения. 1-я и 9-я американские армии окружили немецкую группу армий «В» фельдмаршала Моделя, состоявшую из 5-й танковой и 15-й армий, в районе между Рейном-Руром и Зигом. Образовался Рурский котел.

Через 14 дней американцы рассекли котел. 325 000 немецких солдат, остатки 19 дивизий, попали в плен и направились в американские сборные лагеря. Немецкий фельдмаршал Модель, легендарный мастер обороны и спаситель русского фронта в роковую зиму 1941/42 года, где он во главе 9-й армии предотвратил катастрофу прорыва русских в районе Ржева, 21 апреля пустил себе в голову пулю в лесу между Дюссельдорфом и Дуйсбургом. Он не хотел пережить поражение в промышленном сердце Германии.

Повсюду между Мюнстером и Арнсбергом, между Везелем и Зёстом разрозненные группы немецких солдат пытались избежать плена. Британцы и американцы устраивали на них охоту по хуторам и сараям, по полям и лесам. Солдаты союзной 21-й группы армий фельдмаршала Монтгомери захватили в те дни в одном из перелесков немецкого парашютиста. Его звали Бернд Траутман. Это был высокий блондин, тогда ему было двадцать один год. Этот парашютист вместе с тысячами других военнопленных было отправлен в Англию. Бернд Траутман — через десятилетия после войны его имя стало символом

особого рода. Символом новой дружбы между британцами и немцами, между победителями и побежденными, символом восстановления взаимопонимания между народами после ужасной войны.

Остров Сарк — удивительный кусочек суши. Он находится у французского берега, но принадлежит Великобритании. Он лежит на широте Саарбрюккена, но климат там такой теплый, что растут пальмы. На острове насчитывается не более полутысячи жителей. 9 мая 1945 года на этом маленьком острове навстречу неизвестной судьбе шел немецкий унтер-офицер медицинской службы, двадцатипятилетний Вернер Ранг из Тансбрюка, что в Тюрингии. Он служил в немецкой части, располагавшейся во время войны на островах. За несколько часов германский вермахт капитулировал на всех фронтах.

Утром 9 мая на Сарк высадились англичане. Немцы молча ждали приказов победителей. Они должны были побросать свое оружие в грузовики, потом их повели в вошебойку. Через день их высадили в порту Саутгемптон. Вернер Ранг и сотня его товарищей были доставлены в лагерь для военнопленных Дивайсес в графстве Уилтшир, западнее Лондона.

Через три года, 13 мая 1948 года, Вернер Ранг был отпущен из плена, но не поехал ни в Тюрингию, ни в Германию. Он поехал опять на остров Сарк. Там бывший унтер-офицер медицинской службы живет и сейчас.

Многие немецкие солдаты, которые и после войны удерживались в британских лагерях, должны были работать. Они трудились в британской промышленности, на ремесленных предприятиях, в портах, аэропортах, занимались разминированием, но большинству приходилось потеть в британском сельском хозяйстве.

Там работал и Хайнц Карл Шмильцер, оказавшийся со своими товарищами в лагере Хорам, графство Сассекс. По утрам приезжал грузовик. Шмильцера и еще двадцать военнопленных везли на нем к окрестным крестьянам. Шмильцер попал на работы к крестьянину Йослину. Тот дал ему вилы. До половины пятого немец работал в хлеву и на полях. Потом возвращался грузовик, забирал пленных и доставлял их обратно в лагерь. Охраняли лагерь два англичанина — вполне дружелюбные люди.

Один из возвратившихся на родину пленных сообщил научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных: «У каждого из нас был новый армейский велосипед, на котором ез-

дили на работу. Я в числе еще двадцати товарищей работал на большой ферме. За нами следил гражданский англичанин, для всех нас он стал хорошим другом».

Другой пленный рассказывал: «Нас на ферме работали трое. Все было очень хорошо. Восьмичасовой рабочий день. Я ел с фермером за одним столом. Получал то же, что и его семья, и жаловаться мне было не на что. Я был даже вооружен. Фермер охотиться не любил, а я охотился с удовольствием. Было много диких кроликов и рябчиков». Немцы производили впечатление на англичан своей прилежностью и энергичной работой. Один из пленных с гордостью сообщал об успешной работе немцев по осушению болотистых лугов и угодий: «Через год результаты дренажных работ были следующими: было прорыто 450 000 погонных метров канав, что соответствует протяженности воздушной линии от Лондона до Ньюкасла. Чтобы вывезти 93 000 кубических метров вынутого при этом грунта, необходимо 129 полностью груженных 120-осных товарных составов. Более 2500 гектаров непригодной и болотистой местности было преобразовано в плодородные окультуренные угодья». Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных установила общие результаты труда немецких военнопленных в Великобритании и пришла к следующему замечательному выводу: «Если сложить квартальные итоги, то за период с начала 1944 года по середину 1948 года получается впечатляющий результат: минимум 153 744 750 рабочих дней. Если перевести названную сумму — более чем 153 миллиона рабочих дней в рабочие часы, учитывая при этом, что в расчет принимается только восьмичасовой рабочий день, хотя такая его продолжительность в сельском хозяйстве часто не могла выдерживаться, то получается, что в Великобритании военнопленные отработали минимум 1 229 958 000 часов». Словами: один миллиард двести двадцать девять миллионов девятьсот пятьдесят восемь тысяч рабочих часов!

На полях Уэлса и Ист-Англии, на фабриках Лондона и Ньюкасла постепенно прежняя враждебность сменялась примирением. Один из военнопленных, вернувшихся на родину, писал: «В Нортумберленде немецкая фамилия воспринималась хорошо. Это подтверждали ежедневные памятные записки фермеров». Другой бывший военнопленный сообщил научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных: «Пожилая женщина, потерявшая в Первую мировую войну мужа, а во Вторую — сына, однажды спросила, есть ли у моей жены, жившей в советской оккупа-

ционной зоне, что-нибудь надеть. А потом попросила дать ей адрес и послала ей новое платье, совершенно новое платье, купленное по карточкам».

Через год после войны лондонское правительство дало своим невольным гостям определенное послабление: в местах их пребывания отменялось обязательное казарменное положение.

После этого наш танковый механик и сельскохозяйственный рабочий Хайнц Карл Шмильцер летом 1946 года переселился на хутор крестьянина Йослина. Работа была такой же тяжелой, зарплата — маленькой — три марки в неделю и пачка табака, и это — в неделю!

Хайнц Карл Шмильцер был все равно доволен, так как частенько мог проводить вечера с человеком, который для него к тому времени многое значил, — с 24-летней Глэдис, дочерью крестьянина Йослина.

Но пленному было опасно влюбляться в британку и открыто заявлять о своей любви. Строгий запрет лондонского правительства на какие-либо близкие отношения между немцами и англичанами все еще действовал. Однако он не устоял перед быстрым развитием событий.

17 ноября 1946 года 1000 пленных из лагеря Фитерстоун и 400 англичан собрались на праздник урожая в аббатстве Хэксхэм, старейшей церкви в графстве Нортумберленд. Служба велась на двух языках. На двух языках пленные и победители пели: «Господу помолимся!» — для немцев это стало незабываемым переживанием. Один из них писал: «Когда в полдень 15 грузовиков и 20 автобусов выехали из Фитерстоуна на осенний ландшафт, кое-кто потерянно улыбался, так как длинная колонна тяжелых автомобилей, шедших один за другим по волнистой ленте шоссе, вызвала в памяти давно забытые горькие картины. Когда же ночью та же колонна с зажженными фарами возвращалась назад, то это было так, как если бы кто-то бросил светящуюся цепь звезд сквозь темноту».

Тем временем в Великобритании расцветали чувства между англичанками и немецкими военнопленными.

Хайнц Карл Шмильцер, когда темнело, уходил гулять в поля с Глэдис Йослин. В сумеречном свете кинозала, на экране которого как раз шли «Унесенные ветром», они шептались о свадьбе, возможности, которая, казалось, могла представиться лишь через много лет, так как, несмотря на все послабления, любой контакт, не связанный с работой военнопленного, угрожал наказанием. Замечательные

истории, побеги и приключения вырастали из этих запретных любовных отношений.

Одна английская девушка пустилась с пленным немцем в особенно опасное приключение, чтобы наконец получить возможность быть вместе с ним: парочка в одном из портов Южной Англии угнала яхту и пошла на ней через пролив. На континенте обоих поймали.

В июне 1947 года бывший гренадер Вернер Феттер предстал перед английским военным судом по обвинению «в запретных связях с англичанкой». Его осудили на 12 месяцев тюремного заключения. Двенадцать месяцев за запретную любовь немца к англичанке Лавет Оливии Рейнолдс.

Но потом произошло что-то непредсказуемое. В английском обществе поднялся шум протеста неожиданной силы. Один англичанин написал в свою газету: «Почему немецких военнопленных за дружбу с британскими девушками осуждают? Наши парни в Германии тоже могут жениться на немецких девушках». И это было самое мягкое из писем читателей. Англичане в своей стране больше не хотели жить с воспитанным в них образом врага. Шум вокруг этой темы больше не утихал. Многочисленные проявления британской симпатии в отношении военнопленных начали подтачивать сопротивление правительства в Лондоне. Когда стало известно о растущем количестве любовных историй между британскими девушками и немецкими военнопленными в духе дела Феттера, правительство было вынуждено отступить. Любовь была сильнее. Положения были отменены.

То, что во многих странах, прежде всего в восточном блоке, нельзя было даже представить, произошло в Великобритании: военнопленным, продолжавшим еще сидеть в лагерях, было позволено жениться на британских девушках.

Уже в июле 1947 года, через четыре недели после осуждения, Вернер Феттер обвенчался в церкви Хэмптона с англичанкой Лавет Оливией Рейнолдс, ей тогда исполнилось 22 года, столько же, сколько было и ее жениху. 150 военнопленных выстроились в два ряда, хор, состоявший из них, пел «Аве Мария». Когда пара покидала церковь, Вернер Феттер рассыпал среди зрителей горсть пенсов. Для свадебного застолья его товарищи копили свои пайки. Подавали ростбиф, картошку, морковь и фруктовый десерт. Первую брачную

ночь Феттер провел в лагере военнопленных, а его жена — в деревне, в двух километрах от него.

Танковый механик Хайнц Карл Шмильцер был отпущен из плена в мае 1948 года. Но он не вернулся в город Вольфсбург, где делают «Фольксвагены», а устроился слугой на ферму в двух километрах от хутора крестьянина Йослина. Решающим при этом был не крестьянин Йослин, а его дочь Глэдис. Каждый вечер после работы Шмильцер шел к Йослинам.

Осенним вечером 1949 года Хайнц Карл Шмильцер снова сидел в горнице крестьянина. Тот посмотрел на немца поверх пара, идущего от чашки чая, отпил глоток, крикнул и сказал: «Я не мечтал, что немец будет моим зятем. — Он сделал паузу, а потом продолжил: — Но вы можете жениться».

10 ноября 1950 года, через семь с половиной лет после пленения в пустыне Северной Африки, бывший немецкий танковый механик Хайнц Карл Шмильцер обвенчался с англичанкой Глэдис Йослин.

Немецкий унтер-офицер медицинской службы Вернер Ранг тоже женился сразу же в день своего освобождения 13 мая 1948 года на острове Сарк в проливе Ла-Манш на английской девушке Филлис. Сейчас Вернер Ранг продает туристам сувениры на острове Сарк. И не только. Он служит заместителем начальника полиции острова. Держа в левой руке жезл из черной слоновой кости с маленькой короной на навершии, Вернер Ранг в одно из воскресений 1978 года приветствовал на острове королеву Елизавету II. Во время поездки из порта в город бывший унтер-офицер медицинской службы вермахта шел рядом с каретой королевы. Немец рассказал королеве, как и почему он стал британцем. На вопрос о том, какое впечатление произвел его рассказ на королеву, он ответил: «Она улыбнулась».

В статистике эта глава о любви в британском плену выглядит так: всего на англичанках женились 796 немецких военнопленных. Двое немецких военнопленных покончили с собой из-за неразделенной любви.

Среди пленных, не вернувшихся в Германию, был и парашютист Бернд Траутман, захваченный в плен в апреле 1945 года в Рурском котле и доставленный в Англию. В лагере для военнопленных, расположенном неподалеку от Ливерпуля, он играл в футбол. При этом

у него открылся талант, отличавший его от остальных пленных: из-за своей необыкновенной реакции он стал замечательным вратарем.

В 1948 году, через три года после того, как он попал в плен, Траутман получил удостоверение об освобождении из плена. Дорога в родной Бремен была открыта, но Траутман остался в Англии. Он работал в сельском хозяйстве и играл в футбол в одной из английских команд. Годом позже он уже настолько прославился в футбольных кругах, что «Манчестер-Сити», один из известных на весь мир футбольных клубов острова, пригласил его в качестве профессионального игрока, назначив для начала зарплату в 400 марок в месяц. Каждый день он проводил на тренировочной площадке, а по воскресеньям стоял в воротах во время игр чемпионата 1-го английского дивизиона.

Траутман играл в своей команде и тогда, когда она добилась величайшего успеха, которого может добиться английская команда: «Манчестер-Сити» с вратарем Берндом Траутманом в 1956 году выиграла английский футбольный кубок. При этом не обошлось без драматической истории: Бернд Траутман на 70-й минуте тайма сломал шейный позвонок, но остался на своем месте, несмотря на мучительную боль.

Когда после победы он предстал перед английской королевой, традиционно чествовавшей победителей и вручавшей золотые медали, принц Филипп спросил его: «Почему вы так низко держите голову?» Траутман ответил: «У меня выбит шейный позвонок».

Травма была настолько тяжелой и опасной, что голова и шея на несколько недель были помещены в гипс. Футбольная Англия радовалась. Английские спортивные журналисты выбрали бывшего немецкого военнопленного за его самоотверженное участие в чемпионате футболистом года. В 1964 году он закончил свою карьеру, сыграв 538 игр в высшем английском футбольном классе. Сорок семь тысяч англичан пришли посмотреть игру в честь Бернда Траутмана. За нее он получил 50 тысяч марок, на которые купил себе дом.

Через три года, в 1967 году, бывший военнопленный, сделавший своим спортивным поведением и своими выступлениями для разрушения предрассудков между англичанами и немцами, наверное, больше, чем могла сделать сотня послов, вернулся в Федеративную Республику Германию. Там он стал футбольным тренером.

Но счастья не было. Немцам он пришлось не по нраву. Траутман вскоре потерял работу, вынужден был продать свой дом. В 1972 году он полетел в Бирму. Там он стал тренером национальной команды.

В 1978 году бывший воздушный десантник, а потом самый знаменитый бывший немецкий военнопленный Англии направился в африканскую Либерию. Там он помогал развитию футбола.

Перевоспитание в американских лагерях

В предрассветных сумерках одного из дней начала лета 1946 года в Тунисе, через год после войны, немецкий фельдфебель был расстрелян расстрельной командой французской армии. Пять его товарищей попали в тунисскую тюрьму, приговоренные к двадцатилетнему заключению.

Французский военный суд приговорил фельдфебеля к смерти, а его товарищей — к многолетнему заключению за преступление, совершенное почти два года назад. Шесть немцев, пленных солдат из армии «Африка», в лагере для военнопленных убили товарища. Жертва не воровала хлеб, не предавала товарищей, не сотрудничала с врагом. Немецкий солдат погиб по политическим причинам.

Шестеро убийц были убежденными национал-социалистами, и даже за колючей проволокой они продолжали отстаивать свои убеждения. Они пытались террором и насилием подавить иные взгляды, высказывавшиеся другими пленными. Наконец их ненависть нашла свой выход в убийстве по тайному приговору.

На политические взгляды многих немецких военнопленных в лагерях оказывало особое влияние то обстоятельство, что Вторая мировая война была не только столкновением солдат, вооруженных танками, бомбами и торпедами, но и войной мировоззрений, антагонизмом взглядов и таким образом она была современной религиозной войной, которых не бывало уже триста лет. Так, Тридцатилетняя война между католиками и протестантами по своим жестокости, жестокости и бесстыдству сравнима со Второй мировой войной.

Пленные в лагерях союзников продолжали чувствовать себя солдатами Третьего рейха, они принесли присягу на верность Адольфу Гитлеру, к тому же многие из них долгое время не хотели верить, что Германия эту войну может проиграть.

В советских лагерях быть признанным национал-социалистом часто было тем же самым, что и быть обреченным на голодную смерть, карцер и длительное тюремное заключение. Образованные

русскими антифашистские комитеты монополизировали политические дискуссии по этому поводу.

В лагерях западных союзников военнопленные, напротив, во всяком случае во время войны, с политической точки зрения были предоставлены сами себе.

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных писала об условиях в лагерях на американской территории, куда сначала были помещены пленные из Африканского корпуса, а более чем через год — пленные, захваченные во время вторжения: «Конфликтная обстановка, сложившаяся в большинстве лагерей, коренилась в том, что до конца войны большинство военнопленных считали себя немецкими солдатами, которые должны сохранять верность немецкому государственному руководству. На практике это означало и должно было означать прежде всего верность национал-социализму. Такие настроения особенно были распространены среди «африканских военнопленных». Они попали в плен в то время, когда положение Германии, казалось, все еще обещало успех. В плен они попадали преимущественно целыми частями, и часто они не считали капитуляцию в Тунисе поражением собственных войск. Уважение и признательность, которые союзники часто оказывали Африканскому корпусу, способствовали такому поведению».

Но солдаты, которые были взяты в плен позже, видели последствия воздушной войны против Германии и англо-американское превосходство в людях и боевой технике на Западном фронте, уже не могли безраздельно верить в победу немецких армий и в лагерях открыто говорили об этом. В результате начиналось жестокое сопротивление.

Убежденные нацисты все больше верили в немецкое чудооружие, рассчитывали, что японцы освободят их из американского плена, упрямо праздновали памятные дни той веры, с которой они пошли на войну.

В американском лагере для военнопленных форт Эустис в Виргинии в ноябре 1944 года (в это время как на востоке, так и на западе вражеские армии стояли уже на границах рейха) около сотни «африканских» бойцов собрались на празднование 9 ноября — дня, когда Гитлер в 1923 году во главе штурмовиков пошел к мюнхенскому Фельдхернхалле¹. Один из пленных рассказывал: «Клятвенные вы-

¹ 9 ноября 1923 г. — день мюнхенского «пивного путча». Эта дата была официальным праздником в календаре нацистской Германии.

крики, знамена со свастикой, барабанная дробь. Пели также старые песни времен борьбы».

Численность национал-социалистов в американских лагерях была не особенно велика, но их мелкие группы действовали сплоченно и целеустремленно. Дело дошло до того, что они часто оказывали большое влияние на немецкое лагерное руководство и таким образом определяли повседневную жизнь других военнопленных. Сопrotивление их претензиям на власть они подавляли силой.

В американских лагерях семь военнопленных умерли от рук своих товарищей, 15 получили тяжелые травмы от кулаков и различных предметов, 14 военнопленных за эти преступления были приговорены американскими судами к смертной казни и повешены. 102 немецких военнопленных были осуждены за избиение своих товарищей до полусмерти или за их пытки.

В лагерях, где убежденные национал-социалисты установили свое господство, их политические противники среди военнопленных больше не чувствовали себя в безопасности. Американцы предприняли две ответные меры: перевели немецких военнослужащих, не считавших себя больше национал-социалистами, в отдельные лагеря и предоставили пленным, которым угрожали, особую защиту властей.

В каждом лагере на американской территории висело объявление, в котором говорилось: «Каждый военнопленный, без различия вероисповедания или политических убеждений, считающий, что существует опасность его жизни или здоровью со стороны других военнопленных, должен сразу же лично доложить об этом факте любому американскому офицеру этого лагеря, не спрашивая совета своих [немецких] выборных представителей. С этого момента такому военнопленному со стороны лагерного коменданта будет предоставлена достаточная защита путем отдельного содержания, перевода в другой лагерь или другими средствами. Военнопленные, допускающие враждебные действия по отношению к другим военнопленным, будут строго наказаны».

Так в Америке возникли «нацистские лагеря» и «антинацистские лагеря».

Чем ближе было окончание войны, тем больше руководство США укреплялось во мнении, что убежденных национал-социалистов надо не отделять от их противников, а прививать им мировоззрение, распространенное в Америке.

Ответственные за военнопленных власти США позднее указывали: «Военное министерство США видело в присутствии в США около 370 000 пленных еще никогда не предоставлявшуюся возможность зародить среди немцев демократическое мышление и уважение к Америке».

Американцы применили в своих лагерях то, что позже по своему значению и известности стало называться перевоспитанием.

Теперь в лагерях стали регулярно появляться американцы для проведения занятий с военнопленными по американской истории и американской конституции, об устройстве демократического государства и его институтов, об основах гуманности и, наконец, по английскому языку.

Сначала преподавателям было тяжело. Многие военнопленные отвечали на усилия своих американских учителей издевками. Военнопленный, возвратившийся из лагеря Руперт в Айдахо, сообщал: «По окончании войны каждое воскресенье к нам приходили настоящие и ненастоящие профессора, чтобы вести с нами дискуссии о славе Америки и убеждать нас в несомненно имеющихся демократических ценностях».

Иногда военнопленные в дебатах с американцами пытались добиться идеологической победы. Военнопленный, сидевший в лагере, в котором было собрано особенно много убежденных национал-социалистов, рассказывал научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных: «Многие из нас принимали участие в дискуссиях из удовольствия и радости состоять в оппозиции. И нередко американский пропагандист вынужден был прерывать свое выступление и молча уходить». Из лагеря Дрю-Филд во Флориде: «Я помню, как американский учитель как-то в бешенстве ушел из-за того, что явные национал-социалисты из лагеря загнали его в угол, подняв расовый вопрос, существующий в Америке».

Американцы не ограничивались проведением лекций перед пленными. На службу перевоспитанию они поставили все средства информации: радио, кино, журналы и прежде всего лагерные газеты. Соединенные Штаты с самого начала разрешили своим пленным издавать лагерные газеты. Во время войны выходило более 150 различных газет, из которых военнопленные узнавали не только о том, что происходит в лагере, но и о ходе войны и о политике.

369 000 немецких военнопленных в Америке были распределены по 155 главным и 760 мелким лагерям. И каждый главный лагерь издавал собственную газету, как, например: «На пороге», «Солнце Ари-

зоны», «Немецкие острова», «Репортер за проволокой», «Эхо», «Затмение», «Техасские слухи», «ПВ-оазис» и «Колочая проволока».

Содержание газет сначала не особо интересовало американцев. Так было до тех пор, пока они вдруг с удивлением не обнаружили, что большое число газет пишется и редактируется национал-социалистами. В газетах содержались нападки на политику США и их отношения с Германией. Они проповедовали национал-социализм и милитаризм. Американцы могли противопоставить этому лишь одну газету.

Она называлась «Призыв», стала выходить с марта 1945 года, а последний номер ее вышел 1 апреля 1946 года. Она распространялась в лагерях военнопленных на территории США в количестве 75 000 экземпляров. Редакторами этой газеты были немецкие военнопленные, за их работой следили американцы.

Научная комиссия писала о впечатлении, произведенном этой газетой: «Реакция, с которой военнопленные воспринимали «Призыв», простиралась от благодарности до яростного неприятия». Представитель Международного Красного Креста сделал в офицерском лагере Тринидад, штат Колорадо, следующие наблюдения: «Офицеры в лагере в знак протеста газету «Призыв» публично сожгли, так как первые ее номера противоречили их мировоззрению. В результате этого происшествия многих военнопленных перевели в другие лагеря».

Осенью 1945 года всем немецким военнопленным было приказано посмотреть фильм, снятый американскими военными операторами в немецких концлагерях. Один из военнопленных вспоминал: «Мы видели генерала Эйзенхауэра, как он идет между кучами трупов и осматривает печи крематория». Другой военнопленный о воздействии этого фильма: «Парни и не подозревали, что что-либо подобное могло происходить в действительности, и были поражены». Третий рассказывал, что произошло после демонстрации фильма в лагере Кастер, штат Мичиган: «В этом лагере для жертв концлагерей в Германии было собрано 10 000 долларов».

Плоды перевоспитания американцы хотели посеять в Германии. Из 369 000 пленных, сидевших в их стране, они отобрали только 23 000 человек, которых было предусмотрено использовать на родине. Они должны были помочь американским оккупационным властям управлять американской оккупационной зоной Германии.

Как же выискивали людей, пригодных для выполнения этой задачи? Сначала американцы отобрали всех военнопленных, которые

явно отличались своим национал-социалистическим или коммунистическим мировоззрением. Были отсеяны те, кто был моложе двадцати пяти лет, а также имевшие чин выше полковника. Кто не говорил достаточно хорошо по-английски, также не могли рассчитывать на должность чиновника в Германии, как и те, кто не имел способностей к руководящей работе. Осталось всего 25 000 человек.

Этим двадцати пяти тысячам были розданы анкеты. После того как они их заполнили, немецкие военнопленные впервые в Америке также познакомились с цветовой шкалой, которая для многих сотен тысяч из них еще приобретет роковое значение: «черный», «серый», «белый».

И в США «белым» считался пленный, чье демократическое мировоззрение могло считаться доказанным, «серым» — тот, чье политическое настроение было неопределенным, «черным» — о ком было известно, что он еще находится в плену национал-социалистских идей. Была использована английская модель, вошедшая в послевоенную историю как «промывание мозгов». Отобранные американцами военнопленные были собраны в один специальный лагерь. Там они прошли курсы. Потом их погрузили на корабль и после краткой промежуточной остановки во Франции доставили в Германию. А многие из их товарищей после переезда через Атлантику еще годами удерживались в Англии или во Франции на работах для победителей, продолжали проживать монотонные дни, такие же, как и в Соединенных Штатах.

О работе немецких военнопленных в США научная комиссия писала: «Только после медленной перестройки американской экономики в соответствии с условиями войны немецкие военнопленные стали представлять интерес в качестве рабочей силы. Они использовались преимущественно на объектах американской армии и в сельском хозяйстве. При этом особую проблему создавали немецкие унтер-офицеры, у которых были изъяты документы, чтобы они не могли ссылаться на свое воинское звание. Поэтому вопреки положениям Женевской конвенции их использовали в качестве рабочей силы».

Американское правительство оценивает прибыль, полученную им от работы немцев, более чем в 180 миллионов долларов.

Комиссия также пришла к заключению, что утверждение о том, что «применение военнопленных на работах способствовало их успешному перевоспитанию», верно лишь потому, что после тяже-

лого рабочего дня люди были не в состоянии слушать лекции, их понимать и обдумывать.

Заключение комиссии о перевоспитании в США: «Если принимать в расчет все факторы, то можно считать обоснованным положение о том, что американская «программа перевоспитания», охватившая большую часть военнопленных — 355 000 из почти 370 000, — ни по размаху, ни по глубине не была достаточной, чтобы оказать существенное воздействие. С другой стороны, у части участвовавших в «программе обучения» разрыву с национал-социализмом способствовали внутренние противоречия».

То, что многим немецким военнопленным удалось избежать во время перевоспитания в Соединенных Штатах, пришлось изведать их товарищам в британских лагерях в полной мере, а вместе с ними и многим бывшим военнопленным в США.

Перевоспитание в Англии

Более 123 000 немцев в 1946 году были переведены из США в Великобританию на работы.

Англичане вступили в войну за два года до американцев. Они раньше других государств-победителей во Второй мировой войне смогли накапливать опыт работы с немецкими военнопленными. Перевоспитание казалось им особенно необходимым. И они проводили его весьма основательно.

Первыми немецкими солдатами, попавшими в руки англичан во время Второй мировой войны, были воздушные десантники, взятые в плен британским экспедиционным корпусом в Голландии, а также летчики Люфтваффе, сбитые над Англией. Британские офицеры подвергали своих пленных обычному военному допросу.

Но уже во время этих рутинных допросов они сделали ошеломляющее открытие: пленные, сидевшие напротив них в комнатах для допросов, были солдатами особого типа. Десантники, пилоты истребителей и экипажи бомбардировщиков были почти все без исключения убежденными, если не фанатичными, национал-социалистами, к тому же преисполненными горячей любви к фатерланду. Два этих качества, по мнению британцев, не должны были совпадать.

Англичанин Сайрус Брукс, по поручению отдела военнопленных британского Министерства иностранных дел изучавший этих

первых пленных немцев, попавших под власть англичан, пришел к заключению: «Почти для всех Гитлер был сверхчеловеком, богом...»

Англичане выяснили, что эти немцы пошли на войну, так как считали, что Германии угрожает опасность. Суждение англичанина Брукса об этих немцах было таким: «Они были энергичными и дисциплинированными. У них ярко выраженное чувство долга. Они преисполнены ответственности». Их восприятие мира было однозначным и не омраченным сомнениями. Быть для них немцем значило для них то же самое, что быть национал-социалистом. Патриотизм и национал-социалистское мировоззрение составляли для них нераздельное единое целое. Национал-социализм, как представлялось англичанам, в словарном запасе их пленных был вторым словом для обозначения Германии.

Десятки, а затем и сотни тысяч последовали за пленными 1940 года в британские лагеря. К удивлению англичан, и среди этих новых военнопленных многие ожесточенно отстаивали национал-социалистскую идеологию, несмотря на Сталинград, отступление на Востоке, проигранные сражения на Западе, бессилие рейха перед бомбардировками. Еще непосредственно перед капитуляцией германского вермахта в мае 1945 года 40 процентов немецких пленных в английских лагерях были полны веры в Адольфа Гитлера.

Эта группа, сплоченная общей идеологией, пыталась и за английской колючей проволокой отстаивать принципы национал-социалистского мировоззрения и бороться с любыми политическими отклонениями от него в среде военнопленных. Часто, как и в США, национал-социалистам удавалось пробиваться в лагерное руководство. Должности в лагерной администрации могут показаться незначительными — буфет, кухня, распределитель работ, прачечная, ведение картотеки, но в действительности это были ключевые посты, определяющие лагерную жизнь. Опираясь на них, можно было сделать для некоторых будничную жизнь в плену невыносимой.

Британский полковник Генри Фолк, руководивший перевоспитанием в английских лагерях и по поручению научной комиссии федерального правительства изложивший свой опыт в томе объемом более семисот страниц, подробно сообщал о технике захвата власти национал-социалистами в одном из лагерей военнопленных: «Около 1400 офицеров должны были быть переведены из лагеря в Южной Англии в лагерь в Центральной Англии. В этом лагере уже содержалось пять офицеров и 250 нижних чинов. Вновь прибывшие в этот лагерь находились под влиянием большой группы национал-социалистских

офицеров. Это было в мае 1945 года, война для Германии была проиграна. Первой атаке офицеров подверглась администрация кухни и буфета. Она была отражена британской комендатурой лагеря. Вторая атака была направлена на санчасть. Но и она не удалась. Когда немецкому руководству лагеря стало ясно, что его подлинные цели известны, оно перешло к насильственным методам. Немецкий католический лагерный священник, находящийся, очевидно, под страхом смерти, пришел к британскому офицеру-переводчику и потребовал, чтобы эту ночь ему разрешили провести в расположении британских солдат. Тайный суд приговорил его к смерти, и его должны были повесить той же ночью».

Национал-социалистские офицеры потребовали от своих товарищей представлять все письма, которые они пишут своим семьям в Германию. Они прервали приток информации в лагерь. Они сжигали британские газеты, они угрожали своим товарищам, что сообщат их имена в Германию, чтобы за их измену национал-социализму ответили их родственники.

Британская лагерная комендатура покончила с режимом, установленным в лагере национал-социалистами, одним ударом. 250 военнопленных, признанных наиболее фанатичными, были переведены в другой лагерь.

Генри Фолк писал: «Это был пример условий, царивших в большинстве лагерей для немецких военнопленных в Великобритании после вторжения и до конца войны. Имели место стычки по политическим мотивам, акты насилия, психологическое давление и даже убийства, и все это происходило от имени патриотизма, так как в соответствии с политической групповой этикой национал-социалисты всегда казались правыми».

Англичанам — правительству, народу и армии — национал-социализм, как писал Генри Фолк, представлялся «моральным уродством», заболеванием, которому были подвержены почти все военнопленные, а не только убежденные национал-социалисты из их числа. Эту болезнь британцы захотели излечить лекарством под названием *Re-education* — перевоспитание.

Соответствующее подразделение британского Министерства иностранных дел так определяло цели перевоспитания:

«1. Искоренить веру в традиционный немецкий милитаризм и в национал-социалистскую идеологию, основой которой являются сила и отрицающее всякий закон самоопределение государства.

2. Привить военнопленным действительное понимание и подлинную ценность демократических основ, принципов и их последствий для действий людей и народов, особенно способствовать применению демократических принципов в немецких условиях в качестве основы для мирной реинтеграции Германии в европейское сообщество, поскольку и в этом состоят жизненно важные интересы Великобритании.

3. Представлять британское сообщество в качестве примера демократического процесса в обществе, при этом необходимо избегать, чтобы Великобритания представлялась как страна-поработительница.

4. Разъяснять немцам непонятные для них вопросы европейской истории за последние пятьдесят лет, особенно причины, ход и последствия обеих мировых войн».

Убежденные национал-социалисты в лагерях могли подготовиться к таким мощным усилиям по привитию немецким пленным мировоззрения западных союзников. Правительство в Лондоне опасалось, что все попытки обращения в другую веру потерпят неудачу из-за сопротивления и влияния фанатиков. Эта обеспокоенность повлекла за собой мероприятие, о котором сотни тысяч немецких военнопленных до сих пор вспоминают с содроганием: это был так называемый скрининг — фильтрация. Это была грандиозная акция англичан, во время которой из общей массы военнопленных отсеивались убежденные, не поддающиеся перевоспитанию национал-социалисты, которых изолировали как носителей опасной бациллы.

В лагерь направились английские офицеры — специалисты по проведению допросов. На этот раз они не спрашивали, как на фронте, о воинской части, звании, должности, расположении и вооружении. На этот раз они задавали вопросы о так называемой морали военнопленных, об их отношении к христианству, государству, к применению насилия, к национал-социализму.

Они спрашивали об ответственности и сознании. Инквизиторам требовалось две-три минуты на человека, после этого они считали, что у них есть действительное представление о духовном состоянии военнопленного.

Результат первого опроса немцев весной 1945 года британцев разочаровал: после него всего пятнадцать процентов оказались надежными демократами и получили «белую» метку. Однако пятьдесят четыре процента, по мнению британцев, были «черными», то есть

национал-социалистами. Тридцать один процент пленных считался «серыми», то есть людьми с неопределенным мировоззрением.

Позднее британские власти, занимавшиеся военнопленными, усовершенствовали их градацию до восьми категорий:

1. А+ — такую степень получал военнопленный, являющийся подлинным антинацистом, обладающий положительным, интеллигентным, толерантным и гуманным мировоззрением. Он был способен к конструктивному сотрудничеству.

2. А — подлинный, но необязательно активный антинацист. У него положительное мировоззрение, заменяющее национал-социализм, но он, очевидно, не будет иметь большое влияние. Таким образом, необходимо рассматривать интеллигентность и характер в зависимости от обстоятельств.

3. А- — военнопленный, который вполне определенно является антинацистом, но его темперамент не позволяет ему выйти из-под влияния других. [Здесь необходимо дать пояснение, что обдумывались замечания о характере возможной работы при Контрольной комиссии — военном правительстве в Германии, что тогда еще считалось возможным.]

4. В+ получает военнопленный, стоящий перед степенью А. Порядочный, честный человек, которому можно доверять, настоящий антинацист, но не имеющий положительного мировоззрения, которое могло бы вытеснить национал-социализм, может быть, из-за неведения.

5. В — «серый», не нацист или аполитичный человек.

6. В- — военнопленный, который был честным приверженцем национал-социализма, а теперь готов признать его действительную моральную гнилость.

7. С — военнопленный, сознание которого все еще определяется национал-социализмом, которому еще нужно время для дальнейшего саморазвития, или безвредный национал-социалист (т. е. не сопротивляющийся попыткам его перевоспитать).

8. С+ — убежденный и фанатичный национал-социалист, обычно принадлежащий к той возрастной группе, которая способствовала построению национал-социализма, утверждающий, что «партия была права», и не имеющий намерений помогать в восстановлении англичанам, к которым он обычно относится враждебно.

Результаты опросов британцы использовали для двух совершенно разных целей: первая — сначала должны были допускаться для работ вне лагеря только политически благонадежные военнопленные.

Британский офицер Генри Фолк, занимавшийся перевоспитанием, писал: «Для военнопленных система градации имела то преимущество, что они наконец перестали сидеть за колючей проволокой, как пойманные звери. Военнопленные, получившие возможность работать, чувствовали себя с моральной точки зрения несравненно лучше тех, которые оставались безработными за колючей проволокой. Вторая — англичане сосредоточили военнопленных, которых считали особо опасными национал-социалистами, в отдельном лагере — в лагере № 165, в суровых местах Северной Шотландии.

Фактически британцы у многих из пленных наткнулись на непреодолимую стену враждебности, недоверия и упорства. В лагере Одхэм, как сообщал один из возвратившихся оттуда военнопленных, многие военнопленные наотрез отказывались поверить в то, что германский вермахт капитулировал. Они провозгласили известие об окончании войны «блефом британской пропаганды».

Уже в октябре 1946 года англичане с удивлением отмечали, что в лагере № 106, где содержалось много молодых солдат, «часто говорили, будто Гитлера убить невозможно. Он восстанет как Христос, чтобы освободить Германию, и сделает фатерланд господствующей державой мира».

Лагерь № 165, где были собраны негибимые национал-социалисты, и через два года после войны считался заповедником мировоззрения почившего Третьего рейха. Один из британских офицеров, специалистов по допросам, с отчаянием писал: «Что здесь можно найти? Во-первых, глубокую ненависть ко всему британскому, превосходящую даже их страстное презрение к «большевизму». Они говорят: «Мы пойдем к русским. Они дадут нам оружие, чтобы мы покончили с этими английскими собаками. Пусть русские сюда придут!» Во-вторых, здесь демонстрируют старую былую заносчивость, особенно этим отличаются офицеры. Офицеры говорят меньше, чем солдаты, и ведут себя «корректно». Но на допросах они снисходительны и презрительны. Ответы всегда корректны, но тон их язвителен. Кажется, что солдат натаскивают на ответы. Вопрос: «Вы протестуете против определенной для вас градации?» Ответ: «Нет». Вопрос: «Вы согласны с вашей градацией негибимого национал-социалиста?» Ответ: «Так точно!» (и они злорадно ухмыляются или стараются выглядеть свирепо и фанатично). И все же мы чувствовали, что некоторые могут сдаться, с ними можно было разговаривать».

К ужасу англичан, нацисты пели уродливо-политические песни вроде:

Все пройдет,
Все умчится,
Через пару недель
Сталин выпустит нас на свободу.

Эта очень неприятная для англичан песня военнопленных просочилась и в другие лагеря. И британцы, принявшие в те годы антикоммунистический курс, тщетно пытались дать отпор в «ответных стихах» с педагогической направленностью, наподобие таких:

И мы сносим покорно удары судьбы,
Так как сами виновны в том,
Что это дерьмо развели.

С враждебностью по отношению к политической градации, введенной англичанами, относились не только нацисты, но и многие военнопленные, считавшие себя политическими противниками национал-социализма. Они не знали, как разумно отвечать на некоторые вопросы допрашивающих офицеров, например: «Что бы вы сказали, если бы ваша сестра захотела выйти замуж за негра?»

А иногда пленные оказывались в полной растерянности, когда товарищи рассказывали им о том, что было с ними на допросе. Так, один британец спросил пленного, прибывшего к нему на допрос: «Каких политических взглядов придерживается ваша семья?» Тот ответил: «У моей семьи были национал-социалистические взгляды». Британец: «Неудивительно, что вы стали таким же нацистом. Вы получаете «черную» категорию».

Следующий пленный ответил на вопрос о политических взглядах своей семьи так: «Мои родители были демократы». Британец: «Стыдитесь, что вы отошли от добрых традиций родительского дома. Итак, «черная».

Многие военнопленные во время допросов прибегали ко лжи только потому, что верили в зависимость сроков возвращения в Германию от категории. И действительно, первый транспорт возвращающихся из английского плена в июле 1946 года состоял исключительно из людей группы «А», то есть из так называемых «белых». Но уже осенью того же года Англию смогла покинуть первая группа «серых» и «черных» военнопленных.

Британцы остались недовольны первой категоризацией. Они подвергли своих военнопленных второй и даже третьей проверкам. Некоторые пленные, которые сначала считались «черными», стали «серыми», а потом даже «белыми». Летом 1947 года англичане окончательно прекратили допросы в лагерях для военнопленных. Статс-секретарь объяснил нижней палате британского парламента, какую пользу британцам принес гигантский процесс опросов: «Система скрининга сыграла значительную роль в нашей программе перевоспитания. Она позволила нам найти способных военнопленных, готовых активно участвовать в программе перевоспитания».

Доброй воле военнопленных в Англии все же повредили два события: прибытие товарищей, сидевших в американских лагерях, и прибытие товарищей, содержащихся в британских лагерях на бельгийской территории. И той и другой группам перед отправлением было сказано, что их отправляют домой в Германию. Один из британских офицеров так отразил реакцию военнопленных: «При нацистском режиме я верил всему, что мне говорили. Много обещали, но ничего не выполняли. В Америке мне пообещали, что меня отправят на родину. И это обещание тоже было нарушено. Во что же я должен верить теперь?»

Об успехе перевоспитания британец Генри Фолк писал: «Ни один человек не «перевоспитывался» англичанами непосредственно и сознательно. Англичане только помогли снова поднять на свет погребенный английский гуманизм, чтобы терпимость, человечность и уважение к человеческому существу снова, как и прежде, могли быть причислены к немецким добродетелям. Эту надежду военнопленные в большой мере также оправдали».

Между Рейном и Атлантикой

Лагерь Рейн-Визен

Обер-ефрейтор Ханс Фридрих видел, как голодают четырнадцатилетние помощники зенитчиков.

Фольксштурмист Вернер Эбенбахер видел, как немецкие солдаты падали в грязь и захлебывались в ней, так как у них больше не было сил, чтобы подняться.

Истребитель танков Юрген С. Отто видел, как немецкие солдаты бросали товарищей в выгребные ямы.

Фанен-юнкер Бенно Тинс завидовал одному товарищу, 20-летнему солдату авиации, у которого был приступ аппендицита, так как это значило, что его отправят в лазарет.

Руководитель войсковой продовольственной службы Марцель Обернедер целый месяц жил с пятью товарищами в яме площадью четыре квадратных метра, которую они сами вырыли в глинистом грунте.

Лейтенант Вилли Виллерс из 4-го магдебургского саперного батальона около двух месяцев жил в земляной яме. Он видел втоптаных в грязь умерших от голода, руки и ноги которых торчали то тут, то там из земли.

Все это происходило весной и летом 1945 года на немецком Рейне. На берегах реки и ее притоков, между Рейнбергом поблизости от Везеля на севере и Бад-Кройцнахом на юге, на луга и пашни были согнаны более полумиллиона солдат германского вермахта и территория огорожена колючей проволокой. Все это были пленные, взятые американцами.

Мировая история не знает большей концентрации военнопленных на такой небольшой площади. Здесь, на влажных лугах Рейнской низменности, победители из Америки собрали в загоны сол-

дат из разбитых немецких армий. Три названия прежде других на все времена определили географическое положение Визенского лагеря в хрониках истории военнопленных: Рейнберг, Викрат и Ремаген.

Сначала здесь были собраны солдаты группы армий «В», отвоёвавшие в Рурском котле последнюю битву на Западном фронте. Было разбито 19 немецких дивизий: 325 000 человек сдались в плен между 15 и 20 апреля 1945 года.

Сюда же, в импровизированный лагерь на Рейне, американцы доставляли своих пленных, которые сдались им во время последних боев в Германии на различных участках фронта, — из Баварии, с Эльбы, из Тюрингии. И к тому же почти каждого немца мужского пола, заподозренного в том, что он мог носить оружие и стрелять: в лагере Хайдесхайм были старики и мальчики младше 14 лет, имевшие из одежды только ночную пижаму или только брюки и нижнюю рубашку, так как их захватили ночью по подозрению в принадлежности к «Вервольфу»¹.

Обер-ефрейтор Ханс Фридрих из мотопехотной дивизии «Великая Германия» тоже попал в руки к американцам в Тюрингии и разместился на клеверном поле у Рейна.

Стрелку Юргену С. Отто, солдату противотанкового дивизиона, было 17 лет, когда он в Альтенбурге (Тюрингия) 12 апреля 1945 года сдался американским танкистам и был отправлен на Рейн.

Руководитель войсковой продовольственной службы Марцелл Обернедер был захвачен американцами в Регенсбурге и на грузовике отправлен на Рейн.

Фольксштурмист Вернер Эбенбахер попался между Зёстом и Липпштадтом (уже без оружия) на пути американского поискового отряда и был отправлен на Рейн.

Обер-вахмистр Ханс Отто Липпенс, командир взвода 458-го танково-разведывательного батальона, сдался в Рурской области под Золингером 20 апреля наступающим американским войскам и был отправлен на Рейн.

Лейтенант инженерных войск Вилли Виллерс из 4-го запасного саперного батальона, 22 лет, родом из Хильдесхайма, 18 апреля в Магдебурге был взят в плен солдатами 9-й американской армии и от-

¹ «Вервольф» (оборотень) — военный филиал нацистской молодежной организации гитлерюгенд, в задачу которого входила организация партизанской войны против войск союзников на территории Германии. Успеха не имел, деятельность его разрозненных групп была пресечена союзниками вскоре после капитуляции вермахта.

правлен на Рейн через пользовавшийся дурной славой промежуточный лагерь на стадионе в Бракведе под Билефельдом.

Бенно Тинс, фанен-юнкер одного из противотанковых дивизионов, попал в плен 16 апреля под Бернбургом на Заале, был избит и ограблен — такой жребий был почти у каждого — и увезен на грузовике. Его одного привезли из лазарета в Альтенбурге (Тюрингия).

Солдаты победителей срывали с формы пленных ордена и срезали орденские ленточки. Захваченный в плен под Айслебеном Хайнц Файзе из Бремена рассказывал: «Американцы отбирали у нас наручные и карманные часы. Американский солдат, сорвавший у меня с пальца обручальное кольцо, уже носил на своем мундире связку из 30—40 колец».

В альтенбургском лазарете в Тюрингии один американский солдат требовал от раненых пленных показывать ему руки, чтобы по необожженным участкам кожи определить, спрятали они часы или нет.

Немецкий солдат, попавший в плен неподалеку от Идар-Оберштайна, сообщил научной комиссии федерального правительства по вопросам военнопленных о том, что происходило в первые минуты после того, как его разоружили американцы: американцы избивали немцев руками и ногами. Они продолжали их бить ногами даже тогда, когда те падали, не выдержав ударов. Потом, как значится в документах комиссии, «они отбирали все личные вещи. Очень желанными были часы, особенно наручные. Я сам видел американцев, у которых на руках было по восемь и более часов».

Еще долгое время после капитуляции немецкие военнопленные были окружены нескрываемой ненавистью. В лагере Гармиш американский сержант вырвал протез руки у солдата войск СС «и избивал им несчастного калеку, пока тот не упал» — так говорится в документах научной комиссии.

Победители тащили капитулировавших в грузовики. Они ругались: «Проклятые Гансы!» — и выкрикивали знакомую всем бывшим военнопленным команду: «*Max snell, let's go! Snell, snell!*»¹

Грузовики шли в направлении Рейна.

Немецкие солдаты на Рейне, которые поначалу считали, что им повезло попасть в руки американцев, а не советских войск, в том 1945 году испытали столько, что им это показалось не лучше русского плена, если еще не хуже.

¹ Быстро, пошел, давай быстро! (*искаж. нем. и англ.*)

Огромная масса людей за заборами из колючей проволоки превзошла возможности снабжения американской армии. В сообщении научной комиссии федерального правительства говорится: «Главное внимание уделялось снабжению собственных войск, гражданское население тоже голодало».

«После безоговорочной капитуляции в занятых западными державами областях Германии немецких войск находилось больше, чем американских...»

После окончания подсчета военнопленных в июне 1945 года Объединенному командованию союзников стало известно, что «в лагерях находятся 7 614 794 военнопленных и невооруженных лиц военного персонала, из которых 4 209 000 к моменту капитуляции уже находились в плену...».

В течение нескольких месяцев, особенно после мая 1945 года, считалось, что предпринимается все для того, чтобы избежать катастрофы. Катастрофа была предотвращена, несмотря на голод и жалкое существование людей за колючей проволокой. Массовую голодную смерть, которой опасались, удалось предотвратить. В этом отношении события в западных сборных лагерях отличались от тех, что происходили на востоке в 1943—1944 годах. Но и существенно больший потенциал американцев в запасах и транспортных средствах не смог исключить голода.

Однако для пленных в лагерях на Рейне неспособность американцев обеспечить их продовольствием означала голодное существование, которому сами военнопленные нашли названия вроде «Поля бедствий» или «Кройцнахский ад».

В сообщении научной комиссии говорится: «Массы были не только мобилизованы, не только удерживали позиции на полях сражений, но и страдали за колючей проволокой...»

Военный плен никогда не был раем. Во время и после Второй мировой войны он представлял риск, часто ничуть не меньший, чем участие в бою».

Лагеря на Рейне часто представляли собой лишь участки местности, огражденные колючей проволокой. Позднее к ней добавились пара палаток, пара барачков для управления лагеря и для кухни и больше ничего. Просто участок земли, обнесенный колючей проволокой. Огороженный участок земли, как для стада скота.

Пленные проводили дни и ночи под открытым небом. У большинства из них не было ни шинелей, ни одеял, ни брезентовых накидок. За 14 дней большинство деревьев, заборы и развалины старых

сараев были снесены и использованы для костров или приспособлены под временные укрытия, прежде всего для перекрытий землянок, в которые забирались пленные.

Было счастьем достать пустую картонную коробку из-под американских консервов: в ней проделывали дыру для головы и надевали сверху — как защиту тела от холода и дождя.

Фанен-юнкер Тинс в своей книге «В загонах» вспоминает о ночах в лагере Ремаген: «Очертания гигантского лагеря за колючей проволокой скрывались во тьме, из которой прожектор выхватывал светлые куски. Мы не видели ничего, кроме бесчисленных маленьких огоньков, напирających на нас, умножившихся призрачных фигур».

Пленным на Рейне нарезали полосы на лугах. Здесь теперь они были дома. На каждом гектаре были размещены от двух до трех тысяч человек. На каждого приходилось по 3—5 квадратных метров жилой площади. Пленные искали укрытия в земле. Они рыли норы. Их они рыли руками, консервными банками, ложками.

В лагерь Ремаген, где места было самое большое для 100 тысяч человек, набили 134 тысячи. В лагерь Бад-Кройцнах, где американцы сначала предусматривали разместить 45 тысяч, доставили 56 тысяч. На лугах и пашнях под Рейнбергом было собрано 100 тысяч человек.

Теперь они лежали здесь, на берегу Рейна, на немецкой земле, ограбленные, не имея ничего, кроме содержимого хлебных пакетов, а многие и без этого, и смотрели в весеннее небо.

В первые ночи они еще могли видеть звезды, а днем немного погреться на солнце. Со страхом люди смотрели в небо. Не изменится ли погода? Ветер дует с востока? Ветер изменился, он принес облака. Сначала пошел мокрый снег, потом дождь, сильный и долгий.

Из книги военнопленного Марцеля Обернедера «Мы были в Кройцнахе»: «Земля превратилась в липкое месиво, над ней — мрачные дождевые тучи. Тело заоченело как лед, пальцы ног хлюпали в бесформенной коже сапог. Хлебные пакеты промокли».

Один из пленных сообщил научной комиссии: «Сверху — сырость, внизу — грязь. Мерзли как цустики и удивлялись, что еще живы».

Словно дикие звери степей при буране или пыльной буре, пленные пытались защититься от дождя: они прижимались друг к другу, голова к голове, как рассказывал солдат из лагеря Бад-Кройцнах:

«Я и двое моих товарищей строили своеобразную пирамиду. Мы вставали так, голова к голове, при этом я накидывал мою шинель на соседа, чтобы и его защитить от промозглой сырости. Так мы и сидели до рассвета».

Другой рассказывал, что дождь нес солдатам смерть: «...по ночам вырытые в земле норы часто обваливались, военнопленных засыпало, и они задыхались. Как-то раз так погибли сразу семь военнопленных».

Дождь шел много дней. Он превратил землю под военнопленными в грязь. Один из солдат вспоминал: «Рядом со мной бредит в лихорадке пожилой человек. Он лежит в грязи. Но на следующее утро он уже умер. Так как он метался, то погружался все глубже и глубже, и лицо его залепило. Если он не умер от лихорадки, то он захлебнулся». Захлебнулся грязью.

Сырость и холод повлекли за собой в лагере на Рейне столько смертей, потому что пленные были ослаблены голодом. Обер-ефрейтор Ханс Фридрих из дивизии «Великая Германия» вспоминал: «Долгое время из еды было лишь печенье. И всего четыре палатки на тысячу человек. Многие получали в день лишь пригоршню крошек».

Часть печенья, которое раздавали голодавшим пленным, была испорчена, так как при его перевозке из США в Европу в поврежденные металлические банки попала морская вода.

Солдат противотанкового дивизиона Юрген С. Отто долгое время получал ежедневно всего 500 калорий. И это с учетом калорийной красной свеклы. Руководитель войсковой продовольственной службы Обернедер из Регенсбурга рассказывал: «Победители давали нам полноценное питание, однако в совершенно недостаточном количестве. Солдаты, пробывшие долгое время в плену, похудели настолько, что стали похожи на скелеты».

Один из военнопленных описал для научной комиссии ежедневный рацион в лагере Бад-Кройцнах в начале мая 1945 года: «3 столовые ложки овощей, 1 ложка рыбы, 1—2 сушеные сливы, 1 ложка мармелада, 4—6 печений».

В лагере Рейнберг в огороженную территорию попало клеверное поле. Люди выели весь клевер начисто.

Лейтенант Виллерс рассказывал: «Мы жевали побegi и листочки живой изгороди, поэтому через 14 дней от живой изгороди остался только скелет. Американцы использовали жир, на котором на больших сковородках они жарили свои стейки только один раз, а потом сливали его в канаву. Пленные достали длинные палки, протягивали

их за забор и макали в канаву, а потом слизывали с них жир. Американцы веселились при этом от души».

В Кройцнахе военнопленные в консервных банках на кострах варили суп из коры деревьев и виноградников. Они ели кормовую свеклу. Результатом недостатка питания стали голодные отеки, дизентерия, апатия.

Руки и ноги опухали. Зубы выпадали. Люди стали плохо видеть, плохо говорить, они топтались на грязных дорогах лагерей. Многие были настолько слабы, что не могли сами дойти до уборной. Один из военнопленных свидетельствовал: «Лагерь Рейнберг был не чем иным, как гигантской клоакой, так как каждый испражнялся там, где только что стоял. Другой, хотевший отдохнуть, на это садился». А в лагере Кройцнах было так: «Часть бойцов, помещавшихся в нижней части моего лагеря, буквально лежала в озере мочи».

Научная комиссия федерального правительства констатирует: «Отсутствие у людей чувства меры умножало трудности. Запрет освобождать пленных, опьянение победой, открытие преступлений в концлагерях, пресловутая коллективная вина немецкого народа, приказ о поисках нацистских преступников среди заключенных в лагерях, отсеивание определенных групп, таких, как служащие войск СС, и многое другое создавали у многих охранников представление, что для побежденных сделано достаточно, даже если в действительности этого было далеко не достаточно...»

У тяжелобольных не было никакой возможности выбраться оттуда живыми. Один из пленных, побывавших в лазарете лагеря Бад-Кройцнах, сообщил научной комиссии: «Количества коек и помещений было абсолютно недостаточно. Американский главный врач объявил нам через немецких лагерных врачей, что в этот лазарет будут принимать только тех больных, для которых будет установлен диагноз, что в течение 24 часов после прибытия в госпиталь они умрут. Один из нас лежал в палатке с высокой температурой: двустороннее воспаление легких. На крестьянской телеге его доставили в лазарет. Так как он по прошествии 24 часов еще был жив, его снова отправили в наш лагерь. Через шесть часов после этого он был готов».

Один из тех, кому удалось там выжить, свидетельствовал перед комиссией о последствиях голода и болезней: «Только по утрам на сборном пункте лежало до 14 мертвых...»

Лейтенант Виллерс рассказывал, что санитар из его лагеря «С» в Рейнберге за одну ночь записал в своей статистике смертности 200 умерших, 200 из приблизительно 4500.

Научная комиссия записала о количестве военнопленных, умерших в рейнских лагерях: «Из факта, что они не могли пересчитать своих умерших товарищей, следует, насколько запутанной была лагерная жизнь. И при 3000 умерших нельзя говорить о массовой смертности в Кройцнах-Бретценхайме. Так, оказывается, что умерло «только» чуть более пяти процентов (3000 из 56 000) находившихся в лагере. В советской зоне оккупации в большинстве сборных лагерей после капитуляции доля смертности составляла от 25 до 90 процентов...

Из 557 000 военнопленных (в лагерях на Рейне) умерли 3053 (по американским данным) или 4537 пленных (по немецким данным). Это соответствует доле в 0,6 (по американским данным), или около 0,8 процента (по немецким данным). Если считать названные данные о 3000 умерших в Бад-Кройцнах-Бретценхайме верными, то доля смертности повысится лишь незначительно (всего до одного процента). Если на Востоке умер каждый четвертый или пятый из капитулировавших солдат, то на Западе, по имеющимся до сих пор данным, — только каждый сотый...» Каждый сотый в течение трех месяцев!

Не ведется ли здесь спор о словах, о том, можно или нет говорить о массовой смертности при доле 3000 умерших на 56 000 пленных, как было замечено, за три месяца?

Из девяти миллионов немецких мужчин в возрасте от 20 до 40 лет в Федеративной Республике Германии ежегодно умирают около 16 тысяч, что составляет 15 смертных случаев на 10 000 живущих за двенадцать месяцев.

В лагере Рейнберг, по официальным данным, в течение трех месяцев умерли, соответственно, трое из ста пленных — данные, из которых исключается неизвестное число незарегистрированных умерших. Вместе с тем, даже если основываться на официальных данных, смертность была в двадцать раз выше, чем в нормальных условиях. Не является ли это массовой смертностью?

Но даже этот жуткий факт имеет свое продолжение, вызывающее полную неожиданность: не голодные и оборванные и не больные были самыми жалкими персонажами в лагерях на Рейне. Научная комиссия определила «несчастливыми из несчастных» инвалидов, которых американцы притащили в лагерь.

Инвалидов с ампутированными конечностями? Да, и инвалидов. Мужчин, потерявших на войне руку или обе руки, ногу или обе ноги. Мужчин, которым пулей или осколком сорвало с головы часть

черепных костей, так что было видно, как пульсирует их мозг. Даже слепых привели в зоны на Рейне.

Один американский офицер объяснил, почему одноруких немцев отправляли в лагеря для военнопленных на немецкой земле: якобы американские войска во время наступления встречали раненых на инвалидных креслах, которые еще держали в руках фаустпатроны.

Один из пленных из лагеря Бад-Кройцнах сообщал комиссии: «К нам доставили колонну инвалидов. Американскому офицеру показалось, что они недостаточно быстро пробираются по густой грязи через ворота. Образовался затор. Офицер психанул и в бешенстве вместе с конвойными набросился на инвалидов, они били их холодным оружием так, что 16 раненых покатались по земле, истекая кровью».

Автор сообщения научной комиссии о лагере Рейн-Визен, сам сидевший в американских лагерях для военнопленных на территории Германии и бывший свидетелем всего происходившего, не скрывает своих чувств, описывая мучения этих солдат:

«Они постоянно обращались за помощью к товарищам. Но силы товарищей тоже были на исходе. Тогда некоторые слова оставались неслышанными, некоторые просьбы невыполненными, и те, кто не мог ходить, ползали, как земноводные, по грязи или передвигались на дощечках, которые привязывали себе к рукам. Другие, одноногие, ковыляли, падали, поднимались снова и, полностью изнуренные, достигали цели. Вид их был достоин сожаления... Наконец их начали собирать в одной палатке, где врачи и санитары могли оказывать им скромную, но действительную помощь».

После дождей и грязи в лагерь Кройцнах пришла жара. Но воды не было. Рядом с Рейном не было воды. Потом привезли воду в пожарной машине. Один из пленных рассказывал научной комиссии, как раздача воды превратилась в час ужаса и смерти: «Мы должны были построиться в два ряда, но это было невозможно в такой рвущейся к воде орущей толпе, где каждый пытался опередить другого. Машина дальше не пошла, и наконец ее экипаж не мог ничем помочь. Он начал поливать толпу водой из пожарного рукава. Но пленные не разбежались, а бежали к машине. А когда наконец струю направили в бочку, то все измученные жаждой люди устремились к ней».

А потом случилось самое ужасное: «На своем пути давили все. Я видел, как тяжелые сапоги затапывали упавшего пожилого товарища, один за другим, пока не задавили его совсем. Оказавшийся поблизости санитар с мольбой протягивал руки, но никто на это не об-

рашал внимания, на упавшего напирали все новые массы, никто не хотел или не мог ему помочь».

В то утро в лагере Кройцнах ужасная жажда, мучившая пленных, привела к безумной заключительной сцене: «Впереди перевернулась бочка, и, хотя она была пустой, солдаты напирали на нее со всех сторон. Она выглядела как цветочная ваза, только вместо цветов из нее торчали грязные сапоги пленных, набившихся в бочку вниз головами и облизывавших воду с ее стенок. Слышались их хрипы и глухие выкрики в этой борьбе голода и жажды. Другие отшатнулись от этой бочки».

Йозеф Новак в своей книге «Человек, посеянный на пашне», выпущенной в пятидесятые годы, писал о первой раздаче воды в Рейнсберге: «В десять часов утра начала собираться много раз изогнутая очередь. Тот, кто терял свое место, должен был вставать в ее конец, более чем за тридцатью тысячами человек. Того, кто присел на землю и уснул, хватали за воротник и тащили вперед, чтобы он не потерял очереди. Через шестнадцать часов я добрался до крана. Наполнил свою маленькую консервную банку, вылил ее содержимое себе в глотку, попытался налить еще, но, как и любой преступник такого рода, пинком был вытолкнут дальше».

И перед глазами голодающих, жаждущих, страждущих пленных лежала страна в долгожданном мире, в молодой зелени раннего лета. Военнопленный Марцель Обернедер видел сквозь колючую проволоку Кройцнаха «одетых в белые платья девушек, ехавших на повозках, украшенных розмарином, в процессии, хоронившей фронтовиков».

А фанен-юнкер Бенно Тинс вспоминал о 20 мая 1945 года, Троице, в лагере Кобленц-Лютцель, через двенадцать дней после капитуляции германского вермахта: «На улице празднично одетые гражданские, женщины, дети, среди них был лишь один мужчина».

В Рейнсберге пленные с территории своего лагеря «С» видели пленных женщин: сестер Красного Креста, связисток и служащих штабов. Тысячи их были размещены на поле за особенно высоким забором из колючей проволоки. Там стояли крохотные одноместные палатки, в которых по три-четыре женщины находили кров и место для сна. Для многих не было и палаток. Они должны были посменно проводить одну ночь под открытым небом, а другую — в палатке.

Многие пленные пытались выбраться за колючую проволоку. Побег казался простым. Ведь они, в конце концов, были в Германии. Но американская охрана стреляла метко и целилась точно.

Один из пленных в лагере Бюдерих-ам-Райн давал такие показания комиссии: «Каждую ночь нас будили винтовочные выстрелы часовых, стрелявших по беглецам. На следующий день мы находили мертвых товарищей на проволоке или в нескольких метрах от нее. Там они для нашей острастки оставались лежать целый день».

Один лейтенант из Рейнсберга рассказывал о попытке бегства двух пленных унтер-офицеров. Они уже перебрались за колючую проволоку. Там их заметил часовой и осветил карманным фонариком. Они подняли руки. Это им не помогло. Сидевшие в лагере слышали автоматные очереди и видели, как трассирующие пули прошили тощие тела.

Мертвые оставались лежать «для устрашения» три дня.

Некоторые пленные в безумии бросались на проволоку среди бела дня. В Кройцнахе один немецкий солдат утром подбежал к забору и забрался на него. При этом он кричал что-то непонятное. Американский часовой прицелился из карабина и выстрелил. Один раз. Пленный свалился замертво.

Убитые на заборе и умершие от голода и его последствий снова доказывали пленным их бессилие. Американцы в зародыше подавляли попытки организованного протеста и восстаний.

Пленный Ханс Отто Липпенс из Бюдериха рассказывал: «Один немецкий офицер обратил внимание американского коменданта лагеря на то, что такие условия содержания в лагере могут привести к бунту. Этому офицеру сразу показали карту, на ней — ближайший аэродром с американскими истребителями-бомбардировщиками, а также средства прямой связи с ними».

Руководитель войсковой продовольственной службы Марцель Обернедер рассказывал об американских боевых самолетах, демонстративно пролетавших над пленными: «Они, словно ястребы над курами, показывали свою силу».

Фанен-юнкер Бенно Тинс 4 июня 1945 года в Кобленц-Лютцеле стал свидетелем вполне прозрачной угрозы американцев: «Сейчас американские ВВС располагают огромными силами. Часа три они непрерывно гудели и рокотали над нами. Эскадрилья за эскадрилей в нескончаемой чередой, вверх и вниз над Рейном».

Сначала за несколько дней до и в первые дни после капитуляции американцы казались безжалостными. Один американский офицер на жалобы о сырости и грязи в лагерях дал ответ, что его это несколько не будет волновать даже тогда, когда «пленные будут стоять по шею в воде».

Один американский лагерный врач на жалобу о том, что военнопленные обречены на верную смерть, ответил: «Невелика для нас потеря».

Научная комиссия так объясняла поведение американцев: «Победа развила у победителей чувство превосходства или безразличия по отношению к побежденным. Но за фазой превосходства, произвола и безразличия все же последовал этап осознания того, что получена возможность уничтожить преступную идеологию, а не людей, попавших под ее власть».

Улучшилась связь между победителем и побежденным. Многие пленные в клетках на Рейне начали гротескную черную торговлю со своими американскими охранниками.

Валюта: обручальное кольцо стоило три сигареты, серебряный портсигар — десять сигарет, наручные часы (многим военнопленным удавалось их прятать от грабителей) оценивались в сто пятьдесят сигарет. Сами сигареты впоследствии перепродавались тем, у кого были деньги, тем, кому удалось пронести в рюкзаке в лагерь некоторую военную кассу: сто рейхсмарок — сигарета, десять — затяжка.

Торговля с охранниками была технически сложной. Военнопленный вставал за колючей проволокой, американец — по другую сторону забора. Потом на ломаном английском или немецком договаривались о цене. Затем американец, как находящийся в более выгодном положении, бросал половину сигарет через забор. Пленный протягивал то, что у него осталось: обручальное кольцо, портсигар или часы. А американец бросал оставшуюся часть договорной цены, а может быть, и нет, что тоже часто бывало.

В лагере Рейнберг пленные с большим уважением говорили об одном из охранников — цветном солдате американской армии: цветной американский солдат наполнил брошенный ему портсигар сигаретами и бросил его назад. Эту историю пересказывали как легенду. Когда чернокожий солдат появлялся у забора, пленные приветствовали его.

Сносную меновую торговлю в голодных лагерях на Рейне наладили не победители-американцы, а прирожденные торговцы и биржевики среди немецких пленных. При этом не стоит забывать о коррумпированных служащих.

Биржевиками были люди с военной казной в рюкзаках. Они могли не только купить все, что можно, но и давали ссуды под векселя тем товарищам, которых знали и были уверены в возврате ими денег.

Йозеф Новак рассказывал: «Вскоре была организована выдача кредитов. В Рейнберге появились некоторые капиталисты, бывшие в гражданской жизни бедняками. Некоторых капиталистов от вермахта я знал. Мы знали друг о друге, кто мы, где живем и что друг от друга можем получить. Так, я взял у банкира ссуду и купил на нее себе хлеб. Я оставил ему написанный по всем правилам вексель, в котором предписывалось моей жене оплатить его предъявителю даже в случае моей смерти. Система заработала, как любое другое банковское дело. Долговые расписки позже были предъявлены и погашены. Благодаря им в то время я в буквальном смысле слова снова смог встать на ноги».

А кроме того, были еще лагерные служащие.

На болотистых лугах немцы работали лагерными полицейскими, поварами и распределителями продовольственных пайков. Они располагались в отдельных огороженных местах внутри лагерей. А в лагерях между Ремагеном и Бад-Кройцнахом процветала коррупция, как всегда бывшая там, где правят голод и нужда, а борьба за выживание становится делом, которому все подчинено.

Немцев из лагерного руководства можно было узнать издали: походка их была молодцеватой, форма ухоженной и опрятной, лица их пухли не от голода, а от хорошего питания. Они расхищали из американских поставок продовольствия военнопленным все, что можно было похитить.

Фанен-юнкер Тинс рассказывал об обедах лагерной аристократии: «Количество еды у них было приблизительно в пять раз больше, чем, как правило, выдавалось на то же количество обычных потребителей». Люди, обворовывавшие своих товарищей, к тому же продавали им украденные у них же продукты за часы и обручальные кольца: золотое кольцо — за горсть печенья, авторучка — за три картофелины, сто марок — за кусок хлеба.

А некоторые из этих людей, обогатившиеся на голоде и нужде товарищей, выторговывали на выменянные обручальные кольца самое ценное, что вообще было в то время в рейнских лагерях: американский пропуск на свободу.

Немцы в лагерном руководстве, забиравшие себе огромное количество продовольствия из голодных пайков, защищались от мести пленных своей лагерной полицией, своего рода жестокими гвардейцами, вооруженными дубинками.

Один из пленных в лагере Рейнберг сообщил: «Сам я помню только три фразы, которыми немецкий руководитель лагеря встречал

того, кто с ним хотел поговорить: «Чего тебе надо? Куда ты хочешь? Получай!» Если кто-нибудь оказывал сопротивление, его избивали до тех пор, пока он не падал. Я помню один случай, как одного утаскивали уже мертвым, а американцы только посмеивались».

Пленный сожалеет, что не запомнил фамилий издевавшихся над товарищами: «Сегодня они живут среди нас. Им удалось скрыться».

Долина Смерти и лагерь № 404

Многих пленных американцы передали французам для принудительных работ. Среди них был двадцатидвухлетний лейтенант инженерных войск Вилли Виллерс и двадцатиоднолетний обер-ефрейтор Ханс Фридрихс.

Обер-вахмистр Ханс Отто Липпенс, которому в то время было двадцать девять лет, провел еще почти два года во французском лагере для военнопленных.

Семнадцатилетний бронбойщик Юрген С. Отто был отпущен: по состоянию здоровья он был непригоден к принудительным работам во Франции.

Фанен-юнкер Бенно Тинс был отпущен 10 августа из лагеря Кобленц-Лютцель по возрасту (ему было более 40 лет). Он вспоминал о своем последнем вечере в лагере: «Странно, что, когда срок освобождения приблизился, я уже не волновался. Радостный покой наполнял мою душу, и теперь я прошел по своей роте, чтобы попрощаться».

В то время как немецкие военнопленные на Рейне умирали в грязи, в нескольких сотнях километров западнее солдаты страдали от палящего солнца в американских лагерях на французской и бельгийской территориях. Там американская армия создала 25 крупных лагерей для содержания военнопленных, часть из них была устроена еще во время войны. В этих лагерях находились в общей сложности 800 000 человек. Хотя здесь они спали чаще всего в палатках или бараках, голод и жалкое существование мало отличали этих немцев от их товарищей на Рейне.

Одним из лагерей был Септем-ле-Валлон под Марселем. Он был зарегистрирован под номером 404. 404 — эта цифра навсегда врезалась в головы и сердца десятков тысяч немецких военнопленных.

Солдат Рихард Хайс из Людвигсхафена на Рейне попал в плен в конце ноября 1944 года и был отправлен в лагерь № 404 еще тогда, когда там не были разбиты палатки. Он рассказывал: «Пять месяцев мы жили там под открытым небом, без палаток, без одеял, у меня даже шинели не было. Спали мы постоянно на земле, человек к человеку. Еды получали минимум, в основном — суп из кислой капусты. Пять месяцев сна на земле, пять месяцев без возможности сменить белье, носки в сапогах сгнили. Через пять месяцев я попал в так называемый сборный лагерь № 306, там мало-помалу стало лучше».

Бывший солдат Рейнольд Петрат был уволен из вермахта в январе 1945 года в связи с ранением в голову. Американцы в начале апреля 1945 года в Гейдельберге забрали его, уже гражданского, получившего ранение в мозг, в плен и отправили в лагерь № 404.

В этом лагере военнопленный Арнольд Рудольф из Килия в июле 1945 года написал стихотворение — свидетельство о страданиях:

Vallée de la mort, Долина Смерти.
Вечное место нескончаемых мук.
Летящая пыль и желтый песок,
Жара и солнечное пекло,
Марево в воздухе, таком раскаленном днем,
А ночью холодном, как лед.
Вокруг нет ни кустика,
Лишь сосны-калеки в солнечном свете.
С севера дует мистраль,
В нем нет ни капли морской прохлады.
С запада налетают пыльные облака
И постоянно накрывают тебя.
Vallée de la mort, Долина Смерти.
Вечное место нескончаемых мук.
Все проклинаят твой песок.
Все знают твой берег.
Все изжарены тобой.
Голод, стоящий в глазах,
Губы, запекшиеся от жажды,
Все это даришь ты, Долина Смерти.
И в мой последний час
Тебя еще раз проклянут
Мои бледнеющие губы.

Условия в других американских лагерях для военнопленных на территории Франции в первые месяцы после капитуляции были не лучше, чем в Долине Смерти — лагерь № 404.

Военнопленный Герхард Егер, сапер из танковой дивизии «Фрундсберг» — соединения войск СС, был тяжело ранен во время боев в Померании. Его забрали в американский плен из госпиталя в Бад-Пирмонте и отправили в лагерь Больбек под Гавром. Он рассказывал: «Переключки под палящим солнцем часто длились часами. Во время них многие военнопленные падали в обморок. Образованные люди дрались друг с другом из-за супа, пролитого на песке. Одежда моя состояла из короткой нижней рубахи без ворота, подштанников, пары носков и пары длинных чулок, которые я по ночам натягивал на голые руки. В лагере Шербур [куда Герхарда Егера перевели спустя некоторое время] жизнь наша тоже была не лучше. Мы по сорок человек спали на одном боку и через каждый час по команде переворачивались на другой».

Один из пленных лагеря Шербур рассказывал научной комиссии федерального правительства о снабжении в мае 1945 года: «Теперь мы узнали, что такое голод. Еда становилась все хуже и хуже. Обед состоял из литра воды с несколькими горошинами или макаронинами. Жира больше не было. Народ варил себе смесь из травы с крапивой».

Число немецких солдат, умерших в этом лагере, никогда не будет выяснено. Научной комиссии федерального правительства тоже не удалось установить хотя бы приблизительное число погибших. В ее сообщении говорится: «Ожидания подтвердить смертность среди военнопленных в западных странах пребывания точными числами не оправдались. Однако можно сделать вывод, что в условиях первых послевоенных месяцев и на Западе многое осталось неясным и должно оставаться неясным. Хаос сорвал столько добрых намерений, изложенных на бумаге тщательно, гуманно и в полном соответствии с Женевской конвенцией».

Пленный сапер Герхард Егер все же выделил в своем сообщении об ужасах лагеря одно примиряющее наблюдение: «Все солдаты-евреи американской армии, имевшие с нами дело, обращались с нами, за редким исключением, более корректно, чем большинство их товарищей». Ярость сидящих в лагере разряжалась на пленных, укравших у своих товарищей кусочек хлеба, сигарету или кусок доски.

Бронебойщик Юрген С. Отто рассказывал: «Кража продуктов каралась по закону Линча. В конце виновного избивали до смерти или топили в выгребной яме».

В лагере Бретценхайм был построен эшафот. Один из пленных писал о впечатлении, полученном им и его товарищами вес-

ной 1945 года: «Сцена, на ней можно было увидеть связанных людей с плакатом: «Я обкрадывал моих товарищей». Так они и стояли на солнцепеке, привалившись один к другому от жажды и изнеможения».

Массовый голод на Рейне продолжался 15 недель. Потом лагеря опустели. Американцы больше не верили в угрозу, что солдаты вермахта решатся поднять партизанскую войну против победителей.

Но для сотен тысяч немецких солдат, избежавших гибели в лагерях Рейн-Визена, расформирование лагерей означало только начало нового плена.

Детские лагеря

Лето 1944 года. Над маленьким местечком Обернкирхен восточнее Миндена на Везере еще сохраняется легкое дыхание мира. Немецкий Восточный фронт проходит еще по России, на западе Атлантическое побережье пока остается в руках вермахта. В один из таких теплых летних дней война захватила подростков из Обернкирхена. Пятнадцати- и шестнадцатилетним мальчишкам местечка было приказано прибыть для освидетельствования. Среди них были Хельмут Рёденбек, которому как раз тогда исполнилось пятнадцать, и Пауль Бредемайер, которому было пятнадцать с половиной лет. Оба были ростом чуть выше полутора метров и весили чуть больше пятидесяти килограммов. А кто весил более пятидесяти килограммов, считался годным к строевой службе на фронте. Оба парня получили воинские удостоверения: они теперь стали солдатами. В момент, когда они вышли из здания, где проходило освидетельствование, на залитую солнцем улицу, они оказались в начале долгого пути, который проведет их через ужасы войны и жалкое существование в плену, их, пятнадцатилетних детей.

Сначала Хельмут Рёденбек и Пауль Бредемайер вместе с сотнями парней того же возраста учились, как заряжать и держать карабин образца 1898 года, а также стрелять из него. Учителями были унтер-офицеры и солдаты вермахта из рот выздоравливающих. Потом мальчишки тренировались в стрельбе из «панцерфауста». Иногда они в колоннах маршировали по городу. Их шаг было слышно далеко, так как ходили они в башмаках на деревянной подошве. Тогда матери выглядывали из окон. Мальчишки, которые еще несколько недель назад зубрили латинские слова или учились работать с напильником

и тисками, теперь уже не спали дома в своих постелях. Их поселили в школе, переоборудованной в казарму. Ночами их часто поднимали по тревоге, иногда — по воздушной, иногда — по учебной.

Так прошли осень и зима. Наступила весна. Русские перешли Одер, американцы и англичане — Рейн. Мальчики продолжали отрабатывать ружейные приемы, стреляли из карабинов по мишеням, привыкли к шипящему звуку раскаленной газовой струи, вырывающейся с тыльной стороны трубы «панцерфауста».

В один из мартовских дней 1945 года снова по школе, где спали мальчики, прокатились сигналы тревоги. Это было ранним утром, ночная сырость висела в лесу. Мальчишки, одетые в форму гитлерюгенда, построились, сжав карабины в неокрепших руках. Но на этот раз тревога была не учебная и не воздушная. Война была здесь, всего в нескольких километрах отсюда. Американские танковые авангарды с юго-запада приближались к Везеру. На школьном дворе были отданы приказы на выдвижение. Мальчишки вскочили на велосипеды и поехали навстречу врагу, в город Ринтельн. Там находился мост через реку. Они окопались на западном берегу Везера, чтобы остановить наступление американских танков.

Они оставили свои позиции на следующее утро. Должно быть, кто-то ночью подумал, что река удержит наступающих американцев дольше, чем горстка подростков.

Пауль Бредемайер и Хельмут Рёденбек, одному из которых уже исполнилось шестнадцать, а другому еще не было полных шестнадцати лет, отошли со своими товарищами по мосту через Везер на восток. Потом немецкие солдаты взорвали мост в Ринтелене. Маленький отряд гитлерюгенда отступал по дороге, чтобы найти новый рубеж, где можно было бы остановить наступление американских войск. Он был найден за поворотом полевой дороги.

Они отрыли одиночные окопы, положили карабины и «панцерфаусты» на невысокие брустверы и стали смотреть на юго-запад, ожидая врага. Их осталось только двадцать из более сотни человек. Пауль Бредемайер и его друг Рёденбек не знали, куда делись остальные. В одиночных окопах у дороги мальчишки просидели почти неделю. Американцев все не было. Они сидели на западном берегу Везера и обстреливали из минометов то, что считали немецкими позициями. У американцев времени было достаточно. В один из таких дней на позицию гитлерюгенда пришел связной. Он передал приказ по одному ехать в местечко Рольфсхаген. Там они обменяли свою

форму гитлерюгенда на форму вермахта, потом вернулись назад и снова залезли в свои ячейки.

Ночью 10 апреля 1945 года мальчики были внезапно разбужены. Из тумана, покрывавшего все вокруг, на них надвигался гул танковых моторов и лязг гусениц. Мальчики из окопов танков не видели, но они были так близко, что можно было услышать команды на английском языке. Американская армия переправилась через Везер и теперь шла на восток, к Эльбе. Фельдфебель, командовавший отрядом мальчишек, громким шепотом отдал свой последний приказ: «Давай, ребята, по домам!»

Домой — это недалеко, может быть, часа два пешком через леса и холмы, по местности, хорошо знакомой мальчишкам. Местечко Обернкирхен расположено восточнее Везера. Фронт еще не отодвинулся далеко. Паулю Бредемайеру и Хельмуту Рёденбеку надо было пройти через район боевых действий. Они прошмыгнули в штайнбергский лес. Шум боя был повсюду: немецкая артиллерия обстреливала американцев, на высотах были видны очертания танков, громкий треск минометных выстрелов, пулеметные очереди. Мальчики бежали, укрывались за деревьями, еще пара километров — и они в Обернкирхене, и тогда их участие в боях на Западном фронте наконец закончится.

Они пришли в Рольфсхаген, место, где три дня назад переоделись в солдатскую форму. Деревня казалась спокойной — ни солдат, ни шума.

В тот момент Хельмут Рёденбек и Пауль Бредемайер сделали ошибку, которая при том, что до мирной жизни было уже рукой подать, снова бросила их в пучину войны. Они вышли из-под прикрытия леса и направились в Рольфсхаген, встретили какого-то гражданского и спросили его: «Американцы уже здесь?» Гражданский покачал головой: «Нет».

Бредемайер и Рёденбек пошли дальше быстрым шагом. Вдруг раздалась команда: «Stop! Hands up!»¹ Два солдата американской армии направили стволы своих автоматов в животы мальчишек. Ребята остановились, подняли руки. Американцы их обыскали, нашли в голенищах сапог у немцев пистолеты и компас. Они взяли Пауля Бредемайера и Хельмута Рёденбека в плен 10 апреля 1945 года в местечке Рольфсхаген. Родительские дома обоих мальчишек были в четырех километрах.

¹ Стой! Руки вверх! (англ.)

Американцы захихнули пленных в грузовик. Вперед! И с этого момента началось. Сначала в Обернkirхен, родной городок мальчишек. Машина ехала по улицам. Пауль Бредемайер стоял в кузове и смотрел на дома. Он невольно протянул руки — вот он, родной дом. Но грузовик не остановился. Он проехал в городской центр. Пленных детей заперли в подвале ратуши, то была первая из многих остановок в долгом путешествии в плену.

В тот же день американцы снова погрузили своих пленных на грузовик и повезли их на запад, за Везер, в Браквайде, неподалеку от Билефельда. На стадионе победители создали что-то вроде фильтрационного лагеря. Пауль Бредемайер и Гельмут Рёденбек нашли себе углубление в траве и стали ждать, когда дадут поесть. Поесть ничего не было. Тогда они стали искать хотя бы глоток воды. Его они нашли в складках палатки, разбитой посреди стадиона. Ночью они мерзли и ждали. Утром снова приехали американские грузовики. Мальчики забрались в кузов. Машины поехали на запад, к Рейну.

На Рейне на лугу четырехугольник, обнесенный колючей проволокой. Это был лагерь Рейнберг, неподалеку от Дуйсбурга, один из лагерей на Рейн-Визене, куда американцы после своей победы согнали почти миллион немецких солдат. В Рейнберге умерло много — от голода, потери сил, болезней.

Пауль Бредемайер и Гельмут Рёденбек, солдаты с детскими лицами, слонялись по лагерю в болтающейся на них униформе, в надежде, что кто-нибудь придет и пожалеет их. Напрасно надеялись. Они ждали еды. Пропитания было мало. Мальчишкам, не имеющим сил, чтобы бороться за те крохи, которые раздавали, не доставалось почти ничего.

На третий день им стало ясно, что если они останутся в лагере, то умрут от голода. Потом они увидели, что американцы отбирают некоторых пленных и, по-видимому, собираются их куда-то отправлять. Парни обсудили свое положение: вне лагеря можно получить не меньше еды, чем в лагере. Они пробрались к группе, ожидавшей поблизости от ворот, затерялись среди пленных и пошли вместе с ними к воротам.

Солдат и мальчиков погрузили в товарные вагоны. Поезд пошел на юго-запад. Выгрузили их в Намюре, в Бельгии. Американцы провели допросы. Допросили и мальчиков. Они ничего не знают. Они голодны. Американский солдат раздавал белый хлеб: по куску каждому. Он посмотрел на Пауля Бредемайера, в солдате проснулось

сострадание, и он бросил мальчишке второй кусок хлеба. А потом мальчиков отправили дальше, дальше на запад, а не домой. Колесо войны и поражения, взятия в плен и плена не отпускало шестнадцатилетних ребят, которые и недели не носили формы вермахта. Снова поездка в товарных вагонах, снова марш по пыльным дорогам.

Пауль Бредемайер добрался до финиша. Усталый, он сидит поджав ноги. Он спотыкается, падает. Грузовик везет его к цели путешествия, начавшегося в Обернкирхене, восточнее Везера: лагерь военнопленных Аттиши, северо-восточнее Парижа.

Один из бывших военнопленных рассказывал об этом лагере научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных: «Голод в сочетании с крепким «Мокка», который пленные получали для питья, вскоре привели к нервным срывам, сердечным приступам и болезням желудка. Быстрая потеря сил у штаб-офицеров старшего возраста, через два месяца плена расстройства кровообращения, приступы слабости, обмороки во время обычных построений для переключек. Постоянное недоедание затем привело к истощению, исхуданию и опуханию голеней. Когда меня освободили, при росте метр восемьдесят три я весил всего 105 фунтов»¹.

Пауль Бредемайер и Хельмут Рёденбек в этом лагере сидели на земле, палаток или бараков не было. Казалось, они были обречены разделить судьбу взрослых военнопленных, зачахнуть от голода.

Но с названием этого голодного лагеря Аттиши связан один из самых широких жестов примирения и человечности после той самой кровавой из войн. В те дни американские офицеры признали, что дети, одетые в солдатскую форму и участвовавшие в боевых действиях против армии США, учитывая жестокость обстоятельств, окончательно погибли в крупных лагерях для взрослых военнопленных.

Офицеры американской армии майор Уильям Х. Мак-Грэт и капитан А.С. Джонсон добились того, чтобы пленных двенадцати-тринадцатилетних мальчишек, находящихся среди взрослых военнопленных, беспомощных, грязных, оборванных и голодных, хотя и не отпустили по домам, но собрали в особых лагерях Baby-Cages (яслях): гротескном, мрачном учреждении военного плена времен Второй мировой войны.

Американские солдаты осматривали военнопленных в лагерях и приказывали каждому, у кого лицо еще сохраняло детское выражение: «Собираться! Строиться!» Пауль Бредемайер и Хельмут Рёденбек пере-

¹ 52,5 килограмма.

ехали из лагеря для военнопленных Аттиши в «детские ясли» Аттиши. Их новый лагерь тоже был обнесен колючей проволокой и охранялся вооруженными солдатами. Он представлял собой квадрат со стороной 500 шагов, но там были высокие американские армейские палатки с остроконечной крышей, каждая из них приходилась на 30—40 ребят. Было тесно, но у мальчиков впервые за много недель над головой появилась крыша. Мальчики смогли снять свою рваную, грязную, завшивленную форму. Американцы дали им свое коричневое обмундирование. Подростки должны были написать на ней зубной пастой на колене и на спине белые буквы PW — Prisoner of War (военнопленный). Лагерь постепенно наполнялся: десять тысяч немецких подростков в конечном счете оказались на территории в четверть квадратного километра, расположенной между зелеными холмами Аттиши.

Они постоянно страдали от голода, от сильного голода, который бывает у детей в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет. Но, по крайней мере, от голода здесь никто не умер.

Пауль Бредемайер вспоминал, что давали белый хлеб, натуральный кофе и жевательную резинку. А Хельмут Рёденбек говорил, что горы хлеба произвели на него неизгладимое впечатление: «Всегда, когда привозили продовольствие, белый хлеб выкладывали горками. В моей памяти осталась гора хлеба в десять метров высотой. Она снилась мне ночью». Ночи были долгими, ведь они были далеко от дома. Иногда один из мальчиков начинал ворочаться, лежа под одеялом в палатке, а сон не приходил.

Пауль Бредемайер написал в детском лагере Аттиши стихотворение, которое назвал «Сонет маме». В нем говорилось:

В твой день, моя дорогая мамочка,
 Не могу я быть рядом с тобой.
 Из чужой страны, из рук врагов
 Хочу послать тебе привет
 И вспомню я твою любовь.
 Не печалься о сыне,
 Сидящем за колючей проволокой,
 Потому что вдали уже светит свобода.
 Скоро пройдет боль,
 И снова я буду с тобой
 И останусь с тобой навсегда.

Шестнадцатилетний военнопленный Вилли Хуфер из Майнца написал под заголовком «Если бы я был птицей» следующие слова: «Я бы тихо поднялся в воздух и снова бы облетел вокруг лагеря, что-

бы сказать ему: «Прощай!» А потом бы полетел на восток в сторону дома. Думаю, что я не чувствовал бы голода и усталости. А дома я снова бы стал человеком и упал бы в объятия удивленной мамы».

Американцы попытались поставить преграду против растущего отчаяния и тоски по дому. С помощью немецких военнопленных была организована школа — по-видимому, самая большая школа, которая когда-либо существовала на земле в одном таком ограниченном месте. В 70 палатках, предназначенных для занятий, в 140 классах 150 учителей преподавали почти все предметы, стоявшие в учебном плане немецких школ. Во время занятий подросткам объясняли, что то, во что они еще вчера верили, — ложь. Перевоспитание было одной из насущных целей детских лагерей.

В лагере побывали американские журналисты, проинформировавшие своих читателей об усилиях, которые предпринимаются для того, чтобы в сознании мальчиков создать новую картину мира. Иллюстрированный «Лайф», в то время крупнейший журнал мира, патетически писал: «Американцы пытаются... поколебать растянутое между войной и миром нацистское преклонение мальчиков перед нацией, вермахтом и расой, их веру в насилие и повиновение тирании. Для этого их пригласили к окну в открытый мир, где все живут свободно в поисках истины».

И, наконец, американская лагерная комендантура попыталась использовать учебную программу в широкомасштабном политическом эксперименте: на этих мальчиках должно быть проверено, насколько быстро перевоспитание может дать эффект. Американский психолог раздал анкеты, в которых мальчики должны были высказать свое мнение. Так мальчики сидели в лагерных палатках для занятий, мусолили огрызки карандашей и размышляли о политической морали, морали, которая, очевидно, позволяла держать детей запертыми в лагере, вдали от родины и матерей.

Результат анкетного опроса был следующим: перевоспитания не произошло. На утверждение «Если бы Германия выиграла войну, мы бы с ликованием приветствовали фюрера» 3138 мальчиков из детского лагеря дали утвердительный ответ и только 2414 — отрицательный. Хельмут Рёденбек так сказал о своих ответах: «Например, на вопрос, оправдывает ли цель средства, тогда я с полной уверенностью ответил «да».

Воодушевление мальчиков новыми учителями в детских лагерях, возможно, было развеяно наблюдениями. Они постоянно видели группы своих товарищей, шедших к лагерным воротам медлен-

ными шагами, с печатью страха на лицах: это были парни, имевшие несчастье отметить свое восемнадцатилетие в лагере. По распоряжению американцев их передавали из лагеря французам. Те забирали их в свои лагеря и использовали на принудительных работах, в командах по разминированию и на горных предприятиях при подземных работах.

Пленный Вилли Диттеген в своем сообщении «Детский лагерь Аттиши» писал об этих восемнадцатилетних: «Многие в этом отчаянном положении настаивали, что они на два года младше того возраста, что был указан в картотеке. Они со страхом следили за тем, чтобы не слишком сильно росли щетинки на лице. Учителя немного помогали в этом обмане и радовались каждому, кого они таким образом смогли удержать в лагере. Труднее всего было оставлять крепких крестьянских парней, которым отборочная комиссия при всем желании не могла поверить, что им шестнадцать лет. Но все же удавалось путем внесения мелких изменений в картотеку, уничтожения солдатских книжек и временной отправки в лазарет оставить многих восемнадцатилетних в «детском лагере».

В Аттиши наступила середина лета. Мальчики продолжали жить однообразной лагерной жизнью: завтрак, школа, иногда прогулка за территорией лагеря, обед, сон, школа. И все за колючей проволокой. Росла тоска по дому и опасение, что им придется провести в брезентовых палатках сырую осень и холодную зиму.

А потом вдруг слухи, беспокойство, разговоры по поводу самого насущного вопроса: освобождение еще до того, как начнутся первые туманы. И действительно, сигнал трубы прозвучал в лагере, поднял парней, вызвал их из палаток. Старший лагеря прокричал в длинные ряды ожидающих: «Все парни из британской зоны оккупации Германии могут возвратиться домой».

К ним относились Пауль Бредемайер и Хельмут Рёденбек. Оба пошли собирать свои пожитки. К лагерным воротам они вышли одетыми в американскую форму, с собой у них было по две рубашки, две нижние рубашки, носки, два одеяла. Получили сухой паек — один пакет на двоих. Снова они поднялись в товарный вагон. Американцы сопровождали немецких подростков до границы, до Аахена.

Там находились в готовности английские солдаты. Они принимали мальчишек, держа в руках винтовки с примкнутыми штыками. Британцы еще побаивались «Вервольфа». Мальчишки должны были постоянно строиться и пересчитываться. Потом поезд пошел дальше на восток. В казармах Оснабрюка они снова повстречались с ужа-

сом, которого им удалось избежать. Пауль Бредемайер вспоминал: «Мы видели эшелон с немецкими военнопленными, отправлявшийся на запад. Пленные выглядели абсолютно изголодавшимися и изможденными».

Оба мальчика возвращались домой, стоя на буферах переполненного поезда, прошли по улице, по которой ехали пленными на американском военном грузовике. Это было 24 августа 1945 года, через пять месяцев после того, как они ушли в бой из Обернкирхена.

Пауль Бредемайер встал у дверей родительского дома, обнял отца, поцеловал мать. Она плакала. Ее ребенок возвратился домой, один из трех ее сыновей, ушедших на войну. Один из братьев Пауля Бредемайера вернулся из французского плена в 1948 году, другой пропал без вести в России.

Команды смертников: разминирование

В истории мытарств немецких военнопленных, ставших рабами после капитуляции Германии, есть также и французская глава. При этом надо учитывать, что эта страна на протяжении нескольких лет была в роли побежденной и управлялась жесткой рукой немецких оккупантов.

Вернемся в лето 1945 года во Францию, которая теперь причислена к победителям.

Вот на опушку лесочка вышли люди. Потом они встали цепью на расстоянии метра друг от друга. За ними — французские солдаты с карабинами за спиной. Один из вооруженных прокричал: «Allez! Allez!»

Люди становятся на колени. У каждого из них металлические палки, заканчивающиеся длинным тонким наконечником — шупом. Они поднимают палки и осторожно втыкают шупы в землю. Далеко перед ними, в трех километрах на утреннем солнце поблескивает Атлантический океан.

Цепь из людей метр за метром переползает вперед. Снова и снова поднимаются и опускаются металлические палки: немецкие военнопленные за опаснейшей работой, которую от них потребовали победители, — за разминированием.

Там шуп погрузился в землю всего на пару сантиметров. Металл! Пленный осторожно разгребает землю.

Размером с суповую тарелку ржаво-коричневая коварная смерть — противотанковая мина. Силы взрыва достаточно, чтобы разнести пленного и его товарищей поблизости на мелкие кусочки.

Минное поле шириной в три километра. Пленные сантиметр за сантиметром проверяют землю. Вот оно и случилось: один из пленных, к своему несчастью, задел шупом взрыватель противопехотной мины.

Он услышал тихий шелчок под слоем грунта и бросился на землю. Его движение опережает мина, вылетающая из земли. Она размером с консервную банку, подскакивает на полтора метра, затем следует глухой взрыв. Мина разлетается на сотни стальных кусочков, с шипением и свистом рассекающих воздух, ввинчивающихся и врезающихся в тела пленных. Десять раненых, двое убитых.

Летом 1945 года в земле Франции находилось около десяти миллионов мин, десять миллионов смертей и ранений. Жестокое наследие войны.

Во время Второй мировой войны минная война на суше превратилась в соревнование убийственных идей. С каждым разом разрабатывались все более совершенные типы мин и взрывателей. Коварство заключалось в этих взрывателях и в способах установки мин.

Мины были «открытые» и «скрытые», то есть устанавливались на поверхности земли и под землей, разбросанные по одной или системно расставленные на определенном участке. Такие минные поля могли тянуться на многие километры и иметь глубину тысячу и более метров.

Против танков устанавливались мины в форме тарелок. Мина Т-43 имела диаметр 32 сантиметра, высоту 9 сантиметров и массу 9,9 килограмма. Особенно коварными были мины типа S, стреляющие или прыгающие мины. Обычно их маскировали, иногда устанавливали открыто в лесу или кустарнике. Достаточно было споткнуться о тонкую проволочку или просто наступить на нее, чтобы привести в действие адскую машинку. Минеры постоянно придумывали новые способы против снятия мин вражескими саперами. Так, две или три мины устанавливались в комбинации, на них ставили взрыватели натяжного или нажимного действия таким образом, что вторая или третья мина взрывалась, если первую пытались извлечь. Дьявольские уловки были неисчерпаемы, число жертв от мин во Второй мировой войне очень велико.

Мины могли решить исход сражения. В ноябре 1941 года на южной окраине Ростова на восьмикилометровом участке фронта 300 не-

мецких гренадеров в течение трех дней сдерживали три русские дивизии: на замерзшем Дону перед своими позициями немцы установили искусное минное заграждение. Поставленные в снег, а сверху занесенные метелью так, что не осталось никаких следов, мины были совершенно незаметны, а русские не могли провести разминирование на открытой местности. Они атаковали снизу вверх, и их ряд за рядом рвали на части прыгающие мины.

Другой пример: Курская битва на Восточном фронте летом 1943 года. Гитлер так называемой операцией «Цитадель» хотел добиться поворота в войне в свою пользу. По его замыслу, главные силы советских войск на Курском выступе необходимо было окружить и уничтожить. Одной из частей плана было применение танковой бригады Лаухерта, которая двумя сотнями своих «чудо-танков» нового типа «Пантера» должна была совершить решающий прорыв советских оборонительных линий. Но стальные хищники весом 45 тонн, с лобовой броней 80—110 миллиметров, вооруженные 75-миллиметровой длинноствольной пушкой, попали на незведанное русское минное поле: бригада остановилась. Так наступательная операция «Цитадель» потерпела неудачу на направлении главного удара из-за мин.

Но вернемся опять в послевоенную Францию.

Большинство мин на территории Франции было установлено немецкими войсками для обороны от вторжения англо-американских войск из-за моря.

Поэтому такие поля коварной смерти протянулись от Кале на берегу пролива Ла-Манш до самого юга Франции.

Дьявольский посев насчитывал десять миллионов мин — огромные площади страны нельзя было использовать ни для проезда, ни для сельского хозяйства. Любая прогулка по берегу или по лесу могла закончиться смертью.

Французский Генеральный штаб принял решение, что снять мины должны немецкие военнопленные. Но разминирование — это работа смертников. Лишь высококвалифицированные специалисты саперных частей во время войны решались на такое опасное для жизни дело. А французы приказали идти на минные поля военнопленным, не имевшим представления о том, как надо обходиться с коварными взрывающимися предметами.

То, что специалисты могли сделать в сто раз быстрее и надежнее, было взвалено на неопытных людей. Как это могло бы быть сделано,

показывает один пример: во время Курской битвы в июле 1943 года десять человек из 2-й саперной роты мотопехотной дивизии «Великая Германия» в темную дождливую ночь извлекли 2700 советских мин. Одна мина на человека в минуту. И ни одна не взорвалась!

Совершенно по-другому формировалась команда по разминированию в Гренвале под Фекампом во французском департаменте Сена, как об этом говорится в сообщении военнопленного научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных: «На 80 процентов там были люди моложе двадцати пяти лет. Это были школьники, абитуриенты, студенты, служащие. Среди нас находился лишь один-единственный бывший сапер».

Любое неверное движение означало смерть или увечье.

Искатель мин из Гренваля рассказывал дальше: «Во время разминирования погибли семь человек. Трое из них стали жертвой противотанковой мины, по-видимому, установленной на неизвлекаемость. Некоторые части их тел забросило на крутой берег (обрыв высотой метров 70—80). Другие погибли от зажигательных мин. В этих несчастных случаях смерть наступала только через несколько часов, иногда и через сутки. При этом мясо ног и кости несчастных сгорали до бедер. Одновременно они получали ранения в голову и лицо».

В лагере Магелон, южнее Арля, группа немецких военнопленных, обезвреживавших там мины, уже на пятый день своей работы потеряла одного товарища. Со всей осторожностью военнопленные ползли по полю, которое они должны были проверить на наличие мин. Но все-таки одному немцу не повезло. Один из свидетелей рассказывал, что случилось тогда, 1 августа 1945 года: «Товарищ наткнулся на проволоку и привел в действие подрывной заряд на шесте, к которому шла эта проволока. Все его тело настигали осколки. Крупный осколок разворотил ему живот».

Врача поблизости не было. Пострадавшего положили в грузовик и повезли за 35 километров в Арль. Когда машина доехала до города, он уже был мертв.

Свидетель сообщил и о других несчастных случаях при разминировании в окрестностях этого лагеря: «4 августа 1945 года, то есть всего три дня спустя, в другой группе снова был погибший, 31 августа — один погибший и пять тяжело раненных, а 27 сентября — сразу двое убитых в 7-й группе».

Итак, всего за восемь недель пять погибших и семь тяжело раненных в группах разминирования из одного-единственного лагеря.

Один свидетель из лагеря Магелон сказал о страхе военнопленных перед внезапной смертью на мирных полях Франции: «Утром, просыпаясь, спрашивали себя, чья очередь будет сегодня».

Военнопленный Ханс Надлер, бывший во время Второй мировой войны обер-ефрейтором, пулеметчиком в полку Лисцта, а в настоящее время — руководитель лаборатории в Мюнхене, рассказывал о команде по разминированию вблизи устья Жиронды, неподалеку от Мон-Алеве: «После выполненной работы мы шли рядами, один за другим, по разминированной местности. При этом последний пленный наступил на прыгающую мину, не замеченную нами. Она оторвала ему обе ноги, и он умер по дороге в лагерь».

На следующее утро французы заставили Ханса Надлера и его товарищей обойти разминированное накануне поле мелкими шажками, сантиметр за сантиметром. Если в земле осталась еще одна мина, то она должна была сейчас разорвать немецкого пленного, а не когда-нибудь потом французского крестьянина. Но на этот раз, к счастью для военнопленных, поле оказалось свободным от мин.

Иногда ягоды на кустарниках или кролики, тысячами жившие на минных полях, заманивали голодных военнопленных к смерти. Ханс Надлер рассказывал, как желание добыть дополнение к пайку стоило жизни его товарищу. Он отошел от команды разминирования, чтобы поставить петли на кроликов. Через некоторое время после этого раздался взрыв. Надлер рассказывал: «Тыкая щупом землю перед собой, я отправился на поиски. Когда я нашел этого парня, было уже поздно. Он был мертв. Мина снесла ему верхушку черепа».

Об одном из случаев при разминировании у обер-ефрейтора Ханса Надлера не меньше неприятных воспоминаний, чем о встречах с коварной смертью: «Я отгреб грунт с противотанковой мины, поискал вокруг нее проводок к взрывателю натяжного действия и теперь, как обычно, провел рукой под миной, чтобы выяснить, не установлена ли под первой миной вторая. Молниеносно я отдернул руку. Оказалось, что я сунул ее в гнездо ядовитых змей».

Почти 40 000 немецких военнопленных французы использовали на опасном для жизни разминировании. Точное количество немцев, погибших при этом, неизвестно. Оно оценивается многими тысячами.

В марте 1946 года представитель Международного Красного Креста сообщал о команде по разминированию в Вимере: «Всего из 3500 военнопленных погибли 150 и 259 были тяжело ранены».

О команде в Карбурге: «164 погибших». Это составляет более чем десятипроцентную долю потерь.

О команде в Монто-де-Бретани в документах значится: «Из всех находившихся в лагере на работы по разминированию привлекались 1500 человек. 150 из них погибли». Каждый десятый!

Некоторые немецкие команды по разминированию без всякого принуждения со стороны французской охраны сами увеличивали себе смертельный риск. Обер-ефрейтор Ханс Надлер рассказывал, что, «несмотря на то что мы не получали никаких премий за особые заслуги, каждая группа хотела блеснуть своей работой. Это приводило к легкомыслию».

За прилежанием и отвагой команд по разминированию стояла надежда. Французы соблазняли немцев обещаниями скорого возвращения домой, за это они предложили им выполнить что-то вроде смертельного аккорда, невыносимую норму, не за хлеб и кашу, как в лагерях России, а за возвращение домой, за свободу. Поэтому людям за колючей проволокой усердная работа на минных полях казалась скорейшим выходом из лагерного ада. Чтобы способствовать этой «системе усердия», в загонах для военнопленных в послевоенные месяцы создавались такие условия, при которых люди влачили жалкое существование, а отчаяние убивало надежду.

Скрытые рабы

После окончания войны в 1945 году в руках французов оказалось 1 065 000 немецких солдат. Из них лишь малая часть, всего 237 000, были взяты в плен французскими вооруженными силами. Большая часть немцев во французских лагерях попала в американский плен, а потом была передана французам. Франция настаивала перед своими союзниками о передаче ей немцев. Они должны были помочь восстановить разрушенную страну и ее хозяйство. Французское правительство утверждало: «Военнопленные для Франции жизненно необходимы».

Но Франция, так же как и Советский Союз, была мало готова к тому, чтобы содержать и кормить такую огромную массу военнопленных. Оборудованные в соответствии с порядком лагеря в послевоенные месяцы существовали лишь в некоторых местах. Поэтому пленных немецких солдат расселяли в обветшалых казармах, бывших школах, наскоро построенных деревянных и металлических ба-

раках, они жили в казематах и крепостях, фабричных цехах и даже в пещерах.

Один из врачей сообщал об условиях в лагере Витри-ле-Франсуа: «Пленные жили в конюшнях и манеже без соломы, без нормального питания, без врачебной помощи, без возможности помыться и без правильно устроенных отхожих мест. Все были до невозможности завшивлены. Самому младшему из военнопленных было 15 лет, самому старшему — почти 70».

Дневниковая запись священника из лагеря Форт-де-Майотт-Жиронд от 8 сентября 1945 года: «Число клопов здесь ужасное. В 15-м помещении до сегодняшнего дня военнопленные поймали в общей сложности 8000 клопов».

В октябре 1945 года у военнопленных из рабочей команды Сен-Элен в департаменте Марна в бараках не было ни столов, ни стульев, ни печей. «Ничто, кроме зияющей пустоты, нас не ожидало», — как рассказывал один из пленных.

В лагере Дюнкерк-Норд один немецкий солдат зимой 1945/46 года заметил: «Когда похолодало, не было никакого отопления, некоторые стали делать очаги. Тот, кто был у стены, почти не мог согреться, а тот, кто сидел в середине помещения, просто обжигался. Дым стоял под потолком. Все было черным от сажи и пачкалось. У очага занимали место только пленные-старожилы. Нам, новичкам, было трудно пробраться к нему и согреться».

Один из пленных рассказывал о товарище, жившем у крестьян недалеко от Сен-Ло осенью того ужасного 1945 года: «Мужчина старше сорока лет в сильные холода каждый вечер ставил себе на колени металлическую керосиновую лампу, чтобы просушить одежду и хоть немного согреться. В сарай, где он жил, холод задувал во все щели. Сушить сырую одежду у камина в крестьянском доме ему не позволяли».

Международный комитет Красного Креста (МККК) издал сообщение о причинах бедственного положения в лагерях. В нем говорилось: «Недостаток каких-либо материалов и транспортных средств в разрушенной войной Франции почти не дал французам возможности заботиться о соответствующем размещении. Почти повсеместно военнопленные вынуждены спать на голой земле». МККК привел один из примеров: один из лагерей получил не 200 тонн соломы, которые ему требовалось, а только 2. Тому же лагерю требовалось 20 000 нар, он получил только 500.

Сильнее холода и насекомых-паразитов военнопленных немецких солдат в два послевоенных года мучил голод. Унтер-офицер Эрих Билер, взятый в плен американскими войсками после вторжения в сентябре 1944 года и переданный французам в мае 1945 года, как и его товарищи, вынужден был осенью 1945 года жить на капустном супе и чае из ежевичных листьев. Военнопленные на полях вокруг лагеря Ренне собирали сорняки и варили себе из них обед.

В лагере Эрги в 1945 году, по сообщению немецкого объединения «Каритас», пропитание состояло из гнилой картошки и трех кусочков хлеба в день.

Один немецкий офицер с омерзением вспоминает день, когда у них оказались ржаные сухари, кишевшие белыми личинками. Пленные съели и их.

Военнопленный из лагеря Тегетем лапидарно отметил меню на 12 февраля 1946 года: «Мармелад, маргарин, сахар, 8 печений».

Долговременное недоедание влечет определенное последствие: голодную смерть. Об одном из дней октября 1945 года пленный военный священник, находившийся в лагере Герлен, написал: «Два французских офицера прошли с нами в санчасть. Там лежал истощенный от голода солдат. Они посмотрели на полностью высохший скелет без мускулатуры. Рядом лежал такой же — только кожа и кости. Ни слова не говоря, действительно потрясенные, французы вышли. Они спросили меня: «Мы об этом не знали. Что мы можем сделать?» Они проявили человечность, добрую волю, и стало немного лучше».

Пять лет Франция находилась под немецкой оккупацией. Многие части страны были разрушены. Война между оккупационной властью и движением Сопротивления шла беспощадная. Расстреливали заложников, евреев депортировали из Франции и убивали. Но нищета пленных немцев не объясняется именно мстью, ненавистью или предрассудками. Необходимо учитывать, что французы в те послевоенные годы сами страдали от недостатка продовольствия. Гражданское население страны тоже недоедало. Пленные находились на последнем месте, за них никто не заступался, их страдания едва ли кого-нибудь трогали.

Летом 1945 года представители Международного Красного Креста проехали по лагерям во Франции, где содержались немецкие военнопленные. Представители организации помощи издали 21 августа 1945 года в Женеве меморандум потрясающего содер-

жания. Они утверждали, что нехватка продуктов питания непосредственно угрожает жизни 200 000 военнопленных. 2000 военнопленных настолько больны, что вряд ли смогут выздороветь. 2000 пленных настолько ослаблены, что больше не могут принимать пищу и должны питаться искусственно. И для 600 000 военнопленных во французских лагерях нет достаточных условий для размещения, что в связи с предстоящей зимой может создать опасность для их жизни.

Встревожились американцы. Они отказались продолжать передачу французам немецких пленных на том основании, что «немцы под властью французов не получают достаточного питания, размещения и обмундирования».

Кроме того, штаб американского главнокомандующего во Франкфурте-на-Майне потребовал от французского правительства вернуть американцам 200 000 военнопленных, которые по состоянию здоровья не пригодны для использования на работах. Французы действительно возвратили американцам осенью и зимой 1945 года около 70 000 немецких солдат, всех больных и нетрудоспособных. Их отпустили домой.

И все же около миллиона человек остались во французских лагерях, принуждаемые годами к тяжелым работам в стране победителей в шахтах, каменоломнях, на строительстве дорог, плотин и в сельском хозяйстве.

Позднее лето 1946 года. Время сбора урожая. На лагерь военнопленных Камп-дю-Ришар легли первые лучи восходящего солнца. Оно пригрело пленных немцев, построившихся в длинный ряд. Они смотрят на лагерные ворота. С шумом и шутками на лагерную улицу выходят мужчины в гражданской одежде — в рубашках с отложными воротничками и в льняных куртках — это крестьяне, желающие подобрать себе здесь пленных для работы в сельском хозяйстве.

Крестьяне идут вдоль ряда пленных. Руки знатоков ощупывают руки и бедра. «Мускулы еще есть? Хорошо. Рот открой!» — говорит один из французов немцу. Тот открыл рот. «Хорошо, — сказал француз, — ты пойдешь со мной».

Один из пленных написал об этой утренней лагерной сцене в своем сообщении для немецкого объединения «Каритас»: «Это было как на древнеримском рынке рабов, разве что пленных не выставляли полностью голыми». (Впрочем, в Советском Союзе пленных при проверке их трудоспособности раздевали догола.)

Во французском лагере Сен-Поль-Деже пленных по утрам забирали в проволочном загоне рядом с административным баракком, а крестьяне ходили вокруг этой клетки, чтобы подобрать себе работника.

Как это ни удивительно, большинство немецких военнопленных с надеждой ожидали, когда они пройдут такую процедуру отбора. Почти каждый хотел, чтобы выбор хозяина пал на него, поскольку работа во французском сельском хозяйстве часто означала, что пленный будет регулярно есть досыта и иногда даже то, что он сможет заменить свою превратившуюся в лохмотья одежду.

Один из пленных по возвращении домой сообщил немецкому объединению «Каритас»: «Я пришел в семью помещика Альфонса М. Дера, у которого было семь человек детей. Он был немало удивлен, когда увидел меня впервые. После основательной бани и чистки (вся лагерная одежда была сожжена) я медленно, в течение четырнадцати дней снова привыкал к буржуазной кухне».

Этот пленный из лагеря Дрюлан за два месяца прибавил в весе двадцать фунтов. Впрочем, за хорошее питание он должен был выполнять тяжелую работу. После уборки урожая 1946 года он слег с сердечным приступом.

Один из пленных команды Пювер/Воклюз в сообщении для научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных о днях принудительных работ сделал записи о том, что сегодня воспринимается как само собой разумеющееся, а в то время удивившее его: «Я ел с семьей за одним столом и мог есть и пить что хотел. Мой хозяин купил мне брюки, рубашку и ботинки, так что я снова стал человеком. Мне приходилось работать в поле и на винограднике, со мной обращались как с сыном».

Научная комиссия писала о влиянии тяжелой работы на немецких военнопленных: «Наряду со значительной материальной пользой работы во Франции имели большую психологическую ценность: общее рабочее место. И только оно одно предоставило французам и немцам после периода войны и оккупации благоприятную возможность по-человечески узнать и начать уважать друг друга. Но до тех пор, пока стена предрассудков, ложных взглядов и ненависти не была разрушена, военнопленные должны были пройти долгий горький путь, который вел через строгую сдержанность и отдельные случаи безучастности. В конце его стояла тихая или открытая признательность гражданского населения, а нередко и долгая дружба. Если этому и помогало проходящее время, то общая работа была решаю-

шим катализатором, способствовавшим таким изменениям. Без работы было невозможно не только наладить ясный диалог между победителями и побежденными, но и один только диалог не смог бы передать те скрытые намерения, которые требуются для взаимопонимания. Только взгляд на совместную работу и видимые результаты совместных усилий пробуждали удовлетворение и доверие...»

Страдания военнопленных за восстановление доброго имени Германии!

Научная комиссия также приходит к следующему выводу: «Положительным фактам, конечно же, противостоят отрицательные. Не указывать на них значило бы заниматься приукрашиванием...»

В действительности многим пленным немецким солдатам во Франции ежедневно снова и снова напоминали, что они — принуждаемые рабочие, подвергаемые произволу, а зачастую и мести. Команда лесозаготовительных рабочих в департаменте Эн, несмотря на тяжелую работу, на пропитание получала одну вику и муку из вики и только по воскресеньям немного мяса. Не совсем достойно проявила себя часть населения в Шабли: пленные одной из рабочих команд в Шабли должны были убирать город. И когда они работали метлами и совками, жители опорожняли посреди улицы мусорные ведра.

Кроме того, немецкие военнопленные спускались в угольные шахты Франции и вынуждены были добывать уголь, даже если они были больны. Военнопленный считался нетрудоспособным, только если не мог стоять на ногах. Тяжелые работы в таких местах страдавшие от недоедания военнопленные часто просто не могли выполнить. Один из пленных лагеря Тинс-ла-Гранж говорил: «До этого я никогда еще не видел шахту. Для 95 процентов военнопленных эта работа была абсолютно непривычной. Было очень много несчастных и смертельных случаев, так как мы не знали мер безопасности... Кто не выполнил свою норму, должен был оставаться под землей для работы в следующую смену».

Один из представителей Международного Красного Креста в апреле 1946 года в смущении заметил: «Часто поиск инструментов занимает много времени и служит надзирателям предлогом для того, чтобы лишить пленных прогулки и для их избиения... Иногда военнопленные на много дней теряют трудоспособность, больше всего обычно страдают ослабленные военнопленные... Часто больные военнопленные были вынуждены работать в две смены, если имели несчастье столкнуться с надзирателем, расценившим их болезнь как нежелание работать. От некоторых военнопленных требовали рабо-

тать непрерывно в течение 19 часов без перерывов для отдыха и принятия пищи». Так говорилось в документе Международного Красного Креста.

Во французском лагере при шахте Мершин в 1947 году вместе с другими 3000 немецких военнопленных находился гренадер Герберт Лиде. Здесь, в Мершине, полный страданий путь военнопленного Лиде завершился преисполненным отчаяния поступком.

Герберт Лиде, которому в то время было 21 год, после вторжения был захвачен под Шербуром в плен одной из американских штурмовых групп, а несколькими днями позже на корабле он был доставлен в Соединенные Штаты. В главном лагере Руперт, штат Айдахо, немецкий гренадер работал на свекольных полях. Окапывал и убирал свеклу. Работа была нелегкой, но ее можно было выполнить. Гренадер Лиде и его товарищи ни разу не чувствовали, что американцы их эксплуатируют. Они спали в отапливаемых бараках, под теплыми одеялами, их хорошо кормили. День был разумно поделен на работу и перерывы. Плен, который можно было перенести.

Кроме того, был уже не за горами день, когда должна была закончиться жизнь за колючей проволокой. Зимой 1945 года товарищи Герберта Лиде в лагере Руперт вышли на последнюю переключку. Потом они отправились в долгое путешествие. Они думали, что в Германию. «Мы в это не верили, но знали, что нам осталось уже недолго», — рассказывал Герберт Лиде.

В апреле 1946 года после сырой американской зимы бывший гренадер Герберт Лиде в порту Тампа, штат Техас, поднялся по сходням на американский военный транспорт. Он нашел себе место на переполненном немецкими военнопленными корабле. Было тесно, но им открывался вид на поблескивавший под солнцем Мексиканский залив, а там, где вставало солнце, далеко за горизонтом, лежала Германия. Затем, через три недели плавания, на горизонте появился французский берег. Еще день-полтора, и корабль придет в Бремерхафен.

Но потом пароход замедлил ход и взял курс на юго-восток. В дымке пленные узнали очертания города, который многим из них был хорошо известен. Это был Гавр, крупнейший французский порт на Атлантическом побережье.

Корабль причалил. Военная полиция вышла на пристань. Охранники на борту отдали приказ военнопленным: «С вещами на выход!» Герберт Лиде и его товарищи взяли свои вещмешки и пакеты, которых было немного. Медленно они сошли по трапу. Герберт Лиде рассказывал об этом моменте: «Во мне нарастал страх. Если пароход

сделал здесь только промежуточную остановку, зачем тогда нам всем с вещами с него уходить?» Немного позже стало ясно, что опасения немцев не были безосновательны.

Они вошли в состав 100 000 военнопленных из американских лагерей, которых возвратили не в Германию, а отправили на принудительные работы во Францию. Американцы не сказали пленным правды о конечном пункте плавания. Они хотели в любых обстоятельствах предотвратить протесты и беспорядки. Многим из этих пленных было сказано, что во Франции им надо пробыть всего три месяца, а потом их отпустят в Германию.

Герберт Лиде и его товарищи в Шербуре должны были построиться в длинный ряд. Их пропускали через барак. Там были американские и французские военные врачи. Они принимали быстрые решения в двух словах: «Нетрудоспособен! Отпустить!» — «Трудоспособен — в лагерь!»

Герберт Лиде вошел в число людей, признанных трудоспособными. Через день его вместе с сотней товарищей привели на вокзал. Товарный поезд доставил немцев в лагерь при шахте Мершин.

И здесь, севернее Арраса, в Северной Франции обстоятельства привели Герберта Лиде к личной катастрофе. Через несколько дней теперь уже двадцатидвухлетний гренадер, имевший рост метр семьдесят, понял, что работа в угольном забое его угробит.

Французские надсмотрщики, заработок которых часто зависел от выработки пленных за смену, эксплуатировали немцев непрерывно и безжалостно. Некоторые французы говорили на ломаном немецком, большинство, по крайней мере, знали только злобные ругательства.

Герберт Лиде усталым спускался в шахту, а через девять часов становился полумертвым. Питания хватало лишь для того, чтобы поддерживать жизнь в человеке, если он ничего не делает.

Но мужчине, выполняющему тяжелую работу, при недостаточном питании приходится жить за счет собственных резервов. Герберт Лиде начал сдавать. Он весил только 53 килограмма. Производительность его упала.

Один из надсмотрщиков, усатый, высокий и толстый, в полдень 16 октября 1946 года внезапно появился за спиной Герберта Лиде. Зубы француза блеснули в свете шахтерской лампочки: «Давай быстрее, ты, ленивая свинья, ты здесь не на ночевке!»

Изможденный Герберт Лиде поднял молоток, ударил им в твердую угольную стену. Усатый больше с него всю смену не спускал

глаз. «И в последующие дни он подбирался ко мне сзади и наблюдал за мной», — вспоминал Герберт Лиде.

Как-то раз гренадер Герберт Лиде получил передышку. Он был болен. Настолько болен, что французский врач разрешил ему остаться в лагере на три дня. Потом Герберт Лиде снова спустился в шахту, встретил усатого мучителя, который его обругал. Из последних сил пленный отработал смену. Прозвучал сигнал: конец работы для всех.

Но не для Герберта Лиде. Усатый встал у него на пути и сказал: «Ты останешься внизу. Двойная смена! Ты три дня ничего не делал!»

В этот момент француз стоял вплотную к Герберту Лиде. Пленный пошевелился: «Я хотел только вытереть пот со лба». Но француз принял это движение (или захотел его принять) за замах. Он выдохнул. Его кулак ударил Герберта Лиде в голову. Тот упал.

Надзиратель начал бить его ногами — раз, два. Герберт Лиде почувствовал резкую боль в голове, в спине. Он привстал на колени. Еще один удар ногой почти опрокинул его.

Потом он поднялся, все еще сжимая в кулаках тяжелый шахтерский молоток. «Я хотел его убить. Но второй моей мыслью было: тогда тебя просто поставят к стенке».

Ни слова не говоря, Герберт Лиде снова взялся за работу. Он долбил молотком уголь, пыль вздымалась клубами. Надсмотрщик подошел тяжелыми шагами к пленному вплотную. Повернулся к Герберту Лиде спиной.

И в тот момент, еще чувствуя мучительную боль от избиения, в полном отчаянии Герберт Лиде поднял молоток и ударил им по своей левой ноге.

Железка разбила обувь, хрустнула кость, брызнула кровь.

Герберт Лиде закричал, призывая на помощь. Теперь подошли все — надсмотрщик и товарищи. Герберта Лиде отправили в лазарет. Переднюю часть стопы ампутировали. Это произошло 28 октября 1946 года.

Через шесть недель, по выздоровлении, Герберт Лиде был отпущен домой в Германию. Воспоминание о времени, проведенном в шахте, висит в коридоре его квартиры — палочка, с которой он ходит вот уже больше тридцати лет.

Герберт Лиде был не единственным возвратившимся калекой домой. Один из военнопленных лагеря Марле-ле-Мине рассказывал научной комиссии федерального правительства: «Молодые и слабые товарищи от отчаяния отрубали себе секирой кусочки мяса с рук, а то

и пальцы целиком, чтобы симулировать несчастный случай. Делали они это из страха перед тяжелой работой».

А Международный комитет Красного Креста в своем сообщении от 14 июня 1947 года описывал условия, в которых находились немцы во французских шахтах: «Установлено, что пленные сами себе причиняют увечья — доказательство того, что условия работы при жесточайшем принуждении для них невыносимы. Недопустимо, чтобы на военнопленных, кроме их нормы, взваливали еще и работу за отсутствующих, больных или раненых товарищей».

Некоторые военнопленные, измученные принудительной работой и голодом, прибегали даже к самоубийству, как тот немец из лагеря Лангре, который осенью 1946 года бросился под поезд.

Другие вербовались во французский Иностраннный легион. Для них война начиналась снова. Они воевали в Северной Африке и во Вьетнаме.

Немецкая солдатская судьба: призван в 1940 году, Западная кампания, кампания в Северной Африке против англичан, американский плен, отправлен в Америку, передан Франции, направлен на принудительные работы, завербовался в Иностраннный легион, воевал в Алжире, погиб в 1954 году в Дьен-Бьен-Фу, в Индокитае.

Большинство военнопленных оставались и делали что им было приказано. Но дух их падал с каждым разом, так как надежда на скорое возвращение не оправдалась. Даже по отношению к командам разминирования, день за днем рисковавшим жизнью, французы нарушали обещания, которые им давали.

В июне 1947 года представитель Международного Красного Креста занес в протокол: «Обещание, которое при вербовке давалось даже в письменной форме, оказалось невыполненным. Многих военнопленных (которые добровольно записались в команды по разминированию) позже отправили даже на угольные шахты».

Пленный пехотинец Ханс Надлер рассказывал: «Обещания оказались лживыми. Ни сардин в масле, ни красного вина, ни свободы передвижения и, самое главное, никакого освобождения. Еще в 1947 году я должен был искать мины в Хагенаурском лесу в Эльзасе. Унизительное чувство быть пленным, когда на горизонте видишь немецкий Шварцвальд».

По вечерам военнопленные хлебали жидкий суп, ели жалкую пайку хлеба, ложились на мешок с соломой и смотрели в потолок. В голове только единственная мысль: бежать!

И вскоре они ее выполняли: подлезали под колючей проволокой, выбирались из сараев крестьян, на полях которых они целыми днями работали. Днем прятались в лесах, цеплялись за товарные поезда, переплывали реки.

У французов есть статистика о воле к свободе, которая была сильнее голода: 171 029 немецких пленнх бежали из французских лагерей, 81 507 человек против воли победителей пробрались на родину, 89 522 военнопленных были пойманы.

Многим из них пришлось плохо. Еще во время войны бежавшие немецкие военнопленные в двух случаях после поимки были расстреляны. После войны, в середине 1945 года, поблизости от Брю-ен-Артуа военнопленных, сделавших подкоп, подвесили за пальцы и избивали.

Но ненависть и жажда мщения проходят. Так, военнопленные, терпевшие во Франции голод, избиения и даже пытки, свидетельствовали о случаях спонтанного проявления гуманности.

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных отмечала: один француз извинился позже перед немцем, которого ударил, когда брал его в плен.

Пленный, проведший три года в лагере Валенс, засвидетельствовал в протоколе: «Мы ели в доме шефа. Отношение было хорошим и постоянно улучшалось. Ели мы за одним столом. Отношения были настолько хорошими, что мы с женой в 1954 году ездили туда в гости и до сих пор переписываемся. Когда меня отпускали домой, жена шефа пошла со мной за покупками: три пары ботинок, чулки, нитки... Было трогательное прощание».

Научная комиссия писала об изменении отношений между немцами и французами:

«Речь не шла о том, чтобы близко принимать весь французский народ и наоборот, речь больше шла о том, что понятно единицам, с кем непосредственно имели дело. Это было первой ступенью в понимании целого с обеих сторон...»

Когда ослепляющее опьянение победой развеялось и требование дня поставило победителей и побежденных к одному рабочему месту, тогда из-за обманчивой маски пропаганды все-таки снова выглянул человек... В конце после многих мучений и разочарований из работы и готовности помочь все же зародилось примирение».

Немецкий пленный военный священник поминал отзывчивых французов в своей молитве: «Боже, благослови циркачей и тех девушек из борделя, которые в первое время, когда товарищи почти падали от голода, тайком совали пленным хлеб и масло».

Нарушение права

Грехопадение Швеции

Седьмое мая 1945 года. В Реймсе генерал-полковник Альфред Йодль, начальник штаба оперативного руководства вермахта, подписал протокол о безоговорочной капитуляции германского рейха.

Почти в 2000 километрах северо-восточнее в тот же час отряд немецких солдат сквозь ночную тьму бежал по берегу Хельского полуострова, вдающегося в Данцигскую бухту. Солдаты на Хеле были отставшими от частей гренадерами. Казалось, все пути им отрезаны: сзади — Красная Армия, слева — Балтийское море, справа — вода Данцигской бухты. Теперь немцам угрожал русский плен. Но солдаты хотели уйти от русских любой ценой.

Немцы бежали. Их сапоги застучали по булыжной мостовой маленького рыбацкого городка Хела на восточной оконечности полуострова. Там, у пристани, спасение — старая рыбацкая лодка. Когда над Балтикой забрезжило утро 9 мая, немцы на углу суденышке окончательно почувствовали себя в безопасности. Война закончилась, их лодка — в открытом море.

Но для многих сидевших на судне поездка за море привела к той судьбе, от которой они хотели уйти: в конечном счете они все же попали в советские руки. Они и тысячи других немецких солдат стали жертвами обмана и ненависти, жертвами своеобразного политического угодничества. Путешествие немецких солдат завершилось на шведском острове Оланд. В порту их ждали шведские солдаты. Немцы были разоружены и доставлены на берег.

За солдатами из Хелы затем последовали тысячи солдат немецких групп армий «Курляндия» и «Висла». Все они на лодках и кораблях бежали от Советов, часто в последние секунды, когда на горизонте уже появились силуэты Т-34. Многие из беглецов не пережили морского перехода, так как советские самолеты охотились на катера

и лодки, бросали бомбы и обстреливали из бортовых пушек спустя много времени с момента подписания капитуляции.

Немцы бежали на поврежденных судах в Швецию — нейтральная страна казалась им лишь перевалочной станцией по дороге на родину. Они думали, что Швеция будет придерживаться Женевской конвенции и после войны отправит немцев в их страну. Но надежды, как никогда жестоко, были развеяны.

Среди беглецов была 190-я бригада штурмовых орудий, которая самоотверженно сражалась у переправ через Вислу, при обороне Данцига и при этом подбила более 140 советских танков. Шестого марта бригада доложила о тысячном подбитом танке.

Седьмого мая на Хеле солдаты попрыгали на все имевшиеся в их распоряжении плавающие средства, чтобы по Балтийскому морю вдоль шведского берега добраться до Фленсбурга.

На речной барже «Эмма» оказалось 120 человек, среди них и обер-лейтенант Эрих Мильденбергер из штаба бригады.

При наступившей плохой погоде буксир перерубил трос из-за поломки в машине. Баржа «Эмма» начала дрейфовать по морю. Собственная маломощная машина отказала. К счастью, шведский миноносец заметил сигналы о помощи и отбуксировал баржу в маленький шведский порт Истад, где уже стояли другие мелкие суда и лодки с немецкими солдатами, которые бежали через Балтийское море.

Солдаты еще надеялись, что им удастся пойти дальше на находившемся в ремонте немецком охотнике, но 11 мая шведский комендант порта объявил, что они интернированы.

Солдат приняли подразделения шведской армии и доставили в войсковой лагерь Бакамо в качестве интернированных.

Для Эриха Мильденберга и его товарищей, считавших, что они избежали советского плена, это была первая остановка на пути страданий, шедших через Советский Союз и советские лагеря и продлившихся до 1950 года.

Там была и вся армейская военная школа 16-й армии, суда которой, направлявшиеся во Фленсбург, атаковала советская авиация, из-за чего поврежденные плавсредства вынуждены были подойти к шведскому берегу.

Там оказались также солдаты 121-й, 122-й и 126-й пехотных дивизий, воевавших в Курляндии и под командой обер-лейтенанта Штигера на буксире «Цибенс», хотевшие уйти по Балтийскому морю в Германию. Русские самолеты-разведчики их обнаружили, на хвосте у них сидели советские торпедные катера, но атаковать не реши-

лись, так как буксир, который почти полностью накрывали волны бурного моря, уже дрейфовал в шведских территориальных водах и был замечен гидросамолетом шведской береговой охраны.

Им повезло, а десантный катер «Кульбис» советские торпедные катера смогли обстрелять. Шестьдесят человек были убиты, а тридцати, из которых почти все были ранены, чудесным образом удалось добраться до Готланда.

150 человек с «Цибенса» были сняты шведским патрульным кораблем и доставлены на остров Готланд. Здесь их сначала интернировали в лагере Линген. Всего там находились 500 немецких солдат, 57 военнослужащих литовского легиона, воевавшего в составе войск СС, и восемь эстонских подростков — помощников зенитчиков.

Вальтер Шильке дает подробное повествование о шведском интернировании в своей «Истории 121-й восточнопрусской пехотной дивизии», и все, о чем там говорится, является подлинным документом новейшей истории.

В этом сообщении отражена также судьба многих одиночных беглецов из Курляндии, с острова Хела, из Восточной Пруссии и Померании, отважившихся бежать через Балтийское море и интернированных шведами. И прежде всего судьба прибалтов, пытавшихся любой ценой избежать советского плена, так как они знали, что им, объявленным Советами советскими гражданами, кроме смерти ничего не светит.

И эта история занесена в документы шведской одиссеи немецких солдат. Бывший тогда обер-лейтенантом, Вилли Люкерат из 126-й пехотной дивизии сообщал:

«Восьмого мая 1945 года была подписана капитуляция. Тогда я был в Курляндии. Там орудия замолчали только через 48 часов. У меня был чин обер-лейтенанта, я был ранен и с другими ранеными лежал на аэродроме Либау-Зюд.

К большому нашему удивлению, в тот день 8 мая 1945 года немецкие самолеты всех типов появлялись там в удивительных количествах. Они прилетали из Норвегии. Якобы все находившиеся в Норвегии самолеты для этой операции заправлялись британским топливом и направлялись в Либау с задачей вывезти из курляндского котла как можно больше немецких солдат, в первую очередь — раненых, так говорили нам летчики.

Из Либау-Зюда открывался широкий вид на запад в направлении Готланда и Швеции. Мы видели, как немецкие самолеты подходили над самой поверхностью Балтийского моря и прорывались

сквозь заградительный огонь русских. Ju-52, в который я поднялся с другими товарищами — почти все они были тяжело ранены, — сильно перегрузили. Покрышки шасси были повреждены снарядами осколками. В 23.30 мы долетели до Копенгагена. Горючее было на исходе, к тому же оно вытекало и испарялось из поврежденного, по-видимому простреленного бензопровода. Удивительно, что самолет не загорелся. Хотя у каждого из нас к карману была приколота препроводительная карточка в родной госпиталь в Киле, пилот был вынужден направиться к ближайшей суше — это был аэродром Мальме в Швеции.

В Швеции нас сразу же приняли служащие шведского Красного Креста и погрузили в санитарные автомобили. Нас повезли в Бюкеберг и разместили в старом поместье. Постепенно оно стало наполняться немецкими солдатами, прибывающими из Пиллау, Данцига и Виндау. Некоторым из них удалось бежать на редких судах.

Начальником лагеря в поместье, где находились уже 127 офицеров, унтер-офицеров и солдат, был шведский капитан Нильсен, доброжелательный человек, постоянно нас уверявший, что пребывание в Швеции для нас скоро закончится. После выполнения некоторых формальностей ничто не будет преграждать нам путь в Киль».

Особое значение для последующего развития событий и выдачи русским имеет утверждение Люкерата, что он в шведских лагерях для интернированных встретил большое количество солдат и офицеров, некоторые из них случайным образом воздушным или морским путем оказались в шведском лагере для интернированных, но не воевали на Восточном фронте. Он назвал, например, двух офицеров из Нордерни и штаб-офицера из штаба Роммеля.

Поначалу немецкие солдаты, прокопченные в дыму многих сражений, принялись мечтать о жизни в нейтральной стране. Шведы создали для почти 3000 интернированных пять лагерей: Линген (на Готланде), Бакамо, Раннеслэтт, Груннебо и Ринкабю. Организация лагеря подчинялась шведской армии, офицеры и солдаты которой относились к интернированным по-рыцарски и по-товарищески.

Лето 1945 года выдалось в Швеции необычно хорошим. Немецкие солдаты прокладывали дороги и прореживали леса, разбивали спортивные площадки и помогали шведским крестьянам убирать урожай, играли в футбол и гандбол, устраивали турниры по боксу и шахматам, организовывали театральные вечера и создали танцевальный оркестр.

В документах научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных говорится: «Как официально и неофициально свидетельствовала шведская сторона, моральный дух немецких интернированных был чрезвычайно высок, дисциплина была четкой, а организованность идеальной. Не в последнюю очередь особенно ценилось всеобщее желание работать».

Интернированные питались лучше, чем в годы, проведенные на Восточном фронте. Они получали столько же сигарет, сколько и солдаты шведской армии. Солдатам и офицерам точно каждые десять дней выплачивалось денежное содержание: рядовым — по двенадцать крон, унтер-офицерам — шестнадцать, штабс-фельдфебелям и лейтенантам — двадцать, обер-лейтенантам — двадцать четыре и так далее. Каждую субботу менялось нательное белье, включая два полотенца, носовые платки и носки. Интернированные питались по нормам шведского военного пайка. Один раз в неделю проводилась переключка. Военная охрана была очень гуманной. Ограда лагерей была простым забором из гладкой проволоки, которой обносят пастбища. Быстро был установлен очень хороший контакт со шведским населением. Они имели связь с внешним миром, получая прессу и слушая радио. Имелись шведские, английские и швейцарские газеты. Каждая рота получила радиоприемник. Еще шведское правительство с педантичной точностью придерживалось международных соглашений об интернированных военных лицах. Казалось, что в таких условиях немцам будет легко ожидать установления порядка в побежденной Германии. Они думали, что скоро смогут возвратиться на родину.

Но идиллия скоро обернулась катастрофой, поглотившей в конечном счете более 2500 немецких солдат.

Летом 1945 года у власти в Швеции находилось многопартийное правительство, в которое не входили коммунисты. Его возглавлял Пер Альбин Ханссон.

2 июня 1945 года советский посланник Чернышев, замещавший посла госпожу Коллонтай, вручил ноту министру иностранных дел Швеции. В ней излагалась просьба русских к шведам выдать Москве тех немецких и прибалтийских солдат германского вермахта, которые в момент подписания капитуляции воевали на Восточном фронте, а после бежали в Швецию.

Текст ноты не был особенно настойчивым. Он не содержал не только угроз, но и предупреждений.

Шведский министр иностранных дел подготовил премьер-министру Перу Альбину Ханссону два ответа на ноту. В одном желание русских удовлетворялось, в другом — отклонялось.

Премьер-министр Пер Альбин Ханссон прочитал ноту русских и проекты ответов. Он не попросил себе времени на размышление. Он также не связался с западными союзниками. Между завтраком и обедом он принял решение о выдаче немцев.

И, кроме готовности выполнить противоречащее нормам международного права требование русских, шведское правительство объявило, что оно готово выдать и тех военнослужащих, которые еще до капитуляции нашли убежище в Швеции и на которых в особом порядке распространялось в соответствии с международными законами право на получение убежища. Это противоречило не только всем международным конвенциям о военнопленных, но и действующему международному праву и праву на убежище.

11 июня 1945 года комитет по иностранным делам шведского риксдага (парламента) под председательством восьмидесятисемилетнего короля Густава V, известного игрой в теннис, обсуждал просьбу русских. День был жаркий, заседание продолжалось долго, вопрос о выдаче немцев стоял в конце повестки дня.

Научная комиссия сообщает об этом решающем моменте: «Как следует из заметок, воспоминаний и более поздних речей в парламенте участников заседания, они были абсолютно не заинтересованы. Им представлялось, что речь идет о выдаче для межсоюзнической комиссии». Комитет по иностранным делам согласился, через четыре дня согласился и Совет министров.

16 июня 1945 года шведское правительство решило судьбу военнопленных нотой, отправленной в Москву: о выдаче, неограниченной выдаче всех немецких и прибалтийских солдат.

Почему такое нарушение права? Именем бога, почему?

Из сообщения научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных: «Вскоре стало пугающе ясно, что решение правительства о выдаче находится в кричащем противоречии с громко провозглашенными принципами гуманности и нейтралитета, не говоря уже о том факте, что оно попало нормы международного права.

Пришедшее к власти 31 июля 1945 года чисто социалистическое правительство Швеции приняло решение выполнить только одно из постановлений сменного им правительства — относительно выда-

чи, так как настоятельно стремилось заключить с Советским Союзом торговый договор. Открыто вентилируемый слух, что правительство приняло решение о выдаче, чтобы любым способом получить расположение России, имел за собой многое. При этом следует учесть два обстоятельства: во-первых, Швеция выдавала больше солдат, чем Россия справедливо считала необходимым, и, во-вторых, что Россия не была слишком заинтересована в получении этих солдат».

К этому времени в шведских лагерях для интернированных Бакамо, Раннелэтт, Груннебо и Ринкабю сидели 2998 человек, среди них 167 прибалтов, воевавших на стороне немецких солдат на Восточном фронте. Из находившихся ранее в Швеции 500 прибалтов многие бежали с помощью местного населения. Сначала в лагеря для интернированных не проникло ни слова о намерениях шведов. Немцы работали, играли, ожидая отправки на родину.

В начале ноября 1945 года из русского порта Мурманск на Северном Ледовитом океане вышел транспортный корабль «Кубань». Пунктом его назначения был порт Треллеборг на южной оконечности шведской территории. Его задача заключалась в перевозке выданных Швецией немцев в Россию. На корабле не было помещений для размещения большого количества людей на борту. Русские хотели погрузить немцев в грузовые трюмы.

15 ноября 1945 года намерения шведского правительства о выдаче немцев неумолимому победителю стали общеизвестны. Лагерь были преисполнены отчаяния. Пленные солдаты начали голодовку. Уготованная немцам и интернированным вместе с ними прибалтам судьба и в стране вызвала недовольство и возмущение.

Одна из крупнейших газет королевства писала: «На карту поставлены слава и честь Швеции».

Представители шведской церкви обратились с просьбой об аудиенции к социал-демократическому министру иностранных дел Ундену. Один из священников позднее сообщал о реакции министра: «Его превосходительство снова повторил свое утверждение, что Советский Союз — правовое государство».

Через три дня начальник штаба шведской государственной обороны попытался подвигнуть министра иностранных дел на пересмотр зловещего решения. Он сообщал: «Унден упрямо твердил только одну свою фразу, что Советский Союз — правовое государство».

Представитель интернированных, генерал-лейтенант Ангело Мюллер, написал письмо королю Швеции Густаву V. Он привлек внимание монарха к тому, что шведское правительство нарушает

международное право. Хотя большая часть солдат действительно воевала на Восточном фронте, многие из них только перед капитуляцией получили приказ об отправке на Запад. Поэтому они, как считал Мюллер, являются пленными британской, а не Советской Армии.

Ответ шведского правительства на просьбы и протесты заключался в том, что солдаты шведской армии окружили лагеря плотными кольцами. Солдаты короля посматривали сквозь проволоку на пленных, на лицах которых сохранился еще ужас великой войны, а теперь был заметен и новый страх.

Потом случилось беспрецедентное происшествие. Офицеры и унтер-офицеры двух полков шведской армии написали письмо своему королю: «Наша верность королю и правительству нерушима. Но наше сознание и честь солдат требуют от нас со всей силой заявить о нашем чувстве стыда в связи с тем, что мы должны будем принимать участие в предстоящей выдаче».

Шведские офицеры лагерной охраны в знак солидарности с немцами обернули свои поясные ремни белыми носовыми платками. Капитан Карлссон телеграфировал королю следующее:

«Так как я, будучи начальником лагеря для интернированных в Груннебо, принял участие в нарушении обещания, которое теперь повлекло за собой трагедию, считаю себя больше не в состоянии оставаться капитаном резерва королевского Бохусленского полка и всеподданейше прошу предоставить мне немедленную отставку».

Отставка была предоставлена.

Сотни таких же телеграмм и писем поступили к королю. Он попытался склонить Кабинет министров к пересмотру решения. Напрасно. В день, когда солдаты заявили протест, у лагерей появились шведские мужчины и женщины, дарившие цветы интернированным в знак сочувствия.

Но шведское правительство начало заменять армейские подразделения полицией. Оно твердо назначило дату выдачи на 27 ноября 1945 года.

Однако пленные снова получили отсрочку. Русский пароход «Кубань» должен был быть переоборудован. В сообщении научной комиссии об этом говорится так: «Русский военно-морской атташе (в Стокгольме) прилагал все усилия, чтобы избежать ассоциации с судном для перевозки рабов, и попросил шведского содействия в переоборудовании корабля. Были приняты меры, на пристани в Треллборге подготовили нары и тонкие матрасы».

В лагере Бакамо немецкий офицер утром 27 ноября поднял камень и бросил его себе на ногу. Кости были раздроблены. Офицер, получивший за время войны 16 наград за храбрость, надеялся, что членовредительство спасет его от выдачи Советскому Союзу.

Потом пришло сообщение об отсрочке отплытия. Пленные думали, что шведское правительство затем полностью отменит решение о выдаче.

Генерал-лейтенант Ангело Мюллер рассказывал о происходившем в лагере Бакамо: «Поднялась неопишуемая радость. Интернированные славили шведского короля и шведский народ, после чего пели хорал «Хвала тебе, боже великий».

Надежда продержалась лишь три дня.

Лагерь Бакамо, 30 ноября 1945 года, пятница. Интернированных разбудили в 5.00. Они построились для переключки на лагерном плацу. Офицер объявил, что в 12.00 первая группа автобусами будет доставлена на вокзал, а затем пароходом будет отправлена в Россию, вторая группа — в 18.50. Солдаты вернулись в бараки.

И тут началось.

В 6.25 немецкий солдат ударил себя по ноге топором. Разразилось безумие. Другой немец схватил нож и воткнул его себе в грудь. Офицер повесился. Более сотни интернированных вскрыли себе вены. Потом пришли шведская полиция и солдаты. Они били раненых резиновыми дубинками. Они потащили солдат бывшей германской армии через лагерный плац к автобусам. Обер-лейтенант Вилли Люкерат перелез через лагерный забор и убежал в шведскую санчасть. Шведский сержант-санитар Гранберг спрятал его на чердаке. Но полиция привела двух собак-ищеек, и они нашли убежище Люкерата, полицейские силой сняли его с чердака.

В лагере Раннеслэтт в 8.35 в небо взвилась красная ракета — сигнал наступления для полицейских и солдат. Они ворвались в лагерь, чтобы забрать из него немцев.

Интернированные выбегали из бараков и цеплялись друг за друга, человек к человеку, 200 немцев как единое целое. Они сцепили вместе свои поясные и брючные ремни, связали шнурки, образовав таким образом каре отчаяния и безнадежности.

Так они и стояли, окруженные полицейскими в сине-черном обмундировании, касках и вооруженными дубинками. Полицейские и интернированные глядели друг на друга. Потом полицейские подняли свои дубинки.

В тот же момент немецкий старший по лагерю ударил себя кинжалом в грудь. Другие пленные полоснули лезвиями бритв по своему телу. Они глотали острые металлические предметы. Полицейские дубинками подавляли сопротивление. Немцев загнали в поезд и доставили в Треллеборг на «Кубань».

Тридцатое ноября 1945 года вошло как «кровавый четверг» в шведскую историю.

В лагере Ринкабю с его 800 интернированными было то же самое. Голодовку люди продолжали, находясь уже на грани истощения. Когда пришел приказ об отправлении, началась паника. Шестеро повесились, двенадцать порубили себе ноги топорами, более двенадцати вскрыли себе вены.

Шведское правительство передало около 2500 солдат бывшего германского вермахта Советскому Союзу и около 500 — англичанам.

Пятнадцатого декабря, перед Рождеством, интернированные, находившиеся в больнице Мальме, скрытно были погружены в машину и доставлены в Треллеборг.

Так последних солдат 121-й пехотной дивизии настигла выдача. Вальтер Шильке писал:

«На рассвете наши автомобили остановились в порту Треллеборг. У ограды на самой пристани состоялась «торжественная» передача нас русским. Мы по одному подходили к чиновнику шведского Министерства иностранных дел, который сличал с человеком данные регистрационной карточки Международного Красного Креста, фамилию и фотографию. Со словами «Ну, давай» русский показывал на трап корабля, где нас уже встречали русские охранники. Через грузовые люки мы спускались в трюм судна, где нас встречал лагерь, по сути дела, состоящий из целлюлозного волокна и одеял. Шестнадцатое декабря и ночь на семнадцатое мы стояли еще в порту, где постепенно к нам догружали товарищей из других больниц. А утром 17 декабря 1945 года (это было воскресенье) мы покинули порт Треллеборг, а вместе с ним и шведскую территорию. Это было прощание со Швецией и заключительное плавание к неизвестной судьбе».

Для Вальтера Шильке оно продолжалось до весны 1949 года.

Двадцать четвертого января 1946 года в шведский порт Треллеборг снова пришел русский пароход. Он должен был переправить последних солдат, воевавших в гитлеровском вермахте и попавших в руки шведов, к советскому победителю.

Речь шла о тех интернированных, которые из-за членовредительства или из-за других травм находились в больницах и лагерях Швеции. Напрасно они надеялись, что чаша выдачи их минует.

Их тоже отправили. Такая участь постигла и Эриха Мильденбергера, лежавшего в госпитале Уддевалла. Его посадили на «Белоостров» — бывший финский пассажирский пароход. Когда Мильденбергера 25 января 1946 года доставили на борт, ему сказали, что это на пару месяцев. «Пара месяцев» длилась четыре года!

Многие шведы смотрели в тот вечер 25 января 1946 года в Треллеборге, как немецкие военнопленные усталыми шагами поднимались по сходням на русский пароход. Многие из них вынуждены были держаться за товарищей, а многих несли на носилках.

Латышский офицер, воевавший в германском вермахте, направился к трапу. Перед ним он остановился, взглянул на корабль с русским названием. Полицейские закричали: «Проходи, проходи!» Тут латыш вытащил кинжал и воткнул его себе в грудь. Он умер у трапа в нейтральном королевстве Швеция.

Выданных интернированных на лагерном жаргоне называли «шведскими туристами». Всех «шведских туристов» собрали в Лиепае, в пресловутом лагере «Сахарный завод». Здесь ждали всех с первого транспорта до последнего.

В феврале 1946 года начали регистрацию и деление на профессиональные и рабочие группы. А потом они были разбросаны по всей России, зачислены в войско несчастнейших из несчастных.

Марш мести в Югославии

Семнадцатого декабря 1943 года небо над юго-восточной Европой холодное и ясное: как раз для бомбардировщиков. На полевом аэродроме Скопье в южной Сербии летчики немецкой 27-й истребительной эскадры ждут боевого приказа. Незадолго до полудня пришло сообщение: крупные американские бомбардировочные соединения идут на Вену.

Пилоты побежали к своим истребителям Me-109. Свист пропеллера рассекает зимний воздух. Машины вырываются и взлетают.

Во главе соединения истребителей летит капитан Иоахим Киршнер, командир 4-й группы. Он — один из наиболее успешных немецких летчиков. 2 августа 1943 года он был награжден Дубовыми ли-

стями к Рыцарскому кресту. До 17 декабря 1943 года Киршнер сбил 188 вражеских самолетов.

Капитан напряженно всматривался вперед. Курс его группы — на северо-запад, солнце находится точно за машинами. Они отбрасывают маленькие бегущие за ними по горам и лесам Сербии тени.

Но потом становится не до них. Металл блеснул на солнце: «Внимание, впереди — истребитель противника!» Американец? Нет, английские истребители «Спитфайр». И по численности они превосходят. Пулеметные очереди прошивают небо. Один Me-109, охваченный пламенем, падает. Несколько «Спитфайров» атаковали самолет Киршнера. Стреляют они хорошо. «Мессершмитт» продырявлен; Киршнер крикнул по радио: «Я прыгаю!»

Он открыл фонарь кабины, поднялся с сиденья, выпрыгнул. Неуправляемый самолет полетел дальше и вспыхнул огненным шаром на земле.

Вечером комендант полевого аэродрома Скопье направил радиogramму в Берлин о том, что капитан Киршнер с боевого вылета не вернулся. Рейхсмаршал Герман Геринг, ценивший воздушного героя Иоахима Киршнера, отдал распоряжение в штабы немецких частей, расположенных в районе падения самолета, провести поиски. В многочисленных радиogramмах он требовал от них выяснить судьбу Киршнера и собрать как можно больше информации в этом районе.

Первое известие о судьбе Киршнера поступило из роты радиоразведки разведывательного батальона. Один из операторов подслушал переговоры между штабом партизанского генерала Иосипа Броза по прозвищу Тито и одной из партизанских бригад. Из них следовало, что партизаны Тито наблюдали за воздушным боем между немцами и британцами и видели, как немец выпрыгнул с парашютом. А что случилось потом?

Из вопросов, которые Тито задавал по радио, и ответов бригады складывалась следующая картина: партизаны стреляли в Киршнера, когда тот был в воздухе, но не попали. Дождались его на земле.

Киршнер не оказал сопротивления, когда приземлился. Партизаны доставили его как пленного для допроса в лагерь. Дальнейшее развитие событий из радиобмена, который вели частично с использованием закодированных слов, выяснить не удалось. Оживленные радиопереговоры не только тревожили, но и давали информацию о приблизительном месте расположения партизанской бригады.

Туда были направлены подразделения вермахта и войск СС. Они вошли в район действий партизан Тито и нашли капитана. Но какого! Не только убитого, но и изуродованного.

Югославы кавалеру Рыцарского креста с Дубовыми листьями перерезали горло и выкололи глаза. На трупе лежал Рыцарский крест с Дубовыми листьями, как рассказывал Фридолин Эрвин Кёбель, товарищ Иоахима Киршнера.

Немецкий воздушный герой стал жертвой боевых действий, которые по своей жестокости вряд ли могут сравниться с какими-либо другими сражениями Второй мировой войны.

Балканские народы, особенно хорваты, сербы и албанцы, во всех исторических конфликтах, будь то против турок или между собой, воевали с неслыханной неумолимостью и жестокостью. Нигде в Европе в течение столетий на тысячу человек населения не приходилось столько пролитой крови, сколько на Балканах. Еще до того, как пришли немцы, едва ли можно было найти семью, в которой бы не было жертв насилия.

Нюрнбергский историк доктор Георг Шеллер в 1947 году в качестве свидетеля на заседании 5-го американского военного суда по делу генералов немецкой Юго-Восточной армии заявил: «Особая жестокость ведения войны на Балканах не является особенностью последней войны и ни в коем случае причиной особо жестоких действий германского вермахта. История войн и столкновений между племенами и народностями на Балканах как раз представляет собой историю ужасных жестокостей, грабежей, поджогов, изнасилований и так далее.

По существу, они вызваны влиянием турецкого господства, которое проявляется до сих пор. Турецким воинам понятие о «святости» человеческой жизни было чуждо, ислам предписывал уничтожать неверных.

Так, турки во время своих захватнических войн разрушали города и села, убивали женщин и мужчин, девушек уводили в рабство, пленных солдат убивали. В борьбе с турками, с угнетателями, балканские народы, естественно, развили соответствующие методы: устройство засад, хитрость и коварство, любой способ борьбы разрешен, жестокость, беспощадность к раненым, никаких пленных.

После ухода турок методы борьбы не изменились. Уничтожение, разрушение, изнасилование, грабежи снова продолжались в межплеменных и более поздних междоусобных войнах балканских народов».

Кампания германского вермахта против Югославии предназначалась для военного и политического обеспечения юго-восточного фланга при наступлении на Россию. В конце марта 1941 года дружественное в то время Германии югославское правительство Цветковича при принце-регенте Павле Югославском присоединилось к возглавляемому Германией пакту трех держав, то есть стало союзником германского рейха. Через два дня офицеры ВВС, возглавляемые просоветским генералом Симовичем, устроили путч и свергли дружественное немцам правительство в Белграде.

Шестого апреля немецкие бомбардировщики бомбили Белград, немецкие войска начали наступление.

Уже 10 апреля было образовано государство Хорватия. Его возглавил доктор Анте Павелич. Он опирался на вооруженные части, так называемых усташей. Семнадцатого апреля, на тринадцатый день войны, югославская армия капитулировала. Формально война была закончена. Но в действительности она только разгоралась.

Уже через три месяца после капитуляции на историческую сцену вышел до сих пор неизвестный коммунист и начал свою войну с Германией из лесов Сербии. Вождь партизан Тито. Его война была герильей, партизанской борьбой чистой воды. Ее лучшее оружие — внезапность, ее фронт — засада, ее стратегия — уничтожение врага. Возродились старые методы турецких войн: войн без пощады и прощения.

Немцы перед лицом войны с мелкими отрядами оказались почти беспомощны. Партизаны, часто воевавшие в гражданской одежде и никогда не носившие оружия открыто, постоянно нападали из засад. Они приходили из кустарников, из лесов, с гор. Они уродовали, калечили и убивали беспощадно.

В сентябре 1941 года по дороге из Белграда в Крагуевац шли пять грузовиков вермахта. В их кузовах — больные и раненые. Колонну охраняли солдаты. У поворота на Крагуевац водители были вынуждены снизить скорость. Из кустов раздались выстрелы, пули попали в машины, в колеса. Четыре грузовика умчались на полном ходу. Солдаты сопровождения окопались за поврежденной машиной. Партизаны оставались в укрытии и продолжали стрелять. Немцы были вынуждены сдать. Двадцать одного оставшегося в живых партизаны взяли в плен и увели в горы. Несколько дней они надеялись выбраться оттуда живыми.

Потом холодным осенним утром командир партизанского отряда приказал пленным: «Ройте себе могилу». Пленные начали ко-

вырять лопатами каменистую землю. Партизаны курили и поторавливали. Могила готова. Солнце стоит высоко. Немцы должны были раздеться и встать на край ямы.

Один из немецких солдат прыгнул и побежал, потом снова прыгнул и побежал дальше, прыгнул в кусты, скрылся за ветками и листвой. Ударили выстрелы, но в него не попали. Он слышал ружейные залпы, под которыми погибли его товарищи. Этот солдат выбрался оттуда и доложил об их смерти от рук партизан.

Второго октября 1941 года командир роты, лейтенант, хауптфельдфебель и 42 солдата сели в Белграде на три грузовика и два юбелявагена. В то утро эта команда направлялась в горы с особым заданием: солдаты должны были найти товарищей, на которых напали партизаны и похитили их. Одним из солдат поисковой группы был Иоганн Керблер из 521-го разведывательного полка. Иоганн Керблер — единственный, кто вернулся из этого поиска.

Машины немцев ехали по пыльной дороге, добрались до города Тойола и по серпантину начали подниматься в гору. Водители часто переключали передачи, моторы ревели. По левую руку солдаты видели желто-зеленые заросли кукурузы на поле, идущем под уклон, по правую — кусты и лес.

Солдаты следили из машин за лесом и кукурузным полем. Тень? Движение? Человек? Партизан? Прошел полдень, солнце стало ниже. Машины ехали дальше. Потом раздался выстрел, единственный выстрел. Над кукурузным полем одно мгновение было видно облачко дыма. Колонна проехала дальше.

А потом начался бой. Иоганн Керблер вспоминал о том, что происходило: «Внезапно с обеих сторон дороги был открыт огонь из тяжелых пулеметов и винтовок. Наш водитель дернул машину и въехал в придорожную канаву. Рядом со мной упал товарищ, сраженный винтовочной пулей».

Немецкие солдаты попрыгали из машин, срывали с плеч карабины и автоматы, стреляли по скрывающимся партизанам. Они отстреливались до последнего патрона, как рассказывал Иоганн Керблер. Четырнадцать оставшихся в живых сдались.

Они сдались на смерть. Люди Тито подвели их к ручью. Пленным приказали сесть на берег. На противоположном берегу партизаны поставили два пулемета. Иоганн Керблер вспоминал: «Стволы были направлены на нас. Поэтому каждый знал, что нас ожидает».

Командир роты, оставшийся после боя в живых, сделал последнюю отчаянную попытку спасти жизни своих солдат. Он предложил партизанам обменять пленных немцев на пленных партизан из расчета 1:10. Один немецкий солдат за десять партизан. Партизанский командир покачал головой и отказался. Командира роты отвели назад к его людям. Когда он сажился среди своих солдат, он сказал: «Оставайтесь спокойными, это скоро пройдет».

О следующих секундах Иоганн Керблер говорил: «В метре от нас они открыли огонь из пулеметов и отрезали нам отход. Я упал на спину. За грохотом пулеметных очередей я слышал крики сраженных товарищей».

Иоганн Керблер выжил, получив три огнестрельных ранения в спину. Он притворился мертвым, когда партизаны переходили от одной жертвы к другой, чтобы добить еще оставшихся в живых пистолетными выстрелами в голову. После этого они оставили мертвых просто лежать. На счастье Иоганна Керблера.

Эти события — примеры из по-настоящему бесконечной цепи жестокого ведения боевых действий на Балканах во время Второй мировой войны.

Немецкое командование пыталось репрессиями подавить акты саботажа и нападений на своих солдат.

Шестнадцатого сентября 1941 года Главное командование вермахта издало приказ, получивший известность как «приказ Кейтеля». Хотя он был направлен против партизан в Советском Союзе, действие его распространялось и на районы Юго-Западной армии. В приказе говорилось: «Чтобы задушить козны в зародыше, при первом же их проявлении незамедлительно принимать самые строгие меры... В качестве возмездия жизнь немецкого солдата в таких случаях должна в общем оцениваться смертью 50—100 коммунистов. Способ исполнения должен еще больше усиливать устрашающее действие».

В 1947—1948 годах 5-й американский военный суд в Нюрнберге проводил судебный процесс по делу командиров немецкой Юго-Восточной армии. Суд победителей установил: «Ясно доказано, что во время оккупации Югославии против оккупационной власти велась партизанская война (герилья). Сущность герильи заключается в том, что после капитуляции главных сил армии, после сдачи правительства и занятия его территории остатки разбитой армии или сами жители продолжают враждебные действия, при этом они беспокоят

врага переменными силами, которые обычно бывают недостаточно крупными, чтобы вступать в открытое сражение. Они находятся более или менее в положении шпионов.

Правила ведения войны допускают использование шпионов. Если шпион попадает в плен, он может тем не менее быть расстрелян, так как ведущий войну вправе защищать себя от серьезной угрозы шпионажа путем действенного устрашающего наказания. Применяющийся здесь принцип относится и к партизанам, которые по закону не считаются участниками военных действий. Точно так же, как шпион может законно действовать в пользу своей страны, а с точки зрения врага может быть признан военным преступником, так и партизаны могут оказывать своей стране большие услуги и даже, если требуется, становиться героями, однако в глазах врага останутся военными преступниками, и с ними будут обходиться соответствующим образом.

Никаким другим способом армия не сможет защитить и сохранить себя от осиных укусов такого вооруженного сопротивления. С другой стороны, участники групп сопротивления должны брать на себя повышенный риск, который представляет этот способ ведения боевых действий...

Рассмотрение находящихся в нашем распоряжении доказательных материалов по этому поводу убедило нас, что допустимо было брать заложников, чтобы обеспечить мирное поведение населения оккупированных областей, и что они в определенных обстоятельствах, если были сделаны необходимые подготовительные шаги, в качестве последнего средства могли быть расстреляны...»

Такое заключение сделали американские судьи по поводу правомерности борьбы с партизанами. Но, как постановил военный суд, немцы в Югославии прибегали к чрезмерной мести: «Чрезмерные репрессии сами могут рассматриваться как преступление, в котором обвиняются лица, ответственные за их допущение...

В этом случае доказательный материал опирался на такой размах смерти и разрушения, который редко кому удалось превзойти в новейшей истории. Тысячи невинных жителей нашли свою гибель от расстрельных команд или от петли палача, людей, которым внутренне присуще такое же стремление к жизни, как и у этих обвиняемых».

Так, в начале октября 1941 года в югославском городе Топола югославами были убиты 22 солдата. Девятого октября немцы приказали расстрелять 2200 коммунистов и евреев — это была месть в соот-

ношении 100:1. 28 октября 1941 года 2200 сербов погибли в отместку за десять убитых и двадцать четыре раненых немецких солдата.

Беспошадная и коварная война на Балканах довела до неистовства и давнюю вражду между сербами, хорватами и албанцами. Усташи фашистского хорватского фюрера Павелича воевали как союзники на стороне немцев, хотя и с благословения политического руководства в Берлине, но вопреки желанию солдат Юго-Восточной армии. Пора мести усташей сербам была ужасна.

Немецкий офицер медицинской службы доктор Хайнц Ройтер в сентябре 1947 года дал такие показания для протокола 5-го американского военного суда: «Отряд усташей напал на деревню и убил всех противников: мужчин, женщин и детей... На колючем кустарнике висела перевернутая колыбель, выпавший из нее ребенок лежал на шипах. Собаки поедали трупы женщины и ребенка».

Весной 1942 года, через много недель после ледохода, сотни трупов югославов плыли вниз по рекам. Мужчины, женщины и дети, расстрелянные, повешенные или заколотые, часто со скрученными руками и связанные попарно.

Доктор Йозев Фессл, командир 703-го моторизованного санитарного транспортного батальона 2-й танковой армии, давал показания о зверствах в первые месяцы войны: «Нападали на свадьбы, связывали всех проволокой, некоторым вешали на шею табличку с надписью: «Счастливого путешествия в Белград», а потом всех вместе бросали в Дунай. Некоторых распинали на кресте и, прибав такую же табличку, бросали в реку».

Партизаны Тито по жестокости не отставали от своих заклятых хорватских врагов. Один из их командиров отпилел ножовкой живому пленному земляку голову. Они разбивали хорватам головы прикладами. Часто они мучили пленных многие часы, прежде чем воткнуть им нож в горло.

Вскоре жестокость обернулась и против немецких солдат, попадавших в руки партизан. Солдаты, которых перестреляли из засады поздним летом 1941 года в горах под Белградом, умерли быстро. Зимой того же года люди Тито, ставшего позже маршалом, уже вешали немецких солдат или забивали их ножами.

Ротмистр Зигфрид Хайденрайх в октябре 1947 года дал под присягой следующие показания: «В середине мая 1943 года партизаны привязали одного немецкого солдата к вертелу и зажаривали его над костром, пока тот не умер».

Майор Петер Зауэрбрух, офицер штаба 2-й танковой армии, дал под присягой следующие показания: «Если подразделения попадали в бандитские засады, то донесения об отрезанных носах, ушах и половых членах у убитых или тяжелораненых солдат, нанесении увечий лежащим на земле раненым ударами ножа в мягкие части или в глаза были почти обычным делом».

Командир роты 72-го егерского полка обер-лейтенант Адольф Шмицхюбш в сентябре 1947 года 5-му американскому военному суду под присягой показал: «Когда я временно исполнял обязанности офицера похоронной команды, я видел по крайней мере 30 трупов немецких солдат, которых, очевидно, перед смертью зверски пытали (отрезали уши, выкалывали глаза, медленно зажаривали до смерти, закапывали живьем, втыкали колья в живот или в задний проход). Каждый пленный и убитый немецкий солдат был ограблен».

Спираль смерти и насилия раскручивалась все быстрее. Немецкие солдаты настолько боялись коварства и зверства партизан, что тысячами подавали рапорта с просьбами отправить их на Восточный фронт, несмотря на то что опасность погибнуть там в бою была намного большей, чем в Югославии.

Три долгих года длилась на Балканах эта война, пока жажда мести и крови не смогла ужасным образом реализоваться. Осенью 1944 года соединения 3-го Украинского фронта Красной Армии вместе с партизанами Тито начали наступление на немецкие позиции под Белградом. Одновременно советские войска и партизаны отрезали пути отхода из Белграда на север.

Немцы оборонялись ожесточенно, буквально до последнего патрона. Ведь они уже во время сражения смогли убедиться, что партизаны перенесли зверства партизанской войны и в открытый бой. 92-я танковая бригада, части 1-й горнострелковой дивизии войск СС «Принц Ойген» и дивизии «Бранденбург» со своих позиций южнее Белграда отходили к столице. Унтер-офицер Отто Литц из 92-й танковой бригады увидел двадцать убитых немецких солдат, лежащих на дороге. Они были голые, лежали в ряд. Ни один из двадцати не погиб в бою. Они не были расстреляны. Солдаты сдались, и их забили до смерти. Лица и головы были разбиты.

В течение шести дней немецкие войска оборонялись в югославской столице от наступающих волн Красной Армии и партизан. Двадцатого октября 1944 года сражение было закончено. Началась бойня. 30 000 немецких солдат оказались во власти победителей.

Пленных группами по несколько сотен человек подводили к противотанковым рвам и расстреливали. Наскоро выкопанные братские могилы теми октябрьскими ночами заполнялись трупами. Сотни военнопленных, вышедших с поднятыми руками из подвалов и домов, были убиты сразу на улицах. Связисток сажали на колья.

Около ста пятидесяти военнопленных подвели под глиняный обрыв, под которым взорвали подрывной заряд. Обрушившийся грунт похоронил их заживо.

Только в одном месте Белграда погибли 5000 солдат. На главном вокзале Белграда стоял санитарный поезд, забитый немецкими ранеными. Как рассказывала медицинская сестра, все они погибли под ударами ножей и кинжалов партизан, человек за человеком.

И только русским офицерам удалось наконец прекратить массовое убийство, когда уже были убиты около 30 000 немцев. Русские опасались, что опьяненных кровью партизан нельзя будет подчинить дисциплине для дальнейших боев.

Свидетельства о днях бойни после взятия Белграда поступили в большинстве случаев от югославских жителей столицы. Немецких свидетелей почти нет. Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных с отчаянием констатировала: «О судьбе военнопленных в Белграде сведений нет. Получить их не представляется возможным, так как свидетели расстрелов в большинстве случаев сами пали жертвами этой трагедии».

Научная комиссия пришла к выводу: «Каким бы крупным ни было число немецких военнопленных, расстрелянных в Белграде в октябре 1944 года, решающим в связи с настоящим исследованием является то, что и здесь имело место грубое нарушение Гаагского порядка ведения сухопутной войны и Женевской конвенции о военнопленных, в соответствии с которыми запрещено применять меры возмездия по отношению к военнопленным. Произвольная ликвидация военнопленных в Белграде может представляться как мера возмездия, поскольку судебного расследования с целью выявления возможных военных преступников не проводилось. В соответствии со статьей 2 Женевской конвенции военнопленные находятся под властью государства противника, а не под властью лиц или воинских частей, которые их взяли в плен. Поэтому расстрел военнопленных на месте войсками, которые взяли их в плен, в соответствии с международным правом является запрещенным действием...»

После захвата Белграда советские войска и партизаны продолжили наступление в направлении Далматинского побережья. В кон-

це ноября 1944 года немецкие войска силами двух дивизий вели тяжелые оборонительные бои вокруг города Кмин. Они не смогли удержать город и потеряли почти 5000 человек. Около 2000 из них партизаны увели в лагерь.

Но там у победителей проснулась тяга к убийству. Югославский комендант лагеря приказал отсеять всех больных и раненых, которые не смогут поправиться в течение трех дней. Он сказал, что их на грузовике отвезут в госпиталь в городе Сплит.

Среди больных, которых должны были отправить, был унтер-офицер Йозеф С. из Дорштадта.

Грузовик медленно проехал через лагерные ворота и исчез в ночи. Пленные молчали. Югославские охранники разговаривать не разрешали. Вдруг через несколько километров грузовик свернул с дороги и затрясся по проселку. Больные и раненые стонали от ударов на ухабах. Их охватил страх. Разве эта проселочная дорога ведет в Сплит? Объезд? Пленные смотрели в ночь, пытаясь разглядеть огни вдалеке.

Грузовик остановился. Его фары светили на крутой обрыв ущелья. Югославы погнали пленных ударами прикладов к подножию кручи. Немцы ковыляли, хромали, спотыкались, товарищи поддерживали людей, которые не могли идти сами. Потом они, тесно скупившись, встали в свете фар грузовика. Откуда-то югославы принесли и установили пулеметы, потом открыли огонь по группе пленных.

Унтер-офицер Йозеф С. упал при первых выстрелах. На него падали мертвые товарищи. Он остался невредимым. Йозеф С. слышал, как уехал грузовик. Он ждал. Иногда он слышал, как кто-то рядом стонал. Это был умирающий товарищ. Йозефу С. потребовалось много времени, чтобы выбраться из-под тяжелых мертвых тел. Потом он убежал оттуда и пришел назад в лагерь, «почти сумасшедший» — как сказал немецкий врач, который его осмотрел.

Этот врач был также свидетелем казней немецких военнопленных в одном из югославских лагерей. Он рассказывал об этом научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных: «Выкрикивали имя несчастного, тот отдавал свою столовую посуду другому, выходил вперед. Его спрашивали, что ему больше нравится: крикнуть «Heil Hitler!» или «Heil Moskau!»¹... а потом приканчивали выстрелом в затылок». Далее свидетель рассказывал, как «один итальянец продал лопату и за это был приговорен к расстрелу. Он вы-

¹ Да здравствует Гитлер! Да здравствует Москва! (нем.)

рвался с диким криком и был убит на деревенской улице». Свидетель также утверждал, что именно внушавшее уважение поведение немцев раздражало партизан и подстрекало их к продолжению расстрелов, в то время как ликвидация итальянцев была уже прекращена.

Немцы, павшие на Балканах во время войны, не были последними жертвами югославского мщения. Нет, великие убийства начались только после капитуляции великогерманского рейха.

В начале мая 1945 года главные силы немецкой Юго-Восточной армии после тяжелых арьергардных боев с партизанами Тито и частями болгарской армии в районе Аграма находились всего лишь в 72 часах марша от имперской границы. Отход через Альпы в Австрию и, таким образом, в район, занятый англичанами, казалось, был обеспечен.

Но потом немецкая Юго-Восточная армия перешла под командование группы армий «Е», всего на несколько дней, ставших роковыми.

Генерал-майор Шмидт-Рихберг, начальник штаба группы армий «Е», рассказывал, почему, кроме всего прочего, отступление было замедлено: «С приближением к предгорьям Альп все передвижение должно было осуществляться по редким легкоуязвимым горным дорогам. Они были заняты отходящими тыловыми колоннами, перевозившими всю материальную базу в Штайермарк-Каринтию. Отвод боевых частей и соединений по этим дорогам требовал своевременных указаний и регулирования, чтобы избежать пересечений и заторов, а также планомерного тылового охранения со всех сторон от соседствующего врага».

Все равно группа армий «Е», насчитывавшая почти 200 000 человек, могла спастись. Но потом из-за недомыслия Главного командования вермахта и вероломства партизан она оказалась в смертельной западне.

В районе операции по отходу из района Аграма в северном направлении внезапно был получен приказ Главного командования вермахта всем немецким войскам о безоговорочной капитуляции в ночь с 8 на 9 мая 1945 года.

Генерал-майор Шмидт-Рихберг писал о его последствиях для солдат группы армий «Е»: «Командованию группы армий сразу стало ясно, что ему вряд ли удастся довести за такой краткий срок приказ о капитуляции до всех частей, ведущих арьергардные бои. В лихора-

дочной спешке обдумывались все возможности для спасения войск. В жестокости югославского плена можно было не сомневаться.

Разумеется, группе армий с главными силами нетрудно было пробиться. Но любой бой после 9 мая вел к нарушению остатков порядка. Командование и войска вынужденно стали свободными как птицы. Для командующего и начальника штаба группы армий такая обстановка была вдвойне горькой и мучительной. Главное командование вермахта до последнего момента держалось в курсе хода операции. Оно должно было ясно представлять последствия такого срока капитуляции, установленного для войск на юго-востоке. Осталось непонятно, почему для них во время переговоров с западными державами не были определены особые условия или назначены другие сроки».

Югославы вели переговоры (кажущиеся переговоры) о капитуляции с немецкими войсками, еще не сложившими оружие. Немецкий генерал Герхард Хенке, начальник штаба 11-й воздушно-полевой дивизии, воевавшей в Югославии, рассказывал: «Югославы хотели этими переговорами выиграть время, подтянуть силы, с их помощью отрезать переходы через границу и захватить немецкие войска в плен».

Научная комиссия федерального правительства кратко утверждает: «Ни один из договоров о капитуляции югославы не выполнили».

По крайней мере 175 000 немецких солдат попали в руки партизан Тито.

Победители начали творить суд.

Военнопленных тысячами согнали на луга и площади и приказали им раздеться.

Один из пленных рассказывал: «Очень многие остались без обуви, без рубашки, без куртки и даже без брюк. Я знаю одну медсестру, которая среди солдат шла без юбки, так как ее отобрали. Все личные вещи, как правило, отобрали: часы, авторучки, умывальные принадлежности, бритвенные приборы, расчески, столовые приборы. Даже очки срывали с лица. Некоторые пленные, которые сопротивлялись этому, расплачивались своей жизнью».

Другой военнопленный вспоминает: «Некоторых генералов раздели до кальсон».

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных в связи с ограблением пленных немецких солдат ссылается на Гагские правила ведения войны. В статье 4 говорится: «Все, что принадлежит лично им (пленным), остается их собствен-

ностью, за исключением оружия, лошадей и бумаг военного содержания».

А статья 6 Женевской конвенции гласит: «Все личные вещи и предметы потребления, кроме оружия, лошадей, военного снаряжения и бумаг военного содержания, остаются их собственностью, так же как стальные шлемы и противогазы».

После грабежа пришла смерть. Только за первые 14 дней после капитуляции были расстреляны 1600 солдат из танковой дивизии СС «Принц Ойген». Преступники служили во 2-й бригаде 1-й партизанской армии. 22 мая 1945 года 90 немецких военнопленных были убиты на мосту через Саву в городе Подсусед. Свидетель рассказывал: «За каждым немцем вставал партизан и убивал его выстрелом в затылок. Из офицеров многих немецких частей не выжил ни один. Их отделили от солдат и расстреляли».

Для большей части военнопленных победитель Тито придумал особое обхождение: он хотел всему своему народу продемонстрировать триумф партизан над немецким врагом. Уже через несколько дней после капитуляции по пыльным дорогам Югославии двинулись бесконечные колонны несчастных: немцы начали так называемые марши возмездия.

Их форма была отобрана, большинство пленных офицеров в одних кальсонах, босиком, с мучениями брели десятками тысяч по стране. Больных и здоровых, невредимых и раненых гнали по деревням и городам.

Охранники избивали усталых и изнуренных длинными палками и гнали вперед. Того, кто отставал, пристреливали. Некоторые из этих маршей растянулись на 200, а многие более чем на 800 километров.

Научная комиссия федерального правительства записала показания выжившего: «У обочин дорог слонялись подростки и партизаны. Один или двое вооруженных хватали то одного, то другого немца и грабили его. Отбирали часы, кольца, очки, обувь, мундиры и ранцы. Колонны преследовал трупный запах. Мертвые люди и лошади разлагались на обочине».

Охранники не давали пленным воды. Немецких солдат, вышедших из колонны и просивших пить, расстреливали. Один из выживших рассказывал: «За долгие часы марша многие пленные становились одержимыми. Несмотря на смертельную опасность, то один, то другой подбегали к луже, ручью или поилке для скота. Командир сразу же приказывал открыть огонь или сам твердой рукой укладывал того или другого пленного».

У обочины дороги подолгу сидели на корточках больные поносом. Они не должны были отставать от колонны. Поэтому они были вынуждены, пока живот был в порядке, проходить в голову колонны, чтобы выиграть время на отправление надобности.

Партизаны Тито захватили много женщин: из вспомогательного персонала и сестер милосердия. Их гнали по дорогам вместе с мужчинами.

О событиях двухсоткилометрового марша в Фиуму, которым гнали также многих сестер милосердия и связисток, один из возвратившихся домой пленных рассказывал научной комиссии федерального правительства: «В дороге пленные почти не получали еды. Если солдат или связистка хотели набрать воды из колодца, охранники бросали их в колодец. Женщины были раздеты до нижних рубашек, а на привалах охранники их насиловали. В Белграде солдат и девушек связывали друг с другом по пять и сбрасывали с моста в Дунай».

Один из выживших рассказывал: «Многих врачей, санитаров и солдат, которые хотели помочь упавшим, тоже пристреливали».

И постоянно грабежи: «Пока поезд стоял, снова грабители взялись за работу. Им еще иногда удавалось найти кольца или золотые зубные пломбы, которые они жесточайшим образом вырывали», — рассказывал один из пленных.

Целыми днями югославы морили пленных голодом: на четыре дня на 40 человек приходилась одна буханка хлеба. Если кто-нибудь от бессилия не мог идти, то комиссар доставал пистолет и приканчивал его».

Один из маршей возмездия проходил от Огуречного Поля до Нашице, на расстояние 900 километров. Время движения — двенадцать дней. За день ограбленный, голодный военнопленный должен был пройти 80 километров, 14 часов марша в день, с восхода и до заката солнца. Многим этого не удалось, они падали. Их товарищи слышали грохот выстрелов в конце колонны.

Один немецкий солдат вспоминал: «Во время этого голодного марша были застрелены как минимум 1000 пленных. Каждый, кто оставался лежать, получал выстрел в затылок. Первые три дня не давали ни пить, ни есть. Когда мы проходили мимо водяного насоса, двенадцать человек подошли к нему. Все они были расстреляны охранниками».

Колонна потянулась дальше, и посреди этого шествия несчастных, этого чудовищного карнавала оборванцев, злобы и жажды убийства было необычное явление — высокий мужчина в черной мона-

шеской сутане бенедиктинца, с седыми волосами, обрамляющими благородное лицо, старой солдатской сумкой-сухарницей через плечо. Это был аббат. «Аббат» — звали его пленные в колонне. Охранники обзывали его попом и, издеваясь, били прикладами в поясницу. Он шел в офицерский лагерь Вершец¹, лагерь № 233.

Товарищ по несчастью, офицер одной из пехотных дивизий, который немного говорил по-сербски, рассказывал: «После неудачной попытки побега я снова шел в бесконечной колонне людских останков, бывших когда-то немецкими солдатами. Когда нас погнало дальше, я встал рядом с высоким человеком в орденском облачении бенедиктинцев. Я вопросительно посмотрел на него. То, что в нашем шествии несчастных гнали женщин, я знал. Но монаха? Кем он был? Откуда он взялся?

Это был аббат Адальберт граф фон Найпперг. Он был в югославском плену после поражения 1945 года. Партизаны похитили его, считавшегося по военному праву гражданским, из пограничного района Австрии, а теперь гнали его вместе с бывшими солдатами вермахта «голодным маршем» через половину Югославии.

Мы шли молча рядом. Выдержать — это была единственная мысль, еще остававшаяся в мозгу. Солнце припекало немилосердно. Иногда я озабоченно поглядывал на соседа. Под тяжелой сутаной он должен был изнывать от жары. Его почти белые волосы блестели, поступь была легка, а стан — прямым. Когда мы ночью на коротком привале повалились на дорогу, он попросил у меня кусок веревки. Под рукой я нес остатки одеяла. Я вытащил из него пару шерстяных нитей и протянул ему. Он рассмеялся: «Это, конечно же, абсолютно не подойдет». Он показал на свои ноги под сутаной. У него, как и у всех нас, обуви не было, так как ее у него отобрали. Поэтому он вырвал из рубашки лоскуты и с помощью бечевок примотал их к ногам. Теперь эти «туфли» превратились в тряпки, которые больше не могли защитить ступни. «Нет, больше не держатся. Тогда я тоже пойду босиком!» Босиком по гравию и щебенке.

А потом опять начался опасный для жизни шмон, обыск грабителей. «Adje, Pore, auf!»² Аббат Адальберт поднялся. Перед ним стоял подросток с заряженным пистолетом. «Adje, Цибале!»³ — «Ты же видишь, что у меня больше нет ботинок, как же я тебе их могу отдать?»

¹ Встречаются также другие названия этого города — Вршец и Вршац.

² Давай, поп, вставай! (сербск. и нем.)

³ Давай ботинки! (сербск.)

«Gold, Uhra, schnell, schnell, gib!»¹ Что еще ему от нас надо? Нас обчистили уже до нитки. Подошли еще партизаны. Они с бранью набросились на «попа». Я лежал рядом с ним. Они ударами прикладов подняли нас и поставили друг против друга. Как долго они еще нас обыскивали, как долго они еще нас били, сколько еще времени мы смотрели в стволы их пистолетов и карабинов, нам уже было все равно. За нами кто-то закричал. От нас отстали. Мы упали на землю, зажав уши руками. «Боже мой, — шептал я, — когда же все это кончится?» Наконец все стихло. Партизаны исчезли. Аббат Адальберт подполз к человеку, который кричал, и закрыл его глаза. Когда он снова оказался рядом со мной, губы его беззвучно шевелились, он молился. И он сказал: «И никто не знает, кто он был, никто не скажет его родным, что он больше никогда не вернется домой!»

Потом все продолжилось. Среди них в колонне, ростом выдающийся среди всех, белая голова над черной сутаной, граф Адальберт Найпперг, аббат Нойбурга, священник. Мы еще встретимся с ним.

Научная комиссия федерального правительства пришла к выводу, в чем состоят тяжкие нарушения международного права со стороны Югославии: «Марши возмездия потребовали новых жертв. Страна пребывания военнопленных не может в качестве возможной мотивировки сослаться на статью 7 Женевской конвенции, в которой, в частности, говорится: «Военнопленные должны быть доставлены в возможно короткие сроки после взятия в плен к местам сбора, находящимся на достаточном удалении от районов боевых действий, так, чтобы они находились вне опасности». Опасности больше не было, так как война была закончена. Требовавшиеся скорости маршей также противоречат статье 7, которая в этом отношении предусматривает: «При движении в тыл пешком скорость передвижения, как правило, не должна превышать 20 километров в сутки, если нет необходимости достичь мест с запасами воды и продовольствия, что требует увеличения пройденного пути». Сообщения бывших участников маршей однозначно подтверждают, что мест с запасами воды и продовольствия не только не могли достигнуть, но и не хотели. Поэтому аргумент о необходимости требовать большие скорости марша, чем это допускается международным правом, несостоятелен. Мнение одного из вернувшихся домой о том, что военнопленных необходимо было доставить в глубь страны для «применения в рабочем процессе», само по себе верно, однако оно не объясняет, должно ли

¹ Золото, часы, быстро, быстро, давай! (*искаж. нем.*)

было это осуществляться таким образом. Название «марши возмездия» скорее позволяет сделать заключение, что страна пребывания прежде всего преследовала пропагандистские цели, такие же, как и Советский Союз при проведении известных московского и киевского маршей после разгрома группы армий «Центр» летом 1944 года...

Количество погибших во время «маршей возмездия» военнопленных на основании имеющихся сообщений оценивается почти в 10 000 человек. Часть из них хотя и достигла цели (лагеря), но умерла непосредственно по прибытии в результате истощения на марше, поэтому может быть причислена к жертвам маршей».

Из 175 000 человек группы армий «Е» в югославском плену погибли 80 000 — каждый второй.

Но даже во власти этого беспощадного победителя военнопленные в те дни не теряли надежды на скорое возвращение домой. Один из пленных во время «марша возмездия» 11 июня 1945 года записал: «Некоторые говорят, что нас должны отпустить в период с 8 по 21 июня. Другие, наоборот, утверждают, что нас отпустят с 21 июня по 6 июля. Третьи считают, что мы к 28 июня должны быть на границе. Приметы за приметами! Хоть бы одна из них оправдалась! Но когда-нибудь придет и этот день. Тем прекраснее он будет».

Двадцать пятого июня 1945 года пленный в полной уверенности написал: «Кто уже побывал в этом лагере, можно сказать, имеет в кармане документ об освобождении».

Восьмого августа 1945 года он слышал от врача в лазарете, что через десять дней должен отправиться первый транспорт с немецкими пленными в Германию.

Пленный написал: «Дай бог, чтобы эти слова наконец-то оправдались. Потому что мы теперь здесь не поправимся до тех пор, пока нас снова не накормит мать. Теперь же появились мысли о том, что мы уже в этом месяце будем в Германии».

Пленный умер 29 августа 1945 года за югославской колючей проволокой.

Трагедия Вершеца

«Однажды ночью я услышал первые крики. За свою жизнь я много раз слышал, как люди кричат от боли. Но такого крика, как в ту темную ночь, переходящего в вой, чтобы потом снова зазвучать высоким протяжным тоном, я не слышал никогда. То были систематические

мучения и пытки людей, которые случались в застенках инквизиции, а может быть, и в гитлеровских концлагерях».

Человек, которого разбудил преисполненный муки крик, был генерал вермахта Герхард Хенке, последний командир 11-й воздушно-полевой дивизии. Он рассказывал о событиях 1949 года в югославском плену, в лагере Вершец, почти в 70 километрах восточнее югославской столицы Белград. Через четыре года после окончания войны, в год основания Федеративной Республики Германии, в Вершеце была написана одна из наиболее ужасных глав истории немецких военнопленных.

В Вершец за долгое время, прошедшее с момента окончания войны, начали сгонять более тысячи пленных немецких офицеров в бараки, окруженные колючей проволокой.

Паровозы, которые в январе 1949 года должны были отвезти последних немецких пленных из-под власти Белграда на родину, стояли уже под парами.

Тут вдруг зачитали списки фамилий: «Выйти из строя!» Многие офицеры, упаковавшие свои пожитки, были задержаны. Лейтенант из соединения 91-го армейского корпуса, командир которого, генерал фон Эрдманнсдорф, был убит партизанами Тито при взятии в плен, рассказывал: «Незадолго до отправления последнего поезда из нашего транспорта были вызваны офицеры, которые были исключены из списков репатриантов и снова доставлены в строго охраняемый барачный лагерь». В Вершец, уже с 1945 года пользовавшийся дурной славой, офицерский лагерь для военнопленных № 233. Последние двенадцать сотен и десятки тысяч до них никогда не забудут это место как прихожую преисподней, худший лагерь в истории военнопленных.

Вершец находится на румынско-венгерской границе, на краю Воеводины, прежде немецкого Баната. Здесь в Бачке до Второй мировой войны жили около 450 000 дунайских швабов, которые во время «великого швабского переселения» в XVIII веке переселились в опустошенную и брошенную турками низменную болотистую часть южной Венгрии и превратили ее в аграрный рай. Широкую равнину ограждают отроги Карпат. На Вершецкой горе стоит старая турецкая башня, от нее открывается вид вниз, на Железные Ворота, теснину Дуная между Южными Карпатами и Восточно-Сербскими горами.

У пленных турецкая башня была перед глазами ежедневно. Она была достопримечательностью их ужасного места страданий.

Внешне пользовавшийся дурной славой «233» был таким же лагерем, как и остальные: бараки из досок и гофрированного железа, кухня, санчасть, плац, спортивная площадка. Но под их крышами скрывались и места бесчеловечности и мучений: маленькие одиночные камеры для жертв безудержного насилия. Они были расположены по кругу одного из помещений, прозванного пленными Вершеца «ледяным дворцом». Это было помещение, где немецкие солдаты под пытками кричали от боли, помещение, в котором они умирали от пыток через четыре года после войны.

В этом лагере в январе 1949 года удерживалось более 900 офицеров. Новичкам из Белграда были представлены два человека, которые в следующие месяцы станут для них воплощением зла: комендант лагеря Илия Чрнчевич и политкомиссар Франьё Штейнер. Возраст их был около сорока пяти лет. Оба они служили в партизанской армии Тито.

Среди югославов немецкие офицеры обнаружили других людей, людей в форме вермахта: немецких солдат и даже немецких офицеров, сотрудничавших с югославами, выполнявших работу наемных палачей. Пленные Вершеца научились ненавидеть этих людей.

В лагере Вершец пленные немецкие офицеры сначала не имели никакого представления о том, что югославы от них хотели, зачем их здесь снова заперли в лагерь, в то время как их товарищи отправляются в поездах домой.

Военные преступления? Война на Балканах в действительности была неслыханно жестокой. Столетняя вражда между сербами и хорватами была продолжена пытками и убийствами.

Партизаны Тито из засад нападали на подразделения вермахта. В ответ на диверсии и нападения немецкое командование приказывало брать заложников и устраивать массовые расстрелы.

Офицерам в Вершеце казалось, что немцам за нарушение законов ведения войны уже многократно отомстили: многие высшие немецкие офицеры были югославами уже привлечены к суду и казнены. Офицеры из Вершеца не чувствовали себя виновными за зверства, происходившие в Югославии.

Ничего не подозревая, они тешили себя еще мыслью, что после четырех лет плена можно выдержать и то время, которое им еще предстояло здесь провести. Но более чем для пятидесяти из них лагерь Вершец означал смерть, смерть при ужасных обстоятельствах, а для многих — увечья на всю жизнь.

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных о происходившем в лагере Вершец констатировала: «Если, в случае необходимости, крайние проявления жестокости сразу по окончании войны можно было объяснить опьянением победой, что ни в коем случае не снимает вины за них, то это ни в коем случае нельзя отнести к методичному образу действий югославских органов в Вершеце в 1949 году, особенно к допускаявшимся там изощренным пыткам и вызванным ими случаям смерти. Это тем более нельзя отнести к вершецким событиям, так как югославская сторона через четыре года после войны имела возможность оказывать влияние на все инстанции, отвечающие за военнопленных, в целях соблюдения ими статей 60—67 Женевского соглашения о военнопленных 1929 года...

Уже те обстоятельства, при которых еще до начала Вершецкого процесса три привлеченных к нему лица из пленных были убиты, свидетельствуют об обострении ситуации, истоки которой следует искать не в последнюю очередь в отношении югославского правительства к вопросу о военнопленных...»

Сначала многие офицеры были отправлены в соседний лагерь Потпорань. Там югославы использовали их труд на строительстве канала. Питание было плохим, работа — тяжелой. Один из офицеров, побывавших в Потпорани, сообщил научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных: «Требовалось углубить ложе канала и вывозить тачками жидкую грязь за 100—150 метров в сторону. Норма составляла три кубометра в день на человека... Один нагружал тачки, двое их отвозили. 30 тачек считались за один кубометр. Девять умножить на тридцать — составляет 270 тачек, разделить на два — составляет 135 тачек на человека в день. Если принять в расчет еще и расстояние только в 100 метров, то каждый в день проходил 27 километров».

Распорядок дня в лагере принудительных работ в Потпорани, как его описывал один из возвратившихся оттуда научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных, был таким: «Подъем в четыре утра. В пять — выход из лагеря. В шесть часов начало работы, до захода солнца, без еды, на невыносимой жаре при постоянном понукании со стороны охранников». Инструменты состояли из погнутых жестяных совковых лопат, поломанных штыковых лопат, нескольких кирок.

Последствия рабского труда: руки в кровавых мозолях, боли в мышцах рук, спины и живота. Ноги, заляпанные грязью, распухшие ступни, покрытые язвами. Испепеляюще жарило солнце, кожа слезала клочьями. То тут, то там падали пленные. К ним тут же подходил охранник и безжалостно их поднимал: «Встать! Встать! Работать! Работать!»

Паек — два раза в день суп, четыре куска хлеба. Один из переживших это рассказывал: «Голод приводил людей в отчаяние. На зеленые початки кукурузы и тыквы с окрестных полей они набрасывались, как волки. Но горе тому, кто при этом попадался. Таких охранники избивали до полусмерти. Часто избитые теряли трудоспособность на много дней».

Больные получали полпайка. Половину от почти ничего. Один из выживших рассказывал: «Многие превращались в скелеты. Утром на нарах оставались лежать умершие от общего ослабления».

Некоторые пытались бежать. Офицер Элиас был среди бела дня убит выстрелом в голову. Австрийский офицер из германского вермахта по фамилии Валетиш отошел на десять метров от своего рабочего места. Охранник выстрелил ему в лицо. Офицер умер.

Научная комиссия до мельчайших подробностей осветила события в лагерях Вершец и Потпорань, посвятив им отдельный том своего 22-томного исследования истории немецких военнопленных Второй мировой войны. Там говорится о цели рабского труда удерживаемых пленных офицеров: «Их сопротивление перед допросами должно было быть полностью сломлено. Они должны были наконец «сознаться» в совершении военных преступлений».

Именно этого югославы хотели добиться от немецких лейтенантов, капитанов, полковников и генералов — признания в том, что они в Югославии убивали, сжигали и насиловали. Из более тысячи офицеров в лагере Вершец летом 1949 года партизанам удалось вытянуть признания в более жестоких преступлениях.

Среди них был капитан 41-й пехотной дивизии генерал-майора Вольфганга Хаузера. В лагере Вершец он проводил дни и ночи на голом полу угольной ямы. Руки его были связаны, запястья гноились. Однажды охранники достали его из угольной ямы, поставили перед югославским следователем, партизанским старшим лейтенантом.

Допрос начался с двух ударов кулаком в лицо. Югослав спросил немца, хочет ли он сознаться. Тот ответил, что не совершал военных преступлений.

Капитан рассказывал: «Мне привязали веревку к ногам и швырнули меня на пол, продели ее через связанные за спиной руки и затащили, били по коленям дубовой палкой, ногами, прикладами».

Ночью капитану удалось перерезать веревки на руках. В углу камеры он нашел кусок бинта, сделал петлю, привязал один ее конец к крюку электрического освещения, накинул петлю себе на шею, встал на ведро для воды. Капитан и его товарищи-пленные молились: «Отче наш, иже еси на небесех...» Потом измученный пытками вытолкнул ведро из-под себя.

Самоубийство не удалось, бинт оборвался. Но пытки не прекращались. Офицеров снова избивали толстой дубовой палкой. Допрашивающий хватал связанного за куртку и бил его головой об стену. Потом он заставил пленного вытирать штукатурку, упавшую со стены, и кровь, натекающую из его ран.

Несчастный еще раз попытался избежать мучений. В камере он взял гвоздь и вскрыл им вену. Но сердце билось слишком слабо, кровь из вены вытекала чересчур медленно. Попытка бежать к смерти снова была открыта.

В конце концов капитан подписал протокол о своих преступлениях, якобы имевших место: расстреле 22 гражданских лиц и грабеже крестьянских дворов.

Обер-лейтенант жандармерии сознался в расстреле 32 югославов. Он согласился после избиений и угрозы югославских следователей: «У тебя есть только два выхода: или подписать, или сдохнуть».

Обер-лейтенант был полуголым и связанным заперт в подземной камере. Он испугался: «В соседнем помещении я услышал рычание животного и крики страха». Пленный обер-лейтенант придвинулся к дощатой стене, посмотрел в щель между досками и увидел одного из своих товарищей. Тот ползал на руках и коленях по полу туда и сюда и при этом в полном отчаянии кричал: «Да, да! Я все подпишу. Оставьте меня в покое или убейте». Ужасными были те минуты, когда солдаты шли из землянки в землянку, чтобы избивать и мучить свои жертвы.

Один майор из «Плавы дивизии», немецко-хорватского соединения, личный состав которой на восемьдесят процентов состоял из хорватов, сознался в том, что убил 120 женщин и детей, а маленьких детей бросал в огонь.

Два солдата в Вершеце избивали его дубинками. Наручниками были сдавлены руки. Охранники били его ногами в живот. По ночам переводчик-немец ему нашептывал: «Скажи, что ты убивал женщин и детей, иначе они забьют тебя до смерти, как и других до тебя».

Югославам было недостаточно признания в зверских убийствах. Они продолжали бить его дальше по голым пяткам. Майор кричал от боли, что он участвовал в изнасилованиях, грабежах, поджогах. После этого югославы бить его перестали. Сняли с него наручники, разрешили сесть на стул. «Тут я заметил, что ударом ноги в лицо у меня выбит резец из верхней челюсти», — вспоминал он.

Ни один пункт из его признаний не проверялся. Он выдумывал названия якобы сожженных деревень, которых и в помине не было. Он называл имена якобы убитых людей, которые были его личными друзьями. Югославов это не волновало. У них было признание и подпись. Этого было достаточно.

Капитан резерва, указанный в сообщении научной комиссии как Э.Д., 13 октября 1949 года в Вершеце стоял перед немцем Хайнцем Н., который его допрашивал. Капитан отрицал, что когда-либо и где-либо участвовал в военных преступлениях.

Допрашивающий отвел связанного офицера в «ледяной дворец». Там он увидел попавшего вместе с ним в плен подполковника Георга: «Руки Георга были связаны за спиной и веревкой, перекинутой через балку, были настолько высоко подтянуты вверх, что его тело наклонилось далеко вперед».

На полу помещения лежал немецкий майор Даль, связанный по рукам и ногам. Югославский офицер капля за каплей из фляги с высоты груди лил воду в глаза и уши пленного. Немецкий майор стонал и хрипел.

Немецкий наемный палач Н. подвел капитана резерва Э.Д. под балку, затянул петлю на запястьях пленного, перекинул веревку через балку и потянул офицера вверх настолько, что он при наклоненном вперед туловище носками ног еще доставал землю. Н. сказал своей жертве: «У вас полчаса времени, чтобы вспомнить о своих военных преступлениях. По крайней мере четыре-шесть случаев». Потом он ушел.

Капитан Э.Д. рассказывал: «Когда Н. пришел приблизительно через двадцать минут, я выдумал четыре преступления, в которых в общей сложности убил 17 югославов».

Хватило ли этого? Нет, не хватило. Югославы потребовали от немца сознаться, что он убил в общей сложности тридцать шесть югославов.

Допрос, при всей его жестокости, временами доходил до гротеска. Капитан Э.Д. описывает, что было в конце допроса: «Переводчик должен был сосчитать общее количество жертв, якобы убитых мною. «Еще один случай!» — приказал югославский допрашивающий. После того как я наконец и о нем рассказал, он остался доволен результатом своего допроса и сложил свои бумаги».

Пленный С.Ш. при первом допросе отказался сознаться. За это ему наручниками сковали руки за спиной. Его притащили в камеру, где он должен был стоять. Там не было ни стула, ни нар, ни параша. Как ему приходилось есть? «Миска с едой стояла на полу посреди дерьма. Я опустился на колени, взял миску зубами, так чтобы жидкость стекла мне в рот».

Пленный днем и ночью слышал крики своих товарищей. От наручников затекли руки, распухли и превратились в шары. Но он все равно не хотел сознаваться. Тогда югославы привязали веревку к его запястьям и потянули. От ужасной боли жертва потеряла сознание. После этого он сознался в убийстве более пятидесяти югославских мужчин, женщин и детей. В награду за признание он получил шесть сигарет.

Обер-лейтенант охранной полиции Ф.А. сознался в Вершеце, что он собственноручно застрелил 1200 человек, главным образом женщин и детей. Он сознался в этом после того, как ему сигаретой прижигали лицо.

Позже в югославской тюрьме обер-лейтенант Ф.А. узнал причину пыток, которым через четыре года после войны подвергли немецких офицеров. Теперь она рассматривается как доказанная правда: «Нужны были ответственные за убийства югославских партизан, совершенные ими во время и после войны, так как уже после войны были убиты 100 000 так называемых коллаборационистов и известных в Югославии людей».

Эти преступления должны были скрыть протоколами со своими признаниями осужденные немецкие военнопленные.

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных в своем сообщении пришла к такому же заключению: «Белград хотел привести доказательства, что во всем, что во время войны было уничтожено в Югославии — человеческие жизни и материальные ценности, виновен только германский вермахт, и толь-

ко один он. Поэтому Германия теперь должна за это выплачивать репарации. Более того, кровавые преступления, к которым привела борьба между отдельными народами Югославии, нужно было свалить на немцев, чтобы не отягощать вновь созданное многонациональное государство Югославию наследием мести и ненависти этнических групп».

Далее в сообщении научной комиссии говорится о мотивах югославского правительства: «По утверждениям югославской стороны, между 1941 и 1945 годами погибли около 1,7 миллиона югославских граждан. Их гибель отнесена на счет немецких оккупантов, причем в Вершеце использовалась простая формула, в соответствии с которой каждый немецкий офицер проводил расстрелы или отдавал о них приказы.

Но, поскольку процессы в Вершеце оказались бесплодными, так как выносимые на них приговоры еще не вскрывали причин смерти такого большого количества людей, югославы встали перед дилеммой. В течение нескольких лет они прибегали к пропаганде вымышленных или действительных преступлений немцев. Результат имевших до сих пор место военных судебных процессов был несопоставим с этой пропагандой. Поэтому в Вершеце было необходимо добиться закрытия имеющихся брешей. С этой целью было предпринято выбивание признаний, которые по содержанию были распределены в соответствии с воинскими званиями и должностями обвиняемых...»

Югославские подручные палачей в лагере Вершец должны были выполнить твердые нормы, и они выполняли их неумолимо. Чем больше было число убитых в признательных показаниях, вырванных ими из пленного немецкого офицера, тем легче было отрицать зверства, которые по окончании войны югославы устраивали по отношению друг к другу. И чем больше увеличивалось число якобы убитых немцами, тем справедливее должны были казаться требования, предъявляемые Югославией к Федеративной Республике Германии.

Намерение сделать немецкую армию, воевавшую в Югославии, виновной в массовых убийствах, расстрелах заложников, изнасилованиях и других позорных преступлениях, было основано на простом и убедительном расчете: немногим более тысячи немецких офицеров были заключены в бараках Вершеца. На них должна была лечь вина за миллион смертей. Итак, чем выше ранг удерживаемого в Вершеце немецкого офицера, тем в большем количестве преступлений он должен был сознаться.

Бывший комендант авиационной базы в Аграме узнал в Вершеце расчет югославов при первом допросе: «А ты, майор, ты расстрелял двести!» Майор отрицал участие в каком-либо расстреле. Допрашивающий взял толстую палку и ударил немца. Удары посыпались один за другим. Допрашивающий орал: «Ты, майор, сколько расстрелял, ты, майор, расстрелял двести!»

Офицера связали проволокой и толкнули в угол помещения. Потом пришел подручный палача, развязал его, начал бить по ногам, вдел ему кольцо в нос. Майор должен был танцевать, как цирковой медведь, и при этом петь песню «Хорст Вессель». Майора били тяжелой палкой по пяткам. Ступни ног распухли. После этого его снова заставили танцевать. Югославы бросили связанному кусок хлеба. Он съел хлеб, как собака, с пола.

На третий день пыток сопротивление офицера было сломлено. Допрашивающий пришел и издевательски спросил: «Ну, майор, сколько?» Правда, майор не признал требовавшихся двухсот, а только двадцать девять убийств, он, командир подразделения, которое никогда не участвовало ни в одной карательной акции против югославов.

Из штабс-фельдфебеля Р.Й., командира взвода 1218-го «желудочного» батальона (то есть части, в которой были собраны солдаты, страдающие желудочными заболеваниями), югославы выбили признание, что он застрелил семь гражданских жителей. Семь — это почти соответствовало их расчету для немецкого военнослужащего его чина. Они подвешивали фельдфебеля на руках к балке, били его в лицо, грудь, в живот снова и снова. Они отобрали у него маленькую фотографию его жены, которую ему удалось прятать при всех обысках, и сказали ему: «Эту стерву вы больше никогда не увидите».

Обер-лейтенант австрийского батальона ландшуца от удара ногой потерял зубы и, связанный по рукам и ногам, услышал от коменданта: «Ты, немецкая свинья, ты слохнешь. Тысячу триста ваших мы задержали. Простой расчет. Наши жертвы поделить на тысячу триста вас. Ты, собака, был обер-лейтенантом, на тебя приходится 95 убитых. Они на твоей совести. Как только ты их признаешь, ты покинешь это место».

Один лейтенант в Вершеце три раза переживал пытку на скамье: «Руки были связаны за спиной, а связанные ноги сзади подтянуты и привязаны к рукам. В таком положении меня положили лицом вниз на четыре ножки перевернутой скамейки. А после этого меня начали бить по пяткам палкой толщиной четыре-пять сантиметров и били до тех пор, пока я не признался в том, что совершал преступления».

Лейтенант признался в расстреле 31 югослава, про это он сказал: «Само собой разумеется, что все преступления, в которых я сознался, были мною выдуманы. Очные ставки ни со свидетелями обвинения, ни со свидетелями защиты не проводились, так же как, разумеется, и то, что никто не взял на себя труд проверить истинность признаний».

Югославы не заботились о подлинности, им нужны были признания, которые они смогли бы правдоподобно представить в национальной пропаганде и на международных переговорах. Штабс-интендант¹ из 41-й пехотной дивизии кричал под пытками в Вершеце: «Я застрелил сто человек!» Он лежал навзничь на скамейке, югослав бил его сапогами в живот. Допрашивающий заявил, что сто — слишком круглое число. Он потребовал от немца назвать другое число убитых им людей. Штабс-интендант сообщил научной комиссии: «Потом мы сошлись с ним на цифре 12 или 13.

Кроме того, я должен был сразу же придумать историю, как и где эти люди были убиты. Так как перед отступлением из Югославии я несколько недель находился в деревне Мирковичи и знал, что там ничего подобного не происходило, дал показания, что приказал солдатам из отдела продовольственного обеспечения дивизии провести реквизиции у крестьян в этой деревне, а возможное сопротивление подавить силой оружия. В этих обстоятельствах якобы были убиты десять крестьян, при другой реквизиции — двое или трое. Естественно, все это было неправдой. Допрашивавший офицер сказал мне после того, как я подписал протокол, что он спросит коменданта лагеря, достаточно ли ему будет этих показаний или нужно будет, чтобы я еще заявил, что собственноручно расстреливал людей. На следующий день он мне объявил, что я должен был еще и собственноручно расстреливать людей».

Такого признания штабс-интендант делать не захотел.

Допрашивающий офицер потащил немца в «ледяной дворец». Там на балках висели пытаемые офицеры. Допрашивающий пригрозил, что штабс-интендант через десять минут тоже будет висеть там. Тогда немецкий офицер подписал дополнительное признание, что сам застрелил двух или трех югославов. В тот момент, когда штабс-интендант ставил свое имя под протоколом, «из-за перегородки рядом с комнатой для допросов допрашивающим был выпущен бывший немецкий офицер, по-видимому, уже сошедший с ума, и по приказу югославов представлял дикие танцы».

¹ Штабс-интендант — звание интендантской службы в вермахте, соответствующее капитану.

Пленные офицеры в лагере Вершец лежали в камерах без света. Со страхом прислушивались они к ночным шумам. Время от времени слышались тяжелые шаги. Команды избиения делали свои обходы. Они избивали беззащитных.

Некоторые в эти ночи были избиты до состояния калек, некоторые были сломлены уже от одних криков пытаемых товарищей. Обер-лейтенант из 21-го горнострелкового корпуса генерала Людвига, убитого югославами, сознался в 58 выдуманных расстрелах. Перед этим в помещении лагеря он видел, как одного из его товарищей пытали особенно мерзким образом.

Обер-лейтенант рассказывал научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных: «Мы должны были смотреть, как одному из наших товарищей, который должен был раздеться, бечевкой привязали ведро к мошонке и допрашивающий стал бросать в ведро камни один за другим. Через минуту несчастный был готов дать все требуемые от него показания, и его освободили от ведра».

Обер-лейтенант назвал дни пыток в Вершеце самым ужасным временем своей жизни: «Они оставляют все тяжкие переживания военного времени далеко в тени... Мы часами слышали шум избиений, часто издевательский смех допрашивающих, громкие, становящиеся все громче стоны, хрипы, а потом снова громкие стоны товарищей, подвергаемых ужасным болям при пытках».

Югославы и их немецкие помощники выбивали из офицеров, прибывших в Югославию непосредственно перед капитуляцией, иногда за несколько дней, признания в массовых расстрелах, которые якобы происходили за несколько месяцев до их прибытия.

Мучения в Вершеце заставили декана, профессора Вальтера, главного католического священника действовавшей на территории Югославии группы армий «Е», сознаться в том, что он изнасиловал большое число женщин, а одну из изнасилованных им женщин утопил в реке.

Через ад Вершеца прошли немецкие офицеры без различия чинов и имен. Генерал Герхард Хенке издал об издевательствах, которым его подвергали в лагере Вершец, объемный доклад, озаглавленный «Югославская авантюра».

В нем он описывает пытки, которым его подвергали: «Мне туго связали руки за спиной и зверским тоном приказали лечь животом на стол. Один из допрашивавших дернул меня за предплечье к столу. Я сильно ударился правым коленом о край стола. Мне связали щико-

лотки веревкой, подтянули ноги к спине и туго привязали сзади к рукам. Затем протянули веревку вокруг шеи и где-то за спиной ее привязали. Теперь, как живую упаковку, они бросили меня со стола на пол. Я сильно ударился грудной клеткой, коленями и подбородком. Полуоглушенный, я слышал, как мои мучители что-то обсуждают по-сербски. Я ждал первых ударов. Но они придумали другую подлость. Они перевернули скамейку и положили меня грудью и животом на ее четыре ножки. Моя голова свешивалась вниз. Потом двое начали непрерывно изо всей силы бить меня дубинками по спине и по ногам. Резкая боль от левой ноги прошла по всему телу. Ножки скамейки тоже впивались в тело при каждом ударе по пояснице.

Кричал ли я или стонал — не знаю. Последующие удары я чувствовал все более глухо. Потом я потерял сознание».

Немецкий лагерный врач доктор Рост осмотрел генерала Хенке и сделал заключение: перелом левой ноги, перелом или вывих правой ноги, сильное сотрясение мозга, перелом ребер внизу слева, ушиб почек, нерегулярные и слабые тона сердца.

Доктор Иоахим Рост предупредил генерала: следующей пытки он может не перенести. Через два дня генерала Хенке снова притащили в комнату для допросов. Югославский офицер взял в руки палку от метлы. Генерал Герхард Хенке сознался: «А потом я диктовал через переводчика по карте Югославии мои военные преступления с целью придать им как можно больше неправдоподобности. Я приказал расстрелять более 2000 мужчин и женщин, реквизировать несколько тысяч голов крупного рогатого скота, овец, свиней, разрушить и сжечь полностью или частично многочисленные населенные пункты. И именно там, где это исключалось и каждый полицейский или прокурор мог сразу же убедиться в обратном».

Югославы настолько были удовлетворены той охотой, с которой генерал давал признательные показания, что выделили ему дополнительный паек: колбасу, сыр, масло и хлеб.

У генерала Хенке и его товарищей в Вершеце было только две возможности: или сознаться в преступлениях, которые они не совершали, или быть забитыми насмерть, как это случилось более чем с пятьюдесятью немецкими офицерами.

В начале августа 1949 года в Вершеце капитан Отто Хинко из Циттау (Саксония) был замучен до смерти. Хинко сказал одному из своих товарищей: «Ойген, мне конец. Следователь Пфайффер сказал мне, что такая нацистская собака, как я, не должна больше видеть

родину...» «На следующий день Хинко с плачем попрощался со мной и просил передать привет семье». Десятого или одиннадцатого августа капитан Отто Хинко умер.

Так же, как и он, погибли полковник Петцольд из Дрездена и обер-лейтенант Мартин Шпеер из Корнталья в Вюртемберге. Один из пленных сообщил о смерти доктора Шпеера: «Он из своих христианских убеждений продолжал отказываться признать, что совершал выдуманные зверства. За это его, как рассказывали свидетели, били так много и он так долго был подвешен за руки, пока не умер». Немец Н., палач, работавший на югославов, был при том, когда Мартина Шпеера замучили до смерти.

В августе 1949 года погиб капитан доктор Ханс Фёнер, по гражданской профессии дипломированный агроном из Бадена. Пленный офицер, сидевший в соседней камере, видел и слышал, как Фёнера избивали палками и ногами: «Фёнер молился и взывал к богу, вид его был ужасен. Правая половина лица была покрыта запекшейся кровью, в его взгляде читались страх, разочарование, отчаяние». Югославы пытали доктора Ханса Фёнера три ночи подряд. На четвертую ночь они пришли снова.

Товарищ Фёнера был свидетелем того, что произошло: «Он снова воззвал к богу. Два югослава схватили Фёнера, руки которого были связаны, и растянули над койкой: связанные руки привязали к передним ножкам, а ноги — к задним, передняя часть тела была повернута к полу. Потом один за другим они стали прыгать ему на спину».

Майор полиции Курт Даль из Восточной Пруссии умер после того, как целый день был подвешен головой вниз.

Убитых на веревке выволакивали из их камер и закапывали в неизвестном месте.

Генерал Герхард Кюне, командир гамбургской 22-й пехотной дивизии, был застрелен в своей камере охранником через открытое окно. Когда генерал Хенке, немецкий старший лагеря, сообщил югославскому лагерному начальству по поводу убийства, комендант ответил: «Вы должны расценивать военный плен как продолжение войны, а смерть вашего товарища воспринимать в том же смысле».

Кюне унесли на куске брезента. Никто не мог принять участие в его погребении.

В Вершеце также погиб человек, оказывавший помощь измученным пытками и болью: лагерный врач доктор Иоахим Рост. Доктор Рост осматривал почти всех подвергнутых пыткам в Вершеце и

видел всех убитых в лагере. Югославы осенью 1949 года пообещали лагерному врачу, что в ближайшие дни он поедет домой.

Но подполковник медицинской службы доктор Иоахим Рост не верил людям, мучившим и убивавшим его товарищей. Доктор Рост сказал одному из пленных: «Бертель, передавай привет родине, я ее уже никогда не увижу, потому что я слишком много видел и знаю об этих людишках слишком много».

Югославские власти в декабре 1949 года по окончании допросов в Вершеце отправили его отцу извещение, в котором говорится, что доктор Рост умер от дизентерии. Сестра доктора Роста Доротей написала авторам этой книги письмо, в котором сообщила: «Я знаю, что в одну из ночей 1949 года сербы убили моего брата выстрелом в затылок».

Должен был умереть и евангелический епископ Брауншвейга Хельмут Йонзен, так как югославы опасались возвращения этого церковнослужителя в Германию. Слишком много этот с любой точки зрения справедливый и верующий человек повидал в Вершеце.

Епископ Йонзен был одним из примечательных личностей в югославских лагерях. Он попал в плен как капитан резерва и в лагерях занимался деятельностью евангелического пастора. Его службы многим пленным придавали волю к жизни. Цикл его лекций «Философские характерные главы», которые он читал в импровизированном лагерном университете, не знали отбоя от слушателей до тех пор, пока югославы не запретили ему лекционную и духовную деятельность.

Антифашисты отнесли его к разряду клерикал-фашистов. Йонзена вывезли из Вершеца и доставили в лагерь Зренянин. Здесь 17 августа 1947 года он был ликвидирован.

В сообщении научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных (том I/1) собраны исследования о его смерти: «До сих пор (до 17 августа 1947 года) было обычным, что определенная команда военнопленных ежедневно чистила уборные и ночью вывозила фекалии. Вдруг приказ был изменен, а именно в том, что один из пленных по очереди должен в этом участвовать. Так подошла очередь епископа Йонзена. Были направлены, соответственно, три человека: двое должны были вычерпывать, а один запрягать лошадь и в сопровождении одного или двух часовых ехать на поле. Так как Йонзен ничего не понимал в лошадях, он договорился со своими товарищами, что будет вычерпывать. Они об этом доложи-

ли часовому, но в этот момент подошел надзиратель, и ему переводчик Метц из югославских немцев дал знак, показывая на Йонзена, и сказал: «Это он!» После этого надзиратель бросил Йонзену: «Ты поедешь!» Йонзен снова объяснил, что он ничего в лошадях не понимает, но это ему не помогло; оба югославских часовых даже сами запрягли лошадь. Оба товарища по фамилии Валлис и Шуберт, которые тогда остались вычерпывать, не видели, чтобы Йонзен на повозке выезжал из лагеря, и придерживаются мнения, что его убили сразу на конюшне. Ночью после этого его вещи забрали из барака и была какая-то суматоха среди югославских солдат. На следующее утро лагерный комендант официально объявил, что Йонзен застрелен при попытке к бегству».

Епископ, декан теологии Хельмут Йонзен на конюшне в одном из стойл был сбит на землю и застрелен из винтовки выстрелом в голову.

Должен был умереть и освещавший всех и вся человек из югославских лагерей для военнопленных — Карл граф Адальберт фон Найпперг, аббат. Этот католический священник в сутане бенедиктинского ордена относился к тем самым выдающимся с духовной и человеческой точки зрения людям, которые когда-либо жили и действовали в современном лагерном мире военнопленных. В Вершеце и Зренянине он обеспечивал измученным и бесправным людям за колючей проволокой духовную поддержку и давал им ту помощь, вытекающую из веры в бога, самодисциплины и самоотверженности, которая вдохнула жизнь во многих отчаявшихся. Поэтому в лагере Вершец он был светлым образчиком христианской любви к ближнему, действительной гуманности в ужасных условиях.

Режим Вершеца этого человека не переносил. Он приказал убить его. Сообщение о его жизни и смерти является протоколом святого мученичества XX столетия.

«Карл граф Адальберт фон Найпперг родился 31 марта 1890 года в Меране; убит в Вершеце 23 декабря 1948 года. *Victima caritatis*»¹ — выбито на памятной доске в аббатской церкви Нойбурга.

Если какой-либо человек и заслужил прославления и почитания в темные времена как пример христианской добродетели и веры, то это он, утешитель и мученик, аббат Вершеца и Зренянина.

Этот человек католического ордена, с 1929 по 1934 год аббат монастыря в Нойбурге, первого бенедиктинского монастыря в Баден-

¹ Жертва добродетели (*лат.*).

ской области неподалеку от Гейдельберга. Потом он был монахом и духовником молодежи в Зекау в Штайермарке, после присоединения Австрии к рейху продолжал свою деятельность в югославском Виндиш-Файстрице в южном Штайермарке, где жил его двоюродный брат граф Фердинанд фон Атенс.

Здесь он стал духовником для немецкоговорящего населения, и его мечтой было открыть в Банате филиал своего ордена и при полном отсутствии школ для детей создать возможности для обучения немецкоговорящих родителей. Его планы не были выполнены, им помешали политические условия.

Немецкая оккупация Югославии поставила аббата Адальберта перед новой проблемой. Словенские священники из Виндиш-Файстрица были арестованы или высланы из страны. Аббат Адальберт остался теперь единственным священником в области, где раньше было пять приходов. Всю войну он усердно работал как священник-регент и обслуживал также немецких военнослужащих как военный и городской духовник. При этом он всегда ходил в черной сутане. С упорством и верой он выступал против часто недружелюбных, а порой и враждебных немецких оккупационных властей, полиции и представителей партии. Что это была за работа, явствует из письма графа Найпперга от ноября 1944 года: «К сожалению, в службах участвуют немногие офицеры, а иногда и не участвуют совсем. Но они не препятствуют своим людям и мне, что уже ценно само по себе. — И в надежде он добавляет: — Мы в божьем отечестве; эта мысль — сила и утешение нам, на все воля его».

На все воля его!

Когда начались бомбардировки, он выучился на санитаря, и вскоре его видели ухаживающим за жертвами бомбардировок в промышленных районах своего прихода.

А когда приблизилась немецкая капитуляция и русские стали наседать, он присоединился к великому исходу военных и гражданских в северо-западном направлении, в сторону австрийской границы.

Недалеко от границы колонну сначала разоружили партизаны, а потом взяли в плен болгарские войска. Болгары были не слишком строги со своими пленными, большая часть немецких офицеров и солдат смогла бежать. Когда болгарский полковник увидел аббата в сутане рядом с раненым, он спросил его: «Вы — поп?» — «Да», — ответил Найпперг. Тут болгарин закричал на него на смеси болгарского и немецкого: «Уходи, вон отсюда, бежать!» Найпперг медлил. «А что будет с солдатами, ранеными и больными?» — спросил он. «Их по-

гонят в Боснию. Пешком», — ответил болгарин. Граф Найпперг сказал: «Тогда я останусь с ними, потому что у них больше нет ни врача, ни священника». Болгарин пожал плечами: «Тогда вы — военнопленный, как и все остальные». А после краткой паузы: «И даже офицер!»

Так бенедиктинский монах, аббат Нойбурга, стал военнопленным и офицером германского вермахта по приказу болгарского командира. Необычная, единственная в своем роде судьба человека во Второй мировой войне.

Первой остановкой был лазарет в Тезене — залы бывшего немецкого авиационного завода.

Граф Найпперг стал начальником лазарета, лагерным священником и духовником в одном лице. Врачей сначала не было, только пара санитаров на полтысячи раненых и больных пленных. Пропитание состояло из одной буханки хлеба в день на 16 человек и поллитра жидкого супа на человека в день.

Потом лазарет был направлен в восьмикилометровый пеший марш в Марбург на Драве, в пользовавшийся дурной славой Народником. Легкораненые и нетяжелые больные несли носилки с тяжело ранеными. В колонне была видна статная фигура графа в черной сутане, с рукояткой носилок на плече молча он шел маршем несчастных.

И здесь аббат был в центре духовной и организационной работы. Он добился для себя разрешения на выход в город и просил у населения продукты питания для голодающих раненых. «Аббат», — говорили раненые, когда он приходил. «Аббат», — говорили марбургцы, когда он со своей старой солдатской сумкой для сухарей, наполненной поданным хлебом или картофелем, проходил по улицам.

Неизвестно, какой югославской командной инстанции в Марбурге не понравился пользовавшийся большой симпатией аббат, в любом случае однажды его затолкнули в колонну, и с ней он пошел бесконечным путем на современную Голгофу в офицерский лагерь № 233 в Вершец.

Надо делать различие между более поздним лагерем для допросов Вершец, который начал свою печальную деятельность в конце 1948 года, и офицерским лагерем в том же районе, созданным сразу же в 1945 году.

В июле и августе 1945 года туда прибыли после голодных маршей немецкие и австрийские офицеры, некоторые из них прошли более тысячи километров — через Словению, Хорватию, Сербию до

сербского Баната в Вершец, единственный офицерский лагерь, куда были доставлены офицеры, отделенные от своих частей и подразделений вермахта.

Сообщение Эрхарда Фогеля из Санкт-Георгена дает обзор истории зловещего лагеря 233.

Колонна Фогеля пришла в Вершец после пешего марша протяженностью более 600 километров. В день они проходили по 25—35 километров. Их разместили в старых гаражах для грузовых машин. Не было ни нар, ни соломы, ни скамеек, ни столов, спали на голом полу. Фогель рассказывал: «За короткое время смертность стала такой высокой, что ежедневно многих мертвых товарищей, раздетых догола, приходилось на самодельных тележках вывозить для погребения. В один из дней было 32 умерших. Долгий голодный марш сломил силу к сопротивлению у многих товарищей. Часто по утрам мы обнаруживали мертвых товарищей, лежащих среди нас. Немецкие врачи из-за отсутствия медикаментов в 1945 году были совершенно беспомощны. Похоронных церемоний не проводилось.

Естественные надобности отправляли на открытом воздухе в балке над вырытыми ямами.

Поздней осенью рабочими командами был разобран большой гараж, и из полученных материалов в гаражах напротив были построены нары и глинобитные перегородки на половину высоты помещения между ротами пленных. Крыши этих гаражей были дырявые, над нарами повсюду висели деревянные, картонные или жестяные посуды для сбора воды. При дожде на бетонном полу образовывались огромные лужи.

Питьевую воду в лагерь привозили в огромных винных бочках на тачках из города Вершец до тех пор, пока наконец в 1946 году рабочая команда не выкопала колодец. Несмотря на это, в день на человека выдавался всего один литр воды. Только осенью 1946 года на нарах появилась подстилка из соломы. После того как мы победили блох, по ночам нас стали одолевать клопы. Поэтому время от времени нары приходилось разбирать, выносить во двор, каждую доску обжигать на огне, а потом собирать нары снова. С июля 1945 года по лето 1946 года лагерь был так называемым «немым лагерем». Почтовой связи не было. Между двумя большими залами в 1946 году была вырыта большая яма для уборной, перекрыта досками и оборудовано восемь рядов отхожих мест. От этого вскоре в залах завелись крысы.

До Рождества 1946 года количество пленных снизилось с трех до двух тысяч только в связи со смертностью. В качестве причины смерти обычно регистрировали дизентерию.

Несмотря на все неудобства, в 1946 году были основаны лагерный университет, хор и любительский театр, который до конца 1948 года простыми средствами ставил великолепные постановки.

Осенью 1948 года началась репатриация. Всего около 1000 товарищей были отпущены на родину. Но уже к началу 1949 года эта акция считалась завершенной. В конце января все оставшиеся офицеры (около 1200) были объявлены находящимися под следствием. Был создан следственный лагерь Вершец, оборудованный в соответствии со своим «назначением».

В течение одно- или многонедельного времени допросов в одиночных камерах (1 на 1,5 метра) мучительно связанные существовали только «подследственные заключенные», из которых средневековыми способами выбивали «признания», чтобы потом осудить. Многих приговорили к смерти. Большинство — к лишению свободы с принудительными работами на срок до 25 лет. Для более чем 80 товарищей допросы закончились смертью под пытками, самоубийством или смертью от истощения».

Последствия мучений лагерной жизни сказались и на состоянии здоровья аббата Адальберта фон Найпперга. Болезнь легких, дизентерия, тяжелое заболевание сердца привели к тому, что в конце 1946 года он слег в лазарет. К этому времени относится место из его письма восьмидесятилетней матери: «...сердцем переносу себя на родину, в монастырь, к семье».

Лечащий немецкий врач написал в сообщении: «Мы пытались настоять перед югославами на его репатриации. Когда он об этом узнал, то потребовал от меня не предпринимать никаких дальнейших шагов. «Моя задача состоит в том, чтобы оставаться здесь и помогать», — твердо сказал он.

Своей матери он писал двумя неделями позже, 15 сентября 1946 года:

«С каким удовольствием я бы сейчас вернулся домой, ты не можешь себе представить. Но я также знаю, что ты поймешь и одобришь мою точку зрения: я не уйду отсюда до тех пор, пока здесь не будет другого священника. Хотя смертность по сравнению с прошлым годом, слава богу, существенно снизилась, но с нашими 800 койками у нас достаточно много тяжелобольных, с которыми я должен быть

здесь. По новому распоряжению, правда, я могу посещать больных, только когда меня вызывают, а кроме того, каждую третью субботу, где в указанном отделении проводится святая месса, но, кроме того, я должен по воскресеньям проводить службу в каждом из двух отделений».

В начале ноября граф Найпперг снова был доставлен в лагерь Вершец. Один из офицеров евангелического вероисповедания писал в своем письме: «Бенедиктинский аббат граф Адальберт фон Найпперг, который в конце лета прошлого года покинул Вершец и с того времени провел трудные месяцы в лазарете для военнопленных в Нови Врбасе, снова в лагере. Мы радуемся, хотя знаем, что на этот раз его пребывание в Вершеце долго не продлится. Знаем, что не пройдет и недели, как он должен будет направиться в направлении Зренянина, чтобы там выживать в лагере строгого режима вместе с другими прихожанами, штаб-офицерами и так называемыми военными преступниками в стонущей от издевательств закрытости. Мы знаем также, что наш великий аббат, который видит главную цель своей жизни на задворках Восточного полушария, с охотой, с очень большой охотой отправляется в Зренянин».

И он прибыл в Зренянин — филиал Вершеца. К девяностолетию своей матери он написал письмо, которое принадлежит к классике мученичества: «Один из нас, у кого нет дома жены и ребенка, который благодаря своей вере за всем этим все же видит если не смысл, то веру и который повсюду, где он находится, может действовать как священник и умеет связаться с Христом, все же переносит все намного легче, чем многие другие. Я, правда, не хочу этим сказать, что и я не насытился «до отвала» пленом и часовыми, пленом и неуверенностью и не жду со страстным желанием свободы. Но мои желания все же спокойнее и миролюбивее, чем у многих товарищей по плену. А сознание единения во Христе через молитвенник (что я, слава богу, могу молиться) и святую мессу (которую я, правда, читаю сам почти каждые шесть недель, в то время как в другие воскресенья хожу к святому сообществу) благодаря богу настолько живо во мне и помогает мне также многое преодолевать. Я достаточно занят с рабочими группами (я сам веду одну — по католическому взгляду на брак и вторую — только для духовных лиц, о нашем сотрудничестве в духовном возрождении нашего народа), чтения, молитвенник и так далее, и день проходит очень быстро... Церковью нам служит чердак, сейчас там холоднее, но мы и этому рады!»

Путь графа Найпперга еще пару раз приводил его в Вершец, потом опять в лазарет, потом снова в Вершец. Его высокую фигуру в черной сутане видели повсюду в несчастных местах Баната, «партизанского комиссариата»: слегка покрасневшее от болезни худое лицо, волосы, ставшие белоснежными, твердая походка. Среди ругательств надзирателей, солдат охраны из партизанских полков и функционеров антифашистской школы появились два новых оскорбления, несшиеся ему вслед и запущенные вокруг него в обращение. Одно было — «клерикал-фашист», так как к тому времени за него вступился Ватикан, и второе — «шпион», так как он из Швейцарии получал религиозные брошюрки, которые раздавал, распределял и дарил, а также потому, что до лагеря добралось письмо французского аббата. Это называлось «связью с капиталистической границей» и приравнивалось к шпионажу.

Для графа Найпперга это было серьезно. Если бы этому человеку с его реноме удалось выбраться в свободный западный мир, если бы он рассказал...

11 октября 1948 года он писал в Нойбург: «При всем скепсисе в слишком больших ожиданиях я все же надеюсь на мою репатриацию в декабре, если она произойдет раньше (я нахожусь среди 20 самых старых и неработоспособных, и они должны учитывать это!) — tant mieux¹, — а если позже, то это тоже меня не беспокоит! Но чем скорее, тем лучше, уже по воле моей доброй матушки, для которой каждый день земной жизни уже есть особая милость! И потом я могу сказать, что мое стремление через десять лет наконец снова прийти в монастырь, к хору, келье и братскому обществу с каждым разом нарастает... Я полностью использую свою «дозволу» — разрешение на выход... Вчера я впервые побывал в большой католической церкви на службе — свободно присутствовать на святой мессе в настоящей церкви после более чем трех лет «импровизированной церкви» особенно хорошо».

Дозвола — разрешение на выход, да, комендант лагеря Вершец внезапно предложил ее ему. И аббат теперь мог без конвоя в определенные часы выходить в город Вершец. Без конвоя — какой-то пессимист среди пленных сказал, что это значит и без охраны, и без ответственности для коменданта. Потому что уже не составляло никакой тайны то, что аббат находился в «черном списке» с тех пор, как

¹ Тем лучше (фр.).

комиссия по допросам с угрозой предупредила его, что он использует свои христианские чтения для подрыва коммунистического учения.

Его лекции были запрещены. Его философский кружок — тоже. У него отобрали чашу для мессы и заявили, что он ее украл. Он мог проводить только церковные службы, но уже не на открытом воздухе, а лишь в бараках. Но аббат не терял присутствия духа.

Приведем цитату из сообщения одного из офицеров: «Чтобы быть с нами вместе во всех обстоятельствах лагерной жизни, аббат Адальберт записался рабочим на стадион. Этот объект на восточной окраине города был по приказу югославов спроектирован немецкими пленными и строился нашим лагерем вручную. «Югославский культурный центр Вершец» в результате этого получил дешевое сооружение, рассчитанное на 40 000 зрителей. Граф фон Найпперг каждое утро становился вместе с нами в строй и шел по улицам через весь город на строительную площадку. Скоро он стал для югославского населения пугающе заметной фигурой. Вместе с нами он грузил тачки и так же, как и всякий другой, должен был выполнять дневную норму. По вечерам он проходил по лагерю несколько шагов до «красивой перспективы» и читал свои молитвы. Когда я еще приходил к нему после того, как темнело, бывало, он, переутомленный непривычным трудом, лежал с закрытыми глазами в вытянутой прямой позе на нарах, подчиняясь закону готовности, который мы могли лишь смутно себе представлять. В своих морщинистых руках он сжимал крест. Тогда я садился рядом с ним, так, чтобы ему не мешать, листал книги и журналы, лежавшие у него, и замечал, как от него исходил покой, снимавший все мои отчаянные вопросы и мысли».

Другой офицер вспоминал: «Когда он шел по улицам старого города, дети спешили к нему и целовали его руки, люди, сохранившие в стране Тито верность своей вере, здоровались с ним и приглашали в свои дома. У него была покоряющая власть тех, кто в боге. Для нас, кто не выходил из лагеря, всегда было событием послушать, как аббат рассказывал о своих выходах в город. Он никогда не возвращался с пустыми руками. Для больных он приносил лечебные травы, волочил в лагерь фляги с молоком, просил у крестьян жир, чтобы по возвращении отдать его товарищам. Он даже был готов взять с собой пленного из лагеря, который хотел исповедаться ему без свидетелей. Он был нам отцом и даже больше того. Все мы были свидетелями того, что как-то раз сказал умирающий, когда аббат держал его руку: «Теперь ОН рядом». Наши глаза спрашивали: «Кто?» Но наши сердца знали ответ: бог. В нечеловеческих условиях нашего существова-

ния он вносил достоинство человека, бывшего вместе с нами и рядом с сердцем божьим».

Двадцать третьего декабря 1948 года, накануне Рождества, графа Найпперга вызвали в югославский штаб, расположенный в городе.

Он как раз хотел идти в город, чтобы купить запланированные подарки к Рождеству. На улице ему передал приказ какой-то комиссар. Свидетелей этого не было, но граф Найпперг случайно повстречал немецкого лагерного старосту и не без волнения рассказал ему о приказе.

Мы приводим цитату из сообщения аббата Альберта Ольмайера, опубликованного после тщательно проведенного расследования: «Утром 23 декабря он предупредил своих товарищей, что пойдет в город за рождественскими покупками. Многие товарищи дали ему деньги, чтобы он для них что-нибудь купил. Для религиозного празднования Рождества, особенно сочельника, он уже все подготовил со своими товарищами по несчастью, а во второй половине дня договорился обо всем с протестантским лагерным священником. Он заверил, что вернется к 12 часам. Но когда он не возвратился в указанное время, товарищи не без причины начали волноваться. Около семнадцати часов они сообщили немецкому лагерному руководству о его отсутствии, вызывающем беспокойство. Староста лагеря в ответ заявил: «Я думаю, что аббат в югославском штабе. Сегодня утром я встретил его в городе, и он мне сказал, что на улице встретил комиссара, который по поручению коменданта приказал ему отправиться в югославский штаб. Поэтому отнесите еду и одеяло аббата в штаб».

Лагерный староста опасался, что графа Найпперга по какой-нибудь причине посадили в карцер, чтобы не дать ему провести рождественскую проповедь. Но посыльный вернулся с одеялом и едой назад и сообщил, что в штабе ему сказали, что аббата там нет. Ему заявили, что если аббат не найдется, то, вероятно, он использовал свободный выход для тайного побега». Началась поспешная деятельность комиссаров и охраны. Поводом был побег. Искали сообщников.

На Рождество всех пленных, друживших с «беглецом», посадили в одиночки. Его нищенское имущество было изъято. Наконец по разным каналам, через часовых, служащих лагерной комендатуры, просочилась «новость»: аббата при побеге застрелила пограничная охрана.

Однако потом все же выяснилась правда, жестокая, чудовищная правда.

Под кучей сушеного кукурузного силоса свинопас нашел труп раздетого мужчины. То ли его, как говорили, откопало стадо свиней, то ли свинопас каким-то другим образом наткнулся на него, осталось неясным. В любом случае неопознанный труп был отправлен в морг. И там работник кладбища его опознал. Молниеносно это известие распространилось по городу, так что многие горожане, среди которых был один ремесленник, работавший в лагере, поспешили в морг и тоже опознали покойного, пока власти не забрали тело и не заявили, что это венгр, который по пьяному делу получил удар ножом и умер.

Но все свидетели его опознали: мертвым был аббат граф Найперг. Он лежал голый с перерезанным горлом на деревянной решетке. Ногти с больших пальцев ног были сорваны. Тело покрыто черными пятнами, которые могли быть вызваны тяжелыми побоями, — жертва ненависти *Victima Caritatis*.

Могильщик вершецкого кладбища, почитавший аббата, сохранил труп от потери: в одной из семейных гробниц он раздвинул гробы и поставил среди них гроб с телом аббата. Маленьким черным деревянным крестом он пометил перед большим фамильным надгробным камнем семейства Марк место упокоения вершецкого мученика.

Никто не знает точного количества немецких офицеров, которые через четыре года после войны погибли от нечеловеческих мучений в лагере для военнопленных 233. В сообщении научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных говорится: «Сколько военнопленных погибли непосредственно при пытках или позже от их последствий во время отбывания заключения, с точностью сказать невозможно. Наиболее часто называемые возвратившимися на родину числа колеблются от пятидесяти до шестидесяти смертельных случаев. Это незнание является, во-первых, результатом того факта, что обстоятельства, при которых разыгрывались события, не позволяли пленным видеть общую картину происходившего; во-вторых, вершецкий лагерный врач, подполковник медицинской службы невропатолог доктор Иоахим Рост, лечивший подвергавшихся пыткам пленных и имевший возможность регистрировать отдельные случаи смерти, по его собственным высказываниям, при пленных, вынужден был в отдельных случаях скрывать действительные причины смерти... В ряде случаев между тем возможно совершенно точно доказать, что смерть военнопленных была непосредственным следствием пыток».

Зимой 1949 года в Вершеце военный суд начал процессы против немецких офицеров, которых в лагере подвергали пыткам и вынуждали признать свою вину. Это был двенадцатый процесс, который югославы устраивали против пленных офицеров германского вермахта.

Еще в 1946 году белградский военный суд приговорил 21 обвиняемого немецкого офицера к смертной казни через расстрел и 11 пленных к пожизненным каторжным работам. В 1947 году командующий войсками на юго-востоке генерал-полковник Александер Лёр после процесса был поставлен перед стволами винтовок расстрельной команды.

Шесть других высших офицеров вермахта — два генерал-майора, три генерал-лейтенанта и полковник — были повешены.

Разбирательства в Вершеце характеризовались особой краткостью и упрощенным вынесением приговоров. Они, по словам офицеров из вершецкого лагеря, были утверждены заранее.

Суд состоял из трех военнослужащих: капитана, лейтенанта и фельдфебеля. Общественность в зал не допускалась.

Во время проведения военного суда в Вершеце пленные офицеры открыли признаки того, что за пытками и процессом действует неумолимая сила: «антифашистские комитеты», сокращенно называвшиеся «антифа».

Они возникали повсюду в лагерях для военнопленных на восточных театрах военных действий. В Югославии и Советском Союзе члены «антифа» работали в тесном сотрудничестве с властями государств-победителей. Во главе коммунистической группы антифашистского комитета в югославских лагерях для военнопленных стоял немецкий майор Генерального штаба Хайнц Майнеке-Кляйнт.

Немецкие антифашисты годами следили за офицерами, сидевшими вместе с ними за колючей проволокой, и подготовили на каждого политическую характеристику.

Одним из сообщников югославам в Вершеце, немецким солдатом Георгом Вюпукелем, было составлено точное описание акций антифашистского комитета против пленных немецких офицеров в Югославии. Он рассказывал: «Если руководитель антифашистского комитета характеризовал соответствующего военнопленного как активного члена антифашистского комитета и оценивал его поведение в коммунистическом духе как хорошее, то в биографии этого военнопленного ставили крестик в первом квадрате. Если военноплен-

ный время от времени принимал участие в работе антифашистского комитета, крестик ставили во втором квадрате. Если военнопленный характеризовался как неопределенный, то есть не противник антифашистов, но и не сторонник фашистов, крестик заносился в третий квадрат. В случае, если пленный не принимал участия ни в антифашистских собраниях, ни в учебе, крестиком отмечался четвертый квадрат. Если пленный характеризовался как фашист с явными реакционными настроениями, то крестик оказывался в пятом квадрате».

Эти два пересекающихся штриха в четырехугольнике, поставленных анонимным членом антифашистского комитета, немцем, оказывались решающими для освобождения из плена или обречения на пытки, для жизни или смерти.

В Вершеце заметки антифашистского комитета стали важной основой для приговоров немецким офицерам. На одного из офицеров в пыточном лагере Вершец антифашистский комитет составил сопроводительную записку, в которой говорилось: «Х.Р. — помещик до мозга костей и скрытый нацист. Тип такого человека, как он, на родине нежелателен».

Бывший майор резерва сообщал научной комиссии: «Когда проходил процесс, на котором меня приговорили к смертной казни через расстрел, я стоял так близко перед столом судьи, что мне без труда удалось прочесть подпись под моей политической характеристикой. Она была на меня составлена и подписана председателем антифашистского комитета. Его фамилия была Майнеке-Кляйнт. Смысл заключения, данного на меня председателем «антифа», в общих чертах был следующий: неисправимый милитарист и при этом сторонник гитлеровского режима, в связи с общей политической опасностью, которую представляет, не может проживать среди людей в течение не менее двадцати лет».

Вершецкие судьи, имея перед собой протоколы с выбитыми признаниями и записки антифашистского комитета, не утруждали себя допросом или судебным следствием. Разбирательство длилось в отдельных случаях всего пять минут. После этого выносился приговор: 17 лет принудительных работ, 20 лет принудительных работ или же смертная казнь.

Генерал Герхард Хенке в начале декабря 1949 года был приговорен военным судом в Вершеце после судебного разбирательства, не длившегося и пятнадцати минут, к смертной казни. Такой же приговор получили немецкие генералы Хюльфинг и Бляйер.

И даже после того, как немецким офицерам были вынесены смертные приговоры, многих из них продолжали подвергать издевательствам. Один майор рассказывал о первых днях после осуждения: «Мы должны были заниматься строевыми приемами в длинном подвале, и при этом нас били палками и ногами. Особенно плохо пришлось мне, когда охранник приказал мне бить одного из товарищей по лицу и плевать в него. За то, что я отказался это сделать, охранники ужасно избили нас обоих».

После этого осужденных офицеров в вагонах для перевозки скота отправили в тюрьму. Многие военнопленные были связаны друг с другом проволокой, колючей проволокой, наручниками. Снова издевательства со стороны югославских охранников. Они заставляли пленных петь песню «О добром товарище», которая должна была заглушать крики пытаемых. Офицеров в тюрьме Сремска Митровица заперли в неотопливаемые камеры: в зиму 1949/50 года многие пленные отморозили руки и ноги. Один из них рассказывал: «От холода защищала только короткая куртка с подкладкой или старая шинель. Одеяло надо было иметь самим. День и ночь все окна оставались открытыми».

Питание: 200 граммов кукурузного хлеба. На завтрак, обед и ужин по пол-литра водянистого супа с перловкой и макаронами. По воскресеньям давали еще раз суп. Немцам угрожала голодная смерть. Один из пленных рассказывал: «Товарищ Штайдле, по сравнению со всеми нами более слабый, попросил, чтобы его записали в санчасть. Ему сказали, что и там его будут кормить так же и прибавки пайка он все равно не получит». Фердинанд Штайдле умер в тюрьме в феврале 1951 года.

Пленные офицеры подвергались в тюрьме издевательствам и произволу: «В течение дня нельзя было накрываться одеялами, а кроме того, можно было сидеть только на переднем крае соломенного матраса. Сначала нельзя было громко разговаривать. Если кто-нибудь попадался, то должен был часами натирать до блеска паркет или пару часов неподвижно стоять». Часто по ничтожным поводам пленных запирали в тюремном подвале, «где, тесно скученные в маленьких камерах, они без одеял лежали на каменном полу».

Один из осужденных офицеров вспоминал: «При принятии пищи или кофе под посудой нужно было держать картонку, чтобы ни капли не упало на паркет. Горе, если это хоть раз случалось. За это полагалось семь суток подвала».

Генерал Хенке рассказывал: «Мы лежали, как селедки в бочке, головой к ногам соседа. Цементный пол был покрыт мешками с соломой, которые кишели блохами. Товарищи выглядели пугающе серыми и исхудавшими. Один из тюремных начальников, упрямый грубый мужлан, взял себе в привычку избивать нас каждый вечер, когда для опроса проходил по камерам. Это было время нашего самого глубокого унижения. Мы были свободными людьми, для которых право больше не существовало, а в качестве избавления от всего предстояла лишь смерть».

После декабрьских судов 1949 года югославы начали приводить в исполнение вынесенные ими смертные приговоры, основанные на признаниях, сделанных в Вершеце. Из тюремных камер отобрали австрийских офицеров, служивших в вермахте. Их расстреляли поблизости от свинарника и закопали прямо на месте казни.

Но тут произошло то, на что югославы не рассчитывали. 27 января 1950 года федеральный канцлер доктор Конрад Аденауэр с трибуны немецкого бундестага заявил: «Особенно потрясающими являются последние новости о судьбе военнопленных, удерживаемых в Югославии под предлогом расследований военных преступлений... Позвольте мне, — продолжал канцлер, — обратиться со словами ко всей мировой общественности: здесь речь идет о таких действиях и преступлениях против человечности, что это должно вызвать возмущение общественности всего мира».

И в этой краткой речи канцлер дал югославам понять, что молодая Федеративная Республика Германия не ограничится лишь словами. Он сказал депутатам бундестага: «Вы поймете, уважаемые дамы и господа, что эти действия не будут способствовать тому, чтобы мы заключили торговый договор с Югославией». Однако государство Тито задумалось об экономических преимуществах такого торгового договора. Югославы хотели продать людей за машины, потребовать от Бонна обязательств по репарациям. От Австрии же правительство в Белграде ничего не ожидало.

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных так писала о последствиях, которые оказал такой поворот дел для пленных: «Может быть, этим объясняется то, что смертные приговоры австрийцам были приведены в исполнение, тогда как немецкие смертники были помилованы лишением свободы, а затем наконец репатриированы».

Один из осужденных немецких офицеров рассказывал о влиянии обращения Конрада Аденауэра на происходившее в югослав-

ских тюрьмах: «Речь федерального канцлера впервые дала нам луч надежды... В середине февраля 1950 года в супах вдруг стали появляться твердые составляющие. Проявились намерения, что с нами в некоторой мере будут обходиться корректно».

Постепенно улучшились условия содержания осужденных офицеров в камерах. А потом в тюрьме появился югослав, о котором у подвергнутых пыткам немцев остались ужасные воспоминания: Франц Штейнер, комиссар из Вершеца. На этот раз он приходил, чтобы объявлять о помилованиях и организовывать возвращение офицеров в Германию. В действительности прошло еще более трех лет, прежде чем последний из вершецких офицеров покинул тюрьму. Приговоренные к смерти немцы тоже смогли вернуться на родину.

Научная комиссия признала: «Югославия хотела составить «Белую книгу», чтобы убедить великие державы в обоснованности своих претензий на репарации от Германии, хотя до этого не показывала никаких признаков причиненного ей вреда...

Офицеры из Вершеца были амнистированы, поскольку Федеративная Республика Германия заключила с Югославией торговый договор... так что смерть узников Вершеца от пыток стала еще более бессмысленной».

Генерал Герхард Хенке писал о своем возвращении на родину: «Пришел великий момент, когда мы проехали восьмикилометровый туннель Караванкен через югославно-австрийскую границу. Мой друг Кальтенеггер, репатриированный за два месяца до меня, написал в письме, спрятанном в консервной банке, что эта граница проходит по туннелю в его самой высокой части. Пока колеса на подъеме, вращаясь в замедленном темпе, пели «Югославия», все еще что-то могло случиться, но, когда они перешли на ускоренный ритм «Австрия», граница была пройдена. И это было именно так».

Трагедия Вершеца нашла свое завершение в Федеративной Республике Германии. Партизаны Тито отпустили в Германию не только жертвы пыток, но и немецких прислужников палачей. Над мучителями своих товарищей по Вершецу был устроен процесс.

О мотивах, двигавших немецкими допрашивающими, работавшими на югославов, в докладе научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных говорится: «В этой смеси принуждения, интриг, слабости характера, трагического конфликта и опьянения властью в качестве компенсации комплекса ненави-

сти отражается та же ситуация, которую можно наблюдать и в других восточных государствах пребывания: «выполнение нормы» при «выявлении» «военных преступников». Между тем Вершец был единственным местом, где немцы пытали немцев. В завершение нельзя также здесь отрицать влияния балканских методов борьбы в соединении с идеологическим тщеславием».

Против Ханса Дитриха Талларека, майора, командира батальона 104-й егерской дивизии, кавалера Железного креста I класса, Пехотного штурмового знака, Серебряного знака за ранения, давал показания капитан, подвергавшийся пыткам в Вершеце: «Талларек бил меня руками по лицу десять-двадцать раз. Талларек бил меня дубинкой из акации толщиной с палку от метлы, попал по голове. Талларек на веревке, привязанной к рукам, подтягивал меня к балке».

Таможенный чиновник, которого пытали в Вершеце: «Талларек бил меня палкой по спине семьдесят-восемьдесят раз куда попадет. Потом он бил меня пятнадцать-двадцать раз по лицу, так, что меня бросало в разные стороны».

В свое оправдание Талларек заявил немецкому суду, что югославы пытками довели его до того, что он согласился на них работать: «Меня подвесили за ноги лицом к стене, а потом били солдатскими ремнями». Пытки продолжались много дней. Потом майор Талларек сдался. Он заявил, что готов делать с югославами общее дело из страха перед дальнейшими мучениями.

Большое судебное присутствие по уголовным делам земельного суда в Вуппертале, принимая во внимание смягчающие обстоятельства, приговорило майора Ханса Дитриха Талларека в 1957 году к шести месяцам тюрьмы.

Против Пауля Вильде, обер-лейтенанта 1232-го гренадерского полка 41-й пехотной дивизии, давал показания подвергавшийся в Вершеце пыткам роттенфюрер СС¹, которого пытали в Вершеце: «Мне принесли кофе. Я не мог его выпить, потому что руки у меня были связаны. Когда пришел Вильде, я сказал ему, что очень хочу пить. Он выплеснул кофе на пол. Он ударил меня в лицо рукой. Потом бил кулаками куда придется».

Подвергавшийся в Вершеце пыткам полицейский вахмистр: «Вильде связал мне руки и ноги вместе за спиной. В таком положении

¹ Роттенфюрер СС — воинский чин в войсках СС, соответствовал обер-ефрейтору в вермахте.

я оставался четырнадцать часов. Руки под веревками затекли. Вильде бил меня деревянным брусом по всему телу, от головы до ног».

В оправдание обер-лейтенант Пауль Вильде рассказал немецкому суду, какими средствами югославы довели его до того, что он стал пытать своих бывших товарищей: «Югославы бросили меня, связанного, в бункер. Десять или двенадцать дней они не давали мне пить. Я слизывал кристаллы льда с железных стен бункера. В этой ситуации мне больше не оставалось ничего другого, как дать югославам замучить меня до смерти, повесить или попытаться договориться с ними».

Потом снова югославские солдаты пришли в бункер, избивали Пауля Вильде руками и ногами. Обер-лейтенант сказал об этом моменте так: «Сил у меня больше не было!» Он обязался работать на югославов.

Большое судебное присутствие по уголовным делам земельного суда в Билефельде в 1955 году приговорило Пауля Вильде к четырем годам тюрьмы.

Против Хайнриха Пфайффера, бывшего во время войны фельдфебелем 373-й пехотной дивизии, давал показания лейтенант, подвергавшийся пыткам в Вершеце: «Пфайффер бил меня палкой по рукам и бедрам. Он подвешивал меня за руки к балке и бил палкой тридцать-сорок раз». Капитан: «Пфайффер постоянно бил меня деревянным брусом».

Третий офицер: «Он бил меня дубинкой по обнаженному заднему месту, постоянно пытаюсь попасть в область почек». Полицейский: «Он бил меня палкой по всему телу, а потом взял кожаный ремень и продолжал бить меня им. Когда я кричал от боли, Пфайффер заткнул мне в рот грязную тряпку и сказал: «Если ты ее выплюнешь, я тебя убью!»

Хайнрих Пфайффер тоже заявил суду, что югославы угрозами принудили его работать на них допрашивающим. По словам Пфайффера, югославский офицер сказал ему: «Во время войны ты был кровавой собакой, за твои преступления предусмотрена смертная казнь, которой ты сможешь избежать только своей работой».

Мюнхенский суд присяжных приговорил Хайнриха Пфайффера в 1954 году к восьми годам тюрьмы.

Против доктора Хайнриха Денглера, лейтенанта резерва и офицера Абвера при военно-экономическом батальоне «Хорватия», давал показания подвергавшийся в Вершеце пыткам офицер: «Денглер бил меня кулаками и ногами. Денглер и Пфайффер так сильно за-

тягивали проволоку на руках и ногах, что при этом останавливалась кровь».

Унтербрандмейстер¹: «Денглер много раз подвешивал меня на стальном тросе, пропущенном через блок на потолке, и избивал палкой».

Унтер-офицер: «Денглер снова и снова бил меня в грудь. У меня были сломаны три ребра».

Полицейский обер-вахмистр: «Денглер постоянно бил меня кулаками и ногами».

Офицер: «Доктор Денглер дал мне совет, что я, конечно же, не обязан повторять свои признания перед военным судом и тогда меня доставят к нему для повторных допросов. Тогда со мной произойдет то же, что и со многими моими предшественниками, которые уже лежат мертвыми».

В свою защиту перед немецким судом доктор Денглер объяснил, почему он предоставил себя в распоряжение югославам для пыток своих товарищей: «Комендант лагеря сказал, что если я откажусь, то это будет доказательством того, что я все еще остаюсь врагом Югославии. Тогда я заявил, что готов согласиться».

Большое судебное присутствие по уголовным делам земельного суда в Меммингеме приговорило доктора Хайнриха Денглера в 1955 году к восьми годам тюрьмы. Денглер во время перерыва на обед перед оглашением приговора повесился в своей камере на дверной ручке.

Против Георга Вюпуколя, солдата штрафного подразделения 5-й роты 999-го артиллерийского полка, давал показания офицер, подвергавшийся пыткам в Вершце: «Вюпуколь без разбора избивал меня стальной палкой. Я был весь залит кровью... Вюпуколь снова избивал меня стальным прутом, пока я не потерял сознание».

Обер-лейтенант флота: «Вюпуколь бил меня кулаками в лицо».

Чиновник полиции: «Вюпуколь дословно говорил: «Если ты сейчас не сознаешься, я тебя убью, ты, свинья».

Офицер: «Вюпуколь ударил меня ногой в живот, поднял меня и ударил кулаком в лицо».

В свое оправдание перед немецким судом Вюпуколь сказал: «Я увидел двух товарищей, голых и грязных, стоящих в угольном

¹ Унтербрандмейстер — чин в пожарной охране, соответствующий фельдфебелю.

бункере. Тогда я без дальнейших требований согласился проводить допросы, потому что сам боялся репрессий со стороны югославов».

Падерборнский суд присяжных в 1954 году приговорил рядового Георга Вюпуколя к десяти годам тюрьмы.

Союзники в немецких руках

Более одиннадцати миллионов немецких солдат во время Второй мировой войны попали в руки союзников, и значительно больше пяти миллионов солдат союзников в то же время были пленными немцев. Их судьба во многих отношениях отличается от судьбы немецких пленников, хотя можно установить примечательные соответствия. Немецкие военнопленные под властью западных держав, то есть в британских и американских лагерях, до конца войны содержались лучше, чем те солдаты, которые сидели в русских лагерях. К англичанам и американцам в немецком плену относились, как правило, лучше, чем к солдатам Красной Армии, попадавшим в плен и перебежавшим миллионами.

По отношению к советским солдатам царили произвол, презрение и равнодушие. По отношению к солдатам западных союзников Третий рейх в основном придерживался положений Женевской конвенции об обращении с военнопленными.

Однако те случаи, в которых конвенции и международно-правовые соглашения о правилах ведения войны Германией не выполнялись, были тем более ужасны. Здесь речь пойдет об этих событиях и судьбах солдат, которые были в них вовлечены. Не только для того, чтобы показать, что плен настолько же опасен, страшен и жесток, как и сама война, но и для того, чтобы при описании страданий немецких военнопленных не упустить страданий попавших в немецкий плен солдат противника, хотя их история и не является предметом этой книги. Ведь так много становится объяснимым из механизма насилия и ответного насилия, возмездия и ответного возмездия и из признания того, что там, где право перестает действовать, начинается режим насилия.

23 марта 1944 года было в Силезии холодным. Двумя днями раньше, если верить календарю, началась весна. Но в полях вокруг города Заган еще толстым слоем лежал снег. Заган находится почти посредине пути между Берлином и Бреслау. Здесь по приказу Главного ко-

мандования Люфтваффе был построен лагерь для военнопленных, в официальных документах названный «Шталаг Люфт III».

В деревянных лагерных бараках были размещены 600 американских, британских, австралийских и новозеландских офицеров. Все они были в основном офицерами ВВС: пилотами, штурманами, стрелками. Многие сидели за колючей проволокой уже более четырех лет: во время воздушной битвы за Англию они выпрыгнули из своих самолетов с парашютами и попали в руки немцев. За годы войны лагерь наполнялся все больше и больше. Сюда отправляли насчитывавшие по многу человек экипажи бомбардировщиков, сбитых во время налетов на немецкие города и военные предприятия. Вокруг лагеря была натянута заградительная проволока, проложены песчаные контрольно-следовые полосы и поставлен увенчанный охранными вышками забор из колючей проволоки. В лагере были больничный барак и бункер для проштрафившихся военнопленных, который англосаксы называли «кулером».

Немцы кормили своих пленных скудно, но достаточно: по утрам — тонкий кусочек хлеба, маргарин и искусственный мед, на обед и на ужин по два куска хлеба, кроме того, давали картофель, овощи или квашеную капусту и изредка конину. Пленные пополняли свой рацион из посылок Красного Креста, которые они получали из Америки и Англии.

День 23 марта 1944 года был для пленных особым: это был канун акции X, к которой они уже давно лихорадочно готовились. Это был канун дня, который должен был принести свободу 200 пленным офицерам. Сидевшие в «Шталаг Люфт III» запланировали крупнейший побег пленных союзников во Второй мировой войне.

Методы и обстоятельства побега удивительным образом совпадали с организацией и подготовкой побегов немецкими пленными из английских и канадских лагерей.

В течение года 600 офицеров работали над туннелем. Вход в шахту был скрыт под печью в одном из бараков. Землекопы сначала углубились вертикально в землю на девять метров, прежде чем направили туннель в сторону забора.

Выход из него, как рассчитывали и разметили военнопленные, должен был находиться в лесу, расположенном у восточной границы лагеря. Пленные сделали вагонетки, которыми вывозили землю из туннеля. Эти вагонетки двигались по рельсам, обмотанным шерстяными одеялами, чтобы предотвратить любой предательский звук. Для обеспечения рабочих свежим воздухом летчики смастерили мехи.

Так же тщательно они подошли к обеспечению военнопленных на время после удачного побега. Из консервных банок были изготовлены пряжки для поясных ремней с надписью «Gott mit uns»¹, как на поясных ремнях немецких солдат. Они подделали удостоверения и печати. Несколькими манипуляциями они могли так изменить свою одежду, что она становилась похожей на обмундирование немецких солдат.

У каждого из беглецов были одеяло и чемодан из дерева или картона, выкрашенный сапожным кремом.

200 человек должны были бежать в ночь на субботу, 24 марта 1944 года, и рассеяться в разные стороны. Некоторые хотели попробовать добраться до Швеции на нейтральном пароходе из какого-нибудь немецкого балтийского порта. Другие думали бежать через Чехословакию и Австрию в Швейцарию, третьи хотели пробираться прямо на запад, через Париж в неоккупированную зону Франции, а оттуда — в Испанию.

План, который должен был обеспечить свободу для 200 человек, был удивительно похож на немецкие замыслы побегов из лагерей союзников, но привел он к крупной трагедии Второй мировой войны, нарушению международного права и многочисленным смертям.

Как только стемнело, в 19.50 23 марта первый беглец полез в туннель. Офицеры разработали точный план, по времени он был согласован с отправлением поездов с вокзала Заган. Беглецы группами по несколько человек спускались в туннель. Чемоданы они хотели доставить к выходу на вагонетке.

Но именно в эти первые минуты они с ужасом поняли, что план не сработал. Во всяком случае, получалось все не так, как они себе представляли. Вагонетка сошла с рельсов, пленные вынуждены были тащить чемоданы за собой. Привязанные за спиной одеяла цеплялись за тонкие доски крепления туннеля, часть его перекрытия обвалилась. Масса песка хлынула внутрь и сузила путь для побега.

Но самый неприятный сюрприз ждал англичан и американцев на выходе из туннеля. Они просчитались, туннель был недостаточно длинным. Нужно было прорыть еще небольшой отрезок. Но эта ошибка имела тяжелые последствия. Выход из туннеля находился не среди спасительных деревьев леса, а между забором и лесом, в месте,

¹ «С нами Бог» — надпись на пряжках солдатских ремней в вермахте (нем.).

просматриваемом часовыми с вышки. К тому же, одетые в темное, беглецы четко различались на фоне снега.

Несмотря на это, офицеры отважились на побег. Один за другим они взбирались по лестнице к выходу из шахты и по снегу ползли к лесу. Часовой на вышке наблюдал за лагерем, а не за тем, что происходило вне его.

Тем не менее неправильно рассчитанное беглецами место выхода привело к роковому исходу уже в эту ночь. В пять часов утра немецкий часовой проводил осмотр с внешней стороны ограждения, чего ни один из охранников до сих пор не делал. Немец шел прямо на выход из подкопа. Он увидел следы на снегу, выстрелил в воздух. В лагере объявили тревогу, завывли сирены, залаяли караульные собаки, операция X завершилась.

Немцы приказали своим пленным построиться и пересчитали их. Шестидесяти шести офицерам союзных ВВС удалось совершить побег из лагеря.

Немецкая криминальная полиция уже утром 24 марта начала большую облаву. Главным ее объектом был город Заган. От него поисковая акция распространялась кругами на Лигниц и Бреслау, Прагу и Берлин, Данциг, Штеттин и Мюнхен.

Пленные долго скрываться не могли. Снег был слишком глубок. По лесам они идти не могли, а на дорогах их ловили. Некоторые пленные были пойманы уже на вокзале в Загане, другие — в окрестных деревнях, один добрался до Берлина, один — до Мюнхена.

Через четырнадцать дней после побега на свободе оставались только три беглеца. Двоим действительно удалось добраться до Англии, третий был на дороге в Испанию.

Относительно судьбы шестидесяти трех беглецов принимал решение лично Гитлер. Американский писатель и бывший пленный лагеря «Шталаг Люфт III» Пол Брикхил, написавший о побеге книгу под названием «Великий побег», описывает сцену, разыгравшуюся через 26 часов после побега в воскресенье, 25 марта 1944 года, в доме Гитлера в Берхтесгадене.

Фюрер созвал Гимmlера, Геринга и Кейтеля на краткое совещание. Гимmlер свалил вину за побег на Кейтеля. Геринг обвинил Кейтеля. Кейтель, со своей стороны, обвинил Гимmlера и Геринга. Гитлер закончил дискуссию, заявив, что все пойманные пленные должны быть расстреляны. Геринг протестовал, по мнению Брикхила, из осторожности и по причинам практической политики. Он знал

международное право и опасность ответных мер. Поэтому Гитлер приказал, чтобы более половины из пойманных были расстреляны.

Пойманные беглецы были отправлены не в лагерь Заган, как они ожидали, а посажены в тюрьмы. Их допрашивали чиновники гестапо, а потом их увезли на грузовиках. Позднее офицерам союзников в лагере «Шталаг Люфт III» комендант объявил, что 41 беглец «был убит при попытке к бегству». Окончательное количество убитых возросло до 50. Немцы передали британцам в лагере урны с пеплом беглецов.

Летом 1945 года, через год после смерти пятидесяти человек, союзники заняли Германию. Теперь британские офицеры начали расследование обстоятельств, при которых были убиты 50 человек, и выясняли, кто были их убийцы.

В британской, американской и французской зонах началась неустанная охота за преступниками. Британские следователи выяснили, что Гестапо преимущественно использовало такой метод: пленного офицера-летчика после допроса заковывали в наручники и сажали в легковой автомобиль рядом с человеком из гестапо.

Создавалась видимость, что его везут обратно в Заган. По дороге британцев заставляли выйти из машины и отойти от нее, и в этот момент чиновник гестапо стрелял в них сзади.

В начале июля 1947 года 18 бывших чиновников тайной государственной полиции (гестапо) предстали в гамбургском Курио-Хаузе перед британским военным судом. Процесс длился пятьдесят дней (по одному дню на каждого убитого). Четырнадцать обвиняемых были приговорены к смертной казни и 26 февраля 1948 года повешены в тюрьме Хамельн.

В октябре 1948 года трое полицейских снова предстали перед британским военным судом в гамбургском Курио-Хаузе за участие в убийстве офицеров-летчиков. Были вынесены два смертных приговора, но в исполнение они не приводились.

Другой пример судьбы союзных пленных.

4 августа 1944 года над Северной Германией было ясное, безоблачное небо. Светило солнце. На позициях зенитной артиллерии, расположенных на острове Боркум в Северном море, немецкие солдаты услышали приближающийся шум мощных авиационных моторов. Потом показались четырехмоторные тяжело груженные американские бомбардировщики — «летающие крепости», идущие на Германию. Но Боркум они не бомбили, их цель располагалась далеко на материке.

Немецкий обер-лейтенант Эрих Ф. Вентцель смотрел на блестящие серебристые тела бомбардировщиков, пролетающих на большой высоте. Одна из таких машин принесла ему и многим его товарищам смерть полутора годами позже.

Через час на острове снова послышался нарастающий гул приближающихся самолетов. Показалась одна «летающая крепость». Она летела на малой высоте, не могла держать курс — очевидно, была подбита.

Пилот выбирал место для вынужденной посадки на Боркуме. Потом машина упала перед дюнами острова. Немецкие солдаты побежали к месту падения. Самолет не взорвался. Семь членов его экипажа были легко ранены. Когда немцы подошли, они стояли перед своим самолетом. Американцы были взяты в плен.

В этот момент на месте приземления появился немецкий комендант острова капитан доктор Гебель. Он принял роковое решение. Он утвердил маршрут, которым должны были вести пленных к деревне на острове и по улицам Боркума. Он выбрал самую длинную дорогу, какую только было можно. К тому же он приказал, чтобы пленные шли с поднятыми руками на расстоянии трех-пяти метров друг от друга.

И, кроме того, он напомнил охранникам приказ имперского министра пропаганды доктора Геббельса о том, что охрана не должна вмешиваться, если гражданское население будет нападать на пленных англо-американских летчиков.

Немцы и американцы пошли через дюны по песчаной дороге в глубь острова. Через шесть километров пути они вышли на улицу, ведущую от вокзала острова к берегу.

До этого марш проходил без происшествий. Но в центре Боркума собрались сотни людей. Сообщение о падении американского самолета на восточной оконечности острова со скоростью ветра облетело всю округу. Внезапно мужчины и женщины, стоявшие на обочине, набросились на американских летчиков и начали избивать их. От ран в головах американцы были все залиты кровью.

Пленные и их охранники шли дальше.

В это время на спортивной площадке в Боркуме нес службу один немецкий солдат, преисполненный лютой ненависти к американцам. Это был ефрейтор Лангер из Гамбурга. Его жена и трое детей погибли во время воздушного налета на Гамбург. На Восточном фронте он был тяжело ранен в голову. А теперь он увидел, как пленные американские летчики идут по улицам Боркума. Он схватил пистолет и побежал за колонной пленных.

У островной ратуши он оказался перед летчиком, который из-за ранений, полученных во время избиения, не мог больше идти и его несли на носилках.

Лангер направил свое оружие на этого человека и застрелил его. Затем убийца продолжил свой путь. Немного позднее он стоял уже перед шестью еще живыми пленными американцами. Одному за другим он прострелил головы. Все шестеро были убиты на месте.

В начале лета 1945 года, через месяц после капитуляции германского вермахта, союзники открыли охоту на людей, которых считали виновными в боркумских убийствах.

Четверых немцев, которых они искали, нашли на Боркуме. Среди них был бургомистр острова Ян Акерман. Шестнадцать других были объявлены в розыск на материке. В феврале 1946 года арестованные предстали перед американским военным судом в Людвигсбурге, находившемся в американской зоне оккупации. Им было предъявлено обвинение в том, что все они «подстрекали, содействовали, пособничали и оказывали поддержку» при убийстве семерых пленных американских летчиков.

Суд приговорил пятерых немцев, присутствовавших при этом в тот воскресный день на Боркуме, к смертной казни через повешение и девятерых — к длительным срокам тюремного заключения.

Приговоренные к смертной казни годом позже были повешены в Ландсберге.

Убийца семерых, ефрейтор Лангер, так и не был найден. Полагают, что он погиб в последние месяцы войны.

Пятнадцать беглецов из лагеря Заган должны были погибнуть, потому что Гитлер хотел дать пример другим.

Семеро застреленных на Боркуме были жертвами человека, находившегося не в ладах с собственным рассудком.

В самом начале войны на Западном фронте во Франции произошло убийство, глубокие причины которого не удалось вскрыть во время длительного процесса.

Во второй половине дня 26 мая 1940 года крупные силы немецких войск продолжали наступление в Северной Франции, чтобы замкнуть кольцо вокруг Дюнкерка и окружить английский экспедиционный корпус.

В местечках Ле-Корне-Мало и Ле-Паради вел отчаянные бои с наседавшими немцами 2-й батальон британского королевского Нор-

фолкского полка. Британцы закрепились в домах, крестьянских дворах и церкви. С этой позиции они длительное время отражали наступление немецких подразделений. 1-й батальон 2-го полка дивизии СС «Мертвая голова» на открытой местности перед Ле-Паради понес особенно крупные потери. Немцы подтянули артиллерию и подавили последние очаги британского сопротивления.

Наконец из целого британского батальона, оборонявшегося в этом районе, боеспособными остались всего 150 человек. Британцы капитулировали. Сто британских солдат 2-го батальона королевского Норфолкского гренадерского полка были взяты в плен солдатами 2-го полка дивизии СС «Мертвая голова».

Британцы думали, что их отведут в немецкий тыл и посадят в лагерь. Они должны были построиться на проселочной дороге. Потом немцы приказали им выйти за забор на луг. На краю луга стоял хутор.

Среди британских солдат находились гренадеры Альберт Пули и Уильям О'Каллахэн.

Альберт Пули позднее рассказывал, что произошло в тот день 26 мая 1940 года на выгоне у хутора во французском местечке Ле-Паради, неподалеку от Булони: «Куда же они нас ведут?» — думал я, когда мы начали идти. Прежде чем пройти за забор, с неприятным чувством, какого я прежде никогда не испытывал, я заметил два тяжелых пулемета, установленных на лугу. Расчеты находились при них, и стволы были направлены в голову нашей колонны. У меня было чувство, будто ледяная рука сжала мое сердце. Пулеметы начали изрыгать огонь, и, когда еще я увидел, как падают первые ряды, во мне раздался дикий вопль: «Этого не может быть! Они не могут этого сделать с нами!» На секунду стоны и крики сраженных заглушили грохот очередей. Люди падали, как скошенная трава. Невидимая коса приблизилась и резанула по моему телу. Я почувствовал пронзительную боль в ноге и в локте, а потом погрузился в красный мир жгучего страдания.

Мой крик боли соединился с криками моих товарищей, но, еще прежде чем я упал в кучу умирающих людей, мою голову озарила мысль: «Если я выживу, негодяю, виновному в этом убийстве, придется дорого заплатить».

Альберт Пули был ранен четырьмя пулями в спину и в руку, солдату Уильяму О'Каллахэну одна пуля попала в руку.

97 британских военнопленных погибли от пулеметных очередей. Уильям О'Каллахэн и Альберт Пули притворились мертвыми. Им удалось избежать так называемого «избавительного выстрела»

или штыкового удара, которыми были прикончены многие их товарищи, не погибшие сразу же от пулеметных пуль.

Позднее Пули и О'Каллахэн попали в немецкий плен. Тяжело раненного Пули вернули к жизни немецкие врачи, и в 1943 году через Швецию он был отправлен в Англию. Солдат О'Каллахэн до 1945 года оставался в немецком лагере, пока американцы не освободили его и других военнопленных.

Альберт Пули еще в 1943 году доложил британским офицерам о массовом убийстве в Ле-Паради, но ему никто не поверил. По окончании войны Уильям О'Каллахэн подтвердил показания Пули, к тому же стало возможным осмотреть место преступления и начать поиски виновного немецкого офицера.

Британцы надеялись найти его среди пленных немецких солдат — гауптштурмфюрера СС¹ Фрица Кнёхляйна, командира 3-й роты и заместителя командира 1-го батальона 2-го полка дивизии СС «Мертвая голова».

11 октября 1948 года Фриц Кнёхляйн в гамбургском Курио-Хаузе предстал перед британским военным судом.

Английский обвинитель в своей обвинительной речи, в частности, сказал: «Это немецкое подразделение (батальон Кнёхляйна) оказалось в бою впервые, солдаты были ожесточены потерями и медленным продвижением. Рота обвиняемого понесла особенно большие потери, и настроение ее все это время ухудшалось».

Британский обвинитель также сказал: «Другой батальон СС на том же участке взял большое количество пленных. С этими пленными обращались хорошо, и они вряд ли имеют повод для жалоб. Если бы весь батальон попал в эти руки, то ужасные события, которые за этим последовали, вообще не произошли бы».

В ходе процесса были зачитаны документы, из которых следовало, что штаб немецкого 16-го армейского корпуса пытался расследовать обстоятельства массового убийства еще в июне 1940 года.

Штаб 2-го пехотного пока представил командованию армейского корпуса следующий ответ: «Первое: англичане применяли пули дум-дум, то есть пули со сточенными головками, наносящими особенно крупные раны. Второе: они поднимали знамя со свастикой, чтобы выманить наших солдат из-за укрытий. После этого их уничтожали пулеметным огнем из засады».

¹ Гауптштурмфюрер — чин в войсках СС, соответствующий капитану в вермахте.

Штаб 16-го армейского корпуса счел представление командира 2-го пехотного полка мало заслуживающим доверия, но расследования так и не возбудил.

Гауптштурмфюрер СС Фриц Кнёхляйн сознался перед британским военным судом, что находился поблизости, когда расстреливали британских солдат, однако не признал, что несет какую-либо ответственность за массовое убийство.

На двенадцатый день процесса председатель суда подполковник Е.С. ван дер Кисте огласил приговор Фрицу Кнёхляйну: «Суд приговорил вас к смертной казни через повешение».

28 января 1949 года в Гамбурге гауптштурмфюрер СС Фриц Кнёхляйн был повешен. С собой он унес и правду о том, почему должны были умереть 97 гренадеров королевского Норфолкского полка.

Убийства британских и американских военнопленных были исключительными явлениями. Большая часть солдат западных держав, попавших в руки немцев во время Второй мировой войны, пережили колючую проволоку, голод и тяжелый труд.

Однако большинство русских солдат, сдавшихся немцам, погибли зачастую мучительной смертью.

Уже 6 июня 1941 года, то есть за две недели до начала русской кампании, Главное командование вермахта по распоряжению Гитлера издало так называемый «Приказ о комиссарах». Он требовал от немецких войск расстреливать политических офицеров Красной Армии непосредственно после взятия их в плен.

Расстреливали также всех евреев и пленных, принятых за евреев. Американский ученый Александер Даллин в своем исследовании «Немецкое господство в России 1941—1945» пишет: «Между тем СС, действуя якобы самостоятельно, приступило к «решению» расовой проблемы. Само собой разумеется, пленные еврейской национальности, так же как «интеллигенция» и «комиссары», подлежали ликвидации. В течение почти шести месяцев жертвами этой жестокой политики становились пленные неславянских национальностей, прежде всего магометанского вероисповедания — отчасти потому, что азиаты по «концепции недочеловеков» стояли на низшей ступени расового развития, отчасти по ошибке. Нередко офицеры СС определяли пленных для казни только на основании того, что у них было сделано обрезание; естественно, такие встречались не только среди евреев, но и среди мусульман тоже было много обрезанных».

Впрочем, многие офицеры германского вермахта не выполняли «приказы о комиссарах». Они их не передавали дальше или давали своим подчиненным понять, что расстрелы военнопленных нарушают понятия о чести немецкого офицера.

Десятки тысяч пленных советских солдат были расстреляны. Сотни тысяч погибли уже в первые месяцы русской кампании. Это было связано с тем, что немецкая армия при наступлении на восток не была готова к тому, что за такое короткое время в ее руки попадет так много солдат противника. За первые полгода войны против Советского Союза были взяты в плен почти четыре миллиона солдат Красной Армии.

Немцы были не в состоянии обеспечить необозримое войско обезоруженных. Немецкие войска сами испытывали трудности с тыловым обеспечением. Поэтому пленные были согнаны в наскоро построенные лагеря. Там они голодали и замерзали.

Александр Даллин пишет: «Имеется множество подтвержденных свидетельств того, что целые дивизии обрекались на гибель под открытым небом. В лагерях распространились эпидемии и болезни. Избиения и произвол со стороны охраны были обычным делом. Миллионы неделями оставались без питания и крова. Когда эшелоны с военнопленными прибывали к месту назначения, товарные вагоны были наполнены умершими. Данные о смертности существенно колеблются, но зимой 1941/42 года она нигде не была ниже 30, а во многих случаях достигала 95 процентов».

Есть многочисленные фотодокументы о русских военнопленных в немецких руках, которыми национал-социалистская пропаганда пыталась подтвердить свой тезис о восточных недочеловеках. Эти фотографии в действительности являются потрясающим документом человеческого несчастья: мужчины, с мольбой протягивающие руки сквозь колючую проволоку, умоляющие фотографа дать им кусок хлеба или картофелину, истощенные фигуры в тряпье.

Гитлеровский рейхсмаршал Герман Геринг в те дни сказал министру иностранных дел Италии Чиано: «В лагерях для военнопленных русские начали пожирать друг друга после того, как они съели все, что можно, даже подметки от башмаков. Да, хуже того, они сожрали немецкого охранника».

26 января 1942 года немецкий полковник Генерального штаба Хайнц Данко Херре побывал в устроенном немцами лагере для военнопленных в Сталино. О своей поездке он рассказывал писателю

Юргену Торвальду: «Масса военнопленных стояли человек к человеку. Они были настолько скученны, что никто не мог лечь и спать. Прямо у двери трое, скорчившись, лежали на полу, это были умирающие или уже мертвые... Люди валялись, потому что больше не могли стоять. Для них не было ни нар, ни стульев, ни одеял, только испачканный дерьмом пол. Лица были белые, с ввалившимися глазами, грязными бородами».

В начале 1942 года ужасы в лагерях для русских военнопленных достигли такого размаха, что потрясли даже гитлеровского рейхсминистра оккупированных восточных территорий, идеолога национал-социализма Альфреда Розенберга. Он написал 28 февраля 1942 года письмо начальнику Главного командования вермахта генерал-фельдмаршалу Кейтелю, в котором говорилось: «Судьба советских военнопленных в Германии — трагедия огромного масштаба. Из 3,6 миллиона военнопленных в настоящее время полностью работоспособны только несколько сотен тысяч. Большая часть из них погибла от голода или непогоды. Тысячи больны тифом. В большинстве случаев коменданты лагерей не разрешили гражданскому населению давать военнопленным продукты питания, считая, что будет лучше, если они умрут от голода. Во многих случаях, когда во время марша военнопленные больше не могли идти от голода и потери сил, их пристреливали на глазах у потрясенного населения, а их трупы оставляли лежать. В многочисленных лагерях совершенно не заботятся о размещении военнопленных. Под дождем и снегом они лежат под открытым небом. Да, им ни разу не предоставлялся инструмент, чтобы они вырыли себе землянки или пещеры. Наконец, необходимо упомянуть о расстрелах военнопленных. Так, например, в различных лагерях расстреливали «азиатов»...»

Отношение немцев к русским пленным не изменялось, просто после смерти миллионов для выживших стало больше пропитания и места, а крупные немецкие победы с большим количеством пленных не повторялись.

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных относительно количества советских пленных, погибших в немецких лагерях, констатировала: «Немецкие служебные документы указывают, что по состоянию на 1 мая 1944 года из более пяти миллионов советских военнопленных, находившихся в немецкой неволе, умерли более двух миллионов. Более миллиона пропали без вести, из которого большую часть составляют умершие или казненные, меньшую часть — сбежавшие. К тому времени количество

еще живых советских военнопленных в немецких лагерях составляло немногим более миллиона человек...

Если взять цифры немецких служебных документов до 1 мая 1944 года за основу, то во время Второй мировой войны до этой даты погибло почти 60 процентов советских военнопленных, находившихся в немецком плену...»

Международный Красный Крест во время войны предпринял попытку посредничества при заключении соглашения между Гитлером и Сталиным об обращении с военнопленными. Гитлер отклонил это предложение. Он опасался, что соглашение такого рода снизит боевой дух немецких войск, так как солдаты будут меньше бояться попасть к русским в плен.

Сталин также не был заинтересован в соглашении. Он заявил: «России неизвестны пленные красноармейцы, а только погибшие или предатели».

Бедные казаки

К наиболее скорбным жертвам Второй мировой войны относятся советские военнопленные. Но их мучения не закончились вместе с войной. Победа их отечества над Германией была связана для них не с триумфом, а с преследованиями, так как все они прогневили кремлевского властителя Иосифа Сталина.

Когда война близилась к концу, множилось число советских граждан, попадавших в руки американских и британских войск: десятки тысяч использовались немцами в качестве рабочей силы, десятки тысяч еще сидели в лагерях для военнопленных. Тысячи русских надели форму вермахта и шли в бой на стороне немецких войск, часто просто для того, чтобы избежать верной голодной смерти, или потому, что они, как, например солдаты власовской армии, хотели добиться свержения коммунистического господства над своей родиной.

Но Иосиф Сталин сделал все для того, чтобы отомстить тем мужчинам и женщинам, которые, по его мнению, не боролись до последнего или стали в его глазах предателями.

5 февраля 1945 года президент США Франклин Д. Рузвельт, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и Иосиф Сталин встретились в Ялте, в Крыму, чтобы обсудить, что должно произойти с Германией после войны.

На этой конференции Сталин сделал Англию и Америку сообщниками в своей тщательно продуманной попытке снова заполучить всех советских граждан, которые во время войны вышли из-под советского господства.

В Ялтинское соглашение был включен пункт, оговаривающий, что все советские граждане, которые окажутся под властью западных союзников, должны быть выданы Советскому Союзу. В ответ Советский Союз обязался передать США и Великобритании их граждан, то есть американских и британских военнопленных в немецких лагерях, которые находились на территории, занятой Красной Армией.

Но в то время, как пленные британцы и американцы были рады возможности вернуться в свои родные страны, советские граждане, оказавшиеся на Западе, отчаянно сопротивлялись своей репатриации. Многие из них опасались быть приговоренными к принудительным работам или даже к смерти. И им было чего бояться.

Жестокий смысл ялтинских договоренностей означал, что советских граждан, даже против их собственной воли, а в случае необходимости и принудительно должны были передать сталинским специальным подразделениям.

Это соглашение на полуострове в Черном море стало причиной кровавой трагедии. Многие советские граждане предпочитали лучше умереть, чем попасть в руки своих земляков.

В Великобритании за короткое время после Ялтинской конференции была создана комиссия, состоявшая из британских и советских офицеров. Ее задача состояла в том, чтобы выискивать среди пленных всех тех, кто до 1938 года проживал на территории Советского Союза, и способствовать их возвращению, в случае необходимости — силой. Жителей Прибалтики, поляков, западных украинцев англичане советскими гражданами не считали.

Большое количество русских на территории, контролируемой Британией, заявили британско-советской комиссии, что они ни за что не желают возвращаться в Россию. Один из британских офицеров следственной комиссии записал, что рассказывал ему один из этих русских: «Он не хотел возвращаться в Россию, так как стыдится быть гражданином Советского Союза. Его отец был священником Русской православной церкви. Большевики сначала отрезали ему язык, чтобы он не мог больше проповедовать, а потом его расстреляли. Русский, стоявший теперь перед комиссией, сам был брошен в тюрьму, но потом ему удалось бежать в леса. Когда пришли немцы, он перебежал к ним и воевал на их стороне с оружием в руках».

Другой такой же пленный крикнул советскому офицеру: «Вы убили моего отца, вы убили мою мать, вы убили моего брата, и я прошу английского генерала лучше пристрелить меня здесь и сейчас, чем позволить вернуть меня в Советский Союз».

Уже в конце марта 1945 года, за шесть недель до окончания войны, в английском порту Ливерпуль русских, захваченных в плен во Франции в немецкой форме, погрузили на первый корабль. Его местом назначения был русский черноморский порт Одесса. Британские и американские солдаты тащили несчастных вверх по трапу. Один из русских, увидев корабль, который должен был доставить его на родину, на пристани бритвой перерезал себе горло и умер.

В Одессе пленных выгрузили и, пока они еще сходили по трапу, двух их товарищей уже расстреляли на причале за сараем.

В середине мая 1945 года снова у причала Ливерпуля стоял пароход для отправки русских на родину. Он назывался «*Empire Pride*» — «Гордость империи». На его борт были доставлены около 3000 пленных советских граждан. Один из русских на причале стекляшкой перерезал себе горло. Английский врач зашил рану, и этого человека доставили на корабль. Один из британских сопровождающих офицеров рассказывал: «Голого, его привязали за руки и ноги к койке. Несмотря на это, два раза ему удавалось разрывать себе рану».

Британец писал о прибытии парохода в Одессу: «Советские власти не хотели признавать кого-либо неспособным идти, даже лежавшие при смерти должны были сами сходить с корабля и при этом нести свои вещи. С борта вынесли только двоих: человека с ампутированной правой ногой и переломленной левой и одного потерявшего сознание. С пленным, пытавшимся покончить жизнь самоубийством, обошлись очень неласково. Сначала ему разорвали рану, так что она начала кровоточить. Потом его отвели за стоявший на пристани большой контейнер. Потом мы слышали выстрел и больше ничего не видели».

Тридцать одного пленного в Одесском порту отвели в грузовой зал, находившийся неподалеку от причала, где стоял «*Empire Pride*». Потом британцы слышали из этого зала грохот автоматных выстрелов.

Никогда не станет известно, сколько русских, переданных западными союзниками на месть Сталина, было расстреляно. Точно известно только то, что большинство из насильно возвращенных мужчин и женщин многие годы провели в лагерях.

Печальная судьба этих советских граждан все же меркнет перед трагедией целого народа — казаков.

Еще во время Октябрьской революции в 1917 году и последовавшей за ней Гражданской войны казаки воевали против большевиков. После победы Красной Армии многие тысячи казаков и казачьих офицеров бежали на Запад.

Когда немцы напали на Советский Союз, народ с юга России посчитал, что наконец пробил его час для свержения Советов. С осени 1943 года на стороне вермахта воевала казачья кавалерийская дивизия под командованием немецкого генерал-лейтенанта Гельмута фон Паннвица. Немцы использовали своих степных братьев по оружию прежде всего для борьбы против партизан Тито.

В конце войны основная масса казаков и их семей собралась у южных склонов Альп. Страх перед мстостью югославских партизан заставил их перейти через Альпы в Австрию.

Там народ-конник сдался в плен британским войскам. На конных повозках многие казаки везли с собой свои семьи — жен и детей. Англичане оставили пленным даже их оружие.

Затем 50 000 казаков и членов их семей были собраны в лагерь. Между ними и их британскими охранниками вскоре развились отношения большого доверия и глубокой симпатии: казаки считали, что западные союзники вскоре начнут войну против Советского Союза. Британские солдаты, со своей стороны, в то время еще ничего не знали о ялтинских соглашениях. Один из британских офицеров писал: «Это были великолепные люди, добросердечные и храбрые. Они слепо мне доверяли. Они верили каждому слову, сказанному мной».

Но в штабе британского 5-го корпуса, от которого назначалась охрана, вскоре стало известно, какая ужасная судьба уготована казакам. Командир корпуса генерал-лейтенант Чарльз Кейгтли 24 мая 1945 года отдал приказ: «Наиболее важно иметь в наличии всех офицеров и особенно высших чинов и ни одному из них не дать сбежать. Советские Вооруженные силы придают этому особую значимость, вероятно, они рассматривают выдачу офицеров в качестве подтверждения доброго отношения со стороны британцев».

Лорд Николас Бэзил, первым оценивший официальные акты британского правительства о выдаче казаков их заклятым врагам, в своей книге «Последняя тайна» так прокомментировал этот приказ: «Кейгтли проигнорировал один очень важный факт, а именно то, что все до одного старшие казачьи офицеры были старыми эмигрантами, покинувшими Россию в 1920 году. В соответствии с Ялтинским соглашением они не подлежали принудительной репатриации. Это было неудобно для англичан, потому что они знали, как сильно Советам были нужны именно эти люди, а англичане хотели быть как можно более любезными по отношению к своим союзникам».

Британские офицеры охраны теперь начали подлую интригу, чтобы ввести казаков в заблуждение относительно их дальнейшей судьбы. Они намекнули казачьим старшинам, что народ-всадник, возможно, сможет поступить на службу британской короне в качестве соединения вроде Иностранного легиона. Другой раз говорили, что казаков перебросят на Тихоокеанское побережье, чтобы они вместе с англичанами воевали против японцев, все еще находившихся в состоянии войны.

Даже командир казачьей дивизии немецкий генерал-лейтенант фон Паннвиц верил этим слухам. Один из его немецких офицеров рассказывал: «У Паннвица было мнение, что корпус не тронут. Его отправят в Иран, чтобы там противостоять сопротивлению коммунистов, хотевших захватить власть в провинции Азербайджан». Паннвиц отклонил предложение одного из своих офицеров распустить корпус и разрешить массовый побег.

Сначала британцы должны были предложить своим пленным сдать оружие. И тут им помогла ложь. Один из казачьих офицеров, которому удалось выжить, рассказывал: «Английские офицеры заявили нам, что у них совершенно нет боеприпасов для всего нашего русского, румынского и итальянского вооружения. Если мы хотим служить у них, то должны сдать наши винтовки и пистолеты. Вместо них мы получим новые, а именно британские стандартные образцы. Мы верили им и делали то, что они требовали».

Но нового оружия не было. Как не было и переброски на Тихий океан или в Азербайджан.

28 мая 1945 года британцы приказали генерал-лейтенанту Паннвицу и некоторым из его немецких офицеров подготовиться к переводу в другой лагерь. Британцы отвезли своих пленных в Юденбург на речушке Мур, расположенный в ста километрах севернее Клагенфурта. На восточной стороне моста через речку ждали русские. В официальном английском сообщении об этом моменте говорится: «Генерал фон Паннвиц, когда вылезал из машины, доставившей его к границе советской оккупационной зоны в Австрии, был явно удивлен, увидев русских. Он поднял руки к небу и воскликнул: «Боже мой!»

В тот же день большинство казачьих офицеров были отделены от своих солдат и собраны в особом лагере. Теперь они знали, что им предстоит. Три офицера вскрыли себе вены. Несколько других повесились.

На следующее утро, прежде чем сесть в грузовики, которые должны были доставить их к Советам, несчастные отслужили молебен. Один из свидетелей рассказывал: «Казачьи офицеры всех чинов встали на колени, многие в слезах возносили молитву богу, в то время как стволы английских винтовок были направлены на них. Им-

провизированный хор, стоя на коленях, пел древние молитвы. Казачий священник высоко вздымал руку и кропил всех святой водой».

После этого британские солдаты ударами прикладов и ног затолкали офицеров в грузовики.

На мосту в Юденбурге, на восточной стороне которого ждали советские солдаты, один из офицеров перепрыгнул через перила моста и упал с высоты тридцать метров. Его, разбитого и умирающего, достали и передали представителям советских властей.

Один из казачьих офицеров непосредственно после того, как был передан Советам, перерезал себе бритвой горло. Он умер на месте.

Через три дня после страшных событий на юденбургском мосту британцы начали очищать лагерь в долине реки Дравы между Линцем и Обердраубургом. Британские солдаты загоняли казаков в грузовики примкнутыми штыками. Многие казаки рвали на себе рубахи, подставляли солдатам голую грудь и просили заколоть их. Некоторые пытались бежать в лес, находившийся неподалеку. Британцы по ним стреляли. Трое из беглецов погибли, не успев добежать до опушки леса. Беременные женщины катались по земле и кричали. Их все равно отправили.

Из одного лагеря под Линцем британцы вывезли 4000 женщин и 2500 детей. Казаки, остававшиеся в лагере, пытались защитить своих жен и детей от выдачи. Они образовали вокруг своих родных плотное кольцо. Британцы снова пошли на казаков с примкнутыми штыками, били прикладами. Лорд Бэзил писал: «Даже когда солдаты со штыками протискивались в толпу, казаки продолжали молиться и не сходили с места. Как травоядные животные при нападении хищников, они защищали своих жен и детей, которых держали в центре, в то время как по краю молодые мужчины образовали защитную цепь, чтобы прикрыть остальных». В одном из докладов британских офицеров говорится: «Когда некоторых удавалось вырвать с края этой группы, остальные сплывались в еще более тесную массу, а когда их охватила паника, они начали карабкаться друг на друга в отчаянном усилии уйти от солдат. В результате образовалась пирамида кричащих в истерике людей, под которыми в ловушке оказались другие. Солдаты пытались изо всех сил разделить эту массу, чтобы спасти жизнь погребенных под ней людей, били прикладами и каблуками по рукам и ногам, чтобы принудить отдельных сдвинуться с места».

Один из уцелевших казаков рассказывал: «Британский солдат подошел к отцу Пантелеймону. Он схватил святого отца за одеяние и хотел вытащить его из толпы. Пантелеймон протянул к нему свой деревянный крест, чтобы отпугнуть его. Солдат подался назад».

В этой неразберихе повалился лагерный забор. Многие казаки оказались на мгновение свободными. Они побежали к расположенному неподалеку мосту через Драву. В тот момент отчаяние пересилило дух казаков и казачек. Матери прыгали с детьми с моста. В одном из докладов об этом дне ужасов есть описание, которое напоминает рассказ из мрачных времен древней истории: «Молодая женщина с двумя маленькими детьми выбежала на берег. Одно мгновение она обнимала первого ребенка, а потом вдруг бросила его в пропасть. Другой ребенок цеплялся за ее юбку и кричал: «Нет, мама! Мама, я боюсь!» — «Не бойся, я с тобой», — ответила обезумевшая мать. Толчок руками, и уже второй ребенок полетел в бурлящий поток Дравы. Потом она подняла руку к нательному кресту. «Господи, прими мою душу грешную», — выкрикнула она, и, едва ее рука дотронулась до левого плеча, она прыгнула вслед за детьми. В одно мгновение ее поглотили бурные воды реки».

Один британский офицер вспоминал, как казак застрелил свою жену и троих детей, а потом покончил жизнь самоубийством.

Британские солдаты и их командиры были глубоко тронуты этими событиями, но они следовали полученным приказам. Дети и женщины были доставлены к поездам и переданы русским. Многие казаки покончили с собой во время перевозки. Они вешались на предметах одежды, колючей проволокой разрывали себе сонные артерии.

Обычно британские офицеры сопровождали эшелоны на небольшом участке в глубине советской оккупационной зоны. Они были свидетелями того, как красноармейцы обращались с казаками: «Их толкали и тащили, но они не оказывали сопротивления. Они не боролись и не пытались отстать или бежать. Они полностью подчинились своей судьбе».

Пока британские офицеры находились поблизости, красноармейцы сдерживались. На глазах западных свидетелей офицеры Сталина не хотели грубо обращаться со своими жертвами.

Однако британские офицеры сообщали и такое: «Я опасался, что многим из них далеко уйти не дадут. Несколькими минутами позже мы слышали залпы, и я уверен, что целую толпу их расстреляли на месте. Не на самой платформе, а за углом у леса. Хотя я и не ручаюсь полностью, что залпы были направлены в пленных, но не могу себе представить, что в тот момент можно было стрелять по какой-нибудь другой причине».

Другой английский офицер, сопровождавший казаков до Граца в советской оккупационной зоне Австрии, заметил: «Не требуется слишком много фантазии, чтобы понять, что должно произойти с этими людьми». Лорд Бэзил пишет: «Многие британские солдаты,

бывшие там, свидетельствуют, что вскоре после передачи пленных они слышали неподалеку пулеметные очереди. Фактически ни один солдат не видел расстрела ни одного пленного. И так, с уверенностью нельзя заключить, что это произошло, но, как сказал один из водителей, Джеймс Дэвидсон: «Мы считали, что пулеметные очереди должны были означать их конец. Мы думали, что их просто отвели вглубь и перебили. Это было наше общее мнение».

Один британский капрал вспоминал: «Однажды я должен был выйти на охрану британской стороны моста в Юденбурге во время прохождения конвоя с казаками на другую сторону моста к русским. На следующую ночь и на следующий день мы начали считать винтовочные залпы, которые вместе с прекраснейшим мужским пением, какое я когда-либо слышал, доносились к нам из русского сектора. Голоса звучали по всей округе. Потом было слышно, как после треска винтовочных выстрелов последовали крики».

Казачий хор перед лицом смерти.

Основная часть казаков была отправлена в сибирские исправительные лагеря. Многие из них там погибли.

Командир казачьего соединения генерал-лейтенант фон Паннвиц вместе с пятью казачьими офицерами был доставлен в Москву в пресловутую тюрьму на Лубянке. Там над ними был устроен процесс. 17 января 1947 года советская газета «Правда» сообщила, что генерал-лейтенант Гельмут фон Паннвиц и его товарищи были повешены.

Лорд Бэзил пишет: «Из этих шести человек, о казни которых было объявлено публично, лишь один подлежал обязательной репатриации в соответствии с Ялтинским соглашением. Фон Паннвиц был немцем, говорил по-русски лишь потому, что был родом из Прибалтики. Четверо других с момента образования Советского Союза никогда там не жили. Их выдача британцами и казнь Советами опирались на почти ничтожную правовую основу. Их не обвиняли в военных преступлениях. Они были осуждены за то, что воевали против советских войск, что автоматически связывалось с тем, что это является актом измены...

Может быть, казаки были наивны. Но перед лицом преступлений Советского государства, весь размах которых открылся только теперь, трудно утверждать, что они заслуживали наказания обычных предателей».

Военнопленный

Табак и хлеб для предателей

Январская ночь 1943 года выдалась на редкость холодной. На стенах подвала в Сталинграде, в который заползли двенадцать немецких солдат, сверкал иней. Занималось утро 31 января.

Ночь напролет постоянно слышались разрывы. То дальше, то ближе: выстрелы из танковых пушек и разрывы снарядов тяжелой артиллерии, а между ними треск пулеметных очередей. Шум нескончаемой битвы. Они уже к нему привыкли.

Но теперь все двенадцать испугались. Отдельные взрывы можно было ясно различить: ручные гранаты! Грохот приближался к их подвалу. Унтер-офицер Эрих Новак из 162-го разведывательного батальона осторожно выглянул из подвального окна.

От того, что он увидел, у него перехватило дыхание. В паре сотен метров от них перед домом стоял советский солдат и одну за другой бросал ручные гранаты в оконные проемы подвала: Красная Армия приступила к уничтожению остатков разгромленной 6-й армии германского вермахта на их последних позициях и в укрытиях. Эрих Новак рассказывал, что сделали потом он и его товарищи: «Как можно быстрее мы воткнули свои винтовки стволами в нанесенный перед входом в дом сугроб и повесили над прикладами кусок белого полотна».

Эрих Новак и его товарищи капитулировали, сдались в плен. Новак рассказывал: «Несколько русских набросились на нас, обыскивали наши карманы, крича при этом: «Ugi, Ugi»¹. Они с жадностью отобрали остатки сухарей из сухарных сумок».

Удо Джулини, обер-лейтенант одного из разведывательных батальонов 6-й армии, так пережил момент пленения в Сталинграде:

¹ Часы, часы (*искаж. нем.*)

«Внезапно два танка Т-34 остановились перед нашим подвалом. Двое замотанных почти в одни только тряпки красноармейцев спрыгнули с них и, крича, побежали вниз по лестнице. Они орали: «Uti, Uti», набросились на нас и отобрали наручные часы».

Командир 134-го гренадерского полка венской 44-й пехотной дивизии полковник Артур Бойе, раненный и в лихорадке, в подвале бывшего здания госбезопасности в Сталинграде вышел перед своими последними людьми и сказал: «У нас больше нет хлеба, перевязочных материалов и боеприпасов. Мы вынуждены капитулировать».

Люди закивали. А потом — их было еще около сотни человек — двинулись из подвала. До железнодорожной насыпи было пятьдесят метров. Там стояли остатки дивизии генерала Эдлера фон Даниэльса. Уже без оружия. Готовые к капитуляции. «Марш!» Красноармейцы по обе стороны дороги с автоматами наперевес. Печальное шествие. Их снимали на киноленту, фотографировали, обыскивали, сажали в грузовики. И увозили. Степь поглощала их. Некоторые увиделись снова месяц спустя в подмосковном Красногорске.

Один немецкий солдат докладывал научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных о том, как его взяли в плен в Сталинграде: «Ранним утром 2 февраля откуда ни возьмись перед выходами из наших подвалов встали русские танки. С поднятыми руками, которые показались мне такими тяжелыми, словно были из свинца, мы поднимались по подвальной лестнице, и уже у частично обвалившегося входа нас встречали русские солдаты».

В 6-й армии генерал-фельдмаршала Паулюса на 18 декабря 1942 года, согласно документам продовольственной службы, сражались 230 тысяч немцев и их союзников, офицеров и солдат. Кроме того, в окружении находились 19 300 пленных русских. Сейчас, после взятия Сталинграда Красной Армией, по советским данным, оставалась в живых еще 91 тысяча человек. Победители повели их в плен.

Но в какой плен! Один из солдат 6-й армии описывал научной комиссии последующие дни: «Мы вышли из города, и нас повели маршем. Первые начали падать налево и направо от дороги. Они больше не могли идти. Поначалу, для верности, они получали от охранников выстрел в затылок. После того как число таких случаев возросло, их оставляли лежать просто так. Максимум через два-три часа они замерзали».

Связной-мотоциклист Эрих Новак пошел через степь с улицы. Он заблудился и наткнулся на боевую часть Красной Армии. Вражеские солдаты дали ему поесть, поспать в тепле. Позже он последовал тем же путем, которым пятью днями раньше брели пленные из Сталинграда. Он рассказывал: «Через каждые 20—30 метров на обочине дороги сидели или лежали один или несколько замерзших, иногда прижавшихся друг к другу, положив руку на плечо товарища. Отдельные лежали в луже крови. Очевидно, что товарищи были из разных колонн, так как некоторые были занесены снегом больше, а другие меньше».

Медленно шел поезд по заснеженной русской степи на восток. Паровоз тянул двенадцать закрытых товарных вагонов. Долго висел дым из локомотивной трубы в ясном морозном воздухе. Поезд остановился. Из последнего вагона спрыгнули солдаты в русской форме. Они открыли запоры, на которые были закрыты остальные вагоны. Люди в них спотыкались, вываливались, падали, с трудом поднимались снова — это были немецкие пленные, которых перевозили с фронта в глубь Советского Союза. Безжизненные тела выносили из вагона и клали в снег.

Тысячи немецких солдат гибли еще на пути в лагерь. Они страдали от голода и жажды. Многие из них были смертельно больны.

Один ефрейтор рассказывал: «Воду мы получали очень редко и нерегулярно. Разразился дикий спор, чья очередь облизывать заклепки и другие металлические части, которые от мороза покрывались инеем. То, что при этом часто кожа с языка слезала клочьями, многим на ум уже не приходило».

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных заметила: «Составлялись списки очередности тех, кто хотел слизывать воду, конденсировавшуюся на металлических частях вагона».

Вши донимали тесно набитых в вагон военнопленных. Унтер-офицер Эрих Новак вспоминал: «Мой сосед, служивший в организации Тодта, бывший значительно сильнее других, первые две недели всем прилежно помогал. Однажды утром он тоже уже больше не поднялся. Его коричневая форма казалась серой. При ближайшем рассмотрении увидели, что вся она в несколько слоев покрыта вшами. Лицо его было бледным как мел. Совершенно точно, что многие тысячи насекомых высосали из него последнюю кровь, а теперь покидали его мертвое тело».

Обер-лейтенант Эрих Хинц в мае 1945 года пережил гибель курляндской армии, которая в Прибалтике до последнего воевала с советскими войсками. Часть ее была уничтожена, сам Хинц с несколькими товарищами после капитуляции прятался на одном из хуторов. Из окна они наблюдали, как бесконечные колонны немецких пленных шли на восток. Когда Эрих Хинц понял, что нет ни одного шанса пробиться на запад, они сели на свои машины и поехали на восток навстречу русским. Светило солнце, было тепло, у них было продовольствие. Они могли не голодать, пока не повстречали Красную Армию. Русские отобрали у них машины. Обер-лейтенант Эрих Хинц и его солдаты присоединились к колонне военнопленных, которая пришла потом в Латвию, в лагерь под Ригой.

Ханс-Георг Крузе, служивший в подразделении связи, был во время капитуляции в мае 1945 года штабс-ефрейтором батареи береговой артиллерии на Хельском полуострове. Его с товарищами также постигла участь военного плена. Солдаты в деревне Хайстернец на Хельском полуострове привели в негодность свое оружие, аппаратуру связи и ждали победителей. Красноармейцы приехали на повозках, запряженных лошадьми. Немцы построились и пошли на восток.

Пленные из ледяных подвалов Сталинграда, с просторов Курляндии, с зеленого берега Хельского полуострова, откуда бы они ни прибывали, перед всеми ними стояла одна задача — выжить. Выжить в мире, где самый ничтожный превращался в великого, где все было не так, как в Европе, в условиях, к которым они не были подготовлены ни телесно, ни духовно, — в лагере Восточного полушария, в советском ГУЛАГе.

Изможденные, изголодавшиеся и часто смертельно больные, выжившие попадали в советские лагеря. В бараках и землянках пленные солдаты пытались приспособиться к новым условиям. Этот медленный процесс приспособляемости был одним из самых больших приключений плена. Он представлял собой ожесточенную борьбу за жизнь и часто приводил к замечательным, удивительным, гротескным явлениям.

Советские власти распределили более трех миллионов немецких солдат, попавших в их руки в качестве военнопленных во время Второй мировой войны, по 3000 лагерям Советского Союза. Сеть лагерей простиралась от Полярного круга до самого юга Советского Союза, от Украины до Сибири. От некоторых лагерей до Германии было две тысячи, от других — шесть тысяч километров.

Лагерь прежде всего означал для военнопленного заключение в тесное пространство. Связной-мотоциклист Эрих Новак рассказывал о санчасти в Вольске на Волге: «Около 1500 пациентов лежали по двое на узких проволочных койках, проволока у некоторых оставляла следы на теле. Из-за недостатка мест ноги лежали у головы товарища».

Удо Джулини о санчасти для военнопленных в Орске на Каме: «Мы лежали по четыре человека под двумя одеялами на одной койке. У всех был сыпной тиф».

Эрих Новак рассказывал о судьбе обмороженных солдат: «Некоторым из-за того, что не заживали раны, раз за разом делали ампутации, иногда выше колена. Из-за нехватки перевязочных средств раны перевязывали слишком поздно. Однажды мой сосед начал ужасно кричать. Сначала он умолял прийти сестру, потом нас. Мы могли бы снять ему повязку, но, так как это было строго запрещено, мы боялись. Но его крики о помощи не прекращались, мы наконец освободили ему культю голени. Теперь мы поняли, из-за чего он так мучился. Обнажились большие куски гниющего мяса».

Здоровые или лишь трудоспособные пленные должны были мириться с такой же давящей теснотой. В бараки набивали по 200 человек. В любом случае у пленного было место на нарах, где лежали по два человека внизу и по два человека сверху. На спальных местах порой не было даже соломы. Они были сколочены из неструганого дерева.

Многие немцы проводили свои дни и ночи за колючей проволокой в землянках. Один из пленных рассказывал комиссии, как строили землянку: «Вынимали землю, в середине выкапывали проход, слева и справа образовывались земляные банки, служившие местом для сна. Лагерь лежал почти на поверхности земли, потолок перекрывали хворостом или камышом и плотно засыпали землей. Дрова для обогрева нужно было добывать незаконным путем».

В бараках плодились блохи, а под бараками — крысы. Один из пленных рассказывал: «Некоторые товарищи, особенно чувствительные к блохам, совсем почти не знали покоя. Ночами можно было видеть их, стоящих под лампами с рубашкой в руках, а все их тела были в многочисленных красных пятнах».

В лагерях оформился новый порядок, новая иерархия власть имущих и пособников. Образовывались совершенно новые формы господства с новыми правящими слоями или классами. Основой для

такого развития было бесправие пленных, неограниченный произвол охраны и ее немецких пособников.

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных для определения положения власти и господства в больших лагерях для военнопленных между Полярным кругом и Черным морем и для характеристики нового господствующего класса цитировала критика югославской системы Милована Джиласа: «Единственное различие между этим новым классом и другими состояло в том, что он грубо отвергал критику своих иллюзий и своего господства. Этим он доказывал, что его власть больше, чем каких-либо прежних классов в истории, и, соответственно, больше были его классовая темнота и классовые предрассудки».

В лагерях для военнопленных в Советском Союзе многие места в лагерной администрации были заняты немцами. Русские нередко использовали лагерных функционеров как слепо повинующихся слуг и доносчиков. Они их планомерно коррумпировали, при этом они допускали, чтобы немцы создавали себе преимущества за счет своих товарищей. Чем более жестокими они были, тем лучше устраивалась их собственная жизнь.

Один из пленных сообщил научной комиссии о лагере Роцовка, где бывший служащий охранного батальона выдвинулся на должность старшего по лагерю и стал жестоким мучителем людей, чтобы завоевать расположение советской охраны.

Другой солдат рассказывал о лагере под Кировом: «Когда кто-то не мог больше работать, его избивал кулаками и ногами свой же немецкий старший рабочий, а потом он назначался еще и на штрафную работу в лагере... Особенно старался командир роты. Эта свинья вымещала на нас свое садистское бешенство за любую мелочь. Он избивал людей, пока они не падали».

Научная комиссия по истории военнопленных указывала: «Возникает трудный для каждой армии вопрос, насколько должны и могут быть подготовлены ее солдаты к возможному плену. Мы наблюдаем сначала во многих случаях общую потерю ориентиров и неуверенность в том, как надо себя вести. Из-за отсутствия единства военнопленных несознательным элементам было не только легко получить должности и власть, но и властям страны пребывания стало возможно наделить их жалкими правами, которыми они были готовы поделиться с военнопленными.

Не все могли преодолеть шок взятия в плен, наполнявший их страхом перед уничтожением и чувством безысходности...»

Новый класс в лагерном руководстве занял ведущие посты, занимаемые прежде офицерами в войсках: новые лагерные хозяева на службе советской власти были несменяемыми. Один из пленных рассказывал о лагере в Саранске: «Многих откормленных и одетых в шикарное гражданское платье пленных, иногда более элегантных, чем русские офицеры, мы видели важно прохаживающимися по лагерю. Это была лагерная буржуазия, состоявшая из членов антифашистского актива и всех тех пленных, которые завоевали доверие русских и поэтому заняли лагерные должности».

Принадлежать к лагерной аристократии значило иметь легкую работу, в то время как остальные надрывались, это значило быть тепло одетым, тогда как остальные бегали в лохмотьях и мерзли, но прежде всего это значило получать более чем достаточно еды, в то время как остальные голодали.

В нищете лагерной жизни, при искусной тактике русских награждать за покорность, а за строптивость неотвратимо и жестоко наказывать, разваливался фундамент, на который во время войны прочно опирались большинство немецких солдат: товарищество.

Среди военнопленных по ничтожной причине возникали споры. Поднималась зависть. Само собой разумеющиеся прежде взаимопомощь и участие исчезли, если не считать их редчайших проявлений. Каждый прежде всего думал о самом себе, и только о самом себе.

Пленный солдат рассказывал: «Среди немцев царили даже неизвестные среди других народов разобшенность и разногласия».

Научная комиссия федерального правительства отмечала: «Многие сообщения свидетельствуют об отсутствии товарищества и взаимной поддержки. Для большинства пленных самое потрясающее переживание заключалось не в том, что они ощущали себя покинутыми прежними друзьями, а в том, что они были предоставлены самим себе. За редким исключением, у пленных создавалось убеждение, что их собственные цели совершенно отличаются от других и могут быть достигнуты только для них одних или для малой группы...»

Даже в серьезной обстановке солдат чувствует себя только тогда по-настоящему потерянным, если он понимает, что его оставляют товарищи...»

Но все же существовали две группы, отличавшиеся от толпы за колючей проволокой своей сплоченностью и солидарностью. Это были солдаты войск СС и японские военнопленные в русском плену.

Обе группы были меньшинством, с которым Советы обращались без всякого сочувствия. У них не было никаких шансов улучшить свое положение хорошим поведением.

Пленный немецкий военный священник рассказывал научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных о солдатах из дивизий войск СС: «Это были серьезные парни, которых тоже нужно было воспринимать серьезно».

Один из пленных докладывал научной комиссии о том, что его поразило в людях из войск СС в лесном лагере под Минском: «Заметное доброе товарищеское поведение».

Японцы, привезенные с берегов Тихого океана в глубь Сибири, оставались и без оружия за колючей проволокой сплоченными воюющими отрядами. Один из немецких военнопленных сравнивал в своем сообщении для научной комиссии низкорослых солдат с Дальнего Востока с тем видом, который имели его товарищи: «Я не переставал удивляться их национальной гордости и единству, совершенно отсутствовавшим у нас, немцев. Если одного из их офицеров сажали в карцер, японцев нельзя было заставить работать ни угрозами, ни побоями».

Обер-лейтенант Удо Джулини рассказывал о своих впечатлениях о бывших братьях по оружию с Дальнего Востока. Голодный японский офицер украл мешок гороха. Русское лагерное начальство хотело наказать вора. Оно потребовало у соответствующего японского полковника прислать вора в комендатуру.

Джулини: «Японский полковник заявил, что тот не пойдет, так как японский офицер, крадущий продовольствие у своих товарищей, должен сделать харакири. Была объявлена тревога, и последовал обыск. Через пару часов в бараке нашли мертвого японского офицера: харакири!»

Устало брела группа пленных через лагерные ворота. Десять часов тяжелого принудительного труда были позади. Одна мысль овладевала человеком: о голоде и еде. Вдруг в бараке раздается бешеный крик: «Мой хлеб! Кто стащил мой хлеб?»

Люди из барака смотрят на двух своих товарищей. Только эти двое или один из них могли быть ворами: это были пленные, которые были слишком слабы для того, чтобы работать, и поэтому целый день провели одни в бараке.

Вор сознался при первом вопросе. Что потом произошло в русском лагере для военнопленных под Бечицей, вспоминал один немецкий солдат, бывший свидетелем этого: «Наиболее сильные из на-

ходившихся в бараке набросились на вора, спустили с него штаны и обработали кожаными ремнями его задние части. Нужно ли было сочувствовать жертве, дергающейся и кричащей от боли? Если бы кражу оставили без наказания, тогда практически каждый мог бы таскать хлеб у других, а хлеб для нас значил столько же, сколько и жизнь!»

Наказание для воров, кравших хлеб в лагерях, было неумолимо жестоким. Наказывали, невзирая на возраст и чин.

Полковник, профессиональный офицер, крался ночами по барраку и опустошал мешочки, в которых солдаты хранили сбереженный от еды хлеб.

Человека раздели и протащили через пять барakov. Удары градом сыпались на его спину и задницу. После этого он попал в санчасть. Вторая часть наказания: русский комендант лагеря посадил вора на четыре дня в строгий карцер. Затем последовала третья часть: полковника провели перед строем пленных.

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных писала: «С самого начала военнопленных очень занимал вопрос, почему один так быстро изменил свое поведение, а другой, несмотря на такие же или большие тяготы, сохранял прежнее...

Неоднократно мы также встречали мнение, что в целом поведение людей старше пятидесяти лет было хуже, чем более молодых. При этом не следует, однако, забывать, что с возрастом перестройка на другие условия жизни протекает значительно сложнее, а в экстремальной обстановке советского плена часто была совершенно невозможной...

При чрезвычайной опасности для жизни социальные составляющие инстинкта самосохранения вытеснялись или отключались. С другой стороны, несомненно, что сильный, то есть развитый, мотив, в том числе и социальный, остается несравненно дольше действующим, чем неразвитый. Часто поэтому говорят о силе воли, которая одним, в отличие от других, позволяла вынести самые суровые тяготы...»

Шансы на успешный побег из Советского Союза были так малы еще и потому, что почти любую подготовку к побегу, хотя бы экономии продовольствия, невозможно было скрыть от товарищей.

А некоторые из так называемых товарищей в бараках работали шпионами русских. Священник из лагеря в Саранске описывал одну из ночей 1946 года: «В три часа дали сигнал на переключку. Мы простояли до шести часов, а переключки все не было. Два офицера со-

вершили побег. Вскоре мы узнали, что один из них, судетский немец, застреленный, лежит между рядами проволоки. Другого, подполковника, пристрелили в километре от лагеря. Об их подготовке к побегу донесли. Предатель будет хладнокровно наслаждаться хлебом и табаком».

Пленных, предававших своих товарищей, в советских лагерях было достаточно. По этому поводу научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных констатировала: «Донositельство наряду с голодом и тяжелой работой было для многих тяжелой духовной нагрузкой, так как сознание факта, что больше нельзя доверять своему ближнему, давило сильнее многих лишений».

Русские густо насадили доносчиков в лагеря, бараки и землянки. Они следили не только за приготовлениями к побегам или акциям, которые, вероятно, могли быть для них опасными, но и оперативно изучали настроения, привычки и политические взгляды пленных. Некоторые пленные добровольно соглашались следить за своими товарищами, других советское начальство принуждало угрозами шпионить в бараках.

Один из пленных рассказывал о лагере под Борисовом: «Шпионы получали лучшее питание и одежду. Многие шпионы руководствовались политическими мотивами. Они были членами антифашистских комитетов. От этих шпионов получена большая часть материалов, послужившая в 1949 году советским судам для того, чтобы осуждать военнопленных за якобы совершенные военные преступления на двадцать пять лет принудительных работ».

Научная комиссия пишет об использовании шпионов: «Каждая тоталитарная система работает со шпионами для сохранения своего господства. Поэтому Советы стремились создать и среди военнопленных прочную систему шпионажа. Немецкие военнопленные не были подготовлены к бесчинству шпионов, они совершенно не задумывались о возможности использования шпионов и совершенно не рассчитывали, что планомерно собирается материал для судебных процессов».

Что уже знал немецкий солдат о шпионах? Знал кое-что по слухам, из рассказов про шпионов, анекдотов, которые шепотом рассказывали про гестапо, и это, пожалуй, все. Система же была построена таким образом, что в каждом помещении, в каждой рабочей бригаде, в каждом официальном и неофициальном кружке был, по крайней мере, один человек или в любом случае должен был быть, который

обо всем и о каждом сообщал советскому начальству, — это удалось усвоить только горьким опытом...

Факт, что немецкий солдат ничего не знал о шпионах, а немецкий офицер не жаловал доносчиков и никогда не терпел их в своем подразделении, не только не защитил немецких военнопленных от шпииков, но и сначала сделал их беззащитными...

Лишь постепенно военнопленные научились защищаться от доносчиков: пассивно — путем осторожности в разговорах, активно, причем лишь в редких случаях, путем самосуда».

Пленные в лагерях были бессильны перед доносительством и предательством. Они опасались жестокого наказания от русских за избиение или убийство доносчика. Иногда все же неожиданно представлялся случай для мести, для смертельной мести. Герман К., фельдфебель 31-й пехотной дивизии, попавший в плен в битве на Курской дуге летом 1943 года, был свидетелем того, как товарищи казнили предателя.

Лето 1946 года. Лагерь на Северном Кавказе. Тяжелый зной августовского дня висит над бараками. На лагерной улице — отдельные фигуры. Ослабленные голодом и болезнями, пленные проходят усталыми шагами. С караульных вышек поглядывают русские часовые с автоматами в руках. Далеко разносится дымок их папирос. У лагерных ворот поднимается шум. Но пленные в лагере не обращают на это внимания. Они знают, что рабочие команды пленных возвращаются так же, как и ежедневно. У ворот русские военные считают пленных. Монотонно слышатся русские числительные на лагерной улице. Потом раздается громкий голос. Он становится сильным, гневным, срывающимся.

Пленные в лагере видят, как у ворот один из русских поднимает оружие, взяв его за ствол, и бьет им одного из пленных по голове. Часовой на вышке у ворот стреляет в воздух. Потом снова все успокаивается.

Колонна идет по лагерной улице. Четверо несут избитого товарища, из раны на голове которого течет кровь. Наступает вечер. Жара не спадает. В бараках сидят голодные пленные, ворчат. Речь идет о происшествии у ворот.

Ничего особенного в нападении русского на немецкого военнопленного не было. Произвол. Но унтер-офицер Эрих Ф., попавший в плен в Кенигсберге, не хотел так просто оставлять своих товарищей в летаргии. Он говорит о скудном питании, о тяжелой работе, о бесправии, о больных и убитых.

А потом он произносит опасное слово: забастовка, пассивное сопротивление, единственное оружие слабых и бесправных. Унтер-офицер Эрих Ф. знает, какой опасности себя подвергает. Призыв к забастовке в глазах русских является бунтом, саботажем, сопротивлением, а он — зачинщиком.

Но он знает: еще больше товарищей умрет, товарищи потеряют свое здоровье, если условия в лагере не изменятся. Пленные кивали, соглашались с ним, говорили о том, как им выдержать забастовку, если русские перестанут выдавать им еду.

Но до забастовки дело не дошло. Вечером унтер-офицера Эриха Ф. вызвали в лагерную комендатуру. Его товарищи видели, как он выходил оттуда под конвоем двух русских солдат. Его отправили в лагерный бункер — помещение ниже уровня земли, таких размеров, что в нем могут лежать вытянувшись всего два человека. Там не было ни нар, ни табурета, ни посуды, он был бетонированный, и там было только отверстие для доступа воздуха. В нем Эрих Ф. просидел двадцать восемь дней на урезанном пайке, то есть его голодный паек был еще и урезан.

Теперь пленные знали, что Эриха Ф. предали, но не знали кто. Никто не осмеливался посмотреть другим в глаза. Разговаривали они мало, еще меньше обычного. Лишь те, кто особенно хорошо знал друг друга, кто вместе воевал, еще доверяли друг другу. Через несколько дней — Эрих Ф. еще сидел в карцере — пленные решили узнать, кто его предал, кто опасный лагерный шпион. Помог случай. Один из пленных, участвовавший в уборке комендатуры, забыл там свою шапку и захотел ее забрать.

В комендатуре он увидел, как открывается дверь в комнату капитана политической полиции, из нее появляется пленный Зигфрид М., а за ним дружески улыбающийся офицер НКВД. Пленный, хотевший забрать свою шапку, увидел в углу комнаты стол с двумя пустыми тарелками. По коридору витал легкий запах жареной картошки с салом.

Для пленных все стало ясно. Когда кого-либо из них вызывали к офицеру НКВД, задавали вопросы, допрашивали, но есть никогда не давали. Офицер ругался, угрожал, но никогда не улыбался. Никогда допрошенных военнопленных он не провожал до двери.

С этого момента пленные начали наблюдать за Зигфридом М. Их подозрения усиливались. Он пытался вступать в разговоры, завоевать доверие, всегда появлялся там, где собирались пленные.

Понятно, что в лагере было еще много доносчиков, но Зигфрид М. был особенно энергичным, особенно страстно стремившимся к тому, чтобы подвести товарищей под монастырь.

Так и осталось неизвестным, что им двигало: только ли голод, предвкушение порции жареной картошки с салом или надежда на скорейшее возвращение домой. Он был предателем, но он был неприкосновенным и состоял под защитой русских. Вскоре, несмотря на то что он был здоров и хорошо упитан, его перевели на легкие лагерные работы. Его одежда резко отличалась от поношенных брюк и курток его товарищей. Однажды он появился в сапогах, блестящих от ваксы. Целый год он шпионил за пленными, подслушивал, подсматривал, следил за их вечерами, контролировал их жизнь, докладывал русским обо всем происходящем. Наконец карцер в лагере стали называть «Зиг-фридбург». В пленных поднималась ненависть, но они ее вынуждены были подавлять.

Но потом, летом 1947 года Зигфрид М. совершил ошибку. Смертельную ошибку. В лагерной санчасти работала русская медсестра, молодая и хорошенькая. Зигфрид М., здоровый и молодой, имеющий много свободного времени, начал ухаживать за русской. Но медсестра очень нравилась одному русскому офицеру.

Заслуги шпиона не смогли защитить Зигфрида М. от ревности русского. Он убрал соперника с дороги простым способом: русский настоял, чтобы Зигфрид М. работал точно так же, как и любой другой трудоспособный пленный. С этой поры Зигфрид М. по утрам становился в рабочую колонну, а вечером возвращался назад, усталый и изможденный. Одежда его изнашивалась, сапоги больше не блестели. Люди, которых он предавал, с ним больше не разговаривали. Он чувствовал их ненависть и боялся мести.

Час расплаты настал в сентябрьский полдень 1947 года. Военнопленные валили лес и складывали стволы в штабеля. Один из штабелей находился на откосе, предохраняемый от развала и раскатывания бревен кольями. Во время краткого обеденного перерыва пленные ели свой кусок хлеба. Русские часовые находились здесь же, расставленные по лесу.

Зигфрид М. поднялся на склон. На фоне еще по-летнему голубого неба поднимались зеленые вершины деревьев. Перед ними были темные очертания срубленных, распиленных и сложенных в штабель бревен. Зигфрид М. мог еще видеть, как этот штабель пришел в движение, как бревна, рассыпаясь и падая, с грохотом покатались вниз по крутому склону. Увернуться он уже не смог. Через одну-две секун-

ды масса огромных бревен сбила его с ног, стволы деревьев катились прямо по нему. Когда подошли часовые, он был уже мертв.

Русские осмотрели труп, поднялись по склону, осмотрелись. Двое пленных в ста метрах рубили дерево. «Несчастный случай на производстве», — сделали заключение русские.

В лагере Валга недалеко от Риги пленным тоже удалось отомстить доносчику. Человек, ненавидимый всеми, работал среди других немцев на строительстве домов. Он стоял на лесах. Два солдата столкнули его вниз. Он умер.

Многие пленные, которые не смогли во время плена отомстить за предательство, отложили исполнение мести.

Обер-лейтенант Удо Джулини описывает отношение японских военнопленных к доносчикам из своего числа: «Было очень мало японцев, которые по политическим соображениям выделялись из общего числа и работали на русских. Годами позже возвратившиеся на родину японцы сообщали, что случалось по пути домой с этими шпионами: по дороге их теряли в море». То есть в виду японских островов их бросали за борт.

Хирург доктор Куно Валь при возвращении домой стал свидетелем такого случая: «На первой остановке поезда на Западе мы видели убегающего залитого кровью пленного из возвращавшихся. Его избивали товарищи. Было слышно, как они кричали: «Доносчик! Палач своих товарищей!»

Научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных один из свидетелей рассказывал, что случилось с двумя шпионами по дороге в Германию после плена: «При возвращении домой мы выбросили двоих из поезда на ходу. Головой вперед! Я понимаю, насколько это было ужасно. Это было страшно — именно на пути домой. Мужчина плакал и выл».

Марш через Москву

На аэродроме в Бобруйске высоко взлетает песок. Густая пыль висит в воздухе. Гремят взрывы. Непрерывно сыплются мины и снаряды. Это 27 июня 1944 года, вторник. Войска 1-го Белорусского фронта окружили объявленный Гитлером «крепостью» город Бобруйск на Березине. Аэродром удерживали солдаты автомобильной роты, ведя отчаянную оборону. Среди них был сорокашестилетний ефрейтор Фриц Финке.

Эта сцена — эпизод крупного советского летнего наступления 1944 года против немецкой группы армий «Центр», которая с 400 тысячами человек своих четырех армий на семисоткилометровом фронте уступом выдавалась далеко на восток.

22 июня, в третью годовщину войны началось советское наступление четырех фронтов, насчитывавших 2,2 миллиона человек. Внезапно, так как Гитлер и его Главное командование ожидали советское наступление на юге Восточного фронта. Гитлеровский рецепт обороны для захваченной врасплох группы армий «Центр» основывался на его стратегии крепостей и укрепленных районов. Гарнизонам определенных городов было приказано держать жесткую оборону до последнего патрона, таким образом, мощное наступление должно было быть отражено. Среди прочих к крепостям были отнесены Витебск, Орша, Могилев, Минск и Бобруйск. Но советское наступление с шестикратным превосходством в живой силе и десятикратным в танках и тяжелом вооружении сметало все на своем пути. Утром 28 июня положение немцев в Бобруйске стало безнадежным. Части разгромленных дивизий устремились в город. Командиры дивизий стрелялись. Воцарился хаос. Ставка фюрера дала разрешение на сдачу города. Гарнизон прорвался. Осталось 5 тысяч раненых.

Фриц Финке и его товарищи из автомобильной роты прорывались вместе с частями 20-й танковой дивизии на северо-запад. Вокруг них расстилалась болотистая местность, поросшая кустарником и низкими деревьями. Но русские танки шли за немцами по пятам. Наконец 30 июня оказалось, что русские танки впереди, с флангов и сзади. Выжившие солдаты из автомобильной роты сдались в плен.

Фриц Финке рассказывал, что случилось сразу после того, как красноармейцы взяли их в плен: «Я должен был с тремя товарищами сидеть на танке на корточках рядом с гусеницей. На полном ходу танк шел по густому лесу. Нам стали ясны намерения танкистов: толстые стволы деревьев должны были сбить нас на гусеницы».

Фриц Финке и его товарищи выдержали это. На следующее утро пленных из автомобильной роты вместе с парой сотен других немецких солдат отправили на восток, в направлении Москвы. Люди шли целый день. Им не давали ни пить, ни есть. Фриц Финке рассказывал: «Упавших или отстававших от слабости товарищей конвойные расстреливали».

Колонна несчастных вышла к железнодорожной насыпи. Люди сразу же повалились там, где остановились. Потом вдали послышался глухой шум поезда. Подошел паровоз с парой товарных вагонов.

В них охрана плотно затолкала пленных. Двери заперли, окна за-тянули колючей проволокой. Потом поехали. Место назначения — Москва.

Обер-лейтенант Ханс Гуммельт положил свой пикирующий бомбардировщик набок. Ju-87 четко слушался рулей. Русское летнее небо исчезло из виду, под ним широко раскинулась земля.

Обер-лейтенант из учебной эскадры пикирующих бомбардировщиков, раньше носившей название эскадры Гинденбурга, проводил разведывательный полет вдоль Двины. 3-й Белорусский фронт окружил город Витебск, расположенный на этой реке, — другую «крепость» группы армий «Центр». Восточнопрусская 206-я пехотная дивизия оказалась в ловушке. Кавалер Рыцарского креста Гуммельт вылетел на своем пикирующем бомбардировщике, чтобы по возможности оказать поддержку сухопутным войскам при прорыве.

Внезапно самолет облепили облачка, он накренился. «Штука» оказалась в прицеле советских зениток. Уйти от них Гуммельт не смог, его подбитый самолет падал. Гуммельт выпрыгнул с парашютом. Приземлился невредимым. Русские его не поймали. Пилот пикирующего бомбардировщика посмотрел на компас и пошел на запад, к немецкому фронту.

На третий день счастье изменило ему. Гуммельт прятался в лесу. Ему хотелось спать. Он набросал кучу хвороста и забрался под нее. Русский солдат вышел прямо на это место. «Хенде хох!» Рыцарский крест сорван. Часы отобраны, погоны сорваны. Избиение. Так Ханс Гуммельт попал в плен. Вместе с другими немецкими пленными его отправили пешком в Витебск. Там их посадили в товарные вагоны. Поезд вышел из города и отправился на Москву.

Капитан Герхард Аппель, командир разведывательного батальона 6-й воздушно-полевой дивизии, в конце июня 1944 года во время арьергардных боев разгромленной группы армий «Центр» с двумя обер-ефрейторами своего батальона возвращался с командного пункта дивизии на свой временный командный пункт. Внезапно перед ними оказались советские солдаты. «Хенде хох!» Плен! Русские делали угрожающие движения оружием. Заставили немцев рыть ямы — могилы самим себе. Но потом все же русские оставили их в живых. Они погнали их перед собой к огромной колонне других пленных. Затем последовал многокилометровый пеший марш до Витебска. Паек — одна буханка хлеба на десять человек. В Витебске русские затолкнули немцев в товарные вагоны. Место назначения — Москва.

Ефрейтор Фриц Финке, обер-лейтенант Гуммельт, капитан Герхард Аппель и все их товарищи, отправленные в Москву, были живым трофеем крупнейшей битвы на уничтожение, которую Красной Армии удалось провести во Второй мировой войне: разгрома немецкой группы армий «Центр» летом 1944 года.

Только в котле под Витебском погибли 20 тысяч немецких солдат, 10 тысяч попали в плен. То же самое было и в других «крепостях». В изданной в Советском Союзе «Истории Великой Отечественной войны» московская историография с триумфом заявляет: «Во время наступления нашими войсками в Белоруссии были разбиты 80 дивизий немецко-фашистской армии. Из них более 30 окружены и полностью уничтожены». Хотя там и не было 80 дивизий, так как в составе группы армий «Центр» насчитывалось всего 40 дивизий, на Восточном фронте по Балканам, которому угрожало наступление, было всего 34 дивизии.

И все же в боях участвовали 38 дивизий. Двадцать восемь были полностью уничтожены. Это была катастрофа невиданных до сих пор размеров. Было потеряно от 350 до 400 тысяч немецких солдат. Раненых, убитых, пропавших без вести. 200 тысяч могут считаться убитыми. 85 тысяч попали в плен.

Русские хотели насладиться такой победой над немецким врагом. Кремлевский властитель Иосиф Сталин не удовольствовался тем, что пленных упрятали в лагеря. Их должны были провести перед советским народом, во всем их ничтожестве. Это должно было стать живым доказательством триумфа над Германией.

Пример для инсценировки, которая должна была теперь состояться, победитель Сталин взял из обычая античных империалистов — древних римлян. Римские полководцы после больших побед проходили шествием по Риму, а за ними вели их пленных по точно установленному маршруту: шествие начиналось на Марсовом поле и завершалось перед храмом Юпитера на Капитолийском холме. Улицы заполняли тысячи зрителей. Такое триумфальное шествие устраивалось только тогда, когда врагу было нанесено решительное поражение: минимальным количеством было 5000 убитых врагов. До 19 года до нашей эры Рим отпраздновал триумфальными шествиями 320 таких битв. За полководцем-триумфатором следовали отряды его солдат. Они проносили перед публикой трофеи. Сам полководец был облачен в шитые золотом пурпурные одеяния, лицо его было раскрашено красным суриком, а голова украшена лавровым венком. Во время шествия он стоял на колеснице, инкрустированной слоновой

костью, золотом и драгоценными камнями. Но самой значительной частью триумфального шествия были пленные, взятые в выигранной битве. Часто их сковывали цепью друг с другом. Ругань и издевательства толпы на обочинах улиц унижали пленных. Политические и военные вожди пленных всегда переживали триумфальное шествие как последний час своей жизни. Сразу по окончании марша их казнили.

Именно этот варварский спектакль общественного унижения побежденной и разгромленной армии задумал Сталин для пленных, захваченных в крупнейшей битве на уничтожение летом 1944 года. Победа над группой армий «Центр» должна была увенчаться маршем мести в римском стиле. Врага нужно было вывести напоказ, как достойную презрения шайку бродяг.

Всего Сталин приказал в первые недели июля 1944 года доставить в Москву 55 тысяч пленных немецких солдат. Из товарных вагонов, едва держась на ногах, выходили люди, не евшие несколько дней. Жажду они пытались утолить только каплями дождя, висевшими на колючей проволоке, натянутой на вагонных люках.

Пленные были обысканы и ограблены. У них отобрали часы и кольца. На некоторых остались только рубашка и брюки. Под направленными на них автоматами они были вынуждены снять с себя сапоги. Вместо сапог русские бросали немцам старые автомобильные покрышки. Из них вырезали подошвы и привязывали к ногам телефонным кабелем.

Основная часть немецких военнопленных была собрана на широком поле московского ипподрома. Пожарные привезли воду. Ее было достаточно, чтобы утолить жажду, но для умывания ее не хватало. Многие солдаты страдали от поноса. Форма была неопишимо грязной.

Из своего лагеря на дорожках ипподрома пленные видели салют в ночном небе. Кремль был иллюминирован. Русские праздновали освобождение их армией городов Гродно и Вильнюса.

Пленные голодали. Но все же вечером 16 июля 1944 года русские раздали усиленный паек — кашу и хлеб с салом. Пленных надо было привести в форму перед большим маршем. Утром 17 июля над Москвой взошло красное припекающее солнце. На небе не было ни облачка. Русские солдаты забегали по ипподрому: «Давай, давай!» Пленные поднимались с трудом. Новый приказ: «Строиться в шеренги по восемнадцать человек!» Издалека доносилась мелодия русского марша, который исполнял оркестр Красной Армии.

Пленные строились в «коробки» по 600 человек, тщательно поделенные на офицеров и солдат. Шествие несчастных началось. Ворота ипподрома открылись. Перед глазами военнопленных лежала улица Горького длиной в несколько километров и шириной почти 70 метров. Улица была заполнена людьми. Они стояли плотными рядами, это были в основном дети и много пожилых женщин. Перед ними в три шеренги стояли солдаты-гвардейцы Красной Армии с винтовками, к которым были примкнуты штыки. Перед воротами ждали кавалеристы, в основном монголы и татары. На саблях, которые они держали наголо у плеча, блестело солнце. Позади них ждали солдаты на мотоциклах с колясками. В колясках сидели пулеметчики, державшие немецких солдат на прицеле своих пулеметов.

Последовали команды. Первая колонна пришла в движение, но вскоре остановилась. Все было отрежиссировано, как в театре. Из прилегающей улицы красноармейцы вывели в голову колонны главный номер программы — немецких генералов, попавших в советские руки при разгроме группы армий «Центр». Их не ограбили — они были одеты в свою форму, с орденами и знаками отличия: значками за ранения, Железными крестами, Рыцарскими крестами, Немецкими крестами в золоте. Законченный изощренный спектакль: генералы при полном параде впереди своих оборванных, загаженных солдат. При разгроме группы армий «Центр» из сорока семи немецких генералов десять были убиты на полях сражений, двадцать один был взят в плен. Среди них находились два командира корпусов, начальник инженерной службы, комендант района обороны и семнадцать командиров дивизий.

Пленные генералы переминались с ноги на ногу во главе своих солдат. Снова команды на русском языке: «Давай, давай!» Пленные начали маршировать на месте. Марш! Необозримая колонна потекла с ипподрома на праздничную улицу. Более 90 маршевых групп. От головы до хвоста колонны более трех километров: символ полностью разгромленной армии. Пленные шли вниз по улице. Грязные, завшивленные, оборванные. Многие не могли умыться в течение многих дней, небритые, к их изможденным лицам приклеился шлак с дорожек ипподрома.

Доктор Ханс С. Зимер в своей книге «Встреча с двумя мирами» вспоминает: «Я шел в рейтузах, в разбитых сапогах, на которых оставалась еще одна шпора, в окровавленной рваной рубашке. Люди с удивлением смотрели на жалкие остатки того легендарного, непо-

бедимого, всегда победоносного германского вермахта, которые теперь проходили мимо побежденные и оборванные».

Адольф Хубен, обер-фельдфебель штаба 383-й пехотной дивизии, вспоминал: «Некоторые пленные маршировали в подштанниках, почти у всех на лицах были трехнедельные бороды».

Обер-ефрейтор Петер М. из 413-го пехотного полка 206-й пехотной дивизии рассказывал: «К полудню температура достигла 40 градусов, и асфальт на улице стал мягким. Тысячи пленнх шли босиком, или в одних портянках, или в парусиновых тапках. При ходьбе они испытывали адские муки».

Но худшим было то, что «обильный ужин, который накануне вечером был дан пленным, у многих вызвал сильный понос. Подгоняемые вперед русской охраной, они справляли нужду на ходу». Ефрейтор Фриц Финке: «Некоторые товарищи, страдавшие недержанием, вынуждены были справлять нужду в консервные банки, которые несли с собой». Пленный Эмиль Шурек: «В нашем строю мы помогали друг другу тем, что держались под локти». Два человека при этом брали третьего в середину.

Конные конвоиры кричали и показывали дикими жестами на загаженных, страдающих недержанием пленнх с консервными банками для отправления нужды: «Германски никс культура».

Люди за оцеплением на тротуарах улиц громко кричали. Над шествием разбитых неся крик из тысячи глоток: «Гитлер капут!»

То там, то здесь летели камни. Из разбитых голов пленнх текла кровь. Обер-фельдфебель Адольф Хубен рассказывал о товарище, которого русские на обочине приманили хлебом. Хлеб держали перед ними, а когда голодные пытались взять его, их хватали, выдергивали из колонны и избивали.

Шествие двигалось дальше по улицам города, который именно эта разбитая армия прежде хотела захватить. «Давай, давай!» — кричали татары. Улицы стали уже. Толпа придвинулась ближе. Русские с тротуаров плевали в колонну, это они могли сделать, но все же не убить.

Очевидно, у солдат Красной Армии был приказ не допускать актов насилия по отношению к немцам. Сталин не хотел завершать триумфальное шествие смертью.

Обер-ефрейтор Петер М.: «Без охраны конного конвоя дело могло бы дойти до уличного побоища с населением. Я был свидетелем, как конник замахнулся саблей на женщину, набросившуюся на пленнх».

Впрочем, многие немцы, прошедшие тем жарким днем через столицу Советского государства, увидели в глазах и лицах многих зрителей больше сострадания, чем ненависти. Пленный Ханс Зимер, доктор: «Я видел некоторых женщин с лицами, полными сочувствия, я видел женщин со слезами на глазах».

Капитан Герхард Аппель: «Нас встречало много сочувственных взглядов». Ефрейтор Фриц Финке: «Я думаю, что на многих лицах можно было прочесть подлинное сожаление и сочувствие».

Шесть часов продолжалось унижительное представление. Затем поблизости от Кремля русские расформировали колонну несчастных. Пленные пошли к разным вокзалам Москвы. Там уже под парами стояли паровозы, которые должны были увезти их на просторы России. Охранники заталкивали немцев в товарные вагоны и запирали двери.

Ефрейтор Фриц Финке, взятый в плен под Бобруйском, вернулся домой с эшелоном раненых в конце 1945 года. Капитан Герхард Аппель, взятый в плен под Витебском в 1944 году, был отпущен из русского лагеря в Рождество 1949 года.

Пилот пикирующего бомбардировщика Ханс Гуммельт, сбитый 27 июня 1944 года под Витебском, вернулся на родину через двенадцать лет, в 1956 году.

Великий голод

Голод так же стар, как мир, и всегда был мощнейшей движущей силой истории. Голод заставил слезть людей с деревьев, заставил их стать охотниками, пастухами или земледельцами, и тот же голод способен отнять у людей человеческое обличье.

Голод превращает отцов в воров, матерей — в проституток, детей — в попрошайки. Он — сильнее стыда, брезгливости и чести. В русских лагерях голод делал из офицеров доносчиков, а из солдат — разбойников.

Не рабский труд, не колючая проволока, не холод — голод был главным мучением, от которого немцы страдали в России. Не было ни жиров, ни белков. Пленные жили на картофеле и зерне.

Картофель? Научная комиссия федерального правительства записала, что сообщал пленный из лагеря Сегежа: «Мерзлый оттаявший картофель, вонючий и наполовину гнилой».

Другой: «День за днем картофельная каша из совершенно гнилого картофеля. Уже за лагерем чувствовалась вонь от почерневшей картошки».

Пленный из лагеря в Свердловске: «В настоящее время в наш лагерь привозят картошку, которую по внешнему виду не отличить от брикетов бурого угля. Вся мерзлая и черная как уголь... но и ее досыта мы не можем есть».

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных пишет: «Неповоротливость товарного обеспечения, неизбежная при тотальном планировании экономики государством, затруднявшая удовлетворение потребностей советского гражданского населения, особенно при дефиците товаров, сказывалась также на немецких пленниках, поскольку продукт питания, который привозили, необходимо было есть неделями до тех пор, пока, может быть, его не заменяли другим».

Все немецкие пленные о питании в русских лагерях сообщали одно и то же, рассказывая о голодной жизни: «Когда снимали урожай капусты, то на протяжении нескольких месяцев был только водяной суп с капустой. Если не было крапивного супа, то подавали едва сваренные в воде зеленые помидоры».

В таллинском лагере в супе из соевой муки плавали мелко порубленные кусочки коровьей шкуры, которые своим мерзким запахом портили все содержимое тарелки. «Мясо, которое нам давали, почти всегда состояло из так называемых внутренностей (легких, рубца, кишок, вымени). Из-за жары и долгой перевозки эти внутренности приобретали сильный запах. Отвратительно пахли и супы».

Разумеется, пленные искали себе пропитание где только можно: травы, корни, листья и, например, даже змеи. Вот идет ловец змей — человек, одетый в деревянные башмаки и драное обмундирование. Его голова гладко выбрита. В руке — дубинка. Он идет, осторожно ступая. Время от времени он разгребает ногой пожелтевшую траву казахской степи.

Из кармана куртки он что-то достает — это мелкие камушки, которые он разбрасывает в стороны. Вдруг скользящее движение в траве. Три прыжка к этому месту, поднимает дубинку и бьет шипящую, дергающую языком змею. Удар смертелен. Тело рептилии еще шевелится: сибирская степная гадюка, около семидесяти сантиметров длиной, пасть с двумя ядовитыми зубами открыта для последней защиты.

Человек наклоняется, отрезает самодельным ножом змее голову, поддевает змею дубинкой и уносит мертвую живность. Охотника за змеями ждут две дюжины товарищей в своем бараке русского лагеря для военнопленных.

Со змеи сдирают кожу, потрошат и запекают на маленьком очаге. Потом режут на мелкие кусочки, естественно, одинакового размера. Жареная змея! Но все-таки мясо. Пленные поджарили также и внутренности и съели их. Змеиное мясо, чтобы выжить! Змеиное мясо, чтобы противостоять голоду, так как за голодом скрывалась смерть. Она сопровождает постоянный голод бесшумными шагами.

Во всех лагерях, рассеянных по Советскому Союзу, одна и та же картина: глядящие безразличными глазами, не весящие и пятидесяти килограммов, отошавшие до костей, настолько слабые, что уже больше не могут ходить, а только ползать, пленные.

Сообщение из лагеря в Васильевке: «Просвет между большой берцовой костью и малой берцовой костью было видно сквозь кожу».

За исхуданием следовал быстрый набор веса — частый предвестник скорого конца. Голодающие заболели водянкой. «Бывали больные водянкой, распухшее лицо которых по утрам после пробуждения нельзя было узнать. И они больше не могли носить никакую обувь».

Совет врача голодающим был такой: «Не поднимайте руку, если это не вызвано необходимостью».

Пленные берегли каждое движение. Они ходили очень медленно и едва отрывали ноги от земли. Каждый лишний сантиметр похищал силу, необходимую для выживания. Это была подавленная, шаркающая походка голодающих пленных.

Один пленный из лагеря в Боровичах сообщал: «Товарищи умирали один за другим. Рядом со мной лежал флотский капитан-лейтенант, пастор по профессии. Он поднялся, чтобы выйти. Без посторонней помощи вернулся, лег рядом со мной и, не сказав ни слова, умер».

Из лагеря в Дубровке: «Нас потрясло, когда по вечерам рабочие команды возвращались и на самодельных носилках из березовых стволов приносили товарищей, у которых был едва заметный пульс и больше никаких признаков жизни. Мы выставляли их в сенях, где они до следующего утра тихо умирали».

Из лагеря в Боровичах: «Один человек умер внезапно во время еды и сидел со склоненной головой так, как будто хотел порадоваться виду еды».

Из лагеря в Сталинграде: «Большая часть товарищей умирала на восходе солнца».

И снова из Сталинграда: «Каждый день на повозке, запряженной лошаадьми, для захоронения отправляли около двадцати покойников. Для того чтобы умереть, сюда поступали все новые товарищи».

Из госпиталя для военнопленных в Жирковке под Запорожьем: «Для пациентов ежедневно оставались литр водянистого супа и 350 граммов сырого хлеба. Смертность — тысяча сорок процентов в год! Соответственно госпиталь за пять недель вымирал целиком».

Солнце светило еще над восточным краем горизонта, когда пленные в лагерях хоронили умерших за день. Четыре человека поднимали умершего с его нар и несли к телеге. Процессия двигалась от барака к бараку. Потом иногда до двенадцати пленных впрягались в повозку и тянули ее на лагерное кладбище. Затем следовала молитва, потом печальный отряд возвращался в лагерь.

Последний командир 134-го гренадерского полка венской 44-й дивизии, носитель традиции полка «Хох-унд-Дойчмайстер»¹ полковник Артур Бойе рассказывал о зимнем лагере в Красноармейске: «Раздача вонючего супа, переключка и выдача жалкого хлебного пайка были тремя пунктами, вокруг которых вращалась жизнь. Остальное было голодом, для многих — тупым сидением, ожиданием смерти».

Немецкий врач доктор Куно Валь, в настоящее время хирург в Констанце, взятый в плен во время разгрома группы армий «Центр» летом 1944 года, по распоряжению русского военного врача проводил вскрытие немецкого военнопленного, умершего в лагере от недоедания.

Доктор Валь пишет в своем рассказе «Сожженный дневник» о том, как выглядел умерший голодной смертью: «Лицо — словно резина, натянутая на костистый череп. На шее ясно различимо выступает каждый мускул. Остальные мускулы почти исчезли и стали словно тонкие веревки. Гортань и трахея просвечивают сквозь кожу. Межреберные промежутки запали, живот ввалившийся, кожа касается позвоночника, проходящего как длинный вал от середины к низу

¹ Хох-унд-Дойчмайстер regiment — старейший полк австрийской армии.

тела. Кости таза выступают, словно торчащие в воздух кегли. Кожа при этом так натянута, что блестит... Вид такой, как будто где-то под кожей поставили вакуумный насос и высосали им все из тела».

И последний путь умерших товарищей был таким же безотрадным, как и смерть. Полковник Бойе о Красноармейске: «Каждое утро трупы умерших ночью товарищей забирали из барачков. Зимой их раздевали, так как их одежда еще могла помочь другим. За проволоку, намотанную на ноги, голые трупы оттащивали в угол лагеря и складывали в штабель, так как хоронить их в мерзлой земле было невозможно. Гора трупов росла день ото дня».

Один из пленных рассказывал о последнем пути из лагеря в Горловке: «Мертвых грузили на носилки. Это были только скелеты, настолько легкие, что даже мы, истощенные люди, легко поднимали труп. Мы пробирались через сугробы, ветер бросал нам в лица облачка мелкого как пыль снега. В воздухе слышалось тихое пение, кристаллы снега шуршали в низких деревьях, ветки трещали, начинало смеркаться. Мы торопились, было холодно. Мы ставили носилки, начинали отгрести в сторону снег. С трудом в промерзшей земле вырубали плоскую яму или просто углубление. Носилки подталкивали к краю. Один стаскивает брезент, другой поднимает носилки, заочевенные голые трупы скатывались вниз. Уже комья мерзлой земли стучат по мертвым, потом присыпают их снегом, об остальном позаботится ветер, который завтра скруглит неровные кромки плоского холма белым холодным саваном и укроет его. Господи, какой конец».

Во время Второй мировой войны в советский плен попали три с половиной миллиона немецких солдат. Более миллиона из них умерли в России. Большинство от последствий голода. Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных в своем заключении о количестве немцев, умерших в советских лагерях, все же подчеркнула: «Оно было значительно меньшим, чем число военнопленных, умерших во время Второй мировой войны в немецких лагерях...»

Пленный врач доктор Куно Валь вспоминал, что в братской могиле поблизости от города Рославль были похоронены около 20 тысяч советских солдат, умерших в немецком плену от голода. Доктор Валь сам благодарил советских людей за то, что выжил. В лагере для военнопленных он тяжело заболел. Он рассказывал: «Русские делали все, чтобы меня спасти. Я получал специальный паек».

Какова причина великого голода и голодной смерти в советских лагерях для военнопленных? Месть? Намерения советских победителей уничтожить своих врагов?

По мнению квалифицированных специалистов, такие ответы не соответствуют правде и действительности. Они считают, что существенным был тот факт, что выжженный и разоренный войной Советский Союз был не в состоянии обеспечить продовольствием свое собственное население, не говоря уже о пленных. После войны в России голодали крестьяне, рабочие, ремесленники и даже красноармейцы.

Научная комиссия федерального правительства утверждает: «Советский Союз, следует признать, предусматривал для немецких военнопленных почти такие же нормы снабжения, как и для собственного народа...

Естественно, халатность, безразличие, недостаточные транспортные мощности и недостатки экономики планового распределения несут большую меру вины за катастрофические условия, так же как и желание покарать агрессора. Однако главной причиной было общее катастрофическое положение с продовольствием в Советском Союзе после разрушительной войны.

К тому же 1946 год в результате чрезвычайной засухи, тяжелой за последние 50 лет, охватившей важнейшие зерновые районы, особенно Украину, Белорусскую и Молдавскую республики, был неурожайным. Урожай зерновых был ниже, чем в 1945 году, и, может быть, составлял не более половины от довоенного уровня...

Период голода среди немецких военнопленных продолжался до 1949 года...

Так как их судьба политически определялась внутривнутриполитической системой Сталина, то экономически они разделяли с советским населением те же трудности в снабжении. Они с ним голодали и так же, как и оно, стали свидетелями улучшения положения с продовольствием после того, как в течение 1947 года стали заметны первые успехи выполнения четвертого пятилетнего плана».

Общая нужда сближала немцев и русских. Один из пленных вспоминал: «Русские женщины приходили к нам на стройплощадку. Обычно они приносили табак, чтобы выменять его на хлеб для своих детей. Немало военнопленных из сочувствия отдавали свой последний кусок хлеба».

Один из возвратившихся домой из лагеря в Вологде рассказывал, насколько сильным был голод среди русского гражданского населения зимой 1946/47 года, последовавшей за засушливым и неурожайным летом: «В деревне почти шесть месяцев не было хлеба, люди ели картофель и капусту, которых тоже было мало. Они падали от

голода на улицах. А русская женщина-врач рассказывала, что сильно выросла смертность среди детей и стариков».

Но в голодные послевоенные годы между массой русского населения и массой военнопленных иногда бывало различие, очень важное для жизни или смерти.

Комиссия писала: «Их положение делал неопишимо сложнее тот факт, что колючая проволока исключала для них малейшую возможность добыть дополнительное пропитание, за счет которого жило гражданское население».

Поэтому перед немцами в русских лагерях постоянно маячила голодная смерть, а каждый прием пищи превращался в ритуал, преобразивший саму еду.

Хлебом пленных вряд ли можно было наслаждаться, но он насыщал. Русские выдавали немцам почти 600 граммов черного хлеба в день. Он был «мокрый, кислый и грязный». Он содержал гораздо больше влаги, чем немецкий хлеб.

Пленные могли спрессовывать порцию в маленькие комочки, но этот хлеб приносил то, чего не давали капустный суп и картошка: он насыщал. «Это была, — как вспоминал один пленный из лагеря в Рустави, — единственная плотная пища».

Немец из лагеря в Бежице: «Как только наши носы чувствовали аромат хлеба, рты сразу же наполнялись слюной».

В лагере под Новгородом сложили стишок: «Кто с голодом не был на «ты», что знает вообще он о хлебе?»

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь» — здесь, в русском плену, даже мужчины, прошедшие огонь и воду, страстно повторяли эту молитву. Для голодающих справедливость при раздаче пайка была вопросом жизни и смерти. Люди, делившие хлеб и разливавшие суп, пользовались особым доверием товарищей, вместе с тем отслеживалось каждое движение их рук.

Один из пленных рассказывал: «Я был свидетелем раздачи супа из бобов и шпината. Главный раздатчик разливал бульон, специально для этой цели избранная комиссия наблюдала, как считают бобы, которые делили отдельно. Отдельные листочки шпината выкладывались на доску, рассматривались в зависимости от длины, ширины и толщины черенка и наконец после точного раздела и повторного пересчета раздавались каждому».

Пленный из лагеря в Лесмазине: «Кроме хлеба, давали только неизменный жидкий суп. Хорошо, если на дне миски можно было обнаружить три или четыре зерна перловки. Пожелание одного иметь

столько же зерен перловки на дне своей миски, сколько вшей у него в рубахе, было воспринято серьезно».

Часто после раздачи супа по мискам в котле еще оставалось немного. На вторую порцию для всех сидевших в лагере этого уже не хватало, а только для добавки некоторым пленным. Добавка, немного дополнительной еды, могла отогнать голодную смерть, придать силы, нужные пленному, чтобы выжить.

Немцы разработали точнейшую до педантичности систему выдачи добавки. Дополнительная порция, на которую пленные возлагали надежды на спасение, приобрела ранг выигрыша в лотерею. Один из пленных рассказывал: «День, когда возникала возможность получить добавку, заранее рассчитывали и с нетерпением ждали».

Другой вспоминал: «Когда же подойдет очередь? Какой суп удастся получить, жидкий или густой?»

Но жидкого супа, пригоршни хлеба и возможной добавки никогда не хватало, чтобы утолить мучительный голод. От голода многих охватывало отчаяние. Они искали остатки пищи в уборных, рылись в отбросах.

В пензенском лагере: «В куче мусора голодные солдаты выискивали кости, картофельные очистки и мерзлые листья капусты».

В лагере Вагонзавод: «При работах по расчистке возле русских квартир, где перед дверями выбрасывали всякую дрянь, можно было видеть пленных, роющихся в дерьме и грязи, выброшенных русскими, чтобы найти что-нибудь съестное. Если они находили картофельные очистки или другие кухонные отбросы, жадно проглатывали их прямо на месте. За этим следовали тяжелые болезни».

Один из немецких военнопленных говорил, что он ел простую траву, другой, из саранского лагеря, рассказывал: «Я всегда собирал рыбыи глаза. Мы получали крупных рыбин. Я жарил рыбыи глаза на печи, а потом съедал».

Пленные из лагеря Вагонзавод вспоминали об успешной охоте на собак: «Хорошо поджаренные, на несколько дней они становились для нас хорошими съестными припасами».

Другой рассказывал о ловле кошек: «Кошки, если они еще и попадались, пользовались большим спросом. для того чтобы забивать и съедать их как дополнительное пропитание на праздники, такие, как День революции».

Немцы ели лягушек, ежей и, наконец, ящериц. Рассказ о съедении ящерицы: «Появилось чувство сытости. Я попробовал голос.

Он уже не был глухим, заметно тонким, хриплым голосом голодающего».

Один из немцев рассказывал, что он разработал технику отрыгивания. Он отрыгивал только что съеденную пищу из желудка опять в рот, чтобы таким образом подавить чувство голода.

В некоторых лагерях муки голода разрушили даже последнее табу. Научная комиссия федерального правительства зарегистрировала ряд сообщений о каннибализме.

В одном из лагерей на озере Байкал произошло следующее: «Жизнь здесь была такой, что ни один человек представить себе не может. Ели трупы товарищей, умерших в лесу, так как голод был мучительный».

Под давлением голода во многих советских лагерях распались товарищество, солидарность, которые, кроме надежды на возвращение домой, способствовали выживанию пленного.

«Последний товарищ умер под Сталинградом» — такое изречение стало лагерной поговоркой. Один немец из лагеря под Ригой рассказывал: «Первый, самый важный опыт: каждый стал ближним самому себе. Мир разрушился, когда я увидел, что стало из германского вермахта».

Из лагеря в Боровичах: «Один человек внезапно умер во время еды. Когда была установлена его смерть, возник оживленный спор, как необходимо разделить оставшуюся после его смерти пищу».

Из лагеря в Орске: «Товарищество почти полностью разрушено завистью из-за еды».

Из лагеря в Бокситогорске: «Каждый живет и тупо думает только о том, как бы поесть. Ближний его не волнует, равнодушные, беспощадные, всегда заботящиеся только о своих собственных преимуществах».

Голод некоторых немцев подталкивал на поступки, считающиеся в любой армии мира наиболее позорными: к доносительству и воровству у товарищей. Голод — здесь есть тому подтверждение — разрушает покров цивилизации, убивает общественное сознание, превращает солдат, отмеченных в их солдатских книжках высшими наградами за храбрость, в рабов или в волков.

Вся горечь преданных солдат содержится в этих коротких сообщениях немецких пленников: «За кусок хлеба немцы предавали друг друга и даже делали ложные доносы на ближних».

Или: «Добавка к обеду ценилась ими выше жизни товарища».

Перед голодом отступали достоинство и долго воспитывавшаяся мораль. Старшие офицеры с криком толкались у супового котла, а некоторые пленные видели крадущих священников.

Возвратившийся на родину из Боровичей: «Однажды я надеюсь забыть фамилию немецкого майора, укравшего у бедного солдата последний кусок хлеба».

Разочарование в своих товарищах, которое немецкие пленные испытали в лагерях, смягчалось добросердечием русских людей, сочувствия которых, как казалось пленным, они не заслуживали: охранников и гражданских. Пленный Альфред Герберсхаген из Зигена с благодарностью вспоминал: «Одна русская женщина давала мне, совсем еще мальчишке-пленному, еду на протяжении длившейся несколько месяцев рабочей командировки, так что я мог еще отдавать часть плохой лагерной пищи товарищам. После того как рабочая командировка закончилась, эта женщина продолжала присылать мне что-нибудь поесть через своего сына. Жаль, что нет никакой возможности отблагодарить этих людей. Там я смог почувствовать, что такое человечность».

Один из пленных писал: «У русского самого ничего не было. Но он добродушен. И если у него есть, он даст».

Пленный из лагеря в Астрахани: «Население в целом относилось доброжелательно».

Доктор Куно Валь узнал добросердечность русских вскоре после того, как попал в плен: «У обочины дороги расположилась русская крестьянская семья. Я увидел молоко в стеклянной банке. Крестьянин как раз начал ломать на куски каравай хлеба. Я не смог совладать с собой, подошел ближе и попросил кусочек хлеба. «Нет, — твердо, но не злобно ответил мужчина, — у нас у самих мало, а молоко нужно детям». За ним вступила в разговор крестьянка: «Ты что, не видишь, что он голодный? Нужно дать ему что-нибудь». Она налила полстакана молока, отломил маленький кусочек хлеба и протянула мне».

Пленный врач не раз становился свидетелем глубокой человечности русских женщин. Он заключил: «Доброта души русской женщины неповторима. Русские женщины — настоящие героини страны. Из глаз их струится подлинная сердечная доброта. Лицо удручено горем, руки усталые от работы, тело беременно».

Сообщения других немецких пленных отражают такую же спонтанную готовность русских людей прийти на помощь, их сострадание к вчерашнему врагу.

Во время марша пленных солдат по Симферополю из какого-то дома к колонне с криком бросилась женщина, сделала для конвоиров вид, будто она в бешенстве, замахала кулаком перед глазами у одного пленного и при этом незаметно сунула ему сверток с едой. В следующий момент она уже исчезла.

Пленный из лагеря в Каунасе рассказывал: «Гражданское население очень дружелюбно, благодаря его скрытой поддержке продуктами многие товарищи остались живы».

Многие пленные приписывают то, что они выжили в русских голодных лагерях, также и доброте русских евреев.

Один из пленных писал: «Один майор, русский еврей, всегда к пайку добавлял кусок хлеба, приговаривая: «Вы не должны думать, что мы, евреи, мстительны».

И, наконец, пленный, получивший в подарок от еврейки хлеб с куском сала: «Эту дополнительную еду я никогда не забуду. Дружелюбие еврейки было мне приятно».

Одним из самых боевых пленных, боровшихся во многих советских лагерях, был лейтенант Гюнтер Вагенленер.

15 августа 1945 года во время поездки в восточную зону Германии он был захвачен в плен советской стороной, несмотря на имевшееся у него действительное удостоверение о том, что он отпущен из британского плена, был объявлен советским пленным. Десять лет, до 28 сентября 1955 года, лейтенант Вагенленер, 1923 года рождения, работал не разгибая спины и голодал в пользовавшихся дурной славой советских рабочих штрафных лагерях и лагерях смерти.

Он был в лагере при каменоломнях в Шахтах, в Центральном лагере и в земляночном лагере в Новочеркасске. При попытке побега он был выстрелом снят с вагона. Ему выбили зубы. Советский начальник медицинской службы из-за ранения дал ему направление на возвращение домой, но его снова закрутила карусель плена. Он сидел в 4-м, 5-м и 6-м ростовских лагерях. Работал в угольной шахте 2-го лагеря в Новошахтинске. Сидел в карцере 14-го штрафного лагеря, в 1949 году за подстрекательство пленных, как зачинщик и пособник побегу в ходе пятиминутного процесса был приговорен к двадцати пяти годам принудительных работ. Выживал в новочеркасской тюрьме. Снова «за подстрекательство и поддержку мировой буржуазии» повторно был приговорен к двадцати пяти годам принудительных работ. Работал в лагере Асбест, в Дегтярке и в различных свердловских лагерях: десятилетнее путешествие по грустным ме-

стам плена, о которых с ужасом вспоминают десятки тысяч бывших немецких военнопленных в Советском Союзе.

Гюнтер Вагенленер, которому было 22 года, когда он попал в плен, и 33 года, когда его выпустили, был специалистом по сопротивлению произволу, злобе и издевательствам со стороны советских лагерных и тюремных служащих. Его метод: всегда ссылаться на формальные законы и распоряжения Советского Союза. Никогда не требовать ничего неисполнимого, всегда поражать систему в нерв. Его главным средством была голодовка — индивидуальная и коллективная голодовка всего барака или лагеря.

Доктор Вагенленер: «Голод был постоянным сопровождающим немецких военнопленных в Советском Союзе и главной темой с самого начала. От голода многие стремились получить должности, которые им по крайней мере давали возможность сытнее поесть. От голода некоторые становились ворами, другие — предателями своих товарищей. Поэтому кажется парадоксальным, что военнопленные сознательно применяли голод для достижения определенных целей, но это совсем не парадоксально. Напротив, это поражало систему советского насилия в большое место, при условии, что дело велось смело, стойко и умно».

Сначала речь шла о намеренном голоде, чтобы потерять трудоспособность или даже быть отправленным домой. Во всех лагерях для военнопленных были такие случаи. Одни добивались своей цели, другие за «членовредительство» представляли перед советским судом и осуждались.

Сообщение научной комиссии федерального правительства по истории немецких военнопленных Второй мировой войны дает многочисленные примеры наказаний за обмен хлеба на табак, поедание соли, сознательный отказ от пищи.

Примечательным для этих случаев было то, что военнопленный голодал, не желая привлекать к этому внимание. Никто не должен был знать, что он сознательно использует голод для достижения своих целей.

Совершенно по-другому обстояло дело с голодовкой. Здесь речь шла о привлечении внимания с целью добиться реакции общественности. В советском плену они проводились индивидуально, а иногда в знак солидарности предпринимались всеми заключенными барака или лагеря, однако об этих случаях очень мало известно.

Первые голодовки в советском плену произошли в 1944—1945 годах в лагере Елабуга под Казанью. Здесь лагерные власти со-

брали всех непокорных немецких военнопленных в пресловутой шестой блок. Лидером и заводилой этого общества был полковник В. Вольфф, храбрый человек, до октября 1955 года игравший роль инициатора сопротивления против произвола и человеконенавистничества. Полковник Вольфф был выдающейся фигурой среди немецких военнопленных в России.

Сидельцы шестого блока, коллективно отказавшиеся от работы, получали худшее питание по сравнению с остальным лагерем.

Против таких придинок и прочих актов произвола блок неоднократно устраивал голодовки и выигрывал. Отсутствующий сахарный паек выдавали, заплесневелый хлеб и протухшую еду заменяли более качественными продуктами.

Успех и сплоченное выступление военнопленных в шестом блоке стало возможным только благодаря авторитету старшего по блоку Вольффа. Так, был установлен порядок, сохранявшийся до расформирования этого лагеря: когда приносили еду в барак, никто не ел до тех пор, пока полковник Вольфф не снимет пробы. Если он считал ее негодной, то и другие пленные отказывались от приема пищи.

Советские лагерные власти стремились сломить сопротивление в шестом блоке различного рода придирами к Вольффу. Много раз его избивали. Как-то раз ему сломали переносицу, другой раз его изолировали в карцере.

Но прозванный советскими служащими «фашистским» шестой блок держался сплоченно. Только после расформирования лагеря и распределения сидевших в нем по другим лагерям сопротивление прекратилось.

Поворотным пунктом в духовном состоянии пленных был шок, вызванный полным поражением немцев и всей информацией о Третьем рейхе. В 1945—1946 годах обстановка в советских лагерях для военнопленных стала катастрофически ухудшаться. Только до марта 1947 года, по приблизительным подсчетам, там умерли более миллиона немецких военнопленных.

Учитывая повсеместный голод и низкую цену жизни военнопленного в первые послевоенные годы в Советском Союзе, сопротивление было бессмысленно. О голодовках в те годы ничего не известно. Может быть, они и не имели бы смысла. Лагерные власти оставили бы их участников умирать.

Обстановка изменилась только к 1949 году. Теперь короткие голодовки произошли в лагерях в Горьком и Киеве. Поводом к этому послужили невыносимые условия при отправке в штрафные лагеря.

Разнеслась весть, что советские суды произвольно выносят приговоры на двадцать пять лет принудительных работ за так называемые военные преступления. И было совершенно очевидно, что каждый суд должен был выполнить план по приговорам. Фактически до конца 1949 года было вынесено около десяти тысяч таких приговоров. Каждый такой приговор выносился в результате судебного разбирательства, длившегося несколько минут.

Ситуацию с немецкими военнопленными в конце 1949 года необходимо рассматривать на этом фоне произвольных и фактически не обоснованных судебных процессов и приговоров, затрагивавших одних и не касавшихся других. Зачитывались списки тех, о которых сначала никто не мог сказать, отправят ли их на родину или речь идет об отправке в тюрьму по приговору. Приговоренным терять больше было нечего. Дошло до того, что за годы выживания военнопленные приобрели уверенность в себе. Готовность к сопротивлению, а вместе с ним и к голодовке выросла.

Известна голодовка весной 1950 года в периферийном лагере Шахтинского лагерного управления. Она началась с того, что некоторые офицеры, среди которых были полковник Вольфф и майор Эрих Хартман, один из самых успешных летчиков Второй мировой войны, одержавший 348 воздушных побед на Восточном фронте, были направлены на принудительные работы. Они отказались, и их посадили в карцер. Затем они начали голодовку. Лагерь объявил о солидарности с ними и последовал их примеру. Через два дня офицеров выпустили из карцера и удалили из лагеря. Хотя оставшиеся в лагере своими возгласами выражали свою солидарность с зачинщиками, голодовку они вскоре прекратили.

Здесь проявились правила голодовки всей общественности лагеря. Они действуют лишь тогда, когда взаимодействуют три фактора:

- явное нарушение, затрагивающее всех,
- твердое, убежденное руководство и
- разумная достижимая цель.

Поэтому, как свидетельствуют документы о военнопленных, хотя и бывали некоторые случаи успешных индивидуальных голодовок, голодовки целых лагерей побеждали редко.

Когда в мае 1950 года полковник Вольфф и майор Хартман прибыли в шестой лагерь в Шахтах, «они, само собой разумеется, попали в мой барак, так как здесь был очаг сопротивления «лагерному произволу». Советские власти постоянно пытались различными ухищрениями (худшими условиями труда, худшим питанием, бо-

лее поздними выплатами зарплаты) обуздать лагерь и, может быть, спровоцировать этим оппозиционные элементы и изолировать их. К этим мерам лагерных властей относилась также попытка принудить к работе майора Хартмана. Каждый раз он начинал голодовку. Я поддерживал его акцией, распространяя листовки по лагерю. Ночью в различных местах лагеря развешивались листовки с текстом, выражавшим симпатию лагеря к Хартману и создававшим впечатление, что весь лагерь стоит за Хартмана. И действительно, каждый раз его через несколько дней выпускали из карцера.

В сентябре 1950 года обстановка обострилась. Хартман снова объявил голодовку, но на этот раз ему не давали пить. В течение нескольких дней я тайно снабжал его водой с помощью солдатской фляги и длинного шланга. Через восемь дней Хартман снова получил десять суток строгого карцера. На этот раз в карцере его избили советские охранники и западный украинец, которого выпустили в тот же день. Весть об этом разнеслась по лагерю и вызвала возмущение.

Когда я в тот день, 25 сентября 1950 года, пришел с работы в лагерь, весь он был охвачен беспокойством. Пленные спонтанно собрались у ворот. Один из них крикнул мне, что я должен поговорить с лагерными властями, так как я дружен с Хартманом. Я сделал это, а через три часа переговоров с советским комендантом лагеря мы добились своего. Хартмана из карцера выпустили в лагерь. В тот момент весь лагерь стоял на плацу перед комендантским баракком. Благодаря этой поддержке все у нас и получилось. Через две недели я вместе с полковником Вольффом, майором Хартманом и двумя другими военнопленными оказался в новочеркасской тюрьме. Началась новая глава.

Лязгнул ключ. Дверь камеры распахнулась. Передо мной встали офицер охраны и три солдата. За ними появилась женщина-врач в белом халате и с коробкой для инструментов.

Распространяя запах дешевого одеколona, в расстегнутой шинели вошел комендант тюрьмы, коренастый, не лишенный красоты человек. Тем временем я уже поднялся с нар. Камера пугающе заполнилась людьми и непонятным оборудованием.

«Фамилия, имя, отчество, год рождения?» — спросил офицер охраны. То же самое он спрашивал у меня каждый день всю прошлую неделю. Я ответил. Он сличил со своими бумагами. Бюрократические формальности были соблюдены.

Подал голос комендант: «Я спрашиваю вас, прекращаете ли вы голодовку?»

Я на ломаном русском ему ответил: «Нет, я прекращу ее только тогда, когда начнется следствие. Я заявил это вам неделю назад и поэтому буду продолжать».

«Хорошо, — сказал директор тюрьмы, — я тоже повторю свое заявление: здесь вы не умрете. Мы позаботимся о том, чтобы вы остались живы».

Врач, одетая в белый халат, вышла вперед: «Ешьте. Вы должны поесть. Здесь мы кое-что для вас принесли», — и при этом она кивнула стоящим сзади.

Я был взбешен. Так со мной говорить было нельзя. Это не был страх уступить чувству голода. Голода я уже не чувствовал. Критическое время наступает на четвертые сутки голодовки. После этого чувство голода проходит. Сегодня, на восьмой день, меня раздражала наивность врача, что можно успешно прервать голодовку только потому, что она принесла с собой что-то вкусное. Я накричал на нее. Два солдата слева и справа крепко схватили меня.

«Будете есть добровольно?» — задал вопрос офицер охраны.

«Нет».

Вдруг мои руки оказались за спиной. Снова я оказался в смиренной рубашке. Солдат начал закручивать замок на спине. Он стягивал локти один к другому и причинял боль. Это было именно так.

Врач поднесла ко мне тарелку, в которой было около половины литра желтого бульона. Путая русские слова с немецкими, она заявила: никаких углеводов, зато куриный желток, жир и другие концентраты.

Снова последовал вопрос: «Будете есть добровольно?» — «Нет». Солдат завернул винт у моего локтя. Я вытягивался все сильнее, чтобы уменьшить боль.

«Открой рот!» От боли я сжал губы и ожидал, что дальше этого не дело не пойдет. Солдат завернул винт сильнее. Другой насильно открыл мне рот, не обращая внимания на зубы и небо. Врач сунула мне в рот шланг. Я глотал, стонал, глотал, плакал от бешенства и боли, но снова продолжал глотать. Наконец шланг достиг своей цели. Через воронку глоток за глотком желтый бульон потек в мой желудок. Вкус его был мерзкий. До сих пор не могу забыть. Я никогда бы не стал есть добровольно такое отвратительное яичное месиво.

Быть может, этот бульон тогда спас мне жизнь. Но я с этим бы не согласился. В любом случае в тот октябрь 1950 года эту процедуру заглатывания я повторял еще пять последующих дней. Не как герой из

чувства удовольствия от сопротивления, а из опыта сведущего голодовщика, то есть без смирительной рубашки, добровольно заглатывающая трубку. Между тем я узнал, что шланг может быть толще и тоньше, сухой или влажный — в зависимости от степени сопротивления голодающего.

Впрочем, между нижними чинами советской тюремной охраны и политическими заключенными существовало полное взаимопонимание, чтобы друг друга как можно меньше раздражать. С более высокими чинами, советскими комендантами лагерей и допрашивающими офицерами, я часто ругался. Поэтому меня тоже несколько дней назад вместе с четырьмя другими немецкими военнопленными как оппозиционных элементов из лагеря в Шахтах переместили в тюрьму.

Основание: наше восстание в Шахтинском лагере, когда 25 сентября 1950 года 750 военнопленных устроили демонстрацию против жестокого обращения со стороны лагерных властей. Я три часа вел переговоры с советским комендантом лагеря об освобождении из карцера двух товарищей. В это время все находившиеся в лагере стояли перед комендатурой.

В конце концов обоих из карцера выпустили. Мы победили и праздновали всю ночь. На следующий день у всего лагеря было приподнятое настроение. Но 9 октября пришла расплата.

День начался необычно. Советский комендант лагеря, подполковник, пришел ко мне на рабочее место. Он объяснил, что должен был вызвать меня для долгой беседы по поводу восстания в лагере. Чтобы разговор велся побыстрее, он пришел сам. В лагерь я больше уже не попал. Остановился у здания штаба на входе в лагерь. Советский подполковник предложил мне подниматься по лестнице впереди него. Я открыл дверь и оказался перед специальной командой в черной форме с пулеметом, установленным на столе. «Хенде хох!»

Обыскали, перевели в соседнюю комнату. Здесь уже ждали двое. Еще двоих пленных приняли таким же образом. Из боязни нового восстания нас изолировали от остальных обитателей лагеря. Нас погрузили в грузовик и отправили за пятьдесят километров из Шахт в Новочеркасск. Конвой был вооружен до зубов. Разговаривать на строго запретили. Удалось только договориться о голодовке.

Часть своих вещей я потерял при обыске в тюрьме. Кроме того, важнейшую часть своей собственности я вынужден был оставить в лагере. Номер моей первой тюремной камеры был 88.

Одинокое заключение и полная изоляция. На пятом этаже спецтюрьмы нас распределяли по восемнадцати камерам так, что между нами всегда находилась пустая камера.

Я вошел в 88-ю камеру с твердым решением продолжать голодовку до начала допросов. Мы хотели таким образом обратить на себя внимание высших инстанций, что есть военнопленные, которые пропали в тюрьме без суда.

Первое утро в тюрьме. Тюремный служитель положил на полочку у окошка дневную пайку. Я выбросил хлеб в коридор и прокричал «Голодовка!» в надежде на то, что благодаря русскому слову и жестам моя голодовка будет воспринята официально. Это повторилось при раздаче крохотных жестяных мисок с перловой кашей.

Три дня я боролся с растущим чувством голода, злобно встречая каждого, кто появлялся в двери камеры. Любую еду я выбрасывал через окошко в коридор. Даже лучшие блюда по сравнению с тем, что содержались в убогом тюремном пайке, которые обнаруживал в камере, вернувшись с прогулки, я в буквальном смысле размазывал по полу.

Агрессия кажется мне лучшей возможностью защиты от голода. Так голод превращается в злобу по отношению к каждому. Я осыпал ругательствами даже безобидную библиотечкару, раздатчиков белья и буфетчика, едва они открывали окошко в двери. Мое неприступное поведение отпугивало и удивляло. Волшебное слово «голодовка» пользуется признательностью у персонала тюрьмы, в большинстве своем старослужащих сержантов-фронтовиков. За мной часто наблюдали, когда я днем лежал на нарах. Обыски, проводившиеся по приказу сверху, сержанты часто использовали для разговора.

Короче, двенадцать дней голодовки в начале моего тюремного заключения обеспечили мне уважение, внимание и даже заботу о моем здоровье со стороны персонала до коменданта включительно.

Если в Советском Союзе голодовка объявлялась официально, тогда вступали в действие ясные правила. Тогда в 1950 году в Новочеркасске они соблюдались точно. Были определенные правила, но плутовать не стоило. После моего первого заявления один за другим появились часовой, сержант, дежурный офицер и, наконец, комендант тюрьмы. Главным их вопросом было: «Почему вы устроили голодовку?», а важнейшим заявлением: «В нашей тюрьме никто не умрет от голодовки».

В первые годы военного плена все было по-другому. А к этому времени наши фамилии уже были известны дома. Очевидно, хотели избежать недовольства среди пленных.

Все советские тюремные служащие были рады, что я не предъявлял никаких жалоб по отношению к тюрьме. В результате у них я пользовался симпатией и они обещали передать мое требование дальше. Это обещание они сдержали. С каждым днем появлялись все более высокие чины: прокурор, судья и наконец на пятый день представитель московских властей.

При этом всегда находились дежурные офицеры и комендант. Они внимательно следили за дискуссиями с внешними посетителями. Гордость была очевидной, когда знаменитый пленный хорошо отбивался. Голодовка в Новочеркасске из-за того, что власти в Ростове медленно ведут следствие, принесла симпатии новочеркасским тюремщикам.

Цель голодовки для всех участвующих должна быть ясной. Голодовку за немедленное возвращение домой проводить не стоило, она бы не произвела ни на кого впечатления. Также не рекомендуется голодовка с требованием лучшей еды и чистого белья. Я только один раз в марте 1951 года предпринимал голодовку, которая затрагивала администрацию тюрьмы: после перевода в другую камеру я нашел положение, по которому ясно разрешалось получение посылок от родственников пленного. Через три дня голодовки я получил посылку из Германии. Администрация тюрьмы ходатайствовала за меня.

Главной проблемой для объявивших голодовку в советском плену была скука. Ни книг, ни радио или телевидения, никаких возможностей для того, чтобы писать, никаких развлечений. От приема пищи — единственного развлечения в тюрьме голодающий отказывается.

Ярость направлять вовне. Сосредоточивать внимание на собственных мыслях. Во всех отношениях я занимался мысленно как акробат. Для развлечения я перебирал в памяти исторические даты, женские и мужские имена, играл в различные игры, шахматы и переводческие упражнения. Все это с твердой волей достичь поставленной цели.

Тогда в Новочеркасске моя цель была скромной: чтобы начали допросы, как это предусматривает советский закон.

Следствие началось на двенадцатый день. Я прекратил голодовку и чувствовал себя победителем. Фактически не было и проигравшего.

В конце победили все. Следственные чиновники оценили начало следствия как доказательство законности их процесса. Комендант тюрьмы был горд своей успешной тактикой и, не в последнюю очередь, своим пленным, показавшим свой интеллект всяким там умникам из Ростова и Москвы».

Двадцать миллиардов рабочих часов

Ветер завывает в лагере Верхотурье. Русский осенний ветер. В 11-м бараке стоят голые военнопленные. В свете яркой лампы кожа мужчин кажется белой как мел. В центре барака стол. За ним на грубо сколоченных стульях сидят три женщины: переводчица, писарь и врач.

Медленно голые мужчины проходят мимо стола. Каждого из них осматривает врач. «Повернуться, поднять руки, кругом», — говорит переводчица.

Пленный поворачивается спиной к врачу. Она тянется через стол и опытной рукой хватает его за ягодицу, сжимает ее и называет писарю цифру: один, два или три.

Через это хватание за ягодицу все немецкие военнопленные в русских лагерях должны были проходить регулярно. Эта процедура служила для того, чтобы установить трудоспособность и одновременно определить, насколько тяжелой должна быть работа, которую может выполнять пленный: по запасам жира и мускулатуре на ягодице можно выяснить, насколько недоедание уже ослабило пленного.

Многие военнопленные от стыда отворачивались. Не потому, что они должны были выходить обнаженные, часто в плачевном состоянии, а из-за того, что они чувствовали себя глубоко униженными. Один из пленных говорил: «Я выходил словно на скотный рынок».

Ханс Георг Крузе, обер-ефрейтор батальона связи, захваченный в плен на Хельском полуострове, рассказывал о лагере в Борисове: «Я и мои товарищи всегда воспринимали эту процедуру как унижительную».

Другой пленный: «Это обследование рабочих групп я всегда воспринимал как что-то вроде рынка рабов». И еще один: «При этом точно приходило осознание себя как раба номер N».

Определяемая врачом категория «один» или «два» означала, что пленного можно использовать на тяжелых работах, категория «три» — на легких работах, при этом часто более легкая работа была тяжелой для людей, в течение нескольких лет страдавших от недоедания.

Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных пишет об использовании немцев на работах в Советском Союзе:

«В конце 1945 года число немецких военнопленных, использовавшихся на работах в Советском Союзе, достигло 1,3 миллиона человек. Большая часть выживших была отпущена на родину в 1949—1950 годах. Оставшиеся были ложно обвинены в военных преступлениях и были задержаны в плену. Из них 27 тысяч использовались на работах. Большая часть из них была отпущена в 1953—1954 годах, таким образом, работать продолжали уже только 10 тысяч человек. В конце 1955 — начале 1956 года и они наконец прибыли домой. Таким образом, использование на работах продолжалось по 1955 год включительно...»

Безжалостно Советы заставляли работать своих пленных: здоровых и больных, сильных и слабых. Работа, тяжелая работа — такой была участь, уготованная победителем Сталиным для миллионов немецких солдат, попавших в руки Красной Армии.

Научная комиссия установила, что немецкими военнопленными в Советском Союзе отработано значительно больше десяти миллиардов рабочих часов. Комиссия пишет: «Выяснено, что немецкие военнопленные в Советском Союзе отработали, по крайней мере, 10 338 997 136 рабочих часов. Можно с уверенностью указать на то, что при этом речь идет об абсолютно минимальных числах». По другим расчетам, это число вырастает почти вдвое, так что немецкие пленные отработали в Советском Союзе 20 миллиардов рабочих часов.

20 миллиардов рабочих часов, или 2584 миллиона рабочих дней, составляют значительную экономическую ценность, которая, как результат труда военнопленных в длительных тяжелых условиях труда и жизни в целом, должна быть еще выше.

«По его объему и эффективности этот результат труда стал частью советской экономической истории», — утверждает научная комиссия.

Результат труда немецких военнопленных и его экономическое значение будет легче представить, если уяснить для себя, что у всех

наемных работников в промышленности федеральной земли Северный Рейн—Вестфалия, то есть на Рейне, Руре и в Вестфалии, затраты рабочего времени в год составляют 4,6 миллиарда рабочих часов. Таким образом, 20 миллиардов рабочих часов немецких военнопленных в Советском Союзе соответствуют четырем-пяти годам работы всех наемных работников в промышленности индустриальной земли Северный Рейн—Вестфалия.

Немецкие военнопленные трудились в лесах и шахтах, на полях и фабриках, на всех крупных стройках Советского Союза.

Обер-ефрейтор Ханс Георг Крузе должен был валить деревья в лесном лагере под Борисовом в 150 километрах восточнее города Минска.

Обер-лейтенант Эрих Хинц, попавший в плен в Сталинграде, в лагере КазГРЭС со своими товарищами должен был на сильном морозе колоть смерзшиеся глыбы угля, чтобы их мог захватить экскаватор.

Унтер-офицер Эрих Новак, захваченный в плен в Сталинграде, рассказывал о своей работе в команде дровосеков: «Каждые сани должны были тащить двенадцать человек. Сани едва можно было сдвинуть с места. Вскоре первые выбивались из сил, и их грузили в сани. Уныло выглядел этот караван».

Часто пленные должны были работать по десять часов в день и по субботам тоже. Русские требовали от них сверхурочных и работ по воскресеньям. Физический труд в каменоломнях и шахтах, в полях и лесах был еще тяжелее из-за примитивности механизмов и инструментов, которые были в распоряжении военнопленных.

Рукоятки молотков часто разлетались после нескольких ударов. Черенки совковых и штыковых лопат часто представляли собой нечто иное, как ветки или стволы деревьев, очищенные от коры, густо усеянные острыми заусенцами, об которые можно было разодрать руки.

Хирург доктор Куно Валь вспоминал о тяжелой работе в лесу, где он с товарищем тупой пилой должен был распиливать толстые бревна.

Принудительный труд стар так же, как и вся человеческая история. В экономике рабский труд рассматривается как энергетическая проблема. Самые знаменитые памятники принудительного труда людей, захваченных во время войны в плен, выстояли более трех тысячелетий, например, египетские пирамиды. Одну только пирамиду

Хеопса сто тысяч человек строили двадцать лет. Большинство строителей были из народов, побежденных египтянами в войнах и уведенных в рабство. Под бичами надсмотрщиков подневольные строители с помощью блоков тащили камни для пирамид на гладкую равнину, общее количество камней составило более двух миллионов штук. Некоторые из них весили 70 тонн. Перевозка одной из таких глыб из каменоломни на корабле по Нилу, а потом к пирамиде требовала силы двух тысяч рабочих в течение трех лет.

Работавшим в России пленным немецким солдатам приходилось не легче. Они были поделены на бригады. На бригаду русские определяли норму выработки. Это были те же нормы, которые давались и русским рабочим, но для пленных такая норма была слишком велика. Они, ослабленные недоеданием и вооруженные негодным инструментом, не могли выполнить план. Однако от выполнения нормы зависело, получают ли пленные достаточно еды. Один из пленных рассказывал научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных о своей работе в каменоломне: «Выполнить норму было просто невозможно. Мы регулярно возвращались в лагерь, выполнив самое большее 80 процентов, и поэтому всегда получали хлеба на 200 граммов меньше».

Доктор Куно Валь рассказывал, как русские доводили немецких солдат до того, что они отдавали последние силы, работая в каменоломне: «Пленному обещали дополнительный паек 200 граммов хлеба, если он выдаст камня на кубометр больше, чем предусмотрено нормой. Теперь он, голодный, целый день видел перед собой, словно фата-моргану, эти двести граммов хлеба — три-четыре кусочка. Вечером к тремстам граммам получить еще двести было мечтой, от которой некуда было деться. И он выполнял эту норму из последних сил. Он получал обещанный хлеб и был счастлив».

Однако дополнительный паек за десятичасовой день работы пленного в каменоломне часто был лишь приманкой. Доктор Валь свидетельствовал: «Через некоторое время не работавшие в каменоломне члены антифашистского комитета обязались добровольно повысить норму в честь великой победы Красной Армии над гитлеровским фашизмом с полутора до двух с половиной кубометров. Теперь военнопленному приходилось ежедневно ломать два с половиной кубометра камня, не получая за это дополнительного пайка, а чтобы получить его, он должен был теперь выдать три с половиной кубометра в день, что было уже невозможно».

Доктор Валь о системе, которую он наблюдал в русских лагерях для военнопленных: «Не существует чистой эксплуатации человека человеком».

Один из пленных, находившихся в лагере под Казанью, рассказывал о работах в 1946 году: «Наш эшелон был составлен таким образом, что мы сначала думали, что нас отправляют на родину. Большую часть его составляли больные и ослабленные люди, которые не могли работать. Мы прибыли в Казань на электростанцию, и нам сразу поставили задачу разгрузить из вагонов 60 тонн угля. В первый же день многие товарищи в бригаде попадали от работы и ночевать их несли на руках».

Позднее русские установили для многих немецких пленнх такую же зарплату, как и для своих граждан. Таким образом, немецкие солдаты смогли зарабатывать деньги, однако советские власти поставили в счет миллионной армии подневольных немецких рабочих затраты на содержание.

Военнопленные должны были оплачивать спальное место в лагере на нарах и скудное питание. И все же, кто хорошо и много работал, получал на руки деньги, на которые он мог купить себе табак или дополнительный хлеб, в котором он нуждался, чтобы сохранить силы и здоровье.

Норма создала в лагере новые классы. Она благоприятствовала таким специалистам, как электрики, столяры или каменщики, и обделяла тех пленнх, которые не были обучены никакому ремеслу.

Один из пленнх рассказывал: «Бомбой под солидарность военнопленнх были специалисты. «Ты — специалист?» — был один из наиболее частых вопросов русских, так как им были просто необходимы специалисты, которых у них не было. Ремесленники, инженеры, техники получали специальные задания или включались в особые группы, и им регулярно выплачивали деньги. Поэтому наряду с антифашистами они стали лагерной аристократией. Голода вскоре они уже больше не знали. Следствием этого были зависть и недоброжелательное отношение к ним со стороны большинства остальных пленнх. Но при этом многие из специалистов были добрыми людьми и обеспечивали некоторых голодающих товарищей».

Унтер-офицер Эрих Новак, бывший связной-мотоциклист из 6-й армии, описывает, что значило быть специалистом. Эрих Новак был мастером-печником. В санчасти для военнопленнх в лагере на Волге он вызвался на ночную работу, чтобы переложить кухонную печь. После выполненной работы он получил дополнительную пор-

цию пшенной каши. Эрих Новак писал, что это был момент, когда он со времени своего пленения в Сталинграде впервые смог досыта поесть — впервые за пятнадцать месяцев. Затем Эрих Новак перебрал в лагерьной кухне все плиты и печи. Работа лагерному руководству понравилась настолько, что унтер-офицеру Новаку дали специальный, может быть, спасший ему жизнь паек. Новак вспоминал: «Шеф-повар наполнил мою миску рисовой запеканкой, посыпал изюмом и полил сверху желто-золотым сливочным маслом. Эту еду он наскреб из котла, в котором варили для русских врачей и офицеров».

Но от большинства пленных требовали выполнять работу, которую они по своему состоянию, будучи ослабленными от голода или больными, сделать были не в состоянии. Ефрейтор Ханс Георг Крузе, крестьянин с острова Фемарн, должен был в лесу выполнять такую тяжелую работу, что падал. В лагере для военнопленных он снова со своими товарищами стоял голый перед русской женщиной-врачом, краткими словами принимавшей решение. Кожа на ягодицах Крузе свисала складками. Он был настолько слаб, что русская эксперт перевела его в разряд нетрудоспособных, нуждающихся в отдыхе военнопленных. Врач дала ему четыре недели отдыха, а потом Ханс Георг Крузе снова должен был отправляться на работу.

Многие пленные в русских лагерях жили, двигаясь по «чертову» кругу: работа была настолько тяжелой, а питание настолько плохим, что они становились нетрудоспособными. Затем их некоторое время не заставляли работать, иногда они даже получали улучшенное питание, а когда они снова могли твердо стоять на ногах, их опять впрягали в безжалостный, непосильный труд, в результате которого они снова становились больными.

Когда ефрейтор Ханс Георг Крузе работал подносчиком кирпича на строительстве здания оперы в Минске, он нашел путь, которым можно было выбраться из этого, быть может, смертельного круговорота. Сначала речь шла о дополнительных продуктах. На стройке Крузе повстречал русских женщин. Сначала немец и русские только посматривали друг на друга, потом стали здороваться и наконец разговорились.

Как-то раз одна из женщин спросила Крузе, может ли он достать ей дров. Крузе: «Из строительной древесины я сделал вязанку дров и продал ее русским женщинам за пять рублей. На деньги я смог купить себе хлеб или табак, который был мне нужен для взятки немецкому бригадиру, чтобы он закрыл глаза на мои делишки».

Крестьянин Крузе открыл в Советской России тайный капитализм. Вскоре он понял, что дрова дают слишком малые доходы по сравнению с более ценными товарами. Пленные товарищи должны были с помощью текстильных машин, демонтированных в Силезии, наладить в Минске текстильное производство. Они приносили Крузе шерсть и верблюжий волос. Крузе покупал у них шерсть и перепродавал ее русским.

Крузе о системе, в которой все это было возможно: «Мои поставщики должны были «подмазывать» русских охранников, так же как и я должен был раздавать взятки все большему числу людей. Коррупция простиралась до русского лагерного руководства. Совести не было ни у кого. Все знали о моих гешефтах, но все молчали, потому что получали от этого выгоду».

Пленный Крузе пользовался такой свободой передвижения по Минску, что мог торговать вразнос лосьоном после бритья. Тут он попался капитану НКВД, но даже этот русский не попытался пресечь незаконный бизнес пленного немецкого ефрейтора. Капитан НКВД взял товар, заплатил и промолчал.

Торговля с русскими обеспечила Георга Крузе таким количеством дополнительного продовольствия, что он наконец почувствовал себя достаточно сильным, чтобы решиться на побег. Но из этого ничего не вышло: уже через три дня его поймали, избили и перевели в другой лагерь.

Торговыми делишками и обменом теперь уже заниматься стало невозможно: «Я работал на лесопилке. Тяжелый физический труд, и никаких надежд как-нибудь улучшить питание». Ханс Георг Крузе продержался шесть недель. После этого недоедание и перенапряжение опять привели его к краю пропасти. Он стал нетрудоспособным. В земляночном лагере под Минском он смог отдохнуть. Но по-настоящему набраться сил ему не удалось. Через три года после того, как он попал в плен, русские отпустили его на родину, на остров Фемарн.

Немецкие пленные пытались защититься от непомерных требований норм тяжелой работы искусными трюками и тонкими хитростями. Они постоянно изобретали новые методы, чтобы ввести в заблуждение русских контролеров относительно фактических результатов своего труда. Они быстро поняли, что речь идет не о сознательном выполнении работы, а прежде всего о выполнении норм на бумаге, все равно как.

Пилот пикирующего бомбардировщика обер-лейтенант Ханс Гуммельт описывал, что делали пленные для того, чтобы выполнить задание: «Я работал электриком в Витебске. Мы всегда обманывали русского, контролировавшего выполнение рабочих заданий. При строительстве дома на двенадцать квартир мы должны были молотком и зубилом пробивать четырнадцатисантиметровые стены, в которые потом встраивали электрические розетки. Я шел с русским по дому снизу вверх. При этом мы вместе насчитали двенадцать отверстий. Когда мы пришли наверх, я отвлек русского разговором. Потом мы снова пошли вниз и при этом снова посчитали те же отверстия. Так мы перевыполнили норму».

На качество было наплевать, главным было только выполнить предписанную рабочую норму. Один пленный из лагеря Кыштым рассказывал научной комиссии: «Моя норма кузнеца предусматривала изготовление 600 строительных скоб за восемь часов. Можете вы себе представить, как два человека при этом должны были молотить? Все — ручная работа: подобрать материал, выпрямить, заточить оба конца, загнуть, а сверху сровнять закругление... Главное, чтобы они держали, а остальное — все равно».

Работа пленных на уборке картофеля подсчитывалась не по весу выбранных клубней, а по площади картофельного поля. Поэтому огромные массы картофеля оставались в земле, но норма выполнялась.

Пленный из лагеря в Буланасе рассказывал, как русский на сорокаградусном морозе заставлял его бригаду заливать бетон при строительстве крупного гаража. Немцы предупредили его, но тот крикнул пленным: «Сегодня будем бетонировать! Так стоит в плане!» Пленные взялись за работу. Они замешали бетон на теплой воде и залили его в опалубку. Немецкий пленный рассказывал о результате: «Когда мы уходили со стройки — это было уже в марте, и снег уже таял, — вся конструкция развалилась».

Обер-лейтенант Эрих Хинц, работавший на подневольных строительных работах под Москвой, рассказывал о строительстве новых бараков для нового лагеря: «Полы бараков заливались смесью цемента с опилками. Они прогнулись. А мы должны были их ломать. Я ткнул ломом в пол, и лом провалился, потому что под трехсантиметровым слоем цементно-опилочной смеси шло немного шлака, а дальше ничего не было. Русские делали полы на утрамбованном снегу. Фундамент барака тоже был положен просто на утрамбованный снег».

Эрих Хинц о сущности работы русских в те годы: «Можно было халтурить, когда это не было видно. Работу, которой было незаметно, не оплачивали. Естественно, немецкие пленные тоже вскоре стали ловчить. Для таких истощенных, какими были они, часто вопрос выживания состоял в том, смогут ли они облегчить себе работу».

На сибирском морозе пленные замешивали бетон, при палящем зное таскали камни, и необходимость выполнить норму часто приводила их к несоблюдению мер безопасности. В шахтах, где работали немцы, штольни часто не крепились. Машины без защитного оборудования дробили некоторым пленным кости, отрывали им кисти рук или руки целиком. Пленные получали отравления углекислым газом у печей для обжига извести. Они падали со стен каменных карьеров, достигавших высоты многоэтажного дома.

Доктор Куно Валь должен был в одной из бригад грузить камни. Он рассказывал, что при этом с ним произошло: «Машина пошла назад, с треском захватила мою правую ногу и при ужасной боли защемила на ширину ладони выше голеностопного сустава. Лишь через три недели я смог встать и ковылять, опираясь на палку».

Потом получившего ранение хирурга Куно Валя русские перевели в госпиталь, где он работал врачом. Но позднее он должен был снова ковырять глину, потом таскать строительный раствор и наконец работать на строительстве дорог, так как это взбрело в голову какому-то аппаратчику.

В сообщениях многих пленных и в заключениях научной комиссии постоянно встречаются упоминания о хорошем медицинском обслуживании заболевших пленных в советских лагерях. А потом снова следуют рассказы о жестоком обращении с больными, которых просто объявляли симулянтами, избивали бригадиры и солдаты охраны.

Знаток советской лагерной системы с двенадцатилетним «лагерным опытом» прибалтийский немец Роман фон А. — интересный толкователь. В 1945 году после войны его, как бывшего переводчика штаба одной из дивизий Курляндской группировки, арестовали и осудили на 20 лет исправительно-трудовых лагерей с отбыванием срока на берегу Северного Ледовитого океана. Он провел там четыре года, затем его наконец объявили немцем, и он разделил судьбу осужденных немецких военнопленных в лагерях Сталинграда и Первоуральска. В 1956 году его освободили в результате акции Аде-науэра.

Роман фон А. написал авторам этой книги о проблемах болезни, объявлении себя больным и пребывании больных в советских лагерях:

«К сожалению, при объявлении о заболевании людоедская жестокость Советов и их помощников была заметна. У них не было другого метода установить подлинность заболевания, так как если один просто заявил бы, что у него ревматизм или ишиас, и получил бы освобождение от работы, то уже на следующий день у всего лагеря был бы ревматизм или ишиас. Надзирающему персоналу, в поведении которого проявлялись отчаяние и страх за занимаемое местечко, необходимо было постоянно учитывать рождавшееся из простого отчаяния безрассудство людей! То, что при этом проявлялась не только бесчеловечность, подтверждается тем, что при «видимых» болезнях, таких, как жар, подобные методы не применялись. Болезнь должна была проявляться «конкретно», в противном случае она считалась симуляцией или саботажем. На шахте в 48-м лагере в Воркуте меня зажали две вагонетки с углем, столкнувшись на полном ходу.

Я думал, что от моего левого бедра ничего не останется. Я больше ничего не чувствовал и не мог стоять. Товарищи сразу же мне посоветовали в «санпункт» не ехать, так как, если санитар сразу не установит сложный перелом, когда меня к нему принесут, меня избьют. Именно так и было. Опираясь на лопату, я пошел туда. Человек сказал, что перелом не прощупывается, я должен спуститься снова в шахту и что он из-за меня не хочет рисковать своей должностью санитара. Через некоторое время подошел горный мастер, спросил, какая грязная свинья отлынивает от работы, а когда я, чтобы не причинять неприятностей другим, ответил, что это я, то он ударил меня так, что я упал без сознания. Я остался лежать лицом в черной луже, причем еще получил ссадину от острых камней. Когда мы наконец вышли на поверхность, некоторые из сочувствия поддерживали меня под руки, надо мной еще и издевались: «Заработал!»

Потом бедро безобразно распухло. Тогда все уже стало «конкретно», и по мере тамошних возможностей меня относительно хорошо лечили. Но нокаутирующий удар, как всегда, был только для начала, если не повезло и несчастный случай не был «конкретным».

Я не виню и того санитара. Я точно знаю, насколько ценно такое место в лагере при шахте и что он не мог верить никаким словам. Быть может, на его месте я был бы не лучше. Бесчеловечность сущности советской «чиновничьей» машины действовала на всех удручающе, и люди лишались последней надежды. До определенной сте-

пени я понимаю даже горного мастера. Так как если бы он хоть раз позволил во время смены осматривать таких «притворщиков», то вскоре все бы остановилось и он потерял бы всякий авторитет и свою должность».

Для А. жестокость, которую переносили военнопленные во время рабочего процесса, присуща системе, так же как коррупция и рабство основывались на ней. Он говорил: «Есть практически только одна альтернатива: «чистый раб» или «грязный функционер». Лагерь для военнопленных был отражением этой правды».

Пропавшие без вести девушки — служащие вермахта

Лето 1944 года. Над румынской столицей Бухарестом раскинулось голубое небо. По зеленым улицам города слоняются немецкие солдаты. Они из частей 6-й армии, вновь сформированной после катастрофы под Сталинградом.

Они шутят и смеются с молодыми женщинами, одетыми в немецкое обмундирование — серую форму сухопутных войск и сероголубую — Люфтваффе. На левых рукавах кителей поблескивает эмблема — зигзаг молнии, острие которой направлено вниз. Это вспомогательный персонал войск связи. Женщины, которые в тылу боевых войск работают секретарями, связистками и операторами радиолокационных станций.

Здесь, в округе Бухареста, находятся 1500 таких девушек. Война еще далеко, хотя танковые бригады и стрелковые дивизии двух советских фронтов 20 августа по обе стороны Прута устремились в глубь Румынии.

Однако немецкие дивизии еще удерживали свои оборонительные рубежи, грохот сражений до Бухареста еще не доносился. Многие девушки были довольны командировкой в Бухарест. Они уехали от бомбовой войны, охватившей немецкие города.

Служба женщин, помогавших войскам, часто была суровой. Связистка Элизабет Зиммермахер вспоминала, что в Бухаресте ей приходилось по шесть часов в сутки принимать и передавать следовавшие один за другим кодированные тексты. Она работала в дневную и ночную смены.

Связистка Люфтваффе Марианне Абендрот с места своей службы в Бухаресте передавала по радио приказы немецким бомбардиро-

вочным и истребительным эскадрильям, действовавшим с территории Румынии против югославских партизан и Красной Армии.

В наушниках девушек свистели и завывали сигналы войны. Но мысли о непосредственной опасности не приходили. Ева Климм, служившая в организации Тодта еще в России, в Румынии была приглашена немецкой солдатской радиостанцией «Густав» работать диктором. 12 августа 1944 года она приехала из Берлина в Бухарест. Первая ее мысль была: «Наконец-то оказалась в стране, где нет войны».

Флирт под деревьями, затенявшими бухарестские уличные кафе, иногда даже танцевальные вечера. Разливалось вино, выкуривались сигареты.

Но для Евы Климм поездка в мирную Румынию, начатая еще в Берлине в августе 1944 года, будет продолжаться пять лет, которые она, как и тысячи других помощниц вермахта, часто считает потерянными.

Через одну ночь фронт уже оказался здесь. Превосходящие силы 2-го и 3-го Украинских фронтов окружили 6-ю армию под Кишиневом. В замешательстве не смогли взорвать мосты через Прут и Дунай. Дорога русским на Бухарест была открыта. Глава румынского государства Антонеску был свергнут.

23 августа 1944 года Ева Климм сидела в студии солдатской радиостанции «Густав», объявила танцевальную музыку. Дверь распахнулась. В нее влетел офицер Люфтваффе, встал перед девушкой: «Быстро пакуй свои вещи! У нас есть самолет, с которым ты можешь улететь вместе с нами!» Ева Климм отказалась. Она не захотела так вдруг сразу бросить людей, с которыми вместе работала.

На аэродроме Плоешти под Бухарестом на следующее утро самолеты Люфтваффе Ju-88 прогревали двигатели. Была поставлена задача не атаковать, а спастись. Как можно быстрее 250 немецких женщин должны были вылететь на запад. Одной из них была Ева Климм.

Машины взлетали. Но вдруг появились темные точки на горизонте — советские истребители. Они открыли огонь по немецким самолетам, в которых сидели женщины. Связистки и служащие вермахта на борту гибли жестокой смертью в стране, которая еще пару дней назад казалась им такой веселой.

25 августа король Румынии, до этого бывший союзником Третьего рейха, объявил войну Германии. Друзья стали врагами. Румыны стреляли в солдат вермахта. Служащая администрации Эльзе Шустер в день путча была в бухарестском отеле «Лафайет». На сле-

дующее утро до туалета ей пришлось ползти: по всему, что показывалось в окнах, стреляли.

Женщины, находившиеся в пути, в эти дни были проглочены фронтом. Связистки, сестры Красного Креста, служащие штабов, как и многие немецкие солдаты разгромленных дивизий, стали пленными румын, военнопленными в полном смысле слова: закрытые в лагере, охраняемые вооруженными часовыми. В бараках и палатках немецкие девушки ждали окончательного решения своей судьбы.

Отправят ли их румыны домой? Или их оставят в Румынии? Будут ли победившие Советы считать их своей добычей? Одна из связисток вспоминала, что в те дни происходило в женском лагере на румынской земле: «По ночам приходили русские. Некоторые женщины почти добровольно уходили с ними».

Во время Второй мировой войны на службе в сухопутных войсках, в Люфтваффе и на флоте состояло около 500 тысяч женщин. Урсула фон Герсдорфф пишет в своей книге «Женщины на службе в вермахте»: «В начале войны 1 сентября 1939 года в сухопутных войсках было занято около 140 тысяч женщин, из них около 50 тысяч были служащими и около 90 тысяч — работницами.

В армии резерва в 1943—1944 годах было занято почти 300 тысяч служащих и работниц. Из них 150 тысяч были военнообязанными: около 105 тысяч работниц и 45 тысяч служащих. В полевых войсках и на оккупированных территориях в то же время было около 8 тысяч связисток и 125 000 штабных служащих.

В Люфтваффе во время войны в качестве служащих и работниц служили около 130 тысяч женщин, включая вспомогательный персонал Люфтваффе.

В военно-морском флоте работали около 20 тысяч женщин, включая вспомогательный персонал...»

К женщинам, находившимся в прифронтовой полосе и подвергавшимся опасности попасть в плен, относились также женщины и девушки из немецкого Красного Креста (НKK). Об их количестве в исследовательской работе Урсулы фон Герсдорфф говорится, что на 1 января 1945 года насчитывалось 500 женщин-врачей НKK, 48 тысяч медсестер-помощниц НKK и 313 тысяч санитарок-помощниц НKK. Некоторые из них находились в такой близости от фронта, что при отступлении немцев как на востоке, так и на западе они подвергались постоянной опасности попасть под власть врага.

Пленение немецких женщин в Бухаресте встревожило Главное командование германского вермахта (ОКВ). Пятого сентября им был издан секретный приказ, в котором говорилось, что эвакуация жен-

ского персонала «должна проводиться быстро и без помех». Как считали генералы, нельзя допускать того, «чтобы немецкие женщины попадали в руки врага». Озабоченность судьбой девушек в войсках была настолько велика, что ОКВ, наконец, хотело, где возможно, заменить их мужчинами.

Для многих тысяч немецких женщин и девушек приказ вышел слишком поздно. Так, после капитуляции женщин — служащих вермахта и медсестер победившие партизаны Тито заставили идти «маршем возмездия» по Югославии. Иногда они должны были за несколько дней проходить сотни километров без воды и еды. Многие были изнасилованы, многие — расстреляны.

В сообщении научной комиссии федерального правительства говорится: «В целом, за редким исключением, о происходившем как на западе, так и на востоке можно сказать: в качестве женщин-военнопленных было установлено от 25 до 30 тысяч женщин из женских вспомогательных служб вермахта, большая часть из них находилась на востоке, меньшая — на западе. На востоке не избежали общего процесса депортации уже уволенные из вермахта и «окунувшиеся» в гражданскую жизнь женщины-служащие и медицинские сестры, несмотря на то что были уроженками западной зоны. К тому же остается под вопросом, причисляли ли вообще власти восточных государств этих пленных женщин к «военнопленным», как это делалось немецкой стороной на основании международного права. Впрочем, от тяжести отдельных судеб эти представления не меняются».

В Румынии немецкие девушки из лагерей, рассеянных по стране, были отправлены в Бухарест. Они должны были идти пешком. Конвойные гнали их по проселочным и шоссе́йным дорогам. Ни автобуса, ни грузовика, ни железной дороги. Они шли ежедневно в течение шести часов. Дневной переход составлял всегда двадцать пять километров. На ночевки останавливались иногда в деревне, иногда в городе, иногда в амбарах, стоящих в открытом поле.

Пять месяцев жили пленные женщины — служащие вермахта в румынских лагерях, не зная своего будущего. Надежда сменялась страхом, уверенность — отчаянием. На Рождество 1945 года евангелический священник в женском лагере для военнопленных в Гензеа под Бухарестом молился: «Мы хотим просить тебя, господи, чтобы на следующее Рождество мы не оказались там, где еще хуже».

Уже в первые дни нового года ужас приобрел конкретные формы. Он носил русскую форму. Одиннадцатого января 1945 года лагерные ворота открылись для колонны грузовиков. Из них вышли

советские и румынские офицеры. По лагерю разнеслись приказы. Девушки построились.

Это была вызывающая сострадание группа женщин в форме, которая уже в течение нескольких месяцев была их единственной одеждой, все они были голодны, а в их глазах был страх.

Русские отбирали по возрасту. Кому было больше тридцати двух лет, отсеивали и отправляли в Германию. Кому было меньше, эшелонам отправляли в Россию. Советские отбирали здоровых, крепких молодых женщин. Прежде всего им были нужны люди, пригодные для тяжелой работы.

Через некоторое время к воротам вышли конвойные. Девушки на прощание обнимались и плакали.

Связистка Элизабет Зиммермахер — ей в то время было двадцать шесть лет — и диктор Ева Климм попали в число женщин, которым победители определили тяжелую судьбу. Вместе с подругами их отправили на Северный вокзал Бухареста. Там стоял товарный поезд. В каждом вагоне заперли по 40 девушек. Поезд пошел на северо-восток. Было холодно, очень холодно. Ни одеял, ни соломы. Голые доски со щелями, из которых сквозил ветер.

Поезд шел сутками, делая лишь короткие остановки для заправки паровоза углем и водой. Девушки ежились в вагонах. Холод одолевал их. Они пытались согреться, но вскоре для этого уже не было сил. Они прижимались друг к другу, они голодали. На пятую ночь Ева Климм заметила, что не чувствует ног. Они замерзли в туфлях.

Поездка пленных женщин закончилась в лагере Краснодон в Донбассе, там, где под землей Украины скрыты крупнейшие залежи угля на европейской территории Советского Союза.

Конвойные отвели Элизабет Зиммермахер, Еву Климм и их подруг по несчастью в барачный лагерь. Нары из неструганого дерева, на них — солома. Вокруг лагеря был установлен двойной забор из колючей проволоки. На углах пугающе стояли сторожевые вышки с прожекторами для часовых, вооруженных автоматами.

Более чем из трех миллионов немецких пленных, попавших к русским, умерли миллион. Из более чем 20 тысяч женщин — служащих вермахта и медсестер, попавших в плен на востоке, в лагерях погибли, по-видимому, 7 тысяч. Треть, то есть смертность составила более 30 процентов.

Через несколько дней после прибытия в лагерь Краснодон попавшие в Румынии в плен девушки были направлены работать на шахту. Они спустились на сотни метров под землю, встали перед по-

блескивающим черным угольным пластом. Русские рабочие сунули им в руки кирки и лопаты: «Давай, давай».

Пленные женщины рубили уголь и лопатами грузили его в вагонетки. Они таскали бревна, чтобы крепить штольни. Каждый день они работали по восемь часов. Зарплата женщины за мужскую работу составляла 6—10 рублей в день. Восемь рублей ежедневно с них вычитали за продовольственный паек, который им выдавали победители.

Элизабет Зиммермахер рассказывала: «За одну-единственную луковицу, важную из-за витаминов, я однажды была вынуждена заплатить 10 рублей». Целый день работы в шахте за одну луковицу.

Научная комиссия утверждает: «Условия жизни и работы в целом не отличались от тех, что были в мужских лагерях. Но почтовое сообщение с родиной в них было значительно хуже, так как женщинам часто не давали возможности писать письма домой. Существуют опасения, что смертность среди попавшего в плен женского персонала вермахта в связи с необычно тяжелой работой и едва ли выполнимыми нормами достигала тех же величин, что и у пленных мужчин, если не превышала их».

Фрау Зиммермахер: «Не выполнить норму значило то же самое, что голодать. Поэтому мы работали, пока не падали. Со многими из нас на шахте происходили несчастные случаи». Связистку Элизабет Зиммермахер два раза засыпало в краснодонской шахте на глубине 800 метров. Об условиях жизни немецких женщин в русском лагере в Краснодоне фрау Зиммермахер говорила: «Заболевшие денег не получали. А кто не работал под землей, получал только 600 граммов хлеба. Эти несчастные женщины из своих 600 граммов хлеба должны были продавать часть на черном рынке, чтобы иметь деньги для покупки следующего пайка хлеба. Дьявольский круг».

Пленная диктор радио Ева Климм через несколько дней после прибытия в лагерь Краснодон из уст русской женщины-врача услышала ужасный диагноз: «Ступни надо ампутировать. Они отморожены». Пленный немецкий врач спас ноги переменными ваннами и обертываниями из лекарственных трав. Русские пошли на кажущуюся поблажку инвалиду Еве Климм: женщина с отмороженными ступнями не должна была рубить уголь в шахте. Ее отправили работать в сельском хозяйстве. Но осенью 1945 года Ева Климм добровольно заявила, что хочет со своими подругами спуститься для работы в шахту, «так как мои ноги не вынесут холода при работе на поверхности. Как все это я могла вынести, сейчас я уже и не знаю. В шах-

те наши платья промокали насквозь. При восьмикилометровом пути обратно в лагерь одежда замерзала». Но еще ужаснее мыслей о невыразимых мучениях в шахте и боли воспоминания Евы Климм о времени ее работы в санчасти лагеря: «Зимой умерших хоронить не могли. Они лежали, сложенные штабелями. Я должна была сама выносить мертвых. Их волосы и тела примерзали к полу, и их надо было откалывать».

В конце 1945 — начале 1946 года в лагерях для военнопленных женщин, расположенных между Черным морем и Северным Ледовитым океаном, появились новые лица. Русским было мало немецких женщин, которые попали к ним в руки во время боевых действий.

Из занятых восточных областей германского рейха и из советской оккупационной зоны девушек и женщин отправляли на восток. Некоторых прямо с улицы, некоторых по приговору суда. Стремление Советов получить как можно больше подневольных рабочих было неумолимо. Их не интересовала вина или судьба, а часто даже подозрение или злой умысел.

Произвол, нелепый случай или неблагоприятное стечение обстоятельств сломали жизнь связистки Марианны Арндт, так же как и жизнь сотен тысяч других людей в областях, занятых Красной Армией во время Второй мировой войны и после капитуляции.

В 1943 году Марианну Арндт отправили в командировку в Советский Союз. Там в городе Винница она заведовала общежитием для девушек — служащих вермахта, работавших в штабе. Враг приближался, Марианну Арндт и ее девушек эвакуировали на запад. В начале 1945 года служащая штаба снова оказалась дома в Ютербоге, земля Бранденбург. Красная Армия прорывалась дальше на запад. Немецкие солдаты отступили из Ютербога. Среди них был офицер, квартировавший на квартире у родителей Марианны.

В спешке отступления он оставил чемодан, который Арндты, не посмотрев его содержимое, отнесли на чердак. Но этот чемодан сыграл в судьбе Марианны Арндт роковую роль.

Город заняли русские. Солдаты Красной Армии разместились в доме родителей Марианны Арндт. Казалось, что жажда мести и опьянение победой утихли. Красноармейцы вели себя сдержанно и в целом корректно.

Квартиранты сменились. Пришли новые солдаты. Один из них (может быть, в поисках трофеев, а может быть, из любопытства) полез на чердак, где он и нашел чемодан. Открыл его, увидел пистолет и бумаги, поташил чемодан и содержимое вниз. Немногим позже двое красноармейцев стояли перед Марианной Арндт. Они достави-

ли ее в районную комендатуру, располагавшуюся в ратуше Ютербога. Там за дубовым старинным столом сидел старший лейтенант русской контрразведки. Перед ним лежали пистолет и бумаги из чемодана. Он спокойным голосом на хорошем немецком сказал стоявшей перед столом на широкой ковровой дорожке испуганной Марианне Арндт: «Вы занимались шпионажем против Красной Армии. У вас есть оружие. Вы бывали в России. Мы отдадим вас под суд». Он кивнул красноармейцам. Они отвели женщину в подвал здания, служивший тюрьмой.

В этом подвале Марианна Арндт просидела много недель. Потом ее судил русский военный трибунал. Допрос был кратким, приговор варварским: смертная казнь через расстрел за шпионаж, незаконное хранение оружия и участие в захватнической войне вермахта против России.

Марианну Арндт снова посадили в подвал, где она ждала момента, когда дверь распахнется и мужские руки потащат ее наверх, к месту казни.

Но в конце лета 1945 года русский офицер зачитал в камере краткий текст. Смертный приговор Марианне Арндт был заменен десятью годами принудительных работ в Советском Союзе.

Марианну перевели в тюрьму во Франкфурте-на-Одере. О своих родителях и муже она ничего не слышала, так же как не имела возможности отправить им весточку из заключения.

В октябре 1945 года во Франкфурте-на-Одере русские солдаты из оккупационных войск загнали Марианну Арндт вместе с пятьюдесятью семью другими немецкими женщинами и девушками в товарный вагон. В нем женщины провели девять недель. Свирипствовал сыпной и брюшной тиф. Когда они приехали к месту назначения, из 58 пленных женщин, посаженных в вагон во Франкфурте, в живых оставались только двенадцать. Сорок шесть лежали мертвыми в вагоне. Марианна Арндт: «Мы, выжившие, не могли идти». Конечной станцией ужасного путешествия была Инта под Воркутой, у Полярного круга.

Немецкие женщины и девушки приехали в регион, где суровая природа сохранила свой первозданный пугающий вид. Пленный, возвратившийся домой из Воркуты, описывал ее так: «Зима начинается в сентябре и заканчивается в мае. Температура опускается до 57 градусов ниже нуля, зимой обычно минус 35—40 градусов. Много снега, но сухо. В мае и июне еще очень холодно, идет дождь со снегом, много грязи. Только в июле и августе бывают теплые дни. Много мух и мошкар, так как повсюду болота. Деревья не растут. Грунт

промерзает на два метра в глубину и покрывается снежным покровом в один-два метра».

В этой стране арктических холодов, завывающих, свистящих снежных бурь надо было выжить. Ни одна из немецких женщин и ни один из немецких мужчин, угнанных Советами на Крайний Север Урала, не имели опыта подготовки себя к холоду. Одна из возвратившихся домой женщин, которая почти в то же время, что и Марианна Арндт, была на принудительных работах в Воркуте, рассказывала о работе пленных на железнодорожной линии, которую заносило снегом и льдом: «Брови и ресницы покрывались коркой льда. У нас было ощущение, что замерзают сами глазные яблоки. Каждый вдох резал легкие словно нож. Мы пытались позаботиться о лучшем кровоснабжении лица, мы стояли, опустив голову вниз и хлопая себя по спине руками. Это выглядело смешно. Как будто стая больших птиц, которая стремится взлететь, но, несмотря на сильные удары крыльев, ей не удается подняться в воздух».

Бывшая служащая штаба Марианна Арндт, увезенная на расстояние почти в четыре тысячи километров от Ютербога, в районе Воркуты должна была работать на угольной шахте, рубить уголь и наполнять им вагонетки тяжелой совковой лопатой ежедневно по девять часов. Девять часов работы под землей примитивными инструментами, отработанные женщиной неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом.

Одна из подруг Марианны Арндт по плену, преисполненная горечи, писала о виде угольного района у Полярного круга, созданного трудом подневольных рабочих: «Весомо, широко или с триумфальными жестами стоят изготовленные из гипса или железобетона статуи Ленина, Сталина и Кирова на площадях. Одного я не замечала: настоящего символа Воркуты — растрескавшихся, окровавленных рук рабов. Вы знаете, в чем состоит огромное различие между лопатой и лопатой? Одна лопата больше пригодна для сгребания снега, другая — для угля, земли или золы. Одну легко держать в руках, другая своей тяжестью делает тебе работу ненавистной вдвойне».

С мозолистыми, иссеченными шрамами руками Марианна Арндт и ее подруги по окончании смены выбирались из шахты и устало брели к лагерю. Вокруг — двойной забор из колючей проволоки высотой около трех с половиной метров, по которому для верности пропущен ток высокого напряжения. На расстоянии пятнадцати метров друг от друга фонари освещали заминированную полосу у забора. Перед забором с внешней стороны лагеря на цепях бегали караульные собаки.

В одном из барачков лагеря на двухъярусных нарах было место Марианны Арндт. Ее личное пространство составляло 80 сантиметров в ширину и около двух метров в длину. Она спала на мешке с дрянной шерстью. Питание было таким: «Два раза в день капустный суп с рыбными головками, хлеб. На ужин — немного каши и иногда ложка сахара».

Марианна писала письма, которые не доходили до адресата. Русские отказывали ей и другим пленным женщинам в праве, предоставленном военнопленным-мужчинам, — почтовой связи с родственниками на родине.

Советы рассматривали депортированных женщин — служащих вермахта и женщин-военнопленных как «гражданских интернированных», не находящихся под защитой Международной конвенции об обращении с военнопленными.

Поэтому судьба многих тысяч женщин до сих пор неизвестна. Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных, сознавая свое бессилие, утверждает: «На востоке теряются следы женщин — служащих вспомогательных подразделений вермахта, переведенных в разряд гражданских перемещенных лиц».

Тяжелый труд и голод изуродовали тела женщин. Советы стыдились отпускать на родину пленных женщин в таком плачевном состоянии. Поэтому перед отправкой домой женщины были освидетельствованы советскими врачами и переведены в специальный лагерь, где получали улучшенное питание, не работали или привлекались только к легкой работе. Как только советское руководство посчитало, что захваченных в плен женщин можно представить мировой общественности, их наконец отправили домой.

Некоторые женщины — служащие вермахта провели в восстановительном лагере целый год. Все равно при возвращении в Германию вид большинства женщин вызывал сочувствие. Связистка Ева Климм рассказывала: «Когда я возвратилась, то в лагере Фридланд под Геттингеном оказалось, что я вешу 80 килограммов при росте метр шестьдесят два. У меня были отеки. В моем теле было 30 килограммов воды. Моя мама заплакала, когда меня увидела. Она плакала не от радости. Смущенно она пробормотала: «Тебе бы не следовало возвращаться с ребенком».

Мать Евы Климм приняла бесформенный вид тела дочери за беременность.

Марианна Арндт, которую через десять лет плена в Сибири Советы освободили в 1955 году и отправили в Германию, стояла одна на плацу в лагере Фридланд. Никто ее не ждал. Она была объявлена умершей. Муж ее женился во второй раз.

Для этой пленной немецкой женщины, пережившей ледяные лагерь, судьба приготовила утешение. Связистка Марианна Арндт: «Мой муж объявил свой новый брак недействительным и вернулся ко мне».

«Тихая ночь» и за колючей проволокой

Мрачные бараки, грозные сторожевые вышки, колючая проволока, лагерные улицы и лагерные ворота. И охранники со своим неизменным реквизитом — автоматом: место пребывания для военнопленных. На Украине или в Сибири, у монгольской границы или у Ледовитого океана, на Днепре, Донце, на Волге — бараки и колючая проволока, так же как и будни советского быта, голода и рабства. Пара клейких кусочков хлеба, жидкий капустный суп, пшенная каша и вши. А также голод, доносчики. Изнурительная работа. Смерть.

То же и в Рождество. Так как для сына божия не было места в русских бараках для пленных.

Молча сидели пленные на своих нарах. А снаружи расстилалась покрытая снегом степь. Кое-где — кустарник, и так — до горизонта.

Пленные, одетые в рваные куртки, рубашки, превратившиеся в лохмотья, и толстые ватные штаны наблюдали за двумя людьми в центре барака.

У одного в руках была деревянная палка, в которой ножом он вырезал отверстия. Другой вырезал маленькие деревянные чурки одинаковой длины и заострял их концы так, чтобы они входили в отверстия. Собранными вместе большая палка и мелкие палочки оказались каркасом елки, елки без игл и ветвей.

Один из резчиков повернул творение в руке. Потом он наклонился и выдернул вату из лопнувшего шва своих брюк. Разгладил ее, разровнял, а затем повесил на мертвую деревяшку — «волосы ангела» на рождественском дереве 24 декабря 1946 года в советском лагере для военнопленных в Джезказгане между Аральским морем и озером Балхаш в казахстанской степи, в 5000 километрах от Германии.

Военнопленные сели за столы, сделанные из веток и неструганных досок. Они ели кислую капусту, сырой хлеб, рыбу, картошку в мундире и смотрели на рождественскую елку.

А потом один встал и запел, сначала срывающимся, но потом ясным и твердым голосом: «Stille Nacht, heilige Nacht».

Никакой другой праздник так не задевал чувства немецких солдат за колючей проволокой, как Рождество. На Рождество смешивались отчаяние и надежда, прекрасные воспоминания и страшное настоящее. Никогда образы отца и матери, жены и детей не были так близки и одновременно так недостижимы, как в святую ночь.

Некоторые пленные провели в бараке только одну, другие встретили в лагерях десять рождественских ночей.

Католический священник Якоб Эшборн, проводивший восемь лет в советских лагерях для военнопленных, в одном из них написал такое рождественское стихотворение:

Ночь темна. Из дома вон!
Зовет работа. И ты идешь.
Сегодня ль Рождество? Не знаешь ты.
Рождественская ель не блесит, и не светят огни.
Покинут ты в чужой стране.
И рядом с тобой нет женской руки, и детского смеха,
и любящих сердец.
Воспоминания будят старую боль.
Однако было святое семейство,
Покинутое всеми, оторванное от домашнего очага
и брошенное в холодную ночь.
Ему был принесен свет вечной любви.

Немецкий хирург Куно Валь, попавший в плен под Бобруйском в Белоруссии, вспоминал о своем первом Рождестве в плену в 1944 году: «Я вышел в ночной холод... Миллионы и миллиарды звезд... Пары глаз двух крохотных любящих человеческих существ встречаются в сверкающей точке невероятно далекой звезды. Бесконечность связывает два разделенных сердца».

Многие немецкие военнопленные боялись, что в святую ночь их захлестнут чувства и они не смогут больше сдерживать слез. Пленный, возвратившийся на родину, рассказывал научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных о рождественском вечере 1945 года в лагере под Ригой: «Мы угрюмо смотрели в окно на огни и вскоре улеглись на жесткие нары. Каждый боялся, что кто-нибудь начнет петь «Stille Nacht, heilige Nacht».

В сообщении научной комиссии о значении праздника Рождества для пленных говорится: «Если религиозная жизнь внешне сильнее всего проявлялась в церковных службах, то у некоторых военнопленных наибольшая потребность в религии возникала по церковным праздникам. Поскольку Святой вечер они вынуждены были прово-

диль без соответствующего праздника, как это нередко случалось особенно в первые годы плена, это было особенно болезненно для немецких военнопленных. Конечно, интерес к религиозным вопросам с годами спадал, однако к Рождеству, когда по 1945 год включительно, а иногда и позже не было поздравлений не только от родственников, но и от семьи, они были готовы найти утешение в религии...

Другие церковные праздники среди рутины лагерной жизни почти не отмечались, причем проведение религиозных служб разрешалось или допускалось. В остальном все происходило в очень мелких религиозных кружках. Иногда устраивались эстрадные вечера или праздничные представления, неофициально посвященные Пасхе. Но, как правило, Пасха, Троица и другие церковные праздники проходили как обычные будни...»

Церкви и нашим церковным праздникам не было места в советском плену.

Часто набившиеся в бараки и землянки люди на Рождество предавались унынию и печали. Из советского лагеря для военнопленных в Потье один из немецких солдат рассказывал о дне 24 декабря 1945 года: «Ну а после принесли еду, о которой мы говорили всю предстоящую неделю: на рождественский ужин была картошка в мундире и селедка. Порция картошки в мундире состояла из пяти малюсеньких полусгнивших картофелин и половины совершенно тухлой селедки. Разочарование было действительно велико. А потом мы попытались петь: «Тихая ночь, святая ночь», что, естественно, не получилось, потому что у многих слезы подступили к глазам. Затем я вынужден был встать, так как мне стало совсем плохо. Тут произошло самое страшное для военнопленного: меня вырвало этой селедкой и картошкой — этими ценнейшими калориями, и это была катастрофа».

Рождество заставляло пленных плакать.

Военнопленный Карл Хайнц Бюнер рассказывал об одном из лагерей на Урале: «В углу барака запели рождественскую песню. Петь никому не хотелось. Голод и усталость, нищета и зависть камнем лежали на душе». Однако: «Один за другим стали поворачиваться, чтобы слышать песню, и наконец не осталось ни одного сердца, закрытого для послания, которое она несла».

Пленный артиллерист Отто Маукш проводил Рождество 1949 года в Донбассе, в шахте вместе с 200 товарищами и 200 русскими. На головах у рабочих были защитные каски из папье-маше, а в руках — бензиновые лампы. Они должны были рубить уголь на глубине 370 метров. И не только в эту ночь. Немцы повесили свои бензиновые лампы на крепежное бревно, поддерживающее над ними

пласты породы. Лампы образовали пирамиду — что-то вроде рождественской елки.

Отто Маукш рассказывал о том святом вечере 1949 года на русской шахте: «Наша бригада из двадцати человек встала вокруг этой елки из фонарей. Глухо зазвучало: «Stille Nacht, heilige Nacht». Один из нас дирижировал. Где еще праздничнее и возвышеннее могла звучать эта рождественская песня, как не в этой заброшенной уединенности, в окружении черных угольных стен, при потрескивании крепёжных балок, тихом журчании воды!»

В Рождество пленные чувствовали сильнее обычного свое бессилие и горечь своей судьбы.

В лагере под Саранском первый день Рождества 1945 года был нерабочим. На второй день Рождества всем обитателям барака было приказано пройти дезинсекцию. Пленный, бывший свидетелем этого, писал: «А уничтожение вшей означало, что нам обречут все волосы на теле. Таким было Рождество 1945 года».

Научная комиссия: «Немецким военнопленным казалось явным издевательством то, что именно на Рождество они не получали выходного дня. Советские инстанции считали это абсолютно само собой разумеющимся, так как их граждане в этом отношении тоже не встречали никакой любезности. Несмотря на это, первый день Рождества иногда объявлялся выходным, но до него или после него необходимо было отработать в воскресенье. Однако это редко соблюдалось».

В советском лагере для военнопленных под Армавиром немецкие солдаты тщательно и с любовью смастерили рождественские елки для празднования святого вечера 1946 года, украсили их ватой и стальными стружками. Вдруг дверь барака распахнулась. В нее с шумом и гамом ввалилась группа членов антифашистского комитета. Солдаты на нарах и табуретах притихли. Член антифашистского комитета сказал пару слов. От имени советского руководства лагеря он объявил запрет всех рождественских празднований. Потом члены антифашистского комитета взяли елки и поломали их.

Многие русские коменданты лагерей не мешали пленным праздновать Рождество. Однако некоторые всеми средствами стремились не допустить праздник в бараки прежде всего потому, что праздник Рождества Христова не соответствовал коммунистическому мировоззрению Советов.

Уже в 1955 году, через десять лет после войны, один немецкий пастор в лагере под Асбестом был посажен на 14 дней в карцер за то, что он устроил празднование Рождества, которое не разрешили советские власти.

Но даже опасность быть замеченными и наказанными не пугала пленных, праздновавших Рождество.

Тепло этого праздника согревало даже тех немцев, которые были уверены, что для них уже все потеряно: офицеров, которых пытали в югославском лагере Вершец, а потом приговорили к смерти. Они сидели в камерах пресловутой тюрьмы в Сремской Митровице.

Генерал Герхард Хенке, последний командир 11-й воздушно-полевой дивизии, писал о Рождестве 1949 года: «В атмосфере близкой смерти от голода или пули из автомата встречали мы праздник Рождества. Он заставил чуть поярче светить едва теплившийся огонек уверенности, не угасавший, несмотря ни на что. Сидевший со мной Людвиг Вольф из прутьев грубой метлы сделал деревце, из зеленой бумаги — елочные иголки, а из какого-то воска и еще чего-то — рождественские свечи. Незадолго до этого из дома пришло несколько посылок. Товарищи из нашей камеры, несмотря на то что сами голодали, из чувства подлинного товарищества половину съестного выставили на общий стол. Рождественскую елочку поставили так, чтобы свет от свечей не проникал за зарешеченное окно. Я сказал рождественскую речь. Я сказал, что сейчас мы в шестой раз справляем Рождество в плену, далеко от своих любимых и без весточек от них, празднующих на родине. Мы встречаем его в ночь глубочайшего унижения, через которое когда-либо мог пройти безвинно осужденный человек. Наша маленькая зеленая елочка со своими горящими огнями будет символом нашей надежды и уверенности. Нам не нужно, и мы не должны чувствовать себя одинокими и покинутыми за стенами этой камеры смертников. После этого мы пели рождественские песни и слушали, как они звучали и из других камер».

Годом позже Хенке и многие из его товарищей еще сидели в югославском заключении. Это было их седьмое Рождество в плену: «Мы поставили свечи на еловые ветки или на маленькое деревце перед нами, которое прислали в посылках».

Воспоминания и надежды в ту ночь побороли Герхарда Хенке: «Мысленно я приехал на вокзал в Эшwege и пошел по дороге от вокзала к нашему дому. Мимо всех деревьев, мест и зданий, знакомых мне с ранней юности».

В западных государствах Рождество, как праздник единоверцев, встречали победители и побежденные. Унтер-офицер мотопехоты Эрих Карстен, захваченный в плен 7 мая 1943 года под Тунисом, а потом отправленный в Америку, на память о Рождестве

1945 года привез на родину почтовую открытку. Ее, как и многие другие немецкие пленные, Карстен получил от лютеранской церкви США.

В послании американцев к немцам приводилась цитата из Библии о «великой любви господней» и было изображение святого семейства у яслей.

На этой открытке Эрих Карстен записал, что было с ним в Рождество 1945 года в американском лагере форт Беннинг: немецких военнопленных отвели в полковую церковь. Над алтарем висел голубой шелковый балдахин. В углу церкви стояло большое рождественское дерево. Эрих Карстен: «Мощно играл орган. Ясными и выразительными были слова священника».

В лагере для военнопленных в Хэмптон-Роадс, штат Виргиния, американские лагерные повара 24 декабря 1944 года приготовили для немцев такое меню: жареный индюшонок, нафаршированный листьями шалфея, гусенок, зажаренный в соусе, брусничный компот, картофельные хлопья, засахаренный сладкий картофель, зеленая фасоль в сливочном масле, спаржа, свежий фруктовый салат с майонезом, стебли сельдерея, оливки, пикули, булочки с маслом, горячий мясной паштет, яблочный пирог, мороженое.

Для немецких военнопленных в Англии праздник Рождества 1946 года означал освобождение от строгих предписаний, которые они до этого должны были неукоснительно соблюдать.

Лондонское правительство разрешило британцам общаться с немецкими военнопленными. В Бристольском соборе немцы и англичане провели рождественскую службу на двух языках. Сотни английских семей пригласили к себе немецких пленных.

Епископ Рочестерский пригласил в гости немецкого военного капеллана Пауля Гётца. Деревня Уолдерслэйд на Рождество 1946 года пришла к примирению. Сначала, когда поблизости от деревни был организован лагерь, ее жители протестовали. Позже они угрожали, что имя каждой девушки, замеченной во флирте с немецкими военнопленными, будет объявляться публично и она таким образом подвергнется общественному презрению.

А сейчас, на праздник Рождества Христова в 1946 году, жители Уолдерслэйда пригласили к себе более 200 пленных. Один из них, Вернер К., рассказывал: «Пригласивший меня в гости приехал за мной и еще пятью товарищами на тракторе. Моросил дождь. Мы замерзли. Англичанин провел меня и двух товарищей в гостиную, познакомил нас с женой и детьми. В камине пылал огонь. Мы сняли наши куртки с круглыми пятнами, располо-

женными крестом на спине. Мы могли говорить только на ломаном английском, но мы чувствовали себя легко, почти как дома, так как мы видели только дружеские лица. Была индейка, горох и картошка».

О воздействии этого рождественского поощрения на настроение военнопленных сообщала английская газета «Дейли мейл»: «Пленные пели у себя в бараках. Такого до сих пор еще не бывало».

Побег: трагедия и приключение

Тысячи немецких военнопленных во время Второй мировой войны и после капитуляции не хотели мириться с жизнью в русском плену, с несчастной жизнью, произволом, безусловным угнетением чужой и зачастую злой волей. Они пытались бежать. Но побег из советского плена был почти напрасной и к тому же опасной для жизни затеей. Пытались многие, но бежать удавалось лишь единицам. Минимальным наказанием для пойманного беглеца были жестокие побои, карцер и голод. Но чаще всего беглых пленных расстреливали, как только они попадали в руки своих преследователей. Три человека, не пожелавшие оставаться пленниками русских, рассказали о своих приключениях. Двум из них улыбнулся счастливый случай.

Через пустоту

Весна 1945 года. Доктор Ханс Й. Шрадер, которому в то время было 33 года, служил врачом в 1/122-й эскадрилье дальней разведки. Он получил приказ выехать в Прагу. Но не успел он добраться до столицы Чехословакии, как там уже была Красная Армия¹. Шрадер решил пробиваться из Кениггреца на запад через Мольдау в Тюрингию. Там находилась американская армия. То же самое в те дни пытались сделать тысячи немецких солдат: они хотели любой ценой сдать в плен американцам и стремились любыми способами избежать русского плена. Военному врачу Шрадеру действительно удалось пройти через Мольдау, но он был пойман чехами и передан американцам.

¹ По-видимому, Шрадер попал в плен по пути в Прагу в апреле 1945 г. Красная Армия освободила Прагу только 9 мая 1945 г.

Удалось ли ему спастись? Нет. Американские войска получили приказ передавать русским всех немцев, бежавших из районов, занятых Красной Армией. С доктором Хансом Й. Шрадером поступили в соответствии с приказом. В русском плену Шрадер заболел, из-за этого его отправку на восток отложили. Болезнь дала ему последний шанс. Врача доставили в лагерь под Веной, казалось, что из него он будет отпущен. В один из апрельских вечеров, когда под Берлином еще шли бои, русские солдаты посадили пленных на поезд. Он долго двигался по хитросплетению стрелок, а потом вышел на прямой путь, который вел на восток. Венгрия. Ни одной остановки. Поезд шел днем и ночью. В одну из ночей автоматные очереди и выстрелы из карабинов ворвались в мерный стук вагонных колес. Поезд остановился. Пленные испуганно очнулись от своего беспокойного сна. Снова стреляли. Много раз. Потом поезд снова пошел. Доктор Шрадер рассказывал: «Позднее советские солдаты из конвоя заявили, что расстреляли группу бежавших пленных». Эшелон доставил их в лагерь для военнопленных в Румынии, там, где сходятся границы Румынии, Венгрии и Чехословакии. Отсюда пленным предстояло отправиться дальше. Доктор Шрадер и одиннадцать его товарищей сговорились бежать. Им было ясно: если теперь их снова посадят в поезд, то сойдут они с него только далеко на востоке, в глубине Советского Союза. Кто знает, насколько далеко в этой гигантской стране.

Если и бежать, то теперь, из этого лагеря в Румынии. Но пугал пример товарищей, расстрелянных в ту апрельскую ночь по дороге из Будапешта в Румынию.

Лагерь сильно охранялся. Надежды на то, что побег долго останется незамеченным, не было.

Что делать? Нужно было бежать по дороге. Но не через охраняемую снаружи дверь вагона и не на остановке, поскольку им вовсе не хотелось прыгать под автоматы конвойных. Другая возможность заключалась в побеге через пол вагона. Зря времени они не теряли. Они раздобыли полотно ножовки и нож. Собрали запас хлеба. Они решили, что при удачном побеге из вагона разделятся на мелкие группы по два-три человека. В каждой группе должна быть консервная банка для кипячения воды, так как стоило заболеть поносом, и вся операция потерпит неудачу уже через несколько дней.

Недолго они оставались в лагере на румынской территории. Доктор Шрадер: «Пришел русский и сказал, что нас отправляют в прекрасное место, в Крым». Это было очень далеко.

Перед отправкой их, как обычно, обыскали. Но русские не были слишком усердны: они не нашли ни ножовки, ни ножа, ни запасов

сухарей. По дороге на вокзал решившиеся бежать шли не вместе. Им надо было сделать так, чтобы все они попали в один вагон. Это получилось. Поезд отправился из Румынии ночью на восток.

Пленные взялись за работу. Они выпилили в половицах вагонного пола дыру размером приблизительно пятьдесят на пятьдесят сантиметров. Места распила они замазали хлебом, чтобы скрыть их от глаз проверяющих советских солдат. Естественно, решившие бежать пленные не могли просто так выпрыгивать из вагона. Это необходимо было делать ночью, скорость должна была быть небольшой, и поезд не должен был стоять на освещенной станции.

Наступила ночь на 3 мая 1945 года. В два часа эшелон остановился. Посмотрели через узкое зарешеченное оконце: света нет. Толчок. Гудок. Стук: перед поездом поставили новый паровоз. Это означало, что эшелон скоро снова двинется дальше — сначала тихо, а потом все быстрее и быстрее.

Момент, которого ждали несколько дней, наступил. Пленные вынули выпиленные доски из пола вагона. Внутрь устремился холодный ночной воздух. Ничего не было видно. Первый из беглецов залез в дыру, искал опору для ног. Потом исчез. Его товарищ бросил в отверстие мешок с припасами. В 3.40 утра 3 мая доктор Ханс Й. Шрадер протиснулся в дыру в вагонном полу. Он был десятым или одиннадцатым, точно не помнил. Секунду он постоял на тормозной трубе, прижал голову, скрестил руки на груди и упал. «Я даже не заметил, что ударился подбородком, и нижние зубы рассекли мне верхнюю губу». Шрадер лежал между рельсов, прижался к щебню, полностью распластался. Других он не слышал и не видел. Через четверть часа, показавшихся вечностью, поезд прошел, отгрохотав над его головой. «Я услышал шум уходящего поезда. Этого я не забуду никогда. Я обернулся и начал искать между рельсов мой мешок с припасами, нашел его и почти одновременно наткнулся на моего друга Мевיוуса, пехотного лейтенанта, который тоже бежал вместе с нами». Остальные уже исчезли.

Место, где беглецы прыгнули с эшелона военнопленных, находилось в 20 километрах юго-восточнее Клаузенбурга, на перегоне за Херманнштадтом в Румынии, в 200 километрах от венгерской границы и почти в 1000 километров от Германии. Им предстояло пройти 1200 километров по территории, занятой врагом.

На фоне темного ночного неба были видны черные тени деревьев. Беглецы около часа шли на запад по лесу. Шел дождь. Одежда и провизия промокли. Стало светло. Они забрались в густой кустарник. Потом они услышали шум мотора медленно летящего самолета. Неужели

русские отправили на поиски бежавших военнопленных разведывательный самолет? Пленные до вечера оставались в своем укрытии. Потом они пошли дальше. Через лес и холмы. Спали они в лесу.

На третьи сутки провизия кончилась. Идти голодными дальше, пока хватит сил, или зайти в деревню и попросить хлеба? Вся затея на этом могла бы и закончиться, если бы они встретили не того человека. Они решили зайти в деревню Влаха. Постучали в дверь католического священника. Божий человек дал им с собой белого сыра и сала. Потом сунул им в руки пару банкнот. Этот священник был одним из многих людей, которых беглецы встретили по пути на запад, один из многих, без помощи которых они бы пропали.

Через три дня, под вечер 9 мая 1945 года, беглецы снова подошли к деревне. Снова они задались тем же вопросом: идти дальше или постучаться? Они снова постучались в дверь деревенского священника. Священника православной церкви. Седовласый мужчина накрыл стол, достал хлеб и сало. Налил вина и предложил немцам переночевать. Утром чуть свет он разбудил беглецов и повел их в церковь. Там он отслужил для солдат молебен и попросил у господина «удачного возвращения на родину» для своих гостей.

Через день после этого показалось, что приключение печально закончилось. Беглецы заползли на крестьянский двор, так как Мевиус вывихнул ногу и дальше едва мог идти, преодолевая боль. Вечером в ворота двора постучали. Крестьянин открыл. Два румынских полицейских! Держа в руках пистолеты, они жестами показали Шрадеру и Мевиусу, чтобы те шли с ними. Подавленные, беглецы проследовали за полицейскими к участку, но там ничего не произошло. Допроса не было. Их отвели в пустую подсобную комнату в караульном помещении. А потом случилось вот что...

Пришла жена одного из полицейских. По происхождению она была немка. Принесла молоко и хлеб. И сказала: «Вы можете уйти сегодня ночью. Дверь будет открыта». Дверь действительно не была заперта. Мевиус и Шрадер ушли. Прислушались, остановились, прислушались. За ними никто не гнался, никто в них не стрелял.

И вот они в пути уже восемь дней. Прошли пешком 400 километров и все еще были в Румынии. От Германии их еще отделяло огромное пространство. Между ними и родиной лежали еще две страны, из которых Венгрия была занята русскими полностью, а Австрия — наполовину. Идти еще было далеко, и каждый новый день скрывал угрозу снова попасть в плен. Ноги были стертые и разбитые. Часто дорога на запад шла круто вверх. Им надо было переходить через горы. Путь прерывался обрывами, камнями, скалами, лесными

зарослями. Но было одно преимущество: в этом нагромождении путешественников на запад было трудно заметить. За горами была венгерская граница. Перед ней широкая река — Черный Краиш.

И снова они встретили помощника — румына, который сам подвергался опасности, помогая беглецам. Он перевез их на лодке, указал правильную дорогу. А одна женщина показала им место, где можно было перейти границу. Они перешли ее, не замеченные пограничниками.

На Вознесение 1945 года венгерский крестьянин угощал блинами солдат в мундирах, потрепанных от трехнедельного похода и ночевки под открытым небом. И этот венгр позволил бородатым чужакам, пробиравшимся на запад, спать в своей кровати. Он снабдил их гражданской одеждой и дал им немного денег. На следующее утро он запряг лошадь и отвез Мевиуса и Шрадера на вокзал. Они сели в поезд. Он шел на запад — в Будапешт, в город, через который они несколько недель назад ехали, потеряв всякую надежду. Они приехали, никто не остановил их в толчее и вокзальной суете. Шрадер и его товарищ купили билеты до Штайна-на-Ангере — станции у австрийской границы. Никто у них не спросил документы. Они перешли границу. Теперь они уже в Австрии, в Бургенланде, зоне, оккупированной русскими.

За их спинами уже 1200 километров. Шрадер и Мевиус думали, что теперь ничего плохого уже не случится. Теперь они уже почти дома. В одном замке они попросились на ночлег. Их отвели в гостиную. Управляющий замком налил вина. Пришло утро. Беглецы двинулись в путь. Шаг их стал быстрее. Они думали, что можно уже считать часы до того момента, когда они успешно завершат свое путешествие.

Доктор Шрадер и лейтенант Мевиус шли по деревенской улице Штегерсбаха. Улица была длинная и прямая. Вдруг доктор Шрадер замедлил шаг, легонько толкнул Мевиуса: в конце улицы — группа русских солдат, часовые. Они смотрели на улицу. Сидели перед домом. Они могли уже давно заметить двух мужчин, идущих по улице, и наблюдать за ними. Если бы теперь Шрадер и Мевиус развернулись и пошли или побежали назад, русских бы это насторожило. Тогда бы началась охота, от которой немцам уйти бы не удалось. Если Мевиус и Шрадер пошли бы дальше, русские спросили бы у них документы, пропуск или справку об освобождении из плена. Солдаты там и находились для того, чтобы задавать такие вопросы.

Казалось, что побег окончился неудачей, и это после стольких километров!

Шрадер и Мевуис замедлили шаги, брели едва-едва, пытаясь отсрочить неизбежный момент. Вдруг из дома на улицу вышли две молодые женщины. Беглецы заговорили с ними, торопливо рассказали в двух словах, о чем идет речь. И женщины сразу все поняли; одна звонко рассмеялась, при этом она подмигнула Шрадери и обняла его. И, как на сцене, все четверо разыграли две влюбленные пары. Взявшись под руки, шутя и смеясь, они пошли к русским, а потом — мимо них. Красноармейцы посмотрели на парочки, а потом глядели им вслед. Но вопросов не задавали. В тот же вечер женщины провели Шрадера и Мевуиса через границу советской оккупационной зоны в занятую американцами часть альпийской страны.

Погода была прекрасной. Они продолжали свой путь дальше. Граница между Германией и Австрией охранялась. Им все еще угрожали задержание и выдача русским. В Зальцбурге крестьянин указал беглецам неохраняющуюся дорогу. Они ждали ночи. Было тепло. Туман поднимался с лугов и полей. И они пошли дальше. 16 июня 1945 года они постучали в дверь какого-то дома. Женщина спросила: «Кто там? Что вам надо?» Шрадер ответил: «Мы только хотим узнать, в Германии ли мы?» — «Да, вы пришли правильно». Это был 33-й день с того момента, как Шрадер и Мевуис в Румынии выпрыгнули из вагона для военнопленных.

Туда и обратно

9 мая 1945 года Хайнц Опперман, оберштурмфюрер¹ войск СС, стоял на дороге в Латвии. Ночью вермахт сложил оружие. Хайнц Опперман, которому тогда было 24 года, смотрел, как немецкие солдаты шли в плен на восток. Разбитая армия без оружия маршировала в военном порядке. Во главе с командирами. В рядах марширующих попадались раненые с забинтованными головами, перевязанными руками, многие хромали. Шаг на дорогу, войти в строй, подравняться по впереди идущему, и Хайнц Опперман в следующее мгновение стал бы одним из миллионов немецких солдат, которых в те майские дни вели в крупнейшие загоны для пленных на Востоке.

Хайнц Опперман такого шага не сделал. Он боялся за свою жизнь. Он был военнослужащим войск СС, командиром роты 19-й латвийской дивизии. Он знал, что несколько недель назад красноармейцы

¹ Оберштурмфюрер — воинский чин в войсках СС, соответствовал оберлейтенанту в вермахте.

здесь недалеко, в Курляндии, перебили всех солдат эстонского батальона. Эстонцы, латыши и литовцы, воевавшие на стороне немцев, были в глазах русских предателями, достойными смерти. Судьба, которая должна была позднее постигнуть солдат власовской армии и казаков, здесь, на севере Восточного фронта, была известна еще прежде, чем закончилась война.

Хайнц Опперман решил исчезнуть. Его план заключался в том, чтобы пробиться к какому-нибудь порту, найти судно и на нем уйти куда-нибудь, только бы не оставаться у русских. Через час он повстречал еще одного человека в форме, очевидно, отступавшего в одиночку. Он тоже оказался офицером войск СС. Вдвоем они забрались в машину, стоявшую у дороги, и поехали.

Но вскоре они поняли, что свободной дороги к побережью больше нет. Повсюду была Красная Армия. Тогда они бросили машину и пошли на юго-запад, по направлению к Восточной Пруссии. Быть может, там еще у них был бы шанс. Их снаряжение состояло из запаса продовольствия на пару дней, шинели, у каждого было по пистолету. Медленно пробирались они через лес. Днем они должны были прятаться, так как красноармейцы прочесывали леса в поисках немецких солдат. Хайнц Опперман и его товарищ слышали русские приказы, шаги многих сапог по лесной земле. Мелкие ветки потрескивали рядом с их укрытием, когда по ним ступали солдаты поисковых команд.

Три недели пробирались они на юго-запад. Скорость передвижения была небольшой — иногда меньше десяти километров за ночь. Они должны были передвигаться очень осторожно, осматриваясь, прислушиваясь. Наконец оба солдата вынуждены были выйти из-под защиты леса. Они приблизились к бывшей оборонительной линии, где несколько недель назад шла кровопролитная битва против Курляндской армии. Леса и поля были заминированы. Поэтому им пришлось идти дальше по дороге.

Вдруг раздался топот копыт. Бежать в лес было уже поздно. Два конных красноармейца остановили беглецов, потребовали документы. У русских наготове были автоматы. Тут Опперман сказал своему товарищу: «Тащи». Это была условная команда на применение оружия. Мгновенно они выхватили свои пистолеты и открыли стрельбу. Не целясь, просто по лошадям. Хайнц Опперман видел, как лошадь, в которую он стрелял, сбросила седока, толкнула лошадь другого русского, и тот потерял равновесие. И тут Опперман побежал. Он бежал

и бежал, а лес скрывал его. Но товарища с ним не было. Был ли он убит или пойман, он так и не узнал.

Хайнц Опперман шел дальше один. Перебирался через болота, переходил реки, потерял пистолет, в него стреляли русские, но он выбрался. Через два месяца после своего бегства он оказался в Мемельской области. Здесь он родился, здесь все ему знакомо. Здесь он мог надеяться, что окончательно ушел от русских преследователей, а вместе с ними и от плена.

Оберштурмфюрер СС обзавелся документами и начал делать карьеру при новых хозяевах страны. Он стал работать в лесничестве, затем счетоводом лесничества и, наконец, комиссарским лесничим, начальником над 25 работниками лесного хозяйства. Война уже два года как закончилась. Казалось, что опасность миновала Хайнца Оппермана. У него были работа, документы, жилье, он нашел женщину, с которой вместе жил. Прошел страх, что русские могут его схватить и отправить в один из своих лагерей.

Летом 1947 года Хайнц Опперман встретил немецкого солдата, который, как и он, скрывался в Курляндии. Солдат был из дивизии, в которой воевал Опперман. Встреча была короткой. Опперман не подозревал, что в тот момент решилась судьба лучших лет его жизни. Хотя солдат из дивизии Оппермана и не пошел в русскую комендатуру для того, чтобы предать беглеца, но и не промолчал о редкой встрече. Он стал болтать здесь и там, что лесничий на самом деле оберштурмфюрер войск СС.

Русские его не искали. Он не мог уйти от них. Они ждали, когда лесничий снова появится на рынке в поселке Хайдекруг, чтобы сделать покупки. Хайнц Опперман стоял у прилавка с овощами и хотел достать деньги из кармана, чтобы расплатиться. Двое мужчин, стоявших рядом, схватили его за руки.

Почти три года оберштурмфюрер уходил от плена. А теперь его побег закончился между прилавками с картошкой и салатом. Русские отдали его под суд. Весной 1948 года был вынесен приговор: десять лет принудительных работ.

Дорога его прошла через Россию, до ледяных лагерей в Воркуте.

Через пять лет после того, как был осужден, Опперман смог отправить первое письмо домой. Через десять с половиной лет со времени своей попытки бежать от пленения Красной Армией он был отпущен Советами в Федеративную Республику Германию.

Из Казани в Хофгайсмар

Шестого марта 1945 года в доме номер три на Хинденбургштрассе в гессенском Хофгайсмаре раздался звонок почтальона. Он передал фрау Хедвиг Билер письмо в голубом конверте. Фрау Билер повертела в руках конверт и прочитала напечатанный на машинке адрес отправителя: «Главное командование сухопутных войск, штаб по расформированию». Дрожащими руками она разорвала конверт. Ее муж воевал на Восточном фронте. Семь месяцев она не получала от него вестей. И вот она прочитала: «Сообщение о судьбе Вашего мужа, старшего казначея Германа Билера, служившего во 2-м батальоне 57-го гренадерского полка, окончательной ясности не имеет. Со времени боев под Саратов (Румыния) 22 августа 1944 года он считается пропавшим без вести. Приношу глубокие сожаления, что не смог доставить Вам утешительные известия, но хотел бы надеяться вместе с Вами, что он все же сможет здоровым и счастливым вернуться домой».

Фрау Хедвиг Билер прижала к себе двух своих дочерей. Она плакала. Но потом все же победила надежда. Пропавший без вести — еще не убитый. Еще не... Многие солдаты этой самой кровавой из войн уже объявлялись пропавшими без вести, но многие оставались в живых, возвращались, иногда, правда, раненные, но живые.

Человек, казавшийся Хедвиг Билер в эти последние месяцы пропавшим на войне, в это время был одним из тех сотен тысяч немецких солдат, которых красноармейцы сначала гнали по степи, а потом посадили в товарные поезда, чтобы потом высадить далеко на востоке в глубине Советского Союза.

Герман Билер шел в длинной колонне из Румынии в Одессу. Потом поезд доставил его наконец в лагерь Зеленодольск к востоку от Казани. Казань расположена на Волге.

Герман Билер попал в плен невредимым. Голод тоже пока не подорвал его силы. Он чувствовал себя здоровым, и работа тоже его сначала не очень напрягала. Но он быстро заметил, что день ото дня становится все хуже — силы уходят, работа становится тяжелей, здоровье и душевное состояние ухудшаются. Не только тухлая вонючая еда, но и унижительное существование за колючей проволокой способствуют болезням и ведут к смерти.

Герман Билер думал о своей жене и дочерях, когда через русские просторы смотрел на заходящее солнце. Три тысячи километров лежали между лагерем в Зеленодольске и Германией. Среди солдат за колючей проволокой ходили слухи, что русские сначала будут отпу-

скакать пленными из лагерей в западной части Советского Союза. Чем дальше на востоке сидит пленный, тем позже он поедет домой.

Герману Билеру становилось страшно. Сейчас ему 42 года. Сколько еще лет плена ему предстоят? Три, четыре, десять лет? А если товарищи говорят правду? Может ли он сократить срок плена, если переберется в лагерь на западе России? Но как туда попасть? Ведь он не может подать рапорт о переводе.

Герман Билер думал: если он убежит, а западнее Волги снова будет пойман, что Советы с ним сделают? Отправят его назад или затолкнут в ближайший лагерь? В любом случае русские его изобьют, посадят в карцер, то есть в земляную яму, а там будут морить голодом и холодом, пока он не сдохнет.

А может быть, его застрелит красноармеец, как и многих других немецких военнопленных, пытавшихся бежать из лагерей для рабов.

Герман Билер приходил то к одному выводу, то к другому, метался туда и сюда. Многим пленным из русских лагерей знакомо это состояние. Но в конце концов он отбросил сомнения в сторону. Он решил бежать. И из этого решения, принятого в начале лета 1946 года в Зеленодольском лагере к востоку от Волги, получился единственный в своем роде побег. Он был действительно оригинальным в ряду подобных авантюр.

Бывали люди, которым удавалось пробраться через Памир в Афганистан и через Персию в Турцию. Но, насколько известно, никто не пытался бежать прямым путем на запад через Москву. Это сделал Герман Билер.

Особенно старшему казначею Герману Билеру помогло одно обстоятельство: он хорошо говорил по-русски. В любом случае достаточно хорошо, чтобы все понимать и чтобы с первого слова его сразу не приняли за немца. Летом 1946 года Билер начал экономить и сушить хлеб. Он экономил деньги, которые ему платили за работу в строительной колонне. Он обменял форму на гражданскую одежду: синие льняные брюки, синюю спецовку и старый овчинный полушубок. Одно было ясно: или старт станет удачным в первые пять минут, или вся затея сразу же провалится.

День на стройплощадке всегда проходил по той же схеме. С утра колонна выходила из лагеря, охраняемая двумя конвойными. На стройплощадке конвойные ждали, пока руководитель рабочих бригад объявлял план работ. Затем пленные приступали к работе, а конвойные поднимались на сторожевые вышки, откуда они могли наблюдать за всем происходящим на стройплощадке.

Как только часовые занимали свои места на вышке, бежать было уже поздно. Бежать из колонны по дороге на работу или во время возвращения означало верную смерть. Необходимо было использовать момент, когда часовые шли к вышкам, повернувшись к пленным спиной.

В трехстах метрах от стройплощадки проходила проселочная дорога. Если незаметно добежать до нее, а потом идти по ней размеренным шагом, то русские часовые его в гражданской одежде могут уже не принять за пленного. На этом был основан план Билера.

Забрезжило утро 5 августа 1946 года. Пленные вышли на переключку. Потом — пшенная каша. Снова построение. Колонна пошла за лагерные ворота. Герман Билер нес с собой в мешке часть своих запасов. Второй мешок он передал товарищу, шедшему вместе с ним на стройку. Только бы не попасться. Пришли на стройку. Время шло. Русские часовые пошли к вышкам. Билер забрал у своего товарища мешок с провизией, прыгнул за один из домов на стройке. Перед ним открытое зеленое картофельное поле. Бежать надо через него. Ну, теперь вперед.

Билер не оглянулся ни разу. Он бежал и боялся выстрела, который мог раздаться в любой момент. Но за ним было тихо. Теперь ров. За ним — проселок. Посмотрел для верности направо и налево, прыгнул. Не торопясь, но тяжело дыша, Герман Билер пошел на запад, затем пошел быстрее, побежал, потом отдышался.

Перед ним появились дома — пригород Казани. Очередь людей у продуктового магазина. Переполненный трамвай. Билер обнаглел, вскочил на подножку и повис за стоявшими на ней людьми. Трамвай шел в центр Казани. Еще больше людей, солдаты, милиция. Но документов у человека в синей спецовке никто не спрашивал. Билер сошел у вокзала, в булочной после получасового стояния в очереди купил буханку хлеба, заплатив 35 рублей. Остановился у железнодорожных путей, служивших указателем направления на запад. По ним он и пошел, иногда делая небольшие отклонения, когда они проходили через деревни или мелкие городки. На запад.

Он вышел к Волге. Большой мост. Охраняется ли он? Есть ли там часовые, контролирующие прохожих?

Он занял место для наблюдения. Выждал. Дни и ночи в августе теплые и сухие. Время сбора урожая. Билер спрятался в густом кустарнике. Ночью он забрался на маленький огород, накопал моркови. Он заметил, что поезда перед въездом на мост замедляют ход. Когда стемнело, он пробрался к мосту. Ждал у самых путей. Подошел товарный поезд. Замедлил ход. Билер прыгнул. Стальной мост

громко гудел под ударами колес. Никакой часовой его не остановил. Два часа Герман Билер прятался в вагоне. Потом поезд остановился. Быстро из вагона! И тут его сковал страх: свет карманного фонарика ударил в лицо. Вооруженный железнодорожный милиционер! Но Герману Билеру повезло, как и не раз еще повезет во время его долгого путешествия.

Человек в форме не был верным слугой режима. К бродягам, которые, очевидно, часто попадались ему на путях, у него был один вопрос: «Деньги есть?» Герман Билер сунул ему пятьдесят рублей. Страж порядка спрятал деньги и показал на пути: «Там стоит поезд. Он сейчас пойдет дальше. Ну, бывай!»

Билер спрятался в предложенном поезде, проехал пару часов, потом начало рассветать. Билер допустил ошибку. Ему надо было прыгнуть, пока еще было темно. Теперь уже было поздно. Поезд остановился на станции назначения. Билер начал вылезать из вагона, и тут его заметил русский солдат — часовой. «Что тебе здесь надо? Как сюда попал?» А потом самый страшный вопрос: «Документы?»

Герман Билер пошарил по карманам, достал деньги. Если можно подкупить железнодорожного милиционера, то почему нельзя красноармейца?

Но тот не посмотрел на деньги и указал пистолетом в сторону. Он привел Билера в дежурку на вокзале. Там с Билера не спускали глаз трое милиционеров. На станцию прибывал поезд. Двое вышли, чтобы его осмотреть.

Билер услышал шум подходящего поезда, украдкой оценил своего охранника, измерил глазами расстояние до двери, прыгнул и побежал. За ним раздался крик, но не стреляли. Билер, дрыгая ногами, повис на последнем вагоне проходящего поезда, подтянулся, залез. Все в порядке. На этот раз он не доехал до следующей станции. Он заблаговременно прыгнул и прятался в кустах, пока не стемнело. Он уже кое-чему научился: теперь он уже не залезал в вагон, так как самая большая опасность возникала тогда, когда он оттуда вылезал. Ему надо было перебираться через борт, и как раз в это время его могли увидеть. Поэтому он залезал между стальными растяжками под товарным вагоном. Часами над его ухом гремели крутящиеся колеса. Ветер продувал через его спецовку. Вид мелькающих шпал вызывал галлюцинации. Но он ехал на запад, все дальше на запад.

На маленькой станции Билер забрался в пассажирский поезд, на шитке которого была надпись «Москва», стоявший на маневровом пути. Он забрался на крышу и улегся на ней. Под голову положил свой полушубок. На рассвете поезд наполнился. Паровоз страш-

но загудел. Наконец-то отправление. На запад, на Москву. Ехать на крыше ужасно неудобно, утомительно и опасно, так как не за что держаться. Поэтому на остановке Герман Билер решил перебраться на подножку и прижался к стенке вагона. Но там его увидел кондуктор. Но русский не стал вызывать милицию, он счел беглеца за одного из обычных «зайцев». «Покупай билет или прыгай», — заявил русский. Герман Билер заплатил и даже получил билет. Настоящий советский железнодорожный билет. И с ним беглец из лагеря, находящегося восточнее Волги, теперь с плацкартой ехал в Москву.

В пригороде столицы Билер сошел с поезда, спрятался в воронку от бомбы. На следующий день он пошел через город на запад. Больших улиц он избегал. Никто его не останавливал, никто ни о чем не спрашивал. Никто не подозревал в человеке, идущем пригородами, одетом как бедный колхозник, бывшего старшего казначея одной из частей германского вермахта.

В тот августовский день 1946 года Билер шел семь часов. К вечеру он вышел к западной окраине столицы, купил буханку хлеба и пару луковиц, спрятался на старом запущенном кладбище в траве выше человеческого роста. Ночью он слышал паровозные свистки и стук вагонных колес. Значит, где-то поблизости станция. И действительно, на следующее утро, пройдя немного, Билер оказался перед огромным хитросплетением железнодорожных путей и веток — гигантской Московской сортировочной станцией. Он снова спрятался. Из укрытия он наблюдал, в каком направлении идут поезда, погромыхая на стрелках в переплетении железнодорожных путей. Который из них ведет на запад?

Билер решил продолжать свой побег по железной дороге. Он поймал себя на мысли, что в голове его крутится лозунг времен войны: «Колеса должны крутиться для победы». Он улыбнулся и подумал: «Колеса должны крутиться для Билера». Но ему совершенно не хотелось оказаться в поезде, который бы дымил по дороге на север или на юг Советского Союза. Его девизом был «Запад».

К вечеру того дня Герман Билер выяснил, какой путь ведет на запад. Снова крался он по станционным путям. Стрелки, вагоны, железнодорожные строения — все это стало его миром, он стал хорошим специалистом. Поезд с огромным паровозом привлек его внимание. Это был локомотив для долгой и быстрой езды. На вагонах табличка с надписью «Калининград» — такое название русские дали городу Кенигсбергу в Восточной Пруссии.

«Это и есть мой экспресс», — подумал Билер. Он видел, как грузили багажный вагон и оставили его открытым. Он залез в него и

спрятался среди багажа. Так Герман Билер добрался до Смоленска, полностью лежавшего в руинах. Три года назад немцы и русские вели здесь ожесточенные уличные бои.

Герман Билер пересчитал свои деньги, купил в магазине хлеб и даже раздобыл пару помидоров. То, что он знал русский, служило ему защитой. Он не попадался. Многие жители Смоленска были одеты так же бедно, как и он. Многие в эти годы после большой войны, как и он, ехали куда-то в разные концы огромного Советского Союза. Поэтому заметить какую-то одну в потоке перелетных птиц было трудно.

Герман Билер нашел себе место в развалинах дома. Проспал до вечера. Потом пошел, как всякий отъезжающий, на вокзал. Много народу, никакого контроля. Билер пробрался вдоль по платформе. На поезде снова было написано волшебное слово «Калининград». Но Билер медлил. В вагон поднимались солдаты Красной Армии. Может быть, это воинский эшелон? Забраться в воинский эшелон — не слишком ли много храбрости? Но к этому времени поезда, идущие на запад, стали оказывать на Билера непреодолимое притягательное действие, а прежнее везение делало его храбрым.

Он забрался в тендер паровоза, нашел укрытие за кучами угля. И, о боже, две фигуры вынырнули из темноты и направились прямо к его убежищу. Милиция? Солдаты? Железнодорожники? Нет. Хотя это были и русские, но тоже были в бегах откуда-то и куда-то, с мелкими деньгами в кармане и без документов.

Герман Билер рассказывал: «В России всегда были и есть беглые люди, люди, бежавшие из исправительно-трудовых лагерей и пробирающиеся домой, бежавшие из-под ареста или скрывающиеся от него».

Теперь они уже втроем спрятались за углем в тендере. Но потом их увидел кочегар и стал грозить угольной лопатой. Поэтому на следующей станции они сошли и направились в разные стороны, коротко попрощавшись, чтобы больше никогда не встречаться.

Герман Билер снова спрятался в багажном вагоне и, скрываясь там, проехал день и ночь — более тысячи километров до Кенигсберга.

Немецкая речь! Впервые за несколько недель снова он услышал ее звуки. В развалинах домов работали немецкие военнопленные, разбирая руины и восстанавливая разрушенное, они громко перекрикивались. За стенами домов устраивалось на ночлег много народу. Повсюду торговали продуктами, выменивали что-то у русских солдат, падких на часы, обручальные кольца и драгоценности. Гер-

ману Билеру здесь удалось даже купить себе удостоверение. Оно принадлежало одному немцу, умершему в подвале.

Это была ценная бумага, так как выдана она была советской коммандатурой. Но в Кенигсберге Билер оставаться не мог. Рано или поздно русские его выследили бы. Лучше и не думать, что тогда произошло бы. При его способе бегства по Советскому Союзу он бы точно был осужден за шпионаж.

Между Калининградом и Хофгайсмаром лежали три хорошо охраняемые границы — русско-польская, границы между Польшей и советской оккупационной зоной, между советской и западной зонами.

Но Билер все же надеялся на свое счастье и ловкость. Снова он направился к дороге, которая стала для него чудесным путем к счастью, — к рельсам железной дороги. Снова он шел ночами по щебню и по шпалам. Постоянно на запад. Он добрался до станции Бартенштайн, на находящейся под польским управлением части Восточной Пруссии: первая граница пройдена.

В Бартенштайне регулярно останавливались товарные поезда. Здесь паровозы заправлялись водой и грузились углем. Это были поезда, перевозившие в Россию демонтированное в Германии оборудование заводов, сталь, древесину, репарационные материалы, а теперь порожняком перегонявшиеся на запад.

Герман Билер слышал, что многие немцы, жившие в Восточной Пруссии под властью русских, уже пытались на этих поездах уехать на запад. Но почти всех их ловили. Польские солдаты и полиция на своей западной границе систематически обыскивали каждый вагон.

Германа Билера это не пугало. Он пробрался к поезду, забрался в пустую цистерну и спрятался в глубине. Крышка была открыта, и Герман Билер не боялся, что задохнется. Поезд без остановок проехал через всю страну и остановился только в Кюстрине. Герман Билер слышал, как гравий заскрипел под сапогами. Потом кто-то металлическим прутом ударил по цистерне, в которой сидел Билер. Потом громко крикнули: «Вылезай!» Билер не шелохнулся. И снова: «Вылезай!» Пауза. Билер подумал: «Если они знают, что я здесь, почему они не заберутся на цистерну и не посветят через открытый люк?» Он думал верно: «Они слишком ленивые, чтобы подниматься на цистерну. Они проверяют ее с помощью хитрости». Билер сидел не дыша, подбородок его дрожал от напряжения. Снова раздалось: «Вылезай!» Потом послышались удаляющиеся шаги.

Через некоторое время поезд пошел дальше. Через много часов остановка. Герман Билер поднялся к заливному отверстию цистер-

ны, подтянулся, осторожно выглянул из-за края: огромная станция, много света, дома, табличка. Боже мой, что на ней написано? Берлин. Да, поезд стоял в восточном секторе бывшей имперской столицы Германии Берлине. Было 25 августа 1946 года.

Герман Билер слез с цистерны и быстро побежал по путям. Он стал бродить по разбомбленным улицам. Пришел на сборный пункт для беженцев в Берлин-Лихтенберге. Он рассказал преисполненную безутешного горя историю о поиске родных. Получил удостоверение. Прошел медицинский осмотр и дезинсекцию. Получил костюм из перекрашенного форменного материала и еду, настоящую горячую еду. Двадцать дней он был в дороге. За двадцать дней он съел лишь немного хлеба, немного моркови, пару луковиц, помидоров, чуть-чуть сырой картошки. На станциях пил воду из паровозных кранов и иногда умывался. Двадцать дней! Но за двадцать дней он, преследуемый, добрался от Волги до Шпрее. Это мировой рекорд спорта для беглецов.

В тот день 25 августа 1946 года Герман Билер решил насладиться роскошью, которая ему была предоставлена фантастическим образом. Он пошел в кино. Шел русский фильм с плохим переводом. Все равно он его смотрел с удовольствием. Однако в конце произошла катастрофа, накликанная этим дурацким желанием сходить в кино. Тысячи километров он как загнанный пробежал по Советскому Союзу. Он преодолел необъятные просторы и строго охраняемые границы. Три недели был он в пути. Теперь он уже в Германии. А теперь это: сеанс закончен, зрители выходят. И вдруг крики, ругань, громкий плач у входа в кинотеатр. Русские солдаты хватают трудоспособных мужчин и женщин, сажают в грузовики, отправляют на принудительные работы. Герман Билер сразу подчинился своему обостренному инстинкту беглеца. Молниеносно он оценил обстановку. Протолкнулся назад в вестибюль кинотеатра, спрятался в нише. Нашел запасной выход. Обратного пути он не пойдет. Он пойдет туда, где ему все знакомо, — на вокзал. Он купил билет от Восточного Берлина до Хельмштедта. За одну станцию до конечной остановки он сошел с поезда.

В то время граница между восточной и западной зонами еще не была непроходимой стеной между западом и востоком. Если знать дорогу, то перейти через нее не представляло никаких проблем. Не было электрифицированного забора и минных полей, только патрули ходили туда-сюда.

Герман Билер собрал необходимую информацию и проскользнул через демаркационную линию. Двадцать девятого августа 1946 года

он объявился в лагере для беженцев в Хельмштедте. Он прошел медицинский осмотр, повторную дезинсекцию, получил горячую пищу и сухой паек. Большое, полное опасностей путешествие подошло к концу. Игра ва-банк со ставкой на рельсы и колеса была выиграна.

Тридцатого августа 1946 года Герман Билер как обычный пассажир, без страха, наслаждаясь свободой, ехал пассажирским поездом из Хельмштедта через Кассель в Хофгайсмар. Как во сне он шел по улицам. Остановился перед своим домом номер три на Хинденбургштрассе. Поднялся по лестнице. Вот табличка на двери: «Билер». Дрожащей рукой позвонил.

Хедвиг открыла дверь: «Герман!»

Дочери одиннадцати и семнадцати лет побежали к двери: «Папочка!»

Герман Билер, старший казначей при 2-м батальоне 57-го гренадерского полка, пропавший без вести в боях под Саратой в Румынии в августе 1944 года, возвратился домой.

Пятиминутные процессы: из военнопленных делают преступников

В конце 1949 года большинство немецких солдат, захваченных в плен во время войны и после капитуляции вермахта, Советский Союз отправил в Германию. Пятого мая 1950 года Кремль опубликовал сообщение, в котором говорилось, что последняя группа военнопленных отправлена на родину: «Таким образом, отправление немецких военнопленных из Советского Союза в Германию завершено».

Но и после этой даты в мае 1950 года Советский Союз продолжал удерживать по крайней мере пятьдесят тысяч немецких солдат, но теперь они назывались не военнопленные, а военные преступники. Превращение военнопленных в военных преступников часто начиналось с по-человечески потрясающей сцены.

В ноябре 1949 года после более чем пяти лет плена доктор Куно Валь с тысячами других немецких товарищей стоял на площади перед вокзалом на польско-советской границе. Они были на пути домой, еще тысяча километров, и они — в Германии. Они ходили туда-сюда, хлопали себя руками по плечам. Было холодно. Русские конвойные выкрикивали через площадь приказы. Быстрое движение прошло по

рядам военнопленных: все солдаты могут сесть опять в поезда, которые уже под парами ждали на путях.

А офицеры, среди которых был и доктор Валь, должны были построиться. Их отвели в большой барак, как оказалось — для последнего обыска. Немцы должны были раздеться догола. Русские офицеры брали в руки каждую вещь, выворачивали карманы, прощупывали подкладки курток, брюк и шапок.

Снова офицеров допрашивали, интересовались их частями, в которых они воевали. Когда доктор Валь вышел из барака, то понял, для чего был нужен этот последний обыск: «А потом мы увидели такое, что заставило остановиться даже наши очерствевшие сердца. Наружу под строгой охраной часовых с автоматами в руках и с собаками уводили около сотни офицеров. Их сняли здесь, у границы советских владений, с поезда, идущего домой. Многие из мужчин, которых уводили, не скрывали своих слез, и это что-то значило для пленных, закалившихся в горниле плена и ставших твердыми как камень. Один из них крикнул: «Товарищи, не забывайте нас!»

Сотня офицеров, садившихся в поезд, которых видел доктор Куно Валь, отправлялись не на запад, а обратно на восток. Это были те пленные немцы, которые из-за безжалостности победителей должны были страдать дольше других военнопленных немецких солдат Второй мировой войны.

В 1949 году почти во всех лагерях для военнопленных в Советском Союзе вдруг появились офицеры секретной полиции министра внутренних дел Берии. Во время долгих допросов они выясняли у пленных, что те, с точки зрения победителей, могли сделать вредного для Советского Союза: реквизировали ли картофель и зерно из колхозных запасов, выгоняли ли гражданское население из домов, участвовали ли в борьбе с партизанами и так далее.

Допросы начинались с раннего утра и завершались поздно ночью. Некоторые пленные могли уходить через три часа жестких вопросов, другие должны были высиживать по несколько дней подряд на жестком стуле перед столом допрашивавшего офицера. Русские просили рассказать биографию, спрашивали воинское звание, интересовались посещением школы и политическими взглядами. Потом часто следовал вопрос: «Допускали ли вы зверства или отдавали ли жестокие приказы? Знаете ли вы о жестоких приказах? Кто участвовал в их выполнении? Назовите фамилии!»

И: «Вы выгоняли русское гражданское население из их домов, чтобы обеспечить местом своих солдат? Реквизировали продоволь-

ствие? Использовали ли вы строительные материалы из советских запасов?»

И: «Взрывали ли вы мосты или приказывали их взрывать? Обстреливали ли вы советские деревни или города или участвовали в их бомбардировках? Воевали ли вы против партизан? Расстреливали ли вы партизан или приказывали их расстреливать?»

Естественно, многие допрашиваемые немецкие офицеры отрицали свое участие в таких действиях. Они участвовали в долгой кровопролитной, ожесточенной войне, они выстояли в тяжелых боях, они были солдатами.

Они отказывались давать признания и подписывать протоколы. Но русские все равно вынуждали их это делать. Один из пленных, находившихся в лагере под Боровичами, рассказывал научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных: «Мы со страхом становились свидетелями того, как хитростью и насилием делались попытки заклеить как военных преступников даже самых невиновных товарищей». В лагере под Боровичами были арестованы 550 немецких военнопленных и привлечены к суду якобы за военные преступления.

Тогда почти во всех русских лагерях выбивались признания. Один из пленных рассказывал, что осенью 1949 года происходило в лагере под Капинском: «В сентябре началась широкая волна допросов. Многим офицерам и солдатам угрожали, их шантажировали и избивали».

Доктор Куно Валь рассказывал, как советские следователи заставляли немцев говорить: «Если русские захотят кого-нибудь принудить в чем-то сознаться, то его запирают в тесный шкаф, в котором нельзя ни лечь, ни сесть, из которого запертые вываливаются как бревна, когда их снова открывают».

Но русские на самом деле не хотели выяснять, действительно ли допрашиваемый пленный виновен в военных преступлениях. У них был составлен список определенных частей и соединений немецких сухопутных войск, и служившие в этих пехотных, егерских, горнострелковых, танковых и моторизованных дивизиях, соединениях Люфтваффе и дивизиях войск СС сразу становились подозреваемыми в совершении военных преступлений.

Жертвой такого коллективного подозрения стала и та сотня офицеров, чей арест во время отъезда домой наблюдал доктор Куно Валь. Тысячи других военнопленных разделили их судьбу, их надежда сменилась отчаянием.

Еще один рассказ военнопленного из лагеря в Боровичах: «Из нашего барака одного товарища забрали для допроса. Он уже был одет, чтобы ехать домой. Мы так его больше и не увидели... Атмосфера в нашем бараке была гнетущей, как под тяжелым грозовым облаком. Громкие голоса смолкли. Мы удивлялись, ведь еще недавно то у одного, то у другого от крика начинались судороги. К счастью, на допрос вызывали через командира роты. Вызванный шел молча навстречу року, пожав напоследок руки товарищам из ближайшего окружения, как на поле боя перед лицом смерти».

Научная комиссия федерального правительства подвела итог: «Последние месяцы и недели 1949 года были для немецких военнопленных временем постоянного душевного напряжения. Решался вопрос: отъезд на родину или осуждение. Главный удар пленные получали в тот момент, когда в рамках акции по осуждению их вызывали для допроса и изолировали: это был пункт, из которого почти не было возврата».

В один из дней 1950 года военнопленный Ханс Гуммельт предстал в лагере под Воркутой перед советским трибуналом. Обер-лейтенант Гуммельт, пилот пикирующего бомбардировщика, был обвинен в том, что во время войны бомбил город Борисов.

Действительно, Гуммельт во время боевых действий бомбил русские войска в Витебске. Ни в чем другом Советы его обвинить не могли. Но для обвинения этого было достаточно. Суд проходил в одном из лагерных помещений.

Три советских офицера сидели за голым дощатым столом. Немного в стороне сидела переводчица. Председатель суда спросил у Ханса Гуммельта фамилию и воинское звание. Потом немцу зачитали обвинительное заключение. Процедура длилась не дольше пяти минут. Потом суд удалился за дверь, очевидно, для того, чтобы создать видимость серьезного совещания по поводу меры наказания.

Через пять минут русские появились снова и зачитали приговор: смертная казнь через расстрел. За обер-лейтенантом Гуммельтом в те дни через помещение суда проследовали еще сотни других военнопленных. Ритуал повторялся с автоматической точностью, все немцы были осуждены.

В 1949—1950 годах около 50 тысяч немецких солдат были пропущены через русскую машину осуждения. Многих приговорили к смертной казни, но приговоры часто уже во время судебного совещания, а иногда через несколько дней смягчались до двадцатипятилетнего срока исправительно-трудовых лагерей.

Некоторые немецкие офицеры были осуждены за участие в борьбе с партизанами и за стрельбу по ним. Некоторые за то, что признались в реквизиции и съедении русской курицы. Такие были виновны, как утверждали Советы, в хищении социалистической собственности. Сапожник обвинялся в том, по словам советского судьи, что он «улучшал маршевые способности германских войск», преподаватель музыки — в том, что он возможными представлениями своего искусства «поднимал настроение фашистской армии».

Одного немецкого военнопленного в Сталино суд осудил за то, что он работал на полевой почте. Основание русских для осуждения на двадцать пять лет лагерей: «Вы отправляли в Германию добро, награбленное немецкими солдатами».

В лагере под Красноармейском советский трибунал заседал в рождественские дни 1949 года, в те дни, когда в этом лагере уже формировались эшелоны для отправки домой. Один из пленных рассказывал о душераздирающих сценах, разыгравшихся в этом лагере: «Направленные судебным заседанием в карцер товарищи кричали издали каждому, кого встречали: «Двадцать пять! Двадцать пять!» А потом чаще всего добавляли «Невиновного!», или «Уму непостижимо!», или «Идиотизм!», или «Не забывайте нас!», или «Родина должна знать это!». А потом мы расходились: одни в карцер и на встречу страшному будущему, а другие — к воротам, домой».

Научная комиссия по поводу судьбы осужденных утверждает: «Писали апелляции и прошения о помиловании всем министрам, имеющим отношение к делу, и к главам государства. Дело доходило, например, даже до того, что из десяти пунктов обвинения снимали пять, но наказания не изменяли.

Тем больше было удивления и замешательства, когда через несколько месяцев после акции по осуждению почти треть из осужденных была репатриирована весной 1950 года, тогда как остальные, что важно заметить, почти равными частями последовали за ними осенью 1953-го и зимой 1955/56 года».

Осужденные в 1949—1950 годах не могли знать, что долгое время страданий, которое, как казалось, им предстоит вынести, в конце концов будет сокращено. У них также не было однозначного ответа на мучительный вопрос. Более трех миллионов немецких солдат попали в руки русских. Два миллиона пережили ужасы лагерей. Большинство из них вернулись домой.

Зачем Иосиф Сталин удержал 50 тысяч немцев? Конечно же, их можно было использовать в качестве рабочей силы. Но что такое

50 тысяч в стране с населением, насчитывавшим в то время 160 миллионов жителей? Что они еще могли сделать?

В действительности осужденные чувствовали себя жертвами все еще не утоленной жажды мести победителей. К тому же они были политическими заложниками Кремля: за несколько месяцев до акции по осуждению в сентябре 1949 года была основана Федеративная Республика Германия. Еще нельзя было предположить, как будут развиваться отношения между Москвой и Бонном. Осужденные, превратившиеся теперь в партию товара в политических расчетах Кремля, имели уже за спиной более пяти лет лагерей для военнопленных, голода, лишений и принудительных работ. Обер-лейтенант Люфтваффе Ханс Гуммельт работал в торфяном лагере под городом Горьким, в Свердловске и в Воркуте, в том самом лагере у Полярного круга, который из-за невыносимых условий жизни и труда был прозван своими узниками «белой преисподней».

Пленные в этом краю вечной мерзлоты, как и большинство подневольных рабочих, так же как и обер-лейтенант Люфтваффе Ханс Гуммельт, должны были работать в шахте. Об условиях работы в худшие годы в Воркуте один из военнопленных, возвратившихся на родину, рассказывал научной комиссии федерального правительства по истории военнопленных: «Высокие нормы, которые вряд ли может выполнить истощенный недоеданием человек, штольни настолько низкие, что откатчики угля могли пробираться по ним лишь ползком. Они таскали нарубленный уголь на старом куске брезента зубами и при этом ползли задом. Спецовок не давали. В промокшей одежде поднимались на поверхность и на морозе 25—30 градусов шли в лагерь».

И еще в конце 1953 года больные военнопленные представляли такую картину, которую описывает один из возвратившихся домой: «Нужно было видеть эту нищую армию. Телесно разрушенные годами и десятилетиями заключения в варварских условиях, плохо одетые, беззубые, загнанные в переполненные бараки, больные туберкулезом, сердечно-сосудистыми заболеваниями... Каждую неделю некоторых из них перетаскивали в тундру».

Недоверие Советов вызывала даже смерть военнопленного. Один из военнопленных рассказывал: «Голый труп отвозили на волокуше, тачке или санях на лагерное кладбище. При проезде через лагерный пост часовой был обязан или разбить череп умершего специальным молотком, или проткнуть живот трупа штыком».

Обер-лейтенант Ханс Гуммельт выбрался из воркутинской преисподней. После осуждения он как специалист по высокочастотно-

му оборудованию работал электриком в Витебске, том самом городе, который он якобы разрушил. Он работал вместе с другими пленными, которые, как и сам Гуммельт, получили двадцатипятилетний срок. Но из полностью безнадежного положения осужденных выросло одно утешение — их собственное поведение.

Как утверждала Научная комиссия федерального правительства по истории военнопленных, приговоры к длительным срокам принудительных работ на первый взгляд оказали удивительное влияние на немецких военнопленных: «Взаимная поддержка стала существенно лучше, чем до этого. Прямодушные ланд-штурмисты осуждались точно так же, как и офицеры, активисты антифашистских комитетов и доносчики. Одним ударом был положен конец всем ожиданиям на возвращение домой, которым были подчинены все помыслы. С двадцатью пятью годами принудительных работ, казалось, ситуация была ясна. Теперь нужно было вести себя так, чтобы все шло хорошо, и смотреть, как лучше пройти через испытания. Только теперь возникло осознание общей судьбы, до сих пор лишь были мысли о том, как можно этой общей судьбы избежать».

Один осужденный обер-лейтенант рассказывал о новой обстановке в лагере: «В последние годы товарищество и чувство сопричастности стали существенно больше, чем они были в первые годы... в годы после того, как нас осудили, мы все же стали определенной элитой, и она, в общем, все же знала, о чем идет речь».

Чистый эгоизм, стремление к мелким преимуществам и побрякам прекратились. Пленные снова сплотились. Осужденные, получавшие за свою работу больше денег, делились с товарищами, которые по состоянию здоровья не могли выполнить норму. Ханс Гуммельт рассказывал: «Всегда в моей бригаде была пара штаб-офицеров. Майор сидел в подвале и чистил старые изоляторы. Несмотря на это, мы делали так, что в глазах советского начальства он перевыполнял свою норму».

Жизненный дух осужденных в первые трудные годы после приговора укреплялся также знаками любви и солидарности, приходившими с родины: в лагеря устремились огромные массы посылок. Как пленные обращались с новым богатством, рассказывает пленный из лагеря в Свердловске: «У нас была посылочная распределительная комиссия. Товарищи, получавшие много посылок, делились с теми, кто получал посылки редко или совсем не получал. Посылки улучшали состояние здоровья и прежде всего поднимали моральный дух. День получения посылок всегда был радостным днем».

Посылка из Германии означала спасение от голода и вызволение из гнетущего одиночества. Один из пленных писал: «Потом пришли посылки. Они были, конечно, безмерным счастьем. Вскоре они сделали нас независимыми от русского пайка. За короткое время мужики снова расцвели и набрали физической силы».

Один из осужденных о дне прибытия посылок в Шахтинский лагерь в 1951 году: «Мы стояли перед дверью, как малые дети, перед тем как из передней им предстоит пройти к рождественской елке. Наконец подошла моя очередь, я вошел. Впервые за девять лет что-то получил из дома, снова что-то из Германии».

Подозрение, а может быть, и зависть способствовали тому, что русские строго контролировали содержимое посылок, а иногда использовали их для недостойных придилок к осужденным: советские офицеры отказывали немцам в выдаче посылок на том основании, что те недостаточно работали. Русские открывали посылки и изымали продукты. Один из пленных в лагере под Свердловском вспоминал: «Консервные банки сразу же подлежали сдаче. Выдавали их крайне нерегулярно. Пленные должны были иногда часами стоять, чтобы получить одну баночку».

«Самым лучшим, что могло быть в посылке, — это большая палка салями в белой кожице, прозванная у нас «гипсовой колбасой», — вспоминал пленный Конрад Мюллер. Фельдфебель Мюллер был ранен в начале войны, в 1944 году призван вновь и направлен в войска СС, на Рождество 1949 года за якобы совершенные военные преступления был приговорен Советами к смертной казни, а затем приговор ему смягчили двадцатипятилетним сроком принудительных работ.

В лагере Сталинград I продовольствия в 1950 году было настолько мало, что его едва хватало, чтобы выживать. Бараки лагеря заполняли две тысячи немецких солдат, приговоренных к двадцати пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

Конрад Мюллер: «Для пленного посылка означала спасение, выживание. Посылки вскрывались всегда в присутствии русского, распаковывались и проверялись на предмет запрещенных вещей — оружия, компаса или «малявы» — тайной записки. Тюбики с зубной пастой и лезвия для бритв нам не давали. Лесные орехи советский офицер колот молотком и проверял на предмет «малявы». Так, я стоял перед столом с содержимым посылки в руках, русский колот орехи, я клал ядро ореха в рот и ждал следующего ореха. Как-то до русского офицера вдруг дошло, насколько необычной и комичной была эта сцена. Он взял пригоршню орехов и, смеясь, вы-

сыпал ее мне на голову. Пустые банки из-под печенья мы дарили детям, которых мы встречали по дороге на рабочие места. Но это делать нам запретили: любой контакт с гражданским населением был строжайше запрещен. На следующий день дети снова стояли у нас на дороге и просили: «Дяденька военный преступник, подари нам баночку».

Все осужденные пленные в лагерях под Сталинградом использовались в восстановлении промышленного города на Волге, города, при котором менее десяти лет назад погибли сотни тысяч русских и немецких солдат. Фельдфебель Конрад Мюллер записался на работу арматурщиком. Вместе со своими товарищами он гнул арматуру для железобетонных памятников в честь победы Красной Армии над германским вермахтом зимой 1942/43 года.

В лагере для военнопленных под Сталинградом Конрад Мюллер встретил высокого худощавого немецкого офицера — подполковника Конрада фрайгерр фон Вангенхайма. С его именем связаны немецкий спортивный триумф и трагедия в советском штрафном лагере. Он тоже был пятиминутным процессом осужден на двадцать пять лет.

Имя Вангенхайма стало известно на весь мир в 1936 году. Он состоял в немецкой олимпийской команде по верховой езде во время Олимпиады в Берлине. Во время скачек его конь Курфюрст споткнулся и упал, придавив седека. У Вангенхайма была сломана левая ключица. Но он с травмой сел на лошадь и завершил скачку. На финише всадник свалился без сил. На руку наложили гипс.

Казалось, что победа немецкой команды в многоборье — выезде, скачках и преодолении препятствий — окончательно потеряна. Но уже на следующий день после падения, 16 августа 1936 года, в последний день Олимпиады, Конрад фон Вангенхайм снова выступил с неподвижной левой рукой.

И снова падают лошадь с всадником. И снова раненый всадник добивается неслыханных достижений: он снова вскочил в седло и довел скачку с препятствиями до конца — золотая медаль для Германии.

Фон Вангенхайм, попавший в плен в 1944 году, в советских лагерях был человеком, постоянно укреплявшим волю осужденных солдат к сопротивлению издевательствам со стороны русских. Его поведению и действиям приписывается то, что военнопленные не сдавались, не впадали в отчаяние, не становились советскими донос-

чиками. Он был тем человеком, которому можно было верить. Пример, который он подал в 1936 году, продолжал действовать еще два десятилетия спустя.

Русские пытались подорвать моральный дух этого офицера. По ничтожным причинам его сажали в карцер. Урезали его паек. Его всегда направляли на самую тяжелую работу. Вангенхайм не сдавался и не отступал. Советская секретная служба постоянно вызывала его на все новые допросы, днем и ночью.

Священник Мартин Пройс, друг Вангенхайма по плену, рассказывал, что произошло в начале 1953 года: «Однажды Вангенхайм послал ко мне товарища с просьбой как можно быстрее прийти к нему. Я поспешил к нему и узнал, что в этот момент он как раз должен был находиться у лагерных ворот. По ходу предыдущих допросов и оценке особого положения фон Вангенхайма нам обоим стало ясно, что, может быть, это прощание было навсегда. По дороге от барака к лагерным воротам состоялась душеспасительная беседа. Конрад фон Вангенхайм подтвердил, что даже в самом мучительном положении никогда не совершит самоубийства. Храбрым и укрепленным сделал он свои последние шаги к лагерным воротам. Я был последним, кто с ним разговаривал».

Подполковника отделили от немцев и отправили в лагерь под Сталинград, где находились венгры и румыны. В один из февральских дней 1953 года один румын нашел повешенного немецкого офицера на чердаке барака. Советское начальство сразу же распространило две версии. Первая: подполковника повесили его же товарищи из-за зависти. Он получал слишком много посылок. Другая: фон Вангенхайм повесился сам. Казавшийся таким храбрым человек так просто нашел убежище в смерти. Обе версии были направлены на то, чтобы подорвать авторитет подполковника среди его товарищей.

Священник Мартин Пройс знает, что случилось на самом деле: «Товарищи рассказывали, что они должны были хоронить нашего друга. Они нашли его в здании для допросов за территорией лагеря. Его голова была настолько разбита, что в момент повешения он уже был мертв или находился без сознания. Произошло то, чего и опасался фон Вангенхайм, — его забили насмерть во время допроса».

Так умер безупречный офицер германского вермахта через восемь лет после войны.

Возвращение домой с Аденауэром

Даже после смерти Иосифа Сталина в марте 1953 года Кремль не изменил своего враждебного отношения к немцам, находящимся за русской колючей проволокой. Когда федеральный канцлер Конрад Аденауэр в сентябре 1955 года направился с государственным визитом в Москву, чтобы вести переговоры с председателем Президиума Верховного Совета Булганиным и председателем Совета Министров Хрущевым об освобождении немецких военнопленных, осужденные слушали по лагерному радио приветственную речь Булганина к немецкому канцлеру. И в этой речи русский охарактеризовал осужденных немцев как «людей без лица».

Один пленный писал: «В лагере было ужасное настроение. Подавленность и возмущение сменяли друг друга. Многие товарищи плакали над этими пошлыми словами».

По лагерному радио пленные слушали трансляцию футбольного матча между командами Советского Союза и Федеративной Республики Германии 21 августа 1955 года в Москве. Советский оркестр на стадионе исполнил «Немецкий гимн»¹. «Мелодия проникала через радиорепродуктор в лагерные бараки. Все встали по стойке «смирно», кроме присутствовавших советских. Многие товарищи плакали».

Фельдфебель Конрад Мюллер выжил в штрафном лагере под Сталинградом. В декабре 1955 года он был отправлен домой. А в ночь на Новый год фельдфебель, вырвавшийся из советского ГУЛАГа, стал самым знаменитым из пленных, возвратившихся домой.

Жена Мюллера была соседкой федерального канцлера Конрада Аденауэра в Рёндорфе. Когда по радио передавали имена людей, находившихся на пути домой после десятилетнего плена, было названо также имя Конрада Мюллера. Конрад Аденауэр от своего булочника узнал, что его сосед едет домой. Канцлер пригласил фрау Мюллер поехать вместе с ним специальным поездом в лагерь Фридланд, где он встретит возвратившихся на родину. Она отправила своему мужу телеграмму: «Приеду с федеральным канцлером Аденауэром». В лагере для репатриированных во Фридланде телеграмма стала причиной слухов, что Конрад Мюллер — племянник Аденауэра. Его подготовили в первую очередь. Возвратившийся на родину обер-фельдфебель Конрад Мюллер поехал в спецпоезде канцлера домой.

¹ «Дойчландлид» — «Песнь о Германии» — название государственного гимна ФРГ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Если бы мы перечислили имена всех, кому обязаны выразить благодарность за разностороннюю помощь, получился бы очень длинный список. Сотни бывших военнопленных и их родственников написали нам письма, после того как предварительные материалы были опубликованы в еженедельнике «Вельт ам зоннтаг». К нам начал поступать поток замечаний, информации, сообщений о подлинных документах, таких, как солдатские письма, фотографии, документы и дневниковые записи, который послужил дополнением нашим исследованиям. Это относится прежде всего к главе «Пленные волки», в которой благодаря этой помощи стало возможным прояснить ряд важных и до сих пор открытых военно-исторических вопросов.

Таким образом, как всегда при написании книг Паулем Карелем, у нас были тысячи сотрудников при создании этой трагической, драматической главы военной истории, главы жертвенного героизма.

Но особого внимания заслуживают сообщения и документы о судьбе немецких военнопленных, собранные научной комиссией федерального правительства. Мы благодарны издательству «Эрнст унд Вернер Гизекинг» в Билефельде, опубликовавшему материалы комиссии, за разрешение ознакомиться с 22 томами документов.

Научная комиссия федерального правительства работала около 18 лет. Она начала свои исследования в 1957-м и завершила их в 1974 году. На пике ее исследовательской деятельности в ее составе работали 16 сотрудников, часть из которых были видными университетскими учеными.

Комиссия была создана федеральным министерством по делам изгнанных, беженцев и жертв войны. Она получила следующее официальное название: «Научная комиссия по документации судьбы немецких пленных Второй мировой войны». Ее задача состояла в том, чтобы «запечатлеть судьбу 11—12 миллионов военнопленных в не менее чем

20 государствах пребывания со времени войны до 1956 года, когда последние репатрианты возвратились на родину, в полном объеме и во всей сложности, как часть современной немецкой истории».

В распоряжении комиссии среди прочего находились 400 000 свидетельств возвратившихся на родину военнопленных, которые были получены от них сразу по прибытии в Федеративную Республику Германию. Комиссия дополнила их почти 50 000 сообщений, с этой целью она устраивала опросы и проводила интервью.

Комиссию возглавлял выдающийся ученый, профессор социальной и экономической истории доктор Эрих Машке, который сам только в 1953 году после восьмилетнего плена возвратился из Советского Союза.

Результаты своих исследований комиссия изложила в 22 томах. Общий объем их составляет более 10 000 машинописных страниц. В начале работы оставался открытым вопрос о том, следует ли когда-либо эти сообщения представить немецкой общественности. Поскольку, как говорится в тексте самой комиссии, «объективно написанная история может считаться только тогда, когда действительность военного плена, включая его самые темные стороны, будет показана как можно более ясно. Именно поэтому может возникнуть подозрение, что здесь сводятся счеты и неправота (победителей) приравнивается к (национал-социалистской) неправоте».

Министерство иностранных дел в Бонне оставило за собой право принятия решения о публикации каждого отдельного тома.

Еще в 1969 году бывший в то время министром иностранных дел Вилли Брандт ответил в бундестаге на запрос о том, что после опубликования первых двух томов докладов комиссии соответствующие инстанции пришли к решению не публиковать остальные тома. Почему нет? Потому, как сказал Брандт, что должно быть исключено непонимание того, что при такой массивной публикации материалов преследуется политический умысел и провоцируется дискуссия в стране или даже за рубежом. Это не послужило бы на пользу внешней политике федерального правительства, направленной на примирение.

Теперь, когда война отдалилась от нас на три с половиной десятилетия, постоянно поднимаются вопросы о ранах, полученных нами, немцами. Поэтому внесение в исторический итог тяжелой по своим последствиям Второй мировой войны ран, нанесенных большей части немецкого военного поколения, и жертвенного пути 11 миллионов немецких военнопленных — это не что иное, как акт исторической логики.

Теперь результаты исследований научной комиссии предоставлены в распоряжение общественности. То, что мы могли их рассматривать и цитировать без сокращений, заслуживает благодарности авторов этой книги, а также ее читателей.

Библиография

- Alfen H. von. Der Kampf um Schlesien. Ein authentischer Dokumentarbericht. München, 1963.
- Alfen H. von. und Niehof H. So kämpfte Breslau. Verteidigung und Untergang von Schlesiens Hauptstadt; München, 1960.
- Barkenthin H. H. Camp der falschen Hofnung. Düsseldorf, 1959.
- Berve Abt Maurus. Abt Adalbert von Neipperg. Neuburg, 1978.
- Bethell. Das letzte Geheimnis. Berlin, 1975.
- Blumenson M. World War II, Liberation, in: TIME-LIFE Books, Alexandria/Virginia, 1977.
- Böddeker G., Winter R. Die Kapsel — Das Geheimnis um Görings Tod. Düsseldorf/Wien, 1979.
- Brenneke J. Das große Abenteuer. Deutsche Hilfskreuzer 1939—1945. Biberach, 1958.
- Brickhill P. The Great Escape. N.Y., 1950.
- Buisson. Historique du Service des Prisoners de Guerre de l... Axe (1943—1948). Paris, 1948.
- Carell P. Unternehmen Barbarossa — der Marsch nach Russland. Frankfurt/M., 1963.
- Carell P. Verbrannte Erde. Schlacht zwischen Wolga und Weichsel. Frankfurt/M., 1966.
- Cooper M. The German Army 1933—1945. N.Y., 1978.
- Costello. Hughes. Atlantik-Schlacht — der Krieg zur See. Bergisch-Gladbach, 1978.
- Dallin A. German Rule in Russia 1941—1945. A Study of Occupation Polices. N.Y., 1958.
- Detmers, Brenneke. Hilfskreuzer «Kormoran» — Wolf im Schafspelz. Herford, 1975. Deutsches Protokoll der Verhandlungen vor dem Amerikanischen Militärgerichtshof Nr. V in Nürnberg.
- Djilas M. Die neue Klasse. München, 1958.
- Drummond J. H.M. U-Boot. London, 1958.
- Ehrensward C.A. I rikets Tjänst. Händelser och människor fran min bana. Stockholm, 1965.

- Enquist P.O. Legionärerna. En Roman om baltutlämningen. Stockholm, 1968.
- Freivalds O. De internerade balternas tragedi I Sverige ar 1945—1946. Stockholm, 1967.
- Gansberg J. Stalag: USA. N.Y., 1977.
- Gauer K. Die Dystrophie als psychosomatisches Krankheitsbild. Entstehung, Erscheinungsformen, Behandlung, Begutachtung. Medizinische, soziologische und juristische Spätfolgen. München, 1952.
- Gerland B. Die Hölle ist gany anders. Stuttgart.
- Gersdorff U. Frauen im Kriegsdienst. Stuttgart, 1969.
- Geschichte der 121. Ostpreußischen Infanteriedivision 1940—1945. Selbstverlag, 1970.
- Geschichte des Großen Vaterländischen Krieges. Bd. 4. Moskau, 1964.
- Giulini U. Stalingrad und mein zweites Leben. Neustadt, 1978.
- Görlitz W. Der Zweite Weltkrieg, 1939—1945. 2 Bde. Stuttgart, 1951.
- Gollwitzer W. Und führen, wohin du nicht willst. München, 1951.
- Hammerstein K.W. Landsberg, Henker der Rechts. Wuppertal, 1952.
- Hardy A.C. Everzman's History of the Sea War, Vol. III. London.
- Henke G. Das Jugoslawische Abenteuer.
- Heydecker J., Leeb J. Der Nürnberger Proye. Köln, 1960.
- Hillgruber A., Hümmelchen G. Chronik des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt/M., 1966.
- Hinz J. Das Kriegsgefangenenrecht. Unter besonderen Berücksichtigung seiner Entwicklung durch das Genfer Abkommen vom 12. August 1949. Berlin u. Frankfurt, 1956.
- Hoyt E. U-Boats Offshore When Hitler Struck Amerika. N.Y., 1978.
- Interningsläger 1945. Under Redaktion av Överste Gunnar Smedmark... Uddevalla, 1963.
- Jacobsen H.-A. Komissarbefehl und Massenexekution sowjetischer Kriegsgefangener. In: Anatomie des SS-Staates, Bd. 2. Freiburg/Brsg., 1965.
- Jolly C. The Vengeance of Private Pooley. London, 1957.
- Just P. Vom Seeflieger zum U-Boot-Fahrer. Stuttgart, 1979.
- Kiesow H. Das Schicksal der Deutschen Militärinternierten in Schweden 1945/1946. Göteborg 1963.
- Kiesow I. Början och uphörande av militärinternering samt svensk praxis mot vissa tyska styrkor. Lund 1963.
- Knieriem A. Nürnberg Rechtliche und menschliche Probleme. Stuttgart 1953.
- Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht 1940—1945. Im Auftrage des Arbeitskreises für Wehrforschung Hrsg. P. E. Schramm Bd. 4. T. 1, 2. (1944—1945); F/m. 1961.
- Kurowski/Tornau. Sturmartillerie Fels in der Brandung. Herford, 1945.
- Lasch O. So fiel Königsberg. Kampf und Untergang von Ostpreußens Hauptstadt. München, 1961.
- Laun R. Die Haager Landkriegsordnung. Wolfenbüttel, Hannover, 1946.
- Lipper E. Elf Jahre in sowjetischen Gefängnissen und Lagern. Zürich, 1950.
- Maser W. Trial of a Nation. London, 1977.
- Mildenberger H. Heimweh hinter Stacheldraht. Buenos Aires, 1951.

- Moore J. The Faustball-Tunnel — German POW's in America and their Great Escape. N.Y., 1978.
- Nowak J. Der Mensch auf den Acker gesät. Hannover, 1956.
- Oberneder M. Wir waren in Kreuznach.
- Ollson A. Aszlrött och humanism. Stockholm, 1947.
- Pabel R. Feinde sind auch Menschen. Oldenburg, 1957.
- Pflücker L. Als Gefängnisarzt in Nürnberg. Kobach-Bad Wildungen, 1952.
- Quensel N. Miennesbilder. Stockholm, 1973.
- Reid P.R. The Cholditz Story. 1952.
- Robertson T. The Golden Horseshoe. London, 1955.
- Roediger K. Völkerrechtliche Gutachten über die strafgerichtliche Aburteilung deutscher Kriegsgefangener in der Sowjetunion. Heidelberg, 1950.
- Roth R. Wehe dem Besiegten. In: Revue, Nr. 19—25, 1953.
- Sardemann K. Wie sie entkamen. Düsseldorf, 1957.
- Schenk E.-G. Das menschliche Elend im 20. Jahrhundert. Eine Pathographie der Kriegs-, Hunger- und Politischen Katastrophen Europas. Herford, 1965.
- Scholmer J. Aryt in Workuta. München, 1963.
- Schwarz N. Die Geheimnisse von Nürnberg. Hamburg, 1976.
- Seemen G. Die Ritterkreuzträger 1939—1945. Bad-Naueheim, 1955.
- Siemer H. Begegnung mit zwei Welten. Koblenz, 1977.
- Stalmenn R. Die Ausbrecherkönige von Kanada. Hamburg, 1958.
- Sullivan M.B. Thresholds of Peace — Four Hundred Thousand German Prisoners and the People of Britain 1944/1948. London, 1979.
- Telpuchowski B. Die Sowjetische Geschichte des Großen Vaterländischen Krieges 1941—1945. Frankfurt/Mein, 1961.
- Tins B. In den Pferchen. Als Deutcher in Deutschland Kriegsgefangenen. München, 1966.
- Thorwald J. Die Groe Illusion. Rotarmisten in Hitlers Heeren. München, 1974.
- Verral C. True Stories of Great Escapers, in: Reader's Digest. N.Y., 1977.
- Wahl K. Das Verbrannte Tagebuch. Ungedrucktes Manuskript.
- Wienert W. Der Unterricht in Kriegsgefangenenlagern. Göttingen, 1956.
- Wittingham R. Martial Justice — The Last Execution in the United States. Chikago, 1971.
- Woderich A. Wie leben die Deutschen Kriegsgefangenen in Sowjetrußland. Hamburg, 1948.
- Theater im Ural. Hamburg, 1948.
- Обзор трудов научной комиссии по истории немецких военнопленных, Мюнхен.
- I/1 Böhme K.W. Die deutschen Kriegsgefangenen in Jugoslawien, 1941—1949. München, 1962.
- I/2 Böhme K.W. Die deutschen Kriegsgefangenen in Jugoslawien, 1949—1954. München, 1964.
- II Cartellieri D. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion — die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenen Lagern. München, 1967.
- III Fleischhacker H. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion — der Faktor Hunger. München, 1965.

- IV Ratza W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion — der Faktor Arbeit. München, 1973.
- V/1— 3 Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion — der Faktor Arbeit. München, 1965.
- VI Schwarz W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion — aus dem Kulturellen Leben. München, 1969.
- VII Böhme K.W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der sowjetischen Hand — Eine Bilanz. München, 1966.
- VIII Robel G. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion — Antifa. München, 1966.
- IX Böss O. Die deutschen Kriegsgefangenen in Polen und Tschechoslowakei. München, 1974.
- X/1 Jung H. Die deutschen Kriegsgefangenen in amerikanischer Hand — USA. München, 1972.
- X/2 Böhme K.W. Die deutschen Kriegsgefangenen in amerikanischer Hand — Europa. München, 1973.
- XI/1 Wolff H. Die deutschen Kriegsgefangenen in britischer Hand — Ein Überblick. München, 1974.
- XI/2 Faulk H. Die deutschen Kriegsgefangenen in Großbritannien — Reeducation. München, 1970.
- XII Jung H. Die deutschen Kriegsgefangenen in Gewahrsam Belgiens, der Niederlande und Luxemburg. München, 1966.
- XIII Böhme K.W. Die deutschen Kriegsgefangenen in französischer Hand. München, 1971.
- XIV Böhme K.W. Geist und Kultur der deutschen Kriegsgefangenen im Westen. München 1968.
- XV Maschke E. in Verbindung mit Böhme K.W., Cartellieri D., Ratza W., Robel G., Schieche E. und Wolff H. Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges — Eine Zusammenfassung. München, 1967.
- Beiheft 1. Reck M. Tagebuch aus sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1945—1949. Bearb. von Böhme K.W. München, 1967.
- Beiheft 2. Aufzeichnungen über Kriegsgefangenschaft im Westen. Bearb. von Böhme K.W. und Wolff H. München, 1973.

Содержание

СТАЛИНГРАД. КРАХ ОПЕРАЦИИ «БЛАУ»

Предисловие	7
Сталинградская прелюдия	9
План «Блау»: Кавказ и нефть	9
Севастополь — операция «Лов осетров».	35
План наступления в руках русских	49
Новая тактика русских	61
Высокогорный фронт.	75
Между Новороссийском и перевалом Клухор	92
Дальняя разведка к Астрахани	99
Терек	108
Сталинград	113
Между Доном и Волгой	113
Бои на подступах	123
Прорыв в город	133
Последний рубеж на крутом берегу Волги	141
Злой рок на Дону	149
Шестая армия в котле	164
Гот начинает деблокирующее наступление	186
Гибель	204
Приложение	215

НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВЕРМАХТ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Пленные волки	233
Выловленные из Атлантики	233
Дело Рамлова	237

Одна невеста сказала другим	247
Наручники в Боумэнвиле	258
Встреча на мысе Мезонет	268
Находчивый беглец	281
Несгибаемые из Папаго-парка	286
Тюрьма и побои	300
Убийство по приговору тайного суда и его последствия	303
Протокол повешения	319
За колючей проволокой на пяти континентах	323
Замок в Австралии	323
Палатки у Нила	339
Бараки в Англии	342
Английские невесты	350
Перевоспитание в американских лагерях	357
Перевоспитание в Англии	363
Между Рейном и Атлантикой	371
Лагерь Рейн-Визен	371
Долина смерти и лагерь № 404	384
Детские лагеря	387
Команды смертников: разминирование	395
Скрытые рабы	400
Нарушение права	411
Грехопадение Швеции	411
Марш мести в Югославии	421
Трагедия Вершеца	438
Союзники в немецких руках	471
Бедные казаки	483
Военнопленный	491
Табак и хлеб для предателей	491
Марш через Москву	504
Великий голод	511
Двадцать миллиардов рабочих часов	530
Пропавшие без вести девушки — служащие вермахта	540
«Тихая ночь» и за колючей проволокой	550
Побег: трагедия и приключение	556
Через пустоту	556
Туда и обратно	561
Из Казани в Хофгайсмар	564

Пятиминутные процессы: из военнопленных делают преступников	572
Возвращение домой с Аденауэром	582
Послесловие	583
Библиография	585

Пауль Карель, Гюнтер Беддекер

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Книга III

Сталинград. Крах операции «Блау» Военнопленные. Вермахт за колючей проволокой

Ответственный редактор *А. Ефремов*
Научный редактор *С. Дробязко*
Дизайн переплета *М. Горбатов*
Художественный редактор *Б. Волков*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *С. Пяташ*
Корректор *М. Смирнова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd.
for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформ-
лении, обращаться в ООО «Форум»:** тел. 411-73-58 доб. 2598. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 501-91-19.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Подписано в печать 21.01.2008.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 37,0 + вкл.
Тираж 4000 экз. Заказ № 4802061

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.
OSR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

Они победным маршем прошли по Европе и вторглись на территорию СССР 22 июня 1941 г. Потерпев поражение под Москвой, Вермахт предпринял бросок к Волге, но был остановлен и потом разгромлен под Сталинградом. Десятки тысяч немецких солдат, офицеров и генералов попали в плен.

Наша книга объединяет под одной обложкой два произведения знаменитого немецкого автора и исследователя Пауля Кареля: «Сталинград. Крах операции «Блау» и «Военнопленные. Вермахт за колючей проволокой», написанны в содружестве с Гюнтером Беддекером.

В основе этих произведений лежат воспоминания немецких участников событий. Перед читателем предстанут все перипетии смертельной и кровопролитной борьбы, когда бои шли за каждый клочок земли на берегу Волги, за каждый дом в городе, а также судьба миллионов немецких военнопленных, оказавшихся в плену в бесчисленных лагерях, разбросанных по всему миру — от Австралии до глухих таежных окраин бескрайней Сибири.

ISBN 978-5-699-25472-9

9 785699 254729 >

15-00